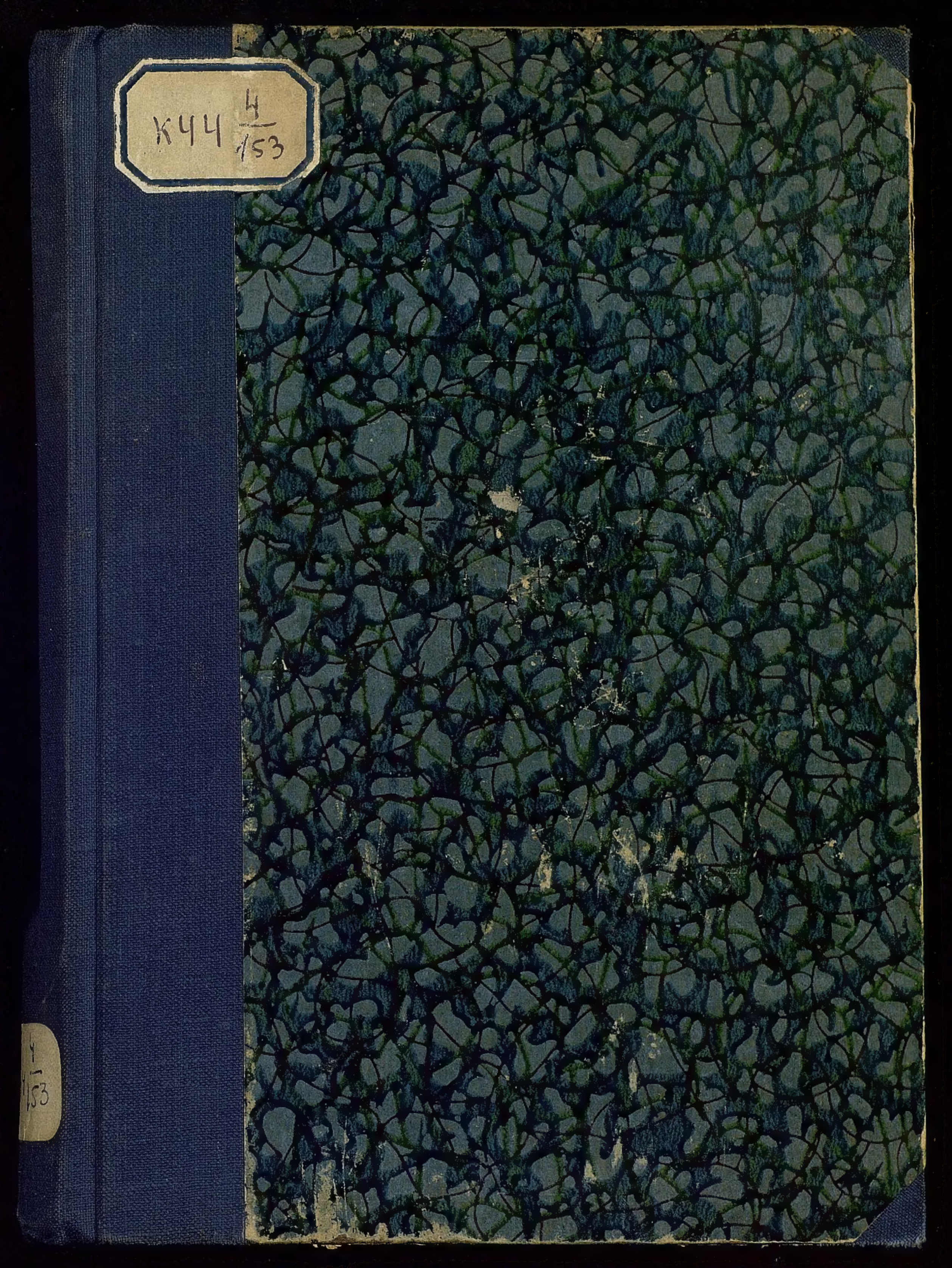
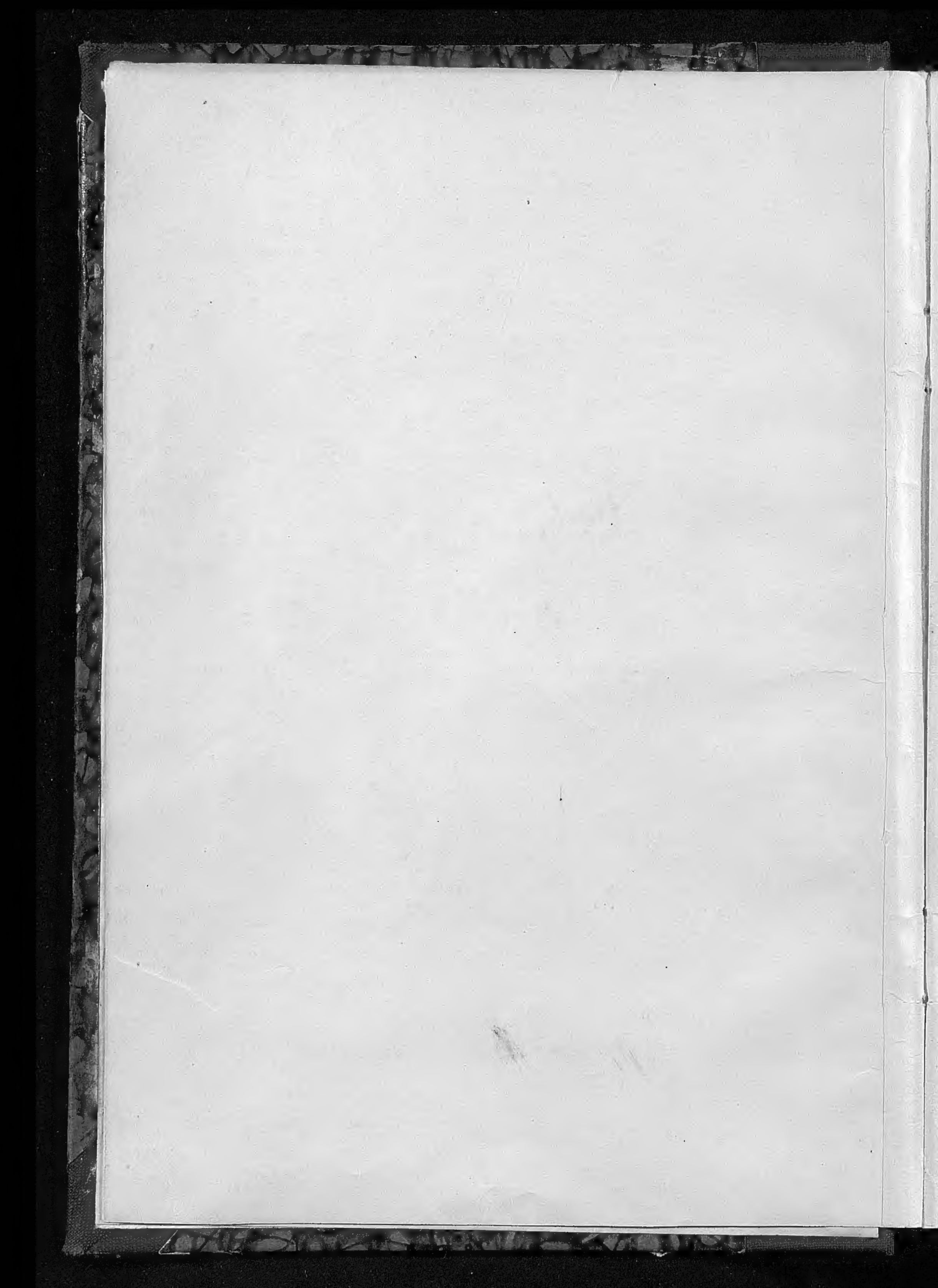

К44 4/153
4/153

А. М. ѲЕДОРОВЪ

СЪ ВОЙНЫ

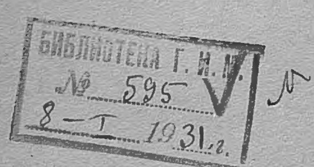
„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО"

А. ѲЕДОРОВЪ.

СЪ ВОЙНЫ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО".
1915.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

Предисловіе.

Съ большимъ сомнѣніемъ и колебаніями приступаю я къ изданію этой книги.

Прошло уже полгода какъ я, разбившись въ автомобилѣ во время моихъ корреспондентскихъ скитаній, принужденъ былъ покинуть поля сраженій и почти на три мѣсяца слегъ въ постель. Многое за это время измѣнилось не только въ ходѣ событій, но и въ настроеніяхъ страны. Оставлена нами Галиція, отданы Варшава, Ковно, Брестъ, Вильно... Тяжелыя для родины событія не могли не придавить многихъ надеждъ и бодрыхъ ожиданій, но все же они не задушили вѣры въ конечное торжество наше надъ врагомъ.

И вотъ, читая и перечитывая все написанное мною отъ начала войны, я терялся, не зная, что оставить для книги, что вычеркнуть.

Конечно, не представляло бы большого труда опредѣлить, что изъ написаннаго относительно цѣннѣе, но вѣдь все, что я писалъ,—правда, правда или фактическая, или моя правда, т.-е., мои отраженія того, что являлось не самыми событіями, а настроеніями, воспринимаемыми каждымъ по-своему.

Трудно требовать художественныхъ достоинствъ отъ статей, написанныхъ подъ грохотъ орудій, подъ стоны истекающихъ кровью, подъ вопли обездоленныхъ и осиротѣлыхъ. Приходилось писать чаще всего, какъ въ лихорадкѣ; то въ радостномъ подъемѣ по поводу нашихъ побѣдъ, то въ му-

чительной тоскѣ, съ болью и слезами при видѣ нашихъ тягостныхъ пораженій и утратъ; то въ номерѣ гостиницы, то въ грязной халупѣ, то въ вагонѣ поѣзда, а то такъ и просто на дорогѣ, во время вольной и невольной остановки. Гдѣ ужъ тутъ было слѣдить за художественными достоинствами! Хотѣлось поскорѣе оповѣстить читателей о стремительно смѣняющихся событіяхъ, гдѣ все было такъ необычно, такъ страшно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественно, такъ звѣрски низменно и мрачно и, порой, воистину возвышенно и трогательно.

Самоотверженность и убійство, двѣ враждебныхъ силы войны, на каждомъ шагу и каждый мигъ сплетались, сливались въ какомъ-то противуестественномъ союзѣ, въ одно и то же время разрушавшемъ и утверждавшемъ спасительныя Заповѣди, завѣщанныя намъ Христомъ.

Но, хотя бы на мгновеніе попавъ въ этотъ дикій вихрь огня, крови, разрушенія и подвиговъ, трудно было удержаться въ обычныхъ предѣлахъ христіанскихъ понятій и представленій о божественномъ назначеніи человѣка, о вѣчной правдѣ и добрѣ. Лицо жизни рѣзко исказилось и въ немъ отражались самыя противорѣчивыя выраженія.

Но все происходившее и переживаемое представляло настолько громадный психологическій, бытовой, а главное—историческій интересъ, что каждый мигъ наблюденій и впечатлѣній въ этой всемірной войнѣ долженъ быть важенъ и для нынѣшняго общества и для потомковъ, которые будутъ искать въ малѣйшемъ свидѣтельствѣ очевидца отраженій кровавой эпохи, несомнѣнно—самой кровавой отъ вѣка вѣковъ и донынѣ и несомнѣнно неповторимой во вѣки вѣковъ и впредь.

А. Ѳедоровъ.

ПЕРВАЯ ЗЫБЬ.

Два паровоза тащутъ нашъ поѣздъ съ юга на сѣверъ.

Когда на поворотѣ взглянешь изъ вагона въ окно, — поѣздъ извивается, какъ чудовищная сколапендра.

Вагоны биткомъ набиты народомъ и вещами. И такъ отъ самой Одессы. Впечатлѣніе такое, что люди не ѣдутъ, а бѣгутъ. Но это не одесситы, а пріѣзжіе—больные съ лимановъ, курортные гости, обогрѣвавшіеся на горячемъ солнцѣ у моря. Наконецъ, путешественники, возвращающіеся изъ-за границы, послѣ жестокихъ мытарствъ, черезъ Одессу.

Только что пришелъ изъ Италіи пароходъ «Сильвія» съ тысячной толпой пассажировъ. Среди нихъ и товарищъ министра земледѣлія Р., о злоключеніяхъ котораго уже успѣли разсказать читателямъ одесскіе интервьюеры. Изъ одесситовъ въ поѣздѣ лишь нѣсколько человѣкъ, выѣхавшіе по неотложнымъ дѣламъ.

Пока что, Одесса въ отношеніи вражескаго нашествія спокойна, но, конечно, это не есть спокойствіе легкомыслія, свойственное, вообще говоря, южанамъ. Это, можетъ быть, непосредственное отраженіе того глубокаго внутренняго сознанія своей силы и духовной подготовленности къ страшной борьбѣ, которое такъ торжественно-величаво сказалось во всей Россіи.

Съ изумительной стройностью и трезвой ясностью и здѣсь прошла мобилизація.

Ужъ въ одномъ этомъ чувствуется великое постиженіе важности настоящей минуты, можетъ быть, пророческое предвидѣніе торжества, которое должно быть благодѣтельно не только для насъ, но и почти для всего міра. Начало новой исторіи съ болѣе свѣтлыми

и незапятнанными кровью и насиліемъ страницами обѣщаетъ недалекое будущее послѣ страшныхъ кровавыхъ дней, которые искупительной жертвой возникаютъ передъ глазами всего человѣчества.

Да, въ такія эпохи человѣчество созрѣваетъ духовно. Не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ массахъ происходятъ молніеносные психологическіе переломы. Идетъ борьба съ ужасающимъ зломъ, угнетавшимъ вѣка, принижавшимъ на землѣ добро и справедливость. И сознательная и безотчетная потребность новой жизни пробуждается во всѣхъ живыхъ сердцахъ съ какой-то стихійной силой, и ея отраженіе сказывается особенно характерно на каждомъ шагу, въ мелочахъ.

Будь въ другое время такой наплывъ пассажировъ въ вагонахъ поѣздовъ, сколько было бы скандаловъ и безобразія. А сейчасъ и тутъ поражаетъ спокойствіе, терпимость, уступчивость, которыя взялись Богъ вѣсть откуда. Наша публика точно сразу перевоспиталась. Вотъ послѣ звонка всѣ бѣгутъ въ вагоны. Каждому, конечно, хочется занять мѣсто получше. Но раздается чей-то голосъ:

— Господа, прежде всего мѣста женщинамъ и дѣтямъ.

И всѣ уступаютъ мѣста женщинамъ и дѣтямъ съ той заботливостью и кротостью, которая трогаетъ даже со стороны. На одной изъ станцій какой-то господинъ съ негодованіемъ сталъ стучать въ купэ, гдѣ заперся кто-то съ семьей, всего 4 человѣка, въ то время, какъ въ другихъ вагонахъ задыхаются чуть ли не по десяти, а коридоры также полны вещами и людьми.

Изъ купэ отворяется дверь, и высокій сѣдой измученный человѣкъ говоритъ:

— Господа, я вотъ уже пятыя сутки съ австрійской границы. Мы не спали ни одного часа. У меня дѣти и больная жена.

И стучавшій сконфуженно бормочетъ:

— Ради Бога, простите. Я не зналъ. Оставайтесь, запирайтесь у себя. Никто больше не потревожитъ васъ.

И, дѣйствительно, никто не тревожитъ. Этотъ измученный человѣкъ, еле успѣвшій убраться съ семьей изъ города, гдѣ творятся нѣмцами такія подлыя насилія и издѣвательства надъ беззащитными жителями, бросившій на произволъ враговъ все свое имущество — членъ суда, почти старикъ. Я слышу, какъ онъ съ сердечнымъ надрывомъ, съ волнующей дрожью въ голосѣ, говоритъ:

— Вѣрьте мнѣ, господа, какъ ни страшно все, что происходитъ, и еще болѣе — будетъ происходить передъ нами, — это Божья гроза. Я былъ всю жизнь, по своимъ взглядамъ, правымъ, я на многое смотрѣлъ со злобой и недовѣріемъ. Но гдѣ же у насъ эти внутренніе враги, о которыхъ вопилъ я вмѣстѣ съ другими? Всѣ какъ одинъ! Одна душа народная, любящая свою родину, готовая жертвовать за нее своей кровью. Гдѣ же эта крамольная печать? Нѣтъ и не было внутреннихъ враговъ у родины. Были крики противъ насилія, можетъ быть, противъ злоупотребленій и ошибокъ власти, но не во имя корысти, не со стороны измѣны, а во имя все той же любви къ родинѣ. Это ясно теперь всѣмъ намъ и, должно быть, стало ясно уже и имъ, — тычетъ онъ пальцемъ куда-то вверхъ. — Нѣтъ больше ни жидовъ, ни поляковъ, ни прочихъ инородцевъ, есть дѣти одной Россіи. И я счастливъ, что у меня на старости лѣтъ открылись на это глаза.

Голосъ его обрывается, слезы текутъ по морщинистому лицу. Десятки рукъ протягиваются къ нему, и всѣ думаютъ и чувствуютъ въ это время то же, что и онъ.

Поѣздъ нашъ медленно ползетъ въ гору. Въ вагонѣ, набитомъ людьми, трудно дышать отъ пыли и испареній человѣческихъ тѣлъ. Многіе не спали уже по нѣсколько ночей. Но нервы у всѣхъ такъ напряглись, что временами забывается и усталость, и безсонница, и утруждающая тягота дороги.

Сотни глазъ, сосредоточенныхъ и глубокихъ, провожаютъ насъ, ѣдущихъ туда, гдѣ мы будемъ въ безопасности съ своими близкими и дѣтьми. Это они, эти сѣрые люди, огромной силой движутся на врага, чтобы отвоевать намъ безопасность и въ будущемъ, и не только отвоевать безопасность, но и раздвинуть предѣлы нашей жизни, своей кровью очистить ея темныя пятна и ѣдкую ржавчину и плѣсень.

Они явились на призывъ по первому зову, и среди нихъ нѣтъ никого почти, кто бы уклонялся отъ своего долга подъ предлогомъ болѣзни или какими-нибудь иными увертками. Ихъ не надо было тушить силой или угрозами. Они какъ-будто слетѣлись по наитію, какъ-то сразу, подобно птицамъ передъ перелетомъ. Старые воинскіе начальники были поражены этой почти чудесной точностью и быстротой, равно какъ и несравнимой съ опытомъ прежнихъ войнъ ничтожностью уклоненія. Они даже какъ-будто не съ

такой остротой скорби и отчаянія покидают свои семьи и пашни, какъ наблюдалось всегда при подобныхъ обстоятельствахъ, точно въ душѣ ихъ засвѣтилась безотчетная увѣренность, что на этотъ разъ ихъ семьи не останутся безъ куска хлѣба, безъ заботъ со стороны общества, которое какъ бы пробудилось и ожило въ духовномъ единеніи съ ними.

Если вы на одной изъ станцій, гдѣ останавливается вашъ поѣздъ, попытаетесь спросить у одного изъ этихъ сѣрыхъ солдатъ, куда ихъ везутъ, вы не получите никакого отвѣта: имъ запрещено вступать въ разговоры съ посторонними. Но если бы даже и не было запрещено, все равно не получили бы отвѣта. Везутъ, а куда? Не знаютъ не только они, но и офицеры. Властная сила передвигаетъ изъ края въ край сотни тысячъ людей, а они покорно и довѣрчиво повинуются ей. Въ молчаніи и тайнѣ, точно и строго происходитъ все это огромное передвиженіе. Тучи, именно тучи народа сваливаются куда-то къ горизонту, чтобы тамъ, встрѣтившись съ другими тучами, разразиться сжигающими молніями и громами, дробящими воздвигнутые человѣческими руками камни.

Одинъ мужичокъ со страхомъ и замираніемъ въ голосѣ сказалъ про эту міровую небывалую распрю:

— Спасъ милостивый, что это будетъ! Бывали войны: одинъ народъ съ другимъ дерется, а прочіе наблюдаютъ и судятъ. А теперь всѣ дерутся, и только, видно, Господу Богу придется наблюдать и судить.

Да, несомнѣнно, инстинктъ народный на этотъ разъ поддерживаетъ народную силу, если не яснымъ сознаніемъ, то предчувствіемъ того, что теперь есть за что итти, есть за что покидать своихъ близкихъ и родныя гнѣзда.

Опустѣлыя поля бѣгутъ навстрѣчу поѣзду съ неубранными хлѣбами. Дѣти, женщины, да старики—единственные рабочіе. Ахъ, какъ тяжело смотрѣть на эти сиротливо прижавшіеся другъ къ другу снопы, на эти неубранныя съ полей копны. Точно сироты, о которыхъ некому позаботиться.

На какой-то станціи, гдѣ остановился нашъ поѣздъ, солдаты передъ сномъ поютъ «Отче нашъ». И здѣсь, среди печальныхъ безконечныхъ полей, особенно внушительно и торжественно звучатъ слова молитвы:

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Съ этой молитвой солдатскій поѣздъ движется впередъ, и слова молитвы заглушаетъ тяжелый, желѣзный шумъ колесъ и стукъ сталкивающихся буферовъ.

Я смотрю, какъ поѣздъ исчезаетъ въ сумеркахъ. Слышу всхлипываніе сбоку: оглядываюсь: баба-крестьянка держитъ одного ребенка на рукахъ, другой уцѣпился за ея юбку.

— Видно, своего проводила?—спрашиваю я.

— Не, мой-то допрежь ушелъ. Обо всѣхъ плачу.

На минуту становится какъ-то не по себѣ, но только на минуту. Тутъ же чувствуешь и за себя, и за всѣхъ, что если не мы сами, то наши мысли, наши души — идутъ заодно съ ними.

Тамъ, гдѣ они будутъ сражаться и проливать за насъ кровь свою, мы незримо будемъ сопутствовать имъ и поддерживать ихъ нашей единосущной любовью къ родинѣ.

Помню, А. П. Чеховъ говорилъ всего за годъ до своей смерти:

— Если есть безпроволочный телеграфъ, какъ же не быть передачи на разстояніи нашихъ чувствъ! Вѣдь каждый изъ насъ— источникъ энергіи, которая не можетъ не передаваться другому.

Правда этихъ словъ особенно чувствуется въ наши трагическіе, торжественные и такъ много обѣщающіе дни. Народъ, въ которомъ можетъ проявиться такое могучее единодушіе въ то самое время, какъ врагъ считалъ, что этотъ народъ раздираемъ внутренней смутой, этотъ народъ долженъ побѣдить! У Россіи не было недостатка въ герояхъ, но такой подъемъ политическаго самосознанія и истинно-патріотическаго чувства способенъ породить не только героевъ, но и талантливыхъ полководцевъ. Что такое политическое творчество, какъ не проявленіе въ должной формѣ тѣхъ гражданскихъ силъ и стремленій, которыя бродятъ въ народныхъ массахъ. Когда народъ не только ясно сознаетъ, но и страстно жаждетъ того, что ему необходимо, его вожди должны знать, что имъ надо дѣлать, чтобы осуществить его мечты и надежды. Гдѣ массовый подъемъ—тамъ творческое прозрѣніе. Вдохновеніе открываетъ тѣ перспективы, за которыми скрывается побѣда и торжество. Эта не столько мистическая, сколько психологическая связь народа съ его вождями, особенно должна сказаться на войнѣ, гдѣ эта связь является органически-тѣсной и крѣпкой. Лишь бы правительство оказалось на должной высотѣ, оказалось достойнымъ своего народа.

Я сказалъ о себѣ, о насъ, мимо которыхъ идутъ эти воинскіе

поѣзда, что за ними на кровавыя поля идутъ наши мысли и чувства. Больше. Рѣдко, у кого изъ насъ не идутъ на войну родные и близкіе. Дѣти и то рвутся туда.

У одного изъ моихъ пріятелей — сынъ, мальчикъ, которому есть еще и 17 лѣтъ, хочетъ итти на войну во что бы то ни стало. Напрасно отецъ пытается его удержать, — онъ со слезами требуетъ отпустить его добровольцемъ.

— Но, вѣдь, тебя могутъ тамъ убить, а ты гораздо больше принесешь родинѣ пользы, если останешься жить; вѣдь ты не умѣешь даже держать въ рукахъ оружіе.

— Пусть. Пусть меня убьютъ. Можетъ быть, для побѣды не хватитъ именно нѣсколькихъ капель моей крови. Пусть она прольется.

Это ужъ мистика. А вотъ и не мистика. Въ одномъ вагонѣ со мною ѣдетъ дама съ дочерью, только что окончившей курсъ въ институтѣ.

— Хочетъ пойти въ сестры милосердія, — говоритъ о ней мать. — Но вѣдь это значитъ оставить меня совсѣмъ одну. У меня и такъ четверо ушли на войну.

— Четверо?

— Да. Мужъ-полковникъ и три сына, изъ которыхъ два—офицеры, а одинъ въ авіаціонной ротѣ. Всѣ пошли съ такой бодростью и готовностью сражаться до послѣдней капли крови, что у меня не хватило духа удерживать ихъ или уговаривать беречь себя. Повѣрите ли, даже настолько нашлось силъ, чтобы не плакать, благословляя ихъ и прощаясь съ ними.

Я вдругъ почувствовалъ, какъ у меня что-то всколыхнулось въ груди. Взглянулъ на нее и увидѣлъ, что изъ глазъ ея искрами брызнули слезы.

— Это нервы не выдержали! — съ виноватой улыбкой пробормотала она. — Я не спала двѣ ночи.

За Кіевомъ садится въ вагонъ дама изъ пограничнаго мѣстечка Берестечко. Уже вблизи ея имѣнія появились австрійцы.

— А вдругъ разорятъ? А вдругъ сожгутъ?—волнуется она.

— Ну, да пусть, лишь бы въ концѣ концовъ мы побѣдили.

Встрѣчные поѣзда, съ красными вагонами, украшенными зелеными вѣтвями, все идутъ и идутъ, громыхая во мракѣ, мигая огненными глазами фонарей. Отъ самой Одессы ѣдетъ со мною мо-

лодой человѣкъ-французъ, который прижалъ къ оконному стеклу лобъ и съ тоской слѣдитъ за мелькающими огнями. Наконецъ, онъ оборачивается ко мнѣ и говоритъ со слезами на глазахъ:

— А меня не взяли. Я ѣхалъ изъ Москвы съ такой радостью вмѣстѣ съ тремя стами товарищей французовъ, чтобы сѣсть на пароходъ въ Одессѣ и ѣхать сражаться съ нѣмцами, а меня не взяли. Со мной вмѣстѣ хотѣлъ ѣхать на войну и мой отецъ. Его не взяли, потому что ему за 60 лѣтъ. Но меня! Не взять меня! Какъ я вернусь къ нему!.. Какой это будетъ ударъ для него. Вѣдь я сказалъ ему, что въ моихъ жилахъ течетъ его кровь, и онъ можетъ быть спокоенъ, что я не остановлюсь, чтобы пролить эту кровь за нашу милую Францію. Какъ же я вернусь къ нему?

Чтобы скрыть свои слезы, онъ отворачивается къ стеклу, въ которое ночь и тучи бросаютъ капли дождя, и, помолчавъ, срывающимся шопотомъ доканчиваетъ.

— Это двойной ударъ не только для меня, но и для него. Меня не взяли, потому что докторъ нашелъ у меня туберкулезъ.

И вдругъ, обернувшись, онъ съ негодованіемъ и страстью говоритъ, въ то время, какъ слезы еще блестятъ у него на глазахъ:

— Ну, пусть туберкулезъ. Я обѣщалъ ему, что не останусь обузой для войска, что я постараюсь съ честью умереть въ первомъ же сраженіе.

Нѣтъ!

И за этими сверкающими глазами, и за этимъ срывающимся отъ волненія голосомъ, мнѣ открылись глаза и зазвучалъ голосъ цѣлаго народа, который идетъ на войну, съ тѣмъ же беззавѣтнымъ воодушевленіемъ, какъ и мы. Да оно и понятно.

ТУДА.

Я уѣзжалъ изъ Петрограда въ отвратительное дождливое утро, когда не только воздухъ, камни зданій и мостовыхъ, но и самые люди кажутся отсырѣвшими. Верхъ экипажа поднятъ, ничего не видишь, кромѣ неподвижной широкой спины извозчика, въ мокромъ синемъ армякѣ. Да и не хочется ничего видѣть,

***

Перронъ Варшавскаго вокзала весь заполненъ народомъ. Въ вагонахъ, въ четырехмѣстныхъ купэ по восьми, по десяти человѣкъ. Коридоры завалены багажомъ.

Для военныхъ — особые вагоны и особый вагонъ для Краснаго Креста. Въ этомъ же поѣздѣ отправляются съ отрядомъ Краснаго Креста высокопоставленныя особы. Въ составъ этого отряда вошелъ и отрядъ французскаго общества Краснаго Креста.

Громкое «ура» провожаетъ поѣздъ все время, пока онъ движется мимо платформы. Толпа провожающихъ кричитъ, машетъ платками и бросаетъ цвѣты въ открытыя окна вагона съ военными и представителями Краснаго Креста.

Но дальше — сцена не такая торжественная и умилительная, зато болѣе волнующая: только что тронулся передъ нами воинскій поѣздъ, и бабій вой врывается къ намъ тяжелымъ, надрывающимъ душу хоромъ. Я вижу, какъ эта безпорядочная толпа бѣдныхъ, растерянныхъ женщинъ бѣжитъ вдоль пути и что-то кричитъ и плачетъ, и отчаянно машетъ руками. У нѣкоторыхъ на рукахъ и рядомъ дѣти. Но скоро эти фигуры исчезаютъ, и голоса теряются за стукомъ колесъ и погромыхиваніями вагоновъ на переходахъ.

За окнами вагона нависли сѣрыя тучи, дождь бьетъ косыми струями въ стекла и стучитъ въ желѣзную крышу.

У меня все передъ глазами эта сѣрая, безпорядочная бабья толпа. Но вотъ, точно отвѣчая на мои мысли, одинъ изъ моихъ спутниковъ, большой, широкобородый человѣкъ купеческой складки, говоритъ:

— Это что. Нынче только бабы воютъ, потому что и нельзя не выть въ ихъ положеніи, да и не выть почлось бы даже за неприличіе, а мужики удивительно какъ спокойно идутъ, сурьезно идутъ! — значительно добавилъ онъ. — И сами идутъ!

— Вѣрно! Вѣрно! — подтвердили со всѣхъ сторонъ.

— Да что! — продолжалъ онъ. — Вотъ изъ моего рода ни много, ни мало, двадцать два человѣка идутъ: племянники, зятья, шуренья, деверья... Четыре брата идутъ — кто по призыву, а кто и по волѣ. Въ прежнее время сколько бы тутъ слезъ было. И нынче, конечно, не безъ того, не на праздникъ идутъ, а хоть и горюютъ, а все-таки не такъ.

— Отчего же это, какъ вы думаете?

— Оттого, что знаютъ нынче, за что идутъ. А тѣ, — махнулъ онъ рукой въ сторону умчавшагося поѣзда, — можетъ, и не такъ ужъ ясно знаютъ, да зато чуютъ, что не имъ, такъ семьямъ ихъ, дѣтямъ ихъ легче и свободнѣе послѣ этой войны заживется.

— Вы думаете? — усумнился какой-то скептикъ.

Но тутъ на скептика уже обрушились всѣ остальные спутники. Всѣ заговорили вдругъ горячо, нетерпѣливо и раздраженно. Всѣ выражали твердую увѣренность, что иначе и быть не можетъ, что послѣ войны начнется совсѣмъ новая жизнь, новая исторія, мирная, дружная и полная самыхъ утѣшительныхъ благъ, что эта исторія даже уже началась. Кое-кто предлагалъ поставить свою голову въ залогъ свѣтлыхъ ожиданій и непоколебимой увѣренности.

Стали разбирать, въ чемъ же собственно суть, но до сути такъ, однако, и не добрались. Ясно стало одно, что у всѣхъ накипѣло на душѣ до послѣдней степени, что дальше такъ, какъ жили, жить нельзя. А когда такое состояніе становится общимъ, исходъ самъ собою предрѣшенъ. Вильгельмъ думалъ нанести ударъ намъ, а на самомъ дѣлѣ этимъ ударомъ не пораженіе намъ нанесетъ, а лишь разрубитъ узелъ, завязанный у насъ на шеѣ.

— Ну, да! — подхватилъ новый голосъ, пришедшаго въ наше купэ на шумъ сосѣда. — Онъ задушилъ насъ своимъ торговымъ договоромъ.

— Ахъ, дѣло не въ торговомъ договорѣ, дѣло не въ пошлинахъ.

— Какъ не въ договорѣ! Какъ не въ пошлинахъ! Пусть-ка теперь покусаетъ локти, когда у него эти наши три милліарда въ годъ изъ рукъ уплывутъ.

— И не въ этихъ трехъ милліардахъ дѣло. Пусть себѣ получаетъ три милліарда и, можетъ быть, будетъ и впредь получать ихъ...

— Ну, нѣтъ, врядъ ли! Во-первыхъ, Германія не скоро оправится послѣ войны. Значитъ, мы въ это время успѣемъ завязать сношенія съ другими рынками, а во-вторыхъ, надо думать, и наша промышленность послѣ войны поднимется. А что касается курортовъ, на нихъ уже рѣшено обратить особое вниманіе.

— Все это не такъ важно.

— Ну, да, я понимаю, — милитаризмъ. Милитаризмъ выматывалъ у Европы въ годъ болѣе ста милліардовъ...

— И опять дѣло не въ милліардахъ. Милліарды — дѣло на-

живное, а вотъ сколько онъ духовныхъ силъ отнималъ, такъ это невозможно и учесть. Ударъ Вильгельму — ударъ милитаризму, главному врагу культуры. Большая палка изъ нашего колеса выпадетъ.

— А вы думаете, когда кончится эта война, такъ ужъ больше и войнъ не будетъ? — не унимался скептикъ.

Но тутъ опять со всѣхъ сторонъ загремѣлъ цѣлый взрывъ негодованія и протестовъ. И опять-таки ясныхъ доказательствъ не было и не могло быть, а была только внутренняя увѣренность.

Скептикъ дѣйствовалъ фактами и цифрами. Онъ оказался спеціалистомъ по льну, оперирующимъ въ Псковской губерніи. Отъ него мы не только узнали, что Псковская губернія поставляетъ ленъ на весь міръ, но и сколько кому. Больше всѣхъ, оказывается, беретъ льна Франція, и первый рынокъ Лилль, затѣмъ Англія, Германія... Бельгія — меньше всѣхъ, и еще въ десять разъ меньше Бельгіи, отъ которой берутъ у насъ ленъ всего два фабриканта, — Россія.

Странно, хотя скептикъ опирался на болѣе существенныя доказательства, но это никого не убѣждало, даже вызывало негодованіе, и большинство было на сторонѣ тѣхъ, кто вѣрилъ. Въ концѣ-концовъ, и самъ онъ поддался общему настроенію и сталъ склоняться къ тому, что это чудо нашего единодушія и подъема не такъ просто, чтобы не считаться съ нимъ, и что, можетъ быть, тутъ есть дѣйствительно предчувствіе новой жизни.

Ночь начала понемногу гасить общее возбужденіе. Утомлялъ тяжелый воздухъ и тѣснота. Я задремалъ, но и сквозь дрему слышалъ отдѣльныя восклицанія, въ которыхъ звучали все тѣ же бодрыя ноты.

Начиная со Пскова, въ вагонъ стали прибывать все новыя и новыя толпы пассажировъ со скарбомъ и дѣтьми. Къ утру вагонъ былъ буквально набитъ сверху до низу людьми и вещами.

Къ 10 ч. утра изъ окна вагона я увидѣлъ виленскія предмѣстья и кресты православнаго монастыря и костела, которые отнынѣ дружно-братски должны сіять на солнцѣ, равно освѣщающемъ русскаго и поляка.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился.

Мы въ Вильнѣ.

ВИЛЬНА.

Близость Вильны къ Европѣ, однако, не сдѣлала его нисколько похожимъ на европейскій городъ ни съ какой стороны, хотя зажиточные обыватели Вильны ежегодно ѣздятъ за границу, какъ петербуржцы лѣтомъ въ Парголово, Павловскъ или Сестрорѣцкъ.

Если прослѣдить русскихъ, застрявшихъ въ эти роковые дни объявленія войны за границей, главнымъ образомъ, въ Германіи, наибольшій процентъ, навѣрное, окажется—виленскіе обыватели. Нѣкоторые и доселѣ еще обрѣтаются тамъ, поплатившись, такимъ образомъ, за свое легкомысліе и довѣріе къ нѣмцамъ.

Вильна, старинный городъ Гедимина и Ягеллоновъ, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ рыцарей Тевтонскаго ордена, съ великолѣпными окрестностями, древними костелами и замками, камни которыхъ изъѣдены насквозь временемъ и стихіями, не былъ никогда особенно счастливъ, а теперь и подавно.

— Край у насъ бѣдный, — сознаются вильничане, — а объ исторіи и говорить нечего.

Вильна состоитъ изъ четырехъ элементовъ, которые не сумѣли, не хотѣли, а, можетъ быть, и не могли спаяться въ одну семью для совмѣстной жизни и борьбы.

Польское, литовское, русское и еврейское общества какъ-то обособились другъ отъ друга и живутъ сами по себѣ. И въ то время, какъ въ Россіи всѣ нынѣ забыли рознь и подали другъ другу руки, въ Вильнѣ каждое общество хотя и дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, но дѣйствуетъ опять-таки отдѣльно отъ другого.

Виленскіе помѣщики и домовладѣльцы охотно отдаютъ подъ лазареты свои дома и усадьбы.

Подъ лазареты приспособлены три учебныхъ заведенія: женская гимназія, реальное училище и высшая женская девятиклассная гимназія. Занятія гимназистокъ переносятся въ русскій клубъ, а реалисты будутъ заниматься послѣ обѣда въ мужской гимназіи.

Городская управа раздала до сихъ поръ нѣсколько тыс. рублей семьямъ запасныхъ. Организуется общество заботы о дѣтяхъ запасныхъ.

Польское общество, во главѣ съ предсѣдательницей княгиней Огинской, устраиваетъ лазаретъ на 150 кроватей въ городскомъ концертномъ залѣ, гдѣ обычно давались симфоническіе концер-

ты. Изъ оркестра, въ 48 человѣкъ, 12 ушли на войну, и получено свѣдѣніе, что половина изъ нихъ уже убиты.

Польскій комитетъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ мѣстной аристократіи, раздѣляется на 8 отдѣловъ, обнимающихъ все, начиная отъ сбора пожертвованій и кончая дежурствомъ на вокзалахъ и переноской раненыхъ въ госпитали.

Заслуживаетъ вниманія дѣятельность мѣстнаго еврейства. Виленская еврейская община самая старинная, и естественно, что отъ ея имени было сдѣлано первое воззваніе ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ въ Россіи, дабы онѣ отозвались посильно на дѣло помощи раненымъ и семьямъ запасныхъ. Виленская община учредила лазаретъ на 50 кроватей на свои собственныя средства. Изъ суммъ коробочнаго сбора ассигновано 9 тысячъ рублей, 5 тысячъ рублей пожертвовало еврейское торг.-пром. общ. собраніе. Такимъ образомъ, лазаретъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, на 5 мѣсяцевъ.

Помѣщеніе для лазарета дало мѣстное еврейское благотворительное общество Мишмересъ Хойлимъ, само представляющее сочетаніе кооперативныхъ началъ съ благотворительностью. Его прямая обязанность — помощь на-дому и амбулаторная. За 25 лѣтъ своего существованія это общество достигло большого развитія. Оно имѣетъ самую крупную аптеку въ городѣ, огромный двухъэтажный домъ, превосходно оборудованную амбулаторію, хирургическую лѣчебницу со своими кроватями на 20 чел., свой штатъ врачей, посѣщающихъ на-дому бѣдныхъ больныхъ за 15 коп., а за 10 коп. больные получаютъ лѣкарства, перевязочные матеріалы, сыворотку и т. п. Хотя болѣе 90 процентовъ денегъ въ этомъ обществѣ — еврейскія, помощь одинаково дается и русскимъ.

Теперь весь верхъ этого зданія обращенъ подъ лазаретъ. Я видѣлъ эти прекрасныя, чистыя, свѣтлыя и высокія палаты, съ кроватями, покрытыми свѣжимъ бѣльемъ, видѣлъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя толпою рвутся сюда съ предложеніемъ своихъ услугъ по уходу за ранеными и на какія угодно работы. Только бы чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе святому дѣлу, оказать посильную помощь. Конечно, предпочтеніе отдается фельдшерицамъ или имѣющимъ опытъ сестрамъ милосердія.

Вообще, въ самоотверженной готовности отдать свои силы родинѣ, на служеніе гибнущимъ и проливающимъ свою кровь, въ Вильнѣ, какъ и всюду въ Россіи, нѣтъ недостатка, особенно среди

молодежи. Уже за это сравнительно короткое время, Вильна можетъ гордиться нѣсколькими героями.

Еврей Оснасъ, окончившій виленское коммерческое училище, получилъ Георгія за то, что спасъ знамя полка.

Молодзинскій, доброволецъ, чиновникъ виленскаго губернскаго правленія, получилъ Георгія за спасеніе ротнаго командира.

К. Калиновичъ — также доброволецъ и также награжденъ Георгіемъ 3 ст. за геройскіе подвиги.

Это живые. А сколько здѣшнихъ героевъ пало, никому неизвѣстными, но исполнившими великій долгъ передъ родиною не ради славы, а ради любви къ родинѣ.

Да будетъ свѣтла память о нихъ.

Вильна находится въ тылу нашихъ войскъ.

Городъ оживленъ, какъ никогда. Всюду — военные, сестры, санитары... У всѣхъ озабоченныя, но спокойныя лица.

Извозчики и автомобили съ военными снуютъ по узкимъ кривымъ улицамъ Вильны, и старыя стѣны города слушаютъ этотъ шумъ и смотрятъ на это движеніе, какъ бы разбуженныя давно забытымъ волненіемъ и тревогой.

Гдѣ-то здѣсь, близко, творятся кровавыя, страшныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ — великія дѣла. На ряду съ звѣрствомъ и опьянѣніемъ отъ крови, быть можетъ, самымъ изступленнымъ и буйнымъ, совершаются божественные подвиги, проявленіе почти сверхчеловѣческой красоты духа и безграничной самоотверженности.

Вокругъ насъ, въ городѣ, люди живутъ, правда, нѣсколько повышенной, но все же обычной жизнью: чиновники ходятъ на службу, торговцы торгуютъ, проститутки предлагаютъ свое тѣло прохожимъ. И, тѣмъ не менѣе, здѣсь нервы почти осязательно чувствуютъ дыханіе войны, а ночью, когда замираетъ жизнь, слухъ странно напряженъ, какъ-будто можетъ уловить доносящіеся съ кровавыхъ полей крики побѣды, ликованіе торжествующихъ и вздохи, и стоны раненыхъ и умирающихъ.

Въ Вильну ежедневно прибываютъ вагоны съ ранеными, которыхъ переносятъ въ лазареты на носилкахъ и перевозятъ въ повозкахъ большею частью молодые помощники и сотрудники Краснаго Креста. Большинство же раненыхъ отправляется черезъ Вильну въ другіе города, и для такихъ устроенъ здѣсь питательный пунктъ. Здѣсь каждый день называютъ имена умершихъ въ мѣстныхъ лаза-

ретахъ извѣстныхъ лицъ: вчера умеръ отъ ранъ сынъ члена Государственнаго Совѣта Кауфмана. Нынѣ провезли братьевъ Катковыхъ, завтра назовутъ Самсонова, Пестича, Мартоса и штабныхъ, погибшихъ въ печальномъ для насъ сраженіи подъ Сольдау, похожемъ на катастрофу. Вильна — съ одной стороны—ближайшій къ мѣсту дѣйствія лазаретъ для раненыхъ, съ другой — ворота въ сотни другихъ лазаретовъ, которые на время войны созданы во всѣхъ болѣе или менѣе близкихъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій городахъ.

Недостатокъ, краткость и глухія недомолвки извѣстій со стороны войны создаютъ слухи, которые ежедневно возникаютъ, растутъ и принимаютъ часто нелѣпые размѣры. Проѣхали черезъ Вильно нѣсколько японцевъ—уже назвали очевидцевъ, которые будто бы видѣли цѣлый японскій полкъ. Переходы отъ торжества къ отчаянію можно замѣтить даже на улицѣ—въ толпѣ, чуть ли не въ самой погодѣ. Люди боятся теперь одиночества, какъ никогда. Бѣгутъ изъ домовъ въ дома, на улицы, въ кофейни, въ клубы. У всѣхъ вопросительныя лица, жадно раскрытые глаза.

Я вчера вечеромъ зашелъ въ мѣстный, такъ называемый, «Интеллигентный клубъ». Посѣтители — доктора, адвокаты, чиновники — не сидятъ по мѣстамъ за картами и столовыми приборами, а переходятъ отъ одного къ другому, отъ группы къ группѣ.

Конечно, въ это время — всѣ—стратеги, всѣ—политики, всѣ—авторитеты, но втайнѣ никто изъ нихъ не полагается на себя, и, хотя съ жестокимъ упорствомъ оспариваетъ другого, но самъ готовъ вѣрить самой дикой нелѣпости и, глядишь, уже черезъ пять минутъ повторяетъ эту нелѣпость въ другомъ углу.

Какъ на грѣхъ, въ клубѣ испортился телефонъ. Отряжаютъ кого-то въ редакцію газеты за телеграммами, которыя должны выйти только завтра. И вотъ, во второмъ часу ночи привозится изъ редакціи пукъ новыхъ телеграммъ.

Къ пріѣхавшему опрометью бросаются со всѣхъ сторонъ, прижимаютъ его къ стѣнѣ. Черезъ минуту со стороны видишь десятки спинъ въ пиджакахъ всевозможныхъ покроевъ и достоинствъ, десятки вытянутыхъ въ одномъ направленіи головъ, лысыхъ и волосатыхъ, сѣдыхъ и черныхъ. Крайніе поднимаются на цыпочкахъ, опираются руками на плечи стоящихъ впереди, точно готовятся черезъ нихъ перепрыгнуть къ источнику новостей.

Чаще всего отходятъ разочарованные, неудовлетворенные. Каковы бы новости ни были, все кажется мало. Хочется чего-то необычайнаго, рѣшающаго такъ или иначе терзающіе всѣхъ вопросы, хочется такой ясности перспективъ во всѣхъ направленіяхъ, при которой не было бы никакихъ сомнѣній. А главное — страстно, тоскливо, мучительно хочется побѣды.

Послѣднее извѣстіе о гибели генерала Самсонова и другихъ начальниковъ и о пораженіи двухъ нашихъ корпусовъ дѣйствуетъ на всѣхъ удручающе, говорятъ о предательствѣ, хотя странно думать, что борьба съ могущественнымъ врагомъ можетъ обойтись безъ пораженій и тяжелыхъ жертвъ для насъ. Вѣдь это только австрійцы шли въ Сербію, какъ на карательную экспедицію. У насъ не было и тѣни подобнаго бахвальства. Наоборотъ, всѣ знали и знаютъ, что встрѣтятъ могущественнаго и вполнѣ приготовившагося къ войнѣ непріятеля, котораго мы должны побѣдить въ концѣ-концовъ, но побѣда должна искупиться тяжелыми жертвами и съ нашей стороны, и со стороны нашихъ славныхъ союзниковъ.

Есть старинная легенда: кто омочитъ своей собственной кровью стрѣлу, тотъ попадетъ ею въ цѣль, какъ бы эта цѣль ни была далека и увертлива.

Наша стрѣла — священный гнѣвъ народный, священная месть за попранныя врагомъ права наши собственныя, нашихъ ближнихъ и всего культурнаго міра. Эта стрѣла не только омочена въ нашей крови, она вырвалась изъ сердца народнаго, полнаго кровью, какъ молнія изъ тучи, и должна смертельно поразить врага.

РАНЕНЫЕ.

За эти дни я успѣлъ перевидать множество раненыхъ и въ лазаретахъ, и на питательномъ пунктѣ, бесѣдовалъ со многими изъ нихъ и много услышалъ страшнаго, поучительнаго и трогательнаго.

Больше всего меня интересовала бытовая и психологическая сторона, и потому, естественно, я часто спрашивалъ то одного, то другого:

— А страшно было?

Большинство сознавались, что вначалѣ было страшно.

— А потомъ ничего. Скоро обвыкаешь.

— Чего страшно! — отвѣтилъ другой. — Чай, я не одинъ.

— Вотъ ночью страшно было, когда съ крѣпости прожекторомъ освѣщали. Гдѣ ударитъ свѣтъ, туда сейчасъ шрапнель и сыпется, чисто градъ выбиваетъ. Опять свѣтъ, и опять брр... трр... и люди валятся.

Иные прямо говорили, что не помнятъ.

— Можетъ, и страшно было, а только некогда объ этомъ думать, когда стрѣлять надо, али въ штыки вдарятъ.

— Точно, какъ-будто, и ты не ты. Какъ вспомню теперь, какъ это было, самъ себѣ не вѣрю, что это я былъ. Ей-Богу!

Разговариваютъ охотно даже довольно тяжело раненые. И ни у кого ни малѣйшей рисовки, ни малѣйшаго хвастовства. Да и не въ духѣ это нашего солдата, ни хвастовство, ни рисовка. Онъ даже просто не умѣетъ этого дѣлать, если бы и хотѣлъ порисоваться и прихвастнуть. А разсказать, видимо, пріятно, во-первыхъ, потому, что для него самого дѣло новое и занятно подѣлиться съ тѣмъ, кто этого не видѣлъ, а, во-вторыхъ, въ благодарность за сочувствіе, за папироску, которой угостишь его, за журналъ съ картинками, который принесешь ему.

Всѣ отвѣты на этотъ вопросъ были приблизительно одного характера, до наивности просты, искренни, коротки.

***

Въ боевомъ воодушевленіи, въ стихійномъ порывѣ своего отряда, полка, словомъ, массы людей, съ которыми ты сливаешься, какъ капля съ потокомъ, личность теряется. «Чего страшно! Я не одинъ».

Въ безпомощности, въ страданіи, чѣмъ больше такихъ же страдающихъ, тѣмъ тяжелѣе: приходится страдать и за себя и за другихъ.

Но если во многомъ трудно помочь имъ, — обязанность общества, которое они ограждаютъ своими тѣлами отъ опасности, обязанность родины, которую они спасаютъ отъ гибели, помочь имъ матеріально насколько хватитъ силъ и средствъ. Я уже писалъ объ этомъ, но хочется повторять это неустанно, хочется громко кричать объ этомъ, чтобы услышали въ самыхъ дальнихъ углахъ, особенно, когда вотъ такъ стоишь среди этихъ коекъ съ искалѣченными людьми и воочію видишь, чѣмъ эти люди жертвовали.

Изъ безхитростныхъ солдатскихъ разсказовъ, изъ ихъ ранъ и стоновъ встаютъ цѣлыя картины войны, со всѣми ея мрачными и героически возвышенными сторонами.

Вотъ одинъ раненый, полякъ, съ интеллигентнымъ молодымъ лицомъ. У него оторваны подъ Гумбиненомъ два пальца на лѣвой рукѣ и одинъ на правой: шрапнель струей ударила въ винтовку, раздробила три пальца его, но ложе и дуло винтовки, о которое ударилась шрапнель, спасли его самого.

— И моихъ три пальца брали стѣны Гумбинена... — утѣшается онъ, но въ голосѣ его печаль: онъ музыкантъ по спеціальности.

Другому выбило зубы и повредило нижнюю челюсть какъ разъ тогда, когда онъ поднялъ голову и кричалъ «ура», бросаясь въ штыки.

— А если бы не кричалъ «ура» и не поднялъ голову, въ лобъ угодило бы или въ глаза, — съ трудомъ объясняетъ онъ, еле двигая перевязанной челюстью. — Сперва-то я даже не замѣтилъ, точно обожгло только. И чудно, около меня все падаютъ, а я бѣгу, словно заколдованный.

— А у меня вотъ ноги нѣтъ, а все кажется, будто я иной разъ пальцами на ней шевелю, — съ слабой улыбкой говоритъ сосѣдъ. — Я въ пулеметной ротѣ. Понесъ ящикъ съ патронами, а меня и застигла.

Рядомъ — совсѣмъ молодой красивый парень. На его дощечкѣ фамилія — Агафоновъ. Полулежитъ на кровати, съ улыбкой слушаетъ то, что говорятъ вокругъ.

— А ты, вѣрно, легко раненъ? — спрашиваю я, глядя на его молодое, свѣже-побритое лицо.

— Легко, — продолжая улыбаться, говоритъ онъ. — Всего — въ ногу, въ бедро, да въ грудь на вылетъ. Только въ грудь-то это я зря.

— Какъ зря?

— А такъ что, какъ я упалъ, да остался на мѣстѣ, лежу, подняться не могу, пить хочется, наши-то отошли. Стали нѣмцы своихъ подбирать, увидѣлъ меня нѣмецъ... — дѣло было ужъ подъ вечеръ, — да и изъ револьвера и прицѣлился. Я говорю, — что же это ты? Лежачаго не бьютъ. А нѣмецъ, подлый — бацъ, и вотъ...

Онъ показываетъ рану подъ правымъ плечомъ; рана уже заживаетъ: пуля прошла насквозь.

— Ни легкую, ни сердцу не задѣла, — торжествуетъ раненый. — Спереди маленькую дырочку сдѣлали, а со спины большую... Ничего, кровью зальется, и все пройдетъ.

— Ну, — переведя дыханіе, продолжаетъ онъ все съ тою же улыбкой, — тутъ, какъ онъ выстрѣлилъ, я нарочно перевернулся, какъ-будто умеръ. Нѣмецъ-то, дуракъ, и повѣрилъ. А потомъ ужъ меня наши подобрали. Какъ разсказалъ я имъ про это, братанъ мой, — онъ со мной въ одной ротѣ, — поклялся послѣ этого: такого, говоритъ, уговора не было, чтобы лежачаго бить, а ежели такъ, такъ я за тебя отомщу. Тоже не буду ихняго брата по головкѣ гладить, не токмо стоячаго, а и лежачаго тоже. А я ему на это: брось, говорю, у нихъ одинъ законъ, у насъ другой. Имъ же за это на томъ свѣтѣ нагоритъ.

— И хорошо сдѣлалъ, что такъ сказалъ, — одобряетъ сестра.— Вонъ у насъ нѣмецкій солдатъ лежитъ, такъ онъ мнѣ признался, что имъ начальство внушило, что русскіе ихъ раненыхъ добиваютъ и истязаютъ даже.

Нѣмецъ лежалъ на койкѣ среди русскихъ солдатъ съ штыковой раной сквозь обѣ щеки. Когда его взяли, онъ былъ убѣжденъ, что такъ и будетъ, какъ внушило начальство, а потомъ попалъ въ лазаретъ, успокоился, видя, что къ нему относятся хорошо.

— Ѣсть онъ не можетъ, — говоритъ сестра. — Пить все просилъ, какъ привезли сюда. Дала ему чаю съ вареньемъ, сталъ вотъ такъ, сквозь зубы цѣдить, а какъ попадется ягодка, онъ ее пальцемъ старается протолкнуть въ ротъ. Совсѣмъ обмякъ. А какъ дала я ему сигару, такъ онъ не зналъ уже, какъ и благодарить меня, хочетъ непремѣнно написать своимъ, чтобы не вѣрили про жестокость русскихъ.

— И боятся же нѣмцы русскаго штыка! — весело говоритъ раненый въ руку молодой солдатъ-литвакъ, который, по его словамъ, выгоился, то-есть, вылѣчился, и опять пойдетъ въ войска. — У нашихъ ни одной штыковой раны нѣтъ.

— Да какіе же у нихъ штыки! У нихъ ерунда одна на винтовкѣ, а не штыкъ, — презрительно замѣчаетъ Агафоновъ.

— Зато у нихъ бронированные автомобили съ пулеметами.

Но Агафоновъ не желаетъ допускать никакого превосходства со стороны непріятеля.

— Ерунда! Никакихъ бронированныхъ автомобилей нѣтъ у нихъ. Гдѣ тамъ, по горамъ, на автомобиляхъ...

— Да не вездѣ же горы! Это вотъ тамъ, гдѣ ты былъ, тамъ, можетъ, и горы, а гдѣ я былъ, никакихъ горъ нѣтъ.

— Все едино. Какъ онъ будетъ съ своими автомобилями, хоть и распробронированными! Хватитъ его артиллерія наша, такъ и совсѣмъ съ автомобилемъ кувыркомъ полетитъ. Нѣтъ никакихъ автомобилей у нихъ!

— А ты не горячись, — останавливаетъ его сестра. — Это вредно тебѣ.

Но противникъ не унимается, и къ автомобилямъ присоединяетъ еще ручныя бомбы, которыя нѣмцы бросаютъ, когда идутъ въ рукопашную.

— И бомбъ ручныхъ у нихъ нѣтъ. А ежели бы и были, опять не по закону.

Онъ, видимо, раздраженъ на нѣмцевъ за ихъ вѣроломство и жестокость, хотя и уговаривалъ брата своего не мстить той же мѣрой.

Передъ моими глазами здѣсь же въ госпиталѣ другой примѣръ нѣмецкой жестокости, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, основанной на заблужденіи, внушенномъ имъ свыше, съ заранѣе обдуманнымъ подлымъ намѣреніемъ.

Еврей — солдатъ запасной. Черная борода еще больше оттѣняетъ почти мертвенную блѣдность его интеллигентнаго лица. По профессіи онъ провизоръ. У постели его сидитъ родная сестра его и отецъ. На столикѣ у изголовья — свѣжія астры. У него отъ самаго плеча — нѣтъ лѣвой руки.

— Отбило шрапнелью? Или отхватилъ саблей кавалеристъ?

— Нѣтъ, — слабо шевеля губами, отвѣчаетъ онъ. — Отрѣзали здѣсь, въ госпиталѣ. Началась гангрена.

И я узнаю потрясающую исторію, которая можетъ послужить сюжетомъ для трагическаго разсказа объ ужасахъ войны.

Онъ былъ раненъ въ ногу и руку при Гольдапѣ. Упалъ и остался на полѣ сраженія. Пролежалъ полдня, истекая кровью. Также подъ вечеръ былъ поднятъ нѣмецкими санитарами и брошенъ въ повозку, въ одну кучу съ другими ранеными.

Очутился онъ внизу повозки. На немъ лежалъ смертельно раненый нѣмецкій солдатъ, и кровь изъ его раны текла на лицо нашего раненаго, теплая липкая кровь, попадавшая въ уши, въ глаза и въ

ротъ. Раненый на немъ стоналъ и судорожно корчился. Наконецъ, замолкъ, и вдругъ тѣло его стало такимъ тяжелымъ, что придавило совсѣмъ лежащаго внизу. А кровь все продолжала литься. Давило тѣло и заливала кровь.

Нѣмецъ умеръ, но и лежащій подъ нимъ потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ, когда привезли на мѣсто. Но тутъ встрѣтилъ его не меньшій ужасъ. Четыре дня ему не хотѣли дѣлать перевязки.

На всѣ его мольбы отвѣчали съ злобной жестокостью:

— У васъ еще хуже обращаются съ нашими ранеными.

Напрасно несчастный разувѣрялъ ихъ. Они утверждали, что такъ имъ сказало начальство, а начальство знаетъ правду и не станетъ ихъ обманывать.

Только на пятый день русскіе взяли Гольдапъ, и онъ попалъ въ лазаретъ вмѣстѣ съ брошенными нѣмецкими плѣнными. Но началась гангрена, и руку пришлось отнять.

Теперь этимъ нѣмецкимъ плѣннымъ дано убѣдиться, что имъ гнусно лгало и обманывало ихъ начальство, на которое да падетъ кровь всѣхъ пострадавшихъ отъ этой варварской низости и проклятіе тѣхъ, кто презираетъ пріемы убійцъ и палачей.

СЛЕЗЫ И КРОВЬ.

Поразительное время мы переживаемъ.

Каждый день, каждый часъ передъ нами воочію творится новая исторія, и творятъ ее маленькіе сѣрые люди, которые со всѣхъ концовъ Европы стекаются туда, гдѣ гремятъ выстрѣлы и льется и льется священная человѣческая кровь. Каждое пораженіе, каждая побѣда — это новая буква, новый знакъ въ книгѣ судьбы, и изъ этихъ буквъ и знаковъ слагаются письмена, въ которыхъ начертается участь народовъ и странъ.

И страшно-жутко и — я бы сказалъ — безконечно интересно, если бы это послѣднее слово не было такъ бѣдно и мелко сравнительно съ тѣмъ смысломъ, который хочется ему придать.

Не знаю пока, какъ переживаются эти великіе дни тамъ, на мѣстѣ, гдѣ, какъ на колоссальныхъ шахматныхъ доскахъ, война

передвигаетъ пѣшки и фигуры. Но здѣсь, близъ этихъ траурныхъ полей, всѣми нервами ощущается каждое движеніе, каждая дрожь военныхъ событій.

Я еще такъ недавно жилъ въ Петроградѣ, гдѣ также сотни тысячъ людей жадно набрасываются каждый день на телеграммы. Но тамъ чувствовалось все какъ-то иначе. Тамъ, какъ бы то ни было, все же интересовался этимъ какъ-будто нѣсколько со стороны; здѣсь же, въ тылу арміи, точно самъ участвуешь въ войнѣ и каждый трепетъ этой войны воспринимаешь особенно остро.

Въ первые же дни послѣ объявленія войны изъ пограничныхъ городовъ и мѣстечекъ, частью выселяемые, частью гонимые паникой, хлынули темными массами десятки тысячъ людей, главнымъ образомъ, конечно, въ близлежащія и болѣе безопасныя мѣста. Конечно, тѣ, у которыхъ были средства, могли устроиться, гдѣ угодно. Но такихъ было мало и оказалось еще меньше, благодаря войнѣ. Пожаръ сжигаетъ имущество и можетъ все нажитое уничтожить дотла. Но война страшнѣе пожара. Она не только уничтожаетъ нажитое человѣкомъ, она, отрывая его отъ мѣста, гдѣ человѣкъ жилъ и трудился, тѣмъ самымъ часто лишаетъ его возможности трудиться, и вчерашній богачъ, или, просто, далекій отъ голода, благодаря войнѣ, нынче становится нищимъ, обреченнымъ на тяжелыя лишенія.

Въ Вильнѣ можно теперь сколько угодно видѣть иллюстрацій къ этимъ строкамъ. Сюда, прежде всего, бросились бѣглецы изъ Ковны.

Не буду говорить о тѣхъ, что имѣли возможность устроиться въ гостиницахъ или на квартирахъ. Большинству, огромной массѣ, это, само собой разумѣется, было недоступно, и вотъ всѣ туннели виленскаго вокзала оказались сплошь заняты безпріютными, голодными людьми, которые валялись на каменныхъ плитахъ вмѣстѣ съ своими перепуганными и плачущими дѣтьми и жалкимъ скарбомъ. Страшная буря войны выплеснула ихъ на берегъ изъ моря жизни, какъ пѣну, какъ поднятый съ прибрежнаго дна мусоръ.

Огромные дома для бѣдныхъ, построенные барономъ Гиршемъ, въ которыхъ стыдятся ютиться виленскіе бѣдняки, желающіе сохранить свое достоинство, оказались переполненными бѣжавшими. Остальнымъ пришлось искать пріюта въ еврейской улицѣ, бывшемъ еврейскомъ гетто, и на окраинахъ, въ трущобахъ и подвалахъ домовъ, какіе врядъ ли имѣются еще гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ.

Слыхали вы о подвалахъ въ нѣсколько этажей? Такіе подвалы есть въ Вильнѣ и, должно быть, только въ Вильнѣ. Точно такъ же, вѣроятно, лишь въ одной Вильнѣ еще въ ходу монета грошъ, ½ копейки. Не видя, какое количество людей ютится въ этихъ страшныхъ пещерахъ, нельзя объ этомъ имѣть и представленія. Тутъ ужъ дико было бы разсуждать о тѣхъ кубическихъ мѣрахъ воздуха, которыя потребны въ жилищѣ человѣку. Но, кромѣ воздуха, человѣку также нужно и ѣсть. Въ этомъ отношеніи, какъ это ни странно, въ Вильнѣ дѣло обстоитъ нѣсколько лучше.

Есть здѣсь еврейская столовая, гдѣ за три копейки можно имѣть обѣдъ, который сами же бѣдняки считаютъ обѣдомъ изъ двухъ блюдъ: щей и хлѣба. Порціи того и другого — довольно большія, но тѣ, что берутъ на домъ обѣдъ, получаютъ двойную порцію. Ясно, что кто можетъ, то-есть, иначе говоря, кто имѣетъ домъ, стѣны, въ которыхъ можетъ укрыться, беретъ на домъ, такъ какъ тогда обѣдъ ему обходится вдвое дешевле. Но для этого надо, во-первыхъ, имѣть домъ, во-вторыхъ — посуду. У большинства бѣглецовъ этого не оказалось. Не оказалось даже у многихъ тѣхъ трехъ копеекъ, которыя надо платить за обѣдъ. Этимъ еврейская столовая выдаетъ обѣды безплатно. Расходы на нихъ покрываются частью членскими взносами еврейскаго благотворительнаго общества, частью частными пожертвованіями, частью городской помощью.

Такимъ образомъ, изъ 600—700 ежедневно обѣдающихъ въ этой столовой половина оказалась безплатныхъ столовниковъ.

Несмотря на то, что есть и русская и польская столовая для бѣдныхъ, я самъ видѣлъ въ еврейской столовой русскихъ. Поляковъ — нѣтъ. Русскіе въ Вильнѣ, не только въ этой столовой, дружно живутъ съ евреями. Поляки сторонятся ихъ.

Я вошелъ въ столовую часовъ около трехъ, когда большинство уже отобѣдало. Но все же народу было и въ этотъ часъ много.

Довольно большое, свѣтлое и достаточно чистое помѣщеніе столовой имѣетъ два отдѣленія: одно для самыхъ жалкихъ нищихъ, другое для болѣе чистой публики. Въ это послѣднее помѣщеніе ведетъ даже особый ходъ. Надо знать, какъ самолюбивъ еврейскій народъ, чтобы понять это дѣленіе, а теперь, благодаря войнѣ, здѣсь обѣдаютъ тѣ, которые еще недавно могли обѣдать у себя дома и въ ресторанахъ.

Въ обширномъ первомъ отдѣленіи столовой, среди понурыхъ

согбенныхъ фигуръ взрослыхъ, сновали съ бѣлыми мисками супа и караваями хлѣба растрепанныя дѣтишки еврейской нищеты. Жалкіе темные лохмотья, часто босыя ноги, торопливая сдержанная рѣчь. Обычно шумливая и суетливая, еврейская толпа здѣсь тиха и убита, и особенную унылость сообщаютъ ей старые евреи, съ длинными пейсами, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и длинныхъ лапсердакахъ, которые встрѣчаются нынѣ лишь въ глухихъ мѣстечкахъ.

Они проходятъ во второе отдѣленіе, низко опустивъ голову и шепча что-то безкровными старческими губами.

Молодая дѣвушка, съ печальнымъ лицомъ и огромными скорбными глазами, неподвижно стоитъ у двери и къ ней прижалась маленькая сестренка ея съ черной курчавой головой.

Она безнадежно разводитъ руками. Ея длинныя рѣсницы сразу становятся влажны и, прижимая къ себѣ дѣвочку, она бормочетъ:

— Если не помогутъ добрый люди, надо умирать, а не жить.

— Помогутъ!

Никогда еще такъ не вѣрилось въ человѣческую доброту и отзывчивость, какъ въ эти черные дни. Самые разнородные элементы объединяются во имя помощи ближнимъ, пострадавшимъ на войнѣ и отъ войны. Нынче я былъ на вокзалѣ, на такъ называемомъ питательномъ пунктѣ и, вмѣстѣ съ печалью о человѣческомъ страданіи и объ ужасахъ войны, вынесъ это свѣтлое и трогательное впечатлѣніе.

Обычно загроможденные виленскіе пути ж. д. нынче какъ-то сразу очистились. Стоятъ и маневрируютъ всего 2—3 поѣздныхъ состава, и ожидаютъ отхода своего поѣзда солдаты. Вдали, на крайней платформѣ, вновь сооруженный баракъ. Тамъ мелькаютъ бѣлыя женскія фигуры съ красными крестами. Туда, къ этой платформѣ, несутъ и несутъ на носилкахъ раненыхъ изъ воинскихъ госпиталей: офицеровъ, солдатъ, нѣмцевъ и русскихъ. Это раненые, оправившіеся настолько, что ихъ можно отправить дальше, очистивъ, такимъ образомъ, мѣсто для новаго транспорта, который вотъ-вотъ ожидается на станціи.

Здѣсь день и ночь установлены дежурства сестеръ милосердія, докторовъ и сотрудниковъ Краснаго Креста. Съ безконечной заботливостью и вниманіемъ творятъ свое дѣло эти добровольцы, отдавшіе себя важному дѣлу, на которое виленское общество въ нѣсколько дней дало тридцать пять тысячъ.

Встрѣчая поѣзда съ ранеными, доставляемыми то въ великолѣпно оборудованныхъ санитарныхъ вагонахъ, то въ товарныхъ, гдѣ вмѣсто усовершенствованныхъ рессорныхъ коекъ — нары съ соломой, эти добровольцы-сестры и помощники принимаютъ раненыхъ, часто голодныхъ, безпомощныхъ, привезенныхъ прямо съ поля битвы. Тутъ имъ подаютъ первую помощь, дѣлаютъ перевязки, кормятъ и поятъ ихъ. Тутъ разыгрываются нерѣдко тяжелыя картины, отъ которыхъ надрывается сердце.

Русскій священникъ и ксендзъ, неизмѣнно присутствующіе здѣсь при каждой доставкѣ раненыхъ, принимаютъ ихъ послѣдніе вздохи и послѣднюю исповѣдь. Вотъ выносятъ изъ вагона раненаго нѣмца, окровавленный кусокъ мяса. Ему не успѣли сдѣлать перевязки тамъ, гдѣ подобрали его.—Хотятъ сдѣлать здѣсь, но онъ только умоляетъ объ одномъ:

— Lassen sie mir sterben. Sterben! Sterben!

И умираетъ раньше, чѣмъ успѣваютъ подать ему помощь. Здѣсь, само собой разумѣется, не дѣлается никакой разницы между нашими и непріятелями. Больше того, я самъ видѣлъ, какъ русскій солдатъ въ нѣмецкой шинели, надѣтой на одну руку, въ то время, какъ другая раненая рука его на перевязи, подавалъ раненому нѣмцу коробку съ папиросами.

— На, братъ, покурейнъ, табакейнъ, — прилаживался онъ своимъ языкомъ къ нѣмцу, думая, что такъ тотъ лучше пойметъ его. — Ничего, ничего, ейнъ-цвейнъ...

Тутъ же плѣнныхъ раненыхъ нѣмцевъ переводчики спрашиваютъ, не нужно ли имъ чего-нибудь. Сестры подаютъ имъ чай, ѣду.

Тѣ плѣнные, которые еще не успѣли узнать русскихъ, не всегда довѣрчиво относятся къ этимъ предложеніямъ. Ихъ напугали у себя, что русскіе — жестоки и отравляютъ раненыхъ, чтобы не возиться съ ними.

Тутъ, при видѣ этой заботливости, ихъ заблужденіе разсѣивается, и они благодарно улыбаются за оказываемую помощь. Приносятъ на носилкахъ раненаго нѣмецкаго солдата, который только что очнулся на вокзалѣ.

— Гдѣ я? — спрашиваетъ онъ, озираясь.

Ему на родномъ его языкѣ отвѣчаютъ.

— А, — успокоительно отзывается онъ. — Въ Вильнѣ. Значитъ, среди своихъ.

Когда ему объясняютъ, что это заблужденіе, и что Вильна никогда не была взята нѣмцами, онъ недовѣрчиво косится вокругъ, наконецъ, съ горечью шепчетъ:

— Зачѣмъ же насъ обманули, что Вильна уже въ нашихъ рукахъ?

Въ этотъ день, разговаривая съ русскими и нѣмецкими ранеными, я слышалъ, что большинство ихъ ранено подъ Гумбиненомъ. Лежитъ русскій солдатъ съ раздробленной шрапнелью ногой; рядомъ нѣмецъ съ штыковой раной въ спину и руку. И тотъ и другой—искалѣчены подъ Гумбиненомъ и, можетъ быть, одинъ—другимъ. Но сейчасъ они не питаютъ никакой вражды другъ къ другу.

— Я, какъ упалъ, — говоритъ русскій солдатъ, — да очнулся потомъ, такъ вижу нѣмецъ надо мной, пить мнѣ даетъ, спасибо ему, добрый.

— Нѣмецъ? Но какъ же ты попалъ сюда?

— Отбили насъ у нѣмцевъ. Я все смотрю, не увижу ли его здѣсь. Много, говорятъ, ихняго брата поранили и въ плѣнъ забрали.

Теперь этому, рядомъ съ нимъ лежащему нѣмцу русская дѣвушка подаетъ чай и поитъ и кормитъ его.

Wo ist mein Kamrad?—спрашиваетъ онъ.

— Кто такой?

Нѣмецъ называетъ имя и объясняетъ, что и его товарища должны были доставить сюда изъ госпиталя, гдѣ они вмѣстѣ лежали. Приносятъ новаго раненаго, и онъ оказывается этимъ самымъ камрадомъ. Солдатъ съ ружьемъ, сопровождающій плѣнныхъ, не мѣшаетъ имъ переговариваться между собою.

Русскіе запасные громадной толпой подошли къ платформѣ питательнаго пункта и съ молчаливымъ и жаднымъ вниманіемъ смотрятъ на раненыхъ и плѣнныхъ. Скоро ихъ повезутъ туда, откуда привезли этихъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, не одинъ изъ нихъ будетъ скоро вотъ такъ же, изуродованный, лежать на носилкахъ на этой платформѣ.

Огромная толпа народа стоитъ на мосту, перекинутомъ черезъ желѣзнодорожный путь вблизи питательнаго пункта, и смотритъ на эти сцены.

Но вотъ труба горниста трубитъ сборъ. Запасные опрометью бросаются къ своему поѣзду, перепрыгивая черезъ рельсы.

Скоро ихъ поѣздъ двигается, и плачъ провожающихъ женщинъ заглушается громкимъ крикомъ «ура», который несется съ платформы, отъ другой группы запасныхъ, ожидающихъ своей очереди, и отъ публики, загромоздившей мостъ, подъ которымъ идетъ этотъ поѣздъ, выбрасывая густые клубы траурнаго дыма.

ДАЛЬШЕ.

Когда я уѣзжалъ изъ Вильны, у Остробрамской Божіей Матери, по обоимъ тротуарамъ вдоль улицы, до самыхъ воротъ, на влажныхъ отъ дождя плитахъ, стояли на колѣняхъ молящіеся. Священная икона сіяла золотомъ, и съ хоръ надъ воротами неслось пѣніе, которому съ чувствомъ вторили молящіеся. Среди нихъ много солдатъ-католиковъ; они явились помолиться передъ Заступницей со своими женами и дѣтьми. Есть и православные солдатики, которыхъ сразу можно отличить потому, что они крестятся иначе.

Всѣ пришли помолиться передъ отходомъ на войну.

Отправляется ежедневно всего одинъ пассажирскій поѣздъ на Варшаву, и потому въ немъ не хватаетъ мѣстъ.

Нынче, чуть ли не за цѣлый часъ до отхода, касса уже прекратила выдачу билетовъ, такъ какъ даже вагоны перваго класса оказались переполнены.

Теперь въ поѣздахъ здѣсь, такъ близко отъ мѣста военныхъ дѣйствій, вы не встрѣтите спутника, который бы такъ или иначе не былъ уязвленъ однимъ изъ безчисленныхъ остріевъ ощетинившагося звѣря—войны.

Со мной въ одномъ купэ дама-полька, которую я понимаю съ трудомъ; однако, изъ ея бесѣдъ, которыя то и дѣло прерываются невольно набѣгающими на ея глаза слезами, мнѣ становится ясно, что у нея ушелъ на войну добровольцемъ сынъ—семнадцатилѣтній мальчикъ. Вторая дама изъ Гродны, жена военнаго. Мужъ ея не на войнѣ, нѣтъ, она даже сожалѣетъ, что судьба такъ неожиданно и жестоко лишила его возможности исполнить свой долгъ передъ родиной въ эти великіе дни: на маневрахъ его случайно ударилъ въ голову безсмысленно свалившійся камень, и несчастный психически безнадежно заболѣлъ.

Остались дѣти, и вотъ ихъ-то она ѣздила встрѣчать въ Вильну.

— И подумайте, мы разъѣхались!—горько жаловалась она.— Поѣзда наши встрѣтились ночью, и я получила телеграмму, что они уже дома. Цѣлый мѣсяцъ не видала ихъ. Стосковалась страхъ какъ... Выписала обратно: думаю, что теперь ужъ эта паника не повторится.

— А у васъ, въ Гроднѣ?

— Мало пострадали даже тамъ, гдѣ для грабителей и воровъ было такъ много искушеній. И это нельзя объяснить только боязнью строгаго наказанія по законамъ военнаго времени, или тѣмъ, что много народа ушло на войну,—нѣтъ, право, люди какъ будто честнѣе стали.

Она какъ-то неувѣренно высказала эту мысль, но всѣ согласились, что такъ оно дѣйствительно и есть, а приписали это чудо главнымъ образомъ все той же спасительной трезвости.

Дама продолжала:

— Ну, вотъ я отправила своихъ дѣтей подальше, къ бабушкѣ, въ Тверскую губ., а сама осталась въ домѣ. Да, слава Богу, все обошлось. Вотъ только бѣда: у меня сыновья гимназисты, а гимназія врядъ ли въ этомъ году откроется. Обѣщаютъ, да, помимо всего, учителя-то многіе на войну ушли. Ужасно будетъ досадно, если годъ пропадетъ у нихъ.

— Э, что тутъ говорить,—годъ, когда у многихъ матерей сыновья совсѣмъ пропадаютъ! — жестко замѣтилъ фабрикантъ изъ Лодзи; и опять у дамы-польки блеснули въ глазахъ слезы.

— А у другихъ, если не дѣти, то капиталы пропадаютъ,—продолжалъ онъ съ волненіемъ.

Вздохнулъ и покачалъ головой.

Выѣхавъ изъ Вильны въ полдень, только къ закату мы были въ Гродно, между тѣмъ какъ весь путь отъ Вильны до Варшавы этотъ поѣздъ обычно дѣлаетъ въ восемь часовъ.

Но и то хорошо. Еще такъ недавно и этого не было. Приходилось по 10—15 часовъ ожидать на попутныхъ станціяхъ. А намъ обѣщаютъ прибытіе въ Варшаву завтра рано утромъ.

Въ Гроднѣ схлынула часть пассажировъ, но прибавились новые, и опять ни о чемъ больше нѣтъ рѣчи, какъ только о войнѣ. Тамъ, гдѣ закатывается солнце, сейчасъ гремятъ орудія, скрежещетъ, ударяясь, желѣзо о желѣзо и льется кровь.

Закатывается солнце, окрашивая золотомъ и пурпуромъ весь горизонтъ. Скоро отблески зари тускнѣютъ, но не успѣваютъ еще по-

гаснуть, какъ съ другой стороны восходитъ луна, и серебристый свѣтъ ея разливается по равнинѣ и по лѣсамъ и по старому католическому кладбищу на высокомъ поросшемъ деревьями холмѣ, гдѣ длинные деревянные мѣстами покосившiеся черные кресты кажутся въ сумеркахъ почти живыми.

Во встрѣчныхъ мѣстечкахъ и усадьбахъ загораются огоньки, и все дышитъ спокойствiемъ и миромъ.

Въ Бѣлостокъ приходимъ мы часовъ около десяти и должны стоять часа два, а то и больше.

НЕДОРАЗУМѢНIЕ.

Собственно, объ этомъ дорожномъ недоразумѣнiи не стоило бы даже и поминать, если бы оно не послужило причиной довольно любопытнаго знакомства и бесѣды. Само собою создалось нѣчто въ родѣ увертюры къ тому мотиву, который проходитъ, къ сожалѣнiю, черезъ весь концертъ варшавской жизни, вообще говоря, нынѣ настроенной на очень высокiй ладъ.

Недоразумѣнiе состояло въ слѣдующемъ.

Въ Бѣлостокѣ, гдѣ поѣздъ нашъ стоялъ болѣе двухъ часовъ, вернувшись съ вокзала въ свой вагонъ, я нашелъ свои вещи выброшенными въ коридоръ изъ купэ перваго класса.

—?

Кондукторъ таинственнымъ шопотомъ сообщаетъ мнѣ, что купэ приказано очистить именемъ коменданта для какого-то лица, везущаго въ Варшаву важныя бумаги. Я хотя важныхъ бумагъ не везъ, но не намѣренъ былъ проводить ночь въ коридорѣ и отправился къ коменданту, считая, что даже комендантъ, даже въ такое время, не станетъ столь безцеремонно обращаться съ пассажиромъ, у котораго на занятое имъ мѣсто имѣется билетъ.

Такъ оно и оказалось. Несмотря на таинственныя сообщенiя оберъ-кондуктора, комендантъ, оказавшiйся очень любезнымъ человѣкомъ, приказалъ водворить въ вагонъ мои вещи и очистить мѣсто, которое я занималъ.

Вѣроятно, господинъ, везшiй очень важныя бумаги, послѣ такого неожиданнаго оборота дѣла подумалъ, что я везу тоже не менѣе важныя бумаги, потому что поспѣшилъ отрекомендоваться мнѣ.

Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что предо мной варшавскій журналистъ, сотрудникъ польской газеты, которую онъ назвалъ мнѣ. Кондукторъ перепуталъ: приказалъ очистить для него купэ не комендантъ, а полковникъ А. Я ужъ не интересовался, что это за полковникъ, и заявилъ, къ его удивленію, что я тоже въ настоящее время на положеніи журналиста, послѣ чего убѣжденъ былъ, что спутникъ мой расхохочется и сознается, что никакихъ важныхъ бумагъ у него нѣтъ и не было, а что онъ прибѣгъ къ этому маневру только для того, чтобы провести какъ можно спокойнѣе ночь въ отдѣльномъ купэ. Не тутъ-то было: онъ по секрету сообщилъ мнѣ, что дѣйствительно везетъ какія-то важныя бумаги.

Ужъ не отъ генеральнаго ли штаба? Я, однако, не считалъ себя въ правѣ разспрашивать его объ этомъ. Достаточно было и того, что мы познакомились.

Онъ выразилъ свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что я, въ первый разъ ѣдущій въ Варшаву, былъ столь негостепріимно встрѣченъ, такъ сказать, у вратъ ея и кѣмъ же? не какимъ-нибудь жидомъ, а исконнымъ полякомъ, да еще своимъ братомъ-журналистомъ.

Это не случайно оброненное слово ж и д ъ и послужило предметомъ дальнѣйшей бесѣды. Я выслушалъ нѣсколько анекдотовъ о коварствѣ евреевъ, объ отсутствіи у нихъ патріотизма, любви къ Россіи, о томъ, какъ они готовы предаться Вильгельму при первой возможности, и прочій вздоръ. Когда я попросилъ доказательствъ, вмѣсто нихъ услышалъ опять тѣ же самые анекдоты, которые уже слышалъ раньше. А когда я привелъ неоспоримые факты, доказывающіе какъ разъ противоположное и извѣстные и переизвѣстные всѣмъ, спутникъ мой объявилъ, что имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, мѣстныхъ евреевъ, то-есть, евреевъ польскихъ, что онъ даже допускаетъ, что Пуришкевичъ, Глобачевъ, Шмаковъ и прочіе ненавистники и враги еврейства настолько могли увѣровать въ еврейскій патріотизмъ и самоотверженное стремленіе евреевъ умереть за родину, что клялись больше никогда не преслѣдовать ихъ.

— Но все это произошло оттого, что они не знали польскихъ евреевъ!—закончилъ онъ съ какимъ-то упрямымъ озлобленіемъ.

Опять пошли анекдоты, тѣ злостные клеветническіе анекдоты, которые повторяются о евреяхъ каждый разъ, какъ въ Россіи происходитъ какая-нибудь историческая перестановка: анекдоты о гробахъ,

въ которыхъ вмѣсто покойниковъ переправляются за границу еврейско-русскіе милліоны, о возахъ съ капустой или огурцами, въ которыхъ перевозятъ евреи шпіоновъ-нѣмцевъ, или русскихъ революціонеровъ (смотря по обстоятельствамъ) черезъ границу.

Надо обладать во-истину неслыханнымъ безстыдствомъ, чтобы подобные анекдоты повторять въ печати до тѣхъ поръ, пока не раздастся властное «цыцъ!» со стороны того самаго общества, или начальства, которому старались лакейски угодить соглядатаи и приказчики прессы.

Надо отдать справедливость моему собесѣднику, онъ въ данномъ случаѣ говорилъ не столько за страхъ, сколько за совѣсть, но отъ этого нисколько не сталъ убѣдительнѣй. Въ концѣ концовъ онъ просто-напросто сознался мнѣ, что ненавидитъ евреевъ за то, что они когда-то были на побѣгушкахъ у польскаго панства, а теперь, когда это панство разорилось и должно было изыскивать себѣ средства къ существованію разными путями и, между прочимъ, коммерціей, евреи явились имъ серьезными конкурентами.

Тутъ самъ собой напрашивается вопросъ, какъ же это конкуренты, коммерческіе интересы которыхъ такъ тѣсно связаны съ Россіей, не прочь отмежеваться отъ этой самой Россіи подъ скипетръ Вильгельма или Австріи; но логика дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ, какъ красный плащъ торреадора на разъяреннаго быка. Это была почти органическая ненависть, которая становилась тѣмъ болѣе дикой и безсмысленной, чѣмъ болѣе старалась о своемъ оправданіи.

— Евреи предатели! Евреи въ Польшѣ—руссификаторы. Наконецъ, евреи избрали своего депутата въ Государственную Думу.

Выразителемъ этой ненависти является, какъ извѣстно, мѣстная газета «Два Гроша». Когда начальство заткнуло ей ротъ въ клеветническихъ измышленіяхъ о евреяхъ, она обратилась съ воззваніемъ къ своимъ читателямъ, прося ихъ сообщать всѣ извѣстные имъ факты о поведеніи евреевъ въ войскахъ, объ отношеніи евреевъ къ непріятелю и проч. Для замаскированія помянуты также и поляки, но читатели этой газетки знаютъ, какъ надо понимать редакціонное обращеніе.

Надо сказать правду, безстыдное неприличіе «Двухъ Грошей» и тѣхъ, кто съ ними и за ними, отлично оцѣниваютъ почти вся остальная польская печать и общество. Слишкомъ очевидны тѣ

жертвы, которыя еврейство уже успѣло принести на священный алтарь войны и своей кровью и своими средствами, чтобы, даже внутренно не сочувствуя имъ, поддерживать гнусную травлю. Наконецъ, въ арміи нашей сражаются въ настоящее время сотни тысячъ евреевъ, и было бы прямо преступно вносить растлѣніе въ ихъ ряды подобной несправедливостью.

Рознь между поляками и евреями, особенно обострившаяся со времени выборовъ, бросилась мнѣ въ глаза еще въ Вильнѣ и показалась оскорбительной для переживаемаго нами великаго момента. Но тамъ она носитъ скорѣе всего характеръ провинціализма и кажется наивной сравнительно съ тѣмъ злостнымъ характеромъ, который она имѣетъ въ Варшавѣ, повторяю, въ нѣкоторыхъ слояхъ польскаго общества. Задача честной и нелицепріятной прессы сказать объ этомъ настоящую правду и тѣмъ не только предупредить незаслуженныя обиды и тѣ историческіе, можетъ быть, роковые промахи, которые могутъ отъ этого произойти въ настоящемъ и будущемъ.

Въ эти великіе, кровавые и святые дни, когда всѣ мы стоимъ на грани новой жизни, новой исторіи, новыхъ правовыхъ отношеній, въ которыхъ, несомнѣнно, должно быть болѣе человѣчности и справедливости, чѣмъ когда бы то ни было, хочется отъ всего сердца обратиться съ словомъ увѣщанія къ слѣпымъ человѣконенавистникамъ и гонителямъ. Но слово ничего не стоитъ передъ каплею крови, и я рекомендую имъ обратиться хотя бы въ мѣстные госпитали и посмотрѣть, сколько евреевъ, израненныхъ, искалѣченныхъ въ бояхъ, лежатъ тамъ на ряду съ русскими и поляками. Можетъ быть, тогда злоба и клевета замрутъ на ихъ губахъ, и имъ станетъ стыдно самихъ себя и они наклонятся надъ окровавленнымъ тѣломъ не съ бѣшеной слюною, а съ братскимъ поцѣлуемъ, какъ это сдѣлалъ, говорятъ, въ варшавскомъ Маріинскомъ госпиталѣ недавній врагъ евреевъ—Пуришкевичъ.

ВЪ ВАРШАВѢ.

Поѣздъ пришелъ въ Варшаву рано утромъ, и утро было такое великолѣпное, солнечно-яркое и ласковое, что я даже забылъ на время о непріятномъ разговорѣ, тѣмъ болѣе, что спутникъ мой, за вычетомъ его болѣзненнаго отношенія къ евреямъ, оказался чрезвы-

чайно любезнымъ и услужливымъ господиномъ. Онъ былъ природный варшавянинъ, прожилъ здѣсь всю свою жизнь и собирался здѣсь же умереть. Въ немъ чувствовалась настоящая любовь къ своей родинѣ и та нѣсколько повышенная польская гордость, въ которой сквозитъ затаенная боль. Онъ безъ ужаса не могъ представить себѣ, что этотъ великолѣпный городъ могъ очутиться въ рукахъ нѣмцевъ. О, лучше умереть!

— Но...—съ чувствомъ закончилъ онъ,—если бы насъ оставили въ Варшавѣ беззащитными, мы бы даже безропотно принесли въ жертву и это древнее гнѣздо польскихъ орловъ, колыбель былой нашей славы и величія. Да, да, безропотно, во имя преданности Россіи, которая особенно ожила и окрѣпла послѣ великокняжескаго воззванія Главнокомандующаго, даннаго полякамъ въ великій для Россіи моментъ передъ лицомъ всего міра.

Это милость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливость, которую мы оправдываемъ въ настоящее время своимъ единодушіемъ съ Россіей.

Я опять вспомнилъ о евреяхъ, но не хотѣлось говорить. Красота Варшавы сразу очаровала меня. Надъ широкой Вислой, отражаясь въ ней съ своими зелеными садами, стояли прекрасные старинные дворцы. За ними—большой кипучій городъ съ древними костелами, великолѣпными домами-памятниками и парками, а направо—древняя Варшава, съ почернѣвшими отъ времени красными черепичными кровлями, узкими улицами и старыми, проѣденными временемъ стѣнами.

Черезъ Вислу широкими стальными узорными пряжками перекинулись мосты. Прямо навстрѣчу намъ мчалась пожарная повозка, приспособленная для перевозки раненыхъ, а по мосту одинъ за другимъ неслись на велосипедахъ дружинники-санитары въ сѣрыхъ костюмахъ, съ повязками Краснаго Креста, члены мѣстнаго велосипеднаго клуба, также обслуживавшіе теперь раненыхъ.

Солнце, разсыпаясь сквозь желѣзную сѣтку моста, сверкало на стали велосипедовъ, зыбкой рябью переливалось по мчавшимся сѣрымъ фигурамъ.

— Среди нихъ вы не найдете ни одного санитара-еврея! — съ торжествомъ замѣтилъ мой спутникъ.

— Почему?

— Потому что это польскій клубъ. Все варшавское общество поднялось на помощь раненымъ и въ санитарахъ-евреяхъ нѣтъ никакой нужды.

**
*

Дѣйствительно, все варшавское общество (въ томъ числѣ и евреи, учредившіе для раненыхъ прекрасный лазаретъ на 200 кроватей и отдавшіе для той же цѣли всѣ свои больницы) поднялось на помощь раненымъ и ихъ семьямъ, а также бѣженцамъ изъ разгромленныхъ непріятелемъ городовъ и мѣстечекъ.

Особенную дѣятельность проявляетъ обывательскій комитетъ, не ограничивающійся тѣмъ, что уже создано имъ здѣсь, на мѣстѣ, и озабоченный помощью раненымъ на мѣстѣ дѣйствій и созданіемъ летучихъ отрядовъ, которые сопровождали бы раненыхъ во время перевозки ихъ въ лазареты и во всѣхъ отношеніяхъ заботились бы о нихъ. У Краснаго Креста не хватаетъ на это ни силъ, ни средствъ. Какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, оказывается всего мало и особенно мало людей, и раненые нерѣдко доставляются сюда неперевязанные и полуголодные, такъ какъ, прежде всего, приходится спѣшить доставить ихъ туда, гдѣ имъ можетъ быть оказана существенная помощь.

Пока извозчикъ везъ меня къ гостиницѣ, по широкимъ, удивительно чистымъ, красивымъ улицамъ Варшавы, я всюду наблюдалъ картины широкой европейской жизни, которая начинала входить въ обычное русло послѣ недавней двухнедѣльной паники; объ этой паникѣ кое-гдѣ напоминали только заколоченные наглухо досками магазины, да нѣкоторые дома съ закрытыми дверями и окнами.

Но теперь къ обычной жизни города прибавилась новая и едва ли не самая яркая полоса жизни—военная: проходили сѣрые солдаты въ боевомъ снаряженіи, тянулись военные обозы, мчались автомобили, также съ военными людьми; яркими пятнами пестрѣли повязки и значки Краснаго Креста на повозкахъ, на рукавахъ и на груди прохожихъ. Одна за другой тяпулись деревенскія балагулы, набитыя, главнымъ образомъ, женщинами и дѣтьми, бѣжавшими отъ нѣмецкаго погрома и звѣрствъ.

Здѣсь, въ тылу арміи, еще ощутительнѣе чувствовался тревожный напряженный пульсъ войны, чѣмъ въ Вильнѣ, и я сразу, чуть ли не въ первый же часъ моего пребыванія въ Варшавѣ, оказался охваченнымъ крутящимся водоворотомъ этой жизни, въ которомъ кровь и слезы, нищета и голодъ озарялись дымнымъ заревомъ пожаровъ пылающей поблизости войны.

***

Чѣмъ болѣе я встрѣчаю въ Варшавѣ поляковъ различныхъ общественныхъ слоевъ, положеній и профессій, тѣмъ больше убѣждаюсь въ ихъ искренномъ, широкомъ и дружескомъ сліяніи съ Россіей въ эти великіе историческіе дни.

Сейчасъ они беззавѣтно отдаютъ средства и силы и кровь на то, чтобы сломить желѣзнаго врага Россіи и, если не негодуютъ, то скорбятъ по поводу той политической ошибки, въ которую впали польскіе соколы, возставшіе противъ Россіи, обманутые своей политической близорукостью и отсутствіемъ политическаго инстинкта и, такимъ образомъ, обманувшіе невольно и невольно погубившіе наивно довѣрившихся имъ собратьевъ.

Мудрено гадать о будущемъ, но надо надѣяться, что, когда осуществятся такъ страстно лелѣемыя ожиданія польскаго народа, возбужденныя воззваніемъ Великаго Князя Николая Николаевича, сгладится и та острота отношеній польскаго народа къ еврейству, которая по временамъ, въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ, производитъ на сторонняго наблюдателя отталкивающее впечатлѣніе. Конечно,—справедливо замѣтилъ мнѣ на-дняхъ одинъ изъ виднѣйшихъ политическихъ дѣятелей въ Варшавѣ,—польско-еврейскаго вопроса не существуетъ. Существуютъ вопросы польскій и еврейскій, счастливое разрѣшеніе которыхъ и должно повести къ окончательному ликвидированію вражды поляковъ къ евреямъ. Поставленные въ наиболѣе счастливыя условія политической жизни, поляки въ состояніи будутъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ упрочить и утвердить свое благополучіе гражданское, а съ нимъ и матеріальное. Болѣе успокоенные и обезпеченные въ личной и національной свободѣ, они, можетъ быть, перестанутъ видѣть врага въ евреѣ. Но это уже вопросъ скорѣе психологическій, чѣмъ общественный, и не слѣдуетъ мѣшать психологію тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ политика.

Какъ-то безотчетно чувствуется и вѣрится, что мы на границѣ новой исторіи. Книга еще закрыта, но на омоченныхъ кровью страницахъ, подъ однимъ переплетомъ, горятъ, на ряду съ русской, свѣтлыя печати Англіи, Франціи и маленькой, но нынѣ увѣнчанной блистающимъ ореоломъ героической Бельгіи—странъ, гдѣ слово «еврей» не служитъ позорной кличкой. Это единеніе не случайное, а какъ бы предопредѣленное самой Судьбой, и если нельзя утверждать,

что оно ко многому обязываетъ, то уже, во всякомъ случаѣ, надо свято надѣяться и вѣрить, что кровь этихъ націй, слившаяся вмѣстѣ въ одномъ очистительномъ потокѣ, братское единеніе въ одномъ порывѣ, призванномъ сокрушить силу и гнетъ бронированнаго кулака, душившаго Европу,—все это не можетъ пройти безслѣдно.

Вчера я былъ въ мѣстномъ польскомъ театрѣ и видѣлъ переводную пьесу французскаго автора — «Эльзасъ». Пьеса не Богъ вѣсть какихъ художественныхъ достоинствъ, но въ ней есть нервъ момента, и публика биткомъ наполняетъ театръ. Самое названіе пьесы уже до нѣкоторой степени раскрываетъ ея характеръ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ постановка этой пьесы была бы немыслима въ Варшавѣ по цензурнымъ условіямъ. А сейчасъ театръ полонъ не только поляками и евреями, но и русскими офицерами, и бурный восторгъ публики вызываетъ не только неизбѣжная въ такой пьесѣ марсельеза, которую публика, стоя, заставляетъ повторять по нѣсколько разъ, но и всѣ тѣ сцены, гдѣ звучатъ протестъ и негодованіе за попранныя народныя права, гнѣвъ на притѣснителей и насильниковъ.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДОЛИНА.

Швейцарская долина въ Варшавѣ—это своего рода барометръ войны. Сюда стекаются безпріютные бѣглецы изъ пограничныхъ городовъ и мѣстечекъ, куда врываются враги. При мнѣ пришли несчастные, растерзанные, полуголодные. Снаряды все время, почти по всей Польшѣ, разрушаютъ дома, зажигаютъ, калѣчатъ и убиваютъ жителей.

Одни приходятъ, другіе уходятъ. Вотъ тутъ же отправляютъ рабочихъ въ Харьковъ. Всѣ они прилично одѣты, а многіе пришли сюда въ рубищѣ: ихъ одѣли здѣсь же, въ Швейцарской долинѣ. Болѣе десяти тысячъ народа уже прошло черезъ это благодѣтельное учрежденіе, и все идутъ и идутъ новые, точно вертится гигантское колесо изъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ, принимая однихъ, возвращая другихъ туда, откуда непріятель прогнанъ, выдѣляя третьихъ для внутреннихъ губерній Россіи, куда не достигнутъ огненныя искры войны.

За длинными столами обѣдаютъ дѣти: первая очередь. Сотня

дѣтскихъ головокъ, остриженныхъ, вымытыхъ. Печальными, полными слезъ и нѣжности глазами за ними слѣдятъ матери, которыя будутъ обѣдать послѣ дѣтей, а тамъ—отцы и братья. Среди нихъ есть раненые. Вся площадь Швейцарской долины, всѣ ея помѣщенія заняты бѣглецами. Здѣсь, гдѣ гремѣла музыка симфоническихъ концертовъ, устраивались танцы,—теперь нищета и горе встрѣтили пріютъ и заботу. И странно и жутко видѣть на мѣстѣ нарядной толпы—этихъ обездоленныхъ людей возлѣ зіяющей пустоты эстрады, гдѣ изъ гигантской раковины гремѣлъ стройный музыкальный оркестръ.

Еще болѣе жутко знать, что семья одного изъ извѣстныхъ дирижеровъ, подвизавшихся на этой эстрадѣ, г-на Намысловскаго, пріѣзжавшаго съ своимъ огромнымъ національнымъ оркестромъ и въ Петроградъ, гдѣ онъ имѣлъ большой успѣхъ, эта семья пріютилась подъ тѣмъ же гостепріимнымъ кровомъ Швейцарской долины.

Вчера еще богатые люди, нынче они разорены. И вотъ, предо мною жена Намысловскаго, еще молодая, придавленная обрушившейся на нее бѣдой женщина, беременная, безконечно изнервничавшаяся, съ выраженіемъ еще не покинувшаго ее испуга на блѣдномъ усталомъ лицѣ. Она разсказываетъ объ этихъ недавнихъ дняхъ ужаса и тревоги и не вѣритъ себѣ, что она въ безопасности, что вокругъ шумъ и движеніе уличной жизни, а не грохотъ выстрѣловъ, который стоитъ въ ея ушахъ, не картины разоренія и смерти, которыя тяжкимъ кошмаромъ преслѣдуютъ ночью.

Имѣніе Н—ихъ находится въ Люблинской губ. Когда была объявлена мобилизація, изъ церквей и общественныхъ учрежденій стали вывозить все цѣнное и важное, Намысловскіе также вмѣстѣ съ другими рѣшили двинуться въ безопасныя мѣста, но ихъ успокоили, что война ихъ не коснется. И вдругъ, со всѣхъ сторонъ полетѣли вѣсти, что наступаютъ враги.

Одновременно откуда-то стало также извѣстно, что недалеко русскія войска, что ближайшіе крестьяне сами видѣли казачьи разъѣзды.

Однако, австрійцы показались первые: это были небольшіе развѣдочные отряды, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ чеховъ. Хотя, какъ передавали, они не обижали никого, но, чтобы не принимать ихъ и тѣмъ не навлекать на себя возможную кару со стороны русскихъ, у которыхъ могло зародиться какое-нибудь подозрѣніе относительно этого невольнаго гостепріимства, Намысловскіе рѣшили

покинуть имѣніе и уйти въ близлежащую лѣсную пущу, скрывъ наиболѣе цѣнныя вещи въ погребахъ и въ землѣ, забравъ съ собою для пропитанія что возможно. Такъ же, какъ они, поступили и многіе другіе. И вотъ, въ глубинѣ лѣса собралась не одна тысяча людей, рѣшившихъ переждать, когда врагъ отхлынетъ, или его прогонитъ великое русское войско. Тутъ было и духовенство, и владѣтели фольварковъ, и даже богатые крестьяне. Мужчины, женщины и дѣти. Только старики, да нѣкоторые очень вѣрные слуги остались охранять имущество, положившись на волю Божію.

День и ночь проводили въ глубинѣ лѣса, въ ненастье и ведро, боясь зажигать огонь, чтобы не навлечь вражеской бѣды. Ѣли какъ можно меньше, стараясь не стѣснять только дѣтей. Если случалось, по близости видѣли корову, загоняли ее сюда, доили и молокомъ кормили ребятокъ.

Что это была за жизнь, не трудно себѣ представить. Глухая лѣсная пуща, рыщущіе вокругъ враги, и эти перепуганные, лишенные крова, люди.

— У моего ребенка начались судороги, не знаю уже отчего: отъ недоѣданія ли, отъ болѣзни ли, или отъ перепуга. Но вернуться было невозможно: наши гнѣзда были уже заняты налетѣвшими хищниками,—говорила г-жа Намысловская.

Иногда доносились выстрѣлы. Но это были лишь незначительныя стычки австрійскихъ войскъ съ нашими развѣдочными отрядами. Постепенно эти стычки учащались и, наконецъ, стали переходить въ настоящія сраженія.

Мы оказались между двумя наступавшими одна на другую арміями, и съ каждымъ днемъ сраженія между ними становились страшнѣе. Всего въ трехъ верстахъ отъ лѣса шестнадцать часовъ безпрерывно длился бой, и мы не только слышали всю канонаду, но и пережили такіе страшные часы, о которыхъ никогда нельзя забыть.

Особенно страшно было ночью.

Всѣ сбивались въ кучу, въ лощинѣ густого чернаго лѣса, которому уже много вѣковъ. Вокругъ была темнота. Всѣ таились и жались другъ къ другу. Священники тихо читали молитвы и за ними ихъ повторяли другіе. А вокругъ, съ рѣдкими перерывами, шелъ грохотъ орудій и трескъ пулеметовъ, отъ которыхъ весь лѣсъ гудѣлъ

и какъ-будто вылъ, и дрожали деревья, осыпая таившихся подъ ними людей срывавшимися осенними листьями.

Въ то время, какъ подъ деревьями сгустилась темнота, надъ головой то и дѣло ослѣпительно и буйно вспыхивали яркіе огни, точно летали обезумѣвшія огненныя птицы. Иногда какъ-будто раскалывалось небо: разрывалась граната; вспышки огней пронизывали густыя верхушки деревьевъ, озаряли мгновеннымъ огнемъ стволы и вѣтки и всѣхъ этихъ сгрудившихся, дрожащихъ отъ безмолвнаго ужаса людей, среди которыхъ находилась и эта беременная женщина съ дѣтьми. Когда этотъ адъ хоть на минуту замолкалъ, доносился странный гулъ, какъ-будто эхо человѣческихъ воплей, а иногда дикое ржаніе лошадей, сорвавшихся съ коновязей и подбѣгавшихъ къ лѣсу, или бѣшено метавшихся послѣ того, какъ падали изъ сѣделъ убитые и раненые сѣдоки.

Иногда казалось, что гранаты падали гдѣ-то неподалеку, въ лѣсу. И вдругъ, запахло гарью и вдали поползли по сухому бурелому огненные языки.

По счастью пожаръ не охватилъ лѣса, а то всѣ таившіеся въ немъ могли бы сгорѣть заживо. Но опасность и ужасъ не покидали бѣглецовъ.

Такъ провели они въ лѣсу три недѣли, цѣлыхъ три недѣли безпрерывнаго страха и лишеній, питаясь чѣмъ попало, какъ звѣри, въ то время какъ шелъ бой.

Наконецъ, когда замолкъ грохотъ орудій, пошли тайкомъ развѣдчики и, вернувшись, донесли, что теперь тамъ казаки.

Тогда женщины рѣшили вернуться. Мужчины должны были притти, какъ только имъ дадутъ знать, что враговъ дѣйствительно нѣтъ. Это было сдѣлано не изъ трусости, а потому, что такъ велѣлъ опытъ. Австрійцы не трогали ни женщинъ, ни дѣтей, мужчинъ же забирали нерѣдко и уводили въ плѣнъ.

Но когда госпожа Намысловская вернулась, казаковъ уже не было: имѣніе было занято австрійцами.

Она увидѣла полный разгромъ. Все было разбито и выброшено наружу и опустошено. Что можно было взять, взяли. Дорогіе инструменты оркестровые, собственность Намысловскаго, среди которыхъ были скрипки Амати и Гроблича, частью увезены, а большинство— разбито, растоптано, превращено въ мусоръ. Инструментовъ уничтожено не менѣе, чѣмъ на 28—30 тысячъ.

Чешскій офицеръ, котораго г-жа Намысловская застала хозяйничающимъ въ своемъ полуразрушенномъ домѣ, сталъ увѣрять г-жу Намысловскую, что онъ засталъ все въ такомъ видѣ, и пытался свалить вину на казаковъ, которые одно время были здѣсь и, отступая, будто бы не хотѣли оставить всего этого добра непріятелямъ.

Онъ тихонько посовѣтовалъ г-мѣ Намысловской оставить свой домъ, такъ какъ ожидалось большое нашествіе австрійцевъ, которые могли отнестись къ ней не такъ, какъ онъ, и она опять вернулась въ лѣсъ. Но офицеръ-чехъ или обманулъ ее, или самъ ошибся. Черезъ нѣсколько дней эти мѣста опять были заняты русскими, а когда хозяева вернулись, они уже не нашли даже послѣднихъ остатковъ имущества. Сохранились только образа, и г-жа Намысловская смотритъ на это явленіе, какъ на чудо.

У Намысловскихъ было множество старинныхъ рѣдкихъ и весьма чтимыхъ иконъ, среди которыхъ особенно цѣнилась икона Заступницы Божьей Матери.

И вотъ тамъ, гдѣ стояла эта икона, все осталось неприкосновеннымъ; сохранились даже серебряныя ризы старой чеканки, а вокругъ валялись пробившія окна шрапнели и гранаты, которыя чудомъ не разорвались и не подожгли домъ. Русскіе офицеры, дивясь этому, сами собирали неразорвавшіеся снаряды.

Тогда хозяева, неувѣренные, что сюда опять не придутъ враги, откопали скрытыя ими деньги и драгоцѣнности, среди которыхъ былъ дорогой перстень, полученный Намысловскимъ отъ Государя за концертъ въ Спалѣ. Все это было запаковано въ ящики, и хемницинскіе крестьяне, любившіе Намысловскихъ, на своихъ рукахъ перенесли эти ящики въ мѣстечко, гдѣ стояли русскіе казаки и гдѣ, по совѣту свѣдущихъ людей, можно было схоронить вещи въ полной безопасности.

Однако, скоро заявились австрійцы. Такъ какъ ихъ было человѣкъ восемьдесятъ, а казаковъ раза въ три-четыре меньше, казаки отступили неподалеку.

Австрійцы, успокоенные жителями, что вблизи будто бы нѣтъ и признака русскихъ, расположились здѣсь, какъ дома. Но въ полночь казаки, которымъ донесли о присутствіи враговъ, ворвались въ мѣстечко и перебили весь австрійскій отрядъ. Лишь двое или трое успѣли спастись. Но зато эти спасшіеся явились на другой день съ большой силой и сожгли мѣстечко дотла.

Сгорѣли и всѣ спрятанныя Намысловскими вещи, и лишь среди грудъ пожарища, въ золѣ и пеплѣ, нашлось потомъ нѣсколько маленькихъ слитковъ сплавившагося серебра и капли золота. Всего погибло здѣсь ихъ вещей болѣе чѣмъ на тридцать тысячъ.

Австрійцы сожгли и оба имѣнія, арендуемыя Намысловскими. Сгорѣло и имѣніе съ старымъ замкомъ.

Намысловскимъ ничего не оставалось больше, какъ покинуть родное пепелище, чтобы сохранить единственное, что осталось отъ этого разгрома,—свою жизнь.

И вотъ они двинулись въ чемъ были въ Варшаву, и такъ добрались до Травниковъ. Тутъ они узнали, что недѣлю тому назадъ русскія войска прогнали австрійцевъ.

Одна австрійская армія шла на Бѣлгородъ, Красникъ и Яновъ, другая на Замостье, Кринатовъ и Травникъ. Цѣль австрійцевъ была взять Люблинъ и, соединивъ подъ Люблиномъ обѣ арміи, итти на Иванъ-городъ. Уже побѣда казалась имъ близка, но налетѣла петроградская гвардія и разбила непріятеля и взяла множество австрійскихъ солдатъ въ плѣнъ.

Подъ Травникомъ прошли десятки тысячъ плѣнныхъ. Сдавались охотно безъ боя всѣ славяне. По ихъ признаніямъ, отъ сдачи многихъ удерживалъ лишь страхъ передъ офицерами, среди которыхъ были и германцы. Теперь ихъ гнали въ Россію, какъ громадныя стада, рѣдко съ большимъ конвоемъ, часто подъ охраной нѣсколькихъ казаковъ, а то такъ и подъ начальствомъ ихъ же офицеровъ-славянъ, взявъ лишь присягу, что они честно пойдутъ, куда имъ приказано.

Г-жа Намысловская съ ужасомъ вспоминаетъ всѣ мытарства на своемъ пути и тѣ ужасныя впечатлѣнія, которыя пришлось ей пережить.

Весь путь похожъ на мрачное кладбище.

При отступленіи австрійцевъ перетонуло множество народа. Трупы всплывали на поверхность, прибивались теченіемъ къ берегамъ. Ихъ некому было вылавливать, и потому — лишь вдоль рѣки поставлены крестики.

Могилы и кресты, могилы и кресты, куда ни поглядишь. Иногда вмѣсто крестовъ—флажки: красный—бѣлый—черный. Здѣсь схоронены рядомъ русскіе и австрійцы. Смерть примирила и срав-

няла всѣхъ, а со временемъ сравняется и земля, на которой среди крестовъ теперь тамъ и сямъ валяются оружіе, снаряды и осколки, и придорожная трава, какъ забвеніе, покроетъ павшихъ вдали отъ ихъ родины и близкихъ.

НЕ ГЕРОЙ.

(Посвящается П. А. Л—у и всѣмъ «не героямъ»).

Есть слова, которыя какъ бы стираются и тускнѣютъ при частомъ и продолжительномъ употребленіи, и, наоборотъ, иныя слова отъ того же оживаютъ и возрождаются. Такія слова походятъ на жемчугъ, который играетъ и свѣтится, когда его носятъ на живомъ тѣлѣ, и такимъ словомъ стало теперь слово г е р о й, которое такъ же, какъ жемчугъ, играетъ и свѣтится на груди нашей молодой, мощной и великой арміи.

Я каждый день вижу передъ собой этихъ героевъ и когда они идутъ въ бой и когда, раненые, безъ жалобы, чаще всего даже безъ стоновъ, во время тяжкихъ страданій лежатъ въ госпиталяхъ, и тогда, когда ихъ, въ огромномъ большинствѣ—безвѣстныхъ, везутъ на вѣчный покой въ братскія могилы. Честь и слава живымъ, вѣчная память убитымъ, заплатившимъ своею кровью и жизнью за благо и миръ своей родины, за освобожденіе своихъ братьевъ-славянъ. Если вы одному изъ этихъ самоотверженно идущихъ на гибель людей, которыхъ покойный Драгомировъ звалъ сѣрой скотинкой, скажете, что онъ герой, это его лишь смутитъ и заставитъ, пожалуй, неловко отвернуться отъ васъ и покраснѣть: какой, дескать, я герой.—Я просто дѣлаю то, что мнѣ прикажутъ. Прикажутъ итти въ воду—иду, въ огонь—иду. Это мой долгъ.

Офицеры, раненые въ нынѣшнихъ бояхъ, тоже не разъ говорили мнѣ, что они, проявлявшіе, по отзывамъ очевидцевъ, поразительную храбрость, только исполняли свой священный долгъ. Надо, однако, признать, что давно этотъ священный долгъ не исполнялся съ такой ясностью и беззавѣтностью, какъ во время этой войны.

— Очень ужъ обозлились мы на нѣмцевъ,—объясняютъ одни.— Это не то что японцы. Насколько тѣ на войнѣ рыцари, настолько эти оказались хамы.

Другіе смотрятъ на дѣло шире:

— Тутъ есть за что драться, потому всѣ и идутъ въ бой безтрепетно и бодро. Герои это тѣ, которые совершаютъ подвиги въ одиночествѣ. А мы идемъ силой. Не даромъ говорятъ: «На міру и смерть красна».

***

Военный госпиталь. Офицерская палата. И свѣтъ и чистота.

Четыре кровати, и на каждой изъ нихъ—раненый;—все не герои. На столикахъ передъ каждымъ фрукты, сласти, цвѣты... Около двоихъ—близкіе люди.

Только одинъ раненый—старый, сѣдой офицеръ. Остальные—молодые. Возлѣ одного изъ нихъ—невѣста; возлѣ другого—жена. И обѣ также красивыя, молодыя.

И сестры въ бѣломъ—также красивы и молоды. И все такъ свѣтло и трогательно, точно создано для художественной сцены.

— Я прямо не вѣрю себѣ, что лежу въ этой свѣтлой палатѣ, что около меня сидитъ жена и что я выздоравливаю,—говоритъ еще слабымъ голосомъ подполковникъ Л. и съ счастливой улыбкой закрываетъ на минуту глаза.

Его черная, коротко остриженная голова откинута на подушкѣ, и небольшая бородка, къ которой очень идетъ чуть-чуть проступающая просѣдь, особенно оттѣняетъ все еще болѣзненную блѣдность лица.

У него раздроблена голень правой ноги, и эта нога, забинтованная отъ колѣна вмѣстѣ со ступнею, выступаетъ изъ-подъ одѣяла какъ что-то чужое этому счастливо улыбающемуся блѣдному лицу и полуопущеннымъ вѣкамъ, подъ которыми, замѣтно для глазъ, трепещутъ зрачки.

Сквозь густо и плотно закатанный бинтъ виднѣется темноватое пятно: это рана; тамъ недостаетъ пяти кусочковъ кости.

Эти пять кусочковъ—и его плата за мѣстечко Орлау, взятое русскими. Но доктора утѣшаютъ, что кости дотянутся одна къ другой и срастутся такъ, что онъ не будетъ хромать.

Я смотрю на это блѣдное красивое лицо съ тронутыми улыбкой губами и вдругъ вижу, какъ эта улыбка мгновенно исчезаетъ и рѣсницы, вздрогнувъ, быстро поднимаются.

Не надо спрашивать, чтобы понять, что ему въ одно мгновеніе представилось все, что составляло кошмарный ужасъ той кровавой ночи. И опять то, что онъ увидѣлъ предъ собою, открывъ глаза, по-

казалось почти неправдоподобнымъ, такъ это далеко отъ того. Совсѣмъ другой міръ. И нельзя никакъ эти двѣ картины примирить. Что-нибудь одно должно быть дѣйствительностью. Или дѣйствительность—то, а это—сонъ, или наоборотъ. Нельзя, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ, одна и та же душа переживала и то и это на одной и той же планетѣ. А можетъ быть, контрастъ и не такъ ужъ великъ? Можетъ быть, и то и это, несмотря на кажущееся противорѣчіе,—порожденіе одной и той же земли, творящей терніи вмѣстѣ съ цвѣтами?

Я убѣждаюсь въ справедливости моей мысли, когда слушаю разсказъ этого не героя. Мало того, я вижу ясно, что безъ этого, со стороны страшнаго, кроваваго эпизода, жизнь его была бы не полна, и онъ скорѣе готовъ остаться хромымъ на всю жизнь, чѣмъ вычеркнуть его изъ своей жизни. Я не спрашиваю его—я такъ думаю. Не спрашиваю потому, что я въ этомъ увѣренъ.

За свою сорокалѣтнюю жизнь подполковникъ Л. успѣлъ сдѣлать три кампаніи: китайскую, японскую и эту, послѣднюю.

Онъ—офицеръ генеральнаго штаба. Война—его спеціальность, и онъ говоритъ о ней, какъ о главномъ дѣлѣ своей жизни, почти какъ объ искусствѣ. Кстати, онъ любитъ и тѣ искусства, которыя предназначены къ тому, чтобы украшать жизнь, а не разрушать ее, и до слезъ негодуетъ на тупое и звѣрски-дикое варварство нѣмцевъ, уничтожившихъ сокровища Лувена и Реймса, покушавшихся на великіе памятники человѣческаго творчества въ Парижѣ. Насколько японцы, по его словамъ, мастера и рыцари войны, настолько нѣмцы—механическія куклы и животныя. Онъ любитъ наравнѣ съ искусствомъ и природу. Много путешествовалъ и много понялъ и знаетъ.

Наконецъ, онъ самъ пробовалъ писать, и книга его, которую я прочелъ съ большимъ интересомъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что у подполковника Л.—душа и темпераментъ художника.

Но война—дѣло его жизни, и онъ пошелъ воевать такъ же, какъ художникъ идетъ творить.

То, что было до этого важнаго и трагическаго момента его жизни, было для всѣхъ. Для всѣхъ былъ совѣтъ, на которомъ было выработано постановленіе итти туда-то и дѣлать то-то.

И всѣ пошли и дѣлали. Но то, что началось, когда онъ уже не могъ дѣлать то, что обязанъ былъ дѣлать, то-есть, убивать,—это было уже для него одного. И это оказалось самымъ важнымъ въ его жизни.

Надо было взять Орлау, взять во что бы то ни стало.

Онъ былъ какъ разъ въ центрѣ авангардной линіи тѣхъ полковъ, которые шли въ сраженіе.

Двигались подъ страшнымъ огнемъ и градомъ шрапнели, которая выбивала людей, какъ градъ выбиваетъ хлѣбныя нивы. А они все шли и шли. Времени точно не существовало. И странно было, когда солнце вдругъ оказалось на закатѣ, между тѣмъ какъ они вышли рано утромъ.

Раскаленный градъ сыпался на нихъ, и они также сыпали раскаленнымъ градомъ, и эти выстрѣлы какъ-будто убивали не только людей, но и время.

Ни на одну минуту не чувствовался голодъ, но пить хотѣлось безпрерывно и, забывая правило о томъ, чтобы бережливо обходиться въ походѣ съ водой, всѣ выпивали свою воду раньше, чѣмъ бы это слѣдовало.

— Теперь, — сказалъ подполковникъ, — я подхожу къ самому важному. Помните, что сказалъ Толстой о разсказахъ раненыхъ и участниковъ боя. Это правда. Я бы не сталъ вамъ разсказывать всего, не надѣясь, что время и повтореніе одного и того же не наслоили на правду много невольной фантазіи, если бы я не написалъ всего этого моей женѣ, вотъ ей,—указалъ онъ на несводившую съ него глазъ красивую женщину,—написалъ въ тотъ самый день, какъ моя рука въ состояніи была держать перо. Это былъ мой первый разсказъ о томъ, что я пережилъ, и ей, первой, я не могъ не разсказать такъ, какъ все на самомъ дѣлѣ было.

Я видѣлъ, какъ падали мои солдаты, хватаясь то за голову, то за животъ, то за ногу. Что-то кричали, стрѣляли, стонали и падали. Иные, смертельно раненые, бѣжали нѣкоторое время даже не подозрѣвая, что ранены, и вдругъ валились лицомъ внизъ, раскидывая руки; другіе падали совсѣмъ не будучи ранены, а только почему-то вообразивъ, что ранены смертельно, и, если не успѣвали во-время подняться, ихъ давили бѣгущіе за ними слѣдомъ.

Вы хотите знать, что чувствуешь и думаешь, когда рядомъ падаютъ раненые? О, это совсѣмъ не то, что вы увидите упавшаго на улицѣ, когда вокругъ—безпечная и разношерстная толпа. Тамъ вы поражаетесь и не вѣрите, что это можетъ быть; здѣсь вы знаете, что иначе быть не можетъ.

Въ увлеченіи мы не замѣчали, что далеко продвинулись впередъ.

Я говорю—мы, а между тѣмъ это уже не былъ мой батальонъ. Отъ моего батальона осталось всего нѣсколько человѣкъ. Въ то же самое время, я далеко ушелъ впередъ отъ моего полка, а съ лѣвой стороны у меня очутилось отбившееся за нами правое крыло другого полка со своимъ знаменемъ. Офицеры этого полка были также перебиты, и знамя переходило изъ рукъ въ руки.

Я видѣлъ, какъ неподалеку отъ меня упалъ тотъ солдатъ, въ рукахъ у котораго было простреленное и выпачканное кровью знамя. Я подхватилъ это знамя, надѣлъ его на пику и видѣлъ, какъ въ то время, когда я надѣвалъ на пику знамя, солдаты, бѣжавшіе рядомъ со мною, цѣловали его, чтобы потомъ броситься умереть, какъ бы прощаясь съ этимъ знаменемъ, какъ съ своей родиной, и оставляя ему въ этомъ послѣднемъ святомъ поцѣлуѣ свою любовь и вѣру и душу.

Не только прикосновеніе къ знамени, но самый видъ его зажигалъ ихъ, какъ пламя. И сами они вспыхивали послѣднимъ пламенемъ и творили чудо. Надо было выбить непріятеля изъ окоповъ, и мы выбили его, мы заставили его принять рукопашный бой. Нѣмцы—не японцы, они часто боятся штыка и бѣгутъ отъ него. Но у нихъ было еще средство защиты передъ бѣгствомъ, котораго не было у насъ: ручныя гранаты. Они стали бросать въ насъ эти гранаты, которыя, разрываясь, производили страшное опустошеніе.

И странное дѣло, я бѣжалъ со знаменемъ, или мнѣ казалось, что бѣжалъ и кричалъ: впередъ! За мной! А можетъ быть, что-нибудь другое кричалъ и въ то же время слышалъ ясно, какъ ругались на нѣмцевъ наши солдаты и тѣ ругались тоже, и даже тѣ находили время обвинять насъ въ томъ, что это мы затѣяли войну.—И будьте вы прокляты за это!

Они вѣрили подлому обману и проклинали насъ, въ то время какъ должны были бы проклинать своего императора.

И вдругъ я почувствовалъ ясно, какъ нога у меня какъ-будто загорѣлась и сразу отяжелѣла, и я въ первый разъ ясно услышалъ запахъ паленаго и крови, своей собственной крови, которая потекла въ сапогъ, наполняя ногу липкимъ тепломъ. Тѣло сразу охватила непреодолимая усталость, и я упалъ какъ-будто скорѣе отъ этой усталости, нежели отъ страшной, какъ потомъ оказалось, раны. Когда я уже падалъ, пруссакъ ударилъ меня въ голову прикладомъ. Но, и падая, я не забывалъ о знамени: вмѣстѣ съ остріемъ пики я схватилъ

его и, упавши, почувствовалъ, какъ оно накрываетъ меня съ головой. Въ ту же самую минуту чья-то рука выхватила его у меня. Слава Богу, рука русскаго солдата. Но этотъ солдатъ тутъ же упалъ рядомъ со мною. Я повернулся, чтобы подползти къ нему, и мнѣ казалось, что я перебираю быстро руками и ногами. Между тѣмъ, я оставался на одномъ мѣстѣ. По счастью, я увидѣлъ, какъ другой, тоже русскій, солдатъ схватилъ это знамя и передалъ дальше стоящему, а самъ въ ту же минуту рухнулся на-земь. Отъ взорвавшейся ручной гранаты, которая убила его, поднялась столбомъ пыль и кровь, которыя залѣпили всего меня и засорили глаза. Открывши глаза, я увидѣлъ, что знамя было далеко отъ вражескихъ рукъ. Оно спасено, слава Богу. Я заплакалъ отъ радости, хотѣлъ перекреститься—и не могъ. Я не могъ больше шевельнуть ни однимъ членомъ, точно былъ я не на землѣ, а какъ бы втиснутъ въ самую землю, или составлялъ съ ней одно, что-то въ родѣ барельефа.

Это меня поразило. Что бы это значило? Вѣдь раненъ я въ ногу, а не могу шевельнуть рукой. Или это отъ удара въ голову?

Вопросъ этотъ такъ занималъ меня, что я на минуту забылъ обо всемъ остальномъ. И опять не знаю, сколько времени продолжалось мое недоумѣніе, но помню, что я ужасно обрадовался когда вдругъ ощутилъ, что рука моя, и правая и лѣвая, можетъ шевелиться. Въ ту же минуту я увидѣлъ, что лежу въ картофельномъ полѣ: неподалеку отъ меня, влѣво, группа деревцовъ, направо—деревушка, а за деревцами—мостъ чрезъ рѣчку. Солнце заходитъ, очевидно, за моей головою и должно быть уже совсѣмъ низко, потому что я вижу ясно, что стволы деревьевъ, и рѣчка, и облачко на горизонтѣ позолотились, порозовѣли.

Одновременно съ этимъ я увидѣлъ нашихъ, которые теперь уже опередили меня и двумя далеко разошедшимися одна отъ другой колоннами гнали также раздвоившуюся массу враговъ, бѣжавшихъ подъ все увеличивавшимся угломъ. Такимъ образомъ, мы, упавшіе въ центрѣ, оказывались позади, и позади оказывался непріятельскій центръ, въ которомъ также оставалось немного людей.

Я не могъ оглянуться назадъ и ждалъ, что подоспѣютъ наши санитары и подберутъ раненыхъ, въ томъ числѣ и меня. Но санитары не шли. Правда, я особенной боли не чувствовалъ, но ногу мою палило, какъ огнемъ и, вѣроятно, отъ крови, наполнявшей сапогъ, она была такъ желѣзно-тяжела.

Ступня ноги была разбита, совсѣмъ выворочена и держалась лишь на мускулѣ. Такъ какъ шашка моя упала изъ рукъ, когда я падалъ, я сталъ стараться ножнами повернуть ее на мѣсто.

Въ эту минуту я услышалъ крики пруссаковъ:

— Er ist hier! Er ist noch nicht gestorben.

Нѣсколько рукъ съ винтовками и револьверами протянулись ко мнѣ. Но какъ-то дико было повѣрить, что сейчасъ мнѣ конецъ, что они въ одну минуту добьютъ меня. И я не вѣрилъ въ это. Было ли тутъ предчувствіе, или инстинктъ жизни, не допускающій близость конца, но я совершенно ясно могу сказать, что не вѣрилъ и, помню, нисколько не былъ пораженъ, когда раздалось повелительно:

— Halt!

И руки, грозившія мнѣ смертью, опустились, а затѣмъ ко мнѣ подошелъ прусскій офицеръ и прогналъ черезчуръ разсвирѣпѣвшихъ и желавшихъ добить меня солдатъ. Когда онъ наклонился надо мною, я увидѣлъ уже не молодого человѣка съ бѣлокурыми усами и бородой, съ лицомъ не того противно-солдатскаго типа, который видишь у большинства пруссаковъ. Сразу ясно было, что онъ запасной, и, какъ впослѣдствіи оказалось, изъ учителей.

И вѣдь какая игра судьбы! Черезъ недѣлю мы оказались вмѣстѣ, и гдѣ же?—въ нашемъ госпиталѣ въ Нейденбургѣ. Онъ былъ сильно раненъ въ руку и попалъ къ намъ въ плѣнъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Наклонившись ко мнѣ, онъ прежде всего спросилъ... что бы вы думали? Онъ спросилъ—нѣтъ ли у меня чего поѣсть. Оказывается и солдаты его пришли сюда съ тою же цѣлью. Они не ѣли три дня. Я сказалъ, что у меня есть хлѣбъ и консервы въ сумкѣ, которая была подо мною. Онъ все это досталъ, и, сидя предо мною на корточкахъ, съ унтеръ-офицеромъ, сопровождавшимъ его, они стали поѣдать съ страшной жадностью мой запасъ.

Я тоже не тратилъ даромъ времени. Отстегнувъ ремешокъ отъ сумки, я попросилъ разрѣзать мнѣ голенище сапога, что унтеръ-офицеръ, дожевывая послѣдніе куски, и сдѣлалъ очень осторожно. Когда нога была до нѣкоторой степени освобождена, кровь хлынула изъ голенища. Чтобы не истечь кровью, я перетянулъ ногу выше колѣна ремешкомъ, а офицеръ, подкрѣпивъ свои силы, глотнулъ изъ

своей фляжки спирта, который у нѣмцевъ даже солдаты имѣютъ вмѣсто воды, и своимъ полотенцемъ перевязалъ мнѣ ногу.

Послѣ этого они заявили мнѣ, что должны отобрать у меня оружіе и опять повторили, что напрасно русскіе затѣяли эту войну. Чтобы не ссориться съ ними, я не сталъ оспаривать этой лжи, да и не хотѣлось шевелить языкомъ. Усталость одолѣвала меня. Ни часовъ, ни денегъ, бывшихъ у меня, они не взяли. Это было рѣдчайшее проявленіе благородства среди нѣмцевъ. Пожелавъ мнѣ скорѣе дождаться санитаровъ, офицеръ ушелъ, оставивъ около меня унтеръ-офицера, пока не уйдутъ съ поля прусскіе солдаты.

Унтеръ-офицеръ нѣкоторое время сидѣлъ около меня на корточкахъ и въ наступающихъ сумеркахъ, со своей высокой каской, опущенной головой и длиннымъ носомъ, походилъ на какую-то сказочную большую сонную птицу.

Но вотъ прусскіе солдаты, должно быть, ушли. Онъ медленно поднялся, накрылъ меня шинелью, можетъ быть, думая, что я уже умеръ, и медленно удалился. А можетъ быть, ему жутко стало наединѣ съ тяжелораненымъ чужимъ среди этихъ труповъ, наваленныхъ одинъ на другой и валявшихся въ самыхъ страшныхъ и неправдоподобныхъ позахъ...

Я остался одинъ, совсѣмъ одинъ, такъ какъ нельзя же было считать за кого-нибудь эти трупы, наваленные кругомъ, какъ срубленный лѣсъ. Вѣрно, среди нихъ были еще и не совсѣмъ мертвые, но покуда раздавалась пальба, крики и шумъ битвы издали, я не слышалъ ни голоса, ни стона вблизи.

Съ наступленіемъ сумерекъ все стало затихать. Изрѣдка выстрѣлы еще прорывали воздухъ, но гулъ движенія походилъ уже на смутный гулъ успокаивающагося моря. Померкла заря на стволахъ деревьевъ, на рѣкѣ и на небѣ, и то облако, которое свѣтилось на горизонтѣ, какъ-то незамѣтно продвинулось кверху и встало надо мною, точно затѣмъ, чтобы я его узналъ.

Но оно было совсѣмъ не то, хотя мнѣ почему-то хотѣлось, чтобы было именно то.

Наконецъ, военный гулъ совсѣмъ затихъ, и тогда я услышалъ жуткій и безпрерывный шорохъ вокругъ себя, въ которомъ путались слабые стоны, вздохи и угасающіе голоса, переходившіе въ шопотъ и иногда еле-еле доносившіеся до меня:

— О, Jesus-Maria!

— O, Gott! O, mein Gott.

И чаще всего:

— Господи, помилуй! Господи, отпусти!

И совсѣмъ безсвязный бредъ.

Эти голоса какъ-будто не долетали до меня, а ползли, содрогались и копошились въ предсмертныхъ судорогахъ, какъ и сами умирающіе, на которыхъ я избѣгалъ смотрѣть.

И вотъ раздался стонущій голосъ со стороны.

— Ой, тяжко,—тяжко! Испить бы! Водицы испить. Все нутро спалило...

Послышался продолжительный стонъ и опять тотъ же жалобный голосъ:

— Ой, Господи, Господи! Есть ли тутъ хоть одинъ живъ человѣкъ!

Я отозвался и назвалъ себя.

Раненый какъ-будто обрадовался.

— Выше высокобродіе, не могите ли дать мнѣ испить?

— Самъ, братецъ, пить хочу, да повернуться нѣтъ силъ.

А повернуться было даже необходимо. Какъ разъ подъ головою у меня лежалъ убитый солдатъ. Сначала и когда ко мнѣ подходилъ нѣмецкій офицеръ мнѣ даже казалось это изголовье удобнымъ. Но теперь было тяжело и непріятно. Хотѣлось, чтобы голова лежала ниже.

Повернулъ голову, еще хуже: наткнулся на что-то твердое. Поднялъ руки,—баклажка. Можетъ быть, съ водой.

Съ страшными усиліями пытался отстегнуть ее,—нѣтъ. Отрѣзать было нечѣмъ—ножикъ забрали, какъ оружіе, вмѣстѣ съ саблей и револьверомъ. Сталъ тянуться къ баклажкѣ губами. Дотянулся, открылъ... Пусто. А солдатъ, обрадованный тѣмъ, что есть кому его слушать, заскулилъ безпрестанно.

— Погоди,—старался я утѣшить его.—Подойдутъ санитары, подберутъ насъ.

— Да когда же подойдутъ, вашескобродіе? Вѣдь ужъ мы, почитай, здѣсь часа два, а никто не идетъ.

— Погоди, видишь и нѣмецкихъ санитаровъ нѣтъ, и ихъ не подбираютъ. Потерпи. Придутъ.

— Моченьки нѣтъ терпѣть, вашескобродіе. Кровью истекаю.

И опять заनылъ, заскулилъ.

Къ его нытью со стороны деревни сталъ доноситься шумъ, котораго я сначала не понималъ. Но вдругъ все еще продолжавшее стоять надо мною облако чуть-чуть засвѣтилось: пожаръ. Деревня горѣла. Издали послышался трескъ горящихъ зданій, запахло гарью и дымомъ.

И въ ту же минуту я услышалъ сдержанные голоса позади себя.

— Вышескобродіе, идутъ кто-то... не наши ли?.. Ой, моченьки моей нѣтъ!..

Но это были не наши, а нѣмецкіе мародеры. Можетъ быть, тѣ самые солдаты, которыхъ заставилъ уйти отъ меня офицеръ. Я испугался, что скуленье солдата привлечетъ ихъ вниманіе, и они найдутъ меня. Но усиливающійся трескъ горящихъ зданій, должно быть, заглушалъ его жалобы и стоны. А можетъ быть, онъ и самъ узналъ враговъ и притаился.

Я видѣлъ, какъ мародеры наклонялись надъ солдатами и обшаривали ихъ. Продѣлывали они все это очень быстро и тревожно: видно, побаивались, что увидитъ тотъ самый офицеръ и тогда имъ не сдобровать.

— Wo ist dieser Officier? — услышалъ я невдалекѣ ихъ шопотъ, и весь сжался отъ страха:—сейчасъ убьютъ и ограбятъ.

Торопливо шныряли они среди труповъ, ища меня. Но солдатская шинель, которой накрылъ меня унтеръ-офицеръ, меня спасла. Я притворился мертвымъ и слышалъ, какъ они быстро шмыгнули мимо.

Затѣмъ все затихло, кромѣ треска пожара, зарево котораго уже захватило полъ-неба и облако растаяло въ немъ. Мнѣ было страшно холодно. И было холодно, и крови я потерялъ много. Такъ было холодно, что тѣло мое стало дрожать мелкой безпрерывной дрожью. Хотѣлось, чтобы пожаръ былъ ближе, чтобы хоть немного согрѣло меня его огнемъ.

— Вашескобродіе, а вашескобродіе?—услышалъ я опять скулящій голосъ:—живы ли вы?

Чтобы не привлечь вниманія мародеровъ, которые могли быть близко, я не сразу отозвался.

— Ой, умираю! Ой, сердце заходитъ! Господи, Господи!—тише простоналъ онъ.

Мнѣ стало стыдно своей осторожности. Вѣрно, бѣднягѣ невыносимо жутко умирать безъ сочувствія своего человѣка.

Я отозвался. Тогда скуленье опять стало сильнѣе и настойчивѣе, и я ужъ досадовалъ на него за малодушіе.

— Испить бы! Испить! Хоть бы капельку водицы!

Да, хоть бы капельку водицы! Его томленье о водѣ еще болѣе распаляло мою собственную жажду. Ногу невыносимо палило. И не только самому нестерпимо хотѣлось холодной воды, но какъ-будто требовала холодной воды и горѣвшая нога. Казалось, стоило только лить и лить на нее холодную воду, и это ужасное жженіе прекратится.

И ротъ, и запекшееся нёбо, и языкъ, который жажда отравляла какъ горечь, и все существо мое требовало: пить... пить... пить!..

Но кто могъ помочь мнѣ? Кто могъ дать пить?

У меня былъ свистокъ, который знали въ полку моемъ всѣ солдаты. Съ большими усиліями я досталъ его и, пренебрегая осторожностью, тѣмъ, что меня могутъ услышать враги, поднесъ къ губамъ свистокъ.

Но, къ досадѣ моей, на этотъ свистокъ опять отозвался тотъ же раненый.

— Вашескобродіе, кто-то свиститъ! Не нашъ ли кто? О, Господи! Хоть бы священникъ былъ, а то какъ же такъ умереть безъ отпущенія...

Я отвѣтилъ, что свисталъ я. Тогда онъ простоналъ и замолчалъ. Это молчаніе протянулось страшно долго; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Шорохъ и копошенье вокругъ стали слабѣе. Стоновъ и голосовъ совсѣмъ почти не стало слышно. Уже настала ночь. Тускнѣло зарево пожара. Проступали звѣзды.

Становилось все холоднѣе, и зубы мои стучали.

Но вотъ я услышалъ тихіе шаги; они приближались не со стороны враговъ, но не сразу; то ближе, то дальше. Я догадался, что тотъ, кто идетъ, обходитъ трупы, мѣстами наваленные одинъ на другой. А можетъ быть, онъ не знаетъ, куда итти, и, вмѣсто того, чтобы приближаться ко мнѣ, удаляется отъ меня.

Я свистнулъ еще разъ и шаги сразу приблизились.

— Ваше выскобродіе,—вы!—радостно воскликнулъ солдатъ.—Слава Тебѣ, Господи, живы!

Перекрестился и заплакалъ, наклонясь надо мной.

Я узналъ одного изъ лучшихъ солдатъ моихъ—Россова. Въ то время какъ нѣсколько слезинокъ его упали мнѣ на лицо, я спросилъ его:

— А ты какъ?

— А я какъ есть. Оглушили меня прикладомъ да потоптали наши же, когда я упалъ. А какъ вотъ очнулся, самъ себѣ не повѣрилъ, что живъ. Спервоначалу ужасть какъ обрадовался, а потомъ, какъ взглянулъ, что вокругъ все убитые и какъ есть ни одного живого человѣка, страховито стало.

Раненый, замолчавшій на нѣкоторое время, услыхалъ новый голосъ, опять заскулилъ жалобно и какъ-то по-дѣтски безпомощно:

— Братцы, во имя Господа Христа, помогите. Моченьки нѣтъ. Хоть бы глоточекъ водицы!

— Можетъ, у тебя есть вода?—спросилъ я Россова.

— Ничевохоньки нѣтъ.

— Посмотри, можетъ, у кого въ баклажкѣ найдется. Да, кстати, узнай, нѣтъ ли еще кого въ живыхъ?

— Ой, братикъ!—взмолился раненый.—Помоги ты мнѣ сперва. Переверни меня, а то силушки моей нѣтъ терпѣть. Лучше бы ужъ умереть, чѣмъ такъ безъ помощи мучиться.

— Ничего,—ободрилъ его Россовъ, подходя къ нему.—Потерпи, а потомъ я еще на твоей свадьбѣ плясать буду. Ишь ты, никакъ еще и безусый. Молодой, а молодые и не отъ такихъ ранъ выживаютъ. Въ брюхо? И въ брюхо не бѣда. Брюхо-то оно у мужика привычно все глотать—и это проглотитъ. Ну-ка, какъ тебя перевертывать-то?

Послышалось кряхтѣнье, потомъ тяжелый, длительный стонъ.

— Вотъ такъ, такъ, на бокъ. Ой... ой... смертушка моя приходитъ. Такъ клади.

Россовъ вздохнулъ, сдѣлавъ свое дѣло, но больной опять занылъ:

— Нѣтъ, такъ еще хуже. Сдѣлай ужъ милость, поверни попрежнему.

И опять кряхтѣніе Россова и тягостные стоны.

Пока Россовъ возился съ раненымъ, жажда моя стала до того нестерпимой, что хотѣлось скорѣй стонать отъ этой жажды, нежели отъ боли. Я нетерпѣливо ждалъ и раздражался на больного. Вѣдь, навѣрное, Россовъ успѣлъ бы ужъ найти воды за это время, пока безполезно провозился съ раненымъ.

Луна взошла желтая и почти безъ блеска, какъ кусокъ дыни, и потому, что луна была почти безъ блеска, я догадался, что начинаетъ разсвѣтать.

Блѣднѣли звѣзды. Становилось все холоднѣе.

Скосивъ глаза, чтобы посмотрѣть, гдѣ Россовъ, я замѣтилъ туманъ на рѣкѣ. За разбросанными трупами, которые въ темнотѣ казались обрубками деревьевъ съ выступавшими кое-гдѣ въ видѣ вѣтвей руками и ногами, туманъ поднимался змѣистою полосою и тянулся къ этимъ трупамъ, какъ-будто хотѣлъ прикрыть ихъ, чтобы не увидѣлъ этого поля мертвыхъ день.

Мѣстами кудряво зеленѣлъ не вездѣ растоптанный картофель. Туманъ присасывался къ картофельной зелени и оставлялъ на ней влажный слѣдъ, отчего зелень казалась въ скудномъ лунномъ свѣтѣ матовой.

Влага на листьяхъ была до того обильная, что я слышалъ, какъ съ ближайшаго картофельнаго куста скатывались съ шорохомъ капли за каплей.

Пожаръ прекратился, но сильно пахло гарью, и я радъ былъ этому, такъ какъ при ѣдкомъ запахѣ гари не такъ ясно чувствовался запахъ крови и человѣческихъ тѣлъ. Изрѣдка я слышалъ шаги Россова и, наконецъ, увидѣлъ его самого. Онъ спокойно ходилъ среди труповъ, живой между мертвыми, иногда наклонялся къ нимъ, искалъ воды и отходилъ, очевидно не найдя.

Я потерялъ надежду, что онъ найдетъ что-нибудь. А вода была такъ близко. Хотѣлось просто подползти къ этимъ обильно увлажненнымъ росою кустамъ и пить прямо съ нихъ и облизывать языкомъ зеленые листья.

Вотъ онъ ушелъ уже довольно далеко, и мнѣ стало жутко, какъ не было жутко до сихъ поръ. Какъ-то сразу потемнѣло передъ разсвѣтомъ, и фигура двигавшагося солдата, окутанная туманомъ, казалась уже совсѣмъ призрачной. Наконецъ, потерялась. А вдругъ это я бредилъ? Вдругъ, никакого Россова не было, а это былъ мой сонъ?—ошеломила меня страшная мысль.

Стало какъ-то подозрительно тихо, какъ бываетъ только передъ разсвѣтомъ. И раненый что-то пересталъ скулить. Мнѣ ужъ теперь хотѣлось, чтобы хоть онъ подалъ голосъ.

И вдругъ тамъ, гдѣ была деревня, а теперь остались лишь обгорѣлыя дымящіяся головни, закричалъ бодро и голосисто пѣтухъ.

Этотъ пѣтушиный крикъ удивительно ободрилъ меня. И въ ту же минуту стала приближаться тѣнь Россова, принимавшая все болѣе и болѣе ясныя формы.

Прежде всего я спросилъ Россова не засталъ ли онъ еще кого-нибудь въ живыхъ.

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе, почитай всѣ вышептались.

— Какъ вышептались?

— А вотъ, какъ раки, когда ихъ въ кучу свалятъ. И копошатся-копошатся и шепчутъ-шепчутъ, пока не вышепчутся. Вотъ и раненые, все шептались и конецъ.

Мнѣ стало вдругъ томительно и скорбно. Вспомнилъ о дорогихъ мнѣ людяхъ, но они показались гдѣ-то далеко-далеко, точно въ иномъ мірѣ.

Россовъ молчалъ. Ясно было, что не досталъ воды. Но я все-таки спросилъ.

— Нѣтъ, вашескобродіе. Ни у кого не нашелъ. Хоть бы капля.

— А ты попробуй собрать въ манерку росы съ картошки.

— И то!—обрадовался солдатъ и сталъ проворно стряхивать съ листочковъ росу, капли которой со звономъ падали въ жестяную кружку.

Скоро онъ подошелъ ко мнѣ съ манеркой, въ которой набралось росы съ полстакана.

То ли я перетерпѣлъ жажду, то ли сама возможность удовлетворить ее успокоила меня, только вся острота ея какъ-будто миновала.

Я вспомнилъ о раненомъ переставшемъ скулить солдатѣ и почувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ за свое раздраженіе.

— Поди и дай сначала напиться тому,—сказалъ я Россову.

— Успѣетъ, вашескобродіе. Пейте сами.

— Иди!—строго приказалъ я.

Россовъ послушался, но пошелъ недовольный.

Черезъ минуту онъ возвратился огорченный и какъ бы нѣсколько даже сконфуженный.

— Померъ, бѣдняга,—доложилъ онъ тихо.—Кровью изошелъ, царство ему небесное.

Россовъ сѣлъ передо мною на корточки и поднесъ мнѣ къ губамъ холодную и влажную манерку.

Я сталъ пить, стараясь не стучать зубами о края отъ холода. Пилъ жадно и съ невыразимымъ наслажденіемъ. Даже о томъ, что ногу пекло, забылъ въ это время.

— Спасибо, братецъ, оживилъ.

— Радъ стараться, ваше выскобродіе, — весело отозвался солдатъ.

Задумался на минуту, а потомъ добавилъ:

— Вашескобродіе! Дозвольте мнѣ вашъ свистокъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

— А я пойду подальше, чтобы нѣмцы не услыхали, да посвищу. Можетъ, кто и отзовется изъ нашихъ еще. Вѣдь вашъ свистокъ извѣстный.

— Ну, что жъ, попробуй.

Онъ взялъ мой свистокъ, проворно зашагалъ прочь, и скоро я издали услышалъ звукъ моего свистка.

Затѣмъ все затихло. И опять прокричалъ пѣтухъ, и какъ-будто тутъ же сразу все нѣсколько просвѣтлѣло кругомъ.

— Не пропаду! — съ увѣренностью сказалъ я себѣ.

И правда: черезъ четверть часа Россовъ вернулся съ солдатомъ огромнаго роста, который былъ раненъ въ руку и ошеломленъ прикладомъ. Очнулся онъ, когда никого, кромѣ труповъ, вокругъ уже не было, и, отъ страха привлечь къ себѣ вниманіе враговъ, не хотѣлъ пошевелиться.

— Вотъ теперь мы васъ, вашескобродіе, и понести можемъ, куда прикажете! — возвѣстилъ Россовъ.

— За милую душу понесемъ, — подтвердилъ солдатъ.

— Да какъ же ты понесешь, когда у тебя рука ранена?

— А другая-то на что? — отвѣтилъ богатырь.

— Да, можетъ быть, сильно раненъ-то?

— Кто его знаетъ, болтается рука, — показалъ онъ на перебитую кость. — Кровищи повытекло — страсть.

— А отчего это у тебя такъ рана-то почернѣла?

Солдатъ хитро осклабился:

— Это я, вашескобородіе, ее землей присыпалъ, чтобы кровь остановить. Да мозжитъ ужъ очень.

— Пожалуйте, вашескобородіе, — обратился ко мнѣ Россовъ, раскладывая свою собственную шинель рядомъ со мною. — Берись за его высокобродіе, — скомандовалъ онъ солдату.

— Да ты зачѣмъ же свою шинель-то снялъ? Можно было бы съ кого-нибудь здѣсь взять.

— Это мертвую-то?! — суевѣрно возразилъ онъ. — Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же.

Его суевѣріе и во мнѣ нашло откликъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ мертваго какъ-будто какъ-то нехорошо.

Солдаты бережно положили меня на шинель. Россовъ взялся обѣими руками, а другой — перекинулъ черезъ свои могучія плечи рукава, сгребъ ихъ свободной рукой, и они осторожно подняли меня и понесли — головой впередъ.

Я говорилъ имъ—куда, руководствуясь больше догадкой и чутьемъ, чѣмъ настоящимъ знаніемъ пути.

Разсвѣтало все больше и больше.

Вдругъ Россовъ весело воскликнулъ:

— Ваше выскобродіе! А вѣдь это казаки. Опускай его высокобродіе! — скомандовалъ онъ солдату.

И не успѣлъ я еще понять и увидѣть, гдѣ и что, какъ онъ изо всей силы свистнулъ въ мой свистокъ.

Послышался вдали стукъ копытъ, и черезъ нѣсколько минутъ казачій разъѣздъ подскакалъ къ намъ и принесъ съ собой счастье.

Такъ какъ на лошадь меня взять было нельзя, а о повозкѣ нечего было и думать, казаки спѣшились, уступили своихъ лошадей раненому и Россову, а сами потащили меня на шинели, какъ на носилкахъ, прикрутивъ ее къ двумъ винтовкамъ.

* * *

— Вотъ и все, — съ улыбкой закончилъ Л. — О дальнѣйшихъ мытарствахъ и страданіяхъ, когда меня несли, не стану говорить.

Въ Нейденбургѣ, куда, наконецъ, притащили меня, въ нѣмецкомъ госпиталѣ, предназначенномъ на двѣсти кроватей, было свалено до двухъ тысячъ раненыхъ. Тутъ были и русскіе, и нѣмцы. И вотъ, когда я лежалъ въ этой, можно сказать, больничной грудѣ, меня узналъ унтеръ-офицеръ нѣмецъ, котораго мой симпатичный врагъ оставилъ меня сторожить отъ своихъ мародеровъ.

Онъ очень обрадовался, побѣжалъ къ своему господину, вмѣстѣ съ которымъ сдался въ плѣнъ, и скоро принесъ отъ него карточку, на которой значилось:

Franz Melin.

И тутъ же на карточкѣ здоровой рукой Мелинъ нарисовалъ планъ того мѣста, гдѣ онъ нашелъ меня.

Мы стали съ нимъ переписываться, лежа въ разныхъ палатахъ. Я уже хотѣлъ просить, чтобы его перевели въ ту, гдѣ лежалъ я, но внезапно куда-то его увезли, и я даже не могъ добиться, куда.

Но я разыщу его во что бы то ни стало. Это единственный нѣмецъ, который поступилъ не только на моихъ глазахъ, но и со мною по-человѣчески, и я сдѣлаю все, чтобы облегчить его участь вдали отъ родины.

ВЪ КѢЛЬЦЫ.

Все только для войны и о войнѣ. И въ театрахъ пьесы о войнѣ, и въ кинематографахъ—картины. Даже художественная выставка—только о войнѣ, только о ней одной.

Есть очень недурныя картины: Жозефа Брандта Кшеша, Войтеха Коссака, бывшаго придворнаго художника императора Вильгельма, который ушелъ отъ безтактнаго кайзера, пренебрегши всѣми его почестями и деньгами, послѣ того какъ Вильгельмъ выразилъ нѣсколько обидныхъ для художника-поляка мнѣній о его родинѣ. Есть одна картина Яна Матейки, но эта картина, къ сожалѣнію, не знаменитое полотно его — «Бой подъ Грюнвальдомъ». Изъ боязни, какъ бы «Бой подъ Грюнвальдомъ» не попался въ руки нѣмцевъ, картина эта была увезена изъ Варшавы, кажется, въ Москву, гдѣ ее и будутъ показывать публикѣ.

Впрочемъ, теперь не до картинъ, не до театра вообще — не до искусства. Жизнь стала ярче всего, что можетъ создать самый большой талантъ. Когда на глазахъ у всѣхъ творитъ исторія, все остальное творчество отдѣльныхъ личностей, какъ бы они ни были замѣчательны, отходитъ на дальній планъ.

Подчасъ нервы не выдерживаютъ этой слишкомъ стремительной и важной смѣны впечатлѣній, полныхъ то необычно дружной, почти органической связи, то — невѣроятныхъ противорѣчій, которыя иногда кажутся дикими.

Вотъ, я вижу въ Маріинскомъ госпиталѣ еврея-солдата, которому отняли раздробленную въ бою ногу. Вижу, эту ногу внимательно препарируетъ молодой ординаторъ. Для него все равно, какъ потеряна

эта нога, — ему важна наука. Нога ли это еврея, или русскаго героя, жертвовавшаго собою за родину, или разбойника, — все равно. Эта нога мнѣ невольно вспоминается, когда я беру изъ Варшавы на Брестскомъ вокзалѣ билетъ до Кѣльцъ. Кажется, какая тутъ связь, а вотъ, судите сами.

Идетъ первый поѣздъ въ Кѣльцы послѣ почти двухмѣсячнаго перерыва. Кѣльцы были въ рукахъ австрійцевъ, и движеніе надолго прервалось. Только недѣлю назадъ Кѣльцы освободились отъ врага. Я беру билетъ до Кѣльцъ. Берутъ билеты до Кѣльцъ поляки...

У окошечка кассы объявленіе:

— *Евреямъ билетовъ не продаютъ.*

Такимъ образомъ, я ѣду исключительно въ польско-русской компаніи. Сажусь въ поѣздъ въ 6 часовъ вечера и ѣду страшно медленно. Однако, около 4 час. утра мы прибываемъ въ Радомъ, гдѣ нѣмцы хозяйничали всего часовъ пять, хотя ихъ было тамъ тысячъ 18. Они шли по берегу Вислы къ Люблину; одни на Пшедшошъ — Конскъ, Шидловецъ—Радомъ; другіе — Андреевъ—Кѣльцы—Радомъ. У Юзефова ихъ разбили.

Но отъ Радома до Кѣльцъ мы идемъ по пути, пройденному врагами.

Едва начинается утро, всѣ съ жаднымъ любопытствомъ бросаются къ окнамъ, чтобы увидѣть слѣды разрушенія на пути вражескаго движенія. Но все, повидимому, осталось какъ было.

Да и что тутъ могло измѣниться? Правда, враги могли поджечь попутныя деревни, хутора, усадьбы и станціи, вытоптать посѣвы, поломать деревья. Но, вѣдь, они надѣялись, во-первыхъ, всѣмъ этимъ завладѣть, а затѣмъ — къ чему имъ возстановлять такъ безсмысленно противъ себя жителей этого края.

Только на станціи Скаржисска, гдѣ нѣмцы хозяйничали цѣлыхъ полторы недѣли, бросаются въ глаза нѣкоторые слѣды разрушенія, впрочемъ, частью уже исправленные: тутъ они испортили путь, погромили службы, водокачку. Забирали въ лавкахъ товаръ, давая вмѣсто денегъ квитанціи и добавляя при этомъ:

— Молитесь Богу, чтобы мы побѣдили, тогда вы по этимъ квитанціямъ получите всѣ свои деньги.

Но пострадавшіе, вѣрно, молились плохо или совсѣмъ не молились, рѣшивъ лучше пожертвовать своими товарами и имуществомъ, чѣмъ родиной.

Начиная отъ Скаржисски, а, можетъ быть, еще и нѣсколько раньше, идутъ безконечные величавые лѣса, которые убѣгаютъ вдаль, то ниспадая въ глубокія долины, то взбѣгая на взгорья. Несмотря на сѣрый дождливый день, на сплошныя низко нависшія тучи и туманъ, который застилаетъ дали и тянется по зубчатымъ изломамъ лѣсовъ, картины открываются одна другой живописнѣе.

Со мной вмѣстѣ возвращается въ Кѣльцы, а затѣмъ — въ свое лѣсничество, лѣсничій изъ Радошицъ. Онъ влюбленъ въ этотъ край и, хотя уѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ, возвращается однимъ изъ первыхъ, потому что стосковался по этимъ мѣстамъ и по своей любимой работѣ, и по охотѣ на оленей, козъ, тетеревовъ, куропатокъ, фазановъ и прочей дичи, которой здѣсь видимо-невидимо.

Онъ только что изъ Тульской губерніи, и пораженъ отсталостью тамошней земледѣльческой культуры, по сравненію съ здѣшней.

— Здѣсь у всѣхъ крестьянъ земледѣльческія машины. О сохѣ и помину нѣтъ. Земля обрабатывается самымъ тщательнымъ образомъ, удобряется и навозомъ, и суперфосфатомъ, для изготовленія котораго въ Кѣльцахъ есть большая фабрика. Вотъ видите, — указалъ онъ на синеватую зелень: — это лупинъ—трава для удобренія, которая сѣется, когда начинаетъ наливаться рожь, между колосьями ржи. Отличное удобреніе. Зато и урожай самъ-двадцать не рѣдкость, а о неурожаѣ нѣтъ и помину. Несмотря на гористую мѣстность, вы не увидите овраговъ, которые въ Россіи отнимаютъ такъ много земли. И живутъ здѣсь крестьяне чисто. И этотъ-то край отдать нѣмцамъ! Ну, нѣтъ, дудки!

Лѣса отъ Кѣльцъ тянутся на сѣверо-западъ до Шидловца верстъ на сто—массивомъ. Гдѣ тутъ воевать!

Въ Радошицахъ у него осталась семья. Жена пишетъ, что 19 августа нѣмцы забрали у нихъ лошадь, но взамѣнъ оставили своего хотя больного, но отличнаго коня и 400 марокъ въ придачу. Конь выздоровѣлъ.

— Такъ что мѣна, пожалуй, оказалась для насъ выгодной, и 400 марокъ не лишними. Вообще, по ея письмамъ, а также по письмамъ знакомыхъ, враги вели себя на этотъ разъ корректно.

Занятная сцена произошла въ Радошицахъ на почтѣ. Явились къ начальнику почты четыре нѣмца, направили на него револьверы, требуютъ денегъ и марки.

— Нѣтъ ни денегъ, ни марокъ, — рѣшительно заявляетъ старикъ, — все отослалъ въ Варшаву.

— Въ такомъ случаѣ, мы возьмемъ васъ, какъ виновника, въ плѣнъ.

— Что жъ, берите. По крайней мѣрѣ, меня не будутъ безпокоить во время войны, которая, не знаю, когда кончится.

Нѣмцы разсмѣялись и ушли.

У знакомаго помѣщика Каниговскаго въ деревнѣ Соколовкѣ взяли двухъ коровъ, но заплатили за нихъ.

Поѣздъ нашъ еле ползетъ. Ужъ вдали виднѣется монастырь на высокой поросшей лѣсомъ горѣ. Бѣлѣетъ знаменитое краковское шоссе, возникаютъ трубы и кровли города. Сѣрое небо сѣетъ дождемъ.

— Вы не думайте, что ужъ началась осень, — старается оправдать мѣстную природу лѣсничій. — Здѣсь не только сентябрь, но и октябрь чудесные. Вы посмотрите, какая сильная и свѣжая зелень! У насъ зимы почти не бываетъ, и снѣгъ выпадаетъ на нѣсколько дней.

Поѣздъ почти у самой станціи совсѣмъ останавливается. Исправляютъ путь. Здѣсь нѣмцы уже хозяйничали энергичнѣе и безцеремоннѣе. Телеграфные провода еще кое-гдѣ оборваны. И для города три недѣли хозяйничанья не прошли даромъ.

Черезъ часъ, наконецъ, я въ городѣ, послѣ 15-тичасового пути, вмѣсто обычныхъ 8 час., отъ Варшавы. Останавливаюсь въ гостиницѣ «Бристоль», еще такъ недавно занятой нѣмцами. Эту ночь я буду спать въ кровати, гдѣ всего недѣлю тому назадъ спалъ толстый нѣмецкій офицеръ, не заплатившій за свой почти мѣсячный постой ни копейки.

Едва умывшись и переодѣвшись, я иду осмотрѣть этотъ городъ. Несмотря на безпрерывно сѣющій дождикъ, любуюсь его превосходнымъ паркомъ, его благороднымъ стариннымъ костеломъ, дивными окрестностями и чистотой симпатичныхъ мирныхъ улицъ. Захожу въ кофейню, гдѣ каждый входящій обыватель здоровается за руку рѣшительно со всѣми присутствующими, какъ бы ихъ много ни было. Всѣ здѣсь другъ съ другомъ знакомы, сжились и знаютъ, конечно, другъ о другѣ и обо всемъ, что творится въ Кѣльцахъ, всю подноготную.

Скоро и я узнаю всю исторію печальнаго кѣлецкаго плѣненія.

СТРѢЛЬЦЫ.

Кѣлецкая губернія опускается рукавомъ на Краковъ, гдѣ свила себѣ гнѣздо свободная, но обнаружившая въ этотъ историческій моментъ трагическую близорукость и наивность — польская мысль.

Кѣльцы отъ Кракова всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, и кѣлецкая молодежь, учащаяся и, пожалуй, рабочая, находилась подъ значительнымъ вліяніемъ польской партіи Народной воли.

Однако, мобилизація въ Кѣлецкой губерніи прошла такъ же спокойно и скоро, какъ и во всей Россіи. Но съ перваго же дня объявленія войны Кѣлецкую губернію охватила тревога, особенно усилившаяся послѣ того, какъ изъ Кѣлецъ стали одинъ за другимъ уѣзжать всѣ русскіе, сначала просто зажиточные люди и коммерсанты, а затѣмъ администрація и офицеры.

Кѣльцы опустѣли.

Изъ сорокатысячнаго населенія, въ которомъ не менѣе 85 процентовъ — поляки, остальные — евреи и русскіе, осталось не болѣе половины. Наглухо закрылись многіе магазины и квартиры, въ большинствѣ брошенные на произволъ или оставленные на попеченіе знакомыхъ или прислуги.

Въ этой тишинѣ не было спокойствія. Всѣ ждали съ часу на часъ нашествія непріятеля. Уже до Кѣлецъ долетали не слухи, а факты: видѣли вблизи Кѣлецъ непріятельскіе развѣдочные отряды, надъ городомъ черной птицей кружился непріятельскій аэропланъ.

И въ самомъ городѣ начиналось какое-то зловѣщее броженіе: то въ старомъ роскошномъ паркѣ, то въ живописныхъ холмистыхъ окрестностяхъ города появлялись таинственно совѣщавшіяся группы молодежи, среди которыхъ были юноши 15—16 лѣтъ и даже молоденькія дѣвушки.

20 іюля, рано утромъ, какой-то прохожій на ходу шепнулъ мѣстному православному священнику:

— Закрывайте скорѣе церковь.

Священникъ послушался; около полудня въ Кѣльцы прискакалъ развѣдочный отрядъ венгерскихъ гусаръ: два офицера и сорокъ солдатъ. Они прискакали отъ краковскаго шоссе прямо на станцію, тамъ какъ разъ въ это время оказался президентъ города

Кѣльцы. Они представились президенту и заявили, что заняли городъ. 30-го іюля былъ царскій день. Жители хотѣли вывѣсить флаги, но австрійцы имъ не позволили. А въ 11 ч. у., опять-таки со стороны краковскаго шоссе, отъ краковской рогатки, пришли польскіе скауты или, какъ ихъ здѣсь называютъ, стрѣльцы. Ихъ было всего 30 конныхъ и человѣкъ 400, т.-е. рота, пѣшихъ. Одѣты они были въ синевато-сѣрую австрійскую форму, а нѣкоторые — и совсѣмъ безъ формы. У большинства было стараго образца австрійское оружіе; у нѣкоторыхъ и того не было, лишь на поясѣ болтались пустыя кобуры отъ револьверовъ.

По правдѣ говоря, войско это производило жалкое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ толпѣ его бросались въ глаза мальчики, почти дѣти.

Среди нихъ было немало кѣльчанъ, которые указывали путь и мѣста для остановки. Командиръ ихъ, Сокольницкій, остановился въ зданіи губернскаго правленія, удивительномъ по своей архитектурѣ. Дворецъ — гдѣ сохранилась портретная галлерея краковскихъ епископовъ.

Стрѣльцы разсыпались по городу, проникая въ покинутыя квартиры русскихъ и неуспѣвшія закрыться лавки. Но въ этотъ день они еще не могли натворить ничего особеннаго. Черезъ 3—4 часа послѣ ихъ нашествія, въ Кѣльцы прискакалъ небольшой казачій разъѣздъ и три офицера въ автомобиляхъ. Ихъ встрѣтили стрѣльбой; они тоже отстрѣливались на всемъ ходу. Былъ убитъ во время этой перестрѣлки одинъ офицеръ, двое ранены. Случайно пуля поразила также на-смерть помѣщика Л., сидѣвшаго въ кондитерской, и еврейку-дѣвочку 13 лѣтъ, служанку.

Скауты скрыли своихъ убитыхъ и раненыхъ. Остался только на вокзалѣ убитый австрійскій офицеръ. Три дня не хоронили его. Онъ былъ такого большого роста, что въ городѣ не нашлось гроба для него. Пришлось, наконецъ, схоронить въ гробу, изъ котораго ноги его въ желтыхъ австрійскихъ гетрахъ со шпорами вылѣзали наружу.

31-го іюля неожиданно, какъ все, что творилось теперь, появилась наша артиллерія,—какъ потомъ оказалось, изъ дивизіи, стоявшей на пути къ Радому, верстахъ въ 15 отъ Кѣльцъ.

Стрѣльцы были скоро прогнаны и безпорядочно бѣжали. Наша артиллерія преслѣдовала ихъ и, по слухамъ, почти всю роту уничтожила.

1-го августа былъ слышенъ грохотъ орудій и трескъ пулеметовъ въ сторонѣ Хенцинъ, куда гнали непріятеля.

2-го августа былъ польскій праздникъ. Католики наполняли костелы.

Вдругъ, около 11 часовъ утра, по городу къ штабу промчались наши уланы и казаки. Они мчались съ донесеніемъ, что вблизи наблюдается большая австрійско-германская армія.

Черезъ часъ, дѣйствительно, приблизились къ городу враги. Артиллерія наша заняла позицію со стороны Шидловки и начала обстрѣливать непріятеля, расположившагося на горѣ Карчевкѣ, близъ деревни Чарновъ.

Это былъ сплошной ужасъ для кѣльчанъ.

Снаряды съ дикимъ воемъ перекрещивались надъ городомъ подъ почти несмолкаемый грохотъ и ревъ орудій. Нѣкоторые снаряды, вѣроятно, случайно, попадая въ дома, разворачивали стѣны. Если обошлась эта пальба безъ жертвъ со стороны города, здѣсь, помимо чуда, спасало то, что большинство жителей попрятались въ погреба.

Католики же переполнили старинный костелъ. Тамъ шло богослуженіе. Толпа молилась со страхомъ и слезами и едва не погибла жертвой своей религіозности.

Церковный органъ заглушался ревомъ орудій, и голосъ священника былъ слышанъ лишь во время рѣдкихъ перерывовъ.

Вдругъ храмъ содрогнулся, и вся толпа молящихся въ ужасѣ пала на колѣни. Австрійская бомба ударила въ стѣну костела, послѣ чего послышался страшный трескъ разорвавшагося снаряда.

Казалось, онъ разорвался вотъ здѣсь, среди толпы, и послѣ вопля, который вырвался у всѣхъ, настала тишина. Упавшіе ницъ ждали гибели. Ксендзъ воспользовался этой минутой и во-время сказаннымъ успокоительнымъ словомъ предотвратилъ панику, которая иначе должна была разразиться катастрофой.

Было истиннымъ чудомъ, что снарядъ не разрушилъ стѣны храма. Еще большимъ чудомъ казалось, что этотъ снарядъ ударилъ такъ низко, въ то время, какъ стѣна, окружающая храмъ, довольно высока. Но это чудо объяснилось просто, когда я сталъ внимательнѣе присматриваться къ ближайшимъ деревьямъ: одно изъ нихъ, старый каштанъ, оказалось какъ бы обрѣзало сверху: снарядъ попалъ въ дерево, отсѣкъ, какъ топоромъ, огромную часть его и ударилъ въ стѣну храма гораздо ниже окна. Своимъ авторитетнымъ,

спокойнымъ словомъ ксендзъ внушилъ своей паствѣ увѣренность въ силу русскаго оружія и въ скорое торжество надъ врагомъ, который напрасно стремится привлечь симпатіи кѣльчанъ лживыми обѣщаніями.

Съ 12 часовъ дня до темной ночи продолжалась ужасная канонада, и снаряды съ воемъ и грохотомъ раздирали воздухъ, скрещиваясь надъ городомъ. Даже спрятавшіеся въ погребахъ слышали, какъ дрожала земля вокругъ нихъ и осыпалась со сводовъ и стѣнъ. Съ той и другой стороны было сдѣлано до 500 выстрѣловъ изъ орудій. У меня на столѣ сейчасъ лежитъ осколокъ шрапнели, ударившей въ костелъ, и свинецъ, начинявшій эту шрапнель.

Во время этой канонады по городу разъѣзжали австрійскіе уланы съ обнаженными саблями. Но улицы были пусты, какъ вымершія.

Наконецъ, наша артиллерія выбила непріятеля и заставила его отступить.

Ночь прошла тихо. Но, конечно, жители не спали. Еще грохотъ орудій стоялъ въ ушахъ и рѣдко кто рѣшался покинуть свое убѣжище, хотя по заглохшимъ улицамъ, гулко стуча по мостовой, разъѣзжали наши казаки и уланы.

3-го августа обыватели съ утра сначала робко, а потомъ все смѣлѣе стали появляться на улицѣ, дѣлясь впечатлѣніями ужаса минувшаго дня и вечера. Наши патрули настолько ободрили всѣхъ, что стали открываться магазины.

Тихо было и 4-го августа, и въ ночь подъ 5-е. Поутру, еще до 10 часовъ, видны были на улицахъ наши разъѣзды. Но вдругъ они куда-то исчезли. Опять всѣхъ охватила тревога — и недаромъ. Въ 11-мъ часу появились австрійскіе конные разъѣзды. За ними потянулись въ сторону Сандомира безконечныя австрійскія войска съ орудіями, блиндированными автомобилями и автомобильными обозами. Они шли день и ночь, наполняя городъ грохотомъ и гуломъ грознаго движенія. Часть войскъ располагалась какъ бы на отдыхъ въ городѣ. Среди остающихся опять появились скалуты.

Съ этого дня на цѣлыя три недѣли началось въ Кѣльцахъ тягостное владычество непріятеля.

Тутъ, кромѣ стрѣльцовъ, были и австрійцы и пруссаки. Они заняли правленіе и другія общественныя и частныя помѣщенія и гостиницы. За свой постой не только ничего не платили, но безцеремонно

заняли вокзалъ, магистратъ, губернское правленіе, жандармское; грабили квартиры и лавки, особенно квартиры русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, покинутыя ихъ хозяевами.

Забирая товаръ, провіантъ, лошадей, оружіе и повозки, они иногда, скорѣе въ видѣ любезности, нежели обязательства, оставляли записочки, обѣщая заплатить послѣ войны въ случаѣ побѣды. Иногда тамъ, гдѣ имъ давали хозяева отпоръ, они удалялись безъ особой настойчивости. Одна дама, полька, взялась сохранить у себя чудесную лошадь мѣстнаго командира К—го полка.

Непріятели пронюхали про это и явились съ требованіемъ выдать лошадь.

— Лошадь моя, — рѣшительно заявила она нѣмцамъ.

— Нѣтъ, мы знаемъ, что лошадь не ваша и возьмемъ ее.

— Моя. И вы ее не возьмете, иначе вамъ придется воевать со мной. Убейте, а не дамъ лошади.

И не дала.

Съ прислугой, оставленной стеречь хозяйское добро, конечно, не церемонились, какъ поцеремонились съ храброй барыней: разбивали шкапы, сундуки, тащили все, что попадалось подъ руки.

— Зачѣмъ же вы берете женское и дѣтское платье и бѣлье? — протестовала прислуга.

— А что же вы думаете, у насъ нѣтъ женщинъ и дѣтей!

Словомъ, грабежъ былъ самый хищническій и наглый. Грабили подъ предлогомъ обыска въ квартирахъ. Обыскивали даже православную церковь. Нѣмцы-пруссаки входили въ церковь съ сигарами въ зубахъ и шапкахъ, но австрійцы, среди которыхъ были славяне, относились къ храму съ уваженіемъ, часто даже приходили молиться.

Однажды мѣстный ксендзъ привезъ въ православный храмъ нѣсколько австрійскихъ сестеръ милосердія: онѣ держали себя очень чинно и благоговѣйно простояли всю службу.

Въ это время поляки-стрѣльцы стали издавать въ Кѣльцахъ газету Сначала—«Dziennik Urzedowy Komisaryatu Wojsk Polskich», а затѣмъ Dziennik Urzedowy Polskiej Organizacji Narodowei» и напечатали обязательное постановленіе, расклеенное по городу. Въ этомъ постановленіи приказывалось: всѣ вывѣски и надписи на русскомъ языкѣ уничтожить въ 24 часа. На всѣхъ зданіяхъ, гдѣ стоятъ польскія войска, вывѣсить польскій флагъ. Не печатать ничего безъ разрѣшенія польскаго комитета, и проч.

Населеніе приглашалось подъ разными угрозами исполнять эти постановленія.

Затѣмъ комитетъ войска польскаго призывалъ патріотовъ примкнуть къ участію въ народномъ дѣлѣ:

«Отъ насъ, поляковъ, зависитъ теперь на остріѣ нашего оружія вынести изъ неволи нашу независимость и свободу», — наивно пишетъ комитетъ.

Ксендзъ Карчможикъ, открыто предостерегавшій въ костелѣ свою паству противъ воззваній этихъ наивныхъ фантазеровъ и слѣпцовъ, былъ арестованъ ими, но затѣмъ выпущенъ на свободу.

Кромѣ этихъ призывовъ, варіировавшихся на разные лады, печатались нелѣпыя сообщенія о полномъ пораженіи русскихъ войскъ, о революціи въ Россіи и прочій вздоръ.

Печальнѣе всего, что за этими газетными листами прятались пруссаки, пользовавшіеся наивной молодежью, какъ орудіемъ дешевой пропаганды. Въ то время, какъ польскій комисаріатъ воображалъ, что онъ здѣсь играетъ первенствующую роль, его полномочія кончались тамъ, гдѣ кончалась агитаціонная роль его. Даже пропуски на выѣздъ изъ города, выдаваемые поляками, имѣли силу только тогда, когда прусскій комендантъ накладывалъ на нихъ свою печать, и все же, несмотря на это, польская агитація въ Кѣльцахъ навербовала до тысячи человѣкъ молодежи. Единственнымъ виднымъ поступкомъ польскаго комисаріата было освобожденіе изъ тюрьмы Горголя, виднаго польскаго политическаго преступника, и нѣсколькихъ другихъ поляковъ-революціонеровъ, да и то врядъ ли было сдѣлано это безъ соизволенія прусскаго начальства. Всѣ же остальныя выступленія, не исключая статей обѣихъ названныхъ газетъ и примкнувшей къ нимъ третьей газеты «Ojczyzzna», В—го, были простонапросто дѣтскія безпомощныя выходки, въ лучшемъ случаѣ, политически незрѣлой, натло эксплоатируемой мысли. Все бы это, въ концѣ-концовъ, не такъ оказалось страшно, если бы, кромѣ безчинствъ, творимыхъ завоевателями, не совершалось тѣхъ дикихъ варварствъ, которыя продолжаютъ кровавыми клеймами ложиться на нѣмецкую армію.

Не ограничиваясь словесными издѣвательствами и угрозами, нѣмцы повѣсили и разстрѣляли 10 человѣкъ ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ жителей.

Въ самомъ городѣ ими были во время ихъ владычества варвар-

ски убиты: земскій стражникъ Чекуновъ, кондукторъ Крашевскій, вахмистръ Новакъ. Жертвъ въ городѣ было бы еще больше, если бы не смѣлое заступничество нашего священника и все того же ксендза. Такъ, благодаря его заступничеству, былъ освобожденъ изъ-подъ ареста дѣлопроизводитель к-го губ. правл. Демчишинъ, дѣлопроизводитель изъ г. Мѣхова, занятаго нынѣ австрійцами, Гессе и др.

Но по счастью эти стрѣльцы не имѣли никакой реальной связи не только съ польскимъ обществомъ во всей его совокупности, но и съ отдѣльными идейными польскими организаціями. Правда, во главѣ стрѣльцовъ стояли лица съ довольно извѣстными именами, какъ, напримѣръ,—Пильсудскій и Сокольницкій, но, очевидно, сбродъ, случайно собравшійся подъ ихъ знамена, настолько былъ далекъ отъ какихъ бы то ни было идейныхъ задачъ, что, какъ мнѣ приходилось слышать, сами эти вожаки впослѣдствіи судили распущенную ораву свою за гнусныя дѣянія, судили строгимъ судомъ и предали виновныхъ смертной казни.

Во всякомъ случаѣ, польское общество, проявившее такую великую самоотверженность по отношенію къ Россіи и русскимъ войскамъ, можетъ, конечно, не краснѣть за этихъ выходцевъ. И революціонная польско-галицiйская партія отреклась отъ этихъ «скалутовъ». По крайней мѣрѣ, предсѣдатель западной секціи «Верх. Нар. Комитета». Яворскій, печатно заявилъ, что «Верх. Нар. Комитетъ» никакого отношенія не имѣетъ къ тѣмъ газетамъ, которыя издавались въ Кѣльцахъ стрѣльцами, и, что тенденціи этихъ газетъ ничего общаго съ тенденціями «Верх. Нар. Комитета» не имѣетъ.

Мало того, на собраніи «Верховн. Нар. Ком.» 3-го сентября было установлено, что дѣйствовавшая въ Кѣльцахъ организація поступала самовольно, и рѣшено было употребить всѣ силы, чтобы пресѣчь дальнѣйшія ея дѣйствія.

Такъ оно впослѣдствіи и случилось. Стрѣльцы, какъ организація, исчезли, и Пильсудскій съ небольшимъ отрядомъ вошелъ въ австрійскія войска заурядными добровольцами, сражавшимися подъ начальствомъ генерала Бачинскаго послѣ присяги въ вѣрности, принесенной ими австрійскому императору.

29-го августа утромъ явилось неожиданное избавленіе. Какъ разъ въ то время, какъ все болѣе и болѣе наглѣвшіе хозяева города приготовились обѣдать, среди нихъ вдругъ поднялась ужасная тревога.

— Казаки, казаки! — въ смятеніи вопили они, бросая все и пускаясь въ бѣгство.

Однако, казаки оказались не такъ близко, и бѣгущіе не забыли захватить съ собой въ видѣ добычи вмѣстѣ со всѣмъ награбленнымъ и 7 человѣкъ кѣлецкихъ жителей, среди которыхъ были: кладбищенскій сторожъ Орелъ, сынъ мѣстнаго архиваріуса Савинскій, Сервиновскій, Оссовскій и др.

Бѣжавшіе разстрѣляли возлѣ деревни Лисово, въ 20 верстахъ отъ Кѣлецъ, взятыхъ ими плѣнниковъ; въ деревнѣ Муровицы они разстрѣляли двухъ стражниковъ, отвѣтивъ ихъ женамъ, которыя также требовали, чтобы заодно съ мужьями убили ихъ и ихъ дѣтей:

— Мы съ женщинами и дѣтьми не воюемъ.

Изъ города Мѣхова взяли священника съ псаломщикомъ. Изъ Вусска также взяли священника и псаломщика. На пути они забирали хлѣбъ, разоряли фольварки, рѣзали скотъ, жгли и уничтожали все, отчаявшись въ томъ, что когда-нибудь имъ еще удастся вернуться сюда.

28-го августа, вскорѣ послѣ этого паническаго бѣгства, явились русскія войска, но уже съ настоящей побѣдной музыкой, и были, какъ освободители, восторженно встрѣчены поляками, русскими и евреями съ флагами и цвѣтами.

Открылись всѣ магазины и лавчонки, и опять забила жизнь. Только пробоины въ стѣнахъ домовъ и костела, осколки гранатъ, которые находятъ до сихъ поръ, да австрійскій автомобиль, загрузшій почти въ стѣнахъ дома, куда онъ въѣхалъ чортъ знаетъ зачѣмъ и почему,—указываютъ на недавнее пребываніе врага. Даже желѣзнодорожный путь, который они передѣлали отъ Кѣлецъ до Кракова въ узкоколейный, частью уже исправленъ. Онъ можетъ пригодиться намъ.

ВЪ РАДОМЪ.

Поѣзда изъ Варшавы ходили до Кѣльцъ всего 4—5 дней.

8 сентября пришелъ послѣдній поѣздъ. Девятаго я хотѣлъ уѣхать и съ удивленіемъ узналъ, что пассажирскіе поѣзда изъ Кѣльцъ въ Варшаву отмѣнены.

— Надолго ли?

— Ненадолго... Вѣроятно, ненадолго.

Но опредѣленно никто ничего сказать не могъ.

Въ городѣ опять поднялась глухая тревога. 11 сентября летали надъ городомъ три непріятельскихъ аэроплана, разбрасывавшіе прокламаціи, и это еще болѣе тревогу усилило, хотя тревожиться покуда было нечего: извѣстно было, что непріятель не продвинулся дальше Мѣхова, откуда привозили иногда раненыхъ въ незначительныхъ стычкахъ нашихъ казаковъ и австрійцевъ. Наконецъ, воинскіе поѣзда продолжали движеніе по Кѣлецкой дорогѣ вплоть до самаго Андреева. Скорѣе надо было ждать, что австрійцевъ выгонятъ вотъ-вотъ и изъ Мѣхова. Но нѣкоторое безпокойство вносили евреи изъ Новокоргана, которые какъ разъ къ празднику еврейскому потащились изъ своего Ново-Мяста въ Кѣльцы цѣлыми обозами и пѣхтурой съ гусями, козами и дѣтьми, разсказывая о стрѣльцахъ, потребовавшихъ съ евреевъ и только съ нихъ, десять тысячъ контрибуцій. Собрали 8 тысячъ, хотѣли 2 тысячи собрать среди поляковъ, но стрѣльцы не согласились.

Евреи бѣжали.

Все это относилось не къ настоящему моменту, но въ этомъ не разбирались кѣльчане.

Мнѣ въ Кѣльцахъ оставаться было нечего. Я узналъ, что пассажирскіе поѣзда доходятъ до Скаржиска; добрался туда и поѣхалъ въ Радомъ, увозя смутное и грустное впечатлѣніе о кѣлецкомъ бѣдствіи и чудное впечатлѣніе о природѣ, объ этой необыкновенной красотѣ Карчевки, съ ея древними лѣсами и костеломъ, который видѣлъ разгромъ шведовъ въ 1708 году, а теперь—бѣгство австрійцевъ съ сомнительными скалутами-стрѣльцами.

Видъ съ Карчевки на Кѣльцы, на покрытые лѣсомъ живописные отроги Карпатовъ, на холмы и долины съ тщательно воздѣланными полями и квадратами красноватой желѣзистой земли среди зелени, съ деревнями и фольварками, — одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ въ Польшѣ, и краковскіе епископы знали, что дѣлали, избирая Кѣльцы своей лѣтней резиденціей.

Я уходилъ изъ Карчевки на закатѣ, когда золото и пурпуръ сквозили между вѣковыми пихтами, казавшимися совсѣмъ черными, и сумерками окутывались дремучіе лѣса, и древній пятисотлѣтній монастырь съ почернѣлой кровлей и изъѣденными временемъ стѣнами, похожій на крѣпость.

Въ Радомъ я пріѣхалъ въ тотъ же день ночью.

Какъ разъ въ это время только что пришелъ поѣздъ и привезъ плѣнныхъ и раненыхъ изъ-подъ Островца. Сестры милосердія въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ и санитары несли къ вагонамъ чай, молоко, закуску и папиросы и перевязочныя средства.

Раненые были и русскіе, и нѣмцы. Кто знаетъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые еще такъ недавно хозяйничали здѣсь въ Радомѣ, какъ побѣдители, собираясь черезъ день занять Иванъ-городъ, а черезъ три дня — Варшаву.

Вотъ точный и достаточно подробный отчетъ о ихъ пятидневномъ господствѣ въ Радомѣ.

15 августа, въ 7 час. утра, прискакалъ въ Радомъ по Скаргжисскому шоссе нѣмецкій разъѣздъ въ 20 чел. подъ предводительствомъ поручика Шольца.

Начальства и полиціи къ Кѣльцахъ въ это время не было. Губернаторъ находился въ поѣздѣ, въ 10 вер. отъ Кѣльцъ. Городъ охраняла милиція изъ мѣстныхъ обывателей.

— Гдѣ войска? — обратился Шольцъ къ милиціонерамъ.

Ему отвѣтили невѣдѣніемъ. Былъ посланъ прусскій разъѣздъ, но безрезультатно.

Поруч. Шольцъ издалъ постановленіе немедленно принести въ магистратъ все оружіе и приготовить завтракъ на 20 чел. Все это — въ теченіе двухъ часовъ.

Исполнили.

Послѣ завтрака онъ удалился, заявивъ, что нынче же явится вмѣстѣ съ большимъ войскомъ.

Прусскія войска, дѣйствительно, вступили въ Радомъ, но на другой день. Ихъ было тысячъ восемь. Масса автомобилей, цѣлые поѣзда съ грузовыми повозками, отъ грохота которыхъ дрожала земля. Вся техническая часть ихъ была оборудована изумительно.

Комендантомъ города сталъ лейтенантъ фонъ-деръ-Шевелери, помощникъ Прейскера въ Калишѣ. Прежде всего, онъ распорядился взять 9 заложниковъ: два мѣстныхъ ксендза, пасторъ, дьяконъ, президентъ города, два директора французскихъ заводовъ и два богача-еврея.

Издано было распоряженіе о продажѣ съѣстныхъ припасовъ только для войскъ и мѣстныхъ жителей, при чемъ марка шла въ 72 коп.

Оффиціально было объявлено, что ведутъ войну лишь съ россійскимъ государствомъ, а къ полякамъ относятся, какъ къ пріятелямъ. Но скоро это пріятельство обнаружилось въ самой неожиданной формѣ — грабежа и разбоя.

Не только солдаты, но и офицеры бросились по лавкамъ, забирая все, что попадется подъ руки, изрѣдка давая въ польскихъ лавкахъ квитанціи, еврейскія же лавки грабя самымъ безцеремоннымъ образомъ. Для кого война — война, а для евреевъ и война — погромъ. Больше всего пруссаки набрасывались на вина. Перепившись, и солдаты и офицеры требовали, чтобы милиціонеры вели ихъ къ женщинамъ, грозя револьверами и замахиваясь прикладами на непослушныхъ.

Изъ магистрата были забраны пудъ чаю и нѣсколько пудовъ макаронъ, приготовленные для бѣдныхъ.

Нечего говорить, что ни въ кофейняхъ, ни въ ресторанахъ не платили ни копейки.

Затѣмъ начались требованія подводъ, лошадей, овса, муки, все въ очень большомъ количествѣ и подъ угрозой контрибуціи — то въ 10 тысячъ, то въ двадцать, то въ сорокъ.

Но этого было мало. Начался разгромъ и грабежъ не только квартиръ и административныхъ учрежденій, которыя занимали нѣмцы, но и тѣхъ сокровищъ культуры и религіи, которыя успѣли собрать въ Радомѣ за все время его существованія, какъ извѣстно, не очень счастливаго.

Тутъ наглые и тупые варвары, родные братья разрушителей Реймскаго собора, драгоцѣнностей Лувена, Брюсселя, Льежа и проч., оскверняли церкви, разбивая алтари и церковныя хранилища, устраивая въ нихъ чуть ли не конюшни и кабаки; не пощадили даже прекраснаго зоологическаго музея въ мѣстной гимназіи, физическаго и химическаго кабинета.

Все расхитили, разбили, растоптали... Передо мною сейчасъ фотографіи, увѣковѣчившія это идіотское варварство: историческіе документы, вмѣстѣ съ изображеніемъ этихъ героевъ, которыхъ остроумно повелъ сняться въ мѣстную фотографію полякъ-герой С—скій.

Объ удивительномъ по своей отвагѣ подвигѣ Соколовскаго и десяти его товарищей, подъ предводительствомъ корнета Батюшкова, кое-что было въ газетахъ, но все это отрывочно и не совсѣмъ

вѣрно. Я сейчасъ только былъ у С—скаго, который лежитъ раненый въ мѣстномъ госпиталѣ, и выслушалъ отъ него весь разсказъ. Разсказъ этотъ стоитъ передать со всѣми подробностями, которыя я слышалъ, такъ какъ онъ характеренъ не только для самого героя, но и для пруссаковъ, и для нынѣшняго историческаго момента.

С—скій — далеко не юноша, тѣмъ болѣе удивительна его дерзкая, почти безумная отвага. Бритое, красивое лицо, твердый взглядъ, прямой носъ, слегка наклоненный къ энергично изогнутымъ губамъ, большой лобъ, увеличенный начинающейся лысиной.

Видно, что это человѣкъ незаурядный и бывалый. Такъ оно и есть: вся жизнь его проходила въ скитаніяхъ. Инженеръ по образованію, онъ побывалъ и въ центральной Африкѣ, и на берегахъ Тигра, и въ Америкѣ, откуда и явился при первыхъ же слухахъ о войнѣ и поступилъ охотникомъ въ легіонъ безсмертныхъ гусаръ.

***

19 августа, въ 6 час. утра дивизія, къ которой принадлежалъ С—скій, выступила изъ Ново-Мяста, черезъ Адживоль, Кльвовъ, Пшетикъ—въ Радомъ. Полкъ шелъ впереди дивизіи и эскадрона, гдѣ С—скій состоялъ въ сторожевомъ храненіи. Дивизія осталась къ Кльвовѣ, а эскадронъ — въ Пшетикѣ. Эскадронъ выдѣлилъ три разъѣзда по 10 человѣкъ, съ цѣлью ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлается въ окрестностяхъ Радома.

Разъѣздъ, въ которомъ былъ С—скій, подъ предводительствомъ Батюшкова шелъ по шоссе къ Радому, остальные по флангу обходили Радомъ кругомъ.

На пути разъѣздъ встрѣтилъ извозчика, который везъ кого-то изъ Радома. У С—скаго сейчасъ же блеснула счастливая мысль. Онъ уговорилъ извозчика свезти его на обратномъ пути въ Радомъ, а самъ заѣхалъ къ одному помѣщику и переодѣлся у него въ штатское.

Извозчикъ, какъ было условлено, привезъ С. въ Радомъ.

Разгуливая по городу, С. списалъ прокламаціи, обращенныя къ обывателямъ Радома, пересчиталъ всѣ нѣмецкія пушки, понтоны, замѣтилъ всѣ полки.

Затѣмъ зашелъ въ кофейню, гдѣ кейфовали нѣмцы. Видя, что у кельнера съ ними происходитъ недоразумѣніе, ибо кельнеръ не понимаетъ нѣмецкаго языка, С. любезно предложилъ нѣмцамъ свои услуги въ качествѣ переводчика.

Мало того, завоевавъ ихъ довѣріе, онъ согласился погулять съ ними по городу и, похлопывая другъ друга по плечу и покуривая сигары, они отправились по радомскимъ улицамъ.

Проходя мимо фотографіи, С. далъ имъ счастливую идею — сняться группой.

— Непремѣнно снимитесь! Вы побѣдители и должны увѣковѣчить свою побѣду именно такимъ образомъ.

Нѣмцы были въ восторгѣ. Лихо надвинувъ свои каски, они усѣлись передъ фотографомъ въ полномъ блескѣ.

— Abgemacht! Collossal!

Отлично вышли не только они, но и черная доска, на которой было аккуратно выведено:

2 Septbr. 1914.
Idyll
im Feindesland.
Radom, Russl.

Послѣ чего и умные нѣмцы и прикинувшійся простакомъ С—ій, снова похлопывая другъ друга по плечу, разошлись весьма довольные собою.

Но этого смѣльчакамъ показалось мало.

Они рѣшили попугать нѣмцевъ и тѣмъ прогнать изъ Радома.

Какъ это сдѣлать?

Да очень просто. Съ гикомъ ворваться въ городъ, гдѣ стоятъ нѣсколько тысячъ враговъ, «надѣлать сколько возможно мяса» изъ нѣмцевъ и умчаться, вызвавъ панику.

Но какъ пробраться въ городъ? Гдѣ?

Корнетъ Батюшковъ, переодѣвшись мужикомъ, пошелъ разыскивать проѣздъ въ городъ.

Въ 2½ часа дня, десять человѣкъ удальцовъ, расцѣловавшись другъ съ другомъ, подъѣхали къ городу и карьеромъ бросились черезъ заставу.

Нѣмцы хотѣли закрыть шлагбаумъ, но, испуганные этимъ бѣшенымъ налетомъ, не успѣли и растерянно пропустили врага. Плотно сомкнувшись, смѣльчаки проскакали, рубя направо и налѣво пруссаковъ по пути, коля пиками подвернувшихся подъ удалую руку.

Такъ промчались они черезъ весь городъ. Нѣмцы разбѣгались,

сломя голову, съ испуганными криками: Kosaken! Kosaken! Уже на самой окраинѣ нѣмецкая полурота изъ засады открыла по нимъ огонь — около моста на Кѣлецкомъ шоссе.

С—ій на скаку вдругъ почувствовалъ, что раненъ въ ногу.

Онъ едва успѣлъ вогнать лошадь въ боковую улицу, какъ она упала, пораженная на-смерть тою же пулей, что былъ раненъ ея всадникъ.

По предписанію нѣмецкаго коменданта, двери во всѣхъ радомскихъ домахъ должны были быть открыты. Въ одну изъ такихъ дверей двухъэтажнаго домика и вбѣжалъ С—ій, прося спрятать его.

Хозяева рады были сдѣлать это. Но прежде всего надо было разрѣзать сапогъ и забинтовать ногу, которая была поранена очень сильно шальною пулей, проскочившей сначала сквозь доску забора, разорвавшей связки и вены на ногѣ у С.

Но С—го выдалъ кто-то. Домъ окружили нѣмцы, грозя разстрѣломъ.

Чтобы не подвергать хозяевъ смертельной опасности, С—ій рѣшилъ сдаться.

Одинъ изъ присутствующихъ пошелъ сказать пруссакамъ о сдачѣ, но они приказали ему сойти внизъ.

Когда же С—ій сошелъ внизъ, на него съ ругательствами набросился прусскій офицеръ и сталъ избивать раненаго кулакомъ и прикладомъ маузера.

Затѣмъ тотъ же великолѣпный прусскій герой сорвалъ съ сдавшагося въ плѣнъ раненаго часы, вытащилъ у него изъ кармана послѣднюю сторублевку и, такъ какъ ограбить было больше нечего, онъ, исполнивъ свой долгъ, отправился восвояси, приказавъ солдатамъ оттащить раненаго плѣнника въ штабъ.

Прусскіе солдаты на этотъ разъ оказались благороднѣе своего начальника: они предложили раненому коньякъ, галеты, папиросы...

На простой подводѣ, даже безъ соломы, повезли С—го по городу и, наконецъ, приволокли въ нѣмецкій штабъ, гдѣ генералъ сталъ допрашивать плѣннаго о силахъ и движеніи русскихъ войскъ.

Окончивъ допросъ, генералъ приказалъ вести его въ тюрьму.

С—ій показалъ на рану.

Тогда генералъ въ гнѣвѣ съ ругательствами набросился на офицера и солдатъ, сопровождавшихъ плѣннаго. Это былъ рѣдкій случай, когда пруссакъ сумѣлъ оцѣнить геройство врага и самъ по-

жалъ ему руку и приказалъ отправить на пунктъ для перевзки, а затѣмъ въ госпиталь.

На другой день утромъ пруссаки, всю ночь проведшіе въ тревогѣ, стали выступать изъ города, забирая плѣнныхъ.

Сестры скрыли С—го. И на его счастье вслѣдъ за уходомъ пруссаковъ, въ Радомъ вошли русскія войска.

Товарищи С—го бросились по свѣжимъ слѣдамъ разыскивать его. Нашли и со слезами обнимали своего героя-товарища.

Они же сообщили ему, что послѣ того, какъ онъ упалъ, были убиты также три лошади ихъ: одна подъ татариномъ, вѣстовымъ С—го, другія — подъ солдатами.

Вѣстовой бросился бѣжать въ сторону и былъ убитъ пруссаками.

А солдаты пустились вслѣдъ скакавшимъ съ корнетомъ Батюшковымъ солдатамъ.

Обернувшись назадъ, Батюшковъ увидѣлъ своихъ, скомандовалъ — назадъ! —и бросился въ атаку на преслѣдовавшую ихъ полусотню.

Тѣ растерялись, остановились. Пѣшіе бѣглецы воспользовались этимъ замѣшательствомъ, вскочили на товарищескихъ коней и—были таковы.

— Ахъ, прямо плакать хочется отъ злости! — закончилъ свой разсказъ С—ій, — что приходится валяться здѣсь съ этой проклятой раной въ-то время какъ рвешься сражаться съ врагомъ!

НА НОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ событіяхъ текущей жизни есть стремительная быстрота и яркость, отъ которой иногда кружится голова и ширится сердце. Но это не кинематографическая пестрота обыденной жизни, отъ которой не остается ничего, кромѣ усталости и ряби въ глазахъ, а смѣна явленій, полныхъ глубочайшаго историческаго смысла и огромнаго, можетъ быть, даже рокового значенія не только для Россіи, но и для всего міра.

Тянуло какъ можно болѣе приблизиться къ этимъ событіямъ, и не только увидѣть и прочувствовать, а, такъ сказать, ощутить ихъ великую сущность, но до настоящаго момента приходилось поневолѣ бродить вокругъ да около. Только 25-го сентября десять избран-

ныхъ представителей русской и иностранной печати получили разрѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго отправиться въ дѣйствующую армію. Это не могло не обрадовать и не взволновать всѣхъ насъ. Если вообще война трагически-важное явленіе,—настоящая война — явленіе міровое. Въ этомъ явленіи могутъ быть факты большей или меньшей цѣнности, но мелочей нѣтъ и не можетъ быть. Это я зналъ и чувствовалъ и раньше. Тѣни войны, которыя проходили предо мною, давали яркія отраженія великой души народной, отблески тѣхъ кровавыхъ заревыхъ мерцаній, которыя обѣщали въ будущемъ новую свѣтлую и широкую жизнь. Но многое приходилось лишь возсоздавать воображеніемъ, о многомъ лишь догадываться. Теперь явилась возможность увидѣть воочію если не все, то уже, во всякомъ случаѣ, то важное, что скажетъ уму и сердцу гораздо больше, чѣмъ можетъ открыть самое чуткое творческое воображеніе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, я надѣялся.

***

Двадцать пятаго сентября мы къ часу дня всѣ были на Варшавскомъ вокзалѣ; для насъ, корреспондентовъ, былъ приготовленъ особый вагонъ, въ которомъ можно не только путешествовать, но и работать.

Кромѣ извѣстныхъ Петрограду фигуръ В. И. Немировича-Данченко, С. Н. Сыромятникова, Н. И. Кравченко, съ нами помѣстились иностранные корреспонденты, извѣстный профессоръ Bernard Pares, такъ много содѣйствовавшій въ печати англо-русскому сближенію еще задолго до войны, французскій корреспондентъ Le Journal» Людовикъ Нодо, англичанинъ-художникъ «Daily Mail»—Mewes, корреспондентъ «New-Vork Sun» — Hanley Waschburn и японецъ Оба, корреспондентъ газеты «Осcаки Шимбунъ» («Утренняя Заря»). Маленькій вагонъ оказался чѣмъ-то въ родѣ сказочной клѣтки, изъ которой, какъ говорящія птицы, должны по всему міру разлетаться крылатыя вѣсти войны. Сосѣдомъ моимъ оказался японецъ Оба, типичная маленькая фигура съ четкими, спокойными движеніями и зоркимъ внимательнымъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ. Рядомъ съ нимъ массивная фигура художника Кравченко и такая же высокая, стройная фигура красиваго корреспондента-француза, казались великанами. Иностранцы размѣстились нѣ-

сколько особнякомъ, но это нисколько не мѣшало нашему сближенію. Какъ-то сразу установился дружный товарищескій тонъ — и мы совершенно незамѣтно доѣхали такимъ образомъ до Вильно.

Въ то время, какъ мои русскіе товарищи взяли на себя ознакомить съ Вильно англичанъ, француза и американца, я отправился въ городъ вмѣстѣ съ коллегой-японцемъ, совершенно свободно читающимъ и недурно объясняющимся по-русски.

Намъ повезло. Весь городъ былъ разукрашенъ флагами. Оказывается, наканунѣ былъ въ Вильно Государь, и не только еще не были сняты флаги, но и самый воздухъ какъ-будто еще не успѣлъ остыть отъ того бодраго и свѣтлаго впечатлѣнія.

Государь пробылъ въ Вильно цѣлый день, осматривалъ городъ, посѣщалъ лазареты, бесѣдовалъ съ ранеными офицерами и солдатами и щедро раздавалъ имъ награды. Среди принятыхъ Государемъ депутацій отъ города была и еврейская депутація, которую Государь сердечно поблагодарилъ за участіе и патріотизмъ, проявленные евреями въ эти трудные для Россіи дни.

Мой спутникъ былъ въ восторгѣ и отъ этихъ впечатлѣній, и отъ стариннаго города съ его древней святыней—Остробрамской иконой Божіей Матери, Замковой горой и узенькими змѣистыми улицами. Онъ съ чувствомъ положилъ въ свой кошелекъ мѣдный грошикъ, ½ копейки, какъ свидѣтельство той бѣдности, которая господствуетъ въ Вильно.

— Что же можно купить на эту маленькую монету?—спросилъ онъ меня.

— Кусокъ хлѣба.

Японецъ задумался на минуту, затѣмъ сказалъ съ трогательной и застѣнчивой улыбкой, выговаривая, какъ всѣ японцы, вмѣсто буквы л—р.

— Я жераю, чтобы посрѣ войны русскій народъ не нуждарся въ такой мареньокой монетѣ.

***

Пріятно было, оставляя Вильно, знать, что этотъ городъ, дважды пережившій приливы и отливы паники, будетъ теперь спокойно работать и расширять свѣтлое дѣло помощи раненымъ и пострадавшимъ отъ войны бѣженцамъ, которое поставлено въ Вильнѣ съ сердечной заботливостью.

Поѣздъ мчитъ насъ все дальше и дальше отъ Вильно, и утромъ 27-го мы подходимъ къ станціи, откуда автомобили должны доставить насъ въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго.

Почти южный осенній день. Тепло на солнцѣ и сыро и прохладно въ тѣни. Нынѣшнимъ лѣтомъ зелень держится ярко, несмотря на обиліе бурь и дождей, а такой день, какъ этотъ — рѣдкость. Но чувствуется, что солнце не на долго. Темнѣютъ и набухаютъ облака, которыя еще часъ тому назадъ были такими бѣлыми и легкими, и все рѣже между ними сіяетъ ясное небо, такое синее поутру.

И вспоминаются слова Толстого изъ «Войны и Мира», можетъ быть, единственной книги, кромѣ Евангелія, которую хочется нынѣ читать и перечитывать:

«Это былъ годъ дождей и бурь»...

Тогда, въ двѣнадцатомъ году, природа была нашимъ союзникомъ; нашимъ союзникомъ является она и теперь. Съ нами Богъ.

Автомобили мчатъ насъ по шосее, мѣстами изрытому и густо грязному. Но стосильный Бенцъ, оставшійся отъ нѣмцевъ, мчитъ насъ съ стремительной быстротой впередъ и впередъ. Шофферъ недавно покрылъ на немъ полторы тысячи верстъ менѣе чѣмъ въ 12 часовъ.

— Такое было дѣло,—внушительно и спокойно пояснилъ онъ.

Шарахаются въ стороны непривычныя къ автомобилю лошади, далеко сторонятся отъ автомобильнаго шума прохожіе и, хлопая крыльями, разбѣгаются гуси.

Мы попадаемъ въ настоящую сельскую обстановку, и пріятно дышать свѣжимъ воздухомъ осени, въ которомъ ароматъ тлѣющихъ листьевъ сливается съ запахомъ отсырѣвшей земли. По сторонамъ не то рощи, не то перелѣски. Необыкновенно пестра и красочна листва деревьевъ и въ лужахъ при дорогѣ свѣянные листья свѣтятся рубиновыми, золотыми и изумрудными пятнами.

Среди этого мирнаго живописнаго ландшафта нѣсколько неожиданной является Богъ вѣсть откуда вынырнувшая колея желѣзной дороги и на ней—вагоны.

Это сразу нѣсколько изумляетъ всѣхъ насъ: ожидалось что-то иное, можетъ быть, болѣе пышное и внушительное. Виднѣются крыши и стѣны нѣсколькихъ деревянныхъ строеній, но онѣ скромно прячутся за цвѣтистой листвой.

Насъ принимаетъ въ маленькомъ вагонѣ-салонѣ начальникъ штаба. Обрисовавъ условія, среди которыхъ придется намъ работать

и предѣлы, за которые намъ пока не удастся заглянуть, генералъ удаляется къ Верховному Главнокомандующему и черезъ нѣсколько минутъ извѣщаетъ насъ о томъ, что сейчасъ войдетъ Великій Князь.

И едва успѣваетъ договорить эти слова, какъ слышатся твердые шаги, и Верховный Главнокомандующій быстро входитъ въ салонъ.

Великій Князь строенъ и высокъ; его прямая, сильная фигура выше фигуръ художника Кравченко и Людовика Нодо, которые до этого момента казались въ нашей компаніи чуть ли не великанами. Окинувъ насъ внимательнымъ и зоркимъ взглядомъ, Великій Князь подаетъ поочередно всѣмъ руку и затѣмъ отходитъ опять на прежнее мѣсто.

Только тутъ я разглядываю его удлиненное острой сѣдоватой бородкой выразительное лицо, въ чертахъ котораго сказывается и царственная порода и желѣзная воля.

Какъ это ни странно, мнѣ кажется, что Великій Князь слегка взволнованъ; конечно, не тѣмъ, что передъ нимъ представители шестой державы—печати, какъ полушутя называли мы себя передъ этимъ, живые рупоры Россіи, Франціи, Англіи, Америки и Японіи. Скорѣе всего, это понятная нервность, неизбѣжная при томъ страшномъ напряженіи силъ и энергіи, которыхъ требуетъ великое, сложное и глубоко отвѣтственное творческое дѣло войны.

Великій Князь обращается къ намъ съ рѣчью, которую всѣ уже знаютъ по телеграммамъ. Онъ говоритъ просто, съ той ясной искренностью, которая чувствуется не только въ словахъ, но и въ голосѣ, и въ каждомъ взглядѣ, и въ каждомъ движеніи лица. Иногда въ этихъ властныхъ чертахъ вдругъ засвѣтится улыбка, и отъ нея лицо особенно оживаетъ и становится привѣтливымъ.

— О, это истинный образъ полководца!—съ восторгомъ отзывается о немъ Нодо.—L'air du chef. L'air du chef,—повторяетъ онъ убѣжденно.

Мы завтракаемъ и обѣдаемъ вмѣстѣ съ офицерами штаба и прочими сотрудниками Верховнаго Вождя.

Среди этой компаніи, дружной, простой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣловой, присутствуетъ также одинъ изъ великихъ князей.

— А вотъ идетъ другой великій князь, лицо, близкое къ Главнокомандующему,—указываетъ мнѣ сопровождающій насъ любезный полковникъ А. на высокую фигуру въ непромокаемой шинели. Великій князь дружелюбно киваетъ въ окно и проходитъ въ сосѣдній ва-

гонъ, гдѣ обѣдаетъ Верховный Главнокомандующій, нерѣдко заглядывающій и въ эту скромную столовую.

Поздно вечеромъ мы садимся въ автомобили и мчимся къ нашему поѣзду. Льетъ дождь и вѣтеръ свиститъ и хлещетъ въ лицо.

Мы ѣдемъ во Львовъ.

СЕСТРЫ.

Каждый лазаретъ, который мнѣ приходится видѣть, это живая глава исторіи, трагическая и возвышенная, кровавая и трогательная. Каждый раненый—живой документъ войны, запечатлѣнный кровью мигъ, и среди нихъ есть настолько яркіе и характерные, что было бы преступленіемъ пройти мимо нихъ.

По пути во Львовъ я заглянулъ въ Ровно, въ лазаретъ великой княгини Ольги Александровны.

Обычная, уже знакомая мнѣ картина, и все же каждый разъ я переживаю такое чувство, какъ-будто послѣ долгаго промежутка времени вхожу въ храмъ. Если человѣческое страданіе, вообще говоря, священно, здѣсь оно имѣетъ больше правъ на этотъ эпитетъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

У японцевъ недаромъ существуетъ культъ героевъ и храмы, воздвигнутые въ честь героевъ, прославившихъ себя нѣкогда великими подвигами и беззавѣтной любовью къ своей родинѣ. Неподалеку отъ Нагасакъ, въ Кумамото есть храмъ Като-Кіё-Маса, воздвигнутый въ честь генерала Кіё-Маса. Этотъ храмъ пользуется громадной популярностью; туда приходятъ даже паломники помолиться безсмертной душѣ героя. Это былъ любимый храмъ генерала Ноги, которому нынѣ также воздвигнутъ храмъ въ Токіо. Правда, пока еще небольшой храмъ, но свято чтимый и ревниво и гордо охраняемый городомъ. Такую же святыню хотятъ японцы воздвигнуть и на родинѣ Ноги, неподалеку отъ Симоносеки. Почти въ каждомъ городѣ есть храмъ—сейсіоко, что по-китайскому начертанію значитъ также—Кіё-Маса.

— Кіё-Маса былъ не только великій воинъ,—пояснилъ мнѣ мой спутникъ-японецъ Оба,—онъ былъ и святой человѣкъ, то-есть человѣкъ очень добрый. И когда японцы завоевали сѣверную Корею—при Японскомъ морѣ,—вотъ какъ вы завоевали теперь Галицію, онъ былъ

назначенъ туда сіогуномъ, и всѣ его тамъ очень любили и уважали, потому что онъ не посягалъ не только на свободу корейцевъ, но и чтилъ ихъ обычаи и нравы.

Нельзя не удостовѣрить по тѣмъ явнымъ документамъ, которые мнѣ приходится видѣть, что, очевидно, есть эпохи, когда героизмъ въ странѣ уже не исключеніе, а нѣчто стихійное, точно это доблестное свойство передается не однимъ лишь избраннымъ и отмѣченнымъ Богомъ натурамъ, а цѣлымъ массамъ, и даже не только воюющимъ, а и тѣмъ, что около нихъ: докторамъ, санитарамъ, сестрамъ милосердія...

Тутъ приходится встрѣчаться съ явленіями, которыя иногда могутъ показаться чудесами.

— Вотъ позвольте васъ познакомить съ одной изъ нашихъ сестеръ,—сказалъ докторъ въ названномъ лазаретѣ.

Молоденькая дѣвушка, съ нервнымъ подвижнымъ лицомъ, на ходу поклонилась и торопливо повернула въ свою палату.

— Вотъ-съ,—продолжалъ докторъ,—любопытное явленіе,—эта барышня страдала жестокими припадками астмы...

— Чуть не съ самаго дѣтства,—ввернула свое слово другая сестра, сопровождавшая насъ.—Я ее знаю.

— Да-съ, такъ вотъ, пришла къ намъ, со слезами просится, чтобы ее взяли хоть простой сидѣлкой, на какую угодно работу, что она въ такое время не можетъ сидѣть дома, сложа руки или заниматься пустяками, потому что, видите ли, все, что не касается войны, ей представляется пустяками. Ну какъ взять больную? А отказать тоже не хватило силъ, да она и не могла примириться съ отказомъ. Взяли, и что же вы думаете? вотъ уже два мѣсяца, какъ она у насъ, на ея рукахъ—моя палата, и во всѣ эти два мѣсяца у ней не было ни одного припадка, въ то время какъ при спокойной домашней жизни припадки были очень часто.

— А вотъ вамъ наша сестра еще. Эта—настоящая героиня: она на своихъ рукахъ офицера раненаго прямо изъ огня вынесла.

Высокая стройная женщина, съ прекрасными темными глазами, идетъ намъ навстрѣчу. Худощавое смуглое лицо, тонкія красивыя руки.

«Неужели эти руки?.. — не совсѣмъ довѣрчиво думалъ я.—Можетъ быть, просто экзальтированная фантазія?»

Но оказывается спасенный ею офицеръ здѣсь же, въ этомъ госпиталѣ. Вотъ онъ вышелъ изъ палаты, худой и блѣдный, съ болѣз-

ненно поднятыми плечами и опущенной головой. Такой видъ бываетъ у легочныхъ больныхъ. Такъ оно и есть: онъ былъ раненъ въ лѣвое легкое насквозь и въ плечо, но теперь, слава Богу, поправляется.

И вотъ въ то время какъ наша компанія идетъ за врачомъ, показывающимъ всевозможныя раненія, начиная отъ причиненныхъ ударами приклада и кончая ужасными ранами отъ разрывныхъ пуль, которыми, несомнѣнно, стрѣляютъ иногда нѣмцы, сестра Тимощенко разсказываетъ мнѣ всю эту интересную исторію сама.

***

Она—жена пограничнаго офицера изъ-подъ Кременца.

Мужъ ея ушелъ на войну тотчасъ послѣ объявленія войны. Она осталась, но не надолго.

Съ сотней пѣшихъ пограничниковъ отправилась она по пути въ Алексинецъ, рѣшивъ посвятить себя уходу за ранеными, какъ фельдшерица и сестра.

Путь былъ не маленькій. Сначала она ѣхала на тряской телѣгѣ, гдѣ были сложены всѣ вещи пограничной сотни. Но пѣшіе пограничники, въ тяжелой аммуниціи, натирали себѣ ноги большими сапогами, и она уступала имъ мѣсто, а сама шла пѣшкомъ верстъ по десяти безъ отдыха.

По пути въ Вишневцѣ поймали австрійца, отъ котораго удалось узнать, что по другую сторону рѣки, черезъ которую надо было переправляться,—стоитъ цѣлый непріятельскій полкъ.

Тогда пограничники поспѣшили свернуть въ сторону, и не успѣли еще какъ слѣдуетъ отойти отъ своей стоянки, какъ на ихъ мѣсто переправились австрійцы. Однако, удалось скрыться отъ нихъ незамѣченными и переночевать въ полѣ, близъ кладбища. Такъ какъ палатокъ не полагалось, ночевали подъ открытымъ небомъ, а Тимощенко спала подъ возомъ.

Въ Алексинецѣ тоже было не много удобнѣе—пріютилась въ сараѣ, а, между тѣмъ, ночи были холодныя и ненастныя.

Числа 8-го августа увидѣли изъ Алексинеца вдали два австрійскихъ эскадрона. Наша пѣхота разсыпалась цѣпью, но австрійцы ушли.

Черезъ день пришелъ приказъ отправиться въ Новый-Ставъ всему войску, находившемуся въ Алексинецѣ. 10-го августа перешли

границу, а 13-го завязалось сраженіе съ австрійцами, и въ этомъ сраженіи былъ тяжело раненъ ротмистръ Усковъ, съ сотней котораго слѣдовала сестра Тимощенко.

Едва она узнала, что начальникъ ея сотни раненъ, она бросилась разыскивать его.

Ее не могло остановить то, что бой былъ еще въ самомъ разгарѣ, что пули свистѣли вокругъ нея и съ грохотомъ и шипѣніемъ разрывались шрапнели, поднимая вмѣстѣ съ пылью окровавленные куски человѣческихъ тѣлъ и клочья одеждъ.

Одна изъ шрапнелей разорвалась близъ нея и обдала съ ногъ до головы пылью и оглушила грохотомъ.

Сестра Тимощенко была ошеломлена на минуту. Но преодолѣла испугъ и потрясеніе. Офицеръ былъ раненъ тяжело, какъ сообщили ей,—каждая минута была дорога. Надо было во что бы то ни стало вынести его изъ этого ада, пока не поздно.

Ея отвага и самоотверженность точно заколдовали ее отъ смерти, такъ же, какъ и денщика ротмистра, разыскивавшаго вмѣстѣ съ ней своего барина.

У этого денщика пули пробили фуражку и рубаху, даже не оцарапавъ тѣла. Денщикъ и сестра бѣгали по окровавленному, покрытому трупами полю, наклонялись то надъ однимъ, то надъ другимъ раненымъ, беспомощно разводя руками въ отвѣтъ на ихъ мольбы и стоны.

Первымъ увидалъ своего ротмистра солдатъ Бѣлкинъ, который и крикнулъ объ этомъ сестрѣ Тимощенко.

Та побѣжала туда, гдѣ лежалъ Усковъ. Онъ лежалъ на землѣ, судорожно перебирая руками, какъ-будто хотѣлъ уползти. Земля вокругъ была залита кровью, и кровь виднѣлась на груди и темной струйкой стекала изо рта на шею.

Они втроемъ бережно подняли раненаго офицера и понесли его въ безопасное мѣсто.

Нести пришлось далеко, и руки нѣмѣли отъ усталости.

По пути еще встрѣтились на счастье два солдата съ носилками. Сестрѣ Тимощенко по временамъ можно было отдохнуть, но ненадолго.

Когда кто-нибудь изъ несшихъ изнемогалъ, приходилось смѣнять его и нести снова.

Такъ прошли они около двадцати верстъ, голодные, изнемогавшіе отъ жажды, съ цѣпенѣющими отъ усталости ногами и руками.

Наконецъ, донесли до занятаго нами мѣстечка Сассова. Тутъ бы, кажется, можно было отдохнуть, но какъ разъ въ это время въ Сассово привели плѣнныхъ австрійцевъ.

Жители Сассова стали отбивать ихъ у русскихъ и опять завязался жестокій бой.

Не выпуская изъ рукъ носилокъ, подъ пулями, которыя цѣлымъ роемъ жужжали вокругъ, опять понесли они раненаго офицера дальше къ госпиталю, который былъ на окраинѣ города.

Но госпиталь оказался переполненнымъ ранеными.

Ротмистру Ускову все же сдѣлали перевязку и уложили его въ палаткѣ на соломѣ.

— Главное, чтобы онъ не простудился!—заявилъ сестрѣ Тимощенко докторъ.

Но легко было ему говорить такъ. Ночь была ненастная и холодная. Лилъ дождь.

Вѣтеръ трепалъ палатку, какъ-будто хотѣлъ совсѣмъ сорвать и унести ее, чтобы залить дождемъ несчастныхъ искалѣченныхъ, окровавленныхъ людей, которые стонали, бредили и умирали здѣсь на соломѣ.

Теплаго ничего не было, если не считать пальто, которое было надѣто на Тимощенко.

Она сняла это пальто и накрыла имъ раненаго. Но раненый все дрожалъ отъ озноба. Тогда она сняла съ себя кофточку и осталась въ одной кисейной блузкѣ.

— Ну, а теперь вамъ теплѣе?—спрашивала она его, сама стараясь побороть дрожь отъ холода и усталости.

Больной ничего не отвѣчалъ. Онъ тихо стоналъ, метался и шепталъ что-то поблѣднѣвшими запекшимися губами.

Чтобы оградить его и другихъ раненыхъ отъ бушевавшаго вѣтра, она сколола и связала гдѣ можно отверстія въ палаткѣ, куда врывался вѣтеръ, бросавшій ледяныя брызги дождя, и всю ночь на колѣняхъ простояла возлѣ раненаго на соломѣ, поддерживая покрывавшія его пальто свое и кофточку, которыя то и дѣло онъ сбрасывалъ, лихорадочно ворочаясь и шевеля руками и ногами.

Это была ночь безконечная и жестокая. Ночь, похожая на кошмаръ, на мрачную страницу Дантовскаго ада.

Безсонными глазами своими, полными безпомощности и жалости,

эта молодая, самоотверженно ринувшаяся въ огонь женщина видѣла человѣческія страданія, которыя терзали сердце и подавляли почти до безумія.

Къ разсвѣту многіе изъ бывшихъ здѣсь въ бреду и мукахъ, стонавшіе отъ боли и отчаянія, молившіеся и по-русски, и по-нѣмецки, и по-польски, такъ какъ тутъ были всѣ вмѣстѣ вчерашніе враги,— замолкли.

Судорожно скрюченные и раскинувшіеся трупы лежали вокругъ, и сѣрый, непривѣтливый день, проступавшій сквозь холодный, вымокшій снаружи брезентъ, бросалъ мутные отсвѣты на выкатившіеся стеклянные глаза, на землистыя впалыя щеки и ощерившіеся зубы.

Оставить здѣсь раненаго было нельзя. Въ тотъ же день его повезли въ Броды, а оттуда, наконецъ, доставили въ Ровно.

Но прежде чѣмъ онъ очутился здѣсь, много пришлось претерпѣть и раненому и сопровождавшей его сестрѣ на этомъ пути тревогъ, лишеній и страха.

Однако, все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что пережито было въ тѣ часы, когда она разыскивала его подъ огнемъ и вынесла на своихъ рукахъ съ поля смерти. И въ ту ночь, когда въ полевой палаткѣ среди раненыхъ и умирающихъ закутывала его своимъ пальто и кофточкой, чтобы онъ не простудился...

Сестра Тимощенко осталась въ Ровненскомъ лазаретѣ около спасеннаго ею раненаго, работая наравнѣ съ другими сестрами.

Я не знаю, что испытывали они теперь, когда, взглянувъ другъ другу въ глаза, вспоминали пережитыя минуты ужаса и отчаянія, но, глядя на нихъ, стоящихъ рядомъ, я чувствовалъ, какъ невольныя спазмы схватываютъ мнѣ горло.

Мнѣ очень хотѣлось послѣ ея разсказа разспросить еще кое-о-чемъ, узнать нѣкоторыя детали, которыя всегда такъ важны для болѣе точнаго и яркаго воспроизведенія, но было какъ-то совѣстно уступать профессіональному любопытству.

Кромѣ того, я, писатель, долженъ былъ въ эту минуту уступить этотъ интересный матеріалъ другому.

Нашъ спутникъ фотографъ уже спѣшилъ къ сестрѣ Тимощенко и штабъ-ротмистру Ускову съ фотографическимъ аппаратомъ.

— Прошу васъ стать вотъ здѣсь. Вотъ такъ...—суетился онъ въ коридорѣ, желая воспользоваться свѣтомъ, падавшимъ въ большія окна, и устанавливая героиню-сестру и спасеннаго ею раненаго...—Такъ стойте.—Снимаю. Готово. Merci...

ВО ЛЬВОВѢ.

Я уѣзжалъ изъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго въ какомъ-то особенномъ настроеніи. Кажется, ничего касающагося войны я тамъ не видѣлъ, не слышалъ никакихъ разговоровъ о предпринимаемыхъ планахъ въ настоящемъ и будущемъ, о перемѣнахъ и возможностяхъ, объ ошибкахъ или удачахъ. Помимо строгаго соблюденія тайны, объ этомъ какъ-будто не принято даже было говорить, все было просто, хотя не обыденно, спокойно, но строго, дружно, но не интимно и ужъ, конечно, не вульгарно. Помимо сознанія, что тутъ одинъ изъ самыхъ главныхъ, если не самый главный нервъ войны, это чувствовалось какимъ-то таинственнымъ образомъ, и ужъ изъ этого чувства также безотчетно рождалось спокойствіе и увѣренность въ конечномъ торжествѣ.

Съ тѣмъ я и садился въ вагонъ.

Послѣднее, что я увидѣлъ изъ окна вагона, была большая телеграфная. За ярко освѣщенными стеклами работали десятки телеграфистовъ; десятки нервно-напряженныхъ, сосредоточенныхъ лицъ, съ неподвижными глазами вслушивающихся въ этотъ сухой и острый стукъ работающихъ день и ночь аппаратовъ: десятки рукъ, точно и непрестанно выстукивающихъ условные знаки, написанные властными руками.

Гдѣ-то тамъ, недалеко отсюда, эти сухіе, однообразные стуки отзываются громовыми раскатами орудій, трескомъ пулеметовъ, криками «ура!», восторгами торжества и неизбѣжными во всякой войнѣ и при счастливыхъ и при несчастныхъ обстоятельствахъ воплями ужаса и боли, стонами тоски и страданія.

Ночью уходилъ поѣздъ во Львовъ. Онъ мчался впередъ, навстрѣчу мраку и вѣтру, который гудѣлъ и вылъ, разрываясь о желѣзные бока паровоза и безконечныхъ вагоновъ, въ то время, какъ дождь шумѣлъ и стучалъ о крышу вагона, напоминая стукъ все тѣхъ же теле-

графныхъ аппаратовъ, какъ-будто и онъ напряженно и неустанно повторялъ тѣ же вѣсти и тайны войны, что и они.

Ненастье преслѣдовало насъ и на другой день. На закатѣ мы промчались мимо пограничнаго столба, который все еще стоялъ памятникомъ прошлаго, достойнымъ, чтобы его сохранили въ одномъ изъ нашихъ историческихъ музеевъ. А позднѣе, вечеромъ, мы уже пересаживались изъ перваго класса нашего спеціально-корреспондентскаго вагона въ III-й классъ австрійскаго вагона въ Бродахъ, первой австрійской станціи, откуда до Львова шла уже узкоколейная дорога.

Во Львовъ мы пріѣхали около трехъ часовъ ночи. Меня поразилъ огромный вокзалъ, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ вокзаловъ въ всей Россіи. Съ нами же пріѣхалъ и вновь назначенный комендантъ станціи Львовъ, человѣкъ, очевидно, съ желѣзными нервами, такъ какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, благодаря лихорадочному безпрерывному движенію отъ узловой станціи, гдѣ онъ былъ начальникомъ,—ни одной ночи ему не приходилось спать какъ слѣдуетъ.

На вокзалѣ блуждало растерянно нѣсколько фигуръ, которыя пріѣхали во Львовъ очертя голову, не зная, что безъ пропуска ихъ не допустятъ въ городъ,—и цѣлой группой въ сторонѣ дремали плѣнные, которыхъ сторожилъ худощавый маленькій солдатъ въ большой шинели, съ винтовкой, которую онъ устало держалъ обѣими руками, и, кажется, свалился бы на полъ, если бы не опирался на нее, разставивъ ноги въ огромныхъ сапогахъ.

Подобную же картину я видѣлъ на ст. Радзивилово.

Въ то время, какъ около станціи стояли платформы съ отбитыми у австрійцевъ пушками стараго образца, и наши солдатики съ любопытствомъ осматривали ихъ, посмѣиваясь и съ прибаутками заглядывая въ мѣдныя жерла, такъ еще недавно изрыгавшія смерть на ихъ землячковъ, такихъ же сѣрыхъ солдатиковъ, какъ и эти,—въ самомъ зданіи вокзала на скамейкѣ сидѣли въ рядъ человѣкъ семь плѣнныхъ, изъ которыхъ только двое были въ австрійскихъ шинеляхъ и колпакахъ, а остальные—въ штатскомъ и бараньихъ шапкахъ.

— Гдѣ васъ взяли въ плѣнъ?—спросилъ я солдатъ по-нѣмецки.

— Дома,—отвѣтили мнѣ сразу два голоса по-русски.

Я полагалъ, что это дома—означало на родинѣ, а оказалось, что, дѣйствительно, взяли ихъ дома, и даже не въ хатѣ, а на огородѣ, гдѣ они мирно копали картошку.

— Да вѣдь вы солдаты?

— Мы солдаты, но не нѣмцы, а русины. Что же мы будемъ съ своими воевать!—говорятъ они тономъ, не допускающимъ другого истолкованія.—Вотъ мы и ушли домой изъ строя.

— Резонъ.

А тутъ пришли въ нашу деревню русскіе солдаты и взяли насъ.

— Да, и взяли насъ,—повторяетъ другой.—А скажите, панъ, насъ не убьютъ?—какъ-будто скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, спрашиваетъ онъ меня.

Другіе, въ штатскомъ, внимательно прислушиваются къ нашему разговору, особенно двое изъ нихъ.

У одного—красивое, интеллигентное и болѣзненное лицо. Чуть-чуть пробиваются усики и бородка. Онъ стоитъ согнувшись, грустный и подавленный. Ему, навѣрное, нѣтъ и 18 лѣтъ. Такъ и оказывается. Онъ гимназистъ. Кончалъ курсъ во Львовѣ, какъ вдругъ его забрали, какъ политическаго.

— А какой я политическій! У меня чахотка. Я только долженъ о своемъ здоровьѣ думать, а не о политикѣ.

Другой, съ сѣдѣющей бородой и темными усталыми глазами, печально добавляетъ.

— Такъ. И меня, какъ политика, взяли. А что мнѣ политика? Или мнѣ сладко къ пруссакамъ въ батраки итти, бо я вижу, не слѣпой, что пруссаки и Австрію хотятъ прибрать къ своимъ рукамъ, вмѣстѣ съ нами.

Они говорятъ по-малорусски, но въ языкѣ ихъ, можетъ быть, изъ желанія быть болѣе понятными, болѣе русскихъ словъ, чѣмъ малороссійскихъ. И мнѣ въ первый разъ такъ наглядно-дикой представляется эта война, съ людьми ужъ, конечно, болѣе близкими имъ не только по языку, но и по крови и по духу. Недаромъ они бѣгутъ изъ австрійскаго строя домой, рыть картошку, или цѣлыми полками сдаются въ плѣнъ.

***

Въ то время, какъ мы ждемъ извозчиковъ, не явившихся по случаю слишкомъ поздняго часа, а главное—изъ-за опозданія нашего поѣзда, къ станціи изъ города подходитъ отличный трамвай съ одною только пассажиркой, сестрою Краснаго Креста.

Трамвай пріѣхалъ спеціально за ранеными, и никого изъ частныхъ лицъ не принимаетъ. Да, кромѣ насъ, другихъ пассажировъ и не видно; они точно сквозь землю провалились.

Большія темныя зданія смотрятъ на насъ погасшими окнами. Большія улицы, изрѣдка освѣщенныя здѣсь фонарями, тянутся передъ нами во всѣ стороны, безжизненныя и глухія въ этотъ часъ со своими наглухо закрытыми дверями и охватившей ихъ тишиной.

Вывѣски на этихъ домахъ не только теперь ихъ не оживляютъ, а, наоборотъ, кажутся какими-то большими мертвящими печатями.

По этимъ улицамъ мы ѣдемъ съ полчаса. И всюду безлюдно и глухо. Но за этой глухой тишиной и безлюдьемъ—угадывается большой, живой и нтересный городъ.

Гдѣ-то вдали сухо звякнулъ выстрѣлъ. За нимъ—другой. А вотъ —выстрѣлы взорвались цѣлой пачкой.

Кое-кто вздрогнулъ. Насторожились. Недавно, говорятъ, здѣсь стрѣляли, и по этому случаю—секвестровано три огромныхъ новыхъ дома на Валовой улицѣ.

Но на этотъ разъ безпокоиться пристало еще меньше, чѣмъ по поводу тѣхъ странныхъ и безсмысленныхъ,—съ какой бы точки зрѣнія не подходить къ нимъ,—выстрѣловъ.

Странныя, совсѣмъ новыя впечатлѣнія поднимаются въ душѣ при въѣздѣ въ этотъ, еще такъ недавно,—всего дни назадъ тому,—чужой и даже какъ бы враждебный намъ, а теперь нашъ, русскій городъ. Но такъ томитъ усталость, такъ хочется спать, что не углубляешься въ эти мысли и не даешь имъ воли.

Hôtel-George, гдѣ намъ приготовлены номера, прекрасный отель, и я, послѣ четырехдневнаго пути въ вагонѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ ложусь въ широкую постель.

**
*

Есть лица, къ которымъ идетъ грустное выраженіе, такъ же, какъ къ другимъ лицамъ идетъ улыбка. Таковъ Львовъ.

Я еще не видѣлъ Львова при солнечномъ освѣщеніи, но къ сѣрому тону его домовъ идетъ сѣренькое облачное небо и даже эта легкая туманная дымка, особенно замѣтная въ его разцвѣченной осенней красочностью листвѣ прекрасныхъ бульваровъ и парковъ.

И сѣрыя облака, и легкій туманъ придаютъ Львову задумчивый и

чуть-чуть меланхолическій характеръ, особенно сосредоточенный въ предѣлахъ стараго Львова, гдѣ узкія улицы и небольшія площади и зданія часто напоминаютъ Италію, уголки Флоренціи.

Можетъ быть, впечатлѣніе, что сѣрый день и легкая облачность печали идетъ ко Львову,—нѣсколько субъективно и тенденціозно. Но сама по себѣ старина всегда располагаетъ къ задумчивости и грусти. А старины во Львовѣ не мало.

Вѣдь черезъ Львовъ въ древности шелъ путь въ Иллирію за янтаремъ. Еще и теперь при раскопкахъ здѣсь находятъ древнія греческія и римскія монеты. И позеленѣлый левъ, сохранившійся на камняхъ одного изъ стариннѣйшихъ домовъ, левъ св. Марка, свидѣтельствуетъ документально, что здѣсь принимались венеціанскіе послы въ первой половинѣ XVII вѣка.

Особенно интересны старыя съ контръ-форсами зданія на площади рынка и прилегающихъ къ ней уличкахъ. Тутъ архитектура старины плѣняетъ своей художественной простотой. Соперничаютъ знаменитые итальянскіе мастера Паулусъ Романусъ и Петръ Борбоне. Орнаменты и фигуры старинныхъ домовъ, XV и XVI вѣковъ, удивительнаго изящества. Трогательны эти древнія изображенія въ нишахъ, преемники лавровъ и пенатовъ.

Армянскій соборъ XIV в.—это своего рода старинный островокъ. Онъ напомнилъ мнѣ издалека армянскій храмъ въ Іерусалимѣ. Волошская церковь, ренессансъ XVI в., и особенно каплица боимовъ 1618 г., работы архитектора Яна Фистера изъ Силезіи, не только восхищаютъ, но и волнуютъ своимъ благородствомъ и красотой.

Дворецъ Собѣсскаго 1580 г., когда-то палаты грека Скади съ острова Крита. Знаменитая ратуша; старая башня временъ короля Владислава IV съ крѣпостными стѣнами, которыя выдержали осаду во время войны съ турками,—все это составляетъ почти безсмертную исторію города, и городъ бережетъ эти памятники прошлаго и по праву гордится ими.

Все это живые свидѣтели исторіи, окаменѣлые голоса жизни, по которымъ можно угадать и почувствовать характеръ эпохи.

Я осматривалъ старый и новый городъ съ директоромъ музеевъ, ученымъ, влюбленнымъ въ старину Львова и ревниво оберегающимъ ее.

— Боже мой, Боже мой!—съ глубокой печалью говорилъ онъ.— Если бы вы только знали, сколько безцѣнныхъ сокровищъ погибло за

это короткое время! Имѣніе графа Кароль-Лянскорскаго—«Раздолье», около Самбора, это былъ богатѣйшій музей. Тамъ были сокровища искусства, гибель которыхъ надо оплакивать, какъ гибель близкихъ намъ душъ. А «Любенъ»—барона Бруницкаго! Тамъ были дивныя картины, гравюры, бронза, фарфоръ, старинныя книги. Все разгромлено, все уничтожено. Великіе документы сожжены и растерзаны въ клочки, какъ мусоръ. И къ ужасу нашему надо сказать, что все это сдѣлали даже не враги, а чернь, мстившая исторіи и искусству за свое невѣжество и бѣдность, послѣ ухода войскъ.

То же самое въ «Глинянахъ»—имѣніи графа Потуилицкаго, въ «Ходоровѣ»—имѣніи барона Дево.

— Вотъ вы будете въ Горынецѣ,—обратился ко мнѣ и моему спутнику д-ръ Gzolowski,—около Равы Русской, и въ Кальниковѣ, около Краковца—узнайте, пожалуйста, цѣлы ли эти имѣнія, не погибли ли тамъ музейныя драгоцѣнности,—картины и старинное оружіе, бронза и фарфоръ.

— Ахъ, плакать хочется, когда слышишь и видишь, что теряетъ человѣчество въ войнѣ!—закончилъ д-ръ почти съ отчаяніемъ.

Правда, великія, невознаградимыя утраты, но будемъ надѣяться, что черезъ огонь и кровь этой войны, невольно принесшей за собою ихъ гибель, онѣ перельются въ новыя блага для человѣчества и въ частности—для страны, въ которой все это происходитъ.

Надо радоваться тому, что самъ Львовъ совершенно не пострадалъ отъ войны. Я говорю, конечно, не пострадалъ внѣшне.

И старый, и новый городъ остались неприкосновенны. Говорятъ, австрійцы хотѣли, уходя, взорвать зданія административныхъ учрежденій, но вице-президентъ города Рутовскій вымолилъ имъ пощаду.

Ни одинъ камень не упалъ во Львовѣ, и дорого видѣть, что то тамъ, то здѣсь остались даже лѣса на недостроенныхъ домахъ, которые, несомнѣнно, будутъ достраиваться въ русскомъ Львовѣ. Надо безусловно надѣяться, что творческій ростъ города, если и остановится, то лишь на время войны, а затѣмъ безпрепятственно сольетъ свою прежнюю исторію съ новой, ни на минуту не почувствовавъ не только никакой утраты отъ прежняго владычества, но съ радостью, что новая жизнь обогащаетъ его новыми сліяніями съ родственнымъ народомъ, разбившимъ ненавистныя преграды для объединенія славянъ.

***

Цѣлый день бродилъ я нынче по Львову, осматривая этотъ небольшой, но удивительно красивый и чистый городъ.

Весь Львовъ въ садахъ и паркахъ. Особенно хорошъ Іезуитскій паркъ. Богатство осеннихъ красокъ создаетъ пышное и трогательное впечатлѣніе. И всѣ окрестности Львова также въ зелени. Много воды, и вода такъ чиста и здорова, что Львовъ почти не знаетъ заразныхъ болѣзней въ родѣ холеры.

Вода эта добывается изъ источниковъ въ сорока верстахъ отъ Львова за Яновымъ. Тамъ же и водопроводъ, который также, говорятъ, былъ спасенъ, благодаря такту и энергіи Рутовскаго, отъ австрійцевъ, которые хотѣли водопроводъ разрушить.

Нынче въ мѣстныхъ газетахъ появилось сообщеніе, что во Львовѣ объявилось два холерныхъ случая. Трудно было избѣжать заразы, такъ какъ въ Руткахъ, около Самбора,—холера и желудочныя разстройства, передающіяся черезъ воду, унесли, говорятъ, уже до полуторы тысячи человѣкъ. Надо надѣяться, что этими двумя случаями и ограничится холера во Львовѣ, такъ какъ администрація тщательно слѣдитъ, чтобы болѣзнь не проникла сюда извнѣ.

На фонѣ золотисто-багряной зелени красиво выдѣляются темные памятники: Яну Собѣсскому, гетману Яблоновскому, разбившему здѣсь въ XVII вѣкѣ турокъ и татаръ, Мицкевичу и другимъ польскимъ свѣтиламъ и вождямъ.

Въ Іезуитскомъ саду очень красивъ памятникъ графу А. Голуховскому, сынъ котораго, извѣстный министръ въ Австріи, лѣтъ десять тому назадъ попалъ при дворѣ въ опалу за пропаганду союза Австріи съ Россіей.

Въ pendant этому нельзя не упомянуть о черной мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну каѳедральнаго собора, на которой золотыми буквами начертано:

W—pieesetcha
Voczoüice na polak
Grunwald hu
Pamici zlamanie
Przemocu j'ednoçcia
Prao j comna
Czesc potomnoscl
Na Wzoav
Rada miasta' Lwow
15 Lipca 1910.

Глядя на этотъ городъ и на мирную жизнь его, трудно себѣ представить, что еще такъ недавно окна его содрогались отъ грозной канонады, гремѣвшей неподалеку. Всѣ почти магазины открыты, по улицамъ проносятся военные автомобили, ѣздятъ парные извозчики, движется толпа и горластые мальчишки продаютъ газеты—польскія и русскія. Къ сожалѣнію, нашихъ столичныхъ газетъ почему-то не видно ни одной.

Изъ двухсотъ-тысячнаго населенія, однако, треть внѣ Львова и, конечно, это не можетъ не сказываться на движеніи города.

Да вотъ еще отсутствіе русской полиціи, которую покуда замѣняетъ милиція изъ львовскихъ гражданъ, свидѣтельствуетъ о не совсѣмъ обычномъ строѣ. Но покуда еще въ городѣ не было никакихъ безпорядковъ и безчинствъ, которые говорили бы о томъ, что милиція плохо исполняетъ свои обязанности. Конечно, опять-таки запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ и здѣсь сыграло свою благотворную роль.

Нынче мы, иностранные и русскіе корреспонденты, бесѣдовали съ графомъ Бобринскимъ. Сущность этой бесѣды уже извѣстна изъ телеграммъ телеграфнаго агентства.

ЖЕРТВЫ.

Пробродивши почти цѣлый день по городу, я вышелъ изъ отеля часовъ около десяти вечера.

Городъ казался совсѣмъ опустѣлымъ и темнымъ. Даже кафе съ увеселительными программами были закрыты. Но вотъ на одномъ изъ поворотовъ улицы я увидѣлъ женщину и около нея дѣвочку лѣтъ тринадцати, четырнадцати.

Когда я проходилъ мимо нихъ, женщина сдѣлала мнѣ знакъ и указала на ребенка. Я сначала не понялъ, подумалъ, что она обозналась: и женщина и особенно эта дѣвочка, вѣроятно, ея дочь, были непохожи на проститутокъ.

Но сомнѣнія не было: здѣсь, на улицѣ, предлагался живой и заманчивый для любителей товаръ. Я убѣдился въ этомъ, когда, обернувшись, увидѣлъ и покупателя, соскочившаго съ экипажа, на которомъ онъ ѣхалъ мимо, и вступившаго съ женщиной въ торговые переговоры.

Проституція во Львовѣ—это одинъ изъ отраженныхъ ужасовъ войны. Ушли на поля сраженія мужья и братья. Одни погибли, о другихъ—ни слуху, ни духу. Мало того, австрійское правительство, чтобы имѣть во Львовѣ своихъ приверженцевъ и агентовъ, расплодило кадръ мелкихъ чиновниковъ, которыхъ въ одномъ Львовѣ двѣнадцать тысячъ, а во львовскомъ районѣ тысячъ до шестидесяти. Теперь большинство этихъ чиновниковъ остались за бортомъ. Жалованье имъ уплачено лишь по сентябрь, а ихъ пенсіонная касса пропала у австрійцевъ. Большинство изъ нихъ—люди женатые, и не трудно представить, какой ужасъ нищеты и лишеній ждетъ этихъ несчастныхъ въ самомъ недалекомъ будущемъ, если не терзаетъ ихъ уже и сейчасъ.

Ужасы войны не ограничиваются полями сраженій, они свирѣпствуютъ и далеко за предѣлами ихъ, и порою паденіе людей страшнѣе, чѣмъ смерть отъ непріятельской пули, такъ же, какъ публичный домъ и тюрьма страшнѣе госпиталей, гдѣ томятся и страдаютъ раненые.

Во Львовѣ сорокъ пять госпиталей. Если вы ночью идете по городу и видите сплошь освѣщенныя окна,—это госпиталь. Большинство этихъ госпиталей очень хорошо обезпечены и обставлены, имѣются даже рентгеновскіе аппараты и особеннаго вниманія заслуживаютъ подвижныя рентгеновскія станціи, помѣщавшіяся на автомобиляхъ, которые служатъ и для перевозки раненыхъ и для рентгенизаціи. Такіе аппараты есть и на сѣверо-западномъ фронтѣ. Ихъ можно приспособить въ нѣсколько минутъ къ любому госпиталю. Достаточно автомобилю остановиться у окна, переставить рентгеновскій аппаратъ черезъ окно въ комнату и заставить работать электрическую машину въ автомобилѣ въ 110 вольтовъ тока, соединенную съ аппаратомъ проводомъ, идущимъ черезъ окно.

Въ газетахъ уже много разъ описывали госпитали и бесѣды съ ранеными. Но если бы описывали даже въ десять, въ сто разъ болѣе, интересъ къ нимъ не могъ бы уменьшиться ни на одну іоту. Вѣдь не изъ пустого любопытства мы разспрашиваемъ и выслушиваемъ раненыхъ и не легкое это дѣло прослушать отъ искалѣченнаго, окровавленнаго человѣка разсказъ о томъ, гдѣ, и какъ онъ былъ раненъ, что чувствовалъ онъ и какъ подобрали его и доставили съ поля смерти въ этотъ свѣтлый госпиталь, гдѣ за нимъ ухаживаютъ съ любовью и заботой, лѣчатъ съ знаніемъ и преклоненіемъ передъ святымъ величіемъ подвига, передъ самоотверженной силой духа, который заставляетъ безстрастно глядѣть въ глаза смертельной опасности и гибели.

Съ какой простотой и смиреніемъ отвѣчаютъ всѣ они, когда вы начинаете ихъ разспрашивать:

— А не страшно было?

— Спервоначалу, пожалуй, что и страшно, а между прочимъ за-одно со всѣми—ничего. И потомъ обвыкнешь.—Пули эти самыя летаютъ, жужжатъ, какъ пчелки, шрапнель гудетъ и рвется, а все кажется, что это такъ, здря, и что рядомъ землячки валятся здря. А тебя подкосило, на то Господня воля, не въ кабакѣ пропадаешь по пьяному дѣлу.

Такъ говоритъ великая и кроткая народная душа, и никогда еще эта душа не раскрывалась съ такой полнотой и святостью, какъ въ нынѣшнюю войну. Точно инстинктъ народный чуетъ новую жизнь за кровавою далью этой войны, чудовищной по своему радіусу и количеству съ каждымъ днемъ растущихъ жертвъ.

И каждая жертва—слово той грандіозной кровавой поэмы, которая должна вызвать содроганіе въ будущихъ вѣкахъ; мертвые, погибшіе ничего уже не разскажутъ, а разсказъ каждаго раненаго, это какъ цвѣтной камешекъ въ мозаикѣ; изъ такихъ цвѣтныхъ камешковъ должна составиться впослѣдствіи величественная и мрачная картина міровой войны, которая больше никогда не повторится, потому что наши потомки со слезами и ужасомъ отвернутся отъ этого дикаго пережитка. Не будемъ же проклинать Вильгельма, вызвавшаго эту войну, потому что какъ Іуда былъ предопредѣленъ продать Христа за сребренники и дать тѣмъ искупленіе грѣховъ всего міра, такъ Вильгельмъ, съ его суетнымъ тщеславіемъ, обрекъ на смерть, на страданіе милліоны людей, чтобы этой жертвой положить предѣлъ жесточайшимъ народнымъ войнамъ. И сколько бы разсказовъ раненыхъ ни выслушивали, ни передавали,—все равно, повтореній или чего-нибудь лишняго здѣсь не можетъ быть, такъ какъ если событіе, передаваемое вамъ, и одно и то же,—люди, души человѣческія—разныя, и каждая душа дастъ свое собственное отраженіе, свои собственныя краски и черты.

***

Несмотря на обиліе госпиталей во Львовѣ, нельзя въ немъ умѣстить всѣхъ раненыхъ, которые проходятъ черезъ Львовъ съ юго-восточнаго района. Поѣзда безпрерывно идутъ и идутъ оттуда, поѣзда страданія и смерти. Везутъ и везутъ раненыхъ, а на смѣну, навстрѣчу имъ, мчатся новые поѣзда съ молодыми, сильными, готовыми уме-

реть за родину, людьми. Легко раненыхъ отправляютъ дальше, во внутрь Россіи, тѣхъ же, которые нуждаются въ немедленной помощи, оставляютъ во Львовѣ.

Всѣхъ прибывающихъ невозможно сразу везти въ госпиталь. И вотъ, отправляясь на осмотръ галиційскаго района, въ мѣста, гдѣ происходили наиболѣе страшные бои, я на большомъ львовскомъ вокзалѣ нечаянно наткнулся на картину, передъ которой блѣднѣютъ картины Дантовскаго ада, уже по одному тому, что это не фантазія, а дѣйствительность.

Я спѣшилъ къ поѣзду, перебѣгая съ платформы въ какія-то залы, затѣмъ въ коридоры, спускаясь куда-то внизъ по лѣстницѣ въ подобіе полутемнаго тоннеля.

Навстрѣчу то и дѣло попадались раненые съ перевязанными руками, ногами, головами и лицами. Казалось, въ самомъ воздухѣ пахло кровью и заживающими ранами, и странно было видѣть, какъ мѣстами, прижавшись къ стѣнкѣ или въ уголокъ, эти раненые пили чай изъ жестяныхъ чайниковъ и манерокъ, бережно откусывая кусочки сахара или хлѣба, или хлебали какую-то похлебку, доставая изъ-за пахнущаго дегтемъ голенища деревянную ложку.

Они сидѣли на полу, на корточкахъ, иные стояли, другіе лежали. И вдругъ, я вздрогнулъ отъ зрѣлища, которое могло показаться бредомъ.

Въ огромной, сѣрой отъ отсутствія солнца залѣ, лежали на каменномъ грязномъ полу — сотни, а можетъ быть и тысячи людей. Одни лежали на носилкахъ, другіе на шинеляхъ, и ихъ казалось страшно много потому, что они лежали одинъ возлѣ другого и издали казались сплошной сѣрой массой съ тысячами щупальцевъ—рукъ и ногъ, которыя шевелились и корчились, какъ щупальцы полураздавленнаго гигантскаго спрута.

Въ окна проникалъ слабый безсолнечный свѣтъ, и этотъ свѣтъ какъ-будто озарялъ не эту сѣрую копошащуюся массу людей, а только бѣлые халаты съ красными крестами посреди залы, гдѣ стоялъ столъ, и на столѣ лежалъ одинъ изъ этой сѣрой массы людей. Докторъ дѣлалъ ему перевязку огромной развороченной раны на ногѣ, и эта нога судорожно вздрагивала въ рукахъ сестеръ, которыя выскабливали, очищали и промывали рану. Другіе раненые ждали здѣсь своей очереди, тяжело дыша и изрѣдка—стоная отъ боли. Ихъ доставили сюда прямо съ позицій, и иные изъ нихъ были перевязаны тѣмъ, что

на позиціи попадалось подъ руку; была марля и вата,—марлей и ватой, а то—такъ собственнымъ бѣльемъ раненаго, котораго онъ иногда не снималъ по мѣсяцу.

Отъ перевязочнаго стола отходятъ тѣ раненые, которые могутъ ходить; уносятъ тѣхъ, которые сами не могутъ подняться.

Вездѣ шевелятся перевязанныя головы, перевязанныя руки, ноги... Сотни человѣческихъ глазъ, закрытыхъ и открытыхъ. Въ однихъ глазахъ вы видите эту подавленную муку; въ другихъ не можете ея не угадывать. И это страшнѣе.

— Да идите же, мы опоздаемъ на поѣздъ!—торопитъ меня мой спутникъ.

Я машинально бѣгу за нимъ. Направо,—налѣво—вездѣ сѣрыя шинели, сѣрыя лица. У каждаго—своя жизнь и свое мѣсто въ жизни внѣ войны, но здѣсь, на войнѣ—они какъ-будто одна сплошная масса, и у этой массы тысячи ранъ, которыя терзаютъ ее день и ночь, день и ночь.

Страшное зловоніе шло отъ этихъ сотенъ ранъ и кровью пахло такъ сильно, что этотъ приторно-терпкій запахъ почти осязала кожа лица, отъ него тяжелѣли рѣсницы.

Мой спутникъ, японскій журналистъ Оба, видавшій виды въ прошлую русско-японскую войну, дернулъ меня за рукавъ:

— Идемте скорѣе, а то поѣздъ уѣдетъ.

Я машинально двинулся за нимъ.

Впереди ожидали ужасы еще мрачнѣе и внушительнѣе этого: разоренныя и разграбленныя имѣнія знати, которой хлопы мстили за свое невѣжество и угнетеніе, разрушая все, что попадалось имъ подъ руку: великія произведенія искусства, драгоцѣнный фарфоръ и бронзу, старинную мебель краснаго и эбеноваго дерева, богатѣйшія библіотеки съ историческими манускриптами. Все въ жизни повторяется, кромѣ вдохновенныхъ творческихъ созданій, ихъ ни повторить, ни вернуть нельзя, и человѣчество будетъ оплакивать сокровища Лувена и Реймса долго послѣ того, какъ забудетъ даже о герояхъ войны.

И кромѣ этихъ печальныхъ картинъ безнадежности, ждали поля смерти, засѣянныя трупами, наскоро зарытыми бѣжавшимъ непріятелемъ, трупами, съ судорожно выступающими изъ-подъ осѣвшей земли руками, какъ бы молящими или проклинающими небо, а надъ ними стаи хищниковъ, дерущихся изъ-за добычи.

Путь смерти и крови, который казался бы безнадежно-ужаснымъ, если бы за нимъ не брезжила заря новой жизни, во имя которой можно претерпѣть даже такія кошмарныя испытанія.

И хочется упасть ницъ передъ этими искупительными жертвами родины, передъ ея истекающей кровью спасительной силой, рыдать и молиться за нихъ.

ПО ГАЛИЦІИ.

Приходятъ и уходятъ поѣзда. Привозятъ раненыхъ, отвозятъ здоровыхъ.

Мало кто изъ уходящихъ думаетъ, что онъ останется тамъ, или вернется искалѣченнымъ. Мало кто изъ тѣхъ, кого привозятъ сюда окровавленнымъ, думаетъ, что для него все пропало.

Жизнь зоветъ къ надеждамъ и свѣту. А они всѣ молоды. И часто даже тогда, когда тѣло уже почти истекло кровью, въ сердцѣ горитъ увѣренность въ спасеніи. Люди, дни для которыхъ,—да что дни,—часы сочтены, не только не хотятъ допустить этого, но мечтаютъ скоро оправиться и опять вернуться туда, гдѣ, бокъ-о-бокъ съ тысячами, сотнями тысячъ своихъ братьевъ, такъ глубоко и возвышенно чувствуется святость борьбы за родину.

По каменной лѣстницѣ съ платформы ведутъ подъ руки раненаго солдата. За нимъ идетъ докторъ и, при видѣ встрѣчныхъ носилокъ, останавливаетъ ихъ, чтобы положить на нихъ раненаго.

— Не надо. И самъ дойду,—возражаетъ тотъ, стараясь показать себя молодцомъ.

Докторъ только разводитъ руками и качаетъ головой.

— Онъ сильно раненъ?—спрашиваю я шопотомъ доктора.

Тотъ смотритъ въ спину уходящему солдату и тихо отвѣчаетъ:

— Ему жить-то осталось нѣсколько часовъ. Все изъ-подъ Перемышля.

***

У львовскаго вокзала свыше десяти пріемныхъ путей. Въ это остро-тревожное время движеніе безсмѣнно идетъ день и ночь. Подходятъ поѣзда, полные раненыхъ, уходятъ съ сильными молодыми людьми. Точно эти поѣзда свергаются въ бездну и оттуда возвращаютъ искалѣченными обреченныхъ.

Поѣздъ мчитъ насъ къ новымъ завоеваннымъ городамъ и селамъ, къ новымъ полямъ сраженія.

Солнечное теплое утро. Красивый лѣсистый пейзажъ. Трава, еще не просохшая отъ росы, блеститъ, какъ старая бронза, и чудно красивы подъ солнечными яркими и теплыми лучами пышно расцвѣченные осенніе лѣса.

Но въ этотъ свѣтлый, теплый, яркій солнечный день разсѣиваются мрачныя мысли. Позолоченные осенью лѣса подъ синими глубокими небесами дышутъ спокойствіемъ и миромъ. Краски такъ необычайно ярки, что заставляютъ меня вспомнить Японію. Но природа—наша и народъ похожъ на нашъ народъ.

Въ поляхъ роютъ картошку бабы, и ихъ красныя и синія юбки и кофты яркими пятнами блестятъ и движутся на фонѣ черной земли. Картошка почти единственное питаніе жителей и, какъ сборщицы колосьевъ Милле, бѣдныя женщины и послѣ уборки картофельнаго поля собираютъ остатки.

Идетъ сѣятель и разбрасываетъ зерна по той самой землѣ, гдѣ прошли сотни тысячъ солдатскихъ ногъ—австрійскихъ и русскихъ. Но сраженій около Львова не было, австрійцы отступили безъ боя, хотя оборона Львова была оборудована хорошо.

Съ холма на холмъ перебѣгаютъ пестрые лиственные лѣса и перелѣски. Темно-синими тучами смыкаются вдали хвойные лѣса.

На фонѣ багряно-золотой листвы мелькаютъ бѣлыя стѣны домовъ и деревенскихъ хижинъ, башни костеловъ четко вырисовываются на небесной синевѣ.

Въ поляхъ стоятъ потемнѣлыя копны хлѣба, стоги сѣна. Кое-гдѣ работаютъ люди: засѣваютъ озимь. Но мало у кого нынче есть зерно на посѣвъ. Большинство—въ тупомъ страхѣ ждетъ голода, да голодаетъ и теперь.

Большія черныя вороны мелькаютъ тамъ и здѣсь, то спутанной сѣтью, то отдѣльными клочьями. Имъ нечего бояться голода. Нынче урожайный годъ для нихъ, и оттого всѣ онѣ такія жирныя и лѣнивыя.

Насъ мчитъ петроградскій паровозъ. Но вагоны австрійскіе, тѣсные, грязные. Съ мягкихъ, когда-то бархатныхъ, дивановъ ободрана ткань. Занавѣсы съ оконъ и стеклянныхъ дверей сорваны.

Вдоль всей линіи пути встрѣчаются ополченцы съ винтовками. Все это бородатые, пожилые люди, рѣдко статные и сильные. Но для такой службы и не надо особенныхъ молодцовъ. Вяло и сонно стоятъ они на пути, подбадриваясь только при близости начальства.

Начальство прошло, и достается изъ бездоннаго кармана кисетъ съ табакомъ, а изъ-за широкаго пахнущаго кожей голенища—торчитъ деревянная ложка.

На станціи Сиховъ нашъ поѣздъ останавливается. Это первый львовскій фортъ. Вокругъ насъ въ нѣсколько рядовъ идутъ, сплетаясь, проволочныя загражденія. Возвышаются насыпи, покрытыя зеленой осенней травой, темнѣютъ впадины землянокъ для солдатъ и боевыхъ припасовъ, извиваются траншеи, глубиной въ человѣческій ростъ, туда безпрерывно лившіе наканунѣ нашего пріѣзда дожди налили воды выше пояса.

Подъ брустверами стоятъ покинутыя непріятелемъ пушки. Наши солдатики добродушно подсмѣиваются надъ ними.

— Ишь добро побросали. Небойсь, думали, что какъ мы придемъ, пушки-то и станутъ въ насъ сами стрѣлять.

И солдатики похлопываютъ мѣдныхъ плѣнниковъ по вопросительно вытянутымъ хоботамъ.

Но въ окопахъ вода и трава; плаваютъ лягушки, а полевыя мыши шныряютъ около пустыхъ банокъ отъ консервовъ.

Отверстія въ землѣ, на валахъ для ружей и прицѣла задвигаются желѣзными дощечками такой толщины, что пуля издали не возьметъ ихъ. Вообще, фортъ оборудованъ очень ладно, но ему такъ и не пришлось сыграть никакой роли.

Американецъ-фотографъ, сосредоточенно разыскивающій благопріятную точку для съемки, со всѣмъ, съ аппаратомъ, попадаетъ въ яму, полную воды. Его извлекаютъ оттуда мокраго съ ногъ до головы; и онъ, нѣсколько сконфуженный, отправляется переодѣваться и сушиться въ вагонъ.

Я выхожу за валъ. Блеститъ солнце. Маленькая птичка щебечетъ и носится вокругъ насъ, точно ищетъ кого-то.

Клочокъ бумажки валяется на землѣ. Я наклоняюсь и вижу еврейскія буквы: это обрывокъ молитвенника, страничка, выпавшая изъ книжки бывшаго здѣсь солдата-еврея.

**
*

Неподалеку отъ станціи Старосело стоитъ мрачный, похожій на крѣпость, замокъ.

Изъ сосѣднихъ построекъ выходятъ люди и низко кланяются намъ по мѣстному обычаю.

— Это австрійскій замокъ?

— Нѣтъ, это замокъ графа Потоцкаго. Тутъ,—и крестьянинъ дѣлаетъ широкій жестъ вокругъ себя рукою съ зажатой въ ней бараньей шапкой,—тутъ все графа Потоцкаго, и сами мы рабочіе отъ графа Потоцкаго,—говоритъ онъ по-польски.

Древній замокъ съ высокими стѣнами и величественно-красивой башней въ стилѣ Ренессанса съ выразительнымъ и прекраснымъ орнаментомъ.

Замокъ очень старъ. Сѣрыя стѣны его отъ времени и непогоды стали желто-сѣрыми, кое-гдѣ почти черными. Тѣмъ ярче синѣетъ надъ старой башней и стѣнами высокое небо съ бѣлыми пухлыми, какъ весной, облаками, просвѣчивающими на солнцѣ.

Теперь въ замкѣ, конечно, никто не живетъ. А еще недавно здѣсь былъ винокуренный заводъ и до сихъ поръ во дворѣ валяются огромныя вымокшія бочки, осколки бутылокъ.

Желѣзныя двери ведутъ въ подвальное помѣщеніе, которое идетъ внизъ на такую же глубину, на какую поднимается вверхъ.

Старыя корявыя деревья растутъ во дворѣ и придаютъ этому покинутому замку еще болѣе живописный видъ. На землѣ, среди травы —грибы-поганки.

Въ одной изъ башенныхъ стѣнъ блестятъ отъ солнца окна.

Туда ведетъ деревянная лѣстница. Но входная дверь заперта заржавѣвшими замками.

Изъ любопытства хотѣлось заглянуть туда. Одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, можетъ быть, рабочій, вышелъ изъ ближайшаго домика съ топоромъ, не говоря ни слова, сбилъ замокъ съ засова и отворилъ передъ нами дверь.

Пахнуло спертымъ воздухомъ и сыростью.

Въ сѣняхъ валялась пустая большая клѣтка. Дальше, въ комнатахъ, полуразбитая старая мебель и гравюра съ картины Матейко въ старой рамѣ.

Я сдѣлалъ шагъ въ другую комнату.

Изъ засореннаго пыльнаго угла метнулась мышь и исчезла.

Я вышелъ наружу.

Синѣло небо. Солнце сіяло, и маленькія дѣтишки, босыя, съ любопытствомъ глядѣли на незванныхъ гостей своими наивными свѣтлыми глазками.

**
*

Одну за другой минуемъ мы станціи.

Бобрикъ. Хлѣбовицы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ станціи больше оторваны отъ міра, такъ какъ телеграммы не идутъ сюда—не доходятъ и газеты.

Чиновники и офицеры жадно набрасываются на насъ, требуя новостей.

Еще здѣсь, на южномъ фронтѣ, они кое-что знаютъ отъ раненыхъ, но что дѣлается на сѣверо-западномъ и у французовъ и въ морѣ,—имъ неизвѣстно.

Мы радуемъ ихъ послѣдними утѣшительными извѣстіями и печалимъ сообщеніемъ о гибели нашего крейсера «Паллады» и смерти князя Олега.

У станціи Ходоровъ—разрушенный австрійцами мостъ черезъ Днѣстръ. Зрѣлище очень внушительное.

Стосаженный мостъ взорванъ.

Какъ переломленный стальной хребетъ, мостъ рухнулъ въ двухъ мѣстахъ въ воду своими стальными ребрами. На каменные развороченные быки его рѣка нагнала кучи хвороста и сломанныхъ деревьевъ, одѣвая бѣлою пѣной, какъ кружевомъ, изломанный скелетъ, перепутала со стальными рѣшетками и бурлитъ, и шумитъ около нихъ.

Днѣстръ, обыкновенно мелкій здѣсь, нынче разлился широко и буйно.

Стремительно несутся его мутныя пѣнистыя воды. Дальше, по теченію, вода бурлитъ и пѣнится на порогахъ и по обоимъ берегамъ склоняются къ водѣ старыя ивы.

Куда ни посмотришь,—лѣса и долины, гдѣ видимо-невидимо всякой дичи, гдѣ пасутся жирные фазаны и дикія козы. Вдали, какъ серебряная сабля, вонзается въ Днѣпръ его притокъ Стрый. Зыблющимися лѣсистыми холмами зеленѣетъ, желтѣетъ и краснѣетъ даль. Картина знакомой Подоліи, мирная и спокойная, и только этотъ взо-

рванный исковерканный мостъ свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь людямъ не до мира и не до спокойнаго созерцанія красотъ природы.

Въ ближайшей къ намъ башнѣ моста, гдѣ стоялъ сторожевой австрійскій постъ, стоитъ раскрытый сундукъ, а на полу валяются жестянки отъ минъ. На крышкѣ сундука написано по-нѣмецки, когда заложены мины—1 іюня 1914 г.

Недавно мостъ осматривали инженеры и сказали, что его можно исправить, хотя разрушеніе основательное. Дико и жутко смотрѣть на это разрушеніе, но все созданное техникой и наукой доступно возстановленію и только твореніе искусства неповторяемо.

Потому-то, какъ ни жаль этотъ мостъ, какъ ни жаль погибшіе въ одно мгновеніе человѣческіе труды, тутъ нечего отчаиваться. А вотъ то, что сдѣлали съ Лувеномъ и Реймсомъ, сокровища которыхъ долго еще будутъ поминать и оплакивать люди, это ужъ безнадежно.

Въ безконечно меньшей степени, разумѣется, но тоже безнадежное чувство печали вызываетъ и разрушеніе, произведенное невѣжественнымъ народомъ, мстившимъ панамъ за свою темноту, кабалу и бѣдность, въ имѣніи бар. Дево, возлѣ станціи Ходорово.

Около станціи огромный сахарный заводъ бар. Дево, построенный всего два года тому назадъ. Заводъ отлично оборудованъ. Постройка его стоила болѣе 7 милліоновъ. Онъ только-что началъ оправдывать себя, какъ война пріостановила его на всемъ ходу.

Прекрасный барскій домъ стоитъ въ паркѣ. Въ домѣ выбиты окна и произведенъ страшный разгромъ.

Самъ хозяинъ на войнѣ. Онъ адъютантъ австрійскаго наслѣдника престола и ужъ, конечно, никогда не вернется сюда со своей семьей. А если бы и вернулся, радости ему было бы мало.

Еще не входя въ домъ, вы видите возлѣ него на травѣ, среди роскошныхъ деревьевъ парка, обрывки бумаги, ложе стариннаго ружья, измятые, исковерканные, изломанные предметы.

Но вотъ отворилась дверь и сердце сжимается отъ печали и страха предъ человѣческимъ варварствомъ.

Настежь отворенныя комнаты представляютъ собой картину дикаго разрушенія. Цѣлыми холмами валяются истоптанныя грязными ногами, изорванныя, растерзанныя рукописи и книги, множество старинныхъ книгъ въ тисненныхъ золотомъ кожаныхъ переплетахъ. Старые, пожелтѣлые и синіе листы, печатные и рукописные, грудами

валяются на полу и въ углахъ. Тутъ же обрывки гравюръ, старинные портреты въ золоченыхъ рѣзныхъ рамахъ, прорванные ударомъ ноги, затоптанные, а то такъ и загаженные озвѣрѣлой толпой, не знавшей какъ ужъ ей надругаться надъ панами, къ которымъ накипѣла давнишняя жестокая ненависть.

Старинный портретъ на жести измятъ и исцарапанъ. Его трудно было изломать и некогда заниматься долго, достаточно и того, что сдѣлано, чтобы его невозможно было возстановить.

Женщины въ старинныхъ костюмахъ, военные и штатскіе въ старомодныхъ галстукахъ, вестонахъ и мундирахъ, съ выколотыми глазами, съ заплеванными и разорванными лицами валяются среди изрубленной и изломанной мебели краснаго дерева, среди обитыхъ дорогой матеріей дивановъ и креселъ, бюро и зеркалъ, столиковъ съ инкрустаціей и безцѣнныхъ роялей изъ корельской березы и краснаго дерева.

Изъ бумажной рвани, въ которой мѣстами по колѣна тонетъ нога, высовываются также старинные портреты, точно все еще моля о спасеніи. Но ихъ уже ничто не можетъ спасти. И, можетъ быть, съ ними погибли не только произведенія искусства, но и прошлое, которое питало и освѣжало память потомковъ образами и дѣяніями далекой старины.

Говорятъ, все наиболѣе цѣнное вывезено отсюда. Но то, что осталось, возбуждаетъ глубокую печаль.

Я иду по грудамъ бумагъ и обломковъ и, вдругъ, останавливаюсь съ новымъ уколомъ грусти:

Дѣтская игрушка, разбитая колясочка валяется на полу. Она тоже изломана, исковеркана.

— А гдѣ же ребенокъ, который игралъ ею? Гдѣ его отецъ, мать?

Эта маленькая игрушечка вызвала цѣлый рой мыслей, среди которыхъ ярко опредѣлилась одна: какъ ни важно все на свѣтѣ, важнѣе всего,—все же человѣческая жизнь. Пусть дѣти будущаго живутъ въ болѣе свѣтлую эпоху, когда будетъ меньше убійствъ, меньше войнъ. Когда такіе властители людей, какъ Вильгельмъ, не посмѣютъ тратить всѣ силы и средства народа на порабощеніе другихъ.

Тогда и творчество расцвѣтетъ новымъ божественнымъ цвѣтомъ.

Ради этого стоитъ претерпѣть всѣ свершившіеся и ожидаемые ужасы, только бы довести дѣло войны до конца и раздавить военную мощь Германіи.

**
*

Отъ Рогатина до Ходорова весь путь заваленъ брошенной аммуницiей, разорвавшимися и не разорвавшимися снарядами, повозками съ зарядными ящиками и обозными телѣжками. Видно, что отступленiе было крайне безпорядочное. Тамъ, гдѣ Красный Крестъ производилъ перевязку, валяются клочья ваты, марли, полотна. Въ одномъ мѣстѣ рваныя грязныя рубахи: видно, переодѣвались передъ смертельнымъ боемъ.

Въ Рогатинѣ у австрiйцевъ было отбито болѣе сорока пушекъ, много взято плѣнныхъ и боевыхъ припасовъ и провiанта.

По пути—братскiя могилы; кое-гдѣ изъ могилъ торчатъ руки, ноги. Очевидно, закапывать приходилось наскоро.

Подъ Рогатинымъ былъ убитъ подполковникъ Г. Прiѣхалъ братъ его, взялъ трупъ и увезъ въ свинцовомъ гробу на родину.

— Нынче ночью,—разсказываетъ начальникъ охраны на станцiи Ходоровъ,—я ѣхалъ къ себѣ и видѣлъ цѣлые обозы евреевъ, возвращающихся въ Рогатинъ со всѣми своими чадами и скарбомъ. Все бѣднота. Тѣ, что побогаче, уѣхали совсѣмъ и отлично сдѣлали, такъ какъ въ Рогатинѣ множество домовъ сожжено.

Да и повсюду кругомъ осталась лишь бѣднота. Столько народу разорено, что и сказать нельзя. Голодаютъ всѣ—и хлопы, и интеллигенцiя.—Я самъ видѣлъ на поляхъ хорошо одѣтыхъ людей въ шляпахъ, въ хорошихъ высокихъ крагахъ, женщинъ, очевидно, жившихъ раньше въ довольствѣ. Теперь они копаютъ картофель изъ десятой доли, чтобы не умереть съ голода. 9 мѣръ хозяину, 1 мѣру себѣ.—А что будетъ, когда настанетъ зима, страшно и подумать.

ВЪ ГАЛИЧѢ.

Черезъ равнины и лѣса уноситъ насъ поѣздъ въ Галичъ, древнiй русскiй Галичъ, самое имя котораго звучитъ какъ родная былина.

Здѣсь, возлѣ станцiи, цѣлыми горами высятся мѣшки муки, оставленной австрiйцами, а на пути стоятъ вагонныя платформы съ отбитыми у непрiятеля орудiями.

Ихъ множество. Есть пушки совсѣмъ не испорченныя, новѣйшаго устройства, со всѣми частями своими, но есть и множество съ отвинченными замками и значительно поврежденныхъ. Цѣлый арсеналъ ружей, начиная отъ старыхъ охотничьихъ и кончая также новѣйшими винтовками.

Приходятъ и уходятъ поѣзда съ плѣнными и ранеными, но теперь ужъ какъ-то эти поѣзда не привлекаютъ особеннаго вниманія.

Насъ встрѣчаютъ офицеры, стоящіе здѣсь на охранѣ, и тоже требуютъ новостей. Эти ужъ и совсѣмъ почти ничего не знаютъ о событіяхъ послѣднихъ дней.

Они ведутъ насъ со станціи въ городъ по широкой грязной дорогѣ, гдѣ движутся огромные возы съ сѣномъ. По пути бранятъ Галичъ за глушь и хвалятъ за окружающую природу.

А природа, дѣйствительно, необыкновенно живописна. Днѣстръ разлился широко, и его извилистые зеленые берега ласкаютъ и радуютъ глазъ. Въ ихъ осенней пышной красотѣ такое богатство красокъ, точно природа, собираясь умирать, устроила послѣдній праздникъ и украсилась всѣмъ, что у ней есть наиболѣе цвѣтистаго и пышнаго.

На Днѣстрѣ—пароходъ, отбитый у австрійцевъ. Такихъ пароходовъ отбито два. Я вижу на палубѣ того парохода, что стоитъ передъ нами, основательнаго человѣка съ широкими плечами и богатѣйшей бородой. Это капитанъ съ Волги, вызванный сюда, чтобы наладить пароходъ и сплавить его, пока что, въ Россію, къ Черному морю.

Тутъ, черезъ Днѣстръ также взорванъ мостъ и, пожалуй, эта картина производитъ еще болѣе грандіозное впечатлѣніе, чѣмъ та, что я видѣлъ на Днѣстрѣ близъ Ходорова. Но австрійцы, отступая, не успѣли взорвать моста, какъ слѣдуетъ, то-есть, испортить его до послѣдней возможности; быки моста остались цѣлы и, такимъ образомъ, его не трудно будетъ возстановить. Достаточно поднять металлическія фермы кранами и скрѣпить ихъ въ изломанныхъ частяхъ. Временное сообщеніе уже установлено и все улучшается, а съ другой стороны Днѣстра наши солдатики таскаютъ хворостъ и устраиваютъ гать.

Въ самомъ Галичѣ слѣды войны не замѣтны, если не считать сожженныхъ на окраинахъ домовъ, да вырубленныхъ деревьевъ. Зато неподалеку отъ Галича, на р. Гнилой Липѣ, земля не только усѣяна брошенной аммуниціей и оружіемъ, но и глубоко пропитана человѣче-

скою кровью, насыщена трупами погибшихъ въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ боевъ.

Но туда мы ѣдемъ завтра, а нынче ночуемъ въ Галичѣ, въ большомъ домѣ украинофила и противника Россіи, издававшаго въ Галичѣ партійную газету, а нынѣ бѣжавшаго за границу.

Городишко заштатный, маленькій, и осталась въ немъ только голытьба. Есть въ немъ старая уніатская церковь. Кромѣ этой древности, на высокой горѣ въ самомъ Галичѣ стоятъ развалины, остатки древняго города, живописныя среди червонныхъ старыхъ деревьевъ. Тамъ былъ наблюдательный австрійскій пунктъ и центральная телефонная станція.

На высокихъ зеленыхъ холмахъ, окружающихъ городъ, отлично укрѣпленные форты. Густыя проволочныя загражденія оцѣпляютъ весь городъ вмѣстѣ съ окопами. Видно, что къ войнѣ здѣсь готовились умѣло и тщательно, и, если пришлось оставить эти форты почти безъ сопротивленія, это только служитъ свидѣтельствомъ той мощи, воинской доблести и талантливости, которыя проявила здѣсь русская армія во главѣ съ Радко Дмитріевымъ.

Я взбираюсь на эту гору къ развалинамъ.

Что за чудесный видъ открывается оттуда! Весь городокъ,—и Днѣстръ, и долины, и холмы, и лѣсистыя дали,—все развертывается передъ глазами удивительной панорамой. Отсюда видны вдали Карпаты, съ вершинами, покрытыми снѣгами, и окружающія городъ высоты съ двумя полукольцами укрѣпленій.

Особенно внушительно смотритъ фортъ Станислава, гдѣ была небольшая стычка съ казаками. Остальные форты сдались безъ боя. Австрійцы бѣжали въ паническомъ ужасѣ, бросая орудія, аммуницію, обозы, снимая по пути даже обувь, чтобы легче было улепетывать отъ враговъ, туда, на западъ, къ Карпатамъ.

Какъ это случилось? Почему?

А вотъ почему.

Всѣ орудія фортовъ были обращены на сѣверъ, откуда и ждали страшнаго нашествія непріятеля. И вдругъ, этотъ страшный непріятель неожиданно появился со стороны Станислава. Тогда австрійской арміей овладѣлъ паническій ужасъ, и она бѣжала, сломя голову, бросая форты, проклиная сооруженныя ими же въ четыре и пять рядовъ проволочныя загражденія и окопы, которые шли не только вокругъ фортовъ, но и вокругъ всего города, мѣшая перепуганнымъ войскамъ

бѣжать съ тою быстротой, съ какой гналъ ихъ почти суевѣрный ужасъ передъ побѣдоносной арміей, сметавшей съ своего пути враговъ, которые вовсе не были такъ безсильны, какъ представляютъ ихъ нѣкоторыя газеты и обывательскіе слухи.

На одной изъ еврейскихъ лавчонокъ залитый дождями и загрязненный пылью манифестъ Франца-Іосифа къ Штюртку, съ угрозой войны Сербіи.

Какъ далеко эти дни! И какъ много дала бы нынче Австрія за то, чтобы взять обратно и этотъ манифестъ, и все, что воспослѣдовало за нимъ.

Но исторія идетъ по землѣ непреклонной стопой и давитъ своими желѣзными ногами всѣхъ, кто не сумѣлъ понять ея роковыхъ предостереженій.

Спускаюсь внизъ. Навстрѣчу возъ, полный собраннаго на поляхъ непріятельскаго оружія, заржавѣвшаго отъ лившихъ двѣ недѣли подърядъ осеннихъ дождей. На другомъ возу везутъ раненыхъ казаковъ и впереди идетъ возница-венгерецъ съ длинными черными усами и длинной трубкой въ зубахъ.

Разспрашивайте раненыхъ о чемъ угодно, но не объ исходѣ боя, въ которомъ они участвовали. Я замѣтилъ, что если раненый чувствуетъ себя тяжело, онъ всегда почти скажетъ, что бой былъ проигранъ нами. Легко раненый всегда убѣжденъ, что бой окончился для насъ счастливо.

***

Закатъ солнца за Угорскими горами необыкновенно красивъ и длителенъ.

Долго, долго свѣтитъ вечерняя заря, но уже съ Днѣстра и съ впадающей въ него отнынѣ исторической рѣки Гнилой Липы,— поднимается млечный туманъ.

Туманъ затягиваетъ прозрачной сѣткой не только дальніе форты, но и прибрежные кустарники и деревья.

Кое-гдѣ въ домахъ зажигаются ранніе огоньки. Запираются лавки и скрываются подъ свои кровли и старые пейсатые евреи, и русины, и поляки, и караимы, которыхъ въ Галичѣ до сорока семей.

У всѣхъ—своя жизнь, свои обычаи, свои религіи, свои храмы.

Старая уніатская церковь съ деревянной звонницей, гдѣ колокола точно дремлютъ на вечерней зарѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ,

какъ старыя птицы,—тянетъ насъ къ себѣ, и мы идемъ туда съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое возбуждаютъ одинаково въ вѣрующихъ и въ невѣрующихъ людяхъ древнія церкви.

А эта церковь очень стара.

На каменной плитѣ, вдѣланной въ придѣлѣ ея, значится, что она была воздвигнута въ 1002 году, а возстановлена въ 1825 году нѣкіемъ паномъ Левицкимъ.

Надпись сдѣлана по-латыни, и чтобы прочесть ее въ темномъ придѣлѣ, старый дьяконъ долженъ былъ поднять высоко свою темно-желтую длинную свѣчу къ старообразнымъ буквамъ, уже кой-гдѣ полустершимся отъ времени.

Но большинство образовъ въ церкви новые.

Подъ высокимъ куполомъ въ старыхъ стѣнахъ такъ гулко раздаются наши шаги и сдержанные голоса.

Старый дьяконъ разсказываетъ намъ о нашествіи австрійцевъ на родномъ ему языкѣ, который намъ, русскимъ, нетрудно понять.

Австрійцы пришли въ церковь, какъ дикая орда. По чьему-то наущенію они набросились на священника и забрали его вмѣстѣ съ женой и семнадцатилѣтней дочерью и малыми дѣтьми и отправили въ Линцу въ тюрьму, какъ преступниковъ. А все преступленіе священника заключалось въ томъ, что онъ не возстановлялъ паству свою противъ русскихъ и тѣмъ какъ бы измѣнилъ австрійцамъ и предавалъ ихъ.

Да и не одного священника, а болѣе 200 галичанъ-русиновъ.

— Они бы всѣхъ русиновъ увели въ плѣнъ, если бы могли,—говоритъ дьяконъ.—Они знаютъ, что русины друзья и братья русскихъ и рады имъ, какъ освободителямъ.—И Богъ дастъ, русскіе помогутъ намъ пережить эту войну, не умереть отъ голода, который грозитъ бѣдному народу.

Изъ церковнаго ящика, взломавъ его, взяли они шестнадцать тысячъ кронъ церковныхъ денегъ, и его, дьякона, также хотѣли арестовать, какъ измѣнника.

— Они такъ крѣпко связали меня веревками,—жаловался бѣдный дьяконъ,—что кровь выступила у меня на рукахъ.

Изъ моего сундука они тоже украли сбереженія всей моей жизни, 300 кронъ. Если бы не жена моя, которая прибѣжала къ нимъ съ моими дѣтьми и умоляла отпустить меня,—мнѣ бы пришлось плохо.

Теперь я нищій, но все же живъ и не лишенъ семьи, которая безъ

меня должна была бы умереть отъ голода!—заканчиваетъ онъ свой печальный разсказъ, и слезы льются у него изъ глазъ, и рука дрожитъ, и каплетъ желтымъ воскомъ на старыя каменныя плиты храма.

Отношеніе австрійцевъ къ русинамъ, вообще говоря, въ Галиціи жестокое. Изъ Галича, кромѣ семьи священника, было уведено 135 человѣкъ русинъ. Забирали не только мужчинъ, но и женщинъ и дѣвушекъ, даже дѣтей. Изъ ближайшаго къ Галичу городка Большевицы увели 225 человѣкъ. То же во всѣхъ другихъ городкахъ и мѣстечкахъ.

Русинъ подозрѣвали въ измѣнѣ Австріи, въ приверженности къ русскимъ. Боялись шпіонства и предательства съ ихъ стороны. Можетъ быть, тутъ и было нѣкоторое основаніе для подобныхъ подозрѣній. Всюду, гдѣ мнѣ приходилось быть въ Галиціи, я видѣлъ, что русины относятся къ русскимъ, какъ къ роднымъ, и это вполнѣ естественно. Забитые, безземельные, русины были пасынками въ Галиціи. Малокультурные, сравнительно съ другими народностями, которыми пестритъ Галиція, русины и по характеру своему, по своей природѣ неспособны къ упорной борьбѣ за свою политическую и экономическую независимость. Ихъ сначала нужно поднять изъ того униженія, въ которомъ они находились, чтобы затѣмъ они могли завоевать въ странѣ мѣсто наравнѣ съ другими.

Въ своей бесѣдѣ съ нами графъ Бобринскій подчеркнулъ свое лойяльное отношеніе къ вѣроисповѣдному вопросу.

На вопросъ: кто ты?—русинъ обыкновенно отвѣчаетъ:

— Я русинъ—православный.

Несомнѣнно, русинъ—это онѣмеченное слово русскій.—Православный,—да. Но это не значитъ, что нашъ священникъ можетъ замѣнить уніатскаго священника.

Свобода вѣроисповѣданія въ этомъ отношеніи стоитъ на первомъ мѣстѣ. Ни малѣйшихъ принужденій, ни малѣйшаго насилія. Если уніаты сами захотятъ принять православіе, пусть принимаютъ. Если они сами въ тѣ церкви, откуда бѣжали ихъ пастыри, пожелаютъ пригласить православнаго русскаго священника, пусть приглашаютъ. Это дѣло ихъ совѣсти и убѣжденія.

Одно мѣсто остается нѣсколько темнымъ въ этомъ ясномъ отношеніи къ чрезвычайно важному вѣроисповѣдному вопросу: о покинутыхъ уніатскими священниками мѣстахъ.

Въ деревнѣ Козово, неподалеку отъ Ходорова, русскій офицеръ, не заставшій уніатскаго священника, написалъ на двери его дома:

— Стыдно пастырю покидать свою паству въ тяжелое время.

Это такъ, это правда. Но не каждому дано быть героемъ, а уніатскіе священники, особенно тѣ, что заявили себя преданными русскому народу, должны, прежде всего, принять на себя кару австрійцевъ, какъ это и было хотя бы въ Галичѣ и въ Большевицахъ, и въ другихъ городкахъ Галиціи. Возвращающихся уніатскихъ священниковъ рѣшено не принимать обратно. Но вѣдь самымъ своимъ возвращеніемъ къ паствѣ во время русскаго господства они заявляютъ свою вѣрность Россіи.

Нѣтъ ли мрачной бреши въ такой постановкѣ вопроса?

***

Когда мы вышли изъ церкви, были уже почти сумерки, хотя на западѣ все еще догорала туманно-золотистой полоской заря, и надъ церковью свѣтилась большая дрожащая звѣзда.

Солдаты, собравшись на улицѣ, поколачивали въ бубенъ и приплясывали, а потомъ дружно запѣли пѣсню.

Я прислушался и не могъ не улыбнуться.

На солдатскій мотивъ они пѣли извѣстную студенческую пѣсню, слегка измѣняя слова.

Мы вдвоемъ съ полковникомъ А. отправились къ вокзалу, такъ какъ рѣшили ночевать въ вагонѣ.

Уже совсѣмъ къ вечеру были мы около Днѣстра. Разрушенный мостъ казался еще чудовищнѣе, чѣмъ днемъ. Глухо шумѣлъ подъ нимъ стремительный Днѣстръ. Кое-гдѣ на берегу пылали костры, около нихъ шевелились люди; оттуда тянуло дымомъ, ароматъ котораго пріятно смѣшивался съ запахомъ рѣчной сырости и тины.

И особенно ярко пылалъ костеръ вдали, на фортѣ Станислава.

Когда мы подходили къ вокзалу, уже была ночь. Все небо вызвѣздило, и въ хвостѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы ясно для невооруженнаго глаза свѣтилась Комета.

Рано утромъ мы поѣхали осматривать форты и мѣсто одного изъ самыхъ грандіозныхъ боевъ на р. Гнилой Липѣ.

Было сыро и туманно. Туманъ тянулся змѣистыми млечными полосами не только по теченію рѣки, но и поднимался въ низинахъ съ земли, разливаясь озерами у подножья лѣсистыхъ холмовъ и образуя изъ нихъ подобія островов.

Въ то время, какъ сопровождавшіе насъ военные ѣхали верхами, мы были въ экипажахъ и, проѣзжая деревушку, заговорили съ нашимъ кучеромъ-солдатомъ о томъ, какъ они себя здѣсь чувствуютъ, хорошо ли относятся къ нимъ жители.

— Да что, — отвѣчалъ онъ. — Можно сказать, какъ въ своей сторонѣ. Мы здѣсь, солдаты, почитай, что всѣ изъ Екатеринославской губерніи, такъ что по ихнему разумѣемъ хорошо. Народъ добрый, смирный и работящій, только не умѣетъ, какъ надо, съ землей обращаться, а земля хорошая. Взять хотя бы пахоту. Поковыряетъ землю сошкой, какъ гвоздемъ, и ладно, а развѣ это обращеніе съ землей. Ее надо и вспахать, и взбороновать по совѣсти, тогда она можетъ настоящую пользу принести. Оттого и бѣдность у нихъ, не приведи Богъ, какая.

— А ты не знаешь того, что у нихъ своей земли нѣтъ, а они арендуютъ землю и платятъ большія деньги за аренду?

— Какъ не знать. Слыхалъ. Вродѣ кабалы. Да это ничего. Онъ все бы выгналъ свою копейку, если бы какъ слѣдуетъ обрабатывали. А то взять хоть бы капусту. Вотъ она у нихъ какая ледащая, — указалъ онъ на маленькіе капустные вилки, мокрые отъ росы, круглившіеся на высокихъ кочняхъ. — А отчего? Оттого, что они капусту близъ деревовъ сажаютъ, чтобы ей, дескать, тѣнь была. А того не знаютъ, что капуста терпѣть не любитъ близъ деревовъ расти. Ей просторъ нуженъ.

Онъ дѣловито качнулъ головой, какъ-то совсѣмъ по-мужицки, а не по-солдатски, и продолжалъ:

— А что касательно помидоровъ или другой нашей фрукты, — они и понятія о нихъ не имѣютъ. Картошка тоже у нихъ желтая, твердая, безъ настоящаго скуса. Вотъ сады—хороши: сливы тамъ, груши, яблоки — нельзя лучше. Кукуруза тоже хороша. Ишь, какъ они ее сохраняютъ! — указалъ онъ на высокія плетенки изъ ивовыхъ прутьевъ, сквозь которые желтѣли янтарныя зерна кукурузы. — Лѣса тоже у нихъ хороши. Иодя вступали мы въ лѣсъ, такой густой лѣсъ былъ, что въ ёмъ оказывалось темно, какъ въ горницѣ ночью.

Туманъ мало-по-малу разсѣивался. Мы выѣзжали изъ деревушки, затянутой проволочными загражденіями, окопанной неглубокими канавами, сдѣланными австрійцами. Только эти загражденія да канавы и говорили о томъ, что здѣсь недавно была война. Но жизнь, трудовая и мирная, уже входила въ свои права, крестьяне просили разрѣшенія закопать канавы, мѣшавшія распашкѣ земли.

За окопами близъ дороги стояла древняя облупившаяся капличка съ почернѣвшей статуей Богоматери, и эта каплючка придавала всей деревенской картинѣ особенно мирный и трогательный характеръ.

Черезъ ровную, какъ платъ, широкую долину съ безконечно темнѣющими копнами, мы ѣдемъ къ довольно высокому перевалу, гдѣ стоитъ покинутый и опустѣлый австрійскій фортъ.

Дорога къ форту широкая и ровная, но на подъемѣ, очевидно, испорченная тяжелыми орудійными колесами во время дождей.

Но бодрыя, сѣрыя лошади легко поднимаютъ нашъ экипажъ по крутому подъему, гдѣ валяются коробки изъ-подъ консервовъ, тряпки и разный соръ.

Четыре ряда проволочныхъ загражденій окружаютъ фортъ, оборудованный очень предусмотрительно и умѣло. Проволочныя загражденія близко подходятъ къ брустверамъ, въ которыхъ бѣлѣютъ бетонныя стѣнки землянокъ для солдатъ и для храненія боевыхъ припасовъ.

Въ углу, выходящемъ на сѣверо-западъ, устроенъ наблюдательный пунктъ, откуда открывается необозримая даль. Маленькія окошечки съ трехъ сторонъ закрываются чугунными заслонками. На этомъ форту стояли четыре крѣпостныхъ и четыре полевыхъ орудія. Но имъ не пришлось участвовать въ дѣлѣ.

Орудія, обращенныя своими жерлами на сѣверъ, откуда ждали врага, трудно было обратить на югъ, къ Станиславу. Къ тому же врагъ этотъ налетѣлъ, какъ грозовая туча. И, побросавъ все, что могло затруднить бѣгство, австрійцы бросились бѣжать къ Карпатамъ.

* * *

Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и теперь Карпаты съ снѣжными вершинами выступали вдали очень ясно. Отъ нихъ къ сѣверу шли лѣсистыя взгорья и широкія долины, подобныя той, которыя раз-

стилались предъ нами, и надъ всѣмъ этимъ благословеннымъ просторомъ раскидывалось глубокое синее небо.

Около самаго форта ржаво краснѣла неубранная греча и зеленѣла рѣдька, посаженная, очевидно, самими солдатами для собственнаго потребленія. Пустой фортъ зѣвалъ своими глубокими амбразурами и открытыми входами землянокъ, а въ окопахъ зеленѣла трава, мягкая и пушистая, какъ мѣхъ.

ПО КРОВАВЫМЪ ПОЛЯМЪ.

Когда читаешь описанія боевъ, происходившихъ гдѣ-то въ далекихъ мѣстахъ, и смотришь эти мѣста, получается такое впечатлѣніе, что описываемое происходитъ какъ-будто гдѣ-то на театрѣ, который и называется театромъ войны.

И люди представляются не столько живыми людьми, сколько какими-то живыми знаками, иногда просто цифрами.

Уже видъ раненыхъ въ госпиталяхъ нѣсколько приближаетъ къ правдѣ. Но въ госпиталяхъ раненые въ теплѣ, въ уютѣ, въ свѣтлыхъ заботахъ сестеръ и врачей. Если они умираютъ, ихъ напутствуетъ священникъ и хоронятъ подъ деревяннымъ крестомъ на кладбищѣ, въ городѣ мертвыхъ, гдѣ самая печаль кротка и примирительна.

Правда войны въ полной мѣрѣ ясна только на поляхъ сраженія.

Мы ѣдемъ съ форта къ этимъ полямъ, то по равнинѣ, то черезъ городки, которыхъ на пути попадаются намъ два: Большувъ и Большевицы, съ старыми костелами, панскими усадьбами и парками, гдѣ огромныя, одѣтыя багрянцемъ, деревья роняютъ обветшалую листву въ запущенные зацвѣтающіе пруды.

Оба города чуть не на треть свою сожжены, и черные остовы печей поднимаются среди пепелищъ, какъ памятники мрачныхъ кладбищъ.

И Большевицы и Большувъ—маленькіе заштатные городки съ разношерстнымъ населеніемъ: тутъ и приниженные русины, издали ломающіе передъ русскими панами шапки, и ветхозавѣтные евреи въ длинныхъ лапсердакахъ съ извивающимися чуть не до

плечъ пейсами, въ бархатныхъ шапочкахъ и ермолкахъ подъ ними, и поляки съ закрученными усиками и иногда въ желтыхъ крагахъ и шляпахъ съ перомъ.

Но осталась большею частью только бѣднота, и эта бѣднота копошится въ мусорѣ, наваленномъ послѣ пожарищъ, которыя выжгли большинство еврейскихъ лавокъ и въ Большевицахъ, и въ Большувѣ. Австрійцы, уходя, поджигали цейхгаузы свои, да кстати ужъ и еврейскія лавчонки.

Нѣкоторые, наслушавшись разсказовъ австрійцевъ о томъ, что русскіе будутъ рѣзать жителямъ уши и носы, пытать и мучить ихъ, сами, уходя, сжигали свои дома, чтобы тѣ не доставались «свирѣпымъ русскимъ варварамъ».

И эти городки, съ прилегающими къ нимъ рощами, садами и парками, окружены также колючими проволочными загражденіями. Сколько средствъ, сколько усилій было потрачено на это и для чего? Чтобы въ одинъ печальный для австрійцевъ день бросить все это и бѣжать, спасая свою жизнь, оставляя за собою трупы, кровь, могилы, снаряды и орудія...

За городками, также опоясанными проволочными загражденіями, поля, холмы, лѣса и перелѣски. Тамъ работаютъ мирные люди и тѣмъ страннѣе видѣть на этихъ поляхъ, которымъ возвращается ихъ обычный патріархальный характеръ, брошенные снарядные ящики, повозки, сотни рыжихъ ранцевъ изъ телячьей кожи, мѣдныя гильзы патроновъ-гаубицъ и сталь шрапнелей, то въ сохранившихся стаканахъ, то въ осколкахъ, сверкающихъ на солнцѣ.

Тысячи пуль, использованныхъ и неиспользованныхъ, на каждомъ шагу попадаются на глаза, то въ одиночку то пачками, похожими на полныя громадныхъ зубовъ челюсти допотопнаго звѣря, имя этого звѣря — война.

Но еще страннѣе и страшнѣе видѣть среди этого мусора войны человѣческіе трупы.

Теперь уже большинство ихъ убрано, схоронено, и на это указываютъ лишь братскія могилы, съ жалкими крестиками изъ жердочекъ, которыя повалитъ первый сильный вѣтеръ съ дождемъ. И теперь уже отъ нихъ осталась, конечно, малая часть. Но кресты, вообще-то говоря, ставились рѣдко. Гдѣ ужъ тутъ заботиться о крестахъ, когда со всѣхъ сторонъ грозитъ смерть и надо самому посылать смерть врагу, или бѣжать отъ смерти въ паническомъ ужасѣ.

Но здѣсь враги долго и упорно бились, прежде чѣмъ русскимъ удалось заставить австрійцевъ бѣжать. Бой длился больше недѣли, страшный, смертельный бой между двумя арміями, между сотнями тысячъ людей, которые разрывали другъ друга на части снарядами, поливали огненнымъ дождемъ изъ пулеметовъ, пронизывали пулями, кололи штыками и кинжалами.

Здѣсь, въ окопахъ, доходящихъ иногда до глубины человѣческаго роста, подъ дождемъ, наливавшимъ окопы до колѣнъ, солдаты стояли часы, дни, а можетъ быть, и ночи, въ то время, какъ вокругъ жужжали пули, разрывались снаряды съ оглушающимъ трескомъ, дѣлая глубокія воронки, откуда осколки снарядовъ и олово шрапнелей разлетались на десятки саженей смертельными брызгами.

Многіе здѣсь же, въ окопахъ, и оставались, смертельно раненые или убитые. Тутъ ихъ и засыпали, и на позиціи то и дѣло видишь такіе засыпанные окопы.

Около одного изъ окоповъ цѣлая куча грязнаго бѣлья: очевидно, люди переодѣвались въ чистое бѣлье, готовясь умереть, и эта гора по справедливости должна быть названа горою смерти.

Все поле, прилегающее къ горѣ Косовинѣ, всѣ холмы вокругъ усѣяны разорвавшимися и неразорвавшимися снарядами, зарядными ящиками, ранцами и прочей аммуниціей, оружіемъ и даже — обувью австрійскихъ солдатъ. Цѣлыми возами изо-дня въ день свозилась эта добыча въ русскіе арсеналы, и все-таки на пути еще попадается масса всякой всячины: то груда ранцевъ изъ телячьей кожи, то блестящая на солнцѣ мѣдная гильза изъ-подъ снаряда, то совершенно цѣлая тяжелая стальная шрапнель.

О пуляхъ и говорить нечего. Разстрѣлянныя и неразстрѣлянныя, въ пачкахъ и порознь, пули валяются на каждомъ шагу, австрійскія пули, которыя легко отличить отъ нашихъ, потому что наши пули острыя, а австрійскія съ тупыми, скругленными концами.

Иногда попадаются австрійскія пачки пуль думъ-думъ. Ихъ можно узнать по темнымъ ободкамъ на мѣдномъ патронѣ. Я самъ нашелъ такую пачку и храню ее, какъ документъ преступленія, недопустимаго въ рыцарской войнѣ.

По всѣмъ этимъ мелочамъ, по прострѣленнымъ каскамъ, по обоймамъ отъ гильзъ, по стаканамъ отъ шрапнелей и дистанціоннымъ трубкамъ, по направленію и глубинѣ траншей, можно возста-

новить не только картину боя, но и темпъ его. Вотъ эти, глубокіе, основательные окопы, самыхъ разнообразныхъ линій (смотря по обстоятельствамъ боя и характеру мѣстности) — наши. Наши войска съ сѣвера выбили австрійцевъ, окопались здѣсь, установили артиллерію и стрѣляли черезъ гребень.

Мы поднимаемся на самую высоту перевала, откуда русскіе выбили австрійцевъ и, окопавшись здѣсь, преслѣдовали врага губительнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

На сѣверъ и на югъ отъ этой высоты глубоко внизъ спадаютъ широкія долины, и южная долина перерѣзывается небольшой змѣистой мутной рѣчонкой Гнилая Липа.

Она извивается въ пожелтѣлыхъ берегахъ, точно хочетъ спрятаться отъ враговъ и обмануть ихъ своими капризными изломами.

Тутъ-то и происходила страшная битва.

Наша армія, подъ начальствомъ генерала Брусилова, получившаго за битву на Гнилой Липѣ Георгія IV степени, шла изъ Волыни, на Подгайцы, а оттуда на Большевицы.

Здѣсь же была армія австрійская, подъ предводительствомъ генерала Ауфенберга. Наши орудія стрѣляли черезъ гребень и еще теперь остались здѣсь ямы отъ взрыва снарядовъ. Выбили непріятеля и, преслѣдуя его, побѣдоносно двинулись на Николаевъ, Стрый и дальше на Карпаты, въ то время, какъ правѣе, на Львовъ, шелъ, сметая по пути врага, Радко Дмитріевъ.

Въ сраженіи подъ Гнилой Липой съ той и съ другой стороны участвовало около 500 тысячъ. Земля дрожала и гудѣла отъ грохота орудій, и рѣка Гнилая Липа окрашивалась кровью раненыхъ, которые подползали къ ней, чтобы воспаленными и запекшимися губами испить воды и облегчить прохладными струями рѣки боль палящихъ ранъ.

***

Теперь здѣсь тишина и покой: покой могилы и безлюдье.

Сторожевой солдатъ стоитъ на высотѣ и зорко стережетъ извивающійся вдали желѣзнодорожный путь.

Внизу, гдѣ виднѣются брошенные зарядные ящики и ослѣпительными звѣздами блестятъ на солнцѣ мѣдные и стальные снаряды, тамъ копошатся за работою люди. Косцы косятъ отаву, а женщины рѣжутъ на топливо сухіе высокіе стебли кукурузы.

Только здѣсь, надъ высотой, кружатся черные вороны, чуя трупный запахъ, да крысы шныряютъ по окопамъ, объѣдая кости спѣшно зарытыхъ людей.

Мой спутникъ взялъ себѣ на память австрійскій ранецъ. Но едва онъ раскрылъ его, оттуда выпрыгнули два крысенка и пустились удирать: въ ранцѣ оказалось цѣлое гнѣздо ихъ.

Тутъ имъ раздолье и пищи хватитъ надолго.

Куда ни посмотришь, вездѣ братскія могилы. Надъ одними изъ павшихъ сиротливо стоятъ крестики изъ жердочекъ, другіе прямо заброcаны землей въ окопахъ, и только по глинистымъ холмикамъ и можно догадаться, что здѣсь схоронены люди.

Бродя по этой высокой горѣ-могилѣ, я наткнулся на плохо засыпанную яму, сажени двѣ въ длину и сажень въ ширину.

Изъ ямы что-то торчало наружу. Я сначала подумалъ, что это сучокъ дерева. Но вглядѣвшись, увидѣлъ, что это была кость человѣческой руки, обглоданная крысами или воронами.

Она поднималась къ небу, точно проклинала его, и мнѣ вспомнилось страшное видѣніе Іезекіиля о возстаніи костей.

Профессіональный фотографъ, сопровождавшій насъ, ищетъ еще болѣе наглядныхъ картинъ.

Увы, трупы всѣ убраны, зарыты. На нѣкоторыхъ могилахъ даже успѣла уже вырасти трава.

Но вотъ я слышу его громкій крикъ:

— Сюда! Тащите аппаратъ сюда!

Я иду по тому направленію, гдѣ онъ стоитъ, размахивая руками, и вижу большую, наполовину засыпанную яму.

Изъ ямы опять торчитъ какая-то коряга.

Присматриваюсь и меня пронизываетъ дрожь: эта коряга — судорожно поднятая нога.

Подъ ней клокъ австрійской шинели.

Я ужъ больше не разглядываю. Я спѣшу отойти.

Въ двухъ шагахъ отъ могилы я вижу обломанную гребенку, зубную щеточку, обрывокъ молитвенника и еще листокъ бѣлой исписанной бумаги.

Очевидно, все это принадлежало убитому.

Я наклоняюсь, поднимаю листокъ почтовой бумаги, сложенный пополамъ и пробитый насквозь пулей. Что листокъ пробитъ пулей,

можно заключить не только по величинѣ отверстія, но и по тому, что края отверстія чуть-чуть опалены.

Письмо побывало подъ дождемъ, забрызгано грязью и мѣстами стерто, такъ что его трудно разобрать, тѣмъ болѣе, что письмо написано по-польски.

Но начало разборчиво и понятно.

Да проститъ усопшій и та, которая писала ему, мою нескромность. Я не только взялъ себѣ это письмо, но и привожу нѣкоторыя строки его въ томъ видѣ, какъ онѣ написаны австріячкой, женой, своему мужу солдату:

«Сакулецъ 9 дня 13/V 1914.

Слава Богу Іисусу Христу. Милый мой мужъ, доношу тебѣ свѣдѣнія о своемъ здоровьѣ и состояніи и какъ намъ живется. Я слава Богу здорова... и тебѣ желаю здоровья... Жаль, что такое короткое время счастливо прожили. Милый мой мужъ, что ты мнѣ такъ давно не писалъ?..

(Многое неразборчиво дальше. Затѣмъ):

Полкъ 13. II эскадронъ. Николай Ферихъ.

Полевая почта № 67.

Сассовъ.

(Опять неразборчиво).

Больше мнѣ нечего писать. Желаю тебѣ здоровья. 100...1000 разъ до милаго свиданія. Будь здоровъ.

Екатерина Божунская, твоя жена.

Написалъ Іосифъ Обажинчукъ».

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, корреспондентъ—французъ Людовикъ Нодо, побывавшій и на боевыхъ поляхъ Манчжуріи, и въ Алжирѣ, и въ турецко-болгарской войнѣ, сказалъ мнѣ, когда мы осматривали поля сраженій близъ Галича:

— Война всегда и вездѣ одинакова. Разница лишь въ деталяхъ, но пріемы и средства почти одни и тѣ же.

Можетъ быть, это и такъ. Ему и книги въ руки. Меня сейчасъ интересуетъ иное и, на мой взглядъ,—страшно важное: это — бытовая и психологическая сторона нынѣшней войны, тѣ отраженія ея, которыя, подобно барометру, предвѣщаютъ погоду будущаго. Въ каждой войнѣ эти стороны совершенно своеобразны. Я вижу тысячи людей, побывавшихъ въ битвахъ, такъ сказать, пропахнувшихъ

порохомъ, вижу раненыхъ и здоровыхъ, солдатъ и сестеръ милосердія, работавшихъ подъ огнемъ вмѣстѣ съ врачами, администраторовъ въ завоеванныхъ нами областяхъ и славянъ, освобожденныхъ нами отъ австро-прусскаго гнета. У всѣхъ, въ общемъ, настроеніе бодрое, полное надеждъ и вѣры въ свѣтлое будущее. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у всѣхъ одно желаніе, чтобы война была доведена до конца, чтобы желѣзное прусское могущество, изъ котораго, какъ изъ-подъ механическаго пресса, выдавленъ духъ живой творческой мысли, милосердія и любви, — чтобы это могущество было подавлено разъ навсегда, какихъ бы жертвъ это ни потребовало.

Надо, чтобы и тѣ, въ чьихъ рукахъ власть и средства облегчить эти жертвы, оказались на высотѣ положенія, оказались достойными итти рука объ руку съ проливающими свою кровь, подставляющими свое живое тѣло подъ тяжелыя колеса побѣдной колесницы войны.

Я имѣю здѣсь въ виду не однихъ власть имущихъ, но и все общество, даже главнымъ образомъ — общество, Россію, которая подъ надежной защитой нашихъ великихъ самоотверженностью и мужествомъ воиновъ можетъ спокойно продолжать свою мирную жизнь и работу.

Въ этой роковой грандіозной битвѣ народовъ неизбѣжны колебанія вѣсовъ. Не надо унывать, не надо терять бодрости ни при какихъ обстоятельствахъ. Конечное торжество, несомнѣнно, за нами и за нашими союзниками. Помогайте же имъ своею бодрой вѣрою: нѣтъ морей и горъ, нѣтъ никакихъ преградъ и пространствъ, которыя удержали бы передачу ихъ самоотверженнымъ душамъ нашихъ настроеній: это самый несомнѣнный и точный безпроволочный телеграфъ, какой когда-либо существовалъ и будетъ существовать въ мірѣ.

О томъ, что наряду съ этой вѣрой и сочувствіемъ необходима и матеріальная помощь, лишнее писать. У солдатъ есть и должно быть все строго необходимое, но имъ необходимо немного больше тепла, чѣмъ полагается, немного больше достатка, чѣмъ они имѣютъ. На первомъ мѣстѣ тутъ стоятъ теплое бѣлье и табакъ. Посылайте имъ какъ можно больше того и другого.

Рука дающаго не оскудѣваетъ.

Изъ Галича мы снова возвращаемся во Львовъ, чтобы оттуда опять двинуться, но уже въ другомъ направленіи.

ТѢНЬ ТОЛСТОГО.

Во Львовѣ въ залъ мѣстнаго кафе-шантана вошелъ большого роста человѣкъ въ теплой курткѣ съ офицерскими погонами и въ высокихъ сапогахъ. На рукавѣ повязка Краснаго Креста. Онъ прямо направился къ нашему столику, поздоровался кое-съ кѣмъ изъ нашей компаніи и сѣлъ рядомъ со мною на свободный стулъ.

Мнѣ стало жутко: такъ этотъ человѣкъ былъ похожъ на Льва Николаевича Толстого. И еще болѣе жутко стало отъ того, что я много разъ, и сейчасъ также думалъ: что сказалъ бы Левъ Николаевичъ о нынѣшней войнѣ?

Новый нашъ гость обернулся спиной къ сценѣ, гдѣ въ это время какая-то потрепанная нѣмка неуклюже маршировала и дѣлала подъ козырекъ, изображая курящаго нѣмецкаго лейтенанта. При этомъ она визгливо распѣвала куплеты не въ тактъ музыкѣ и при каждомъ нѣмецкомъ вицѣ щерила запломбированные золотомъ зубы. Золото блестѣло на свѣту и чернѣло, когда свѣта не было.

Не обращая на сцену ни малѣйшаго вниманія, двойникъ Толстого (только несравненно моложе Л. Н.) заговорилъ со Скитальцемъ, только что пріѣхавшимъ во Львовъ въ качествѣ санитара.

Я не выдержалъ и шопотомъ обратился къ моему сосѣду съ другой стороны.

— Вотъ поразительное сходство съ...

Онъ не далъ мнѣ договорить и закончилъ:

— Со Львомъ Николаевичемъ. — Немудрено: вѣдь это его сынъ—Илья Львовичъ. Развѣ вы не знаете?

Онъ познакомилъ насъ, и Илья Львовичъ, мелькомъ взглянувъ на сцену и прослушавъ нѣсколько словъ, насупилъ брови и сказалъ брезгливо:

— Вотъ пакость!

Дѣйствительно, и эта дѣвица нѣмецкая съ тѣлодвиженіями, и смѣнившій ее хулиганъ съ папироской въ зубахъ и съ куплетами, отъ которыхъ несло саломъ, все это было мерзко, особенно послѣ бранныхъ полей съ полузарытыми трупами и госпиталей, полныхъ ранеными.

Но, вѣроятно, здѣсь, въ тылу арміи, это было нужно какъ вино, мутное, но все же отвлекающее отъ тяжелыхъ мыслей и дающее нѣкоторое забвеніе.

Недаромъ въ этомъ кафе-шантанѣ было много офицеровъ, изъ которыхъ большинство, конечно, стояло ближе ко всѣмъ кровавымъ событіямъ войны, чѣмъ мы.

Я и высказалъ ему это, но услышалъ въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, никому это не нужно. Такъ, сами не знаютъ, для чего идутъ.

И въ отвѣтѣ этомъ мнѣ послышался голосъ его великаго отца. Я не выдержалъ и спросилъ Илью Львовича о томъ, что такъ тревожно и остро меня интересовало.

— Что сказалъ бы отецъ о нынѣшней войнѣ? — повторилъ онъ мой вопросъ. — Могу вамъ сказать совершенно увѣренно и опредѣленно: — ничего бы не сказалъ.

— Какъ — ничего?

— А такъ и ничего. Какъ ничего не говорилъ о русско-японской войнѣ и не любилъ, чтобы при немъ о ней говорили, и не читалъ газетъ въ то время, какъ онѣ были полны одной войной, какъ не читалъ бы газетъ и теперь. Да, да, это я могу вамъ сказать навѣрное. Все было бы такъ.

Меня этотъ отвѣтъ поразилъ. Стало даже какъ-то не по себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, величайшій геній, мудрецъ, всю жизнь искавшій истину, учившій евангельски любить людей и ради апостольской проповѣди добра и справедливости отрекавшійся отъ своего божественнаго творчества, — онъ не хотѣлъ поминать о войнѣ и не сказалъ бы о ней ни звука и теперь, а вотъ мы рвемся увидѣть войну, чтобы передать людямъ все, что она несетъ съ собой: и ея кровавый ужасъ и величавую доблесть, подобной которой не увидишь ни въ какихъ явленіяхъ жизни. Звѣрство и самоотверженность, жестокость и милосердіе. Я убѣжденъ, что въ этой войнѣ особенно ярко сказались всѣ возвышеннѣйшія свойства народной души, инстинктивно чувствующей, что она борется съ губительнымъ и растлѣвающимъ зломъ, провидящей за всѣми безцѣнными жертвами, приносимыми ею родинѣ, новую свѣтлую жизнь.

Ужъ и въ отраженіяхъ войны проблескиваютъ эти свѣтлыя, почти священныя черты. Что же творится тамъ, гдѣ, какъ одна сила, одна душа, нашъ народъ борется съ врагомъ мирной трудовой и

прекрасной жизни, гдѣ солдаты идутъ въ огонь, защищая процвѣтаніе и благоденствіе не только своей родины, но и—можно сказать—всего міра, гдѣ не только они, но и доктора и сестры милосердія подъ огнемъ выносятъ на своихъ рукахъ раненыхъ.

ЗУБЫ ВОЙНЫ.

Утро, когда мы выѣзжали изъ Львова, было на диво свѣтлое и ясное. Солнце сіяло и грѣло совсѣмъ не по осеннему, и пейзажи, замелькавшіе передъ нашими глазами, едва мы выѣхали изъ Львова, открывались одинъ другого красивѣе и ласковѣе.

Сначала шли по обѣ стороны пути, мѣстами проржавѣвшія отъ дождей, а мѣстами зеленыя поля и долины. За ними — то большими красочными пятнами, то длинными пестрыми гривами тянулись лѣса. Чѣмъ ближе къ пути, тѣмъ богаче и ярче были краски; золотистые тона чередовались съ темно-коралловыми, а тамъ, гдѣ лиственныя породы деревьевъ чередовались съ хвойными, лѣса походили на тигровую шкуру.

Поѣздъ идетъ неровно, то быстро, то медленно. Иногда останавливается въ неуказанныхъ мѣстахъ, въ зависимости отъ лихорадочнаго движенія по линіи.

Вотъ мы останавливаемся прямо въ полѣ. Отъ самаго пути взбѣгаютъ вверхъ зеленые холмы, наверху испещренные деревьями. За деревьями виднѣются стѣны да крыши домовъ и надъ ними — колокольня костела.

Нѣсколько бабъ съ вязанками хвороста за плечами и какой-то бѣдно, но по-городскому одѣтый человѣкъ съ любопытствомъ подходятъ къ остановившемуся поѣзду.

— Здѣшніе?

— Здѣшніе. Вонъ, оттуда. — Указываютъ они на постройки за деревьями и низко кланяются панамъ. Они удивлены въ высшей степени, что паны удостоиваютъ ихъ своей бесѣдой: здѣсь народъ униженъ до крайности и не привыкъ къ тому, чтобы къ нему относились по-человѣчески.

Они и сами не скрываютъ этого удивленія.

— Наши паны не станутъ хлопскими рѣчами ушей засорять.

— А кто же ваши паны?

— Кто не хлопъ, тотъ намъ и панъ; кто съ свѣтлой бляхой, тотъ и начальникъ.

Они говорятъ по-малорусски, съ тѣми народными присловками, которыя такъ характерны у каждаго народа. Но смыслъ ихъ рѣчей у всѣхъ одинъ и тотъ же.

— Купили хворостъ? — спрашиваютъ у нихъ.

— Нѣтъ, изъ епископскаго лѣса взяли. Русскіе солдаты позволили. Тамъ хвороста много навалено. Гдѣ намъ покупать! И прежде-то грошей не было, а теперь и подавно нема. Нема, на що и житы.

Бѣдно-одѣтый человѣкъ, какъ и онѣ, несшій хворостъ за плечами, почти съ благоговѣніемъ принимаетъ предложенную ему папиросу. Онъ говоритъ съ жалкой улыбкой и закуриваетъ папиросу съ такимъ видомъ, точно она начинена порохомъ.

— Хорошо еще, что добрые солдаты жалѣютъ насъ и не берутъ денегъ за хворостъ, да и тепло покуда, Богъ бѣдныхъ жалѣетъ. Но хвороста одного мало, хворостомъ не пообѣдаешь, а гдѣ хлѣба взять, когда службы нѣтъ?

— А вы гдѣ служили?

— Въ желѣзнодорожномъ правленіи. Курьеромъ. Потерялъ службу, все потерялъ. По сентябрь заплатили, зато всю пенсіонную кассу взяли.

— Австрійцы?

— А кто же?

— А на русской службѣ вы бы остались?

— А що-жъ! Мнѣ вшистко едно, кому служить, австріякамъ или русскимъ. Русскіе намъ худа не дѣлаютъ. А кто платитъ, тотъ мнѣ и панъ.

Онъ бережно тушитъ половину папиросы и прячетъ окурокъ въ карманъ.

— Послѣ докурю.

Поѣздъ беретъ не сразу. Австрійскій паровозъ не важный, какъ-будто усталый отъ непосильной работы.

Проходимъ мимо вырубленнаго лѣса и проволочныхъ загражденій. Видны окопы, площадки для орудій.

Солдатская казарма стоитъ въ сторонѣ съ окопами, но безъ всякаго прикрытія. Здѣсь были временныя боевыя позиціи.

Сожженный домъ зіяетъ провалами оконъ. Дальше, подъ насыпью, — разбившійся обгорѣлый поѣздъ: тутъ было не только крушеніе, но и пожаръ отъ взрыва. Вагоны исковерканы и мѣстами разломаны на части.

По пути попадаются деревни, села, усадьбы. Работаютъ крестьяне въ поляхъ. Этотъ пейзажъ совсѣмъ нельзя было бы отличить отъ русскаго, если бы не старые костелы, каплицы, да кресты на перепутьяхъ.

Начиная съ полпути отъ Львова къ Равѣ-Русской, все чаще и чаще попадаются по обѣ стороны пути окопы. Множество параллельныхъ окоповъ по пути указываютъ на поспѣшность движенія. Иногда попадаются братскія могилы, и эти одинокіе кресты, независимо отъ того, покоятся подъ ними русскіе или австрійцы, вызываютъ чувство особенной грусти и роднятъ съ тѣми, кто зарытъ тамъ.

***

Отъ Львова до Равы Русской всего 64 километра.

Мы ѣдемъ въ Раву-Русскую, побѣдный бой при которой сыгралъ для насъ такую огромную роль: со взятіемъ Равы мы вышли въ тылъ австрійской арміи, стоявшей у Люблина.

Мы ѣдемъ туда, чтобы воочію увидать тѣ обстоятельства, при которыхъ шла тамъ одна изъ грандіознѣйшихъ битвъ, длившаяся безпрерывно около десяти сутокъ, условія, при которыхъ приходилось сражаться нашимъ войскамъ, и путь, по которому шли они, тѣсня и преслѣдуя врага.

Фронтъ австрійской арміи шелъ отъ Юзефова до Равы и здѣсь загибался прямымъ угломъ до Городка. Русскія войска стерли австрійцевъ съ этой огромной полосы. Передъ нами весь путь доблестнаго шествія русскихъ войскъ. Операція эта была выполнена генер. Рузскимъ необычайно талантливо. Здѣсь, начиная отъ Жолкева, грохотали безпрерывно пушечные раскаты, трещали пулеметы, лязгало оружіе въ рукопашныхъ стычкахъ и лилась кровь. Въ Каменкѣ, гдѣ шелъ особенно длительный и жестокій бой, въ канавѣ около пути до сихъ поръ еще сохранились слѣды крови. Тутъ бой продолжался больше недѣли. Разрушено нѣсколько зданій, былъ испорченъ путь и водокачка. Въ огромный чугунный бакъ съ водой попалъ снарядъ. Вода не дала ему пробить противоположную стѣнку, и онъ застрялъ въ бакѣ.

Станція Каменка вся истерзана пулями. Каменныя стѣны изрыты шрапнелью.

Справа отъ станціи — сожженные и разрушенные снарядами дома. На платформѣ грудой навалены австрійскіе ранцы изъ телячьей кожи, заржавѣвшія винтовки, снаряды. И сверхъ всей этой военной добычи блеститъ на солнцѣ прострѣленная насквозь мѣдная труба горниста.

Вотъ, тутъ вотъ непріятельскіе пулеметы стояли,—указываетъ мѣстный дорожный мастеръ на мезонинъ надъ станціей. — Видите, дыры въ стѣнѣ только что задѣланы. Еще внутри ремонтъ идетъ: тамъ на стѣнкахъ брызги и пятна крови замазываютъ. А стрѣляли они изъ пулеметовъ вонъ туда, въ тотъ лѣсокъ, за домикомъ, гдѣ наши стояли, — указываетъ онъ въ противоположную сторону, на югъ. — Въ томъ домикѣ...—школа тамъ помѣщалась раньше...—засѣли наши телефонисты и работали. Непріятельскій снарядъ упалъ на крышу, ударилъ въ печь и, разорвавшись, убилъ офицера и 8 человѣкъ солдатъ. Ну, да имъ дорого досталось это. Наши, какъ начали ихъ жарить, земля тряслась. Видите, какъ земля-то изрыта кругомъ. Ямищи-то какія! Это отъ снарядовъ все.

Дѣйствительно, вокругъ станціи точно нарочно старательно выкопанныя ямы, темнѣли воронкообразные провалы, кое-гдѣ наполненные до самаго края выступившей водой.

У дороги въ канавѣ валяется стальной стаканъ отъ шрапнели. На днѣ канавы — лужица. Клочекъ бумажки окунулся въ нее съ краю, и я вижу, по темно-красному цвѣту этого бѣлаго клочка, что онъ попалъ въ лужицу крови.

Сколько же этой крови пролилось здѣсь, если за двѣ недѣли она не успѣла просочиться въ землю и высохнуть!

Трупы валялись и возлѣ станціи и близъ деревни и вонъ тамъ, въ лѣсу, который такъ красивъ сейчасъ на солнцѣ.

— Теперь что! Теперь въ окружности все убрали. Кому пріятно нюхать этотъ смрадъ-то отъ труповъ. А раньше нипочемъ здѣсь валялись, и собаки, прости Господи, жрали ихъ. Теперь собаки все вонъ въ тотъ лѣсъ бѣгаютъ. Слышно, какъ грызутся тамъ. Иной разъ кость собака оттуда притащитъ — отобьешь кость, да зароешь ее. Хоть нѣмецкая кость, а все — человѣчья. Какъ дрался съ нами—врагомъ былъ, а какъ представился—такой же человѣкъ. Пусть

тамъ Богъ разсуждаетъ—виноватъ онъ, аль нѣтъ, а мы по-человѣчески должны соблюсти его.

И въ самой тишинѣ и осенней красотѣ этого солнечнаго октябрьскаго дня есть что-то также родное этой печали. Несмотря на тепло, осень во всемъ, и особенно въ этихъ паутинкахъ, бѣлесой сѣткой покрывающихъ землю и цѣпляющихся за телеграфныя проволоки.

При одной изъ остановокъ, на синемъ фонѣ неба, у горизонта, который здѣсь кажется очень близокъ, потому что равнина идетъ поднимаясь, видно продолговатое палевое пятно, похожее на вечернее облако.

Пятно поднимается, и мы ясно видимъ, что это дирижабль. Подъ нимъ темнѣетъ гондола съ людьми. Можно даже различить флагъ, но цвѣтовъ флага разобрать нельзя.

Дирижабль восходитъ выше и выше и плавно держитъ курсъ на Львовъ.

Издали, какъ разъ оттуда, откуда направляется дирижабль, слышны глуховатые раскаты.

Это гремятъ пушки подъ Ярославомъ, верстахъ въ сорока, пяти десяти отсюда. Голоса войны, которые я слышу въ первый разъ.

Подъ эти глуховатые раскаты мы движемся на сѣверъ.

Мысль поневолѣ тянется въ ту сторону, откуда доносятся они, за темные гребни лѣсовъ, къ Ярославу, гдѣ двѣ враждебныхъ огромныхъ арміи изрыгаютъ другъ на друга огонь и свинецъ, одни — повинуясь гнетущей тщеславной волѣ влюбленнаго въ стальное могущество самодура; другіе — руководимые и воодушевленные вѣрой въ дружное единеніе съ своими исконными братьями-славянами.

Все вокругъ изрыто окопами австрійскими и нашими. Окопы то полукруглые, для артиллерійскихъ орудій, то растянутые въ длину. Наши окопы обращены къ сѣверу; они идутъ параллельно и довольно близко другъ къ другу.

По нимъ, какъ по вырѣзаннымъ въ землѣ неровнымъ и глубокимъ строкамъ, читается кровавая повѣсть австрійскаго пораженія и нашей побѣды — строка за строкой, — окопъ за окопомъ.

Но въ этотъ удивительный солнечный день, теплый до того, что мы сбросили пальто, несмотря на октябрь мѣсяцъ, — не вѣрится какъ-то въ потрясающій ужасъ недавно происходившихъ здѣсь событій.

Отъ солнечныхъ лучей свѣтятся деревья, то золотисто-прозрач-

ныя, какъ янтарь, то темнокрасныя, какъ рубины. И трава блеститъ осенней зеленью, глубокой и сочной, но нигдѣ не впадающей въ ядовитый тонъ.

Въ поляхъ идетъ работа: собираютъ картофель, сѣютъ озимые хлѣба. Но мало у кого изъ крестьянъ есть зерно для посѣва. Бѣдность вокругъ—непокрытая.

Стоятъ около станціи избушки; крыши хворостяныя или соломенныя. Стѣны покосившіяся. Грязь, пустота.

Пасется скотъ, передвигаются, подпрыгивая стреноженными ногами, кони.

Дѣти, босоногія и чумазыя, бѣгутъ къ намъ и смотрятъ на чужихъ пришельцевъ любопытными, пугливыми глазенками. За дѣтьми выползаютъ взрослые. Шевелятся красныя и синія пятна крестьянскихъ юбокъ.

По истоптанной желтой травѣ мы подходимъ къ избамъ. Нѣсколько бабъ съ жалкими, испитыми лицами, въ рваной обуви, простоволосыя и старообразныя, низко кланяются намъ.

Матери истощенныя, забитыя. Сыновья и мужья ушли на войну. Поля вытоптали кони и люди, воевавшіе здѣсь. Кто могъ — ушелъ: одни на Магеровъ, другіе на Ярославъ.

— А нам, бідным, два міста осталось, — говоритъ баба съ младенцемъ, который тщетно старается выдавить каплю молока своими блѣдными деснами изъ темной, тощей груди: — одно місто у землю, другое — у небо.

Слезы льются у ней изъ глазъ. Чтобы скрыть ихъ, она наклоняется къ другому ребенку своему, играющему тутъ же на травѣ съ собакой:

— Встань, Ясю, встань, сынку, бо велики паны обидятся.

Мы даемъ ей мелочь, и она бросается цѣловать руки, не умѣя ни слова вымолвить отъ радости: въ первый разъ она видитъ тутъ пановъ, которые не только не гнушаются бесѣдовать съ ней, но и даютъ деньги ни за что, ни про что, а когда она хочетъ поцѣловать руку, вырываютъ руки.

Старый старикъ выползаетъ изъ избы. Лицо изсохшее, испещренное морщинами до такой степени, что кажется все изсѣченнымъ вдоль и поперекъ безчисленными шрамами. Волосы бѣлые, какъ ковыль, глаза глубоко запавшіе и подернутые пленкой мути.

Онъ стоитъ у покосившейся стѣны своей избушки и, кажется,

если бы не эта опора, свалился бы навѣрное. Рядомъ съ нимъ—розовая свинья, съ наслажденіемъ похрюкивая, трется бокомъ объ уголъ избы.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка?

— Да більше осьми десятков буде!

— Эка, много більше, когда осемь десятковъ-то было! — поправляетъ старика дочь, утирая носъ своему сынишкѣ. — Онъ у насъ воинъ. Въ двухъ битвахъ былъ.

— Э, я еще старшого набольшика зналъ. Какъ же! Какъ же!— обрадованный, шамкаетъ не то по-польски, не то по-малорусски старикъ.—Сюда раненъ, сюда раненъ и сюда раненъ,—указываетъ онъ дрожащей рукой то на ногу, то на грудь, то на голову. — Три медали маю. Вотъ...

Онъ долго шаритъ въ карманѣ и вынимаетъ оттуда дрожащей, изсохшей рукой двѣ медали на засаленныхъ лентахъ.

— Вотъ. За храбрость получилъ. А едну загубилъ куда-то... Искали, искали, такъ и не найшлы. Загубилъ куда-то едну!—бормочетъ онъ, безпомощно и жалко мигая слезящимися глазами. — Пенсію мнѣ давали, когда я австрійскимъ былъ, а теперь, гдѣ австрійцы? Пенсія отъ самого императора, а гдѣ императоръ? Да и живъ ли императоръ нашъ? — бормочетъ онъ, какъ во снѣ. — Тутъ такой былъ бой! Видѣлъ я и самъ бои, а такого не видалъ, какъ здѣсь. Нѣтъ, не видалъ. Не бывало такого въ наше время.

Женщины, явившіяся Богъ вѣсть откуда, такъ какъ кромѣ этой хибарки вблизи не видно другого жилья, всплескиваютъ руками и начинаютъ сразу разсказывать.

— Ну, что, вы были здѣсь, когда шло сраженіе?

— Якъ же не были! — отзывается баба съ ребенкомъ на рукахъ. — Мы уси были тутъ, якъ упала куля на нашу хату.

— Какая куля?

— Русски куля, вонъ, оттуда, — киваетъ баба на лѣсъ. — Съ того лясу.

Она жалобно качаетъ головой и указываетъ на проломленную и наскоро задѣланную крышу.

— Вотъ сюда ударила куля! Ишь, какую прорву сдѣлала... А вотъ и осколки отъ кули.

Она приноситъ заржавѣвшіе зубчатые обломки снаряда.

— А тутъ ихъ столько сыпалось, что и пересчитать нельзя!

Если бы у насъ столько хлѣба было, мы бы годъ цѣлый не плакали отъ голода! — добавляетъ другая. — Хорошо, что насъ въ избѣ не было, а то всѣ бы пропали. И мужикъ мой пропалъ бы, и я бы пропала и дітына. Да въ ту пору мужикъ-то мой пьянъ былъ. И кто его напоилъ, и гдѣ онъ спирту досталъ, — не знаю. Я взяла въ одну руку дітыну, въ другу—хворостыну, да за нимъ. А онъ отъ меня въ яму сховался. Тѣмъ и спаслись. Какъ разъ, когда я его въ ямѣ нашла, куля въ избу упала.

— А много народу здѣсь побили?

— И-и-и... — качая головой, тянетъ другая баба, съ распятіемъ на груди, поверхъ синей, затертой кофты. — Столько народа, что и не сосчитать. И солдатовъ, и офицеровъ! Пріѣхала тутъ одна пани, забрала своего пана, пріѣхала другая пани — забрала своего пана. Одна пани—русска; другая пани—австріячка. И такъ обѣ плакали, что дивно, якъ очи со слезами не выпали!

Другая торопливо и испуганно добавляетъ:

— Я сама видѣла, какъ того пана офицера австріяка зарубили. Вотъ тутъ, за клуней стояла я и видѣла. Той панъ офицеръ со своими вотъ тутъ сталъ втикать, а ему навстрѣчу оттуда русскій панъ офицеръ со своими. Австріякъ метнулся туда, а оттуда опять русская сила. Завертѣлся, завертѣлся онъ на конѣ, да какъ бросится на русскихъ. Закричалъ— Vorwärts! —и его солдаты за нимъ. Тутъ ихъ стали крошить и стрѣлять. Матка-Бозка! Я чуть не умерла со страху. Закрыла отъ-таки очи. — Баба приложила грязныя мозолистыя руки къ глазамъ и продолжала жалобно:

— А якъ відкрыла, отъ австрійцевъ никого не осталось... Всѣ полегли у поли, якъ снопы. И люди, и лошади! Jesus-Maria! Такъ страшно, что я и теперь во снѣ вижу. Одни совсѣмъ убитые, а другіе корчатся, стонутъ, зовутъ кого-то... И русскій офицеръ тоже, смотрю, лежитъ. Подхватили его свои казаки, понесли, а только онъ ужъ мертвый былъ.

— Я со страху въ лѣсъ убѣжала. Цѣлый день въ лѣсу ховалась. Увидала подъ вечеръ казака, а ужъ у меня въ сердцѣ и испуга больше нѣтъ, все равно, думаю. Спрашиваю казака: — Чи могу я итти до дому. А онъ мнѣ:—Да иди съ Богомъ. Никто тебя не тронетъ. Подивилась я, что казакъ не зарубилъ меня: намъ австріяки наговорили, що казаки всѣхъ насъ зарубятъ, а дітокъ живьемъ съѣдятъ. Пошла до дому, да только не на радость.

У бабы слезы такъ и хлынули изъ глазъ. За ней плакали и другія.

— Дома диты. Исть ничего нема. Колибъ работа была, пошла бы на работу, а то, вотъ что на вокзалѣ дадутъ, тѣмъ и живы.

Кое-кто изъ насъ протянулъ имъ мелочь.

Изумленныя и обрадованныя этой милостью, онѣ пытались схватить протянутыя руки и поцѣловать ихъ.

— Чтобы вамъ Богъ далъ столько, сколько у меня «спасибо» вамъ.

— Чтобы вамъ и вашимъ діткамъ такъ было свѣтло, какъ солнцу на небѣ!

— Спасибо! Спасибо! — низко кланяясь, провожали насъ бабы. — Дай Богъ удачи вамъ надъ австріяками, коли вы такіе добрые!

Онѣ разсказывали кошмарныя сцены, а вдали, изъ-за лѣса, синѣвшаго на горизонтѣ, доносились глухіе раскаты, похожіе на рычаніе звѣря — подъ Ярославомъ шла битва, и канонада безпрерывными раскатами доносилась до насъ.

— Отъ-такъ и палятъ, такъ и палятъ! — съ сокрушеніемъ говоритъ баба съ ребенкомъ. — Третій мѣсяцъ вотъ такъ слышимъ. То далеко, то близко. И когда конецъ будетъ?

— Потерпите. Когда австрійцевъ и духу не будетъ здѣсь, вамъ легче будетъ жить, — успокаиваемъ мы ихъ.

— Дай Богъ! Что намъ австрійцы! Они не родня намъ. Заставили нашихъ мужиковъ воевать, а имъ вовсе воевать не охота. Хоть бы живы домой вернулись. Поблагодарили бы мы Бога. А то безъ мужиковъ нашихъ смерть намъ и дѣтямъ нашимъ!

Еще не успѣвшая высохнуть кровь, трупы въ лѣсу, которые рвутъ собаки, разбитые дома, разрытая земля, валяющіеся всюду снаряды, — все говоритъ о войнѣ, а жизнь беретъ свое: на станціи вставляются разбитыя окна, заштукатуриваются стѣны въ верхнемъ этажѣ, откуда австрійцы стрѣляли изъ пулеметовъ въ наступающія русскія войска, забѣливается кровь на стѣнахъ.

Подходитъ къ станціи поѣздъ съ ранеными.

— Откуда?

— Изъ-подъ Ярослава.

— Давно?

— Вчерась.

Перевязанныя руки, ноги, головы.

Одни стоятъ на ногахъ и съ любопытствомъ высовываются изъ своихъ теплушекъ, чтобы посмотрѣть на насъ. Другіе лежатъ въ вагонѣ на соломѣ. Этимъ не до того, чтобы смотрѣть на проѣзжихъ.

— Ну, а какъ дѣла тамъ?

— Да что, дѣла не худы. Пробовали было они перейти черезъ Санъ, рѣчка такая у Ярослава. Ночью одинъ батальонъ ихъ прорвался, да не на радость себѣ, почитай всѣхъ уложили.

Молодой солдатикъ, съ рукой на перевязи, почти мальчикъ по виду, тонкимъ голоскомъ жалуется на нѣмцевъ.

— Имъ-то хорошо, пузатымъ, они за талами-то заѣли. Талы-то густыя, не видать ихъ почти-что; оттуда и жарятъ. А мы — въ окопахъ, а въ окопахъ-то вода: дожди, почитай, двѣ недѣли шли и налило. Ну, да, все едино, имъ не сдобровать, безпремѣнно побьемъ и прогонимъ ихъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Чего?

— Да что прогоните-то ихъ!

— А какъ же? Нешто Богъ не видитъ, на чьей сторонѣ правда-то? — горячо и убѣжденно отвѣчаетъ онъ. — Потому такъ всѣ и думаемъ.

— Богъ-то Богомъ. На Бога-то надѣйся, да и самъ не плошай, — наставительно замѣчаетъ другой, съ головой, перевязанной до самыхъ глазъ.

— А кто же плошаетъ?

— Кто? Знамо, не мы. Я къ тому и говорю, что и Богъ за насъ, да и артиллерія наша загребистѣй. А ежели до штыковъ допустятъ, мы имъ такого трезвону зададимъ, что и внукамъ закажутъ съ нами воевать.

— Ну, ты, расхвастался! — строго останавливаетъ его голосъ изъ глубины вагона. Голосъ глухой и слабый. Видно, лежитъ тяжело раненый, и ему непріятна эта похвальба.

А грохотъ пушекъ продолжаетъ почти безпрерывно доноситься издали и готовитъ новыя жертвы, новыхъ пассажировъ для этихъ скорбныхъ вагоновъ.

Запасной съ Георгіемъ, съ одной рукой на перевязи, стоитъ въ дверяхъ вагона и поитъ изъ чернаго закоптѣлаго чайника солдата, раненаго въ обѣ руки шрапнелью. Къ георгіевскому кавалеру обращается Вас. Ив. Немировичъ-Данченко:

— За что Георгій?

— За Вафангоу, ваше благородіе. Вотъ опять привелъ Богъ...

— Молодецъ, — одобряетъ его старый писатель, самъ побывавшій подъ Вафангоу, и проходитъ дальше.

— Такъ что радъ стараться, ваше высокоблагородіе.

У него лицо такое, точно онъ дѣйствительно радъ, что Богъ привелъ опять быть на войнѣ и искалѣчить руку.

— А на какой войнѣ тебѣ способнѣй было?—спрашиваю я его.

— Какъ можно сравнивать, ваше благородіе! На этой войнѣ куда способнѣй. Другой солдатъ нынче, и начальство другое.

— А что, ваше благородіе, — неожиданно перемѣняетъ молодой солдатъ, раненый въ обѣ руки, предметъ бесѣды и даже понижаетъ тонъ. — Не слышали вы, какъ съ землей будетъ?

— Съ какой землей?

— Да вотъ съ этой, — указываетъ онъ глазами вокругъ. — Какъ ее дѣлить будутъ и поскольку намъ на душу пойдетъ? Какой планъ будетъ?

— Никакого, братъ, плана, здѣсь не будетъ. Чья земля была, того и останется. Тутъ свои крестьяне на ней жили и ее обрабатывали, они и будутъ жить и обрабатывать.

— Та-а-къ...—недовѣрчиво тянетъ онъ.—А я думалъ...

— Говорилъ я тебѣ, что дуракъ ты, а ты мнѣ все не вѣрилъ!—обрываетъ его георгіевскій кавалеръ.

Окопы... Окопы... Воронки отъ гаубицъ, иногда наполненныя до краевъ водой, то налитой дождемъ, то просочившейся снизу.

Мѣстность здѣсь мѣстами болотистая. Трудно было рыть окопы, еще труднѣе скрываться въ нихъ, оставаясь иногда день и ночь по поясъ въ водѣ. Нѣкоторые наивные русскіе солдатики, убѣжденные, что вся завоеванная ими земля будетъ имъ разверстана подушно, съ огорченіемъ поговаривали между собой:

— Изъ-за такой земли не стоитъ и воевать съ австрійцами. Вотъ, гдѣ хорошая земля, тамъ, сдѣлай милость, повоюемъ.

Попадаются села, обнесенныя колючими загражденіями, окопанныя глубокими канавами.

Такъ идетъ вплоть до Равы-Русской, откуда наши войска уже гнали непріятеля къ Кракову. Тутъ наши послѣдніе окопы на пути къ Люблину, тутъ шелъ послѣдній кровавый и длительный бой.

Здѣсь полегло наибольшее количество войска и непріятельскаго и нашего. Здѣсь былъ вѣнецъ побѣдоноснаго шествія арміи ген. Рузскаго, которому принадлежало доблестное выполненіе выпавшей на его долю столь отвѣтственной задачи. Съ непокрытой головой надо приблизиться къ этому огромному кладбищу, занимающему не менѣе 25 верстъ въ окружности и слезами скорби и благоговѣнія почтить усопшихъ здѣсь.

Полуразрушенная, сожженная станція.

Торчатъ закоптѣлые, обожженные камни. Въ провалы оконъ свѣтится синее глубокое небо.

Большая станція. Это видно по каменнымъ остовамъ ея, разрушеннымъ пожаромъ.

На линіяхъ стоятъ вагоны, шипятъ локомотивы.

Везутъ войска къ Ярославу; везутъ раненыхъ изъ-подъ Ярослава. Здѣсь я впервые вижу походный эвакуаціонный госпиталь съ отлично устроенными и отапливаемыми гессенскими палатками. Палатки стоятъ вдоль платформы въ два ряда. Каждая палатка разсчитана на 35 человѣкъ, но помѣщается значительно больше. Вотъ уже десятый день идутъ бои на р. Санѣ, и оттуда раненыхъ везутъ слѣдующими одинъ за другимъ поѣздами. Уже нынче доставили нѣсколько сотъ. Бываютъ дни, когда доставляютъ больше тысячи раненыхъ.

Около палатокъ—походная печь. Варятъ ужинъ для солдатъ, и вкусно пахнетъ щами съ капустой и мясомъ.

Этотъ госпиталь называется головнымъ. Онъ отстоитъ обыкновенно верстъ на 40—50 отъ поля сраженія. Ему предшествуетъ пунктъ врачебный, который помѣщается обыкновенно не дальше 6—7 верстъ отъ мѣста боя. Оттуда летучіе отряды забираютъ раненыхъ, которыхъ не всегда на пунктѣ успѣваютъ даже перевязать. Въ эвакуаціонномъ госпиталѣ оставляютъ тяжело раненыхъ, остальныхъ, накормивъ, перевязавъ, переодѣвъ въ чистое бѣлье (такъ какъ большинство прибываетъ въ истерзанномъ видѣ, въ грязи и во вшахъ), отправляютъ дальше, въ госпитали, которые представляютъ третій этапъ.

Завѣдующій головнымъ госпиталемъ военный писатель, полковникъ Лагофетъ ведетъ насъ въ палатки, куда только что привезли

раненыхъ. И онъ, и врачи, и сестры разсказываютъ о необычайной терпѣливости солдатъ, о ихъ необыкновенной скромности.

Каждый изъ нихъ герой, но меньше всего они сами думаютъ и говорятъ о своемъ героизмѣ. Все, что на нашъ взглядъ — подвигъ, для нихъ самое обыкновенное дѣло. Иначе и не можетъ быть. Въ палаткѣ деревянные полы. Больные въ теплыхъ туфляхъ. Тѣ, кто можетъ говорить, бесѣдуютъ между собою, покуривая табачокъ.

Сейчасъ везутъ и везутъ изъ-подъ Ярослава. Сраженіе тамъ идетъ безпрерывно, и гулъ орудій доносится оттуда, какъ ревъ голоднаго звѣря.

Нѣтъ еще пяти часовъ, а уже раненыхъ съ утра доставлено около шестисотъ человѣкъ. Подвозъ не прекращается. Ихъ будутъ везти и ночью, и въ сутки число раненыхъ, которымъ нужно сдѣлать перевязки, накормить ихъ, — дойдетъ до тысячи.

Бой уже идетъ десятыя сутки, и этотъ день — не самый тяжелый день. Были дни, когда раненыхъ было еще больше.

Въ Равѣ достаточно врачей, сестеръ и санитаровъ, но и они изнемогаютъ отъ тяжелой напряженной работы.

Множество раненыхъ въ руки: значитъ, ранены въ окопахъ.

Девять дней въ окопахъ.

Девять дней по колѣна въ водѣ, — въ лучшемъ случаѣ, — въ липкой грязи, съ винтовкой въ рукахъ, съ невыносимой усталостью въ тѣлѣ. Изъ грязи трудно вытаскивать загрузшіе сапоги, трудно перемѣнить положеніе. Ноги затекаютъ и каменѣютъ.

— У меня въ окопѣ воды не было, — разсказываетъ мнѣ раненый въ руку солдатъ. — Пить хотѣлось такъ, что ажъ во рту запеклось. А рѣчка вотъ тутъ, передъ нами. Хоть запретило начальство до рѣки бѣгать, опасно, но жажда замучила. Поднялъ я наверхъ руку, чтобы опереться о землю и выпрыгнуть изъ окопа; трахъ, обожгло что-то. Гляжу, а пальцы болтаются. Точно топоромъ ихъ отшибло.

**
*

Запасной съ бородатымъ лицомъ разсказываетъ о послѣднемъ боѣ на р. Санъ, который былъ вчера.

— Что дѣлать: проспали наши часовые. Шутка ли, больше недѣли глазъ не смыкали. Ну, вотъ, тѣ на лодчонкахъ и переправились къ намъ. Часовыхъ прикололи. А за этими ужъ цѣлый ба-

тальонъ ихній къ намъ переправился. Почли стрѣлять. Панику спервоначалу надѣлали. Бросились было бѣжать наши, спросонья, а тутъ командиръ выхватилъ у солдата нашего винтовку, какъ закричитъ: «За мной, братцы!» Ну, опомнились наши и почли катать нѣмцевъ. Какъ есть всѣхъ переколотили.

Въ палатку несутъ раненаго въ грудь навылетъ.

Врачъ и сестра указываютъ мѣсто, куда надо положить раненаго.

Въ просторной теплой палаткѣ чисто, даже уютно, насколько можетъ быть уютно въ госпиталѣ. Несомнѣнно, этотъ уютъ палаткѣ придаетъ присутствіе заботливыхъ сестеръ милосердія и внимательныхъ врачей.

Раненые — лежатъ на чистыхъ койкахъ, чисто одѣтые. Но страданіе—не меньше отъ того, боль не терпимѣй.

Есть тяжело-раненые, и не хватаетъ духа безпокоить ихъ разспросами, хотя каждый могъ бы разсказать то, чего не создастъ даже творческая фантазія художника.

Зато и передать этотъ разсказъ въ спѣшной корреспонденціи, нервно набрасываемой гдѣ-то въ вагонѣ поѣзда или на вокзалѣ, какъ вотъ сейчасъ, невозможно, потому что этотъ разсказъ не столько въ словахъ, сколько въ лицѣ раненаго, въ его прерывающемся голосѣ, въ его взглядѣ, въ той недоговоренности, которую такъ умѣлъ чувствовать и угадывать Л. Н. Толстой.

Одно ясно для всѣхъ, кто соприкасается нынѣ съ русскимъ солдатомъ, это его кроткая, свѣтлая, милосердная и беззавѣтно-героическая душа. И особенно дорого и радостно то, что тутъ не отдѣльныя личности, что за ними вся Россія, такая же сильная, добрая и самоотверженная, когда ее долгъ и любовь къ родинѣ призываютъ къ подвигу.

Я ухожу изъ госпиталя съ знакомымъ уже мнѣ чувствомъ печали, вызванной человѣческимъ страданіемъ, и гордости, что я принадлежу къ этому народу.

* * *

Къ закату склоняется день, и небо изъ ярко-синяго становится зеленоватымъ.

Наплываютъ облака, и въ нихъ уже рѣютъ тепловатые мягкіе тона, какъ отблескъ золота, которое уже сквозитъ и въ самомъ солнцѣ.

Мы выходимъ на широкую живописную дорогу. Какъ ни малъ самъ городокъ, у него есть предмѣстье, жалкое и грязное, но полное зелени, сочной травы и деревьевъ, которыя стоятъ то отдѣльно, то группами.

Справа отъ дороги — болотце, все покрытое плѣсенью, окруженное корявыми ивами и осокорями; деревья уже начали сбрасывать желтые листья, разбросанные по зацвѣтшей водѣ, подобно парчевой вышивкѣ по зеленому фону.

Кучи грязи и навоза валяются по дорогѣ. Не мудрено: здѣсь прошли двѣ многочисленныя арміи, хотя, конечно, и безъ нихъ тутъ въ грязи недостатка не было.

Около этой грязи копошатся евреи въ длинныхъ лапсердакахъ, въ бархатныхъ и мягкихъ шляпахъ. Все это мѣстная бѣднота; ихъ наняло русское начальство убирать эту грязь и платитъ имъ по 30 коп. въ сутки.

Они работаютъ своими лопатами до такой степени вяло и неумѣло, что не только наши солдаты, но и лошади съ повозками, въ которыя сваливается эта грязь, глядятъ на нихъ съ добродушной насмѣшкой.

Рава-Русская — небольшой городокъ, въ которомъ жителей тысячъ двадцать, а теперь осталась врядъ ли половина, большинство все бѣдные евреи ветхозавѣтнаго типа, какихъ не встрѣтишь нигдѣ въ Россіи.

Всѣ въ длинныхъ черныхъ лапсердакахъ съ болтающимися пейсами.

Большая улица, съ хорошими домами, съ садами, которые окружаютъ весь городъ, идетъ прямо отъ вокзала. Любопытныя женщины и дѣти идутъ за нами и охотно разсказываютъ о послѣднихъ событіяхъ своей жизни, о безпорядкахъ, происходившихъ въ городѣ. Тотчасъ послѣ отхода войскъ изъ окрестныхъ селъ, сошлись сюда крестьяне, разбили прежде всего зданіе суда, вытащили оттуда всѣ бумаги, разорвали ихъ, разметали по улицамъ, такъ что ноги въ бумагахъ тонули. Единственный въ городѣ памятникъ Яну Собѣскому испортили, отбивъ ему носъ, погромили нѣкоторыя еврейскія лавчонки.

Изъ тюрьмы, конечно, выпустили всѣхъ преступниковъ, и теперь тамъ помѣщаются наши казармы.

Русскій флагъ развѣвается на одномъ изъ зданій. Здѣсь живетъ мѣстный городской голова, поставленный русской властью. Онъ—

здѣшній житель, по профессіи своей—учитель, и, повидимому, преданъ Россіи. Флажки Краснаго Креста на лучшихъ домахъ и справа и слѣва; здѣсь работаютъ нѣсколько общинъ: ростовская, орловская. Госпитали просторные, свѣтлые. Народъ, работающій въ нихъ, добросовѣстный, опытный и преданный своему дѣлу.

Улица пересѣкается другой, которая ведетъ направо, къ площади. На площади — старая ратуша. Стоятъ возы, и возлѣ нихъ ожесточенно спорятъ и чуть не дерутся евреи.

Привезли муку, и каждый старается отвоевать сколько возможно себѣ. Подвозъ продуктовъ незначителенъ, дороговизна страшная. Еще овощей довольно, но хлѣба и, главное, соли — совсѣмъ мало.

За фунтъ соли платятъ по рублю. Въ обмѣнъ на чашку соли предлагаютъ чашку сливочнаго масла. Недостатокъ соли, по слухамъ, ощущается и у солдатъ на ближайшихъ позиціяхъ.

Дѣти рады каждому новому явленію.

Они идутъ за нами цѣлой гурьбой и стараются разсказать намъ все, что знаютъ, все, что имъ самимъ представляется интереснымъ.

И о русскихъ войскахъ, которыя проходили черезъ Раву, и о венгерскихъ гусарахъ, которые грабили дома и разсказывали о русскихъ разныя небылицы.

Въ уличныхъ лужахъ полощутся утки, въ грязи блаженствуютъ свиньи.

Иностранцевъ эта грязь повергаетъ въ изумленіе, особенно пораженъ японецъ Оба, привыкшій къ изумительной чистотѣ японскихъ городковъ. Эта грязь придаетъ Равѣ-Русской запущенный видъ, и эта запущенность особенно подчеркивается кое-гдѣ сгорѣвшими домами и заколоченными лавками.

Но окрестности города необыкновенно живописны, а въ пятишести верстахъ отсюда есть богатѣйшія и красивѣйшія имѣнія — Сапѣги и Чеховскаго, гдѣ старинные барскіе замки тонутъ въ густой зелени такихъ же старинныхъ парковъ, и искусственныя озера отражаютъ уютныя бесѣдки, и мраморныя статуи и группы. Теперь эти статуи разбиты, исковерканы бесѣдки. Жаль будетъ, если погибнетъ драгоцѣнная библіотека въ замкѣ Сапѣги.

***

— Господинъ, не угодно ли вамъ папиросъ? У меня есть отличныя русскія папиросы.

Передо мной довольно сомнительнаго вида, хотя и прилично одѣтый человѣкъ, хорошо говорящій по-русски.

— А откуда у васъ папиросы, вы здѣшній?

— Нѣтъ, зачѣмъ. Я здѣсь по дѣламъ.

— По какимъ дѣламъ?

Онъ таинственно наклоняется ко мнѣ и шопотомъ сообщаетъ:

— Шпіоновъ ловлю!

— Какихъ шпіоновъ?

— Австрійскихъ. Тутъ два австрійскихъ офицера, переодѣтые, скрываются и все вывѣдываютъ.

— А вы знаете ихъ въ лицо?

— Нѣтъ, не знаю. Но, все равно, я ихъ найду.

— Жители выдадутъ?

— Нѣтъ, жители ни за что не выдадутъ. Самъ найду.

— И что же тогда?

— Тогда ихъ повѣсятъ, а я себя зарекомендую. Такъ какъ же насчетъ папиросъ, принести вамъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не надо.

Сопровождающій насъ полковникъ заинтересовался разговоромъ, потребовалъ отъ незнакомца удостовѣреніе личности и, вѣроятно, сказалъ ему что-то очень внушительное, такъ какъ «искатель шпіоновъ» послѣ этого быстро ретировался.

* * *

Мы осматриваемъ городъ, госпитали. Здѣсь, кромѣ эвакуаціоннаго передвижного госпиталя съ гессенскими палатками, есть еще госпитали Ростовской и Орловской общинъ.

Обрадовались намъ, потащили къ себѣ, просятъ сообщить имъ всѣ новости, которыя намъ извѣстны о войнѣ.

Газеты сюда не доходятъ. Люди пріѣзжаютъ все больше съ ближайшихъ боевыхъ позицій, сами ничего не знаютъ, кромѣ того, что творится у нихъ передъ глазами.

Что знали, мы разсказали.

— А правда ли, что Перемышль взятъ?

— Нѣтъ, еще оффиціальнаго извѣщенія нѣтъ.

Огорчились. Не хотятъ вѣрить.

— Какъ же нѣтъ, когда намъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ сказали, что взятъ.

Народъ молодой, съ волненіемъ говорятъ о войнѣ, о русскомъ войскѣ, которое сражается героически. Несказанно радуются каждой побѣдѣ, огорчаются до слезъ каждой неудачей.

Живутъ всѣ — и врачи и сестры — въ большомъ, красивомъ домѣ мѣстнаго адвоката, который бѣжалъ съ семьей, оставивъ весь домъ съ обстановкой и даже съ большими, скверно намалеванными портретами — своимъ, своей жены и сыновей въ студенческой формѣ. Живутъ чистой, трудовой жизнью. Работаютъ съ утра до ночи, а то и ночи напролетъ.

Не нахвалятся окрестностями, куда приходится ѣздить по дѣламъ, по закупкѣ провіанта, топлива и т. п.

— Я только что пріѣхалъ изъ-подъ Ярослава, — разсказываетъ одинъ изъ нихъ. — Тамъ идетъ страшный бой, и, несомнѣнно, Ярославъ будетъ взятъ нами не нынче—завтра. По дорогѣ фазановъ видѣлъ, — поддразниваетъ онъ одного изъ товарищей, охотника.

— Стрѣлялъ?

— Да что стрѣлять! Изъ винтовки развѣ попадешь.

Оказывается, дичи здѣсь всевозможной масса. Въ лѣсу не только зайцы, но и дикія козы водятся. Только охотиться, конечно, времени нѣтъ.

— А жители какъ относятся къ русскимъ?

— Да ничего, хорошо. Народъ все бѣдный, смирный. Бывали, правда, случаи и несчастные. Вотъ, недавно, солдата на мосту убили, часового.

— Въ насъ изъ лѣсу стрѣляли, — добавляетъ другой. — Затѣмъ вотъ, въ имѣніи Сапѣги изъ дома тоже стрѣляли. Но все это единичные и, такъ сказать, дикіе случаи. А то мирно. Да, собственно, народу-то, крестьянамъ, и нечего враждовать съ нами. Они видятъ, что русскіе не только не обижаютъ ихъ, а еще имъ помогаютъ, какъ могутъ. Жить имъ съ русскими будетъ, конечно, лучше. Вѣдь въ Галиціи русины прямо изнемогали отъ налоговъ и эксплоатаціи. Всего лѣтъ десять какъ тутъ начала дѣйствовать кооперація, но очень слабо, да и ей все равно трудно было бороться съ гнетомъ, поддерживаемымъ австрійскимъ правительствомъ.

Пришелъ іеромонахъ съ Аѳона. Сталъ громко обличать разные недочеты наши: того у солдатъ нѣтъ, да этого не хватаетъ.

— Нельзя же, батюшка, чтобы на войнѣ все какъ по маслу шло, — возражаютъ ему. — Вонъ, нѣмцы, на что ужъ обезьяну выдумали, а и у тѣхъ неурядицъ не оберешься.

— Письма не доходятъ ни до солдатъ, ни даже до офицеровъ, — не унимался священникъ.

На этотъ счетъ можно было сообщить ему, что тутъ дѣло зависитъ не отъ невниманія тѣхъ, кому это вѣдать надлежитъ.

Дѣло въ томъ, что военно-почтовый уставъ нашъ, преслѣдующій сохраненіе военныхъ тайнъ, вышелъ одновременно съ объявленіемъ войны и многимъ остался неизвѣстенъ. По этому уставу нельзя было никоимъ образомъ сообщать города, куда направлялся тотъ или другой полкъ. Письма адресоваться должны прямо въ дѣйствующую армію съ обозначеніемъ номера полка, а для рядовыхъ и роты. Всѣ письма должны неизбѣжно пройти изъ внутренней Россіи черезъ шесть «воротъ» — городовъ, гдѣ почтовые чиновники — военные, хорошо ознакомленные съ адресами всѣхъ частей арміи, сортируютъ корреспонденцію, запаковываютъ ее въ тюки и отправляютъ по назначенію. Но арміи не стоятъ, а движутся, корреспонденція движется слѣдомъ, если остается въ первомъ пунктѣ слѣдующій адресъ. Если нѣтъ, его надо разыскивать, а на это требуется время. Масса писемъ, даже написанныхъ интеллигентной рукой, часто напоминаетъ своимъ адресомъ письмо чеховскаго Ваньки, адресованное «дѣдушкѣ въ деревню». Я самъ видѣлъ дѣтскія письма, адресованныя «въ дѣйствующую армію, моему папѣ», или въ родѣ этого.

Кромѣ того, по случаю безплатной пересылки, пишутъ страшно много; напримѣръ, въ Смоленской почтовой конторѣ на каждый день приходилось писемъ до двухъ тысячъ пудовъ! Извольте тутъ разобраться въ нихъ.

Впрочемъ, послѣднее теперь уже урегулировано, — какъ сообщилъ намъ въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго завѣдующій почтовой частью. И теперь письма идутъ быстрѣе и аккуратнѣе.

* *
*

Кое-кто изъ насъ остался ночевать въ гостепріимномъ докторскомъ общежитіи.

Изъ иностранцевъ остался одинъ японецъ Оба. Имъ особенно интересовались всѣ и, такъ какъ онъ говорилъ по-русски, разспра-

шивали его о впечатлѣніяхъ о Россіи и русскомъ войскѣ. Въ заключеніе іеромонахъ попросилъ у него визитную карточку.

— На память. У меня есть карточки даже и знатныхъ прынцевъ, — щегольнулъ іеромонахъ. — Я и въ салонѣ г-жи И—вой былъ принятъ. Завтра я ѣду въ Львовъ, — добавилъ онъ. — Милости прошу, ежели будете въ Львовѣ, пріийму достойно, ибо апостолъ Павелъ еще сказалъ:

— Страннолюбія не забывайте. Страненъ бѣхъ и пріясти ми.

Утромъ мы отправимся осматривать поля сраженія вокругъ Равы.

Я возвращался домой вечеромъ.

Въ звѣздахъ было небо, и отраженія звѣздъ дрожали въ придорожныхъ болотахъ и лужахъ.

Среди нихъ смутно мерцала комета подъ Большой Медвѣдицей, распустивъ свой легкій хвостъ, какъ золотистыя брызги.

Рѣдко-рѣдко гдѣ въ домѣ свѣтился огонекъ. Зато ярко были освѣщены окна госпиталей и эвакуаціонныхъ пунктовъ. Въ маленькомъ домикѣ сквозь стекла виднѣлась чистая комнатка: сидѣлъ на стулѣ солдатъ и сестра милосердія дѣлала ему перевязку.

* * *

Мимо темныхъ зданій вокзала, пахнущихъ гарью, я пробираюсь къ своему вагону.

Желѣзнодорожные пути загромождены. Отрывисто посвистываетъ маневрирующій локомотивъ, глухо стучатъ желѣзные буфера. Гдѣ-то переругиваются желѣзнодорожные служащіе.

Кондукторъ идетъ на платформу съ фонаремъ. Качается фонарь въ рукѣ, и качается тѣнь его. Онъ идетъ къ вагону, откуда падаетъ желтоватое пятно свѣта на отсырѣвшія отъ ночного тумана грязныя доски платформы, и шевелятся люди.

Поблескиваютъ свѣтлыя пуговицы, выдѣляются красные кресты на рукавахъ.

Это послѣдній не разгруженный вагонъ съ ранеными.

Тамъ, въ вагонѣ, осталось ихъ немного, всего трое.

Санитары подходятъ съ носилками, кладутъ носилки рядомъ и наклоняются надъ раненымъ.

Раненый стонетъ. Онъ прострѣленъ въ грудь, навылетъ и тяжело дышитъ.

— Не кашляешь? — спрашиваетъ его докторъ.

— Никакъ нѣтъ, — тяжело отвѣчаетъ раненый. — Только... вотъ... повернуться больно...

—Осторожнѣй бери его—осторожнѣй,—командуетъ докторъ.— Одинъ подъ ноги, другой подъ шею... Третій поддерживай подъ сидѣнье.

Санитары осторожно берутъ раненаго, кладутъ на носилки и выносятъ его изъ вагона.

Мимо меня блѣднымъ, печальнымъ пятномъ проплываетъ искаженное страданіемъ лицо.

Новыя носилки появляются въ вагонѣ.

— О, Алла! О, Алла! — стонетъ раненый, за которымъ теперь очередь. Онъ закрытъ шинелью съ головой и оттого стонъ его кажется еще тяжелѣе.

— Повернись, если можешь, — обращается къ нему докторъ.

Раненый дѣлаетъ усиліе и со стономъ поворачивается.

При свѣтѣ фонаря, стоящаго въ вагонѣ, на соломѣ, я вижу скуластое татарское лицо, рѣдкіе, жесткіе усики надъ бѣлыми зубами.

И этого поднимаютъ и уносятъ.

Остается третій. Онъ лежитъ безъ стона и жалобъ.

Носилокъ долго не несутъ, и мы начинаемъ съ докторомъ бесѣдовать все о тѣхъ же раненыхъ. Здѣсь имъ будетъ хорошо.

— Н-да, ваше благородіе, — неожиданно отзывается послѣдній раненый, лежа въ углу.—Хорошо.

Этотъ откликъ настолько неожиданъ, что мы невольно улыбаемся.

Голосъ продолжаетъ тихо, но не безъ юмора:

— Особливо, ваше благородіе, послѣ того, какъ я полтора сутокъ въ грязи пролежалъ.

— Какъ въ грязи? Гдѣ?

— Въ окопахъ. Тамъ насъ недѣли двѣ подъ рядъ дожди поливали. То дожди, то пулеметы. Отъ дождей холодно, отъ пулеметовъ жарко. Ранили меня, а вылѣзть не могу.

— Да ты куда раненъ-то?

— Сказать стыдно, ваше благородіе. Вылѣзъ я изъ окоповъ за своимъ дѣломъ, сѣлъ, а мнѣ и влетѣло. Окромѣ того, ноги повредило. Такъ что ни встать мнѣ, ни сѣсть и лежать только на животѣ могу.

Мы съ докторомъ подивились мужеству этого человѣка, вовсе не такъ легко раненаго, чтобы имѣть силы шутить.

И мнѣ вспомнился другой раненый, котораго я видѣлъ въ Уяздовскомъ госпиталѣ въ Варшавѣ. Онъ былъ хохолъ, и фамилія у него была сама по себѣ вызывающая на шутки:

Добрывечеръ.

Раненъ онъ былъ въ грудь и довольно тяжело, но не любилъ лежать, а все ходилъ отъ одной койки къ другой, балагурилъ съ ранеными, или сидѣлъ на кровати.

Около него всегда собирались, кто могъ встать, а кто не могъ встать, прислушивался съ коекъ.

Это былъ прирожденный шутникъ и юмористъ, а когда онъ разсказывалъ что-нибудь, кругомъ стоялъ хохотъ; даже тяжело-раненые иногда улыбались.

Этотъ раненый, очевидно, былъ такого же типа.

Когда пришли съ носилками, онъ самъ скомандовалъ:

— Ложи меня внизъ носомъ. Я, братъ, теперь на чемъ лежу, на то и гляжу.

Его понесли, а онъ все продолжалъ подшучивать.

Вагонъ опустѣлъ.

Фонарь оставался на полу, на соломѣ, на которой кое-гдѣ запеклась кровь.

Виднѣлся въ углу одинъ сапогъ, огромный, грязный, солдатскій сапогъ съ пустымъ голенищемъ.

— Вотъ-те на, чей же это сапогъ? — съ недоумѣніемъ остановилъ на немъ взглядъ санитаръ, поднимая фонарь съ пола и поднося его къ сапогу.

— Тащи на пунктъ, тамъ хозяинъ найдется, — посовѣтовалъ докторъ.

Санитаръ взялъ сапогъ за ушко и понесъ его, вмѣстѣ съ фонаремъ.

Въ вагонѣ сразу стало темно и холодно.

— Что за народъ, — сказалъ докторъ, выходя изъ вагона. — Не повѣрилъ бы, если бы самъ не увидѣлъ здѣсь. Какое незлобіе! Какое терпѣніе!

Докторъ былъ молодой, видно, недавно окончившій академію. И все у него было мягко: и черты лица, и бородка, и голосъ.

— Тяжело вамъ, должно быть, видѣть столько страданія? — спросилъ я.

— Н-нѣтъ... Попривыкъ. А раньше очень было тяжело, особенно вотъ съ недѣлю тому назадъ, когда ненастье было. Привозили раненыхъ съ ногъ до головы въ грязи. Дожди лили безъ конца. Небо въ тучахъ, и казалось, что это будетъ всегда и тучи, и дождь, и раненые. А теперь вонъ какая благодать и тепло. И небо такое ясное, звѣздное, совсѣмъ лѣтнее. Вотъ только сыровато немного: болота здѣсь кругомъ, лихорадка.

— Вы сейчасъ отдыхать?

— Нѣтъ, куда тутъ отдыхать! Въ баракъ.

Барачныя палатки вдоль платформы свѣтились маленькими окошечками. Изъ одной палатки на другую сквозь эти окошечки отбрасывался свѣтъ, рисуясь на сѣроватомъ тентѣ правильными четыреугольниками. Изъ палатокъ выходили и входили туда люди темными силуэтами.

Пахло дымкомъ, болотной ночной сыростью и навозомъ. Высоко поднялись Стожары, и Млечный путь тянулся изъ одного края неба въ другой, точно широкая серебристая дорога.

ОКОПЫ И МОГИЛЫ.

Если сильное впечатлѣніе производитъ поле сраженія подъ Галичемъ, то подъ Равой-Русской это впечатлѣніе еще сильнѣе. Можетъ быть, потому, что само событіе произошло здѣсь сравнительно недавно.

Мы выѣхали изъ Равы поутру.

День былъ сѣрый и прохладный. Пахло осенней увядающей листвой и болотной сыростью.

Съ низинъ поднимался туманъ, стлался по скользкой мокрой травѣ, затянутой паутиной, какъ инеемъ, и особенно густо и тяжело клубился надъ болотами съ заплѣсневѣлой и зацвѣтшей водой.

Старыя узловатыя ивы стояли надъ болотцами, какъ-будто сторожили ихъ и совѣтовались между собою, что имъ дѣлать съ этимъ туманомъ и болотомъ.

Слегка поднимаясь надъ низиной, шла колея желѣзной дороги,

чужая и болотцамъ, и ивамъ, и даже лѣсамъ, въ которые она какъ-будто впивалась вдали, какъ раздвоенное змѣиное жало.

Мы переѣхали черезъ линію и направились прямо къ лѣсу на востокъ. У желѣзнодорожной будки баба, вѣроятно, жена желѣзнодорожнаго сторожа, полоскала бѣлье въ лужѣ, и этимъ пугала пару утокъ, которыя желали этой лужей распоряжаться какъ своимъ царствомъ.

За нами осталась станція съ посвистывавшими паровозами и гремящими вагонами, съ обгорѣлымъ зданіемъ вокзала и прилегающими къ вокзалу шатрами госпиталя.

Часть нашей компаніи ѣхала верхами; часть—въ экипажахъ.

Въ одномъ экипажѣ со мной ѣхала сестра милосердія ростовской общины, взявшаяся указывать намъ путь. Она недавно была здѣсь и еще полна была впечатлѣніемъ того, что видѣла.

Мало того, она пробыла на полѣ битвы до вечера съ своими землячками. Онѣ потеряли дорогу, заплутались среди труповъ и брошенныхъ снарядовъ, пошли наудачу, напрямикъ и попали въ трясину.

— Ночь была темная, сырая. Дождикъ накрапывалъ, — разсказывала сестра, съ выраженіемъ жуткости на молодомъ симпатичномъ лицѣ. — Мы боялись совсѣмъ увязнуть въ трясинѣ и страшно обрадовались, когда, наконецъ, выбрались оттуда и увидѣли огни станціи.

— И все-таки васъ опять тянетъ посмотрѣть?

— Да, — призналась она. — Да и отдохнуть хочется, проѣхаться. Нынче мое дежурство было, и я всю ночь дѣлала перевязки раненымъ.

— Всю ночь дѣлали перевязки раненымъ и ѣдете съ нами! Вамъ бы спать нужно.

— Ну, вотъ еще. Я привыкла.

Лицо доброе, свѣжее, веселое даже. А она не только не спала всю ночь, а даже и чаю не успѣла напиться.

— Вотъ только умылась холодной водой, и все тутъ.

Вплоть отъ самаго желѣзнодорожнаго пути до хвойнаго лѣса тянутся съ сѣвера на югъ окопы. Окопы аршина полтора глубины, наши окопы. Они заползаютъ въ самый лѣсъ, куда въѣзжаемъ мы, экипажъ за экипажемъ.

Высокимъ и тѣснымъ строемъ стоятъ зеленыя сосны. Скрипитъ подъ колесами песокъ. Эти сосны могли бы разсказать много потрясающихъ исторій о тѣхъ огромныхъ человѣческихъ толпахъ, которыя проходили мимо нихъ, о тѣхъ усталыхъ и раненыхъ, которые цѣплялись за ихъ стволы, боясь отстать отъ своихъ; о тѣхъ грохочущихъ выстрѣлахъ, которые заставляли содрогаться ихъ вѣтки и сыпать на землю иглы, о стонахъ побѣжденныхъ и торжествѣ побѣдителей.

Но сосны стоятъ неподвижно, безмолвно, и обо всемъ этомъ разсказываютъ опустѣлые, налитые водой окопы, брошенныя солдатами вещи, да окровавленныя тряпицы и бинты.

Мы выѣзжаемъ изъ лѣса въ открытое поле, вѣрнѣе — широкую поляну, за которой опять молчаливо и хмуро стоятъ хвойные лѣса. Поляна вся изрыта окопами и воронкообразными ямами отъ снарядовъ. Неподалеку нѣсколько избушекъ, около которыхъ бродятъ куры, а на полѣ работаютъ крестьянки. Но здѣсь тихо и хмуро. И хмуро облачное небо; сквозь облака солнце пробивается порой смутнымъ перламутровымъ пятномъ. Даже птицы щебечутъ какъ-то сдержанно-робко. Только гдѣ-то вдалекѣ во всю глотку горланитъ пѣтухъ.

**
*

Мы двигаемся дальше. Съ каждымъ нашимъ движеніемъ впередъ все больше и больше попадается знаменій происходившихъ тутъ битвъ. На перепутьи двухъ дорогъ стоитъ крестъ по католическому обычаю, каменный крестъ съ вылѣпленнымъ изъ гипса распятіемъ. Какъ сиротливо здѣсь стоитъ этотъ крестъ. Можно было бы написать цѣлую поэму объ этомъ крестѣ съ распятымъ на немъ Искупителемъ міра, стоящимъ среди изрытаго окопами и снарядами поля битвы. Другой крестъ рисуется вдали на проясняющемся небѣ, но этотъ крестъ не при дорогѣ, а въ открытомъ полѣ.

Поле развернулось здѣсь широко-широко, холмистое, неровное, истоптанное сотнями тысячъ ногъ, изрытое и истерзанное на каждомъ шагу. Здѣсь полегло столько людей, что если бы они поднялись изъ земли, могла бы опять загорѣться битва. Безкрестныхъ могилъ здѣсь безконечно больше, чѣмъ съ крестами. И этотъ большой крестъ, который я вижу вдали, стоитъ надъ братской могилой.

Его поставили русскіе, занявъ это поле, и на немъ карандашомъ — русская надпись.

«Миръ праху воинамъ, павшимъ въ бою. Погребено около 120 австрійскихъ воиновъ и 4 воина русскихъ. 1914 г. Августа 29. Такой-то полкъ».

— Здѣсь, здѣсь! — говоритъ сестра. — Мы были здѣсь. Вотъ тамъ, подъ горою и та трясина, въ которой мы увязли.

Она быстро идетъ впередъ по полю, буквально усѣянному разорвавшимися и неразорвавшимися снарядами, пулями, патронами, осколками и стаканами шрапнелей. Противные вороны носятся надъ полемъ, садятся вдали и поднимаются при нашемъ приближеніи.

Вотъ цѣлая стая ихъ слетѣла съ какого-то желтаго бугра. Мы подходимъ ближе. Несмотря на то, что вѣтеръ съ нашей стороны, запахло трупами.

Этотъ желтый холмъ — вздутый трупъ лошади; отъ него и идетъ ужасное зловоніе. Въ разорванномъ снарядомъ горлѣ запеклась кровь.

Подходимъ къ окопамъ.

— Что же вы отстаете, сестра?

Сестра стоитъ, не двигаясь.

— Не могу, знаете, — говоритъ она, блѣднѣя. — Я помню, тамъ лежалъ австрійскій солдатъ, съ головой, пробитой пулей. Помню его ужасное лицо, выклеванные глаза и ротъ, въ которомъ копошились черви.

Мы успокаиваемъ ее. Трупа этого теперь не видно: его закопали. Вотъ и холмъ въ окопахъ. Лишь около холма валяется пробитая пулей насквозь австрійская шапка. И тутъ же, около этой сѣровато-синей шапки — красные цвѣточки, точно выросшіе изъ тѣхъ капель крови, которыя упали на землю изъ этой пронзенной пулей головы.

Окопъ за окопомъ. Яма за ямой. Около одного изъ окоповъ цѣлая горка мѣдныхъ формъ отъ разорвавшихся снарядовъ.

Больше ничего.

Но больше ничего и не надо, чтобы возстановить картину. Снаряды наши. По найденнымъ тутъ же дистанціоннымъ трубкамъ съ дѣленіями видно, что стрѣляли на разстояніи 2.000 саженъ. Снаряды ложились вѣрно какъ смерть, и врядъ ли ушелъ отъ смерти кто-нибудь изъ бывшихъ въ окопахъ.

Невдалекѣ — крестикъ. Издали на солнцѣ, которое успѣло, наконецъ, побѣдить тучи и сіяло теперь ярко надъ этимъ опустѣлымъ царствомъ смерти, — крестикъ этотъ казался огненнымъ.

Чья-то рука украсила его весь, какъ странными цвѣтами, мѣдными чашечками отъ снарядовъ, и эти чашечки блестѣли теперь на солнцѣ. На могилѣ лежала драгунская каска...

Мѣстами попадаются окопы изъ плитняка. Близъ одного изъ такихъ окоповъ вырыта какъ бы отдѣльная ложа, въ которой есть даже сидѣнье: это, очевидно, для ротнаго. А невдалекѣ — опять крестъ съ русскимъ сигнальнымъ флагомъ, и на крестѣ тоже карандашомъ написано на соструганномъ деревѣ:

«Упокой, Господи, душу раба Твоего Григорія».

Надпись сдѣлана твердой рукой. Чья это была заботливая рука? Друга, брата, подчиненнаго или просто товарища? И кто былъ этотъ рабъ Григорій? Можетъ быть, тотъ самый ротный командиръ, для котораго вырыли отдѣльный окопецъ?

Разбитыя и цѣлыя ружья; каски и жестяные котелки и фляги, прострѣленныя пулями, телефонная проволока, снаряды и сотни другихъ средствъ и спутниковъ войны валяются грудами, валяются вмѣстѣ съ брошенными ранцами, аммуниціей, перевязочными средствами. И некому, да и не для чего все это убирать.

Сгніютъ трупы лошадей и людей, уйдутъ въ землю желѣзо, мѣдь и сталь. Землю распашутъ, какъ она была распахана раньше.

Когда же въ далекомъ будущемъ въ глубинѣ этой земли чья-нибудь рука отроетъ эти предметы, заржавѣвшіе и источенные временемъ, люди подивятся былому и, можетъ быть, не повѣрятъ въ то, что эта страшная война и была потому такъ грандіозна, что она велась противъ тѣхъ, кто вѣрилъ только въ одну силу — желѣза и въ одно удобреніе для земли — трупы и кровь.

СОРЪ ВОИНЫ.

Передо мною виситъ австрійская винтовка, заржавѣвшая и съ избитымъ ложемъ, австрійскій прострѣленный ранецъ, штыкъ и драгунская каска, а въ каждой сумочкѣ — двѣ пачки патроновъ, при чемъ одна пачка патроновъ съ темными ободками на мѣди: это пули думъ-думъ, которыми стрѣляютъ нѣмцы.

Всѣ эти предметы я нашелъ на полѣ битвы возлѣ Равы-Русской. Нашъ непріятель бросалъ ихъ во время отступленія. Цѣлые возы оружія и аммуниціи непріятельской были свезены нами съ полей сраженія, и все же ихъ тамъ еще много: они валяются въ окопахъ и около окоповъ. Въ мѣдныхъ каскахъ и ранцахъ полевыя мыши устраиваютъ свои гнѣзда, а тысячи ружей и патроновъ ѣстъ ржавчина, и вѣтеръ засыпаетъ землею и пескомъ.

Я смотрю на поднятые мною воинскіе доспѣхи, къ которымъ присоединилъ также и прострѣленную насквозь русскую флягу, и предо мною встаетъ Равское поле, съ его высокими холмами и безконечными окопами, съ безкрестными и отмѣченными крестами могилами, съ гніющими неубранными трупами лошадей, которыхъ днемъ терзаютъ вороны, а ночью—волки, прибѣгающіе изъ лѣсовъ, за холмами съ юга.

Оттуда наступали на непріятеля русскія войска, такія же дружныя и непреклонныя, какъ эти хвойные лѣса, которые не сломятъ никакія бури.

Всѣ эти вещи, которыя я подобралъ, какъ никому ненужныя, и которыя мнѣ разрѣшили взять домой и сохранять на память, конечно, принадлежали разнымъ лицамъ. Пожалуй, къ этимъ вещамъ можно присоединить и неотправленную открытку, адресованную какой-то Кларѣ Шютцъ. Только это имя и можно было разобрать на открыткѣ, остальное смыто дождемъ. Разнымъ людямъ принадлежали всѣ эти вещи и, Богъ знаетъ, остались ли эти люди въ живыхъ. Но они были на этихъ поляхъ, и я вижу ихъ совсѣмъ такъ, какъ-будто они передо мною живые.

И не только ихъ, но и сотни тысячъ подобныхъ имъ. Вижу огромную австрійскую армію подъ предводительствомъ генерала Ауфенберга, въ которой есть не только прусскіе солдаты, но и прусскіе офицеры, которые начинаютъ не довѣрять австрійцамъ.

Дѣйствительно, среди австрійскаго войска слишкомъ много славянъ, много русиновъ и поляковъ, которые ужъ слишкомъ часто сдаются въ плѣнъ русскимъ. Надо переслоить австрійскіе ряды прусскими солдатами, чтобы они безпощадно стрѣляли тѣхъ, кого швабы мысленно и между собою называютъ измѣнниками; надо безъ всякой пощады разстрѣливать всѣхъ, кто не только пожелаетъ сдаться, но и плохо сражается съ врагами.

Увы, прусская прослойка и прусскіе офицеры не помогли, и

не потому не помогли, что ничего нельзя было сдѣлать съ австрійскими славянами, которые будто бы не желаютъ сражаться съ русскими войсками. Можетъ быть, внутренно оно и такъ, но дисциплина военная держитъ ихъ въ такихъ мощныхъ тискахъ, что, если они и сдаются, то потому, что не сдаваться, оказывается, нельзя. Это хорошо узнали, въ этомъ могли убѣдиться и сами пруссаки, попавшіе въ плѣнъ вмѣстѣ съ австрійцами. Но безконечно больше, чѣмъ попадало ихъ русскимъ въ плѣнъ, безконечно больше погибало тѣхъ же австрійскихъ славянъ здѣсь, на поляхъ сраженія, и погибло съ воинской честью.

— Бездарность австрійскаго главнокомандующаго?

Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Онъ дѣлалъ все, чтобы противустоять побѣдоносному напору врага, который скатывается на нихъ, какъ горящая лава.

Правда, австрійскіе стратеги не всегда предвидѣли удары, наносимые имъ русскими. Часто эти удары падали совсѣмъ не оттуда, откуда ихъ ждали. Очевидно, русскій генералъ, въ рукахъ котораго находились всѣ нити движенія русскихъ войскъ, былъ талантливѣе. Но вѣдь Ауфенбергъ въ послѣднее время не одинъ вырабатывалъ планы борьбы, а въ совѣтѣ все съ тѣми же пруссаками. И, надо отдать имъ справедливость, они, будучи у себя дома, имѣли средства распоряжаться мѣстомъ, какъ хотѣли; они выбирали наиболѣе выгодныя позиціи, они заблаговременно имѣли возможность вырыть окопы въ тѣхъ направленіяхъ, въ какихъ считали это наиболѣе для себя выгоднымъ; они занимали лучшія высоты. Каждый домъ, каждое болотце и лѣсокъ служили имъ такъ, какъ они того желали, и люди, среди которыхъ они дѣйствовали, вѣдь это были ихъ подданные, въ каждой деревушкѣ, на каждой станціи и въ каждой усадьбѣ; вѣдь тамъ жили отцы, матери, дѣти, сестры и братья тѣхъ, кто сражался подъ знаменемъ съ австрійскимъ орломъ.

И, конечно, солдаты, родные этимъ людямъ, разбросаннымъ по деревушкамъ и хуторамъ, они старались изо всѣхъ силъ оградить ихъ отъ вражескаго нашествія, хотя бы ради того, чтобы потомъ имѣть возможность, не краснѣя, вернуться въ родныя хижины и поля, вернуться не добровольно сдающимися плѣнниками, а хозяевами полей.

И они дѣлали ради этого, что могли; они рыли окопы за окопами, мокли въ этихъ окопахъ по колѣна въ водѣ, голодные и

усталые отъ жестокихъ пораженій и преслѣдованія, они посылали тысячами снаряды своихъ гаубицъ въ русскія войска, надвигавшіяся на нихъ непреоборимымъ грознымъ строемъ, поражали ихъ бѣшено разрывающимися шрапнелями, обливали огненнымъ дождемъ пулеметовъ, а тѣ все наступали и наступали, какъ-будто ихъ велъ самъ Богъ, какъ разъ по тѣмъ путямъ, которые неизмѣнно вели къ побѣдѣ; и артиллерія ихъ метала свои смертельные снаряды съ такою вѣрностью, точно имъ помогалъ самый воздухъ, не допускавшій перелетовъ, и вѣтеръ, подхватывавшій ихъ тогда, когда они должны были упасть ближе, чѣмъ имъ было предназначено.

Австрійскіе окопы, начавшіеся отъ самаго Жолкева, перебѣгаютъ изъ полей къ лѣсамъ, минуютъ ихъ или скрываются въ нихъ, и опять выбѣгаютъ на просторъ, взбираются на взгорья, падаютъ со взгорьевъ въ низины.

А за ними неуклонно идутъ русскіе окопы. Мѣстами эти окопы такъ близки одинъ отъ другого, что волосы начинаютъ шевелиться на головѣ отъ одного представленія, какъ эти окопы создавались русскими.

Ясно, что было страшно трудно выбить австрійцевъ изъ занятыхъ ими позицій. Не помогала ни мѣткая артиллерійская стрѣльба, ни хитрые пріемы, чтобы обмануть бдительность противника.

Послѣ безплодныхъ попытокъ, послѣ цѣлаго дня оглушительной канонады, измученные, насквозь промокшіе, солдаты наши съ наступленіемъ сумерекъ прекращали стрѣльбу и обманывали противника внѣшнимъ миромъ и спокойствіемъ.

Съ обѣихъ сторонъ загорались костры, около которыхъ грѣлись продрогшіе солдаты, варились щи и кипятилась вода для чая. Потомъ погасали костры, тьма окутывала оба враждебные лагеря, и лишь фонарики санитаровъ печально двигались на полѣ битвы, освѣщая мертвыхъ, которыхъ надо было до зари предать землѣ, и раненыхъ, которыхъ надо было подобрать и снести на перевязочный пунктъ.

И вотъ, въ то время, какъ австрійскія войска засыпали въ окопахъ и на землѣ, думая, что враги ихъ такъ же отдыхаютъ, какъ и они, наши солдаты ползли впередъ и, продвинувшись, насколько возможно, рыли новые окопы, изъ которыхъ можно было бы безъ прежняго риска, послѣ тщетныхъ попытокъ выбить непріятеля огнемъ, броситься на него въ атаку, въ штыки.

Вотъ что означаютъ эти частые окопы русскихъ войскъ, вотъ какая непреоборимая, неустанная энергія скрывается за этими изломанными грядами земли. Тутъ каждая мелочь краснорѣчива, каждая, самая незначительная, вещица — говоритъ.

Около одного изъ окоповъ я увидѣлъ деревянныя ложки, тѣ самыя русскія деревянныя ложки, которыя наши солдатики носятъ за голенищами своихъ тяжелыхъ сапогъ.

Въ то время, какъ нѣмцы при такихъ обстоятельствахъ питаются консервами, жестяныя коробки отъ которыхъ валяются тысячами въ окопахъ и возлѣ окоповъ, наши солдатики любятъ похлебать щей и поѣсть каши. Когда возможно, имъ и доставляютъ эту роскошь изъ походныхъ кухонь.

Несомнѣнно, такъ было и на этотъ разъ.

Почему же ложки валяются на землѣ?

Одно изъ двухъ: или рядомъ съ ужинавшими, а то и среди нихъ разорвался снарядъ и положилъ ихъ всѣхъ на мѣстѣ, или, что вѣрнѣе, такъ какъ окопъ этотъ очень близко расположенъ къ непріятельскому, раздалась команда:

— Въ атаку!

И ѣвшіе не успѣли спрятать ложекъ и ринулись на врага съ ощетинившимися штыками.

Понятно, что передъ такимъ войскомъ врага долженъ былъ временами охватывать суевѣрный ужасъ, и этотъ ужасъ читается по тѣмъ путямъ, гдѣ австрійцы бѣжали отъ нашихъ войскъ.

Эти пути были не только усѣяны трупами, которые они не успѣвали зарывать, ранеными, которыхъ они бросали вмѣстѣ съ санитарными повозками, стѣснявшими ихъ бѣгство, но и всѣмъ, что мѣшало этому бѣгству, до сапогъ включительно.

Такъ они добѣжали до Равы-Русской. Здѣсь они заняли такія выгодныя для себя высоты, что рѣшили, собравъ всѣ свои силы, попытаться отразить врага во что бы то ни стало.

Дальше отступать на сѣверъ было уже невозможно: они знали, что тамъ должна была находиться люблинская армія. Непріятель заходилъ имъ въ тылъ. Приходилось или умереть, или сдать послѣднія поля Галиціи.

Они рѣшили лучше умереть, и, дѣйствительно, боролись отчаянно; боролись вплоть до того дня, до того момента, когда, наконецъ, убѣдились, что дальнѣйшая борьба безсмысленна, что армія ихъ разбита.

Тогда они бросились бѣжать.

И вотъ, я точно вижу этого солдатика, ранецъ котораго сейчасъ лежитъ передо мною, когда, услышавъ русскіе крики «ура» и топотъ тысячи приближающихся ногъ, выскочилъ онъ изъ окоповъ, полныхъ труповъ своихъ товарищей, сбросилъ тяжелый ранецъ изъ телячьей кожи и пустился бѣжать въ паническомъ ужасѣ туда, куда бѣжали тысячи другихъ его товарищей, бросая свою аммуницію и зарядные ящики.

Артиллеристы изо всѣхъ силъ хлестали лошадей, чтобы онѣ скорѣе везли подъ гору тяжелыя орудія и пулеметы, послѣднюю опору и защиту на случай погони. Но сломалось колесо повозки, и орудіе пришлось бросить.

Тутъ же брошенъ телефонъ, по которому еле-еле успѣли дать знать штабу объ ужасномъ пораженіи.

Кавалерія, оставшись безъ прикрытія, тоже бросилась прочь отъ врага, и эта тяжелая каска съ чернымъ развѣвающимся султаномъ слетѣла съ драгуна въ то время, какъ конь его взвился на дыбы отъ удара острыхъ шпоръ и ринулся вдаль туда, куда спѣшили безпорядочно и растерянно остатки разбитыхъ австрійскихъ войскъ, туда, гдѣ синѣли родные Карпаты.

Солдаты бросаютъ свои винтовки. Тотъ, кто надѣется еще, что винтовка можетъ пригодиться, или считаетъ позоромъ бросить оружіе, которое должно быть священно для солдата, поневолѣ отстаетъ отъ тѣхъ, кто бросилъ все и кому, такимъ образомъ, легче бѣжать.

Этихъ отсталыхъ нагоняютъ наши солдаты—колютъ ихъ штыками, рубятъ шашками.

На винтовкѣ, оставшейся у меня, глубокія царапины, какъ-будто по ея деревянному ложу ударилъ острый русскій штыкъ и выбилъ ее изъ рукъ солдата.

И очень можетъ быть, когда я съ этой винтовкой проходилъ мимо вагона, гдѣ везли плѣнныхъ австрійскихъ солдатъ, среди нихъ былъ и хозяинъ этой винтовки, которому ничего не оставалось, какъ сдаться въ плѣнъ, оставшись безъ оружія.

* * *

Съ глубокимъ чувствомъ печали за пролитую кровь и за павшихъ и гордости за нашего солдата и за одержанную нами великую побѣду покидалъ я кровавое равское поле.

Съ благоговѣніемъ снялъ я шапку передъ этими жалкими, наскоро поставленными крестами и безкрестными могилами, въ которыхъ полегли и наши и враги и наши святые защитники.

Смерть примирила ихъ. Земля ихъ породнила. И можетъ быть, и дай Богъ, чтобы въ этихъ кровавыхъ жертвахъ былъ залогъ новой жизни для будущаго новаго братскаго единенія славянъ.

СОКАЛЬ И ВЛАДИМІРЪ-ВЛЫНСКІЙ.

Сокаль произвелъ на меня впечатлѣніе маленькаго свѣтлаго городка, удивительно живописнаго съ своимъ старымъ костеломъ на высокомъ зеленомъ берегу, гдѣ дома кажутся построенными для людей, далекихъ отъ всякой суеты и движенія, для людей, которые какъ-будто вовсе не борятся здѣсь за свое существованіе и благополучіе, какъ повсюду въ мірѣ, а отдыхаютъ послѣ борьбы на покоѣ.

Даже сожженный деревянный мостъ черезъ рѣку не производитъ тяжелаго и мрачнаго впечатлѣнія, несмотря на обгорѣлые пни, торчащіе изъ воды. Сожженъ, значитъ, такъ и надо: такимъ образомъ, уничтожена до нѣкоторой степени связь съ той стороной, гдѣ зыбь отъ войны чувствуется сильнѣе, гдѣ глубже слѣды непріятельскаго господства, которому, однако, теперь положенъ предѣлъ не только здѣсь, но и въ глубинѣ Галиціи. Чтобы покончить съ этими австрійскими слѣдами, упомяну лишь о Владимірѣ-Волынскомъ, откуда враги наши уползли съ больно ущемленнымъ хвостомъ.

Они подошли къ Владиміру-Волынскому со стороны Порѣцка, сжигая на пути своемъ села, угоняя скотъ и разоряя жителей.

Подъ Суходольскимъ лѣсомъ установили свою артиллерію и стали посылать снаряды въ городъ, намѣреваясь, прежде всего, разрушить вокзалъ, съ прилегающими къ нему зданіями и желѣзнодорожнымъ путемъ, административныя учрежденія Владиміра-Волынскаго и казармы.

Но, несмотря на близость разстоянія (не болѣе шести верстъ отъ города), артиллерія ихъ дѣйствовала плохо. Весь день, съ 10 часовъ утра до 6 час. вечера, палили они изъ пушекъ, но снаряды

падали или въ близлежащія болота, или въ Луценскій садъ. Изъ пятисотъ выпущенныхъ ими снарядовъ ни одинъ не причинилъ существеннаго вреда ни городу, ни людямъ. Большинство снарядовъ даже не разрывались, а если и разрывались, то лишь ради трагикомическихъ эффектовъ.

Такъ, одинъ снарядъ разорвался на улицѣ, по которой шла супружеская пара.

Страшный трескъ раздался позади ихъ, и въ ту же минуту на женщинѣ загорѣлся большой платокъ.

Спутникъ ея моментально сорвалъ горящій платокъ съ ея головы и, оглянувшись назадъ, плюнулъ на то мѣсто, гдѣ снарядъ сдѣлалъ небольшую воронку:

— Вотъ проклятые! — съ досадой крикнулъ онъ. — Только улицы портятъ, да убытки причиняютъ бѣднымъ людямъ!

Это похоже на анекдотъ, но другой эпизодъ тѣхъ же дней въ отношеніи австрійцевъ еще болѣе анекдотиченъ.

Несмотря на то, что австрійцевъ была цѣлая дивизія, а нашихъ войскъ всего лишь одинъ полкъ, австрійцы не смѣли войти въ городъ и посылали въ окрестности, съ большой осторожностью, свои разъѣзды.

Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ подстерегъ двѣ нашихъ дрезины, направлявшіяся къ Ладнову. Въ первой былъ офицеръ, успѣвшій благополучно проскочить черезъ мостъ. Австрійскія пули не догнали офицера. Зато мостъ австрійцами былъ взорванъ, и вторая вагонетка съ нашими солдатами остановилась передъ самымъ проваломъ.

Австрійскіе драгуны окружили вагонетку и захватили нашихъ солдатъ врасплохъ.

— Сдавайтесь!

Тѣхъ было всего 6 человѣкъ. Австрійцевъ — 40.

Солдаты принуждены были сдаться.

Австрійцы погнали ихъ черезъ лѣсъ, чтобы не наткнуться по открытому пути на русскія войска.

Встрѣтили повозку, отняли лошадей, прогнали хозяина.

Измученныхъ солдатъ, которые должны были пѣшкомъ слѣдовать за австрійскими всадниками, бросили въ повозку, предварительно связавъ ихъ по рукамъ и ногамъ.

Повозка покатилась по скверной лѣсной дорогѣ къ австрійско-

му лагерю. Правилъ ею однимъ изъ плѣнныхъ солдатъ, которому оставили руки не связанными.

Онъ безъ толку дергалъ лошадь и умышленно задерживалъ ея ходъ, стараясь, однако, показать, что ничего не можетъ подѣлать съ лѣнивой скотиной.

Закатывалось солнце. Послѣдніе лучи его скользили по стволамъ деревьевъ. Быстро погасла вечерняя заря, и сумерки стали окутывать лѣсъ.

Солдатъ повернулъ на перекрестную дорогу.

Одинъ изъ австрійцевъ, говорившій по-польски, обратился къ возницѣ-поляку:

— Ты куда же это поворотилъ?

— Какъ куда?! — отвѣтилъ тотъ, съ наивно-добродушнымъ лицомъ. — Вѣдь вы же не къ намъ, небойсь, насъ ведете?

— Ну, разумѣется, не къ вамъ, болванъ.

— Такъ вотъ, я свернулъ туда, куда надо. Развѣ намъ неизвѣстно, что вы стоите подъ Суходольскимъ лѣсомъ?

— А развѣ эта дорога ведетъ къ Суходольскому лѣсу?

— А то какъ же?!

Австріецъ посмотрѣлъ на карту, на компасъ, перекинулся нѣсколькими словами съ своими и съ кривой усмѣшкой обратился къ русскому солдату:

— Хорошо. Вотъ что я скажу тебѣ и всѣмъ твоимъ товарищамъ: если вы приведете насъ куда надо, мы вамъ дадимъ свободу; если нѣтъ, все равно, вамъ отъ этого пользы будетъ мало: мы васъ убьемъ, а сами ускачемъ.

— Вотъ еще! — отвѣтилъ солдатъ. — Чай, намъ жизнь-то дорога. Не изъ камня сдѣланы. Развѣ мы этого сами не понимаемъ...

— Все-таки передай это своимъ товарищамъ.

Тотъ передалъ по-своему, и товарищи поняли его и закивали головами въ знакъ согласія.

— А теперь—впередъ, если ты, дѣйствительно, хорошо знаешь дорогу, — скомандовалъ австрійскій офицеръ.

— Еще бы не знать! — отвѣтилъ нашъ солдатъ. — Какъ свой карманъ знаю.

И погналъ лошадь.

Ни у кого изъ этихъ шести плѣнныхъ связанныхъ русскихъ солдатъ не оставалось сомнѣнія или тѣни надежды, что они оста-

нутся жить. Имъ не нужно было словъ своего возницы, чтобы понять, какъ надо поступить въ подобномъ случаѣ: достаточно было взглядовъ, которыми перекинулись они, обрекая себя на вѣрную смерть, но зато спасая воинскую честь свою и свято выполняя свой солдатскій и человѣческій долгъ.

Но судьбѣ угодно было пощадить героевъ за подвигъ, на который сами они смотрѣли, конечно, какъ на дѣло обычное и болѣе, чѣмъ естественное.

Когда повозка съ плѣнными приблизилась къ нашимъ незамѣтнымъ въ темнотѣ окопамъ на лѣсной опушкѣ, сопровождаемая австрійскими всадниками, наши замѣтили этотъ необыкновенный кортежъ.

Но и австрійцы догадались, что дѣло не ладно.

— Ты куда же это привелъ насъ?! — крикнулъ офицеръ.

— Куда надо, туда и привелъ! — отозвался солдатъ и, хлестнувъ изо всей силы лошадь, свистнулъ такъ, какъ умѣютъ свистѣть только русскіе.

И въ ту же минуту изъ окоповъ грянули наши выстрѣлы. Свалился офицеръ. Забились раненыя лошади.

Остальные австрійцы хотѣли ускакать, но вслѣдъ имъ бросились наши казаки.

Растерянные и одураченные всадники заметались, не зная, куда броситься, ища спасенія, но казаки нагнали ихъ пулями и пиками. Тѣхъ, которые остались цѣлы, взяли въ плѣнъ.

Ни одинъ изъ нашихъ не пострадалъ, не исключая и связанныхъ, чудомъ освободившихся плѣнниковъ.

***

На второй день послѣ нашествія австрійцевъ на Владиміръ-Волынскій пришла русская артиллерія и заняла позицію около вокзала и въ самомъ вокзалѣ. Но пришла артиллерія ночью. Австрійцы и не подозрѣвали этого. Ихъ разъѣзды теперь дѣйствовали съ утра, а съ полудня гремѣли орудія, безплодно сотрясая воздухъ.

Изъ серьезныхъ поврежденій можно было считать лишь поврежденія желѣзнодорожной водокачки. Остальными снарядами продолжали они засѣвать близлежащія болота.

На третій день, едва забрезжилъ свѣтъ, грянули наши орудія.

Видно было, какъ растерянно зашевелились австрійцы, чуя свое пораженіе.

Орудія у нихъ были малокалиберныя, и не имъ было тягаться съ нашимъ огнемъ.

Надо было поскорѣе уносить ноги.

И вотъ съ нашей позиціи можно было ясно наблюдать, какъ австрійцы старались спасти свои орудія: подбѣгутъ съ лошадьми къ пушкамъ,—въ эту минуту гремитъ наше орудіе, гудитъ и воетъ снарядъ, и австрійцы улепетываютъ съ лошадьми назадъ.

Такъ пытались они цѣлый день вырвать изъ нашего огня свои орудія, и эти попытки не всегда сходили имъ счастливо.

Нѣсколько лошадей было убито. Австрійская дивизія также понесла большія потери.

Множество австрійскихъ убитыхъ и раненыхъ было обнаружено подъ Суходольскимъ лѣсомъ и въ самомъ лѣсу послѣ того, какъ австрійцы ночью ушли, преслѣдуемые нашими войсками.

Они отступали въ паникѣ, свидѣтельствомъ чего служитъ то, что многіе изъ нихъ заблудились въ лѣсу и скрывались тамъ, питаясь грибами и кореньями.

Къ мѣстному помѣщику явился австрійскій офицеръ. Онъ походилъ на тѣнь и еле держался на ногахъ отъ усталости и голода.

Пришелъ и прежде всего спросилъ ѣсть.

Его накормили.

Тогда онъ разсказалъ, что потерялъ лошадь, заплутался въ лѣсу, прожилъ тамъ много страшныхъ дней и ночей, стараясь найти путь къ своимъ, но это не удалось.

Чувствуя, что ему грозитъ голодная смерть, онъ рѣшился пойти къ русскимъ, разсчитывая на ихъ великодушіе.

Помѣщикъ посовѣтовалъ ему сдаться въ плѣнъ. Тотъ согласился. Его привезли во Владиміръ-Волынскій.

ВАРШАВА, МЫ И НѢМЦЫ.

I.

Я вернулся съ полей сраженія изъ-подъ дер. Мѣховицы, верстахъ въ двадцати пяти отъ Скерневицъ. Лишь накапунѣ оттуда прогнали пруссаковъ, и трупы ихъ валяются на горѣ подъ лѣсомъ и въ самомъ лѣсу.

Наши солдаты по мѣрѣ силъ подбираютъ ихъ и предаютъ землѣ, но за одинъ день убрать всѣхъ невозможно, и поле чернѣетъ трупами, окоченѣвшими въ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко чудовищныхъ позахъ.

Одинъ изъ офицеровъ мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ сидя прислонившагося къ дереву прусскаго офицера, который смотрѣлъ впередъ остеклянѣвшимъ взглядомъ, съ судорожно сжатыми пальцами, въ которыхъ держался заряженный револьверъ.

Тамъ и сямъ валяются отрубленныя шашками и оторванныя снарядами руки и ноги. Есть трупы съ отсѣченными головами, лица безъ носовъ, безъ глазъ, безъ нижней челюсти.

Но это зрѣлище не самое важное изъ всего, что мы увидѣли и узнали въ день пятнадцатаго октября.

Самое огромное, трогательное, незабвенное впечатлѣніе произвела на меня раздача георгіевскихъ крестовъ подъ открытымъ небомъ героямъ полка, отличившимся подъ Казимиржемъ.

Отъ этого полка какъ бы шло на меня дыханіе великой силы, почти святости кроткихъ самоотверженныхъ душъ, безконечно трогательныхъ въ своей простотѣ и беззавѣтности.

Но я подойду къ этому новому для меня величественному событію, а пока по порядку отмѣчу весь путь, по которому гнали до этого дня наши войска пруссаковъ, весь путь отъ самой Варшавы и почти до самаго Глуховца.

II.

По пути въ Варшаву на вокзалѣ въ Брестѣ мы застали громадную толпу пассажировъ, возвращавшихся послѣ вторично пережитой варшавянами паники.

Помимо пруссаковъ, сложившихъ свои самоувѣренныя головы на поляхъ битвъ подъ Варшавой и дальше на сотню верстъ, каждый день ведутъ и везутъ оттуда ихъ раненыхъ и плѣнныхъ, везутъ не только солдатъ, но и офицеровъ и высшихъ чиновъ. Въ Варшаву прибыло нѣсколько автомобилей съ этимъ дорогимъ прусскимъ грузомъ, и особенное вниманіе и любопытство возбуждалъ толстый прусскій генералъ, котораго сопровождали два казака съ пиками.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ я возвращаюсь въ Варшаву третій разъ. И каждый разъ застаю ее въ новомъ настроеніи.

Въ первый разъ, послѣ пережитой паники при самомъ началѣ войны, Варшава казалась успокоившейся. Частью возвратились, частью возвращались обратно вслѣдъ за администраціей варшавскіе граждане, — и жизнь, какъ рѣка, входила въ свои берега, почти умиротворенная, хотя не вполнѣ еще отстоявшаяся.

Затѣмъ, по возвращеніи изъ Кѣлецкой, Радомской и Люблинской губерній, откуда только что отступили послѣ перваго нашествія наши враги, я засталъ Варшаву нѣсколько энервированной нѣмецкимъ цеппелиномъ, бросившимъ въ городъ три бомбы, принесшія зло небольшое, сравнительно съ тѣмъ, что эти бомбы могли натворить.

И, наконецъ, теперь я нахожу Варшаву въ возбужденномъ и повышенномъ, почти торжественно-радостномъ настроеніи послѣ вновь пережитой и, пожалуй, еще болѣе острой паники, чѣмъ въ началѣ. Эта острота зависѣла не столько отъ того, что для нея было больше основаній, чѣмъ въ первый разъ, сколько оттого, что люди изнервничались и готовы были устало поддаться отчаянію послѣ безконечныхъ колебаній и сомнѣній.

Враги были такъ близко, что грохотъ выстрѣловъ заставлялъ дрожать стекла въ самой Варшавѣ. И еще болѣе дрожали сердца варшавянъ, не постигавшія, какъ можно было допустить врага такъ близко.

Значитъ...

Но, какъ разъ въ тотъ день, когда всѣ готовы были съ горечью подвести ужасный итогъ, русскія войска однимъ свѣжимъ и сильнымъ порывомъ отбросили врага отъ Варшавы и погнали его прочь, все дальше съ каждымъ новымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Теперь Варшава повѣрила.

Это вы не только видите, слышите, но и чувствуете. Варшава повѣрила во все: и въ силу русскаго оружія, и въ ревниво-заботливую любовь къ себѣ—огромной, властной, нетерпѣливой, но непоколебимо-твердой Россіи.

Первый, почти влюбленный восторгъ, съ которымъ Варшава встрѣтила первыя русскія войска, принялъ болѣе углубленный и стойкій характеръ. Теперь, что бы тамъ ни было, Варшава не усумнится, не содрогнется отъ сознанія одиночества и беззащитности. Она знаетъ, что на могучемъ древѣ русской жизни — она, а съ ней и вся Польша, такъ мужественно несущая мученическій

вѣнецъ свой, Польша, на живомъ тѣлѣ которой идетъ эта великая война,—она родная, израненная вѣтвь, которую не дадутъ навсегда оторвать хищнымъ рукамъ, которую не допустятъ погибнуть.

По возвращеніи изъ Галиціи мнѣ предстояло самому воочію убѣдиться, насколько истерзана, но вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчиво предана Россіи Польша. И одновременно убѣдиться также и въ томъ еще разъ, насколько сильна и беззавѣтно воодушевлена въ этой войнѣ наша славная героическая армія.

Я выѣхалъ изъ Варшавы въ автомобилѣ рано утромъ.

Еще городъ не вполнѣ ожилъ. Дворники убирали улицы, но магазины и кафе были закрыты, и трамваи, обыкновенно биткомъ набитые пассажирами, двигались почти пустые по мокрымъ отъ ночного тумана рельсамъ. Ничто не препятствовало ихъ движенію, и они, въ свою очередь, не нарушали городской тишины своими тревожными звонками.

Мальчикъ-газетчикъ, сонный и дрожащій отъ холода въ своей жалкой курточкѣ и коротенькихъ штанишкахъ, сунулъ мнѣ въ руку только что вышедшую изъ типографіи, еще сырую газету, въ которой я успѣлъ прочесть, что наши войска оттѣснили непріятеля отъ Скерневицъ.

Но какъ ни быстры телеграфъ и печатный станокъ, они не могли угнаться за побѣдоноснымъ движеніемъ нашей арміи, неустанно вытѣснявшей изъ занятыхъ предѣловъ непріятельскія войска, дравшіяся съ ожесточеніемъ и упорствомъ, которыя могло сломить только героическое и беззавѣтно-самоотверженное шествіе нашей арміи къ побѣдѣ или смерти.

III.

Утро было сѣренькое, осеннее. Низко надъ городомъ плыли мглистыя непривѣтливыя облака, и скользки и влажны были отъ сырости, которая шла отъ нихъ, не только крыши домовъ, но и мостовыя.

Тяжело погромыхивая по блестѣвшимъ отъ сырости камнямъ, потянулся военный обозъ, такой сѣрый и хмурый послѣ безсонной ночи, точно онъ, съ своими усталыми лошадьми, возами, покрытыми сѣрымъ брезентомъ и сѣрыми солдатами, вышелъ изъ этихъ же сѣрыхъ облаковъ, особенно тяжело сгрудившихся на горизонтѣ.

За обозомъ гнали цѣлое стадо коровъ, тоже сѣрое и унылое.

Все это двигалось через Варшаву туда же, куда направлялись и мы, къ боевымъ позиціямъ, гдѣ наши войска, не думая о славѣ, прославляютъ себя на весь міръ и на вѣка въ будущемъ.

Автомобиль нашъ выбралъ минуту, когда обозная цѣпь прервалась, ринулся въ этотъ прорывъ и помчался вонъ изъ города съ такой быстротой, что вѣтеръ засвистѣлъ въ ушахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были за городомъ, и автомобиль мчался по шоссе, мимо приземистыхъ зданій предмѣстья, мимо кирпичныхъ заводовъ съ высокими закопченными трубами, мимо огородовъ съ неубранной зелено-сизой капустой и сжатыхъ и вытоптанныхъ полей.

Огромная разрушенная вѣтряная мельница тяжелой и мрачной грудой обломковъ лежитъ направо отъ шоссе, по которому стремительно и плавно несется нашъ автомобиль.

Еще такъ недавно эта мельница важно размахивала крыльями и размалывала зерна, попадавшіяся подъ ея мѣрно вращавшіеся камни.

То же случилось и съ нѣмецкой арміей, подступившей къ Варшавѣ. Пока она механически перемалывала мелкія зерна, ея черныя тяжело поднимавшіяся и опускавшіяся крылья производили внушительное впечатлѣніе. Но при первомъ же натискѣ нашихъ силъ она оказалась вовсе не столь грозной. Правда, рухнувъ, она задѣла больно и насъ, но нѣтъ борьбы безъ жертвъ. Жертвы еще будутъ, будутъ печали и пораженія, но окончательно побѣдимъ мы.

Война—искусство, и творческій элементъ играетъ въ ней великую роль. Для творчества нужна соотвѣтствующая атмосфера, а съ этой стороны русская армія обезпечена. Ни въ одной войнѣ не наблюдалось такого высокаго подъема, какъ въ нынѣшней, и не только каждый солдатъ,—каждый гражданинъ нашей родины зажженъ нынѣ огнемъ пламени Божія, карающаго и гнѣвнаго для тѣхъ, кто явился гасителемъ его. Сознательно или безсознательно, онъ несетъ это пламя въ своемъ сердцѣ, и оно даетъ ему силу самоотверженно и бодро итти на страданіе и смерть съ свѣтлой вѣрой въ будущую обновленную жизнь.

Пусть скептики съ сомнѣніемъ качаютъ головами. Безъ этой вѣры немыслима была бы нынѣшняя чудовищная война. Немыслимо было бы даже оставаться свидѣтелемъ ея и не сойти съ ума. Для этихъ ужасовъ войны, для этихъ кровавыхъ жертвъ необходимо оправданіе, и оно есть.

IV.

Въ ненастные осенніе дни поля битвы, со всѣми нѣмыми свидѣтельствами и знаменіями ихъ, производятъ особенно печальное впечатлѣніе.

Нынче именно такой день. Тучи расползлись по всему небу и движутся низко-низко надъ землей, точно готовятся раздавить ее. Дуетъ сырой вѣтеръ, срываетъ желтые листья съ полуобнаженныхъ деревьевъ, крутитъ въ воздухѣ, какъ истлѣвшіе лоскутки когда-то пышной ткани, и устилаетъ ими землю, промокшую отъ дождей и пропитанную человѣческой кровью. Дорога, съ которой колеса автомобилей и экипажей уносятъ эти листья, или вѣтеръ сдуваетъ ихъ, эта дорога черна, какъ траурный флеръ. Зато по бокамъ ея, на поляхъ эти листья желтѣютъ мягкой сплошной парчей. Природа какъ-будто стремится этой парчей покрыть глубокія раны земли въ видѣ окоповъ и глубокихъ круглыхъ ямъ отъ снарядовъ, засыпать неубранные трупы лошадей и людей, даже покрыть бѣдные деревянные кресты, выросшіе вдоль нашего пути.

Но все это остается и безмолвно вопіетъ къ небу. Надо время, чтобы всѣ эти раны закрылись. Можетъ быть, даже не особенно много времени. Жизнь неистощима въ своей энергіи, и едва поля очистились отъ дравшихся полчищъ, какъ на нихъ уже опять идетъ мирная и дѣятельная работа. Тамъ распахиваютъ истоптанныя поля, здѣсь убираютъ картофель и капусту, случайно уцѣлѣвшія отъ сотенъ тысячъ ногъ солдатскихъ, широкими взмахами разбрасываютъ зерно по землѣ, на которой еще валяются разорвавшіеся и неразорвавшіеся снаряды, пули, патроны и прочій страшный соръ войны.

Всего нѣсколько дней тому назадъ тысячи людей шли и ѣхали сюда изъ Варшавы, чтобы подбирать этотъ соръ, посмотрѣть жадными глазами на вздувшіеся трупы лошадей, все еще валяющихся близъ дороги съ растерзанными внутренностями, съ окровавленными боками, посмотрѣть любопытными глазами на братскія могилы павшихъ воиновъ, можетъ быть, поклониться имъ и хоть однимъ уголкомъ души пріобщиться къ таинству смерти на полѣ битвы, которая оставила здѣсь обильную жатву.

Теперь это паломничество запрещено. Кругомъ довольно пусто и уныло. Тучи, вѣтеръ да вороны летаютъ надъ полями и лишь по широкимъ дорогамъ все идутъ и идутъ сѣрыя молчаливыя войска, тянутся обозы безконечные, да проносятся военные автомобили съ красными крестами и безъ крестовъ.

ПО СЛѢДАМЪ ВРАГА.

Верстахъ въ 6—7 отъ города мы повернули къ станціи Плахотинъ, и здѣсь глазъ, уже наметавшійся на картинахъ бранныхъ полей, сразу узналъ ихъ не только по оставшимся опустѣлымъ окопамъ и кое-гдѣ рисовавшимся бѣднымъ крестамъ изъ свѣжаго дерева, но и по тѣмъ мелочамъ, въ родѣ разбитаго, разорваннаго сапога или солдатской фуражки, которыя, какъ знакомые намеки, возстановляютъ картины войны, кровавыя и печальныя.

Въ широкомъ полѣ, неподалеку отъ большого стога сѣна, стоитъ деревянный крестикъ: это братская могила. Здѣсь схоронены двѣнадцать нашихъ солдатъ пулеметной роты. Они погибли вмѣстѣ съ полковникомъ Поповымъ, убитымъ изъ револьвера прямо въ сердце.

А вотъ и самый пулеметъ нашъ.

Разбитый непріятельскимъ снарядомъ, онъ стоитъ у самаго желѣзнодорожнаго пути, ведущаго изъ Варшавы къ станціи Блони.

Слѣды пуль видны не только на его стѣнкахъ, но и на колесахъ. Тутъ же запеклась лошадиная кровь густыми жирными пятнами. Окопы подходятъ къ самымъ шпаламъ. Около окоповъ валяются солдатскіе сухари. На грязномъ днѣ одного окопа поблескиваютъ нѣсколько свѣтлыхъ пуговицъ: видно, сидѣвшій въ этомъ окопѣ раненъ былъ въ грудь или животъ, и некогда ему было разстегивать терпѣливо пуговицу за пуговицей; онъ оторвалъ ихъ однимъ судорожнымъ движеніемъ, обнажая для перевязки свою рану.

Тутъ же, подлѣ окоповъ, опять кресты.

На одномъ карандашомъ написано:

З д ѣ с ь п о г р е б е н ы д в а с т р ѣ л к а N... п о л к а.

А немного ниже:

С п и т е м и р н о, г е р о и-с т р а д а л ь ц ы.

И рядомъ еще крестъ со знаками офицерскаго званія, снятыми съ погона:

Здѣсь погребенъ командиръ роты, капитанъ N... полка.

И то же напутствіе:

Спи мирно, герой-страдалецъ.

— А вѣдь это портъ-артурскій полкъ. И этого капитана я знаю, — говоритъ мой товарищъ, полковникъ Шумскій, получившій за свои боевые подвиги въ Портъ-Артурѣ золотое оружіе.

И онъ печально снимаетъ фуражку. И всѣ вслѣдъ за нимъ грустно склоняемъ головы надъ этими свѣжими могилами большею частью безымянныхъ героевъ.

Поименно называютъ только офицеровъ, да и то не всегда. Остальные — просто солдаты-товарищи, нижніе чины. Для перечисленія ихъ именъ на маленькомъ крестѣ братской могилы не хватило бы и мѣста. Да и то сказать, имена нужны лишь для памяти, а не для человѣческаго блага, не для блага родины, за которую они положили душу свою.

Какъ это страшно близко отъ Варшавы!

И подумать, что враги были тутъ, что всего какіе-нибудь два часа пути отдѣляли ихъ отъ прекраснаго, полнаго жизни города.

Рядомъ со станціей свеклосахарный заводъ съ цѣлыми горами наваленной здѣсь свеклы.

Говорятъ, на крышѣ его стояли нѣмецкіе пулеметы. Полукруглые окопы указываютъ на присутствіе здѣсь ихъ артиллеріи, которая, по словамъ мѣстныхъ жителей, издавала такой страшный грохотъ, что изъ оконъ вылетали стекла.

Деревянные заборы вблизи завода испещрены отверстіями отъ пуль: это слѣды наступленія нашихъ войскъ.

Вокругъ него цѣлое село Юзефово. Здѣсь почти всѣ стѣны и заборы изгрызены и пронизаны пулями. Жители съ ужасомъ разсказываютъ о грохотѣ орудій, трескѣ пулеметовъ и щелканьѣ винтовокъ, о всемъ томъ гремящемъ огненномъ адѣ, въ которомъ имъ пришлось пробыть нѣсколько дней.

Но еще болѣе страшный адъ впереди, въ деревнѣ Ракитно.

Сѣрыя тучи иногда чуть-чуть брызжутъ дождемъ. Желтые листья тихо падаютъ съ вѣтокъ, уже наполовину обнаженныхъ... Эти

желтые листья устилают землю, падают въ грязный ручей, текущій въ заводской канавѣ, и безпомощно несутся по водѣ.

Насъ провожаетъ мѣстный фельдшеръ, который подробно разсказываетъ о сраженіи, о томъ, какъ онъ самъ перевязывалъ болѣе пятидесяти человѣкъ раненыхъ, но по недоразумѣнію былъ арестованъ русскими какъ шпіонъ, вмѣстѣ съ тридцатью другими мѣстными жителями. Ихъ могли разстрѣлять.

— На войнѣ некогда особенно внимательно вникать въ суть дѣла, — говоритъ онъ покорно. — Однако, насъ отправили въ штабъ, тамъ разобрали дѣло и отпустили всѣхъ.

Фельдшеръ ведетъ насъ по дорогѣ въ Ракитно, которое отъ завода Юзефова не болѣе какъ верстахъ въ двухъ.

По пути валяются еще неубранныя лошади съ вздутыми животами, съ выступающими наружу внутренностями. По дорогѣ и вдоль нея — воронкообразныя ямы отъ снарядовъ. Дальше — кресты, кресты надъ братскими могилами. Кресты направо и налѣво.

Около лѣса только на-дняхъ нашли трупъ русскаго солдата. Онъ былъ раненъ въ високъ навылетъ, какъ разъ тогда, когда сидѣлъ на травѣ и ѣлъ хлѣбъ.

Корка хлѣба такъ и осталась въ его окоченѣлой рукѣ. И на этой коркѣ хлѣба ясно обозначились слѣды его молодыхъ, крѣпкихъ зубовъ, которые были ощерены, когда нашли здѣсь этотъ трупъ, точно онъ смѣялся надъ вѣчной человѣческой заботой о кускѣ хлѣба, равно и о клочкѣ земли, изъ-за чего люди убиваютъ другъ друга.

За могилами открывается село Ракитно, и прежде всего въ глаза бросается костелъ, вѣрнѣе сказать, то, что было костеломъ.

Теперь это мрачная развалина, однако, нисколько не похожая на тѣ древнія развалины, въ которыхъ всегда столько красоты и поэзіи.

Время умѣетъ разрушать медленно и художественно, оставляя всегда то, что составляетъ душу разрушеннаго, будь то природа, или созданіе рукъ человѣческихъ. Самъ же человѣкъ разрушаетъ всегда безобразно, и на гибельныя дѣла рукъ его всегда страшно смотрѣть.

На фонѣ сѣраго неба, бросающаго изрѣдка мелкія и холодныя капли дождя прямо въ лицо, эти развалины костела стоятъ мертвыми обломками — свидѣтелями смертельной человѣческой борьбы.

Онѣ какъ бы замыкаютъ шоссе, дорогу жизни, и только братскія могилы передъ ними съ свѣже вырубленными крестами возвышаются, какъ родные, обгорѣлымъ мертвымъ камнямъ.

Пять вѣковъ молились въ этомъ костелѣ вѣрующіе. Изъ маленькаго и бѣднаго онъ выросъ въ большой и пышный храмъ. Но запылала война, и храмъ вѣры, храмъ молитвы буквально пруссаки обратили въ вертепъ разбойниковъ. Они поставили на колокольнѣ и башняхъ его пулеметы, а изъ узенькихъ цвѣтныхъ оконъ, въ которыхъ такъ любило играть солнце, сдѣлали обоймы для пушекъ и ружей.

Но стѣны храма не спасли ихъ; всѣ они погибли тамъ отъ русскихъ снарядовъ и штыковъ. Дважды русскіе выбивали ихъ изъ этой надежной крѣпости и дважды они возвращались туда. Въ послѣдній разъ — костелъ послужилъ всѣмъ имъ могилой. Онъ взятъ былъ приступомъ русскими стрѣлками.

На могильныхъ холмикахъ посажены маленькія елочки, а на крестахъ — то фуражки убитыхъ, то части погонъ, и на всѣхъ — надписи, однообразныя и грустныя, какъ тѣ, что я привелъ выше.

Только количество зарытыхъ здѣсь въ сотни разъ превосходитъ прежнія могилы.

— 274 человѣка, павшихъ при штурмѣ Ракитно со своимъ славнымъ героемъ, артурцемъ, командиромъ полка, во главѣ съ гг. офицерами.

Имя этого славнаго героя командира — Рожанскій.

И опять нашъ спутникъ, полк. Ш—ій, вспоминаетъ храбраго товарища портъ-артурца. И опять къ глазамъ приливаютъ слезы, и вырывается тяжелый вздохъ.

Полковникъ Рожанскій наканунѣ атаки заявилъ:

— Можетъ быть, я буду убитъ, но, клянусь честью, не оставлю ни одного нѣмца въ костелѣ.

И онъ исполнилъ клятву чести свято.

Первымъ ворвался онъ въ костелъ. За нимъ бросились его офицеры и солдаты.

И первымъ онъ палъ на каменныя плиты костела отъ пули, угодившей ему прямо въ сердце.

За нимъ погибли офицеры. Солдаты одни продолжали упорную, смертельную атаку. Нѣмцы, потрясенные этой нечеловѣческой отвагой, отступили, оставивъ множество убитыхъ и раненыхъ въ самомъ костелѣ и по пути отступленія.

Имя полковника Рожанскаго не забудется не только его товарищами-офицерами, но и всѣми, кому дорога слава родины нашей и ея доблестныхъ защитниковъ, такъ же, какъ и имена героевъ-офицеровъ:

Капитанъ Старсенъ.

Поручикъ Андреевъ.

Зауряд-прапорщикъ, герой Портъ-Артура Сабаевъ...

Подпоручикъ Солыгнинъ.

Солдатскихъ именъ нѣтъ — ни православныхъ, надъ которыми стоитъ братскій крестъ, ни еврейскихъ, надъ которыми возвышается знакъ звѣзды, печать Соломонова. Они имѣютъ одно общее имя — русскій народъ.

V.

Но, конечно, тутъ схоронены далеко не всѣ убитые. Много ихъ, и русскихъ и нѣмцевъ, схоронено подъ развалинами костела, грудами камней возвышающимися у его подножья.

Конечно, современемъ отроютъ ихъ трупы, но пока самая эта работа близъ развалинъ не безопасна. Каждую минуту готовы рухнуть хрупкіе обломки высокихъ стѣнъ и придавить тѣхъ, кто бродитъ или копается подъ ними.

Много убитыхъ схоронено также и въ саду близъ костела и около разбитаго фольварка.

Бродя тамъ, я наткнулся на чудовищную картину: изъ свѣже наброcанной земли торчали ноги въ большихъ, подбитыхъ гвоздями сапогахъ. А на разстояніи аршина отъ нихъ надъ землей слегка поднималась рука съ почернѣвшей сморщенной кожей.

Я поспѣшилъ отойти отъ этой могилы и наткнулся тутъ же на другую.

Здѣсь не только чернѣла большая человѣческая рука съ растопыренными пальцами и ноги, поднимавшіяся изъ земли, но и виднѣлось лицо, не вполнѣ еще обезображенное смертью.

Въ церковномъ саду что ни шагъ — могила.

Какъ ужасны эти могилы!

Пруссакамъ некогда было возиться съ павшими здѣсь послѣ перваго приступа русскими и своими воинами; они зарыли ихъ кое-какъ, и изъ всѣхъ могилъ трупы выступаютъ наружу.

У меня до сихъ поръ передъ глазами эти черныя, точно чугунныя руки, вытянутыя надъ землею, эти торчащія наружу ноги въ тяжелыхъ солдатскихъ сапогахъ, подбитыхъ блестящими желѣзными гвоздями...

Особенно памятно лицо, которое выступало изъ земли, съ провалившимися, полными земли, впадинами глазъ. Это прусскій майоръ. При первой русской атакѣ онъ былъ раненъ въ ногу.

Его положили въ домѣ ксендза и, за неимѣніемъ лубка и гипса, прикрутили къ раздробленной кости простую деревянную доску. Съ этой доской на ногѣ онъ приказалъ себя принести въ церковь и устроился у высокаго окна съ биноклемъ, чтобы наблюдать за врагомъ, осыпаемымъ изъ церкви снарядами и пулеметнымъ огненнымъ градомъ.

Пуля попала ему между глазъ и уложила на мѣстѣ.

И опять его отнесли на диванъ въ домикъ ксендза. Можетъ быть, тѣло его хотѣли увезти товарищи, но при поспѣшномъ отступленіи онъ былъ оставленъ на мѣстѣ.

Русскіе заняли Ракитно.

А когда въ домъ вернулась хозяйка, она нашла на своемъ диванѣ мертваго гостя, съ раздробленной ногой, къ которой была привязана деревянная доска, выломанная изъ забора.

Съ этой доской его и похоронили.

Широкій лобъ съ заострившимся носомъ темно-багровымъ пятномъ выступалъ изъ сырой черной земли. Остальная часть лица, ротъ и даже впадины глазъ были засыпаны землею, и это производило еще болѣе страшное впечатлѣніе, чѣмъ если бы все лицо мертвеца было открыто.

Наши солдаты ходили здѣсь же, равнодушно посматривая на эти полузарытые трупы. Близость къ смерти на войнѣ дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ такому зрѣлищу.

Кто-то изъ спутниковъ объяснилъ это равнодушіе тѣмъ, что убитые все нѣмцы. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда была такъ же плохо засыпанная землей могила, на крестѣ которой по-нѣмецки было написано:

Hier ruhen
16 tapfere Russen.
15—X—14.

И на крестѣ фуражка русскаго солдата.

И тутъ также изъ земли выступали руки и ноги, и солдатики наши равнодушно бродили мимо нихъ.

Тогда сопровождавшій насъ полковникъ А. крикнулъ имъ:

— Какъ вамъ не стыдно не взять лопаты и не закопать ихъ, какъ слѣдуетъ!

Солдаты бросились исполнять приказаніе начальства и черезъ нѣсколько минутъ уже кидали желѣзными лопатами землю на непокрытые прахомъ земнымъ трупы погибшихъ.

VI.

Подъ грудами каменнаго мусора, около костела и въ самомъ костелѣ, несомнѣнно, схоронена груда человѣческихъ тѣлъ.

Можетъ быть, многіе изъ нихъ попали подъ рухнувшіе на нихъ камни живыми, и долго задыхались и бились въ этомъ страшномъ мертвомъ плѣну.

Но никто не могъ услышать ихъ, да и было не до нихъ. Пруссаки поспѣшно отступали, стараясь спасти каждый свою жизнь. Старый костелъ отомстилъ имъ за свое поруганіе, за наглое оскорбленіе своихъ святынь.

Среди этихъ грудъ каменнаго мусора странно и жутко видѣть разбитую на три части статую распятаго Христа, повидимому, стоявшую надъ входомъ въ храмъ.

Въ одномъ мѣстѣ валяются ноги, въ другомъ — голова, а въ третьемъ — туловище.

А съ другой стороны храма лежитъ ягненокъ, убитый случайно попавшей въ него пулей.

Кудрявая бѣлая шкурка его запылена, но тѣло еще не успѣло разложиться.

Въ сопоставленіи этой разбитой статуи Христа съ этимъ убитымъ агнцемъ есть какой-то трагическій смыслъ.

***

Изъ Ракитно мы проѣхали въ Блони, гдѣ пруссаки стояли цѣлыхъ девять дней.

Въ двухъ верстахъ отъ станціи, въ деревнѣ Беневицы, находился ихъ штабъ, а въ дер. Радоницы—госпиталь.

Станція имѣетъ запущенный и ободранный видъ. А въ залы ея противно войти, такъ ужасенъ тамъ запахъ навоза и лошадинаго пота.

Всѣ девять дней они держали здѣсь лошадей своихъ, и на полу навозъ былъ на четверть глубины.

Навозъ убрали, но доски пола и стѣны пропитались насквозь его запахомъ, и неизвѣстно, вывѣтрится ли онъ когда-нибудь вполнѣ.

На станціонномъ дворикѣ могила, гдѣ похороненъ убитый нашими казаками прусскій лейтенантъ, взрывавшій желѣзнодорожные мосты; стоитъ крестъ надъ его могилой.

Я хотѣлъ подойти къ этой могилѣ, чтобы прочесть на крестѣ имя лейтенанта. Но замѣтилъ на крестѣ птичку, которая тихонько чирикала, вытянувъ свою красноватую головку.

Я вспомнилъ старое повѣрье о душѣ, которая сорокъ дней будто бы витаетъ около оставленнаго ею тѣла и иногда принимаетъ тотъ или иной образъ.

И остановился. И долго смотрѣлъ на эту птичку и слушалъ ея однообразную коротенькую трель.

Такъ я и не узналъ имя прусскаго лейтенанта. Да и зачѣмъ? Еще храбрость не дѣлаетъ человѣка героемъ. Герой лишь тотъ, кто знаетъ или чувствуетъ, что онъ храбро жертвуетъ собой за святое дѣло.

ИСХОДЪ.

Нерѣшительно накрапывалъ дождикъ. Онъ точно колебался: итти ему, или не итти. Чуть-чуть брызгалъ въ лицо, затѣмъ какъ бы задумывался, пріостанавливался и снова бросалъ скупыя мелкія капли.

Тучи были переполнены влагой; онѣ отяжелѣли, набухли и почти задѣвали за верхушки высокихъ желтыхъ деревьевъ, далеко тянувшихся вдоль прямого, ровнаго шоссе все еще красивой, хотя и успѣвшей уже порѣдѣть аллеей.

Черною, свивавшеюся и развивавшеюся сѣтью носились надъ опустѣлыми, измятыми полями грачи. Поля замыкались лѣсами, но даль вокругъ открывалась на огромныя пространства.

Польша. Полонія. Она оправдываетъ вполнѣ свое происхожденіе отъ слова — поле. Ровная и широкая, Польша даже въ эти траурные для нея дни дышала миромъ и тишиной.

Автомобиль быстро мчится впередъ и, увлекаемые движеніемъ его широкихъ колесъ, поднимаются съ шоссе легкіе, желтые листья, кружатся въ воздухѣ и даже нѣкоторое время летятъ за нами вслѣдъ.

Мы ѣдемъ къ Гродиску, откуда тоже недавно выгнали нѣмцевъ. Дорога пустынна. Обозы всѣ остались позади.

Но вотъ вдали чернѣетъ что-то длинное, почти безконечное. Неужели опять обозъ? Не можетъ быть. Съ какой стати военному обозу двигаться намъ навстрѣчу?

Проходитъ нѣсколько минутъ, и я убѣждаюсь, что это не обозъ. Навстрѣчу идутъ евреи.

Мужчины въ черныхъ длинныхъ лапсердакахъ; женщины; старики съ длинными бѣлыми бородами и болтающимися пейсами; старухи въ парикахъ, поверхъ которыхъ надѣты жалкіе сбившіеся чепцы; и дѣти, множество дѣтей, которыя то, какъ цыплята, высовываютъ головы изъ подводъ, буквально набитыхъ ими, какъ капустой, то движутся пѣшкомъ, держась за юбку матери, за полу или за палецъ отца, если этотъ палецъ свободенъ.

Но у нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ на рукахъ опять-таки дѣти — это уже совсѣмъ младенцы. Они завернуты въ тряпки или въ теплую шаль. Кромѣ этой ноши, рѣдко у кого есть какой-нибудь грузъ — узелокъ или чемоданчикъ. Большинство идетъ съ пустыми руками, идетъ молчаливо и угрюмо по широкому шоссе и только при видѣ автомобиля испуганно отходятъ въ сторону. Подводъ очень мало. Тянутся пѣшкомъ. Только самые древніе старики и старухи съ трясущимися головами, съ глазами, изъѣденными трахомой, ѣдутъ на телѣгахъ, да дѣти, которымъ посчастливилось. Большинство же дѣтей, начиная отъ двухлѣтняго возраста, также тянутся пѣшкомъ.

Среди нихъ много рахитичныхъ дѣтей. Они устало ковыляютъ за взрослыми на своихъ кривыхъ, тоненькихъ ножкахъ.

Что это значитъ? Откуда?

Автомобиль мчится полчаса, часъ, а они все идутъ и идутъ, безпрерывной черной вереницей — женщины, старики, дѣти, мужчины, старухи, молодыя дѣвушки. Идутъ молча и торопливо одинъ за другимъ, одинъ за другимъ. Взглядъ утомляется глядѣть на эту

черную, безконечную, молчаливую вереницу людей. Они чернѣютъ впереди, извиваются за автомобилемъ по шоссе траурной лентой.

Кругомъ — желтыя поля, желтыя полуобнаженныя деревья и сѣрыя клубящіяся тучи.

Я не знаю еще, откуда, куда и почему идутъ эти несчастные, нищіе, жалкіе люди, но чувствую, какъ что-то начинаетъ стискивать мнѣ горло.

— Откуда и куда? — кричитъ навстрѣчу этой черной вереницѣ мой спутникъ.

— Въ Варшаву, — отвѣчаютъ ему.

— Почему?

Вопросъ остается безъ отвѣта.

А они все идутъ и идутъ. Ихъ сотни, тысячи... И это молчаливое движеніе, эта безпрерывно извивающаяся черная вереница людей подъ сѣрыми, низко нависшими тучами, которыя начинаютъ сѣять мелкимъ холоднымъ дождемъ, кажется, наконецъ, тяжелымъ, зловѣщимъ, пугающимъ кошмаромъ.

ГРОДИСКЪ И ЛОВИЧЪ.

Въ Гродискѣ я вижу партію плѣнныхъ пруссаковъ. Ихъ болѣе ста человѣкъ. Двое раненыхъ ѣдутъ въ телѣгѣ, устланной соломой. Конвоируютъ плѣнныхъ нѣсколько нашихъ солдатъ съ винтовками въ рукахъ.

Кто-то даетъ нашему солдату папиросу.

Тотъ повертѣлъ-повертѣлъ ее въ рукахъ и передалъ раненому плѣннику.

Пруссакъ взялъ, какъ должное, и попросилъ у конвоира спичку. — И спичку тотъ досталъ и даже подалъ ему огонекъ, чтобы закурить.

— А ты что же, не куришь? — спросили солдата.

— Какъ не курю, курю.

И съ благодарностью принялъ другую папиросу для себя.

Въ Гродискѣ встрѣтилъ я сестру милосердія Я. Георгіевская ленточка въ петлицѣ.

Съ улыбкой она говоритъ:

— Это я получила за то, что работаю на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ.

— И много васъ, сестра, работаетъ такимъ образомъ?

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ нашихъ мѣстахъ работаю я одна. Мой мужъ — гвардейскій офицеръ, и потому я пользуюсь нѣкоторыми преимуществами.

Это былъ отвѣтъ, достойный, чтобы попасть въ хрестоматію.

Потребность общаго дѣла, потребность подвига такъ велика среди нашихъ женщинъ, что онѣ считаютъ завиднымъ преимуществомъ въ окопахъ, наполненныхъ водой, подъ огнемъ шрапнелей и снарядовъ, жить вмѣстѣ съ солдатами и перевязывать ихъ раны.

***

Мы выѣхали изъ Гродиска на закатѣ.

Глохла въ тучахъ заря и быстро темнѣло. Наступала ночь.

Ночь облачная и сырая, изрѣдка сѣявшая мелкимъ дождемъ, который свѣтящейся сѣткой блестѣлъ передъ яркими огнями нашего автомобиля.

Ни горъ, ни холмовъ. То равнины и поля, то лѣса и перелѣски.

На пути — села, хутора. Мигающіе огоньки. Силуэты людей. Черные громадные кресты на перепутьяхъ. Иногда пруды, окруженные зеленью, съ тускло-блестѣвшей водой.

Широкое шоссе. По обѣ стороны его высокія деревья. Листья облетѣли на-половину и устлали землю. Это послѣдніе дни ихъ осенней жизни. Даже безъ вѣтра листья слетаютъ съ вѣтвей, кружатся въ воздухѣ медленно, какъ-будто не хотятъ падать, и часто опускаются въ нашъ автомобиль.

Есть какое-то необъяснимое привлекательное чувство въ этомъ стремительномъ движеніи автомобиля ночью въ незнакомомъ краю.

Это чувство еще болѣе углубляется сознаніемъ, что тутъ всего нѣсколько дней тому назадъ проходили непріятельскія войска, преслѣдуемыя нашими войсками. Нѣтъ городка, нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы не зіяли раны отъ ихъ нашествія. Здѣсь сожженный костелъ, тамъ разрушенный заводъ, разграбленное имѣніе...

Грустно и таинственно стоятъ по пути дворцы и замки польской знати. Вездѣ темно и глухо, и старые сады, окружающіе эти замки, вѣютъ заброшенностью и одиночествомъ.

Бѣдная, бѣдная Польша! Конечно, она давно впала бы въ отчаяніе, если бы передъ ней не сіяла впереди надежда на новую жизнь, увѣренность, что жертвы, приносимыя ею, не останутся въ забвеніи.

Ѣхали мы на Скерневицы и къ полуночи думали навѣрное попасть туда.

Шофферы не знали пути, и приходилось руководствоваться картой.

Однако, не надѣясь на то, что путь нашъ безусловно вѣренъ, мы то и дѣло разспрашивали встрѣчныхъ, куда надо ѣхать. Иногда останавливались даже у попутныхъ хатъ, въ которыхъ свѣтился огонекъ, стучались въ окна и разспрашивали о пути самымъ подробнымъ образомъ.

Намъ всегда любезно и точно объясняли:

— Такъ, пане, поѣзжайте просто-просто, потомъ поверните налѣво, и опять поѣзжайте просто-просто. Такъ доѣдете въ Болимовъ, а тамъ опять налѣво и опять просто-просто.

Мы ѣхали «просто-просто», то-есть прямо-прямо, сворачивали куда надо, доѣхали до Болимова и тамъ, снова разспросивъ, какъ ѣхать на Скерневицы, свернули влѣво и опять поѣхали просто-просто.

Но это «просто» оказалось совсѣмъ не такъ просто.

За Болимовымъ тотчасъ начались пески. Съ каждымъ движеніемъ автомобиля впередъ пески становились все глубже и глубже. Машина начала хрипѣть, стонать, какъ живое, усталое животное. Иногда она явно выбивалась изъ силъ, но мы все надѣялись, что выбьемся на лучшую дорогу, да и до Скерневицъ оставалось всего-навсего верстъ двѣнадцать.

Наконецъ, машина совершенно изнемогла и остановилась.

Шофферъ попробовалъ отодвинуть ее въ сторону, гдѣ путь показался ему нѣсколько лучше. Автомобиль завылъ, сдѣлалъ движеніе подъ уклонъ и окончательно загрузъ въ пескѣ.

Послѣ этого всѣ усилія сдвинуть его съ мѣста оказывались безплодны. Широкія колеса глубоко зарылись. Машина вся дрожала отъ усиленной работы мотора, но не двигалась впередъ ни на одну пядь.

Что тутъ было дѣлать?

Отъ Болимова мы отъѣхали уже довольно далеко. Возвращаться

назадъ пѣшкомъ, оставивъ здѣсь шоффера, было досадно и неловко. Ночевать въ автомобилѣ — глупо, хотя ночь была не особенно холодная.

Но небо въ тучахъ, сквозившихъ отъ луннаго свѣта.

Я предложилъ итти въ Скерневицы пѣшкомъ черезъ пески и лѣсъ на пути. Двѣнадцать верстъ не Богъ вѣсть какое разстояніе.

Японецъ Оба согласенъ былъ на такое путешествіе, но третій нашъ спутникъ разумно насъ остановилъ:

— Во-первыхъ, по пескамъ ночью тащиться двѣнадцать верстъ не шутка. Во-вторыхъ, у насъ не было съ собой оружія, а въ лѣсу могли быть непріятельскіе разъѣзды, а то такъ, просто отставшіе, заблудившіеся прусскіе голодные солдаты.

— Какъ же, однако, быть?

На наше счастье, послышались голоса вдали и скоро появилась пара лошадей, подвода и двое сопровождавшихъ подводу крестьянъ.

Мы радостно встрѣчаемъ ихъ и просимъ оказать помощь.

Они не только не отказываются дать лошадей, но и сами помогаютъ втащить автомобиль на дорогу.

— А вы куда же держите путь? — спрашиваемъ мы.

— Въ Скерневицы.

— Такъ. А дорогу въ Скерневицы черезъ Ловичъ вы знаете?

— Еще бы не знать, знаемъ.

Не надѣясь на себя, — а часъ уже поздній, чтобы добудиться кого-нибудь въ Болимовѣ, — мы предлагаемъ одному изъ нихъ поѣхать съ нами, чтобы указывать дорогу.

Тотъ посовѣтовался съ своимъ спутникомъ.

— Ну, что жъ, Стасю, ты не боишься ѣхать въ Скерневицы одинъ?

— Э, чего бояться.

Тогда крестьянинъ садится рядомъ съ шофферомъ. Съ усиліями выбираемся мы изъ глубокихъ песковъ, и облегченно вздыхаемъ, наконецъ, когда нашъ автомобиль, правда, значительно развихлявшійся, съ поломанной рессорой, выѣзжаетъ опять на шоссе.

**
*

Поздно ночью пріѣзжаемъ мы въ Ловичъ.

Маленькій городокъ, такъ недавно перенесшій непріятельское нашествіе, конечно, спитъ. Только у ресторана на площади темнѣютъ автомобили нашихъ спутниковъ.

Они очень обезпокоились нашимъ отсутствіемъ и ужъ рѣшили послать одну машину разыскивать насъ.

— Будемъ ночевать здѣсь! — сообщаютъ они намъ пріятную новость. — На наше счастье, есть ночлегъ въ домахъ, какъ слѣдуетъ, на постеляхъ и въ теплѣ.

Въ маленькомъ ресторанчикѣ устраиваемъ мы ужинъ, и та самая прислуга, которая всего нѣсколько дней тому назадъ должна была прислуживать прусскимъ солдатамъ и офицерамъ, или совсѣмъ не платившимъ ни пфеннига, или платившимъ гроши, прислуживаетъ теперь намъ.

Со всѣхъ сторонъ собираются ловичскіе граждане и разсказываютъ намъ о тѣхъ ужасахъ, которые они пережили за эти нѣсколько дней прусскаго владычества и бомбардировки города.

Показываютъ погромленные пруссаками дома, негодуютъ на безчинства, которыя враги здѣсь натворили, и издѣваются надъ прусской похвальбой.

Шутка ли сказать, пруссаки говорили, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, о томъ, что они возьмутъ на-дняхъ Варшаву, а потомъ — Петроградъ.

Варшаву имъ приходится поторопиться взять, чтобы сдѣлать этотъ подарокъ императору Вильгельму не то ко дню его рожденія, не то ко дню коронованія. Словомъ, къ какому-то торжественному дню, который обязываетъ ихъ доставить кайзеру маленькій подарокъ.

Надо отдать справедливость гражданамъ Ловича, они себя вели необыкновенно мужественно во время непріятельскаго нашествія. Ни заискиванія передъ пруссаками, ни страха.

Хозяекъ дома, гдѣ мы должны были ночевать, не было: онѣ уѣхали въ Кіевъ, и квартирой заправляла дѣвушка-прислуга полька, словоохотливая и гостепріимная.

Она въ одну минуту успѣла разсказать намъ, что у нея есть женихъ, но что онъ, Жолнежъ, на войнѣ, а какъ вернется съ войны, такъ они тотчасъ и поженятся. Принесла фотографію этого браваго жениха въ солдатской формѣ и попутно отозвалась неодобрительно о пруссакахъ, которые нѣсколько дней пробыли въ этомъ домѣ и многое утащили изъ него.

— Они все хвастались, что черезъ два дня возьмутъ Варшаву, а потомъ за разъ и Петроградъ. — Только не очень-то взяли! — съ

обиднымъ для пруссаковъ смѣхомъ закончила она. — Якъ прійшли русскіе, пруссаки такъ стали втікать, точно за ними холера-смерть гналась.

**
*

На другой день я познакомился въ Ловичѣ съ редакторомъ-издателемъ мѣстной газеты, Кароль-Рыбацкимъ, котораго пруссаки приговорили къ смертной казни за передовую статью его въ газетѣ, напечатанную какъ разъ во время прусскаго владычества въ Ловичѣ.

Этотъ скромный человѣкъ проявилъ въ своемъ маленькомъ листкѣ такое мужество, что нельзя не поклониться ему за это.

Статья называется —

«Съ дымомъ пожаровъ».

И дышитъ такой глубокой, искренней болью и негодованіемъ, что я не могу не привести ее въ переводѣ.

**
*

«Ловичъ переживаетъ тяжелыя минуты. Вокругъ, какъ только видитъ взглядъ, дымятся пожарища. На небѣ полыхаютъ зарева. А тутъ, на нашей землѣ, братъ цѣлится въ брата.

Въ нѣмецкомъ войскѣ ежеминутно слышна польская рѣчь, то правильная рѣчь Познани, то нѣсколько испорченная — изъ Котловицъ и Мысловицъ, то лишь слабый намекъ на нее, отъ озеръ Мазурскихъ и отъ Данцига.

Въ австрійскихъ полкахъ, особенно въ кавалеріи, много поляковъ. Полкъ, остановившійся нынѣ въ Ловичѣ, кромѣ уланъ и драгунъ, состоитъ преимущественно изъ поляковъ.

Солдатъ входитъ въ избу съ привѣтомъ:

Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!

А черезъ минуту послѣ этого, онъ долженъ стрѣлять въ грудь пріютившаго его своего брата».

И, обращаясь къ «славнымъ дипломатамъ» нѣмецкихъ народовъ, авторъ восклицаетъ:

«Зерна, брошенныя вами, созрѣли и даютъ богатую жатву: уже не сотни, а тысячи, милліоны вдовъ и сиротъ проклинаютъ васъ.

Земля отринетъ вашъ прахъ изъ нѣдръ своихъ, чтобы вы были свидѣтелями вашихъ гнусныхъ дѣяній.

Въ этой братской битвѣ народовъ каждый солдатъ, падая на полѣ брани, устами, запекшимися кровью, произнесетъ послѣднія слова:

— Гибель вамъ и вашимъ поколѣніямъ!»

На ряду съ этой статьей, написанной съ страстностью истиннаго и до безумія отважнаго бойца, странно читать стихи и мѣстную хронику, въ которой сообщается о дѣятельности мѣстнаго обывательскаго комитета, объ отношеніи жителей къ бомбардировкѣ города и проч., и проч.

— Но развѣ же вы не знали, что васъ ожидаетъ за это?—спросилъ я своего сотоварища по перу.

— А какъ же иначе! Я долженъ былъ исполнить свой долгъ.

***

Маленькаго, бѣлокураго человѣка, въ которомъ горѣла душа разгнѣваннаго Іереміи, который грозно и твердо бросилъ прямо въ лицо ворвавшемуся непріятелю свое огненное слово, его поставили на площадь противъ ратуши къ столбу, чтобы произнести послѣднее и роковое для него слово военнаго суда, а затѣмъ разстрѣлять.

— Я уже приготовился умереть, — разсказывалъ онъ объ этомъ событіи. — Меня поставили у столба, который я никогда въ жизни не забуду. И я зналъ, что это мой эшафотъ. Что мои минуты сочтены. Что судъ, который они назначили надо мною — пустая формальность. Вдругъ...

Дѣйствительно, произошло истинное чудо. Случилось то, что кажется неправдоподобнымъ въ плохихъ пьесахъ, но въ жизни поражаетъ своимъ провиденціальнымъ смысломъ. Вдругъ раздались выстрѣлы.

Испуганные пруссаки бѣжали со всѣхъ сторонъ на площадь, гдѣ ихъ начальство приготовилось къ суду надъ журналистомъ маленькой провинціальной газетки, бросившимъ въ лицо цѣлой арміи, цѣлому народу, въ то время, какъ эта армія явилась сюда господиномъ и палачомъ, свое дерзкое и гнѣвное обличеніе.

— Казаки! Казаки! — кричали они, съ оружіемъ и безъ оружія мечась изъ стороны въ сторону. — Ихъ много. Очень много!

Начальство такъ было ошеломлено этимъ неожиданнымъ появленіемъ врага, что также бросилось бѣжать, забывъ и о судѣ и о подсудимомъ.

Оставшiйся на свободѣ человѣкъ, приготовившiйся минуту тому назадъ умереть, не сразу повѣрилъ этому чуду. Но оно было несомнѣнно.

Русскiя войска пришли, чтобы освободить тысячи Каролей-Рыбацкихъ съ ихъ семьями отъ зазнавшагося и обнаглѣвшаго врага.

НА ПОЗИЦIЯХЪ.

I.

Въ Скерневицахъ пришлось на время оставить автомобиль и отправиться на позицiи въ экипажѣ.

Обыкновенный извозчичiй экипажъ съ парой лошадей ожидалъ на улицѣ. День былъ солнечный, теплый, ласковый. Открыты всѣ лавки, въ которыхъ, впрочемъ, мало уцѣлѣло товара послѣ нѣмцевъ, расплачивавшихся марками, которыя они цѣнили сначала по 70 копеекъ.

Въ лавки заходили наши солдаты и выходили оттуда унылые: нигдѣ почти не оставалось ни табаку, ни спичекъ.

Городъ былъ полонъ нашими войсками. Ѣхали верхомъ, шли пѣшiе. Сѣрый городъ, сѣрые люди. Но среди этого сѣраго тона яркими пятнами выдѣлялись костюмы польскихъ крестьянокъ; онѣ въ здѣшнемъ краю носятъ домашняго производства ткани, въ которыхъ преобладающiй тонъ оранжевый съ зелеными и темными полосами.

Изъ такихъ тканей у нихъ юбки и покрывала, которыя они носятъ по-восточному, накидывая на голову и закрывая почти все лицо. Крестьяне носятъ такiе же ярко-пестрые большiе штаны и бѣлые жупаны, и эти красивые весёлые тона, особенно въ солнечные дни, очень оживляютъ движенiе въ городахъ и сообщаютъ своеобразный и привлекательный колоритъ деревнямъ. При встрѣчѣ крестьяне цѣлуютъ женщинамъ руки.

Едва мы выѣхали изъ города, какъ убѣдились, что дѣйствительно въ автомобилѣ проѣхать было бы невозможно. Дорога изрыта, исковеркана. Правда, надъ ея починкой уже работаютъ и солдаты, и наемные работники, но вѣдь непрiятель отошелъ всего нѣсколько дней тому назадъ.

Особенно исковерканъ мостъ черезъ рѣку. Энергично сооружаютъ новый. Споро и дружно работаютъ солдаты. Стучатъ топоры, визжатъ пилы, перекликаются дѣловые и шутливые голоса, и этотъ трудовой шумъ сливается съ шорохомъ, плескомъ и гуломъ быстрой рѣчной воды, въ которой отражаются колеблющимися контурами красивые берега, то взбѣгающіе покрытыми деревьями холмами, то спадающіе зелеными долинами, и всѣ прибрежные предметы, и лошади, и люди у воды...

Лошади наши переходятъ рѣку вбродъ, а мы переправляемся по временному настилу.

За мостомъ развертываются широкія поля съ синѣющими вдали лѣсами. Но мѣстность здѣсь не такая ровная, какъ въ большей части Польши. Поля и лѣса плавно поднимаются на полугорья, кое-гдѣ пересѣкающія горизонтъ волнистыми линіями. Между черными квадратами паровъ и пожелтѣвшими, истоптанными пастбищами зеленѣютъ свѣжія озими, яркость которыхъ смягчена осеннимъ прозрачнымъ воздухомъ, придающимъ особенно привлекательные переливы огневатымъ и темно коралловымъ тонамъ далекихъ и близкихъ лѣсовъ.

Тамъ, гдѣ горизонтъ открытъ, особенно глубоко и четко видна даль и въ хрустальномъ воздухѣ ясно доносится каждый звукъ: птица ли свистнетъ, проскрипитъ ли телѣга, прогремитъ ли выстрѣлъ, или послышится человѣческій голосъ.

Но во всѣхъ краскахъ и звукахъ сказывается покорная осенняя печаль, которая особенно усугубляется разрушеніями и опустошеніями войны, ея повсемѣстными ранами и пятнами крови.

Здѣсь, начиная отъ самыхъ Скерневицъ, шли тяжелые бои. Но непріятель отступалъ въ порядкѣ, а когда непріятель отступаетъ въ порядкѣ, онъ оставляетъ наибольшія опустошенія по пути отступленія.

Вдоль шоссе отъ Скерневицъ на д. Мѣховицы, гдѣ лишь вчера шелъ упорный и тяжкій бой, росли огромные старые вязы и осокори. Ихъ спилили тамъ и здѣсь и загромоздили старыми гигантами дорогу.

На раскидистыхъ могучихъ вѣтвяхъ еще желтѣютъ и краснѣютъ не успѣвшіе облетѣть листья, но деревья уже мертвы, и короткіе огромные обрубки ихъ бѣлѣютъ свѣжей сердцевиной, въ которой сквозитъ та же мертвенная блѣдность, что и на лицахъ сраженныхъ войной.

Нѣкоторыя деревья не вполнѣ срублены, а лишь надрублены, одни смертельно, другіе не вполнѣ. Эти еще могутъ ожить, какъ и тѣ раненые, которыхъ везутъ намъ навстрѣчу.

Вѣдь бой всего въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, оттого и раненыхъ везутъ много. Везутъ ихъ въ простыхъ телѣгахъ на высокихъ тряскихъ колесахъ. Они лежатъ на соломѣ, прикрытые шинелями, и грязь на этихъ шинеляхъ указываетъ, что ранены бѣдняги въ мокрыхъ окопахъ. Изъ-подъ шинелей торчатъ ноги въ неуклюжихъ, большею частью разбитыхъ сапогахъ. Много сотенъ верстъ сдѣлали эти сапоги и, въ концѣ концовъ, донесли своего хозяина до предназначенной судьбой пули. Не у всѣхъ раненыхъ по два сапога; у нѣкоторыхъ вмѣсто второго сапога перевязанная бинтами, а то такъ и просто обернутая грязнымъ бѣльемъ нога; у другихъ—перевязанныя головы, руки, животы...

Уже много разъ видѣнная мною картина боевыхъ полей, съ извилистыми окопами, воронками отъ снарядовъ сажени двѣ въ діаметрѣ, брошенными зарядными ящиками, павшими лошадьми, остатками аммуниціи и могилами съ наскоро поставленными крестами,—вся эта картина читается, какъ хорошо знакомая книга, какъ поминаніе за упокой.

Здѣсь же, по этимъ же полямъ и по этой же дорогѣ суетливо движется берегущая себя и свое скудное благополучіе—жизнь. Вырываютъ изъ земли крестьяне, главнымъ образомъ,—женщины втоптанную десятками тысячъ ногъ, копытами лошадей и колесами орудійныхъ повозокъ—картошку, пашутъ израненную землю, сѣютъ запоздалую озимь.

И опять нѣсколько развлекаютъ глазъ красочныя пятна крестьянскихъ одеждъ. Пѣшіе и въ телѣгахъ попадаются навстрѣчу. Одни бѣгутъ изъ деревень, которымъ грозитъ война разрушеніемъ и смертью, другіе возвращаются туда, откуда успѣли прогнать враговъ. И все это несвязное, случайное движеніе переплетаютъ длинные военные обозы, туськомъ растянувшіяся войска.

Иногда вмѣстѣ съ русскими ранеными везутъ нѣмцевъ, конвоируютъ плѣнныхъ.

Къ плѣнникамъ, не только раненымъ, но и здоровымъ, проявляютъ наши солдаты самое заботливое отношеніе.

Даже о германцахъ отзываются безъ злобы.

— Твердый народъ и чистотѣлый,—сказалъ о плѣнныхъ пруссакахъ сопровождавшій ихъ солдатикъ-сибирякъ.

II.

То и дѣло приходится нашимъ экипажамъ съѣзжать въ сторону отъ проваловъ и баррикадъ по дорогѣ, или объѣзжать обозы. Плохо кормленныя лошади тоже бѣгутъ не особенно прытко. Но все же часа черезъ три пути вдали показывается деревня Мѣховицы, занятая нашими войсками.

Подъ этой деревней и шелъ серьезный артиллерійскій бой.

Повидимому, сейчасъ бой прекратился, не слышно выстрѣловъ, не видно особеннаго боевого движенія.

Правда, на высотѣ справа копошится какая-то огромная сѣрая масса. Простому глазу она можетъ показаться за стадо, но въ бинокль ясно различаются пѣхотныя колонны.

Слѣва, вдалекѣ, разсыпалась кавалерія наша. Лошадки и всадники кажутся игрушечными. И тѣ, и другіе стягиваются къ деревнѣ. Деревня постепенно открывается предо мною, вся окутанная дымкомъ, который тянется изъ ея трубъ и отъ солдатскихъ костровъ, весело горящихъ чуть ли не вокругъ всей деревни. Отдыхаютъ люди, отдыхаютъ распряженныя лошади. Отдыхаетъ какъ-будто даже самая природа послѣ боя, который длился здѣсь вчера до глубокой ночи. Но ясное небо начинаетъ быстро затягиваться, Богъ вѣсть, откуда взявшимися облаками. Сначала эти облака, какъ сѣрые гигантскіе пауки, расползаются по небу и растягиваютъ свою сѣрую паутину, которая начинаетъ свиваться въ цѣлыя пасмы и опускаться все ниже и ниже къ землѣ, къ лѣсамъ, всходящимъ на высоты, къ широкому взгорью, на которомъ теперь уже ясно и для простого глаза колышется сѣрая солдатская рать.

Деревня наполовину покинута жителями, зато полна войска. Около каждой хаты солдаты копошатся. Хаты все съ хозяйственными дворами, нѣкоторыя даже съ садиками. Видно, что въ мирное время люди живутъ не очень бѣдствуя. И солдатамъ, должно быть, по душѣ тутъ, и не только потому по душѣ, что они отдыхаютъ послѣ многодневнаго тягостнаго похода съ безпрерывнымъ боемъ, а и потому, что они въ деревнѣ, почти какъ у себя дома, а не въ сырыхъ окопахъ подъ открытымъ небомъ, не въ лѣсу. Въ избѣ, которая немного получше другихъ,—перевязочный пунктъ. Надъ узенькой черной дверью повисъ, видавшій виды, флажокъ Краснаго Креста. Здѣсь и во время боя, да и сейчасъ еще дѣлаютъ первыя перевяки ране-

нымъ, а затѣмъ, кого можно, отправляютъ въ Скерневицы, оттуда дальше, въ Варшаву.

И сейчасъ въ стоящую у избы телѣгу осторожно кладутъ раненаго. Сестра, въ высокихъ сапогахъ, съ усталымъ озабоченнымъ лицомъ, распоряжается, чтобы раненаго положили поудобнѣе. За нимъ выносятъ другого. Тутъ же стоятъ тѣ, что ранены полегче и дожидаются своей очереди для перевязки.

Разспрашиваемъ—какъ дѣла. Что дѣла хороши, уже ясно по всему, прежде всего по тому, что не видно въ отдаленіи врага. Потому и вопросы эти задавать пріятно.

— Слава Богу, хорошо. Вчера ночью въ атаку ходили. Взяли Н—ую высоту. Народу ихняго перебили до страсти. За Г. прогнали.

Облака теперь заткали все небо и лежатъ низко, почти надъ самой горой съ колышущимися на ней сплошной массой солдатами.

Я прохожу черезъ всю деревню, грязную отъ недавнихъ дождей и навоза отъ солдатскихъ лошадей. Крѣпко пахнетъ жильемъ. Тутъ же за деревней идутъ артиллерійскіе окопы. Слѣва большая темная мельница-вѣтрянка машетъ крыльями, какъ черными рукавами. Въ окопахъ и около окоповъ артиллерійскіе солдаты и офицеры.

Впереди, за окопами, верстахъ въ двухъ отсюда, та самая Н—ая высота, гдѣ стояла непріятельская артиллерія. За ея пологимъ, очерченнымъ волнующейся линіей хребтомъ, темнѣетъ лѣсъ.

Тамъ, на этой высотѣ и въ лѣсу сотни труповъ: ихъ убираютъ, хоронятъ наши солдатики, съ самаго разсвѣта.

Убитые лежали въ окопахъ и у окоповъ, то раскинувъ руки, то скорчившись, какъ въ судорогахъ, внизъ и вверхъ лицомъ. Иные какъ-будто спали, подложивъ подъ голову руки, другіе вонзались ногтями въ землю, точно своими руками хотѣли вырыть себѣ могилу въ страшный предсмертный часъ.

Солдаты, закапывавшіе трупы въ братскую могилу, возвращались на свои позиціи къ обѣду съ лопатами и кирками.

Тамъ дымились походныя кухни. Крестясь, усаживались въ кружокъ усталые, измученные послѣ безпрерывнаго, почти трехнедѣльнаго боевого похода люди, съ которыми нужно было говорить громко, чтобы они слышали, такъ какъ слухъ у нихъ притупился отъ орудійной канонады, еще вчера вечеромъ грохотавшей вокругъ.

Снаряды пролетали у нихъ надъ головой и огромныя непріятельскія бризантныя бомбы, прозванныя чемоданами, падали у са-

мыхъ окоповъ, бѣшено роя огромныя круглыя ямы, разрываясь раскаленными осколками, которые разлетались на десятки саженъ огненнымъ вѣеромъ смерти.

Вотъ у самаго гребня окопа огромныя воронки и во всѣхъ направленіяхъ отъ нея—стальные осколки. Сидѣвшіе въ окопѣ были всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ смерти. Ихъ засыпало заживо землей, выброшенной страшной силою взрыва. Оглушенныхъ, заживо зарытыхъ откопали и они вышли невредимыми изъ своей кратковременной могилы.

Перекрестившись, покачали головами и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Если ужъ тутъ Господь спасъ, значитъ на всю войну живъ останусь.

А другой прибавилъ, стряхивая съ себя землю и неодобрительно посматривая въ окопъ, едва не ставшій могилой ему и его товарищамъ:

— Одинъ разъ, такъ еще ничего, а больше не согласенъ.

III.

Среди солдатскихъ окоповъ, офицерскіе походятъ на землянки.

— Мой салонъ,—шутливо говоритъ мнѣ артиллеристъ, показывая свою крошечную нору.—И персидскіе ковры на полу. Это ужъ солдатики позаботились, — добавляетъ онъ, съ удовольствіемъ глядя на затоптанную солому.—Но, слава Богу, нынче послѣ девятнадцатидневной жизни по окопамъ будемъ ночевать въ избѣ.

— Да, девятнадцать дней не раздѣвались! Случалось, голодали дня по два,—подтверждаетъ его товарищъ.—Такая была музыка, что полковой кухнѣ нечего было и думать подъѣхать къ намъ, да и намъ не до того.

— Въ баню бы теперь!—мечтательно вздыхаетъ третій.

Я гляжу на эти обвѣтренныя,запыленныя, небритыя молодыя лица, на эти крѣпкія, сильныя фигуры въ грубыхъ шиненляхъ, мокшихъ подъ дождемъ прокопченныхъ орудійнымъ дымомъ и дымомъ костровъ, и вижу, что рядомъ съ солдатами они—родные братья, несутъ съ ними одинъ общій крестъ, живутъ съ ними не только одной жизнью, но и одной душой. Офицеры сообщали мнѣ десятки случаевъ о трогательной заботливости солдатъ.

— Послѣ двухъ безсонныхъ ночей свалился я въ окопъ уста-

лый, измученный,—разсказываетъ молоденькій офицеръ.—А ночь была ледяная. Проспалъ такъ часовъ десять. Просыпаюсь,—шутъ возьми, какъ тепло стало! Открываю глаза, вижу, меня всего соломой окутали. Точно подъ нѣмецкой пуховой периной я проспалъ.

— Ѣсть нечего, такъ точно изъ-подъ земли достаютъ,—добавляетъ другой.

— Опасность грозитъ—своимъ тѣломъ защищаютъ.

Каждый спѣшитъ разсказать что-нибудь въ похвалу солдатамъ. Разсказываютъ съ восторгомъ, съ дрожью въ голосѣ. И эти разсказы слушать такъ же радостно, какъ о побѣдахъ, потому что въ нихъ также, быть можетъ, сказывается одна изъ главныхъ побѣдъ...

Вдоль окоповъ поднимаемся мы къ той высотѣ, гдѣ происходила провѣрка N-скаго полка. Вотъ и наблюдательный пунктъ; отсюда идетъ телефонъ во всѣ части. Н—цкая и Г—ская высоты, откуда выбили противника, видны очень ясно. Даже простымъ глазомъ можно разглядѣть непріятельскія траншеи.

— Бой былъ страшный, но, по счастью, потери у насъ незначительныя,—опять слышу я.—Прямо Богъ хранилъ.

И правда, Богъ хранилъ. Воронки отъ снарядовъ положительно окружаютъ окопы. Огромный вѣковой дубъ стоитъ тутъ же, расщепленный снарядомъ, какъ молніей. Въ одномъ мѣстѣ еще не высохла кровь: снарядомъ разорвана лошадь, убитъ рядовой.

Подъ моими ногами письмо, написанное на клочкѣ опаленной, измятой бумаги, повидимому, вырванной изъ дѣтской тетрадки. По этимъ крупно-выведеннымъ химическимъ карандашомъ буквамъ видно, что не мало было потрачено труда, чтобы написать эти корявыя строки, безъ всякихъ знаковъ препинанія.

Вотъ оно.

Писмо 1914 года.
Октября 14-го дня.

Привѣтъ отъ вашего друга Михайлу Васильеву Здраствуй дорогой другъ Сергѣй Тимофеичъ пишу и уведомляю я получилъ два письма затемъ уведомляю другъ Сергушка что мы пошле васъ ходили очень большіе переходы былъ бой подъ Варшаву и дальше 12 сутокъ безъ перестану грымели день и ночь нашей роты ранены Иванъ пошле этого боя о н ъ отступилъ мы доканяли его 4 дня затѣмъ идетъ опять сильный бой ночь и день.

11 октября вечеромъ ходили на ура на штыковой бой два полка мы взяли Германскіи 15 орудіе, 4 полеметовъ и много пленныхъ германцевъ живыхъ битыхъ и раненыхъ роту осталось 90 человѣкъ. Уведомляю мы троя остались живы М. В. М. П. и И. П.

12 октября я пошелъ убитыхъ собирать. А теперь П. М. и И. П. три дня не видалъ и сичасъ незнаю что живы они или нетъ.

Уведомляю дорогой другъ Сергушка не знаю придеца ли остаца живымъ.

РАЗДАЧА ГЕОРГІЕВСКИХЪ КРЕСТОВЪ.

I.

Сплошныя лохматыя сѣрыя тучи низко нависли надъ горой, гдѣ расположился К—скій полкъ, особенно отличившійся подъ К—мъ.

Правда, отъ полка осталась всего одна треть солдатъ, а офицеровъ вдесятеро меньше, но война войной. Зато полкъ побѣдоносно сдѣлалъ свое дѣло.

Въ полномъ боевомъ снаряженіи, которое солдаты не снимали съ себя болѣе мѣсяца, стоятъ они подъ этими сѣрыми тучами, сами сѣрые, смиренные и кроткіе, но стойкіе какъ желѣзо.

Исхудалыя, простыя лица. Закоптились и загрубѣли отъ орудійной копоти, дождей и вѣтровъ, отъ этой сорокадневной безсмѣнной жизни въ окопахъ, гдѣ часто приходилось стоять по колѣна въ водѣ и въ грязи. Они все пережили, все вынесли безъ малѣйшаго ропота и жалобъ. Часто, изъ-за непріятельскаго огня, полковая кухня не могла подъѣхать къ окопамъ, и они голодали. Но ничто не подорвало ихъ воинской стойкости.

Невзрачные на видъ, они богатыри по духу, но богатыри особаго, не показного вида.

И чувствуешь себя близъ нихъ такимъ маленькимъ, слабымъ и глубоко обязаннымъ имъ, даже какъ-будто въ чемъ-то виноватымъ передъ ними.

Безконечныя дали открываются съ этой высоты.

Внизу разбросалась деревня съ большой черной мельницей, устало машущей большими черными крыльями, словно широкими рукавами. Кругомъ поля, то черныя, то зеленыя отъ свѣжихъ ози-

мей, и лѣса, лѣса, обнаженные, хмурые, какъ-будто затаившіе тяжелую думу. Внизъ съ горы сползаютъ извивы нашихъ окоповъ.

Сотни человѣкъ стоятъ здѣсь, на высотѣ, и все же вокругъ торжественно тихо. И особую торжественность сообщаютъ всей этой картинѣ крестъ и Евангеліе, положенные между штыками шести боевыхъ винтовокъ, сложенныхъ въ козла и обращенныхъ остріями къ небу, покрытому клубящимися сѣрыми тучами.

Золотой крестъ и серебряныя украшенія Евангелія слабо поблескиваютъ между почернѣлыми, можетъ быть, не разъ окровавленными штыками, но это сопоставленіе не только не оскорбляетъ религіозное чувство, а даже почему-то не вызываетъ и никакихъ сомнѣній.

И высокій священникъ, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, стоитъ передъ этимъ воинскимъ аналоемъ, въ шитомъ золотомъ облаченіи, которое особенно живописно выдѣляется на грязно-сѣромъ фонѣ солдатскихъ шинелей, синевато-мутныхъ тучъ и печальныхъ осеннихъ далей.

Сейчасъ здѣсь, подъ этимъ низкимъ небомъ съ дымными тучами, будетъ отслужена панихида по убитымъ вчера воинамъ. Много ихъ пало при атакѣ Нишлоцкой высоты, и до сихъ поръ еще часть труповъ осталась неубранной. Цѣлое море труповъ. Оно такъ близко отсюда. Всего въ какихъ-нибудь полутора-двухъ верстахъ.

Но передъ тѣмъ, какъ будетъ отслужена панихида, героямъ-солдатамъ раздадутъ Георгіевскіе кресты.

Правда, всѣ они—герои и всѣ заслуживаютъ Георгія, но и среди достойныхъ надо отличить избранныхъ.

Въ то время, какъ полкъ выстроился по взгорью лицомъ на сѣверъ, — полковой командиръ съ офицерами стоятъ на правомъ флангѣ, нѣсколько отступивъ отъ солдатъ.

Одинъ изъ офицеровъ благоговѣйно держитъ Георгіевскіе кресты, разложенные на синей бумагѣ.

И вотъ, въ тишинѣ, которая глохнетъ подъ тучами, раздается нѣсколько осипшій отъ команды, торжественный и строгій голосъ командира:

— Награждается Георгіевскимъ крестомъ... — Голосъ повышается послѣ этихъ словъ и называетъ имя героя:

— Старшій унтеръ-офицеръ Кухнинъ.

Молчаніе. Никто не отзывается, и въ молчаніи чувствуется печаль.

И еще громче повторяетъ голосъ командира:

— Старшій унтеръ-офицеръ Кухнинъ.

Тогда въ отвѣтъ раздается сдержанно-скорбный голосъ изъ строя:

— Старшій унтеръ-офицеръ Кухнинъ раненъ и лежитъ въ лазаретѣ.

Блеснувшій въ рукѣ офицера Георгіевскій крестъ опускается на бумагу.

И опять тишина, и опять торжественно-строгій голосъ начальника:

— Ефрейторъ Сергѣй Бланкъ!

Въ строѣ происходитъ нѣкоторое замѣшательство. Кого-то бережно выпираютъ впередъ, а тотъ не рѣшается, не вѣря своему счастью.

— Тебѣ! Тебѣ! — слышится шопотъ вокругъ него. — Слыхалъ: — Бланкъ.

Приземистая, скромная фигура еврея выступаетъ впередъ, еще разъ нерѣшительно оглядывается на товарищей и движется по направленію къ начальству.

— Ефрейторъ Сергѣй Бланкъ, поздравляю тебя съ Георгіемъ за твой геройскій подвигъ!—говоритъ командиръ, и прикалываетъ къ сѣрой шинели солдата съ лѣвой стороны груди Георгіевскій крестъ.

Тотъ блѣднѣетъ отъ волненія и еле-еле въ состояніи выговорить благодарность.

Съ крестомъ на груди онъ поворачивается налѣво кругомъ, отходитъ къ своему строю и теряется въ его рядахъ.

И опять голосъ командира вызываетъ:

— Рядовой Иванъ Сидоровъ!

И опять не сразу и несмѣло выдѣляется изъ строя невзрачный сѣрый человѣкъ и подходитъ къ начальнику.

— Поздравляю тебя, Иванъ Сидоровъ, — обращается къ нему командиръ.

Солдатъ смотритъ въ лицо его открытымъ, какъ-будто изумленнымъ взглядомъ. Хочетъ поблагодарить и не можетъ. Губы его беззвучно шевелятся. И вдругъ изъ сѣрыхъ глазъ, окруженныхъ запылившимися морщинами, выкатываются крупныя слезы.

Онѣ бѣгутъ по исхудалому темному лицу и падаютъ на истоптанную землю.

Но онъ самъ не замѣчаетъ этихъ слезъ и отходитъ обратно.

Послѣ него вызывается другой Иванъ Сидоровъ, третій, четвертый...

Они подходятъ, каждый по-своему, принимаютъ кресты и возвращаются въ строй.

Я съ волненіемъ слѣжу за всѣмъ этимъ торжествомъ, за всѣми этими сѣрыми родными героями, награждаемыми георгіевскими крестами.

Что же должны переживать они, получая свою высокую награду!

Съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваюсь я въ заурядныя лица ихъ, когда они подходятъ за полученіемъ награды и потомъ — когда отходятъ съ бѣлымъ крестикомъ на груди. И мнѣ кажется, что не только лица у нихъ становятся иныя, но и сами они какъ-будто преображаются.

Тутъ не просто раздача наградъ героямъ отличившагося полка. Тутъ какъ бы совершается нѣкое таинство, быть можетъ, таинство пріобщенія къ безсмертію, которое, конечно, имѣетъ мало общаго съ дутымъ житейскимъ тщеславіемъ.

Среди героевъ, которымъ присуждаются Георгіевскіе кресты, оказываются не только раненые, но и убитые. И въ этомъ награжденіи убитыхъ заключается тотъ мистическій смыслъ, который я имѣю въ виду.

II.

Когда окончилась раздача Георгіевскихъ крестовъ, командиръ прочелъ телеграмму Верховнаго Главнокомандующаго, горячо привѣтствовавшаго славный К — скій полкъ за геройскую битву подъ К—мъ и просившаго командира К—скаго полка передать героямъ Высочайшую благодарность.

Громкое «ура» отвѣтило на эту телеграмму. И когда замолкло, раздалась новая команда:

— На молитву!

Сотни головъ, бѣлокурыхъ и черныхъ, стриженныхъ и обросшихъ длинными волосами, сразу остались безъ фуражекъ.

Пѣвчіе солдаты отдѣлились отъ строя и встали слѣва отъ священника, обратившагося лицомъ на востокъ.

И когда затихло шарканье сапогъ по землѣ, и подъ низко спу-

ствившимися сѣрыми тучами опять настала тишина, священникъ тихо и благоговѣйно произнесъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Солдатъ-регентъ сдѣлалъ знакъ, и стройный хоръ дружно и сдержанно отвѣтилъ:

— А-а-минь.

Началась панихида.

Я присутствовалъ на многихъ торжественныхъ службахъ церковныхъ, слышалъ дивные церковные хоры въ великолѣпіи соборовъ, озаренныхъ тысячами огней. Но никогда, нигдѣ не волновало меня такъ богослуженіе, какъ здѣсь, на боевой высотѣ, гдѣ вчера только гремѣли артиллерійскія орудія, здѣсь, въ вѣчномъ храмѣ Господа Бога, куполомъ котораго служило безпредѣльное небо съ сѣрыми, тяжелыми тучами, передъ этимъ жуткимъ аналоемъ изъ скрещенныхъ винтовокъ, на которомъ, среди острыхъ боевыхъ штыковъ, покоились крестъ и Евангеліе.

Молодые, благоговѣйные голоса торжественно пѣли молитвы.— Низко-низко опускались стриженныя и обросшія волосами головы и поднимались, крестясь, заскорузлыя руки.

Когда же запѣли в ѣ ч н у ю п а м я т ь убитымъ, — всѣ, какъ одинъ, опустились на колѣни и плакали, стараясь скрыть свои слезы и наклоняясь для того лицомъ почти къ самой землѣ.

Была такая тишина, что голосъ священника, взволнованно понижавшійся по временамъ до шопота, былъ даже въ отдаленныхъ рядахъ слышенъ до послѣдняго слога.

А когда этотъ проникающій голосъ замолкалъ, слышался каждый вздохъ, каждое движеніе среди молящихся.

Чувствовалось, что всѣ охвачены глубокимъ, свѣтлымъ благоговѣніемъ.

Мнѣ напоминало все это далекое, раннее дѣтство. Почему-то представлялся страстной четвергъ и та неописуемая, сладостно-печальная дрожь сердца, когда мы, четыре мальчика-пѣвчихъ, пѣли на колѣняхъ передъ Царскими вратами:

Да исправится молитва моя,
Яко кадило предъ Тобою.
Воздаяніемъ руку моею —
Жертва вечерняя.

Слезы подступали къ глазамъ, и взглядъ самъ собою устремлял-

ся въ ту сторону, гдѣ нынче на кровавомъ полѣ, среди окоповъ, заваленныхъ трупами, офицеръ, пріѣхавшій съ нами, благоговѣйно поцѣловалъ синія мертвыя руки русскаго героя-знаменщика, перваго ворвавшагося на непріятельскую батарею и сраженнаго пулей.

Жертва вечерняя.

III.

Молитва окончилась, и священникъ сталъ говорить рѣчь.

Съ большой простотой, печалью и искренностью говорилъ онъ о павшихъ герояхъ и о любви къ родинѣ и о томъ великомъ долгѣ, который такъ свято выполняли наши войска въ этой войнѣ.

Вѣтеръ слегка шевелилъ его мягкіе бѣлокурые волосы, и красивое лицо было трогательно, важно и спокойно.

И опять была вокругъ святая и торжественная тишина, и еще ниже и темнѣе опускались тучи, точно благословеніе самого неба хотѣло опуститься вмѣстѣ съ ними на благоговѣйно склоненныя головы.

И вдругъ, въ ту самую минуту, какъ священникъ особенно яснымъ и проникновеннымъ голосомъ произнесъ:

— Нѣтъ большей радости, какъ жизнь свою положить за други своя, —

Тяжелый грохотъ, подобный удару грома, потрясъ тишину.

Никто даже не обернулся на этотъ грохотъ, а священникъ продолжалъ свою рѣчь.

Тогда раздался второй такой же громовый раскатъ.

И опять не дрогнулъ голосъ священника, заканчивавшаго свою рѣчь, и опять никто не повернулъ головы въ ту сторону, гдѣ прогремѣлъ взрывъ.

А было это не болѣе, какъ въ полуверстѣ отсюда. Тамъ, близъ деревни, возлѣ мельницы, разорвалось два непріятельскихъ бризантныхъ снаряда, которые германцы пустили въ наши позиціи, отступая изъ Г—ца, черезъ который на рысяхъ преслѣдовала ихъ наша артиллерія.

IV.

По окончаніи молитвы и ликующаго многолѣтія, пропѣтаго какъ бы вспыхнувшими радостью голосами, Георгіевскіе кавалеры были выдѣлены изъ строя и особнякомъ стали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего полка.

Командиръ скомандовалъ снова:

— Знамя впередъ!

И новый знаменщикъ, замѣнившій убитаго, молодой, смуглый солдатъ съ сіяющими глазами выступилъ впередъ со знаменемъ, не разъ прострѣленнымъ пулями, съ короткимъ древкомъ, переломленнымъ въ бою.

— Сабли на-голо! — раздалась команда.

Нѣсколько сотъ сабель, одновременно лязгнувъ, вырвались изъ ноженъ и блеснули въ тускнѣющемъ воздухѣ.

— Въ колонны по отдѣленіямъ — стройсь!

Два-три дружныхъ движенія, и полкъ построился въ колонны.

— Капитанъ! — скомандовалъ командиръ. — Проведите полкъ передъ Георгіевскими кавалерами.

Очень высокій, худой, старый капитанъ, съ изможденнымъ лицомъ, браво выпрямился, гордо поднялъ сѣдую, коротко остриженную голову и—грудь впередъ—повелъ колонны еще не успѣвшаго пополниться полка передъ Георгіевскими кавалерами.

Старый капитанъ шелъ, сохраняя бравый видъ, но правая нога съ трудомъ повиновалась ему. Онъ недавно былъ контуженъ въ бою и не могъ ходить безъ палки. Давно уже выслужилъ онъ свой срокъ, былъ въ отставкѣ, но два сына офицера пошли на войну, и онъ пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Теперь одинъ сынъ лежалъ въ госпиталѣ въ Варшавѣ, раненый въ грудь на-вылетъ, другой былъ неизвѣстно гдѣ.

Георгіевскіе кавалеры стояли, не шелохнувшись. Ихъ лица еще болѣе поблѣднѣли и вытянулись отъ волненія, а глаза у многихъ были влажны отъ слезъ.

О, конечно, никогда, никогда, до самаго смертнаго часа не забудутъ они этихъ великихъ, радостныхъ минутъ, начиная съ того самаго мгновенія, какъ каждый изъ нихъ выходилъ на вызовъ командира и подставлялъ свою грудь подъ маленкій, бѣлый крестикъ, который навсегда останется отрадой и гордостью ихъ бѣдной жизни, вплоть до того, какъ передъ ними — стройными рядами, съ саблями на-голо, въ полномъ боевомъ вооруженіи, и даже съ лопатками у ноги, прошли, отдавая честь, ихъ боевые товарищи.

— Спасибо, молодцы! — крикнулъ дружно проходившимъ колоннамъ командиръ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! — радостно отвѣтили сотни голосовъ.

Прошли послѣдніе ряды.

Торжество окончилось.

— Вольно, по домамъ! — раздалась послѣдняя команда.

По домамъ, значило — по окопамъ.

Смѣшались ряды — Георгіевскіе кавалеры опять слились съ товарищами и потянулись внизъ, къ окопамъ.

Священникъ уже стоялъ не въ пышномъ парчевомъ облаченіи, а въ черной рясѣ.

Все сразу какъ-то обѣднѣло, и еще болѣе потускнѣлъ печальный осенній день, склонявшійся къ закату, и потемнѣли и ниже опустились тяжелыя тучи.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ.

I.

То и дѣло приходится мнѣ оставлять очередной матеріалъ и отступать отъ хронологической связи событій и впечатлѣній, ради впечатлѣній новыхъ, которыя, какъ ключи изъ-подъ земли вырываются наружу и привлекаютъ къ себѣ своей необыкновенной свѣжестью.

Я разскажу о сказочныхъ подвигахъ эскадрона безсмертныхъ гусаръ, которые подъ начальствомъ ротмистра Беккера пять недѣль метались между жизнью и смертью, окруженные и преслѣдуемые врагами, поражая ихъ не только своимъ оружіемъ, но и своей легендарной дерзкой отвагой, которая заслуживаетъ картины и пѣсни.

II.

Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ ротмистръ Б. повѣрилъ и убѣдился, что останется живъ, что тридцатипятидневная страшная гонка за нимъ враговъ окончилась, что онъ почти неслыханнымъ чудомъ ускользнулъ съ своими солдатами отъ смерти, которая со всѣхъ сторонъ гнала и травила ихъ со стороны полуторамилліонной вражеской арміи, какъ звѣрей, по лѣсамъ и трущобамъ.

Воображаю, какимъ свѣтлымъ сномъ долженъ ему казаться

послѣ этихъ дикихъ лѣсовъ и трущобъ великолѣпный отель, гдѣ я только что выслушалъ отъ него эту героическую повѣсть, разсказанную съ той простотой и скромностью, которыя отличаютъ настоящихъ героевъ отъ рыцарей на часъ, и въ которой разсказчикъ приписываетъ успѣхи и удачи не столько себѣ, сколько своимъ спутникамъ и товарищамъ.

Я гляжу на это тщательно выбритое, открытое и честное лицо, на эти руки съ искусно-отдѣланными ногтями и понимаю, что, когда ротмистръ Б. самъ взглядываетъ въ зеркало и видитъ себя такимъ, ему хочется себя ущипнуть и засмѣяться отъ радостнаго торжества. Да неужели это онъ, небритый, въ пыли и грязи, измученный и почти отчаявшійся въ спасеніи, сидѣлъ передъ огнемъ въ простой деревенской избѣ, совершенно голый, въ то время, какъ сердобольная женщина, крестьянка, мыла въ сѣняхъ его пропотѣвшее насквозь, грязное, измятое въ тряпку бѣлье.

Это было такъ недавно. Всего дней восемь-десять тому назадъ. Такъ недавно, и такъ далеко. Далеко, какъ смерть, которая изо дня въ день, изъ часа въ часъ тридцать пять дней и ночей сторожила его и весь его эскадронъ изъ-за каждаго деревца, изъ-за каждаго холма и окопа, на каждомъ шагу.

13-го октября ротмистръ Б. получилъ приказаніе сдѣлать энергичную развѣдку со стороны Д. на Мѣховъ.

III.

— Что таиться, — добродушно сознается ротмистръ Б. — На войнѣ всѣ становятся поневолѣ суевѣрными. Мнѣ не понравилось число 13, но, разумѣется, я не возражалъ. Въ развѣдку такъ въ развѣдку!

Выступили съ эскадрономъ я и еще одинъ офицеръ. Въ районѣ Мѣховъ—Сломинка, верстахъ въ 30-ти отъ нашей дивизіи, нарываемся на непріятельскія колонны. Это были лишь брызги той полуторамилліонной австро-прусской арміи, которая двумя грозными потоками должна была слиться у Варшавы и по пути смыть и потопить, съ одной стороны, Кѣльцы—Радомъ—Гродискъ, — съ другой — Ивангородъ и Люблинъ со всѣми попутными городками, мѣстечками и деревнями. Но, конечно, тогда я еще этого и не подозрѣвалъ.

Я даю начальству соотвѣтствующее донесеніе.

Наша дивизія послѣ этого донесенія отходитъ на 40 верстъ назадъ, а я получаю приказаніе продолжать развѣдку.

Такимъ образомъ, я уже очутился не за 30, какъ было раньше, а за 70 верстъ отъ своихъ.

Продолжаю развѣдку съ моими молодцами, и тутъ сразу попадаю прямо, что называется, въ кашу непріятельскихъ войскъ.

Подъ Мѣховымъ начинается форменная баталія, и мой товарищъ — офицеръ, убитый или раненый, но, во всякомъ случаѣ, спѣшенный съ коня злою пулей, — попадаетъ въ непріятельскія руки.

Кромѣ него, пропадаютъ еще 10 человѣкъ моихъ молодцовъ. Двое изъ нихъ вскорѣ, однако, вернулись, 8 — погибло.

На второй день — стычка съ непріятельской пѣхотой. Въ этой стычкѣ одинъ солдатъ былъ убитъ, трое ранены и убиты двѣ лошади.

Среди раненыхъ геройски держалъ себя рядовой С. Онъ былъ раненъ тяжело, въ животъ. Пуля вышла въ спинѣ, разворотивъ ее ужасно, но онъ не только не стоналъ, а еще подшучивалъ и улыбался.

— Больно тебѣ, С.? — спрашиваю я его при товарищахъ.

Конечно, я не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что онъ долженъ испытывать страшное мученіе и, если спросилъ его, то лишь ради того, чтобы выказать вниманіе къ солдату, которое они не могутъ не цѣнить.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Такъ что пустое совсѣмъ дѣло.

— Не нужно ли тебѣ чего?

Онъ помялся и, продолжая улыбаться, кивнулъ на солдатъ.

— Прикажите, ваше высокоблагородіе, рядовымъ уйти.

Я сдѣлалъ знакъ, и тѣ удалились.

Тогда съ лица раненаго сразу сошла улыбка.

Онъ стиснулъ зубы отъ невыносимой боли и, не выдержавъ, прошепталъ:

— Мнѣ очень болитъ, ваше высокоблагородіе, но я не хочу показывать этого передъ ними, чтобы не смущались.

Надо было во что бы то ни стало отправить раненыхъ обратно, къ своимъ.

Полякъ-мужикъ взялся довезти ихъ. Но, какъ потомъ тотъ же мужикъ разсказывалъ намъ, довезти ихъ не удалось: непріятель разлился повсюду и захватилъ повозку.

Въ то время какъ двое другихъ, гораздо легче раненыхъ, ѣхав-

шихъ вмѣстѣ съ С., пріуныли, С. и передъ врагами держалъ себя гордо и смѣло.

Докторъ-нѣмецъ, наклонившись къ С., спросилъ его на плохомъ русскомъ языкѣ, указывая на вензель на погонахъ.

— Что это значитъ?

— Вы сами должны знать, — отвѣтилъ С. — А не знаете, такъ не мнѣ говорить.

IV.

Ночевали мы на бивуакѣ.

Ночь была темная, облачная.

Только рано утромъ, проснувшись, узнали, что ночевали всего въ верстѣ съ небольшимъ отъ непріятеля, который и не подозрѣвалъ нашей близости, какъ мы — его.

Но непріятельскій эскадронъ нащупалъ насъ, и пришлось покинуть участокъ.

Прошли мы черезъ рѣчку и наткнулись на засаду.

Загремѣли выстрѣлы. Засвистѣли пули. Подъ однимъ изъ солдатъ моихъ убили лошадь. Онъ вскочилъ на лошадь товарища, и мы ускакали.

Пріѣзжаемъ въ большое помѣщичье имѣніе Санцигневъ.

Управляющій такъ и ахнулъ, увидѣвъ насъ.

— Какъ вы сюда попали? Вѣдь кругомъ кишмя кишатъ нѣмцы.

— Знаю.

— Ихъ тутъ въ ближайшихъ деревняхъ цѣлая дивизія.

— Да, да, знаю. Это хорошо, что нѣмцы любятъ стоять по деревнямъ. Я продержусь такимъ образомъ.

— Какимъ образомъ?

— Въ лѣсахъ.

Разспросилъ его, что надо. Онъ разсказалъ мнѣ про хробержскіе лѣса, которые окружаютъ Санцигневъ, про пути и перепутья, которые идутъ отсюда во всѣ стороны.

Тогда я рѣшилъ отправить одного своего молодца-поляка къ своей дивизіи.

— Проберешься, братецъ?

Тотъ, не сморгнувъ глазомъ, отвѣчаетъ:

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Безпремѣнно проберусь.

— Ну, съ Богомъ.

Перекрестился, простился со мною, съ товарищами и пустился въ путь, черезъ лѣса и лощины, гдѣ по всѣмъ дорогамъ извивались непріятельскіе обозы, сновали разъѣзды, огромными массами двигались войска.

Конечно, будь онъ безъ формы, пробраться было бы легче. Но мундиръ—великая честь для солдата, и онъ хотѣлъ явиться передъ своимъ начальствомъ не какъ перевертень, а какъ воинъ. Это было ему не суждено.

Ѣдетъ онъ такъ-то въ мужичьей телѣгѣ, набитой соломой. Видитъ, вдали непріятель. Пришлось зарыться въ соломѣ и притаиться тамъ.

Догоняетъ ихъ нѣмецъ.

Не долго разговаривая, останавливаетъ телѣгу, приказываетъ мужику везти себя и лѣзетъ на солому.

— Сюда, сюда! — старается мужикъ указать ему мѣсто, чтобы нѣмецъ не сѣлъ прямо на голову спрятаннаго. — Здѣсь, панъ, вамъ будетъ лучше.

Но нѣмецъ самъ выбралъ себѣ мѣсто и сѣлъ на солдата.

Ни живъ, ни мертвъ, везетъ мужикъ двухъ враговъ.

Такъ ѣдутъ часъ, другой. Солдатъ не шевелится. Такъ доѣхали къ ночи до мѣстечка Пинчова.

Тутъ, на мосту, когда проѣзжали черезъ рѣку, не выдержалъ нашъ солдатъ: очень ужъ больно придавилъ его нѣмецъ, дышать стало нечѣмъ.

Онъ повернулся въ соломѣ.

— Was ist hier?

Солдатъ нашъ, видя, что скрываться дальше нельзя, выскочилъ изъ соломы, выхватилъ у нѣмца винтовку и хватилъ его прикладомъ такъ, что тотъ свалился, но, падая, успѣлъ закричать.

Товарищи нѣмца услышали...

Началась пальба.

Тогда солдатъ крикнулъ мужику:

— Удирай!

Тотъ хлестнулъ изо всей силы коней и сталъ удирать отъ нѣмецкой пѣхоты, а солдатъ бросился съ моста въ рѣку.

Переплылъ ее и пустился бѣжать «до лясу», — какъ разсказывалъ онъ потомъ.

— Выстрѣлы непріятельскіе затрещали со всѣхъ сторонъ, но темная ночь помогла нашему солдату убѣжать и отъ пуль, и отъ погони.

Въ избѣ укрывшаго его лѣсника онъ долженъ былъ переодѣться изъ форменнаго платья въ штатское и опять — въ дорогу, тою же ночью; времени нельзя было терять ни минуты, да и погоня за нимъ была разослана во всѣ стороны, такъ какъ нѣмцы догадались, что солдатъ ѣхалъ такимъ образомъ неспроста.

Поневолѣ простымъ мужичкомъ пробирается онъ куда надо.

Встрѣчаетъ его непріятельскій эскадронъ:

— Не видѣлъ ли здѣсь русскаго солдата одного?

— Ни. Не видѣлъ одного, а много видѣлъ.

— Гдѣ?

Онъ указалъ имъ въ сторону.

— Вонъ тамъ. Два эскадрона ѣдутъ.

Тѣ повернули коней обратно и ускакали.

Такъ онъ добрался до нашей дивизіи. Передалъ имъ что надо.

Командиръ похвалилъ молодца, обѣщалъ представить къ наградѣ.

— Только иди назадъ къ своему ротмистру Б. и прикажи ему немедленно возвращаться къ намъ, потому что идетъ страшная нѣмецкая сила. Понялъ?

— Понялъ.

— Берешься отыскать ихъ?

— Отыщу, — твердо отвѣтилъ солдатъ.

И пустился въ обратный путь.

Надо было воистину обладать чутьемъ звѣринымъ, чтобы найти свой эскадронъ.

— Мы, — разсказываетъ ротмистръ Б. — разумѣется, не только не стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ разстались съ нашимъ вѣстовымъ, а крутились по лѣсамъ туда и сюда, чтобы сбить съ толку преслѣдовавшаго насъ непріятеля. Заметали наши слѣды, ускользали изъ засадъ, дурачили непріятельскіе разъѣзды.

Патроны, конечно, приходилось беречь, какъ жизнь, и если мы вынуждены были пускать пулю, пускали ее лишь въ крайнемъ случаѣ и навѣрняка.

Надо не только отдать должное польскимъ мужикамъ, которые всѣми средствами способствовали нашему спасенію, кормили и пои-

ли насъ безъ всякой платы, потому что денегъ у насъ не было,—но и рисковали собственной жизнью ради насъ, устраивали свою охрану, предупреждали объ опасности.

Какъ-то прибѣгаетъ такой польскій мужичокъ къ намъ въ лѣсъ. Версты четыре бѣжалъ, запыхался, вспотѣлъ.

— Тамъ,—говоритъ, — какой-то русскій солдатъ разыскиваетъ васъ.

— Тащи его сюда.

Оказался нашъ вѣстовой!

V.

Вернуться назадъ?

Легко сказать. Но какъ это сдѣлать, когда на десятки верстъ кругомъ непріятель замкнулся огненнымъ кольцомъ, и пламя этого огня то и дѣло прорывается къ отрѣзанному со всѣхъ сторонъ эскадрону и грозитъ уничтожить его.

Если надо было вѣстовому имѣть звѣриное чутье, не меньшее чутье должно было быть и у ротмистра Б., чтобы избѣгать смертельной опасности. Правда, онъ не надѣялся остаться живымъ, но надо было употребить всѣ силы, чтобы спастись съ своими отважными солдатами. Не суждено, — тогда погибнуть, но какъ можно дороже продать свою жизнь, и погибнуть доблестно. О томъ, чтобы сдаваться живыми, не могло быть и рѣчи.

Звѣриная жизнь въ лѣсахъ, ночевки подъ открытымъ небомъ въ ненастье и холодъ, подъ дождемъ и бурей, вѣчная тревога и напряженность взвинчивали нервы до послѣдней степени. Ни на одно мгновеніе нельзя было забыться или выказать передъ солдатами свое колебаніе. Они глядѣли въ глаза своему начальнику, угадывали малѣйшее его желаніе, готовы были каждую минуту умереть за него, но безъ него навѣрное растерялись бы и пропали.

И они понимали и чувствовали это сами, а потому рѣшили охранять его жизнь со всей зоркостью и самоотверженностью, на которыя были способны. Деликатно, черезъ вахмистра, они предложили ему двухъ ординарцевъ, какъ-будто изъ чести, а на самомъ дѣлѣ, чтобы тѣ, не отставая ни на шагъ съ обѣихъ сторонъ, тѣло къ тѣлу защищали его этими преданными тѣлами отъ пуль.

Ночью они охраняли его покой, когда онъ, усталый, измучен-

ный, ложился на принесенные ими вороха опавшихъ листьевъ и засыпалъ сторожкимъ сномъ.

Проснувшись однажды, онъ увидѣлъ, что на караулѣ въ лѣсу стоятъ не двое, какъ было имъ сдѣлано распоряженіе, а четырнадцать человѣкъ, жертвовавшихъ добровольно своимъ сномъ.

Онъ было возмутился этимъ, но пришлось примириться.

— Намъ нипочемъ не поспать ночь. — отвѣчали ему солдаты.— Мы по очереди не спимъ.

— Ну, какъ не беречь такихъ молодцовъ! — съ восторгомъ восклицаетъ ротмистръ Б. — Только разъ они немного проштрафились по своей простотѣ.

Налетѣлъ на насъ въ лѣсу непріятель. Отбиваясь, мы разсыпались кто куда, а условіе было все же не терять другъ друга изъ вида. Смотрю—возлѣ меня только 24 человѣка изъ сотни. Ну, особенно не волнуюсь, знаю, что не потеряются. Только надо осторожность соблюдать.

Не успѣлъ я это подумать, какъ начинается свистъ по лѣсу, крикъ, ауканье. Ахъ, черти полосатые! Бросились мы на эти крики. Еле угомонили ихъ. Однако, двоихъ потеряли въ лѣсу, потому что непріятель не могъ не явиться на этотъ гвалтъ.

Покрутились, покрутились мы послѣ этого по лѣсу и поѣхали назадъ, къ дер. Топоровъ.

По пути встрѣчаю помѣщика изъ Санцигнева. Онъ, оказывается, стороной узналъ, что мы въ лѣсу, и отправился насъ разыскивать, чтобы предупредить объ опасности. Жена и дочь въ страшномъ волненіи. Забрались куда-то на вышку.

— Будемъ сторожить непріятеля, пока вы здѣсь. Вѣдь враги знаютъ, что вы въ лѣсу.

— Знаю, что знаютъ.

— Мало того, они знаютъ, кто вы и кто у васъ командиръ полка и гдѣ.

Это уже было тяжело. Преподлое состояніе не знать, что съ нашими войсками, куда они отошли. Каково вообще положеніе наше тамъ и тутъ. А при этомъ еще и самъ окруженъ непріятелемъ.

Однако, отдаваться всѣмъ этимъ мыслямъ было некогда. Несмотря на то, что сіялъ бѣлый день, скомандовалъ я въ путь. На рысяхъ дошли мы до большой дороги и тутъ наткнулись на непріятельскій обозъ.

Надо было во что бы то ни стало прорваться. Обозъ безконечный. Идутъ и идутъ по дорогѣ. А мѣстность дрянь: оврагъ на оврагѣ.

Бросились мы прямо на обозы. Произвели ужаснѣйшую панику. Обозники кто куда, лошади на дыбы, повозки кувыркомъ. Обозная охрана была позади и не могла насъ догнать выстрѣлами. Такъ мы прорвали выходъ и опять въ лѣса.

Дорвались до лѣсничаго. Онъ взялся проводить насъ черезъ храборжскіе лѣса, безъ дорогъ. Мы двинулись съ нимъ и ночью вышли на Грабы.

Въ деревнѣ встрѣтили насъ мужики.

— Ой, панове, зачѣмъ вы сюда пришли! Вѣдь здѣсь все полно нѣмцами.

Дѣйствительно, мы попали прямо, можно сказать, въ огонь.

Вдоль берега рѣки Нида, куда только хватитъ глазъ, горѣли непріятельскіе костры, и около нихъ шевелились тысячи людей и лошадей. Охрана ихъ доходила почти до самой деревни.

Что тутъ было дѣлать? Отступать назадъ невозможно, потому что и тамъ враги. Надо было во что бы то ни стало пробиваться впередъ. Каждое мгновеніе мы могли быть открыты.

— Гдѣ бродъ? — спросилъ я.

Крестьяне указали.

— Ой, панове, куда же вы пойдете? Вѣдь васъ не могутъ не увидѣть нѣмцы, когда вы будете переправляться черезъ рѣку. Всѣхъ васъ они перебьютъ.

Я и самъ втайнѣ думалъ то же самое. Но непріятно было, что крестьяне своими страхами смущаютъ моихъ солдатъ.

Я собралъ солдатъ и говорю:

— Вотъ что, братцы. Дѣло можетъ быть серьезное. Кто чувствуетъ слабость или колебаніе — отходи. Жизнь тоже дѣло не шуточное. Я ни словомъ не упрекну.

Никто не двинулся.

Тогда я поѣхалъ первымъ, а они всѣ за мной. Утро занялось яркое, солнечное.

Населеніе деревни провожало насъ, и не только женщины, но и мужчины плакали.

Передъ тѣмъ, какъ броситься черезъ рѣку, я собралъ всѣхъ и, обнаживъ головы, мы прочли «Отче нашъ».

Откуда ни возьмись налетѣла туча. Хлынулъ ливень.

Мы поскакали къ рѣкѣ и стали переправляться черезъ нее, каждое мгновеніе ожидая огненнаго града и погони.

Но совершилось какое-то чудо. Вѣрно, непріятелю и въ голову не могло прійти, что врагъ могъ бы отважиться на подобную дерзость. Ни одна пуля не коснулась насъ.

Зато, едва выбравшись изъ рѣки, попали въ болота между Храборжемъ и Непровицами. Пришлось спѣшиться.

Какой-то полякъ тотчасъ предупредилъ насъ и тутъ, что передъ нами опять враги. Но это ясно было и безъ того. Я въ бинокль увидѣлъ, какъ непріятельскія роты разсыпались противъ меня въ цѣпь. Начался обстрѣлъ. Позади болота и рѣки Нида и дальше непріятель. Впереди непріятельскій обозъ.

— На коней!

Мы ринулись напроломъ. Въ теченіе 5—7 минутъ проскакали мы три версты подъ безпрерывнымъ огнемъ. Но Богъ хранилъ насъ: лишь одна лошадь была убита, и спѣшившійся доскакалъ на одной лошади съ товарищемъ.

Нижніе чины послѣ этого замѣтно пріободрились. Мы снова вырвались изъ смертельнаго огня, на этотъ разъ болѣе опаснаго, чѣмъ когда бы то ни было.

VI.

... И вотъ опять мы въ лѣсу. Наступаютъ сумерки. Мы идемъ на западъ, все на западъ и около лѣса, на опушкѣ, видимъ фольваркъ, а въ верстѣ отъ него — опять нѣмецкіе обозы.

Но мы ужъ такъ измучены, что, не взирая на опасность, ложимся здѣсь спать.

Утромъ будитъ насъ еврей и говоритъ, что только что былъ поблизости нѣмецкій шпіонъ.

Ладно. Шпіонъ такъ шпіонъ. Хотѣлось ѣсть и мнѣ и людямъ.

Послали въ деревню. Поляки понанесли всего: и хлѣба, и молока, и яицъ.

Подкрѣпились мы и собрались въ путь. Встрѣтили разъѣздъ австрійскій, но онъ ушелъ отъ насъ. За нимъ — эскадронъ. Я былъ убѣжденъ, что за эскадрономъ пѣхота, и потому распорядился до поры до времени беречь пули.

Но къ намъ подскакалъ австрійскій дозоръ, три человѣка. На

каждаго изъ нихъ достаточно было по одной пулѣ: всѣхъ троихъ спѣшили и пустились въ лѣсъ. Доскакали до курорта Солецъ. Дальше — опять непріятельскій обозъ. Накинулись на него, но поджечь обозъ не было времени. Надо было ускакать отъ преслѣдованія непріятельскаго эскадрона... Вижу, на горѣ, которой намъ никакъ нельзя было миновать, непріятельская батарея.

Я скомандовалъ:

— Въ атаку!

Бросились мы туда, оказывается, зарядные ящики и при нихъ сорокъ пять человѣкъ охраны австрійскихъ поляковъ.

Перепугались тѣ на-смерть, сдались.

Мы набрали, сколько надо, патроновъ, взяли лошадей получше, а то наши совсѣмъ измотались, и приказали австрійцамъ потопить всѣ зарядные ящики въ рѣкѣ.

Они исполняли все. Перерѣзавъ всѣ ихъ телефоны и телеграфы, мы двинулись дальше, не тронувъ враговъ.

На пути попадаю въ имѣніе Войчъ. Вижу на горѣ — Красный Крестъ австрійскій. Направляемся прямо туда.

Застаю накрытый столъ. Помѣщикъ Пепель перепугался и за меня и за себя.

— Какъ вы сюда попали? Бѣгите скорѣй: вѣдь здѣсь въ 6 верстахъ непріятельскій штабъ.

— Очень хорошо, — говорю. — Но сначала я пообѣдаю, а вы прикажите накормить лошадей.

Какъ онъ ни охалъ, я отлично пообѣдалъ. Мои молодцы также. И лошадей накормили.

Пустились на востокъ, на Вултки, и опять обозы, опять враги. Замѣтили насъ. Пѣхота ихъ разсыпалась противъ насъ. Заблестѣли кивера. Пришлось повернуть на сѣверъ. Тутъ, на горѣ стоялъ непріятельскій постъ—шесть человѣкъ. Всѣмъ шести снесли головы, такъ какъ они, изо всѣхъ силъ крича, бросились на насъ съ винтовками. Это были венгерцы и умерли они смертью храбрыхъ. Но сильнѣе ихъ меня поразилъ одинъ ихъ кавалеристъ, который бросился отъ обоза намъ наперерѣзъ. Машетъ, чтобы мы сдавались, такъ какъ со всѣхъ сторонъ нѣмцы. Дѣйствительно, летятъ на коняхъ, какъ саранча. Пѣхота открыла по насъ огонь. Шесть нижнихъ чиновъ моихъ спѣшили. Вижу, тотъ смѣлый всадникъ на сѣ-

ромъ конѣ прицѣлился въ седьмого—убилъ подъ нимъ лошадь. Пришлось этого непріятельскаго смѣльчака срѣзать съ сѣдла. Наши шесть человѣкъ, подъ которыми были убиты лошади, вскочили на лошадей своихъ товарищей. Тотъ же, послѣдній, отсталъ.

VII.

Едва всадники въѣхали опять въ лѣсъ, какъ лѣсничій сообщилъ имъ, что невдалекѣ въ лѣсу есть еще русскіе, цѣлыхъ два эскадрона.

— Что за вздоръ! Не можетъ быть.

— Клянусь, панъ, русскіе!

Чтобы не попасть впросакъ, ротмистръ Б. заявилъ:

— Если такъ, пусть они вышлютъ своего, а я своего въ такое-то мѣсто, и мы сговоримся.

— Вообразите же вы себѣ мою радость! — вскочивъ съ кресла, воскликнулъ ротмистръ, ярко переживая этотъ удивительный моментъ. — Оказались дѣйствительно два нашихъ эскадрона, отрѣзанные близъ Хмѣльника такъ же, какъ и мы, съ тою только разницею, что они были въ передѣлкѣ всего второй день, а мы уже скитались, какъ лѣсные братья, 9 дней.

У нихъ было 10 офицеровъ, и теперь мы представляли собой значительную силу. Насъ было 270 человѣкъ.

Собрали совѣтъ, какъ дѣйствовать. Пока что, отправились въ Санцигневъ. Тутъ помѣщикъ разсказалъ намъ, что у него стоялъ нѣмецкій штабъ, и прусскій генералъ заявилъ, что они не подозрѣвали сначала, что у русскихъ такая превосходная артиллерія и такое побѣдоносное войско. Но теперь собрали они полуторамилліонную армію и идутъ взять Ивангородъ, Варшаву. Зимовать собираются на линіи крѣпостей Ковно—Брестъ-Литовскъ, что противъ поляковъ они ничего не имѣютъ. Наоборотъ, дадутъ имъ автономію и... короля изъ своихъ кронпринцевъ.

— А австрійцамъ?

— О, разумѣется, ничего. Австрія уже почти не существуетъ.

Попутно онъ разсказывалъ небылицы о побѣдахъ надъ русскими и тамъ, и тутъ.

— Да и сами мы раньше слышали въ тылу, что Варшава уже взята.

Все это наполнило сердце горечью, но не могло сломить нашей энергіи. Когда мы выѣхали изъ лѣса, рѣшили пробраться черезъ Вислу въ Галицію, къ нашимъ войскамъ, или на Ивангородъ. Въ крайнемъ случаѣ, разбиться на партизанскіе отряды и погибнуть не даромъ.

Потянулись долгіе дни и ночи въ лѣсахъ.

VIII.

— Я перейду къ концу, — сказалъ ротмистръ Б. — Не стану подробно разсказывать, какъ неподалеку отъ Пацанова мы попали на австрійскую засаду и насъ обстрѣляли, и какъ при одной схваткѣ къ намъ добровольно присоединились два поляка-австрійца, заявивъ, что не желаютъ рядомъ съ пруссаками воевать противъ своихъ братьевъ, и о томъ, какъ насъ старались окружить непріятельскія войска. Конечно, дѣло не обходилось безъ потерь, но мы довольно счастливо избѣгали серьезнаго разгрома и постепенно приближались къ Кѣльцамъ.

На одной изъ стоянокъ намъ вручили нѣмецкую бумагу слѣдующаго содержанія.

«Командѣ разбитыхъ войскъ русской кавалеріи.

Въ окрестностяхъ Недзялка вы остались со всѣхъ сторонъ окружены. Намъ приказано взять васъ живыми или мертвыми. Увѣряю васъ, что вы отъ насъ не уйдете, но мы не желаемъ напрасно проливать кровь столь храбрыхъ противниковъ. Если вы добровольно сложите оружіе, мы ручаемся вамъ честнымъ офицерскимъ словомъ, что не только поступимъ достойно, какъ съ гг. офицерами, такъ и съ рядовыми, но сами засвидѣтельствуемъ о вашей храбрости.

Ожидаемъ парламентера съ вашей стороны въ отвѣтъ на наше объявленіе. Пусть явится онъ съ бѣлымъ флагомъ къ наиближайшему отряду нашихъ войскъ.

Данъ 12 октября (29 н. ст.) 1914 г. Настоящее объявляемъ передъ войтами гминъ съ тѣмъ, чтобы при первой же встрѣчѣ съ русскими кавалеристами, имъ была вручена эта бумага.

Тутъ не вполнѣ разборчиво стояли двѣ подписи нѣмецкихъ офицеровъ.

Бумагу эту сохранилъ на память ротмистръ Б.

Они направились къ Кѣльцамъ и тутъ одинъ польскій помѣщикъ изъ д. Мархи вызвался узнать имъ о положеніи дѣлъ.

Помѣщикъ отправился въ Кѣльцы и узналъ въ кафе отъ одного австрійскаго офицера, что непріятель покидаетъ Кѣльцы.

— Можете себѣ представить, какъ это насъ обрадовало! — воскликнулъ Б. — Мы стали продвигаться ночью все ближе къ цѣли! У деревни Циссова встрѣтили мы австрійскій разъѣздъ и спѣшили четырехъ непріятельскихъ гусаръ.

Оказался патруль.

На допросѣ потребовали у нихъ бумаги и нашли важный для насъ планъ. Австрійцы шли по одной и другой опушкѣ лѣса, и мы неизбѣжно на этотъ разъ попались бы въ ихъ лапы, если бы не эта бумага.

Мы взяли плѣнныхъ и скомандовали имъ итти въ лѣсъ за нами.

Они убѣждены были, что ихъ разстрѣляютъ или повѣсятъ, но пошли съ достоинствомъ.

Мы подвели ихъ къ лѣсу и заявили, что даруемъ имъ жизнь и свободу.

IX.

Нѣмцы поступили по плану. Мы же смѣялись надъ ними.

Въ 2 ч. ночи мы съ проводникомъ поднялись черезъ лѣсъ въ горы, откуда видѣли три нѣмецкихъ эскадрона, которые направлялись туда, гдѣ мы ночевали наканунѣ. Они обстрѣливали это мѣсто съ такимъ усердіемъ, что будь мы тамъ, отъ насъ не осталось бы даже клочьевъ, но мы были уже въ Бодзентинскомъ лѣсу.

Тамъ лѣсникъ и его жена кормили насъ своимъ трудовымъ хлѣбомъ. Они отдали солдатамъ рѣшительно весь запасъ, который у нихъ имѣлся. То же дѣлали и жители сосѣднихъ деревень. А помѣщики П. и С. не только доставляли намъ ѣду, но и прямо-таки баловали насъ, доставляя горячую пищу въ лѣсъ, гдѣ подавался намъ роскошный обѣдъ на скатерти, сервированный серебромъ.

Тутъ же въ лѣсу оказался цѣлый взводъ нашихъ казаковъ, также отрѣзанныхъ непріятелемъ.

Ихъ отрѣзали при взрывѣ моста. Эти ушли въ лѣсъ, а часть попала въ болото. Они хотѣли сдаться, но нѣмцы перестрѣляли ихъ безъ всякой пощады.

Если мы за время нашего невольнаго бродяжничества превратились Богъ знаетъ во что, такъ какъ не раздѣвались цѣлыхъ пять недѣль, то на казаковъ положительно нельзя было смотрѣть безъ смѣха.

Нѣкоторые изъ нихъ обросли такой страшенной бородой и волосами, что ими можно было пугать медвѣдей.

Однако, жители ихъ очень почитали за то, что тѣ избавили ихъ отъ австрійскихъ мародеровъ, которые поселились въ одной изъ этихъ деревень и обложили всѣхъ жителей налогомъ.

Казаки сдѣлали облаву. Четверо попались въ избѣ. Заперлись.

— Сдавайтесь.

— Нѣтъ.

Казаки стали стрѣлять черезъ стѣну. Ранили двоихъ. Тогда всѣ четверо сдались и отдали 380 р. денегъ. Раненыхъ крестьяне отвезли къ австрійцамъ. Но тамъ начальникъ, къ чести его сказать, заявилъ, узнавъ о ихъ мародерствѣ:

— Напрасно не убили ихъ. Все равно, они будутъ разстрѣляны.

* * *

Эта встрѣча была послѣднимъ эпизодомъ жизни лѣсныхъ братьевъ-гусаръ, жизни, напоминающей о какихъ-то далекихъ романическихъ вѣкахъ.

Черезъ день они услышали отдаленные взрывы, а мужички-поляки сообщили имъ, что на линіи Островецъ—Опатовъ идетъ бой.

И вотъ, съ невѣроятной радостью увидѣли они, наконецъ, отступленіе непріятельскихъ войскъ, ихъ поспѣшно удаляющіеся обозы мимо убѣжища, гдѣ притаились русскіе скитальцы.

Ночь была ледяная, а костровъ разводить было нельзя.

Безконечно длилась эта ночь. Зато на разсвѣтѣ казакъ принесъ извѣстіе, что приближается развѣдочная русская сотня.

За этой сотней слѣдовала наша гвардія.

— И когда мы встрѣтились, никакая сильная воля не могла удержать радостныхъ слезъ, когда съ той и другой стороны грянуло вырвавшееся прямо изъ сердца—«ура».

Вѣдь мы были для нашихъ сотоварищей мертвецами, о которыхъ служили панихиды и проливали слезы близкіе и друзья.

ВСЛѢДЪ ЗА ВРАГОМЪ.

I.

Подъ далекіе тяжеловатые раскаты орудійныхъ выстрѣловъ приближаемся мы къ Кѣльцамъ.

Все чаще и чаще попадаются на пути длинныя телѣги съ ранеными. Дорога отвратительнѣе, чѣмъ раньше. Не говоря уже о сожженныхъ мостахъ и объ ужасныхъ переправахъ черезъ рѣчки и ручьи — вбродъ, шоссе все изрыто выбоинами и просто ямами. Автомобиль то и дѣло зарывается въ грязь и, если бы не австрійскіе плѣнные и не русскіе солдаты на пути, которые дружно вытаскиваютъ его изъ трясинъ, и колдобинъ, — пришлось бы бросить машину.

Но прошло вѣдь всего два-три дня, какъ отступающій непріятель испортилъ эти пути, и трудно требовать, чтобы они были уже исправлены.

Чѣмъ ближе къ Кѣльцамъ, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что канонада доносится не оттуда, а справа. Что же это значитъ? — Спрашиваемъ то и дѣло встрѣчныхъ:

— Что, еще Кѣльцы не взяты?

— Нѣтъ, еще не взяты.

Остается не болѣе часа пути до города, и все же получаемъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ, еще не взяты. Но наши войска стоятъ подъ Кѣльцами.

— Отчего же со стороны Кѣлецъ такъ тихо? Или это временный перерывъ?

Охватываетъ лихорадочное нетерпѣніе. Скорѣе! Скорѣе! Можетъ быть, попадемъ къ атакѣ, къ штыковому бою.

***

Въ этотъ необыкновенный для 21 октября, солнечный, теплый день, хвойные лѣса и лиственные, не совсѣмъ еще опавшіе здѣсь, даютъ такія удивительныя сочетанія, что на палитрѣ не хватило бы красокъ для передачи ихъ яркости, силы и звучности, которую золотистые и рубиновые тона листьевъ пріобрѣтаютъ отъ блистающихъ въ нихъ солнечныхъ лучей.

Тѣмъ страннѣе слышать этотъ отдаленный грохотъ канонады, тѣмъ печальнѣе кажутся эти длинныя тряскія телѣги съ ранеными, эти перевязанныя бѣлымъ головы, руки и ноги, выступающія изъ-подъ сѣрыхъ шинелей, эти блѣдныя землистыя лица съ страдальческимъ выраженіемъ въ каждой чертѣ и въ глазахъ, которые кажутся еще мучительнѣе, когда они открыты, нежели закрытые.

Высокія, покрытыя лѣсами, живописныя горы молчаливо и заботливо окружаютъ городъ, который уже проступаетъ вдали пестрыми черепичными, желѣзными и деревянными кровлями, а надъ ними возвышаются купола православныхъ и католическихъ храмовъ.

Теперь уже ясно, что эта канонада не имѣетъ никакого отношенія къ Кѣльцамъ, что она гремитъ издалека, справа отъ Кѣльцъ. Тамъ и небеса мутнѣе, и сѣрыми тучами взвиваются дымные клубы пожаровъ.

И даже эта какъ-будто мирная по виду картина нашего воинскаго бивуака подъ самымъ городомъ, эти бѣлыя походныя палатки, военныя повозки, кони, солдаты, несмотря на синеватыя дымки костровъ и лѣнивое движеніе, все говоритъ о войнѣ.

Издыхающая лошадь валяется при дорогѣ. Бѣдное животное открыло ротъ съ оскаленными зубами и дышитъ судорожно и тяжко. Видно, какъ отъ этого тяжелаго дыханія вздымаются выпячивающіяся подъ облѣзшей кожей ребра. Мальчуганъ, лѣтъ восьми, изъ ближайшей избы, принесъ пучокъ сѣна, наклонился къ издыхающей лошади и старается втиснуть ей этотъ кормъ между судорожно открытыми челюстями. Лошадь смотритъ прямо на него огромными страдальческими глазами.

Наша артиллерія спокойно вступаетъ въ городъ. Значитъ, все кончено. Мы, корреспонденты, опоздали къ атакѣ.

Оказывается, никакой атаки и не было. Нѣмцы сдали городъ безъ всякаго сопротивленія съ этой стороны. Сраженіе было нынче только въ десяткѣ верстъ отсюда.

Сотни полторы жителей вышли къ заставѣ посмотрѣть на вступленіе русскихъ войскъ. Они мирно разговариваютъ съ нашими солдатами, приносятъ имъ напиться воды, угощаютъ ихъ папиросами.

Наши автомобили задерживаются на нѣсколько минутъ, и я напрасно ищу въ этой картинѣ вступленія русскихъ войскъ въ за-

нятый всего нѣсколько часовъ тому назадъ непріятелями городъ какой-нибудь особенной торжественности.

Все такъ просто, спокойно. И все же далеко не буднично.

***

Нѣмцы отступали отъ Кѣльцъ съ такой поспѣшностью, что въ самомъ городѣ нашими солдатами были захвачены нѣсколько плѣнныхъ, не успѣвшихъ уйти.

Ихъ присоединили къ тѣмъ плѣннымъ, что были взяты подъ Хенцинами и содержались сначала въ магистратѣ, а затѣмъ въ тюремномъ дворѣ передъ тѣмъ, какъ всѣхъ направили дальше въ Россію черезъ Радомъ. Я зашелъ къ плѣннымъ и засталъ самую мирную картину. Пообѣдавъ, плѣнные бесѣдовали съ нашими солдатиками о войнѣ и о своихъ семейныхъ дѣлахъ, угощались табачкомъ и, конечно, чувствовали себя несравненно лучше, нежели на полѣ брани, гдѣ ихъ гнали русскія войска, и гдѣ пруссаки, какъ, напримѣръ, при Ивангородѣ и въ августовскихъ лѣсахъ—приносили ихъ сотнями тысячъ въ жертву, чтобы самимъ спокойнѣе было отступать.

Среди сотенъ двухъ плѣнныхъ австрійцевъ были нѣсколько пруссаковъ, къ которымъ наши солдатики относились одинаково человѣчно.

Меня безпокоило, не внесли ли нѣмцы разрушеній въ зданіи губернскаго правленія, бывшемъ замкѣ краковскихъ епископовъ, гдѣ такъ чудно расписаны старинными итальянскими мастерами потолки, а стѣны въ главной залѣ украшены портретами краковскихъ епископовъ, среди которыхъ есть два-три портрета выдающихся мастеровъ.

— Не ходите туда, — предупреждали меня жители. — Говорятъ, пруссаки, уходя, подложили тамъ мины съ часовымъ механизмомъ, чтобы тѣ взорвали зданіе тогда, когда по ихъ расчету тамъ будутъ русскіе.

Я все же пошелъ и увидѣлъ тамъ разрушеніе; старинная, прекрасная мебель была разбита, ободрана, а часть увезена. Вынесли диванъ, обитый кожей съ великолѣпнымъ цвѣтнымъ тисненіемъ, кресла, подушки, массу мелочей. По счастью, живопись уцѣлѣла. Губернская типографія тоже оказалась разбитой. Желѣзнодорожная станція сожжена. Путь испорченъ.

Я пошелъ въ великолѣпный старый паркъ, который видѣлъ все-

го полтора мѣсяца тому назадъ такимъ пышнымъ и нарядномъ. Онъ весь облетѣлъ. Деревья стояли голыя и печальныя, а листья ихъ уже тлѣли на землѣ цѣлыми грудами, желтые и измятые.

Такими же листьями покрытъ былъ и прекрасный прудъ въ паркѣ, гдѣ плавали два бѣлыхъ лебедя.

Возвращаясь къ себѣ въ отель, я увидѣлъ все на томъ же мѣстѣ. На уклонѣ улицы грузовой австрійскій автомобиль. У него сломалась ось, и онъ въѣхалъ прямо въ стѣну дома. На его боку было написано:

Siedelsyndikat
Neustadt-Kamenz.
35.

**
*

Легкой птицей взлетѣлъ надъ Кѣльцами аэропланъ и, поднимаясь все выше и выше, поплылъ въ ту сторону, откуда доносилась канонада.

Аэропланъ былъ нашъ, и радостно было слѣдить за его смѣлымъ и гордымъ полетомъ. И наши войска продолжали входить въ Кѣльцы, заливать живыми сѣрыми массами улицы и отели, проходить дальше и дальше.

Какое счастье для этихъ мужественныхъ, такъ много перенесшихъ людей остановиться здѣсь на ночь, отдохнуть по-человѣчески, вымыться въ банѣ, поѣсть какъ слѣдуетъ, спать, не ожидая, что вотъ-вотъ грохнетъ снарядъ, станетъ рваться шрапнель и раздастся начальническій приказъ:

— Въ атаку!

Вѣдь они по мѣсяцу спали, не раздѣваясь, въ мокрыхъ, холодныхъ окопахъ, голодали и холодали, тонули въ топяхъ и болотахъ, видѣли смерть лицомъ къ лицу, должны были, волей-неволей, присутствовать при агоніи своихъ смертельно раненыхъ товарищей, безсильные помочь имъ, сами каждое мгновеніе ожидая той же участи.

И все же, отдохнуть можно было не всѣмъ.

Но я, часто и подолгу бесѣдуя съ ними, не слышалъ ни слова ропота. Приказано опять итти, значитъ, такъ надо. И они идутъ, не уступая усталости, свято покорные долгу.

— Придетъ нашъ чередъ, и мы отдохнемъ. — говорятъ они.— Нѣмцу передышки нельзя давать: у него тоже жила твердая. Дай передышку, такъ потомъ вдесятеро труднѣй будетъ.

И идутъ.

***

Ровно полтора мѣсяца тому назадъ я сидѣлъ въ Кѣльцахъ въ томъ же самомъ отелѣ, за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ я сижу сейчасъ и пишу эти строки.

Всего лишь полтора мѣсяца!.. Но кажется, что прошло много, страшно много времени. И не только потому такъ кажется, что за это время я успѣлъ быть и въ Петроградѣ, и въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ, и во Львовѣ, и въ Равѣ-Русской, и въ Галичѣ, и во Владимірѣ-Волынскомъ, и въ Скерневицахъ, и въ Ловичѣ, и въ десяткѣ другихъ городовъ и мѣстечекъ Россіи, Польши и Галиціи, а потому, главнымъ образомъ, что за это время пришлось быть свидѣтелемъ такихъ важныхъ событій и перемѣнъ, какія въ исторіи бываютъ не каждый день.

Вотъ я опять слышу сейчасъ меланхолическій бой часовъ на старомъ костелѣ. Они продолжаютъ отзванивать свое время, и имъ все равно, кто слушаетъ ихъ звонъ: старые ли жители города, враги ли, которые ворвались сюда и натворили всяческихъ безчинствъ, или русскія войска, только нынче утромъ вытнавшія изъ города непріятеля. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ Кѣльцы побывали три раза въ разныхъ рукахъ.

Лишь вчера утромъ выѣхалъ я изъ Варшавы въ автомобилѣ по направленію къ Радому, такъ какъ поѣзда еще не ходятъ.

Печальный путь. Опустѣла, наполовину разграбленная, наполовину сожженная Польша, почти отъ самой Варшавы заставляла сжиматься сердце своими заколоченными тамъ и сямъ домами, разбитыми костелами, омертвѣлыми фабриками и видомъ мрачныхъ деревенскихъ пожарищъ, на которыхъ торчали остовы избъ да безобразныя обгорѣлыя трубы.

По краямъ дороги — срубленныя вѣковыя деревья, палыя лошади, могилы около окоповъ съ бѣдными новенькими крестами. Ни коней, ни скота, ни веселаго дымка изъ трубъ уцѣлѣвшихъ хатъ.

И все же стойкая, упорная человѣческая жизнь опять оживаетъ и занимается, какъ пламя на развалинахъ, откуда на время вытѣснили ее.

Вы себѣ представить не можете, какая отрада увидѣть работающихъ въ полѣ пахаря и сѣятеля, бабъ, убирающихъ свеклу и капусту, хозяина, починяющаго свою избу, хозяйку, вставляющую стекла въ разбитыя оконца.

Дѣвочка въ красномъ платьицѣ на зеленомъ лугу пасетъ стадо гусей, которыхъ хозяева разными ухищреніями, подъ страхомъ смертельной опасности, утаили отъ прожорливыхъ нѣмцевъ. И это сочетаніе веселыхъ пятнышекъ: краснаго, бѣлаго, зеленаго — подъ сѣрымъ облачнымъ небомъ даетъ бодрящую картинку пробуждающейся трудовой жизни и движенія, покоя и мира.

Выбивается изъ-подъ сѣрыхъ облаковъ оранжевая вечерняя заря. Теплой свѣтящейся полосой протянулась она подъ самымъ горизонтомъ, надъ полями и лѣсами, кораллово-красными въ вершинахъ и густо-синими внизу. И эта свѣтящаяся заря также внушаетъ дорогую благословенную надежду. Ея пробившимся изъ-за тучъ свѣтомъ озарены придорожныя болотца и темно-палевые камыши, и каждый кустикъ, и каждая травинка.

Такъ хочется забыться отъ печальныхъ зрѣлищъ. Но вотъ опять пострадавшее мѣстечко. Вотъ сожженный на окраинѣ городокъ — Гройцы. Дальше Бялобржеги съ разрушеннымъ костеломъ... И опять палыя лошади съ оскаленными зубами, обнищавшіе жалкіе люди...

Въ Кѣльцахъ осталась, главнымъ образомъ, бѣднота. Тѣ, что побогаче, давнымъ давно выѣхали изъ Кѣлецъ въ безопасныя мѣста. Кое-кто изъ возвратившихся послѣ того, какъ изъ Кѣлецъ 31 августа выгнали австрійцевъ и польскихъ стрѣлковъ, остался, но такихъ немного.

А вотъ эта бѣднота успѣла повидать и пережить за эти два, два съ половиной мѣсяца немало. Австрійцы и пруссаки совершенно объѣли городъ, какъ забравшаяся во фруктовый садъ скотина объѣдаетъ зеленыя вѣтки и фрукты. Припасы вздорожали въ два-три раза, такъ какъ доставка ихъ прекратилась, а между тѣмъ, нѣмцы не платили за то, что забирали, или платили очень, очень мало.

Но администраціи, разумѣется, въ городѣ еще нѣтъ. Администрація уѣхала изъ Кѣльцъ совершенно неожиданно.

Еще 8 сентября я бесѣдовалъ съ вице-губернаторомъ по поводу внезапно прекратившагося пассажирскаго сообщенія съ Радомомъ.

— Что это значитъ?

— Это временное. Изъ-за воинскихъ поѣздовъ. Черезъ два, самое большее — черезъ три дня движеніе возстановится.

То же самое сказалъ мнѣ и комендантъ города, къ которому я обратился на всякій случай за пропускомъ, такъ какъ мнѣ больше нечего было дѣлать въ Кѣльцахъ.

Я рѣшилъ въ этотъ же день уѣхать и, уѣзжая, видѣлъ непріятельскіе аэропланы, кружившіеся надъ городомъ хищными птицами и разбрасывавшіе прокламаціи, которыя мелькали въ воздухѣ бѣлыми хлопьями и падали въ городъ на потѣху уличнымъ мальчишкамъ.

Я уѣхалъ въ товарномъ поѣздѣ, а на другой день выѣхала изъ города вся администрація, перегнавшая меня на ст. Ивангородъ, по направленію къ Варшавѣ. Конечно, теперь они поспѣшатъ вернуться.

II.

Можетъ быть, то, что городъ взятъ безъ боя нами, лишаетъ вступленіе въ него нашихъ войскъ той остроты и торжественности, которыя естественны послѣ боя. Зато сердцу радостно, что на этотъ разъ здѣсь не проливалось крови, нѣтъ этихъ страшныхъ человѣческихъ жертвъ, которыя не могутъ не омрачать всякое торжество.

Здѣсь, въ Кѣльцахъ, дѣло ограничилось лишь двумя выстрѣлами, да и то для того, чтобы напугать и заставить скорѣе сдаться, а не убить.

Остались случайно два прусскихъ солдата въ Кѣльцахъ. Хотѣли улизнуть и догнать своихъ по горячимъ еще слѣдамъ, но ихъ запримѣтили.

Они юркнули въ одинъ изъ дворовъ. За ними бросились казаки.

Пруссаки — въ первый попавшійся подъѣздъ, на лѣстницу. Казаки за ними.

Знакомый мой еще по первому пріѣзду, врачъ-полякъ, завѣдующій мѣстнымъ госпиталемъ, разсказываетъ мнѣ дальше:

— Я слышу выстрѣлы на своей лѣстницѣ. Пріотворяю слегка дверь. Вижу — пруссаки. Страшно перепугались, кричатъ, что сдаются. Ну, ихъ и забрали.

Нижній этажъ кѣлецкаго магистрата полонъ плѣнными. Ихъ только что привели туда нынче утромъ изъ-подъ Хенцинъ. Съ радостной благодарностью принимаютъ они папиросы, которыя я даю

имъ. Для нихъ это не только понятное удовольствіе, но и свидѣтельство того, что нечего бояться русскихъ. Ихъ здѣсь болѣе ста человѣкъ. У всѣхъ усталый видъ, но выраженіе лица спокойное.

— Какъ вы себя чувствуете? — спрашиваю я одного изъ нихъ, австрійскаго поляка, съ довольно интеллигентнымъ и симпатичнымъ лицомъ.

— Я радъ, что моя война кончилась, — искренно сознается онъ. — Столько было ужаса! Столько ужаса!

Исхудалое лицо темнѣетъ. Онъ закрываетъ его руками и качаетъ головой, какъ отъ зубной боли.

И, опустивъ голову, почти шопотомъ доканчиваетъ:

— Если бы такъ продолжалось, я бы не перенесъ. Или сошелъ бы съ ума, или...

Онъ не договариваетъ. Но трагическій конецъ рисуется самъ собой: или во что бы то ни стало искалъ бы смерти, или покончилъ бы съ собою.

И видно, что у большинства плѣнныхъ австрійцевъ то же самое настроеніе — усталости, но спокойствія. Хуже, чѣмъ было въ эти три гибельныхъ для нихъ мѣсяца войны, не будетъ. Они приведены сюда лишь нынче утромъ, а ужъ ихъ позаботились русскіе прежде всего накормить.

Черезъ часъ магистратъ очищаютъ отъ плѣнныхъ. Ихъ переводятъ въ тюремный дворъ, чтобы оттуда нынче же отправить въ Радомъ и далѣе. И дѣйствительно, черезъ день, на обратномъ пути въ Варшаву, я въ автомобилѣ обгоняю ихъ подлѣ Радома, и они привѣтствуютъ меня и кланяются съ улыбкой, какъ знакомому.

Надо отдать справедливость австрійцамъ, пока въ Кѣльцахъ были они одни, безъ пруссаковъ, — не творилось и тѣхъ гнусностей которыя натворили въ Кѣльцахъ пруссаки — хотя бы въ православной церкви.

Эта церковь стоитъ какъ разъ противъ стараго костела.

— Посмотрите, что эти мерзавцы пруссаки надѣлали тамъ! — съ негодованіемъ обращаются къ намъ русскіе офицеры, узнавъ по нашимъ повязкамъ на рукавахъ военныхъ корреспондентовъ. — Объ этомъ обязательно слѣдуетъ написать, чтобы всѣ знали о томъ, какъ недостойно они оскорбляютъ наши святыни.

— Ни одинъ мало-мальски уважающій себя народъ не позволитъ себѣ ничего подобнаго. — Вѣдь это позоръ для войска, позоръ для всей націи!

Справедливое, но наивное негодованіе. Послѣ всѣхъ гнусностей, которыми на цѣлые вѣка заклеймили себя въ этой войнѣ нѣмцы, ничто уже не можетъ поразить никого. Писать объ этомъ, конечно, необходимо, но если добро можно творить до безконечности разнообразно даже на войнѣ, злу и подлости есть предѣлы, потому что добро — это жизнь, творчество, которое не имѣетъ границъ, а зло — разрушеніе, смерть и предѣлы его ограничены.

Ну, надругались, ну, пытали, ну, замучили, убили самымъ подлымъ, варварскимъ образомъ безоружнаго раненаго мирнаго гражданина, вотъ и все. Такъ убилъ здѣсь же, въ Кѣльцахъ, нѣмецкій санитаръ или фельдшеръ, словомъ, человѣкъ со знакомъ нѣмецкаго Краснаго Креста, русскаго санитара тоже съ повязкой, только не нѣмецкаго, а русскаго Краснаго Креста, и лишь за то, что тотъ смѣлъ не снять повязку во время нѣмецкаго владычества въ Кѣльцахъ.

Русскій санитаръ вечеромъ мирно шелъ по Русской улицѣ съ своей дочерью, а прусскій палачъ съ повязкой Краснаго Креста на рукѣ подошелъ къ нему и пустилъ ему пулю въ високъ.

Дочь въ неописуемомъ ужасѣ съ воплемъ кинулась къ рухнувшему на камни тротуара отцу, который еще бился въ предсмертной агоніи въ то время, какъ кровь лилась изъ его прострѣленнаго виска.

— За что? — обратилась она къ нѣмцу, спокойно прятавшему свой револьверъ въ кобуру.

— А чтобы другіе знали, что тамъ, гдѣ нѣмцы, не должно быть ничего русскаго.

Оттого и русскую церковь они въ Кѣльцахъ превратили въ вертепъ.

Есть фотографія Радомской церкви, гдѣ нѣмцы въ первый свой приходъ устраивали оргіи. На фотографіи ясно все разрушеніе, произведенное ими, и еще яснѣе бутылки отъ вина на полу и солома, на которой валялись ихъ пьяныя туши.

Почти то же самое продѣлали они и въ Кѣлецкой церкви.

Я видѣлъ эту свѣтлую, нарядную, необычайно чистую православную церковь въ первый мой пріѣздъ и теперь прямо не узналъ ее. Она была ободрана и загрязнена до-нельзя. Нечего говорить, что все, что можно было украсть отсюда, украдено: золотая причастная чаша, золотой крестъ, евангеліе въ переплетѣ, отдѣланномъ золотомъ и серебромъ, серебряные подсвѣчники и прочая церковная утварь. Они украли даже ковры, устилавшіе церковь.

Прусскій офицеръ, войдя въ церковь въ своей каскѣ съ блистающимъ орломъ, сталъ допытываться, гдѣ священникъ: ему хотѣлось бы повѣсить хоть одного русскаго попа.

— А съ вашей церковью мы вотъ что сдѣлаемъ! — побѣдоносно заявилъ онъ и, чиркнувъ спичкой, которая вспыхнула, чтобы зажечь его сигару, онъ швырнулъ эту горящую спичку въ икону.

Но уходить пришлось слишкомъ поспѣшно, и нѣмцы не успѣли сдѣлать съ русской церковью того, что они сдѣлали хотя бы съ древнимъ чудеснымъ костеломъ въ Шидловцѣ, не успѣли ни сжечь, ни взорвать. Пока же православная церковь нужна имъ была для русскихъ плѣнныхъ, которыхъ они морили голодомъ и съ издѣвательствомъ заставляли возить ихъ орудія и пулеметы, какъ это запротоколировано съ свидѣтельскими показаніями въ нашемъ штабѣ.

Не трудно представить, что должны были испытывать наши несчастные плѣнные солдатики, которые въ огромномъ большинствѣ всегда глубоко религіозны, а въ эти тяжкіе дни войны и плѣна религія оставалась ихъ единственнымъ прибѣжищемъ.

III.

Вечеромъ я зашелъ поужинать въ ресторанъ того самаго отеля, гдѣ остановился.

Тамъ, въ большомъ залѣ, ужинали офицеры одного изъ кавказскихъ полковъ, между прочимъ, сражавшіеся доблестно подъ Ивангородомъ, подъ Козеницами и въ Августовскихъ лѣсахъ, въ этой трехнедѣльной кровавой, неописуемо великой битвѣ, гдѣ наши войска покрыли себя легендарной славой, гдѣ непреоборимая стойкость русскихъ войскъ, ихъ святая выносливость и безтрепетная отвага сочетались съ воистину вдохновеннымъ искусствомъ коменданта крѣпости Ивангородъ и его артиллерійской бригады, которая въ концѣ-концовъ привела своимъ огнемъ грознаго противника въ суевѣрный ужасъ, сама оставшись почти неуязвимой. Изъ офицеровъ въ полку осталось всего 5 человѣкъ, изъ солдатъ одна треть.

Собравшись въ этотъ вечеръ на интимный ужинъ, кавказцы говорили о предстоящихъ битвахъ, какъ о побѣдномъ праздникѣ. Въ каждой каплѣ крови ихъ горѣла любовь къ родинѣ и страстное желаніе бороться до конца и раздавить врага во что бы то ни стало, хотя бы пришлось самимъ сложить ради этого торжества гордыя головы.

Забывъ о безсонныхъ, холодныхъ ночахъ, подъ дождями и бурями, они лихо плясали и пѣли далеко за полночь свои пѣсни.

Уже сидя въ своемъ номерѣ, я слышалъ ихъ звенѣвшие волненіемъ и удалью голоса и мысленно повторялъ за ними слова хорошо знакомой мнѣ пѣсни:

Съ временъ, давно-давно минувшихъ,
Съ преданій иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ
Одно мы слово сберегли.
Въ немъ нашей удали начало,
Начало счастья и бѣды.
Оно у насъ всегда звучало.
— Алла верды! Алла верды!

НѢМЦЫ И ПОЛЯКИ ВЪ РАДОМСКОЙ ГУБ.

Помню, когда я, возвращаясь изъ Кѣльцъ въ Варшаву, пробылъ нѣсколько дней въ Радомѣ и собрался, наконецъ, уѣзжать оттуда, поѣзда пассажирскіе прекратили свое движеніе. Послѣдній поѣздъ промчался изъ Кѣльцъ по направленію къ Варшавѣ передъ моими глазами: это былъ служебный поѣздъ съ кѣлецкой администраціей. Я еле-еле попалъ и тутъ на товарный поѣздъ и по прибытіи въ Варшаву узналъ, что Радомъ снова занятъ непріятелемъ.

И вотъ я опять въ Радомѣ.

Автомобиль останавливается передъ Римскимъ отелемъ. Всѣ номера заняты. Европейскій отель также занятъ. Но мы устраиваемся въ частной квартирѣ, хозяева которой бѣжали изъ боязни «культурнаго» врага, не стѣсняющагося съ мирными гражданами, которые чѣмъ-нибудь не угодили на него.

Обѣдаемъ въ Римскомъ отелѣ.

Обыкновенно уютный и симпатичный, теперь этотъ отель имѣетъ нѣсколько ободранный видъ. При насъ приколачиваютъ занавѣски на окна: ихъ сняли на время нѣмецкаго владычества также потому, что во время перваго нѣмецкаго нашествія имѣли возможность познакомиться съ грабительскими свойствами пруссаковъ, не брезгавшихъ почти ничѣмъ.

— «Веревочка... Давай сюда и веревочку. И веревочка въ пути пригодится».

Всего три дня тому назадъ отсюда ушли нѣмцы и вступили русскія войска, а городъ опять уже ожилъ, опять на улицахъ движеніе, какъ и въ тѣ мирные дни, когда я былъ здѣсь въ первый разъ, опять кофейни и рестораны полны народомъ. А прошло всего два дня. За время моего перваго короткаго пребыванія въ Радомѣ у меня завязались здѣсь нѣкоторыя знакомства и, конечно, я прежде всего отправился къ моимъ знакомымъ, несмотря на вечерній часъ.

Городокъ маленькій... Я сразу увидѣлъ и одного, и другого, и третьяго моихъ знакомыхъ и скоро узналъ все, что произошло здѣсь со времени моего отъѣзда.

***

Занявъ Радомъ, нѣмцы начали хозяйничать, что называется, во-всю. Они заняли всѣ отели, всѣ частные дома, особенно оставленные, заняли всѣ госпитали, изъ которыхъ нашихъ больныхъ солдатъ заблаговременно увезли.

Я справился о моемъ знакомомъ, героѣ-охотникѣ Соколовскомъ, и съ удовольствіемъ узналъ, что Соколовскаго успѣли также перевезти изъ Радома, кажется, въ Варшаву.

Уѣхало изъ Радома и много молодежи, такъ какъ передъ приходомъ нѣмцевъ ходили слухи, что пруссаки забираютъ молодежь въ плѣнъ на тяжелыя работы.

Обращеніе ихъ съ нашими плѣнными было самое варварское. Они не только не кормили ихъ, но и строго наказывали жителей Радома, которые изъ сочувствія и жалости къ несчастнымъ плѣннымъ давали имъ хлѣбъ и всякую другую пищу. Однако, жители, несмотря и на эти угрозы, исполняли свой долгъ, иные украдкой, другіе явно. Этихъ провинившихся хватали, сажали въ тюрьму, били или уводили въ плѣнъ.

Раненаго русскаго плѣннаго, который не могъ итти, провожающій его пруссакъ-солдатъ убилъ на Варшавскомъ шоссе.

Это подлое варварство должно казаться тѣмъ гнуснѣе, что при вступленіи въ Радомъ нѣмцы издали прокламацію, обращенную къ русскимъ солдатамъ, чтобы тѣ не боялись сдаваться въ плѣнъ пруссакамъ, такъ какъ это-де послужитъ имъ только избавленіемъ отъ тягостной военной службы, что въ нѣмецкомъ плѣну русскимъ солдатамъ не житье, а прямо — рай.

Но русскаго солдата на такой дурацкой выдумкѣ, разумѣется, не проведешь, точно такъ же, какъ не проведешь и поляковъ и евреевъ тѣми прокламаціями, съ которыми пруссаки обратились къ нимъ. Евреямъ они не преминули напомнить и о дѣлѣ Бейлиса, и о погромахъ, и о чертѣ осѣдлости.

А прокламація къ полякамъ — вотъ она цѣликомъ въ переводѣ на русскій языкъ:

«Въ побѣдоносномъ шествіи германскія и австро-венгерскія войска заняли западную часть края до Вислы и будутъ продолжать свое шествіе и по другую сторону Вислы.

Мы ведемъ эту войну не съ цѣлью наложить иго на спокойныхъ обывателей края. Наша задача — сокрушить россійское иго, тяготѣющее надъ вами.

Германскія и австро-венгерскія знамена несутъ право и обезпеченіе вашимъ культурнымъ интересамъ.

Часъ освобожденія для васъ пробилъ.

Въ нашихъ войскахъ вы должны видѣть только вашихъ друзей.

Помогайте же намъ, содѣйствуйте осуществленію этой справедливой и святой задачи.

Во Франціи побѣдоносно стоятъ наши войска. Бельгія въ нашихъ рукахъ.

Главный вождь восточно-нѣмецкой арміи.

Главная квартира. 22 октября».

***

Увы, въ отношеніи поляковъ нѣмцы особенно сорвались.

Высокопоставленное въ арміи лицо съ волненіемъ говорило намъ по этому поводу:

— Еще я на Вислѣ, въ Люблинской губерніи, былъ тронутъ отношеніемъ поляковъ къ русскимъ. Несмотря на всѣ тяготы войны, отъ которыхъ поляки не могутъ не страдать, такъ какъ большая часть войны у насъ ведется на ихъ землѣ, они всегда проявляли самое заботливое и любовное вниманіе къ русскимъ. То же, что встрѣтилъ я здѣсь, въ Радомской губерніи — особенно расположило меня къ нимъ.

— И я прошу васъ, господа! — съ чувствомъ обратился къ намъ этотъ крупный и по своему значенію и по духу человѣкъ.— Я прошу васъ довести до свѣдѣнія общества тѣ факты польскаго

героизма, самоотверженности и преданности поляковъ Россіи и русскимъ солдатамъ, которые добросовѣстно запротоколированы у насъ.

Вотъ, напримѣръ, случай:

Подпоручикъ N. былъ взятъ нѣмцами въ плѣнъ подъ Гройцами вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими солдатами.

Съ ними обращались нѣмцы самымъ гнуснымъ образомъ: почти не кормили плѣнниковъ и заставляли, какъ скотину, возить повозки со снарядами и оружіемъ. Чтобы это насиліе было еще тяжелѣе, ихъ издѣвательски запрягали въ эти повозки и били, когда плѣнные не могли итти.

Подпоручику удалось бѣжать. Его пріютилъ у себя домовладѣлецъ С., спряталъ, переодѣлъ и, когда представился удобный случай, далъ ему возможность добраться до Радома.

Другой случай:

Полякъ-мельникъ укрылъ у себя цѣлый русскій разъѣздъ, который былъ отрѣзанъ непріятелемъ отъ своей части. Мало того, что онъ, рискуя своей жизнью, скрывалъ нашихъ развѣдчиковъ у себя, кормилъ, поилъ. Но когда пришла возможность ихъ выпустить, онъ далъ имъ 150 руб., чтобы они могли спокойно добраться куда имъ слѣдовало.

Затѣмъ, развѣдчики наши неоднократно переправлялись черезъ рѣку при помощи поляковъ-лодочниковъ. Это было смертельно-опасное дѣло, и пять человѣкъ изъ этихъ лодочниковъ врагами убито, а двое ранено. Нечего говорить, что эти герои мной награждены. Конечно, умершимъ не нужна награда, но у нихъ есть семья. Помимо денежной выдачи, эти семьи будутъ получать пенсію, которую даетъ Георгій, полученный каждымъ изъ этихъ героевъ.

Вотъ ихъ имена:

Убитые:

Янъ Межинскій, Янъ Стасикъ, Антоній Хитренякъ, Михаилъ Корецкій, Янъ Гискъ.

Раненые:

Янъ Покорскій, Петръ Стеляникъ.

Петръ Стеляникъ выздоровѣлъ и записался къ намъ охотникомъ.

Что касается польскихъ госпиталей, они выше всякихъ похвалъ. Милосердіе, заботливость, вниманіе, которыми пользуются тамъ наши раненые, все это заставляетъ особенно отличить польскихъ врачей и сестеръ милосердія.

Но сестры общинъ принимать наградъ не могутъ; онѣ только принимаютъ тѣ знаки отличія, которые даются ихъ общинѣ, здѣсь, въ Радомѣ — общ. св. Викентія, а не лично той или другой сестрѣ. Но въ польской общинѣ св. Казиміра награжденъ орденомъ д-ръ Косицкій, а также его фельдшеръ Гурскій. Оба они работали буквально день и ночь, когда въ больницу ихъ поступали раненые. Больница разсчитана всего на 60 кроватей, а они принимали въ нее до 120 раненыхъ. Вмѣстѣ съ ними такъ же ревностно и свято работалъ студентъ краковскаго университета Борковскій.

Главнокомандующимъ прусско-австрійской арміи, которая теперь царила въ Радомѣ, былъ генералъ Гинденбургъ. Одновременно съ нимъ въ Радомѣ былъ и сынъ Вильгельма—Іохимъ.

Такъ что всѣ эти нелѣпыя прокламаціи и множество объявленій устрашающаго свойства были сдѣланы въ Радомѣ совмѣстно этими двумя головами.

И при германскомъ наслѣдникѣ престола и, конечно, съ его вѣдома, творились всѣ тѣ гнусности надъ русскими плѣнными и мирными городскими жителями, тѣ гнусности, о которыхъ нельзя говорить спокойно.

Вмѣстѣ съ этими «доблестными» воинами въ Радомъ явилось человѣкъ полтораста сыщиковъ, которые начали хватать жителей по подозрѣнію и даже безъ всякаго подозрѣнія и заточать ихъ въ тюрьму, забирать въ плѣнъ, а то такъ и просто варварски избивать.

Широкое поле въ этомъ отношеніи предоставляло имъ объявленіе, обращенное не только къ городскимъ жителямъ, но и ко всѣмъ бургомистрамъ и войтамъ гминъ.

Они должны были немедленно заявлять о присутствіи у нихъ, или поблизости русскихъ, главное же — солдатъ.

Каждое постороннее лицо должно было немедленно быть арестовано и препровождено на военный постъ — германскій или австрійскій.

Въ случаѣ нападенія на солдатъ нѣмецкихъ или въ случаѣ порчи телеграфа, телефона, а также этого объявленія, виновные должны были судиться военнымъ судомъ.

Можно себѣ представить, какой это давало просторъ преслѣдованію. Но отъ сыщиковъ откупались деньгами.

Тамъ, гдѣ не было денегъ, нѣмцы брали все, что попадалось подъ руки, несмотря на объявленіе, данное еще генераломъ Ма-

кензеномъ при первомъ пребываніи нашихъ враговъ въ Радомѣ, — жаловаться на всѣ такія насилія и грабежи.

Но, во-первыхъ, жители Радома, естественно, избѣгали такихъ жалобъ изъ-за боязни получить еще горшій ударъ, во-вторыхъ — это было, по меньшей мѣрѣ, безполезно.

Правда, въ видѣ доказательства административной справедливости нѣмецкой разсказывали, какъ былъ наказанъ нѣмецъ-офицеръ, укравшій въ Кѣлецкой губерніи шубу у пріютившаго его поляка. И даже шуба была возвращена владѣльцу.

Но если такой случай и былъ, можно смѣло сказать, что онъ былъ единственный.

Изъ всѣхъ другихъ жалобъ обиженныхъ и пострадавшихъ трудно было сшить шубу.

Прежде всего, ужъ потому, что нѣмецкій комендантъ принималъ просителей не болѣе 9—10 въ сутки, а ихъ приходило до 300 человѣкъ. Но все это были не жалобщики, а большинство — просители разрѣшенія на выѣздъ изъ Радома.

Тамъ, гдѣ стояло до полутораста тысячъ непріятеля, жизнь становилась невмоготу. Припасы страшно возрасли въ цѣнѣ, а враги не стѣснялись требовать всего въ большомъ количествѣ.

— Если до 8 часовъ вечера, — сказалъ въ полдень нѣмецъ-комендантъ представителямъ города, — не будетъ доставлено столько-то сѣна и столько-то овса, то городъ долженъ уплатить 35 тысячъ рублей.

Овса готоваго не нашлось. Обмолотили и сдали. Такимъ образомъ, контрибуція сорвалась. Но нѣмцы наложили ее на жителей за то, что въ губернскомъ правленіи, гдѣ жили ихъ офицеры, не нашлось достаточнаго количества и притомъ приличныхъ умывальниковъ.

Конечно, требованіе умывальниковъ дѣлаетъ честь чистоплотности нѣмцевъ, но не ихъ изобрѣтательности. Во-первыхъ, губернское правленіе не уборная свѣтскихъ или иныхъ дамъ, во-вторыхъ, почему же именно умывальниковъ, а не какой-нибудь иной посуды?.. Когда хочешь во что бы то ни стало, что называется, здорово живешь, получить тысячу кронъ, можно придумать хоть чорта въ стулѣ.

Вѣдь не церемонились же они грабить изъ взломанныхъ ими шкафовъ въ занимаемыхъ ими квартирахъ серебро, бѣлье и прочія вещи. Точно такъ же не поцеремонились они на еврейскомъ заводѣ Адлера забрать выдѣланныхъ кожъ на 200 тысячъ рублей.

У кожевника Мартофеля—тоже еврея, на 100 тысячъ.

У Карша на нѣсколько десятковъ тысячъ.

И т. д., и т. д.

Чего же было церемониться съ контрибуціей! Деньги — все деньги, хотя бы онѣ заключались въ товарѣ, а не въ кредитныхъ билетахъ.

***

Дня за два до отхода враговъ изъ Радома уже были симптомы, указывавшіе на то, что дѣла ихъ обстоятъ не вполнѣ благополучно и что они собираются по-добру по-здорову удирать, хотя и хвастались передъ тѣмъ, что идутъ взять Варшаву, затѣмъ Петроградъ.

Числа 12-го октября, начиная отъ станціи Едельня, они стали портить путь — по направленію въ Радомъ.

Разрушали мосты, коверкали стрѣлки, взрывали рельсы.

Во вторникъ, 14-го октября, одинъ мой знакомый радомецъ разсказывалъ, что часовъ въ 12 дня онъ шелъ черезъ городъ.

Все было благополучно.

Черезъ полтора часа онъ возвращался домой и увидѣлъ возню пруссаковъ съ телефономъ, установленнымъ ими для своего употребленія.

— Снимаютъ телефонъ или налаживаютъ, можетъ быть, переносятъ? — спросилъ онъ своего спутника.

Такъ какъ нѣмцы работали, повидимому, спокойно, тотъ отвѣтилъ:

— Должно быть, налаживаютъ.

А черезъ нѣсколько минутъ къ нему прибѣжалъ еврей и шепнулъ съ торжествомъ:

— Враги бѣгутъ!

— Неправда!

— Бѣгутъ. Говорю я вамъ!

Дѣйствительно, городъ сталъ быстро пустѣть. Къ 4 час. дня уже почти никого не оставалось.

***

Съ 14-го на 15-е октября жители Радома пережили кошмарную ночь. Вплоть до самаго разсвѣта всѣ окна въ городѣ и самая земля содрогались отъ ужаснѣйшихъ взрывовъ.

Взрывали желѣзнодорожныя мастерскія, стрѣлки, водокачки, мосты. Зажгли уголь.

Зарево пожара охватывало небо, и взрывы слѣдовали одинъ за другимъ съ такой страшной силой, что, казалось, отъ этихъ взрывовъ треснетъ земля и поглотитъ весь перепуганный городъ.

Но къ утру взрывы умолкли.

А въ полдень 15-го октября въѣхалъ въ городъ казачій патруль, человѣкъ въ 50.

Еще нѣсколько австрійцевъ оставались въ это время на площади рынка. Патруль проѣхалъ по Люблинской улицѣ, а по Варшавскому шоссе уходилъ нѣмецкій обозъ.

Завязалась перестрѣлка, и наши отбили у непріятеля четыре автомобиля, множество повозокъ и провіанта тысячъ на восемь человѣкъ. Австрійцы и германцы, которыхъ было человѣкъ сто, думая, что русскихъ идетъ очень много, испуганно разбѣжались отъ казаковъ.

Затѣмъ вошли русскія войска, и радомцы воспрянули духомъ.

Съ гордостью могутъ сказать они, что и при первомъ и при второмъ нашествіи непріятеля ничѣмъ не унизили себя передъ нимъ: ни страхомъ, ни угодливостью. Напротивъ, съ опасностью для своей жизни они вездѣ шли навстрѣчу русскому войску и интересамъ Россіи.

Въ памяти русскаго народа и въ памяти нашей славной арміи этотъ городъ останется навсегда явленіемъ свѣтлымъ и трогательнымъ.

О, конечно, Радомъ въ Польшѣ не исключеніе. Всѣ поляки свято и ревностно исполняютъ по отношенію къ Россіи свой долгъ въ тягостной войнѣ за освобожденіе отъ гнета пруссаковъ, который отраженно сказывался на нихъ болѣе чѣмъ на комъ бы то ни было.

Ненависть къ пруссакамъ у насъ общая, и она должна явиться до конца карающимъ мстителемъ за прусскій гнетъ.

Отступая, непріятельскія войска успѣли понадѣлать достаточно пакостей не только въ Радомѣ, но и на всемъ пути изъ Радома въ Кѣльцы.

Нечего говорить о томъ, что испорченъ весь желѣзнодорожный путь, взорваны всѣ мосты и поломаны стрѣлки. Но и шоссе отъ Радома къ Кѣльцамъ все изрыто, испорчено, мосты также сожжены и уничтожены до-тла, телеграфные столбы повалены, телеграфная проволока оборвана.

Что дѣлать: война, такъ война, или, какъ любятъ выражаться господа военные —à la guerre comme à la guerre. Сжигать мосты и портить путь, это входитъ въ военную тактику. Но что не только не имѣетъ къ военной тактикѣ никакого отношенія, а, наоборотъ, унижаетъ и позоритъ армію, это безсмысленныя и варварскія выходки, надругательства надъ чужимъ правомъ и даже надъ религіей, уничтоженіе всего, что составляетъ гордость края и его святыню.

На полпути отъ Радома въ Кѣльцы, въ городкѣ Шидловцѣ, былъ старинный пятисотлѣтній костелъ, построенный однимъ изъ предковъ Радзивилловъ, и имъ же воздвигнутый магистратъ. Оба эти сооруженія могли бы составить украшеніе какого угодно города, а ихъ древность, казалось, обезпечивала имъ если не поклоненіе, то ужъ, во всякомъ случаѣ, уваженіе. Вѣдь принято же уважать и щадить сѣдины.

Германцы не пощадили древнихъ и прекрасныхъ камней храма и магистрата. Они оправдывались тѣмъ, что изъ костела русскіе могутъ устроить наблюдательный пунктъ, а изъ магистрата... не все ли равно, что? Такъ, заодно надо уничтожить и магистратъ, благо онъ недалеко отъ костела.

Жители, любившіе и почитавшіе свою святыню, стали умолять нѣмцевъ пощадить костелъ. Тѣ пошептались, пошептались между собою и потребовали четыре тысячи кронъ.

— Но гдѣ же мы возьмемъ такія деньги?

— Гдѣ хотите, тамъ и берите. А то разрушимъ.

— Вѣдь вы сами видите, какъ бѣденъ нашъ городъ.

Правда, очень бѣденъ. Въ этомъ ужъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія даже при первомъ впечатлѣніи: дома маленькіе, жалкіе на видъ, улицы грязныя и разбитыя.

Но нѣмцы не сдавались.

— Какъ хотите. Въ такомъ случаѣ, разрушимъ, — твердо повторили они.

Тогда жители, окончательно разоренные войной, стали совѣщаться, какъ и гдѣ добыть эти деньги, чтобы спасти костелъ и ратушу.

И собрали. Давали всѣ, даже самые бѣдные.

Я видѣлъ очень бѣдную женщину, которая со слезами говорила мнѣ, что она отдала едва ли не послѣднія двадцать семь кронъ.

И что же нѣмцы?

Они деньги забрали, эти кровныя двѣ тысячи рублей, у бѣдныхъ жителей, а затѣмъ подложили мины подъ костелъ и магистратъ и взорвали ихъ.

Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ потрясающій ударъ. Его слышали семнадцатаго октября даже въ Радомѣ.

Безобразной мрачной развалиной стоитъ древній костелъ съ своей рухнувшей башней и рѣшетчатымъ остовомъ крыши, съ которой взрывомъ сорвана черепица. И когда я оглядываюсь изъ автомобиля назадъ, костелъ этотъ долго виднѣется съ разматывающагося за колеса пути, надъ бѣдными низкими крышами маленькаго городка. Точно одинъ за всѣхъ, поднялся высоко и мрачно, истерзанный и израненный, и въ безмолвномъ отчаяніи вопитъ объ общей бѣдѣ.

Нѣмецкій автомобиль валяется сбоку отъ шоссе. Онъ полуразбитъ и почти негоденъ. Нѣмцы, оставляя его, вырвали все, что можно, все, что составляетъ силу и цѣнность машины, то-есть сдѣлали то, что дѣлаютъ повсюду, вырывая изъ посѣщаемыхъ ими городовъ и селеній то, что составляетъ ихъ необходимость и смыслъ.

Ходъ автомобиля то и дѣло приходится задерживать, то обгоняя наши войска, то встрѣчая плѣнныхъ. Безконечными сѣрыми массами идетъ и идетъ великая русская сила, идетъ народъ, Россія, стихійная, грозная и спокойная.

— Откуда, братцы?

— Изъ-подъ Ивангорода.

Если вы станете разспрашивать дальше, они назовутъ вамъ и Варшаву, и Львовъ, и Галичъ, и Раву, и много другихъ мѣстъ, гдѣ имъ пришлось сражаться. Въ этихъ огромныхъ тяжелыхъ сапогахъ, въ тяжелой аммуниціи на плечахъ, въ полномъ боевомъ вооруженіи, они успѣли пройти не десятки и не сотни, а тысячи верстъ, и все идутъ и идутъ, неустанно и грозно.

Остановятся, чтобы отдохнуть часъ-другой, и опять идутъ. Мокнутъ подъ дождемъ, стынутъ подъ ледянымъ вѣтромъ, тонутъ въ болотахъ, проводятъ въ залитыхъ водой окопахъ долгіе дни и ночи — и все идутъ и идутъ, не ропща, не жалуясь, каждую минуту готовые къ жестокой борьбѣ, къ великимъ подвигамъ.

За ними поскрипываютъ безконечныя вереницы обозовъ, внушительно погромыхивая, движется наша сокрушительная артиллерія, дымятся, подвигаясь, походныя кухни.

Остановились гдѣ-нибудь около деревеньки, близъ воды. Тотчасъ же забѣлѣли палатки, задымились костры, бодро и весело зашевелились люди. Запахло дымкомъ, щами и хлѣбомъ. Загудѣли голоса, а то и зазвучала пѣсня.

Есть своеобразная красота въ этой, на первый взглядъ безпорядочной, картинѣ солдатскаго бивуака. Но чѣмъ больше присматриваешься къ ней, тѣмъ больше чувствуешь, что этотъ безпорядокъ только внѣшній, что тутъ есть душа и стойкость, и какая-то дикая, почти первобытная поэзія, волнующая и привлекательная.

Сейчасъ солдаты ѣдятъ, мирно бесѣдуютъ, валяются на землѣ, моютъ и парятъ на огнѣ свое пропотѣвшее бѣлье, а, можетъ быть, черезъ часъ, черезъ два, полетятъ снаряды, съ воемъ и трескомъ будетъ пронизывать воздухъ и разрываться шрапнель, и польется теплая человѣческая кровь.

Но никто не думаетъ объ этомъ, не надо думать. Пока есть возможность разуться, протянуть на землѣ натруженныя ноги, отдохнуть, поѣсть, попить воды, покурить табачку и забыться, — они далеки отъ мрачныхъ мыслей, почти счастливы. Въ огромномъ большинствѣ — деревенскіе люди, они особенно цѣнятъ каждый кусочекъ земли, покрытой уже проржавѣвшей осенней травкой, каждое деревцо, каждую лозинку, чувствуютъ эту дикую, первобытную поэзію своими простыми, грубыми и вмѣстѣ съ тѣмъ стихійно-чуткими сердцами.

Большинство ихъ уже успѣло побывать въ сраженіяхъ, закалиться въ боевомъ огнѣ. Есть даже такіе, что были легко ранены и вернулись опять въ строй. У нихъ не только явилась нѣкоторая привычка къ смертельной опасности, но и что-то въ родѣ безотчетнаго тяготѣнія къ ней, точно это одна изъ ближайшихъ сторонъ этой дикой первобытной поэзіи скитальческой боевой жизни.

Въ простомъ русскомъ народѣ надолго еще останется это странное сочетаніе дикаря и философа, часто — мудреца и ребенка. Оттого дѣти любятъ играть въ войну, оттого бѣгутъ на войну подростки.

Въ газетахъ то и дѣло сообщаютъ, что на той или другой станціи задержали такихъ бѣглецовъ, а въ отдѣлѣ объявленій печатаются воззванія родителей, дѣти которыхъ убѣжали изъ дома на битву съ врагомъ.

Конечно, допускать дѣтей на войну не слѣдуетъ. Но я не могъ

безъ внутренняго умиленія иногда видѣть какого-нибудь пузыря-гимназиста, лѣтъ 14—15, который важно шагаетъ въ переднемъ ряду колонны въ своей сѣрой шинелькѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ гимназической фуражкѣ, а то такъ въ бараньей шапкѣ съ солдатской кокардой. У иного изъ такихъ воиновъ даже винтовка въ рукахъ.

И надо видѣть, съ какой любовной нѣжностью относятся къ нимъ солдаты. Кормятъ самымъ вкуснымъ кускомъ, укрываютъ на ночлегѣ потеплѣе, чтобы барчукъ не простудился, заботятся, чтобы никто не обидѣлъ его хотя бы случайно.

Въ бой его, конечно, не поведутъ и врядъ ли допустятъ, какъ бы онъ ни рвался. Ну, конечно, если попадетъ со всѣми невзначай, тогда другое дѣло. Да и тутъ постараются уберечь, насколько возможно.

Помню, на другой день послѣ боя, въ окопахъ подъ Мѣховицами (верстахъ въ тридцати отъ Скерневицъ) я видѣлъ 15—16-ти лѣтняго мальчика, съ выразительнымъ, почти строгимъ лицомъ, съ умными зоркими глазами.

— Изъ дома удралъ? — спросилъ я его.

— Зачѣмъ! — отвѣтилъ онъ серьезно, почти обиженно. — У меня отецъ запасной на войнѣ. Съ нимъ и пошелъ. Я казакъ.

Этотъ пятнадцатилѣтній казачокъ уже не баловень и не забава солдатъ, а настоящій воинъ. Онъ не только побывалъ подъ огнемъ, но и самъ стрѣлялъ изъ винтовки и видѣлъ геройскую атаку русскихъ.

Идетъ и идетъ сѣрая мужичья рать. Идетъ дни и ночи. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности, какой бы онъ богатырь ни былъ, не въ состояніи вынести такого тяжелаго, полнаго мучительныхъ лишеній пути, не въ состояніи претерпѣть тѣхъ горестныхъ испытаній, которыя на него обрушиваются, а рядомъ съ сотнями, тысячами, сотнями тысячъ такихъ же, какъ онъ, не только вынесетъ, но и сохранитъ несокрушимую ничѣмъ бодрость. Такъ, маленькій ручеекъ способенъ затеряться въ пескахъ, заглохнуть въ тинистой почвѣ, или среди заградившаго его путь мусора, а когда такихъ ручейковъ тысячи, они сливаются въ могучую рѣку, и эта рѣка своимъ сильнымъ теченіемъ сноситъ всѣ преграды, какъ соръ.

Это уже стихія, а передъ стихіей трудно устоять преградамъ.

Идутъ и идутъ сѣрые, запыленные, опаленные боевымъ огнемъ солдаты.

Глядишь на нихъ и, прежде всего, инстинктивно чувствуешь и вѣришь, что никакія дальнобойныя нѣмецкія пушки, никакія техническія военныя ухищренія враговъ не остановятъ ихъ.

ПЛѢННЫЕ.

Утро.

Нынче оно занялось солнечное, веселое и теплое. Трудно повѣрить, что уже исходъ октября. Есть даже что-то весеннее въ этомъ теплѣ, въ этой небесной синевѣ и облакахъ, бѣлыхъ и надувшихся, какъ паруса.

Ведутъ плѣнныхъ. Ихъ человѣкъ около трехсотъ. Все больше австрійцы.

Въ своихъ сѣровато-синихъ шинеляхъ и мягкихъ шапкахъ, молодые и бородатые, они идутъ безпорядочной недружной толпой.

Среди нихъ сразу можно отличить пруссаковъ, хотя пруссаковъ всего двое и они могли бы затеряться въ этой толпѣ.

И можно отличить не только по твердымъ германскимъ каскамъ, на которыхъ германскій орелъ, однако, скрытъ подъ чехломъ и не только по поясамъ съ мѣдной бляхой и съ надписью:

—Gott mit uns—

но и по выправкѣ военной и даже по выраженію лицъ, не говоря ужъ о рѣчи.

Въ то время какъ австрійцы жадно бросаются къ намъ, когда мы угощаемъ ихъ папиросами, и протягиваютъ руки, нѣмцы стоятъ съ достоинствомъ и даже какъ-будто не обращаютъ вниманія на то, что творится вокругъ.

Одинъ изъ нашей компаніи протягиваетъ германцамъ по сигарѣ.

Тѣ съ достоинствомъ принимаютъ ихъ.

— Danke schön.

Я присматриваюсь къ одному изъ нихъ и вдругъ вспоминаю: да вѣдь это тотъ самый нѣмецъ, который красуется на фотографіи, снятой въ Радомѣ, съ своими товарищами во время перваго пребы-

ванія тамъ нѣмцевъ. Я отлично запомнилъ это красивое, нѣсколько женственное лицо, потому что какъ разъ передъ нимъ была черная доска съ нѣмецкой надписью:

Idille im Feindesland.

Radom.

— Вы гдѣ взяты? — спрашиваю я его.

— Около Кѣльцъ. О, я взятъ былъ въ плѣнъ случайно! — смущенно заявляетъ онъ.

— А куда васъ ведутъ?

— Пока — въ Радомъ.

— Вы были уже тамъ? — продолжаю я спрашивать его.

Онъ еще болѣе смутился и не сразу отвѣтилъ:

— Гдѣ?

— Въ Радомѣ?

— Nein.

— Я видѣлъ ваше лицо на фотографіи въ Радомѣ?

— Нѣтъ, я не былъ тамъ, — сухо отвѣчаетъ онъ и отводитъ въ сторону глаза.

Американецъ-корреспондентъ Вашборнъ, разспрашивавшій въ это время австрійца, оборачивается къ германцу и спрашиваетъ его, каково настроеніе германскихъ войскъ.

— О, sehr stark,—отвѣчаетъ германецъ.

— Вотъ такъ всегда, — резюмируетъ американецъ. — Всѣ австрійцы жалуются на упадокъ духа и на скверныя условія свои, а эти — стоятъ твердо.

Весь этотъ разговоръ идетъ у маленькой рѣчки, около которой остановился нашъ автомобиль.

Мостъ на рѣчкѣ сожженъ отступавшимъ непріятелемъ до-тла. Черныя обгорѣлыя головешки торчатъ кое-гдѣ изъ воды. Прошло всего два дня, и мостъ не успѣли еще починить.

Проѣзжающіе обозы переходятъ рѣчку въ бродъ, хотя лошадямъ вода по колѣна. Пѣхота переходила по наброшеннымъ въ мелкомъ мѣстѣ камнямъ и доскамъ.

Нашъ автомобиль пошелъ и застрялъ.

Какъ ни бился шофферъ, машина оказывалась безсильной.

Тогда позвали на помощь плѣнныхъ.

Они весело бросились къ автомобилю и съ крикомъ и шумомъ стали вытаскивать его изъ грязи. Черезъ нѣсколько минутъ автомобиль былъ на шоссе на противуположной сторонѣ рѣки.

И опять-таки германцы даже не двинулись съ мѣста. Съ сигарами въ зубахъ они продолжали стоять, не обращая вниманія на то, что ихъ союзники усердствовали изо всѣхъ силъ.

— Ну, айда впередъ! — скомандовалъ имъ конвойный солдатикъ.

Австрійцы лѣниво стали собираться въ толпу.

— Эй, не расходись! — крикнулъ конвойный солдату-австрійцу, который нѣсколько отдалился отъ всѣхъ.

— Все равно, не убѣжитъ, — успокоилъ я его. — Некуда здѣсь убѣжать ему.

— Знаю. Куда бѣжать! Они рады, что къ намъ попали. Только не порядокъ это. Ну, впередъ!

Плѣнные двинулись впередъ. Мы пошли къ автомобилю.

Откуда-то издалека доносились тяжелые глухіе раскаты орудійной пальбы.

ПОСЛѢ БОЯ.

I.

Только вчера здѣсь былъ бой.

А нынче все опустѣло, замолкло.

Подъ сѣроватымъ спокойнымъ осеннимъ небомъ отдыхаютъ отъ вчерашняго ужаса поля, лѣса и перелѣски, и эта извилистая, узенькая рѣчонка, раздѣлявшая враговъ.

Рѣчонка кое-гдѣ закрыта ивами, съ уцѣлѣвшими измятыми красноватыми листочками, а кое-гдѣ она вырывается изъ этой защиты и блеститъ среди желтыхъ песковъ, какъ узорный позументъ.

Мѣстность тутъ холмистая, замкнутая на горизонтѣ туманно синѣющими хвойными лѣсами. Отъ этой далекой тѣсно-сомкнутой огромной рати лѣсовъ какъ-будто оторвались и отбѣжали къ дорогѣ отдѣльныя группы деревьевъ, большія и маленькія; иныя перебѣжали черезъ дорогу и присоединились къ другой рати лѣсовъ, которая идетъ по правой сторонѣ пути.

Дорога сѣро-песчаная. Колеса автомобиля зарываются въ ней, машина работаетъ съ трудомъ. Ея сильный моторъ стучитъ съ страшнымъ напряженіемъ, но у него не хватаетъ силъ. Машина вздыхаетъ, стонетъ, иногда какъ-будто истерически всхрипываетъ и останавливается. Крестьянинъ, проѣзжающій мимо въ телѣгѣ на тощей лошади, благополучно минуетъ насъ и съ насмѣшливымъ неодобреніемъ оглядывается на нашъ сконфуженный автомобиль.

«Такъ-то. Лошаденка, хоть и плохонькая, а все иногда надежнѣе вашей хитрой машины», — говоритъ его взглядъ.

И колеса его телѣги, поскрипывая, удаляются, и мохнатыя лошадиныя ноги, погружаясь въ песокъ, устало, но методически отшвыриваютъ песокъ назадъ.

Деревня Л., около которой происходилъ главный штыковой бой, рѣшившій сраженіе подъ Кѣльцами, скрывается за песчаными холмами и гривками хвойныхъ деревьевъ.

Изъ придорожной избушки выбѣгаетъ какой-то жалкій, приниженный мужичокъ и вызывается проводить насъ «ажъ до самаго костела». Онъ все время кланяется панамъ и дѣлаетъ много лишнихъ движеній — туда и сюда, — головой, руками, ногами, глазами, даже какъ-будто носомъ.

Спѣша впередъ, онъ то и дѣло оглядывается, заискивающе улыбается и мотаетъ головой съ такимъ видомъ, точно ведетъ насъ показать что-то очень занимательное, даже забавное.

Но едва мы сошли съ дороги, передъ нами открылась картина недавняго боя. А что бой былъ недавно, такъ легко узнать: въ окопахъ четко сохранились не только слѣды ногъ въ пескѣ, но и слѣды отъ винтовокъ на песчаномъ грунтѣ сверху. Здѣсь были австрійцы: валялось множество ихъ жестянокъ отъ консервовъ. Окопы были неглубокіе: очевидно, сдѣланы на-скоро, при торопливомъ отступленіи, и около одного изъ окоповъ валялась сломанная саперная лопатка. Шли эти окопы не только вдоль всей рѣки на большомъ протяженіи, но и заходили въ лѣсъ.

Наша позиція была по другую сторону рѣки. Тамъ, среди хвойныхъ гривокъ и песчаныхъ холмовъ, стояла наша артиллерія, а къ рѣкѣ также подползали окопы.

Мы идемъ по песку вдоль этихъ окоповъ.

Песокъ истоптанъ множествомъ ногъ, слѣды которыхъ спутались въ такомъ безпорядкѣ, словно здѣсь былъ какой-то гигантскій таинственный танецъ.

Кое-гдѣ, то зарывшись въ песокъ, то снаружи, валяются стаканы разорвавшихся шрапнелей, еще не успѣвшіе заржавѣть, обоймы отъ патроновъ, австрійскіе колпаки и разныя принадлежности аммуниціи и вооруженія.

Два нашихъ солдатика сидятъ на пескѣ около лѣса и курятъ оба одну цыгарку. Завидѣвъ начальство, вытягиваются, и цыгарка исчезаетъ куда-то. Солдатъ спрашиваетъ:

— Вы откуда? Почему здѣсь?

— Такъ что мы сопровождали, а теперь поджидаемъ, ваше благородіе, — быстро отвѣчаетъ одинъ.

— Кого сопровождали? Кого поджидаете?

— Такъ точно, ваше благородіе. Такъ что сопровождали, а теперь поджидаемъ, — повторяетъ и другой.

Отвѣты совершенно непонятные, но и не наше дѣло доискиваться въ нихъ смысла.

Мы идемъ все впередъ по направленію къ башнѣ костела, которая возвышается вдали надъ этими бѣдными песками и однообразной хвоей, словно благословляетъ ихъ и эту извилистую маленькую рѣчку своимъ крестомъ.

На пути со всѣхъ сторонъ валяются винтовки, но всѣ винтовки поломаны: у однихъ ложе отбито отъ дула, у другихъ вырваны части. Очевидно, сдаваясь въ плѣнъ или убѣгая, побѣжденные не хотѣли, чтобы ихъ оружіе доставалось врагамъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ нашей компаніи бѣгутъ впередъ, надѣясь найти или пріобрѣсти у кого-нибудь изъ крестьянъ германскій кавалерійскій карабинъ.

Но карабина не попадается. Даже большинство винтовокъ стараго образца. Крестьянинъ изъ деревни дѣлаетъ таинственный жестъ рукой и зоветъ къ себѣ.

Входятъ за нимъ.

Въ передней множество винтовокъ. Карабиновъ не видно.

Одинъ изъ компаніи рѣшаетъ взять на память винтовку, и крестьянинъ охотно подаетъ самую лучшую по виду. Жена незамѣтно дергаетъ его за полу и усиленно мигаетъ ему.

Но взявшій винтовку и безъ напоминанія даетъ крестьянину нѣсколько серебряныхъ монетъ. Тогда и тотъ и жена его бросаются цѣловать у щедраго пана руку.

Деревенскія избы жестоко изранены шрапнелью. По счастью.

сожженной нѣтъ ни одной, но жители разорены многократными нашествіями враговъ. Лошади остались лишь у избранныхъ—счастливцевъ.

Теперь эти лошади заняты важнымъ дѣломъ. Онѣ перевозятъ съ полей и изъ окоповъ убитыхъ.

Длинная телѣга появляется изъ-за костела. Рядомъ съ телѣгой идетъ мальчикъ лѣтъ тринадцати и подхлестываетъ кнутомъ лошадь, которая устало везетъ возъ. Она уже привыкла къ этой ношѣ и не выказываетъ никакого безпокойства.

— Сколько? — спрашиваетъ дѣловой голосъ.

— Шесть, — отвѣчаетъ мальчикъ.

— Такъ.

Возъ поравнялся со мной, и я прежде всего вижу нѣсколько паръ безпорядочно торчащихъ сапогъ.

Впереди другая такая же телѣга. Она тянется по направленію къ равнинѣ за деревней, съ четырехъ сторонъ замкнутой большими деревьями. Тамъ видны люди и опять телѣги, изъ которыхъ вываливаютъ на землю мертвецовъ.

Три человѣка роютъ желѣзными лопатами братскую могилу. Уже одна зарыта. Свѣжій сырой песокъ возвышается надъ нею маленькимъ холмикомъ. Сколько человѣкъ тамъ погребено? Не все ли равно.

Кто они? Русскіе, австрійцы?

Говорятъ, раньше зарыли русскихъ.

Мертвецы не имѣютъ ни національности, ни родины. Родина ихъ — земля. Изъ земли взятые, въ землю и отошли. Но все же свои, родные поднимаютъ въ душѣ особенно глубокую печаль.

Имена?

Не все ли равно. Вѣдь близкіе ихъ далеко, очень далеко. Никто не прійдетъ на ихъ могилу помолиться и пролить слезу. Надъ могильнымъ холмомъ поставятъ крестъ и на немъ напишутъ «со святыми упокой». Можетъ быть, обозначутъ число зарытыхъ, но имена ихъ такъ и останутся неизвѣстны. Честной и славной смертью погибли они, но слава, которая должна бы принадлежать имъ, станетъ славою ихъ родины.

Изъ ихъ подвиговъ, какъ изъ огненныхъ искръ, образуется свѣтящійся ореолъ, которому благоговѣйно будутъ дивиться и поклоняться потомки.

II.

Бой длился цѣлый день.

Дважды русскіе пытались перейти черезъ рѣку и атаковать непріятельскіе окопы и дважды ихъ отбивали ужаснымъ огнемъ.

Эта атака шла недалеко отъ костела, и жители деревни видѣли ее и поражались невѣроятному геройству русскихъ воиновъ.

Наконецъ, прошлой ночью, со стороны костела, русскіе перешли незамѣтно черезъ рѣку въ бродъ въ полуверстѣ отъ костела и бросились на враговъ съ тыла.

Завязалась жестокая борьба, которая окончилась побѣдой русскихъ.

Болѣе ста человѣкъ австрійцевъ были взяты здѣсь въ плѣнъ. Ихъ-то я и видѣлъ въ Кѣльцахъ. Множество было убито и ранено.

Остальные въ ужасѣ бѣжали, побросавъ свои винтовки и прочее снаряженіе.

За церковью, около окоповъ валяются сотни винтовокъ, цѣльныхъ и сломанныхъ. Множество ихъ перенесено въ церковный дворъ.

Здѣсь онѣ сложены большой грудой. И каждая изъ этихъ винтовокъ могла бы разсказать свою повѣсть о человѣкѣ, который держалъ ее въ рукахъ и выронилъ въ минуту смерти, страданія или безнадежности.

А эти загрязнившіеся, частью окровавленные листки писемъ, разбросанныхъ около окоповъ и могилъ...

Что ни листокъ, то живой документъ человѣческой жизни, документъ войны.

Есть письма, посланныя нашимъ непріятелямъ съ ихъ родины; на нѣмецкихъ знакъ:

— Zensuriert. Stationskommande.

И есть ихъ собственныя письма, которыя они не успѣли отправить, хотя и значится на этихъ письмахъ опредѣленная дата и даже городъ, откуда надѣялись отправить письмо.

Такъ, на одномъ изъ нѣмецкихъ писемъ, попавшихъ мнѣ въ руки, значится адресъ:

— Warszawa.

Слишкомъ поспѣшилъ съ этимъ адресомъ. Отъ самой Варшавы, очевидно, онъ уносилъ это письмо все дальше и дальше и донесъ его вплоть до польской деревушки, гдѣ нашелъ могилу.

Письмо адресовано женѣ въ Зальцбургъ.

III.

На окраинѣ деревни, за костеломъ, стоитъ старая деревенская хижина. Она вся изрѣшетена пулями, и окна ея разбиты.

Нигдѣ на всемъ полѣ нѣтъ такого количества изломанныхъ ружей, согнутыхъ штыковъ, прострѣленныхъ манерокъ, фуражекъ и прочаго сора войны, какъ здѣсь.

Почти подлѣ самой хижины извивается довольно глубокій окопъ, и въ окопѣ лежатъ два еще неубранныхъ трупа.

Это послѣдніе трупы на деревнѣ и около нея. Но ихъ еще много въ лѣсу.

Громыхаетъ длинная телѣга и останавливается около этихъ труповъ.

Молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ стоитъ, прислонившись къ изжаленной пулями стѣнѣ избы, и вздыхаетъ.

— А вы сами отсюда? — спрашиваю я женщину.

— Отсюда, отсюда. Я здѣшняя. Ой, сколько горя, сколько страху натерпѣлись мы. Я сама едва не пропала. Вотъ, смотрите, — указываетъ она свободной рукою на обожженное мѣсто около праваго глаза. — Это сдѣлала проклятая пуля, когда я вотъ такъ же съ ребенкомъ на рукахъ сидѣла у себя въ избѣ. Пуля влетѣла въ окно и едва не убила меня. Видно, Матерь Божія защитила меня ради моего младенца. У Матери Божьей былъ также Сынъ и она пожалѣла материнское сердце.

Двѣ пары рукъ вытаскиваютъ оба трупа и укладываютъ ихъ въ телѣгу. Лошадь косится на эту кладь.

— Ой, да какіе всѣ они тяжелые! — говоритъ молодой парень, сваливъ въ телѣгу послѣдняго.

IV.

Около костела, гдѣ раньше помѣщалась школа, теперь помѣщаются австрійскіе раненые.

Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, плѣнники выползли изъ своего временнаго прибѣжища.

У одного изъ нихъ, худого, молодого еще поляка перевязана вся нижняя часть лица.

Онъ не можетъ говорить и только умоляюще указываетъ пальцемъ на свой ротъ и качаетъ головой.

За него объясняетъ все это другой раненый — въ руку, краковскій учитель.

— Мы, товарищи, — говоритъ онъ. — Мы были ранены въ одномъ окопѣ. Русскіе пожалѣли насъ и оставили живыми. Но его надо скорѣе бы взять въ госпиталь, иначе онъ умретъ отъ страданій и отъ голода. Ради Бога, скажите кому слѣдуетъ, чтобы насъ взяли отсюда. Я-то еще могу терпѣть, а онъ — нѣтъ.

Его успокаиваютъ. Нынче же пріѣдутъ за ними и возьмутъ ихъ въ Кѣльцы. Въ первую очередь, понятно, отправимъ своихъ и еще болѣе тяжело раненыхъ, а скоро явятся и за ними.

Учитель передаетъ все это своему товарищу, а тотъ нетерпѣливо качаетъ головой и слушаетъ и не слушаетъ его, глядя на насъ умоляющими глазами, и все указываетъ пальцами на свой ротъ, стараясь раскрыть его насколько возможно больше, чтобы этой тяжелой цѣною вызвать въ насъ состраданіе и добиться возможно болѣе скорой помощи.

Телѣга съ двумя убитыми проходитъ медленно мимо насъ.

Кромѣ двухъ деревенскихъ мужичковъ, ее сопровождаетъ австрійскій солдатъ, раненый въ ногу, молодой, съ интеллигентнымъ лицомъ и черной курчавой бородкой.

Правой рукой онъ опирается на палку, вырѣзанную изъ осокоря, а лѣвой держится за ребро телѣги, въ которой свалены его товарищи.

Онъ не сводитъ съ нихъ глазъ и, волоча свою больную, перевязанную полотнищемъ ногу, тащится за деревню, къ тому мѣсту, гдѣ хоронятъ убитыхъ солдатъ.

Краковскій учитель посмотрѣлъ-посмотрѣлъ вслѣдъ этому мрачному шествію, подумалъ-подумалъ и тоже пошелъ слѣдомъ.

Остался только раненый въ ротъ...

V.

Возвращаясь назадъ, мы немного заблудились и попали къ лѣсу, котораго раньше не было на нашемъ пути.

Тутъ встрѣтились намъ два человѣка, оба съ лопатами въ рукахъ.

— Намъ сказали, что здѣсь лежитъ въ лѣсу убитый австріецъ, и вотъ мы пришли, чтобы зарыть его, — сказалъ одинъ изъ нихъ.

Другой прибавилъ:

— Телѣги всѣ заняты, да и не стоитъ ѣхать за однимъ такъ далеко отъ деревни.

— Тѣмъ болѣе, что и дорога очень тяжелая. Прямо трудно ноги вытаскивать изъ песка, —пояснилъ опять первый.

Они остановились, опираясь на лопаты, обсуждая, куда итти. Одинъ говорилъ, что надо своротить именно здѣсь въ лѣсъ, такъ какъ вотъ и то самое дерево, на которое имъ указывали; другой утверждалъ, что это дерево дальше.

Я пошелъ впередъ и скоро пересталъ слышать ихъ голоса.

Пройдя шаговъ пятьдесятъ по зыбучему песку, я вдругъ замѣтилъ на этомъ пескѣ слѣды.

Это были странные слѣды. Мѣстами виднѣлись отчетливо слѣды ногъ, то-есть, слѣды всей ступни, но потомъ слѣды ступни укорачивались, и видны были только слѣды широконосыхъ сапогъ, а неподалеку, впереди, какъ-будто слѣды рукъ.

Въ одномъ мѣстѣ я даже вполнѣ убѣдился, что это именно отпечатокъ рукъ на пескѣ.

И отъ того самаго поворота, съ котораго я замѣтилъ эти слѣды, мѣстами виднѣлись ясныя пятна крови.

Несомнѣнно, ползъ раненый человѣкъ.

Слѣды съ опушки направлялись въ лѣсъ.

И ползъ онъ, очевидно, въ гущу лѣса. Зачѣмъ? Можетъ быть, чтобы скрыться отъ глазъ враговъ, а можетъ быть, умереть въ лѣсу, подальше отъ человѣческихъ глазъ.

У меня явилось острое желаніе провѣрить, такъ ли это на самомъ дѣлѣ. А можетъ быть, этотъ несчастный раненый еще не умеръ?

Я остановился въ нерѣшительности, тѣмъ болѣе, что компанія, съ которой я шелъ, уже отошла отъ меня довольно далеко.

Однако, я торопливо двинулся въ лѣсъ и шагахъ въ двадцати отъ опушки, между прямыхъ стволовъ сосенъ, увидѣлъ издали трупъ.

Мнѣ стало жутко. Но въ ту же минуту я услышалъ тѣ два голоса, которые спорили о мѣстѣ, гдѣ находился убитый.

— Ну, вотъ, я же вамъ говорилъ, что онъ тутъ; такъ и есть!— торжествуя выкрикнулъ одинъ. — Видите, вонъ темнѣетъ между деревьями.

И обѣ фигуры съ лопатами въ рукахъ стали неторопливо подходить.

ПОБѢЖДЕННЫЕ И ПОБѢДИТЕЛИ.

I.

Бой въ Августовскихъ лѣсахъ.

Уже въ самомъ сочетаніи этихъ словъ есть что-то внушительное, почти торжественное.

Со временемъ, когда въ учебникъ исторіи войдетъ эта кровавая и героическая глава величайшей всемірной войны, —

— Бой въ Августовскихъ лѣсахъ при Козеницахъ, —

будетъ звучать сильнѣе, чѣмъ —

— Бой при Ѳермопилахъ.

Здѣсь сражались не полки, не дивизіи, а цѣлыя арміи. Сотни тысячъ однихъ людей съ сотнями тысячъ другихъ.

Австро-прусская армія самоувѣренно и гордо шла на Ивангородъ, надѣясь въ нѣсколько дней уничтожить эту твердыню, а потомъ и въ Варшаву.

Нѣмецкіе офицеры по пути разспрашивали въ польскихъ городахъ и усадьбахъ, какіе лучшіе отели въ Варшавѣ и много ли хорошенькихъ женщинъ.

— Жаль, если варшавскія женщины разбѣжались оттуда, — говорили нѣмецкіе гансы, покручивая усы. — Мы, во-первыхъ, всегда были джентльмены съ хорошенькими женщинами, во-вторыхъ, не только полькамъ, но и полякамъ нечего бояться насъ. Мы несемъ имъ освобожденіе на остріяхъ нашихъ сабель и въ дулахъ нашихъ пушекъ.

Дула тѣхъ пушекъ, которыя у нѣмцевъ уцѣлѣли, они должны были черезъ два десятка дней повернуть nach Hause. — Крѣпость Ивангородъ оказалась могилой нѣмецкой силы и славы. Здѣсь ихъ кичливой смѣшной самоувѣренности былъ нанесенъ такой

страшный ударъ, что они на этотъ разъ еле уволокли разбитыя ноги, приготовившіяся танцовать и расшаркиваться въ Варшавѣ передъ красивыми польками.

Въ то время какъ наша крѣпостная артиллерія несла очень небольшія потери и орудій не потеряла ни одного, нѣмцы вымолачивались нашимъ артиллерійскимъ огнемъ, какъ тучная нива градомъ.

Когда же на помощь крѣпости подошли два нашихъ корпуса, и силы сравнялись, нѣмцы дрогнули и стали отступать.

Отступали они медленно, какъ бы завлекая русскую армію въ ту трагическую западню, которую ставила намъ при этомъ преслѣдованіи на пути сама природа.

Съ одной стороны — рѣка Висла, мосты на которой, конечно, были сожжены непріятелемъ, съ другой стороны — топи болота, густые лѣса, въ которыхъ такъ удобно было скрываться врагу не только между деревьями, но и въ глубокихъ окопахъ, которые трудно различить издали.

Но русскихъ не остановили эти преграды. Они двинулись на врага съ двухъ сторонъ, и началась воистину титаническая борьба.

Висла въ эту осень разлилась такъ широко, что переправа подъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ казалась совершенно невозможной. Стали переправлятъся въ лодкахъ, даже прямо — въ бродъ. Съ сказочной быстротой былъ наведенъ нами понтонный мостъ, гдѣ барки стояли вопреки условной военной техникѣ. Кавказская бригада зацѣпившаяся было у Вислы, наконецъ, имѣла возможность ринуться къ врагу.

Непріятельскіе снаряды скрещивались надъ мостомъ съ ужасающимъ воемъ, но ни одинъ изъ нихъ не повредилъ моста. Снаряды падали въ рѣку съ бурнымъ шипѣньемъ, поднимая вспѣненные фонтаны, а наши войска шли и шли, какъ бы хранимыя самимъ небомъ.

Но переходомъ Вислы не ограничивались стихійныя преграды. Страшнѣе оказались тинистыя болота, по которымъ приходилось наступать нашимъ войскамъ, иногда по грудь въ водѣ.

Хлесталъ дождь, пронизывалъ ледяной вѣтеръ, и вода была гнилая и холодная какъ ледъ.

А они шли и шли, поднявъ надъ головой патронташи и винтовки, шли, еле выдирая ноги изъ вязскаго ила, въ то время какъ сна-

ряды сыпались на нихъ, мѣшая кровь съ зацвѣтшей болотистой водой, разбрасываясь между желтыми высокими тростниками и болотной травой.

Вотъ я пишу эти строки и чувствую все безсиліе свое, все ничтожество слова, чтобы изобразить трагическое величіе этой картины. — А вѣдь эта картина изъ живыхъ сѣренькихъ людей, въ лицахъ и осанкѣ которыхъ нѣтъ ровно ничего героическаго. И не идутъ какъ-то къ нимъ эти эпитеты — мощный, грозный, неодолимый и т. п. Во-первыхъ, потому не идутъ, что ужъ очень оно пышно и банально, а, во-вторыхъ, — совсѣмъ не вѣрно. Ну какъ сказать, напримѣръ, о землѣ, — доблестная, неодолимая... Все это не то, а тутъ именно — земля, сѣрая, молчаливая и вмѣстѣ съ тѣмъ — творческая сила.

Я не боюсь сказать—творческая, потому что во всѣхъ почти дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, во время нынѣшней войны, въ простой сѣрой солдатской массѣ много разъ наблюдались такія проявленія души, которыя нельзя опредѣлить другимъ словомъ. Мнѣ разсказывали сами офицеры, что иногда солдатъ не легко было поднять въ атаку, а въ другой разъ они сами, чуя моментъ, нетерпѣливо вызывали начальника къ такой командѣ. И всегда замѣчалось, что въ первомъ случаѣ атака была неудачна чаще всего, а во второмъ — наоборотъ. На это, пожалуй, возразятъ, что неудача-то, можетъ быть, и обусловливалась тѣмъ, что шли неохотно. Вовсе нѣтъ. Внѣшне солдаты вели себя и въ той и въ другой атакѣ одинаково, а просто — они какимъ-то чудеснымъ непосредственнымъ чувствомъ взвѣшивали заранѣе исходъ, заранѣе какъ бы провидѣли то, что ожидаетъ ихъ впереди.

И тутъ, несмотря на явно непреодолимыя преграды, они провидѣли, что наша возьметъ. Провидѣли и тѣ, которымъ суждено было погибнуть, и тѣ, которые должны остаться жить. Тутъ уже терялась воля одного лица, тутъ уже шли огромной массой, глыбой земли, и чувство было общее, а не разбитое по личностямъ.

Вы только задумайтесь на минуту надъ этой картиной, постарайтесь представить ее своимъ воображеніемъ, освѣтить искреннимъ чувствомъ своимъ. Представьте эти осеннія мертвыя, пронзительно-холодныя болота, эту огромную водяную могилу, особенно мрачную подъ тяжелыми, клубящимися, сѣрыми тучами, и этихъ копошащихся въ болотахъ людей, которые издали должны были ка-

заться отраженіемъ клубящихся тучъ въ болотной водѣ. Громъ орудій, вой снарядовъ надъ ними и среди нихъ, визгъ и свистъ пуль, которыя жалятъ со всѣхъ сторонъ, какъ смертельныя пчелы. Кровью окрашиваются и эти живыя сѣрыя тучи, а они все идутъ и идутъ.

Я понимаю суевѣрный ужасъ нѣмцевъ при видѣ этой несокрушимой силы, которая, выходя изъ болота, бросается на непріятельскіе окопы съ крикомъ «ура», не столько громкимъ, сколько полнымъ внутренней вѣры, бросается подъ самыя жерла орудій; подъ огнемъ этихъ орудій копошится въ землѣ, въ свою очередь роя окопы съ такимъ спокойствіемъ и основательностью, какъ-будто готовитъ землю для посѣвовъ, и, наконецъ, сама изъ этихъ окоповъ несетъ уничтоженіе и смерть...

II.

По изрытой, сильно испорченной отступавшимъ непріятелемъ дорогѣ, мы выѣхали изъ Радома въ автомобиляхъ по направленію къ Козеницамъ.

Уже почти около самаго города начались густые старые хвойные лѣса и пески, пески, истоптанные милліонами ногъ, прорѣзанные окопами, углубленные воронкообразными ямами отъ снарядовъ.

Уже на самой окраинѣ лѣсовъ стали попадаться слѣды непріятельскаго отступленія: лохмотья одеждъ, части военнаго снаряженія, поломанныя и цѣльныя винтовки. Чѣмъ дальше отъ Радома, тѣмъ яснѣе открывалось недавнее поле сраженія. Вдоль дороги валялись ободранные разлагающіеся трупы лошадей, то павшихъ отъ усталости, то сраженныхъ снарядами съ разорванными внутренностями, съ оторванными ногами. Ужасенъ видъ этихъ палыхъ животныхъ, которыхъ некогда и некому убирать. Только волки, разогнанные въ глубь лѣсовъ громкой канонадой и страшнымъ шумомъ и движеніемъ войны, начинаютъ теперь осторожно и боязливо подбираться къ нимъ и уничтожать эту обильную добычу, да вѣчные спутники войны — вороны — по клочку вырываютъ окровавленное мясо.

По безчисленнымъ окопамъ, идущимъ далеко въ глубь лѣсовъ, видно, какъ велика была эта битва и какъ продолжительна. Нѣмецкіе окопы глубоки и тщательно укрыты. Мѣстами они напоминаютъ землянки, съ лабиринтами внутри, съ удобными ходами и выходами.

Землянки — со сводами, покрытыми снаружи хворостомъ и травой, чтобы ихъ можно было принять за кучу бурелома, а внутри — выложенныя опавшими листьями, на которыхъ еще ясно видны слѣды вдавившихъ ихъ въ землю ногъ.

Въ одномъ мѣстѣ, на опушкѣ лѣса, окопы тянутся вдоль всей опушки на разстояніи верстъ двухъ-трехъ. И къ этимъ окопамъ подползаютъ, извиваясь параллельно имъ, наши окопы,—подползаютъ одинъ за другимъ, все ближе и ближе. Дальше опять ихъ окопы, и опять наши. Такъ чередуются эти окопы на огромномъ пространствѣ и вплоть до самой Вислы. Теперь они молчаливо глядятъ другъ на друга своими невысокими холмиками, на которыхъ еще не сгладились слѣды винтовокъ и даже рукъ, не пропали пятна крови. Эти опустѣлые, безмолвные окопы вызываютъ воображеніе на усиленную работу. Тотъ кровавый соръ войны, которымъ они окружены и наполнены, помогаетъ возстановить мрачное и величаво-ужасное движеніе боевой жизни.

Само собой рисуются не только картины битвъ, но и картины отдыха около этихъ почернѣвшихъ грудъ пепла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пылали костры; вокругъ нихъ грѣлись продрогшіе, промокшіе, изнемогавшіе отъ невѣроятнаго напряженія, отъ голода и безсонницы люди, которые наскоро сушились тутъ и варили походную пищу.

Бесчисленныя коробки отъ консервовъ, клочья писемъ, окровавленные клочья одеждъ, грудами наваленное оружіе, все это — свидѣтельства особенной жизни, такъ не похожей на нашу обычную жизнь, что, кажется, попадаешь въ другой міръ, безконечно далекій отъ нашего не только по разстоянію, но и по времени. Съ одной стороны — великолѣпные города, наука, искусства, мирный трудъ, съ другой — дикіе лѣса, непроходимыя болота, жизнь и кровавая борьба первобытная.

— Здѣсь что ни шагъ, то кровь, что ни шагъ, то могила.

Вотъ заваленный на большомъ пространствѣ окопъ — это братская могила. Очень можетъ быть, что сюда даже не приходилось сваливать трупы, а упалъ снарядъ и убилъ всѣхъ, ворвались враги и перекололи и перестрѣляли заполнявшихъ этотъ окопъ, не успѣвшихъ выбраться оттуда и, можетъ быть, добровольно шедшихъ на смерть, чтобы не длить безъ конца эту невыносимую агонію смертельной борьбы.

А сколько здѣсь крестовъ въ лѣсу и вдоль дороги! Временами

кажется, что вы ѣдете по кладбищенской дорогѣ: кресты справа и слѣва, кресты на перепутьяхъ, кресты выглядываютъ изъ-за красноватыхъ стволовъ сосенъ, мѣстами разбитыхъ и покалѣченныхъ проносившимися здѣсь снарядами, которые валяются возлѣ окоповъ и въ лѣсной чащѣ, свидѣтельствуя своими зловѣщими пустотами и обломками о тѣхъ уничтоженіяхъ, которыя они принесли съ собою въ эти лѣса. Кресты изъ дерева и изъ прутиковъ. Порой вмѣсто креста воткнута въ могильный холмъ винтовка или штыкъ.

III.

Въ одномъ мѣстѣ, верстахъ въ двадцати отъ Радома, остановился нашъ автомобиль.

По обилію окоповъ, брошеннаго оружія, могилъ и остатковъ аммуниціи, ясно было, что здѣсь шелъ наиболѣе упорный и продолжительный бой.

Вся наша корреспондентская компанія рѣшила черезъ поляну направиться влѣво отъ дороги, въ лѣсъ, гдѣ, по свидѣтельству встрѣчнаго крестьянина, — валялись еще трупы.

Мнѣ надоѣло это шатаніе вмѣстѣ со всѣми. Я отсталъ отъ толпы моихъ товарищей и свернулъ влѣво отъ дороги, къ крестамъ, которые стояли на опушкѣ, какъ бы закрывая входъ въ глубь лѣса, гдѣ еще болѣе страшныя тайны смерти и борьбы оставались неприкрытыя и не благословенныя заботливыми человѣческими руками.

Два креста возвышались надъ одной могилой. Одинъ большой сосновый крестъ, а другой подъ нимъ — маленькій, точно пріютившійся у ногъ большого, изъ вѣточекъ. Рядомъ шелъ глубокій, извилистый окопъ.

На соструганной перекладинѣ большого креста корявымъ почеркомъ было написано только одно слово — убитъ, а подъ крестомъ лежала красная отъ крови рубаха. Должно быть, убитаго переодѣли въ чистую рубаху прежде чѣмъ зарыть.

На перекладинѣ маленькаго крестика, около котораго воткнута была въ песокъ маленькая елочка, тѣмъ же почеркомъ написано было:

Тута скороненый 12 октября
раненый русскій воинъ
Василій Абрамовъ.

Развороченный стальной стаканъ отъ шрапнели былъ надѣтъ на вертикальную жердочку маленькаго креста. Вѣрно, этой шрапнелью и былъ убитъ тута скороненый Василій Абрамовъ.

Въ двухъ шагахъ отъ могилы бѣлѣли мокрые отъ сырости клочки бумаги. Одинъ клочокъ—обрывокъ открытки, на которой было нацарапано имя этого самаго Василія Абрамова, а на другой сторонѣ значилось, что —

— Сіэ письмо пущена...

Дата была оторвана, да это и не важно, и не важно содержаніе письма, сплошь наполненнаго поклонами отъ Ивановъ, Матренъ, Естигнѣевъ, сватовъ и прочихъ близкихъ убитому людей.

«И ищо кланююца кумъ Василій и ищо кланююца...»

Я постоялъ у могилы, поклонился также покойному и пошелъ вдоль окоповъ въ глубину молчаливаго и печальнаго хвойнаго лѣса, полнаго еще не заглохшими ужасами смерти и борьбы.

КОШМАРЪ НА ЯВУ.

День былъ сѣрый и тихій. Особенно эта осенняя тишина надъ низкими хмурившимися тучами чувствовалась въ старомъ, безконечномъ лѣсу, гдѣ самыя деревья какъ-будто сторожили эту тишину.

Тѣмъ неожиданнѣе и рѣзче звучали по временамъ откуда-то издали одинокіе выстрѣлы; они щелкали какъ-то отрывисто и пронзительно четко, и тишина послѣ нихъ становилась еще болѣе гнетущей и глухой.

Я шелъ по цѣлымъ ворохамъ дубовыхъ листьевъ, удивляясь, откуда могло набраться этихъ листьевъ такъ много, когда дубовъ здѣсь было несравненно меньше, чѣмъ сосенъ. Красновато-бурые, мягкіе, пахнущіе кисловатой прѣлью, листья шуршали у меня подъ ногами и прилипали къ подошвамъ сапогъ.

Я уже отошелъ довольно далеко отъ дороги, когда услышалъ выстрѣлъ въ той сторонѣ, куда шелъ почти машинально, переступая черезъ окровавленную солдатскую рвань. За стволами деревьевъ впереди никого не было видно. Стволы, чѣмъ дальше, тѣмъ казались чаще и вдали стояли почти сплошнымъ живымъ частоколомъ, скрывая отъ моихъ глазъ стрѣлявшаго.

Бояться было нечего. Я отлично зналъ, что означали эти выстрѣлы: крестьяне, собиравшіе винтовки, чтобы получить назначенную за каждую изъ нихъ награду въ нѣсколько рублей, разряжали эти винтовки, прежде чѣмъ отнести ихъ въ свою гмину или въ городъ. Развѣ могла угодить шальная пуля. Но не дуракъ же тотъ, кто стрѣляетъ, чтобы не догадаться, что стрѣлять лучше всего въ землю, или вверхъ.

Я пошелъ по направленію, откуда выстрѣлъ повторился еще разъ, и скоро замѣтилъ между стволами, черными, начиная отъ края почти до высоты человѣческаго роста, фигуру въ темномъ бѣдномъ платьѣ. Я пріостановился и смотрѣлъ на эту фигуру не безъ удивленія. Лица разобрать было нельзя, такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ бокомъ, но, повидимому, это былъ человѣкъ молодой. Меня онъ не видѣлъ и навѣрное убѣжденъ былъ, что въ лѣсу никого нѣтъ, иначе не сталъ бы продѣлывать всей той комедіи, которую я наблюдалъ невольно издали.

Выбросивъ послѣ выстрѣла патронъ, онъ вложилъ въ винтовку новый зарядъ, при чемъ все это продѣлывалъ съ какой-то подозрительной торжественностью. Затѣмъ быстро повернулся еще болѣе въ сторону отъ меня и приложился. Прежде чѣмъ я успѣлъ разглядѣть, куда онъ цѣлился, прогремѣлъ выстрѣлъ, закружился бѣловатый клубокъ дыма среди стройныхъ, высокихъ стволовъ, запахло порохомъ и гарью.

Я только тутъ увидѣлъ вдали, шагахъ въ двадцати отъ него, то, во что онъ цѣлился; увидѣлъ и невольно вздрогнулъ.

Онъ стрѣлялъ въ человѣка, несомнѣнно — въ человѣка!

Правда, сѣроватый свѣтъ дня падалъ сюда, въ эту гущу лѣса сверху, и въ лѣсу было нѣсколько сумеречно, но ошибиться я не могъ. Эта — темная неподвижная масса, не оставляла сомнѣній. Я не могъ не различить очертаній человѣческой фигуры, не то сидѣвшей, не то стоявшей на колѣняхъ у чернаго дубоваго ствола.

И эту фигуру разстрѣливалъ странный, одѣтый въ черное человѣкъ.

Все это до такой степени поразило меня, что я... ну, просто-таки я не успѣлъ испугаться, какъ этотъ человѣкъ неожиданно повернулся ко мнѣ, точно почувствовалъ на себѣ мой взглядъ. По движенію его я увидѣлъ, что онъ былъ ошеломленъ неожиданной встрѣчей не меньше, чѣмъ я, и, быстро отвернувшись, пошелъ въ глубь лѣса

торопливой и безпокойной походкой человѣка, который не поддается желанію пуститься бѣгомъ, въ то время, какъ ему явно хочется бѣжать.

На ходу онъ раза два обернулся, чтобы убѣдиться, что я не преслѣдую его, и, вѣроятно, успокоился, одумался, понялъ, что бояться ему рѣшительно нечего, такъ какъ въ лѣсу мы одни и при этомъ я безоружный, а у него въ рукахъ винтовка.

Тогда онъ пошелъ болѣе размѣреннымъ и неторопливымъ шагомъ, все больше и больше углубляясь въ лѣсную чащу. Его невысокая черная фигура мелькала среди стволовъ, иногда сливаясь съ ними, иногда возникая на свѣту. Шорохъ шаговъ его по свѣяннымъ листьямъ скоро не сталъ слышенъ. Такъ я слѣдилъ за нимъ, какъ мнѣ показалось, очень долго, но, навѣрное, прошло, какъ я потомъ разсчиталъ, не болѣе пяти минутъ. Наконецъ, фигура исчезла, потерялась, какъ пятно, среди древесныхъ стволовъ.

Тогда меня стало охватывать какимъ-то липкимъ холодкомъ жуткое и ѣдкое чувство...

Я не хотѣлъ поддаваться этому чувству.

— Вотъ вздоръ! — вслухъ сказалъ я самъ себѣ. — Это просто какая-то... какое-то...

Я чуть не сказалъ себѣ — какое-то недоразумѣніе, но это опредѣленіе никоимъ образомъ не подходило здѣсь, а другого оправданія и объясненія не находилось.

Тогда, стараясь перебороть эту жуть, я рѣшилъ пойти туда, гдѣ мнѣ представлялась прислонившаяся спиной къ дереву фигура, въ которую стрѣлялъ этотъ поспѣшившій удалиться человѣкъ. Можетъ быть, это просто куча тряпья. У меня было и острое любопытство, и желаніе убѣдиться, что кошмарныя мысли, которыя лѣзли въ мою голову, дѣйствительно — вздоръ, что ничего страшнаго тутъ не было и не могло быть.

Я шелъ вдоль окопа, близъ котораго темнѣла эта фигура.

На пути валялись ободранная ярко-кровавая лошадиная туша, патроны, разбросанные сухари, австрійскій подсумокъ.

Но въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ болѣе выразительныя и наводящія на мрачныя мысли вещи: бѣлый чулокъ съ протертой подошвой, въ немъ окровавленное полотенце и рядомъ, тоже вся въ крови — оторванная штанина.

Немного дальше — сапогъ, съ разрѣзаннымъ голенищемъ, весь запачканный изнутри кровью, одинъ-единственный сапогъ, вѣроятно, тотъ самый, въ который заправлены были и эта штанина, и этотъ сплошь залитый кровью чулокъ.

Близъ этихъ вещей я уже ясно разглядѣлъ теперь трупъ въ сѣровато-голубой австрійской шинели и въ военномъ австрійскомъ колпакѣ, надвинутомъ на голову, въ двухъ или трехъ мѣстахъ пробитомъ пулей.

Трупъ былъ прислоненъ къ дереву въ сидячемъ положеніи. Мертвая голова низко свѣсилась на грудь, такъ что лица нельзя было разглядѣть, и изъ рукавовъ шинели высовывались синія, почти черныя руки мертвеца.

За эти три мѣсяца моихъ скитаній по боевымъ полямъ я видѣлъ достаточно труповъ, чтобы убѣдиться по этимъ чернымъ рукамъ, кожа которыхъ походила на смятую старую тряпку, что этотъ трупъ не вчерашняго дня, и если онъ не успѣлъ еще разложиться вполнѣ, такъ это потому, что послѣднее время было холодно и онъ лежалъ не на землѣ, а на пескѣ. Что же дѣлалъ здѣсь тотъ человѣкъ? Зачѣмъ онъ поставилъ мертвеца у дерева и разстрѣливалъ его?

Или мнѣ это только показалось?

Я бы хотѣлъ, чтобы это лишь показалось, но сомнѣнія не было: во-первыхъ, еще пахло паленымъ отъ прострѣленной матеріи на колпакѣ, во-вторыхъ, надъ головой трупа, на древесной корѣ была совсѣмъ свѣжая ссадина отъ первой, не совсѣмъ удачно пущенной пули.

Такъ, можетъ быть, это была своего рода месть? Можетъ быть, у разстрѣливавшаго нѣмцы убили кого-нибудь изъ близкихъ, и онъ срываетъ на трупѣ врага свою нечеловѣческую ненависть и злобу?

А можетъ, это просто-напросто сумасшедшій, психопатъ, которому доставляло уродливое болѣзненное удовлетвореніе стрѣлять въ мертвеца?

Какъ бы то ни было, это чудовищно, — пожалуй, еще болѣе чудовищно, чѣмъ разстрѣливать живого человѣка, даже раненаго.

Я почувствовалъ, какъ меня начинаетъ охватывать дрожь, ледяная, мелкая дрожь, чувство, похожее на страхъ. — Но это былъ не страхъ. Чего мнѣ въ сущности было бояться? Тотъ преступникъ, безумный, я ужъ не знаю, какъ назвать его, былъ далеко, а трупы убитыхъ перестали уже мнѣ внушать острое чувство скорѣе жало-

сти и тоски, чѣмъ ужаса, чувство, которое они внушали мнѣ раньше, при первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ на войнѣ.

Между тѣмъ, это было до такой степени острое и пронзительное ощущеніе, что я уже не могъ бороться съ нимъ; оно какъ-то безбольно, но властно проникало въ каждый мой нервъ, въ каждую каплю крови.

Я оглянулся кругомъ, инстинктивно ища какое-нибудь живое существо, чтобы не сознавать себя такимъ одинокимъ.

Но со всѣхъ сторонъ меня обступалъ лѣсъ.

Стволы деревьевъ окружали меня тѣснымъ строемъ, точно я былъ ихъ плѣнникъ. Нигдѣ не виднѣлось просвѣта на дорогу или на поляну. Только деревья, деревья безъ конца, неподвижныя, какъ-будто тоже мертвыя деревья, и среди нихъ — тишина подъ иглистыми хвоями, на которыя ниспадали тяжелыя сѣрыя тучи.

Трупъ съ опущенной головой, въ измятомъ военномъ колпакѣ, страннымъ образомъ усугублялъ эту тишину, подавлявшую своимъ гнетомъ и тѣмъ неопредѣленнымъ ужасомъ, который шелъ отъ трупа, а еще болѣе — отъ этого кошмарнаго человѣка, который въ трупъ стрѣлялъ, а теперь исчезъ въ лѣсной чащѣ.

Я уже не могъ противиться этому впивавшемуся въ меня ужасу и закричалъ, какъ мнѣ самому послышалось, не своимъ, дикимъ голосомъ:

— Ау!.. Го-го-го!..

Никто не отозвался. Только какая-то птичка, свистнувъ, въ испугѣ улетѣла прочь. Тогда, не совладавъ съ собою, я бросился бѣжать среди деревьевъ, самъ не зная куда, чувствуя, какъ на головѣ моей шевелятся волосы, точно самый воздухъ хватаетъ за нихъ, а прилипающіе къ ногамъ листья стараются убѣжать отъ этого ужаса вмѣстѣ со мною.

Я бѣжалъ, перепрыгивая черезъ окопы и попадавшіяся на пути военныя вещи. Мнѣ казалось мгновеніями, что я бѣгу не туда, куда надо, что я заблудился въ лѣсу, такъ какъ просвѣта между деревьями все нѣтъ и нѣтъ.

Мнѣ кажется, что если бы это нелѣпое бѣгство продолжалось еще нѣсколько минутъ, я бы не выдержалъ и упалъ.

Но межъ стволами мелькнула даль; и въ ту же минуту весь мой страхъ какъ-будто оторвался отъ меня, остался позади.

Мнѣ стало стыдно этой глупой трусости. Я боялся, не замѣтилъ ли кто-нибудь моего малодушнаго бѣгства.

Слава Богу, — нѣтъ, никто не замѣтилъ.

Я вышелъ на дорогу, теряясь и не понимая, что со мною было. Неужели до такой степени испортились мои нервы за эти три мѣсяца тревожной и полной трагическихъ впечатлѣній жизни!

Хотѣлъ разсмѣяться надъ собою, но гдѣ-то въ глубинѣ души моей шевельнулось еще смутное сознаніе, что смѣяться тутъ не надъ чѣмъ, что тутъ виноваты не только нервы.

Что, можетъ быть, самое ужасное изъ всего, что я видѣлъ за эти три мѣсяца, было вотъ это дикое, непонятное явленіе.

. . . .

Подошедшіе товарищи поспѣшили выразить мнѣ сожалѣніе, что я не видѣлъ того, что видѣли они.

Валяющіеся у окоповъ трупы, ограбленные, раздѣтые, съ такими выраженіями лицъ, въ которыхъ отражается весь ужасъ войны.

— А вы что видѣли? Небось, мечтали, бродя по лѣсу?

Я отвѣтилъ, что не видѣлъ ничего. Мнѣ было все еще неловко за пережитый страхъ.

***

То, что я видѣлъ въ этотъ день дальше, въ Козеницахъ, Псарахъ, Бржезницахъ и другихъ деревняхъ, гдѣ были бои или проходили войска, было ужасно, но совсѣмъ съ другой стороны, со стороны человѣческаго горя и бѣдствія.

Я видѣлъ неслыханное разореніе, сожженныя до-тла деревни, безпріютныхъ, голодныхъ людей, въ отчаяніи распростертыхъ на своемъ пепелищѣ.

Отъ ихъ разсказовъ о томъ, что вытерпѣли они отъ враговъ, какіе перенесли униженія и страхи, какъ спасались въ лѣсныхъ трущобахъ съ малыми дѣтьми въ то время, какъ лѣсъ гудѣлъ и дрожалъ отъ орудійнаго рева, — отъ всего этого вѣетъ первобытнымъ ужасомъ.

Еще ужаснѣе судьба всѣхъ этихъ людей въ будущемъ. Съ каждымъ днемъ она должна быть ужаснѣе, если къ нимъ не придутъ съ помощью.

Должны прійти, иначе эти люди перемрутъ отъ голода и холода. Теперь они живутъ въ землянкахъ, вырытыхъ гдѣ попало, но зимой они замерзнутъ тамъ.

О нуждѣ ихъ нечего разспрашивать. — Нужда вопитъ изъ каждаго пепелища, изъ каждаго взгляда этихъ несчастнѣйшихъ людей.

Чѣмъ они питаются теперь?

Вотъ я вижу, какъ въ Козеницахъ еврей собираетъ среди улицы, на которой стояла его лавка, навозъ. Онъ беретъ его горстями и бросаетъ въ рѣшето, которое тутъ же начинаетъ кружить дрожащими костлявыми руками, руками настоящаго скелета.

— Мы жили, какъ люди,—говоритъ мнѣ еврей.—У меня была лавка и въ ней товару на двѣ тысячи рублей. Гдѣ теперь лавка? Гдѣ товаръ?

Онъ на минуту оставляетъ рѣшето и разводитъ руками:

— Вотъ мой товаръ,—говоритъ онъ, указывая на соръ въ рѣшетѣ, среди котораго я замѣчаю нѣсколько горошинъ.—Нѣмцы все взяли, все сожрали сами или скормили на лошадей, которыхъ ставили въ мою лавку. Что осталось, разбросали, и вотъ я долженъ теперь подбирать это, чтобы дѣти мои не умерли отъ голода.

И онъ начинаетъ опять крутить рѣшето, въ которое просѣиваются пыль и навозъ, оставляя на сѣткѣ нѣсколько грязныхъ горошинъ.

Его жена продолжаетъ за него мрачную рѣчь:

— Все, что было на насъ и на дѣтяхъ, пришлось продать, чтобы купить хлѣба. Теперь нечего продавать.

И она плачетъ.

И дѣти начинаютъ плакать вмѣстѣ съ нею.

Только отецъ ихъ крѣпится, бросаетъ новыя горсти навоза въ рѣшето, изъ котораго просѣивается пыль:

— Не плачь. Богъ видитъ и поможетъ намъ. Не плачь, не мы одни.

VI.

Дѣйствительно, не они одни. Страдаютъ поляки, страдаютъ евреи. Нищета и горе—куда ни ступишь, куда ни оглянешься. Хочется не только писать, хочется кричать такъ, чтобы слышно было во всѣхъ углахъ.

— Помогите! Каждый, кто можетъ и чѣмъ можетъ, помогите имъ!

Адресъ всѣхъ этихъ безконечно бѣдствующихъ и страдающихъ извѣстенъ вамъ. Этотъ адресъ—

— Польша.

ФАНТАЗІИ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

I.

Варшава безусловно одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ войны. Она столько пережила за эти ужасные мѣсяцы войны, огненныя жала которой вотъ-вотъ готовы были вонзиться въ ея сердце, что ей простительно было бы даже впадать иногда въ сомнѣнія и тревогу по поводу совершающихся почти въ ея окрестностяхъ военныхъ событій, тѣмъ болѣе, что колебанія этихъ событій—неизбѣжны.

Но надо отдать справедливость ея гражданамъ, — они болѣе чѣмъ мужественно переносятъ выпавшія на ихъ долю испытанія. Они научились безъ преувеличеній и истерики принимать тѣ слухи, которые ежедневно, ежечасно рождаются здѣсь сами собой, благодаря военной тайнѣ.

Гораздо нервнѣе и, можно сказать, малодушнѣе, въ данномъ случаѣ, пришлый элементъ. Я жилъ въ отелѣ, гдѣ предо мной проходили сотни людей, такъ или иначе связанныхъ съ войной. Здѣсь представители разныхъ общественныхъ организацій, корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ, священники и сестры милосердія, преимущественно съ громкими, извѣстными не только столицамъ, но и всей Россіи фамиліями. Кого-кого только здѣсь не перебывало! Иногда сюда же попадали прямо съ боевыхъ позицій офицеры, по недѣлямъ проводившіе въ окопахъ, не переодѣвшіеся и не мывшіеся за недостаткомъ времени и возможности, иногда изголодавшіеся въ конецъ. Они пріѣзжали въ военныхъ автомобиляхъ или воинскихъ поѣздахъ, иногда чудомъ вырвавшись изъ хищныхъ лапъ смерти. Черезъ часъ, черезъ два послѣ появленія въ отелѣ не узнать ихъ, и съ трудомъ можно повѣрить тому, что эти щегольски одѣтые люди, тщательно выбритые, вымытые и приглаженные, улыбающіеся, спокойные и изысканные, что это тѣ самые, которые переносили вмѣстѣ съ солдатами по-братски всѣ лишенія, опасности и ужасы войны, тѣ самые, что только что смущенно входили въ ярко освѣщенный обширный вестибюль отеля, гдѣ множество швейцаровъ, мальчиковъ и прочихъ слугъ, и старались незамѣтно прошмыгнуть въ лифтъ на глазахъ у любопытно лорнирую-

щихъ ихъ великолѣпно-одѣтыхъ дамъ и изукрашеннаго орденами начальства, запереться въ свой номеръ и, прежде всего,—окунуться въ ванну, о которой такъ давно и мучительно тосковало тѣло.

Вотъ здѣсь, въ этомъ отелѣ, куда приходили и со стороны выпить чашку чая, послушать послѣднія новости, посмотрѣть на военную или статскую знаменитость, все равно, будь это кто-нибудь изъ прославившихся героевъ, Шаляпинъ или Пуришкевичъ.

Здѣсь, на ряду съ правдивыми новостями создаются сами собой самыя невѣроятныя сплетни и сенсаціонные слухи, которые расползаются, какъ змѣи, выпущенныя изъ мѣшка. Ихъ шопотомъ сообщаютъ другъ другу, варьируютъ, прибавляютъ отъ себя то, что подсказываетъ воображеніе, и заставляютъ, въ концѣ-концовъ, вѣрить въ нихъ, хотя бы на часъ, на минуту даже тѣхъ, которые ихъ сочинили. Иногда, слушая эти явно нелѣпыя и сумбурныя измышленія, повторяемыя съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ сверкающими глазами, даже съ клятвами очевидцевъ, кажется, что находишься въ сумасшедшемъ домѣ, и хочется убѣжать отсюда туда, гдѣ воочію открывается неприкрашенная, грубая, чудовищная и простая, дикая и трогательная, пугающая и неотразимо влекущая правда войны.

Да изъ Варшавы и недалеко итти къ ней. Нѣсколько часовъ въ автомобилѣ, въ воинскомъ поѣздѣ, а то такъ и просто въ деревенской телѣгѣ, и вы у источника этой правды, который день и ночь непрестанно бьетъ своими огненными струями.

II.

Я вернулся изъ Скерневицъ, куда выѣхалъ въ автомобилѣ нѣсколько дней тому назадъ. Ѣхалъ я туда почти какъ на прогулку, а попалъ на боевыя позиціи...

Собственно, первоначально я думалъ побывать только въ Жирардовѣ, но обстоятельства потянули дальше.

Выѣхалъ я въ вѣтренный, холодный день, когда тучи неслись низко надъ землею, взъерошенныя и лохматыя, тяжелыя и темныя, точно преслѣдуемыя горемъ или бѣдствіемъ, котораго какъ-будто не могла избѣжать не только земля, но и небо.

И едва выѣхали изъ города, провезли раненыхъ, потянулись

несчастные бѣженцы пѣшкомъ и въ своихъ длинныхъ, неуклюжихъ телѣгахъ; замелькали окопы, придорожныя могилы съ новыми крестами, разрушенныя зданія, пепелища съ уродливо и мрачно торчащими трубами, истоптанныя поля съ пробивающейся кое-гдѣ молодою и наивною зеленью озимей, срубленныя, точно казненныя палачами, старыя, десятками лѣтъ взрощенныя и ревниво хранимыя деревья, величественными аллеями тянувшіяся вдоль шоссе.

Вонъ стоитъ при дорогѣ древняя корчма, заколоченная и покинутая. Ея прогнившая, покрытая мхомъ крыша, какъ зеленый козырекъ надъ старческими глазами, отвѣсно спускается надъ разбитыми окнами къ неуклюжимъ, почернѣлымъ колоннамъ. Рядомъ— кузница, тоже покинутая, какъ и эта корчма. Всюду запустѣніе и безжизненность.

На склонѣ дня, издали въ сѣрой туманности, стали обозначаться церковныя башни и высокія трубы Жирардова. Навстрѣчу потянулись пустые обозы. Но изъ трубъ не поднимается къ небу густого, чернаго дыма, который обычно развѣвается здѣсь, какъ знамя промышленности.

Въ самомъ Жирардовѣ, какъ и въ Лодзи, нѣмцы на этотъ разъ почти ничего не разгромили, но былъ моментъ, когда городу грозила опасность сгорѣть.

Около станціи стояли колоссальные резервуары съ керосиномъ. Загорись керосинъ, и городъ, несомнѣнно, погибъ бы, такъ какъ тамъ было запаса керосина сотни тысячъ пудовъ.

Едва-едва умолили нѣмцевъ позволить перевезти керосинъ въ отдаленныя отъ станціи мѣста. Но вокзалъ нѣмцы сожгли и желѣзнодорожный путь испортили.

Сожженная станція съ прилегающими къ ней службами желѣзной дороги, зіяетъ угрюмыми провалами. Но желѣзнодорожные пути давно возобновлены и на нихъ масса вагоновъ и паровозовъ. Все служебные, воинскіе и санитарные поѣзда.

На станціи вечеромъ я узнаю о тревогѣ въ Скерневицахъ. Нельзя добиться толкомъ, что тамъ въ сущности происходитъ; несомнѣнно одно, что идетъ перестрѣлка между нашими сторожевыми цѣпями и непріятельскими разъѣздами.

Только что привезли раненыхъ и плѣнныхъ. Въ Скерневицы отправляется санитарный поѣздъ. Сажусь и ѣду.

Поѣздъ идетъ медленно, съ потушенными огнями, точно крадется въ сумракѣ ненастной осенней ночи. Вѣдь, если непріятель въ Скерневицахъ, онъ можетъ быть и здѣсь по пути. Разстояніе всего около сорока верстъ. Иногда, подходя къ станціи, поѣздъ тихонько свистнетъ, окликая кого-то, остановится и крадется дальше.

Я засыпаю подъ осторожное, медленное постукиваніе колесъ и просыпаюсь уже въ Скерневицахъ.

Помню, въ первый мой пріѣздъ въ Скерневицы вѣтеръ еще издали доносилъ ѣдкій запахъ гари. Уже въ этомъ ѣдкомъ запахѣ было что-то, наводившее на мысль о бѣдствіи, о пожарищѣ, и эта мысль совсѣмъ не вязалась съ пышной красотой природы, которая встрѣчала насъ тутъ двѣ недѣли тому назадъ.

Масса зелени еще держалась тогда во всей своей осенней яркости; живописныя балки, вода... И ко всему этому — удивительный день: синее небо и солнце, которое вливало въ эту небесную синеву и въ послѣднее убранство деревьевъ прощальную трогательную, ласковую и свѣтлую улыбку.

И вдругъ этотъ запахъ гари. Исковерканный желѣзнодорожный мостъ, сожженная изуродованная станція, взорванная водокачка, поломанныя стрѣлки, разорванная телеграфная проволока.

Нѣмцы, какъ извѣстно, отступая, постарались испортить все, что могли, все, что представляло хоть какую-нибудь цѣнность и значеніе для передвиженія нашихъ войскъ и для сообщенія съ Варшавой и дальнѣйшими станціями.

Они же зажгли и запасы каменнаго угля, цѣлыя горы угля, сложеннаго на станціи. Нѣсколько дней пылалъ этотъ уголь. Цѣлые потоки огня вырывались изъ черныхъ грудъ и добѣла раскаляли ихъ. Чтобы погасить этотъ пожаръ, потребовалось бы слишкомъ много рабочихъ рукъ, а гдѣ ихъ было взять? Тогда догадались разрѣшить бѣднымъ жителямъ Скерневицъ разбирать еще не тронутый пламенемъ уголь. И вотъ, десятки, сотни рукъ принялись отнимать у огня добычу. Кто лопатой, кто граблями, кто просто руками выхватывали изъ-подъ самаго пламени уцѣлѣвшіе куски угля, набивали имъ мѣшки и тащили ихъ на спинѣ домой. Работали мужчины, женщины, дѣти, старики и старухи. Всѣ, кто могъ, старался запастись углемъ. Это представлялось единственнымъ средствомъ борьбы съ грандіознымъ пожарищемъ.

III.

Прошло двѣ недѣли, но гарью пахло и до сихъ поръ.

И до сихъ поръ мрачное разрушеніе угнетало на каждомъ шагу, но движеніе до Петрокова было уже налажено. Работалъ телеграфъ; вмѣсто желѣзнодорожнаго моста, взорваннаго нѣмцами, былъ налаженъ временный мостъ.

Между прочимъ, нѣмцы взорвали новую водокачку, огромные резервуары которой, изуродованные и опрокинутые, чернѣютъ на грудахъ наваленныхъ камней; но старую водокачку спасъ покойникъ.

Эта водокачка была превращена въ баню. И вотъ, надо было случиться, чтобы старый банщикъ, караулившій это сооруженіе и проживавшій тамъ, умеръ.

Покойникъ, какъ полагается, лежалъ въ банѣ на столѣ, какъ разъ въ то самое время, какъ въ Скерневицахъ враги производили жесточайшее разрушеніе.

И какъ полагается, около покойника горевали и плакали его близкіе и горѣли погребальныя свѣчи.

Нѣмцы ворвались въ это зданіе съ тѣмъ, чтобы взорвать и его, какъ взрывали всѣ желѣзнодорожныя службы. Но эта печальная картина остановила ихъ.

IV.

Шелъ холодный дождь со снѣгомъ. Вѣтеръ рвалъ голыя вѣтки деревьевъ, въ которыхъ Скерневицы лѣтомъ таятся, какъ въ зеленой колыбели. Тучи неслись такъ низко, что, кажтся, задѣвали за вершины старинныхъ тополей.

И въ этомъ ненастьѣ и расхлябицѣ глубокой осени опустошеніе и разгромъ, произведенные двѣ недѣли тому назадъ врагами, казались еще мрачнѣе, чѣмъ тогда, когда я былъ тутъ впервые черезъ два-три дня послѣ вражескаго нашествія.

Оставалось загадкой, какимъ образомъ непріятель могъ проникнуть сюда нынче ночью снова. Ловичъ занятъ нашими войсками. Петроковъ также. Откуда же взялись нѣмцы?

Никто не могъ дать на это опредѣленнаго отвѣта. Если бы не убитые и раненые съ той и другой стороны, если бы не плѣнные

нѣмцы, которыхъ только что отправили изъ Скерневицъ, можно было бы подумать, что это—довольно заурядное явленіе обычной нервности.

Но мало убитыхъ и раненыхъ,—нѣмцы успѣли вчера испортить въ одномъ мѣстѣ путь къ Петрокову. Правда, порча незначительная и ее можно исправить въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, однако же это болѣе, чѣмъ неожиданно.

Да, что! Еще нынче утромъ, за скерневицкимъ паркомъ у деревни М., отстоящей въ шести верстахъ, происходило сраженіе и русскими отбито орудіе, взятъ въ плѣнъ нѣмецкій лейтенантъ и солдаты.

Всѣ, съ кѣмъ приходится говорить объ этомъ неожиданномъ непріятельскомъ вторженіи, склонны думать, что эти наполовину уничтоженные вчера и нынче два непріятельскихъ эскадрона оказались отрѣзанными отъ своей арміи и обречены на гибель или на плѣнъ.

Такъ оно впослѣдствіи и подтвердилось.

ВЪ СКЕРНЕВИЦАХЪ.

I.

Подвижной составъ Краснаго Креста, только что прибывшій въ Скерневицы, отправлялся разыскивать раненыхъ.

Правда, на станціи сообщили, что раненыхъ уже убрали мѣстные жители и даже убитыхъ поспѣшили зарыть, но на это полагаться было нельзя. Кого-нибудь изъ раненыхъ могли и не замѣтить.

Человѣкъ десять санитаровъ, все больше студенческая молодежь, бодрая, славная, энергичная и смѣлая, уже успѣвшая послушать мрачную музыку орудій и поежиться близъ разрывающихся снарядовъ, двѣ сестры и начальникъ отряда собрались въ путь. Захватили носилки, перевязочныя средства. Предложили отправиться и мнѣ.

Одна изъ сестеръ была одѣта довольно легко. Ее дружески предупреждали:

— Сестра, не щеголяйте въ ботинкахъ съ калошами. Надѣньте высокіе сапоги. Вѣдь въ лѣсъ идемъ.

Но сестра только рукой махнула. На ней, какъ и на всѣхъ санитарахъ, кожаная куртка, и она считаетъ, что этого вполнѣ довольно. Надо же кому-нибудь итти и по шоссе. Говорятъ, главнымъ образомъ, вдоль шоссе-то и слѣдуетъ искать раненыхъ.

Дождь и снѣгъ бьютъ прямо въ глаза. Вѣтеръ остужаетъ эту слякоть на лицѣ.

Но всѣ идутъ бодро, безъ позъ и безъ лишнихъ шутокъ.

Дѣло привычное для нихъ и серьезное.

Мы идемъ пѣшкомъ, въ то время, какъ ротмистръ Л. и юноша К., гимназистъ седьмого класса, сынъ казака, принадлежащіе къ этому же отряду, садятся верхомъ на коней и присоединяются къ развѣдочному отряду, который скоро обгоняетъ насъ и скрывается по пути на Ловичъ, куда, по слухамъ, отступили растерянные и наполовину уничтоженные враги.

Прямо со станціи вступаемъ мы въ прекрасный дворцовый паркъ, гдѣ расположился N—скій полкъ, прогнавшій нѣмецкіе эскадроны. Между деревьями горятъ солдатскіе костры, и сѣрые, кроткіе и смиренные на видъ солдаты грѣются у огонька и варятъ щи и картошку. Хлѣба давно не видали. Хлѣба достать трудно въ этихъ мѣстахъ, а испорченные пути мѣшаютъ доставкѣ.

Два низенькихъ солдата, такіе жалкіе по виду, идутъ на станцію попросить у начальства сапогъ; тѣ сапоги, что на нихъ, совсѣмъ прохудились.

Эти два солдатика какъ разъ изъ того отряда въ двадцать пять человѣкъ, что вызвались вчера, какъ они выразились, пощипать непріятеля.

Они залегли въ лѣсу и, дождавшись, когда непріятельскіе эскадроны приблизятся къ нимъ, дали залпъ.

Ни одного выстрѣла не пропало даромъ.

Остальные нѣмцы ринулись въ испугѣ прочь, но на шоссе ихъ приняли русской шрапнелью.

Врядъ ли ускакала половина нѣмцевъ. Иные—по двое на лошади.

— Но все едино и этимъ некуда уйти. Наши вокругъ. Куда ни ткнутся, вездѣ напорятся на рожонъ,—говорятъ солдаты.

— А раненыхъ тамъ не осталось?

— Нѣтъ, тѣхъ, что мы подшибли, подобрали. А, можетъ, другіе есть, того не знаемъ.

Мы опять идемъ впередъ.

По пути встрѣчаемъ орудіе, которое везетъ пара лошадей.

— Непріятельское?

— Непріятельское. Нонче рано утромъ отбили.

Группа солдатиковъ въ сторонѣ возится у зарядныхъ ящиковъ. Это тоже непріятельскіе ящики, отбитые сегодня поутру. Солдатики, подшучивая, вытаскиваютъ ихъ наружу въ плетеныхъ цилиндрическихъ корзинкахъ.

— Ишь ты, точно птицы въ гнѣздахъ.

Есть снаряды неразряженные.

— Эй, вы, осторожнѣе съ ними. Грохаютъ прямо объ земь, точно полѣнья.

— Тащи ихъ топить, братцы, прямо въ озеро.

— Зачѣмъ топить?

— А ты что же, кашу что ль изъ ихъ варить будешь? Подавишься.

— Тащи, тащи, неча разговаривать, коли начальство приказало.

— Въ воду ихъ!

— Да поглубже!

— Чтобъ не кусались.

Снаряды блестятъ полированною мѣдью.

— Аккуратные! — любуется ими солдатъ. — И чижолые какіе. Большихъ, чай, денегъ стоютъ.

— Не наши деньги, нѣмецкія. Тащи!

Снаряды несутъ топить, а мы спѣшимъ дальше.

Минуемъ благородный въ своей простотѣ дворецъ, который пощадили нѣмцы. Въ этомъ дворцѣ они все искали какую-то кровать, чтобы увезти ее въ Германію, какъ музейную рѣдкость, требовали, чтобы имъ непремѣнно указали, гдѣ спрятана эта кровать.

Но имъ отвѣтили, что кровать увезена. А между тѣмъ, эта кровать благополучно стояла и стоитъ во дворцѣ. Если бы кто-нибудь и указалъ имъ на эту кровать, все равно не повѣрили бы.

Это была самая простая и самая обыкновенная кровать.

Навстрѣчу медленно движется телѣга. Уныло плетется тощая лошадь, мотая шершавой головой съ мокрой гривой.

Изъ телѣги поднимается мертвая синяя сжатая судорожно въ кулакъ рука. Везутъ трупъ нашего пограничника, убитаго въ скер-

невицкомъ лѣсу нѣмцами вчера днемъ. Онъ лежитъ, прикрытый соломой, съ этой окоченѣлой, поднятой рукой.

Нѣсколько шутливое настроеніе, вызванное балагурствомъ солдатъ, мгновенно падаетъ. Молча продолжаемъ путь по широкой аллеѣ прекраснаго парка. Сюда и жизнь, вслѣдъ за зрѣлищемъ смерти, посылаетъ намъ свою кривую ироническую улыбку.

Навстрѣчу идетъ дама, вѣроятно, жена какого-нибудь мѣстнаго служащаго. Она одѣта претенціозно и крикливо, лицо ея набѣлено и нарумянено, глаза подведены. Даже слякотная осенняя погода не помѣшала ей нагримироваться съ необычайнымъ усердіемъ.

Она оглядываетъ насъ подведенными пустыми глазами.

Странно, въ этомъ взглядѣ мнѣ показался тотъ же стеклянный блескъ, какой я видѣлъ минуту назадъ въ открытыхъ глазахъ мертвеца.

II.

Часа два бродили мы подъ дождемъ и снѣгомъ, по мокрой, холодной, измятой травѣ въ лѣсу такъ называемаго Звѣринца, занимающаго пространство въ 500 десятинъ.

Тутъ были еще свѣжи слѣды непріятельскаго движенія, валялись убитыя лошади, но раненыхъ не встрѣтили, несмотря на то, что мы разсыпались во всѣ стороны. Ихъ дѣйствительно всѣхъ подобрали мѣстные жители, на глазахъ которыхъ происходило все сраженіе.

Но никто изъ насъ не пожалѣлъ объ этихъ безплодно потраченныхъ часахъ: въ этомъ саду было столько чудеснаго и рѣдкаго, что, несмотря на убійственную погоду, не хотѣлось отсюда уходить.

На каждомъ шагу здѣсь попадалась рѣдкая дичь, хранимая для охоты. Проносились, какъ видѣнія, исчезая, леткія дикія козы, мелькали въ травѣ сѣрые зайцы.

Куропатки стаями вырывались изъ травы, и съ металлическимъ шумомъ и рокотомъ взлетали красивые фазаны съ бѣлыми ободочками вокругъ шеи.

Насквозь промокшіе, зашли мы въ усадьбу, гдѣ жилъ хранитель этого сада. Здѣсь, у жарко пылавшей печки, въ большой комнатѣ, заставленной инкубаторами для выводки фазановъ и разными принадлежностями охоты, мы отогрѣлись, высуши-

лись, напились чаю и выслушали полныя негодованія жалобы на нѣмцевъ, которыя во время своего нашествія перестрѣляли здѣсь большинство дичи.

III.

Уже на склонѣ дня мы возвращались обратно.

Сѣрый день еще болѣе потускнѣлъ, но дождикъ пересталъ.

У деревни, ближайшей къ Скерневицамъ, замѣтили издали какое-то безпокойное движеніе.

Телѣга, нагруженная людьми и скарбомъ, попалась навстрѣчу. Окликнули.

— Что тамъ такое? Что случилось?

Ничего не отвѣтили изъ телѣги. только отчаянно замахали руками.

У околицы мы увидѣли солдатъ, скрывавшихся за «халупами» (деревенскими избами).

Офицеръ съ завязанными зубами отдѣлилъ десятокъ солдатъ. Они отошли отъ своего отряда на нѣсколько шаговъ, зарядили винтовки и, развернувшись цѣпью, двинулись впередъ по мокрой, высокой травѣ.

Одинъ изъ оставшихся солдатъ взобрался на соломенную крышу и съ биноклемъ въ рукахъ обратился на западъ.

— Что такое?—повторили мы вопросъ офицеру.

— Да вотъ,—неохотно отвѣтилъ онъ,—развѣдчики сейчасъ донесли, что верстахъ въ пятнадцати отсюда видѣли будто бы два непріятельскихъ полка—артиллерію, кавалерію и пѣхоту.

Начальникъ нашего отряда засуетился.

— А-а, вотъ какъ! Значитъ, мы остаемся,—скомандовалъ онъ санитарамъ. — Пойдемъ искать избу, куда можно будетъ относить раненыхъ. Вотъ-вотъ, очевидно, должно начаться сраженіе, если развѣдчики донесли правду. Вы, какъ,—обратился онъ ко мнѣ,— вернетесь на станцію?

— Нѣтъ, я останусь съ вами.

— Отлично. Такъ идемъ. Подыщемъ помѣщеніе.

Пошли.

Въ деревнѣ была полная паника. Жители метались изъ стороны въ сторону, поспѣшно запрягали лошадей, складывали въ телѣги скарбъ и молча уѣзжали по направленію къ Скерневицамъ.

Тѣ, у которыхъ не было лошадей, уходили пѣшкомъ, захваты-

вая то, что можно. Судя по тому, какъ быстро пустѣла деревня, видно было, что имъ такъ собираться и бѣжать было не впервой.

Одни тащили въ рукахъ узлы, другіе—дѣтей, третьи—гусей и куръ.

Выгоняли коровъ и прочую живность и уходили вдоль шоссе и по проселочной дорогѣ, кто куда.

Одна женщина погнала свинью, съ привязанной къ ногѣ веревкой. Свинья, напуганная чѣмъ-то, побѣжала прямо на распаханное поле. Женщина, не выпуская веревки, за ней.

Деревня быстро пустѣла.

Зашли въ одну избу, въ другую,—никого.

Но печки кое-гдѣ горячія. На полу валялась солома; пахло солдатами. Тутъ, очевидно, былъ только что нашъ постой.

И дѣйствительно, черезъ минуту вошелъ солдатикъ и прямо направился къ горячей печкѣ.

— Простите, ваше благородіе. Картошки наши тутъ грѣются.

Кто-то изъ санитаровъ философски замѣтилъ:

— Сейчасъ сраженіе будетъ. Можетъ быть, его убьютъ, не дай Богъ, а онъ о картошкѣ думаетъ.

— Гм... Однако, и мнѣ ѣсть хочется,—отозвался другой.

Пришелъ третій. Въ теплую избу вмѣстѣ съ нимъ влилась снаружи волна сырости.

— Ну, наша цѣпь Богъ знаетъ куда ужъ ушла. Въ бинокль и то еле разглядишь, а выстрѣловъ что-то еще не слышно.

— И дай Богъ, чтобы ихъ совсѣмъ не было слышно.

— Потрухиваешь?

— Не потрухиваю. А если обойдутся безъ выстрѣловъ, тѣмъ лучше.

— Это что и говорить.

Вошелъ еще одинъ.

— Офицеръ говоритъ, что это, должно быть, ложная тревога.

— А какъ же развѣдчики донесли?..

— Развѣдчики могли ошибиться. Можетъ быть, еще наши войска?..

— Наши—не наши, а избу на всякій случай подыскать надо. Эта слишкомъ близка отъ позиціи, да мала.

Пошли подыскивать избу опять.

Почти всѣ опустѣлыя. Только оставлены иконы на стѣнахъ.

Въ одной избѣ сидятъ старикъ со старухой. Оба старые, старые.

— Всѣ убѣжали,—жалобно бормочетъ старуха.—А намъ куда бѣжать? Некуда бѣжать, да и для чего? Все равно помирать надо: хлѣба нѣтъ, соли нѣтъ. Картошку нечѣмъ посолить.

— Картошку нечѣмъ посолить,—шамкаетъ старикъ, жуя безъ соли вареную картошку беззубымъ ртомъ.

— Никого у насъ нѣтъ,—бормочетъ старуха.

— Никого, никого,—повторяетъ старикъ.

Становится жутко отъ этого унылаго старческаго бормотанія въ этой пустой тѣсной халупѣ, еле освѣщаемой сѣрымъ сумрачнымъ свѣтомъ, проникающимъ въ подслѣповатыя оконца.

Я выхожу наружу.

Въ стѣнѣ избы точно выгрезенная звѣремъ дыра: это шрапнель ударила сюда, пронзивъ два сосѣднихъ забора. Солдатъ, стоя у стѣны, что-то выковыривалъ изъ пробоины.

— Что же, братъ, непріятеля еще нѣтъ?

— Такъ что, никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.—Да это такъ, булга одна.

IV.

Въ сумерки, голодные и иззябшіе, возвращаемся на станцію. Непріятеля, дѣйствительно, такъ и не дождались.

Ночью съ санитарнымъ поѣздомъ, полнымъ раненыхъ, возвращаюсь въ Варшаву. И опять поѣздъ идетъ медленно и осторожно, съ потушенными огнями.

Около стараго Радзивиллова чего-то онъ задерживается надолго.

— Что такое? Почему?

Никто не отвѣчаетъ толкомъ.

Наконецъ, опять трогаемся и глубокой ночью пріѣзжаемъ въ Варшаву.

Санитары и сестры милосердія спѣшатъ къ вагонамъ нашего поѣзда.

— Слава Богу, пріѣхали!—слышится со всѣхъ сторонъ.

Что означало это «слава Богу» — я узналъ только на другой день въ вестибюлѣ нашего отеля, на ряду съ другими сенсаціонными новостями, которыхъ накопилось уже порядочно за два дня моего отсутствія и въ которыхъ, по обыкновенію, правда мѣшалась со сплетнями.

— Какъ! Развѣ вы не знаете, что вчера у Радзивиллова стрѣлочникъ пироксилиновыя шашки открылъ!

— Полноте!

— Да увѣряю васъ. Если бы не открылъ, вы бы съ своимъ поѣздомъ на воздухъ взлетѣли.

— Пустяки.

— Ну, вотъ, какъ хотите, не вѣрьте. Вы, можетъ быть, не повѣрите и тому, что барона Корфа взяли въ плѣнъ?

— Барона Корфа?

— Ну да, варшавскаго губернатора барона Корфа. Онъ ѣхалъ изъ Ловича на Кутно и его захватили въ плѣнъ вмѣстѣ съ автомобилемъ. Мало этого... Говорятъ, и это изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ...

Но тутъ ужъ начинаются явно записки сумасшедшаго.

Что касается таинственнаго исчезновенія барона Корфа, оказалось правда.

МУЖЪ И ЖЕНА.

Если въ Варшавѣ трепещутъ порой отъ нелѣпаго страха нѣкоторыя заячьи сердца, и бѣгутъ прочь черезчуръ чувствительныя ноги, въ самую Варшаву стекаются бѣженцы изъ разгромленныхъ, сожженныхъ, занятыхъ пруссаками городовъ и мѣстечекъ—пострадавшіе. Здѣсь, въ Швейцарской долинѣ, благодаря необыкновенной энергіи и отзывчивости завѣдующаго г. Жуковскаго и его сотрудниковъ и сотрудницъ, находятъ они и кровъ, и пищу, и заботу о своемъ будущемъ; но Варшава городъ бѣдный и страдающій въ настоящее время по всѣмъ статьямъ жизни. Надо считать прямо чудомъ и то, что она даетъ жертвамъ войны—полякамъ. Положеніе еврейской бѣдноты не только не лучше, а во много разъ хуже.

Писалъ я о бѣженцахъ и не могу не писать снова и буду писать, потому что видѣлъ весь ужасъ этой нищеты и безпомощности, видѣлъ цѣлыя семьи, пѣшкомъ притащившіяся въ Варшаву за десятки верстъ, въ лохмотьяхъ, въ рубищѣ, съ истомленными отъ голода, усталости и перенесенныхъ испытаній лицами. Ихъ надо не только пріютить, одѣть, накормить,—имъ надо дать возможность существовать и въ будущемъ. Такъ вотъ, всѣ вы, болѣе или менѣе, спокойно жи-

вущіе вдали отъ огненно-кровавой великой борьбы, помогите тѣмъ, кто стоитъ почти у самаго огня и выбивается изъ силъ, чтобы помочь несчастнымъ. Организуйте кружки, общества для помощи бѣженцамъ. Изыскивайте средства, чтобы спасти въ большинствѣ трудовую массу отъ безработицы, отъ холода, отъ голода, отъ паденія и отъ гибели. Кто не для войны, тотъ долженъ быть для воюющихъ и разоренныхъ войной. Ихъ право требовать, наша обязанность отвѣчать участіемъ и помощью. Близость къ нимъ и ихъ приблизитъ къ побѣдѣ. И какъ сладостно будетъ потомъ сознать всѣмъ и каждому, кто не сидѣлъ, сложа руки съ заботой лишь о своей собственной шкурѣ, что и онъ, хоть издали, все же участвовалъ въ войнѣ и, значитъ, въ правѣ на ряду съ нашими побѣдителями праздновать торжество побѣды.

***

Поѣздъ изъ Варшавы уходитъ ровно въ полночь.

Вокзалъ такъ переполненъ отъѣзжающими, что протиснуться къ выходу трудно черезъ толпу и грудами наваленныя вещи. У кассъ стоятъ безконечныя вереницы народа. Мольбы, жалобы, опасеніе, тревога, недовольство... Безконечный поѣздъ съ двумя огромными локомотивами во главѣ не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ ѣхать. Задолго до третьяго звонка вагоны сверху до низу набиты пассажирами и вещами. На верхнихъ скамейкахъ укладываютъ по двое по трое дѣтей. На нижнихъ сидятъ по 6—7 человѣкъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Я опоздалъ, и мнѣ не достать даже такого мѣста. Выручаетъ билетъ военнаго корреспондента. Меня сажаютъ въ воинскій вагонъ, и я такимъ образомъ попадаю въ военную среду.

Самый интересный народъ теперь, конечно, близко стоящіе къ войнѣ, непосредственно участвующіе въ ней. Смотришь на этихъ людей, которые вчера были въ этомъ царствѣ страшной борьбы и смерти, хочешь на ихъ лицахъ, въ глазахъ ихъ найти отраженіе того ада, изъ котораго они только что вышли, и чаще всего не находишь. Такія выраженія лицъ приходится видѣть у рабочихъ, когда они идутъ на короткій отдыхъ съ завода, гдѣ гремятъ стальныя машины, гудятъ провода, клокочетъ пламя въ глубокихъ печахъ и стройно, и умѣло дѣлается дѣло, которое они понимаютъ и которое многимъ изъ нихъ даже по душѣ.

Молодой артиллерійскій офицеръ, съ наслажденіемъ затягиваясь папиросой, ласково и весело говоритъ съ своей женой, пріѣхавшей изъ Гродно повидаться съ нимъ. А онъ только что съ позиціи; они выгнали врага и теперь офицеръ ѣдетъ куда-то съ порученіемъ, попутно провожая свою жену, удачно встрѣтившуюся съ нимъ на перепутьи.

Этотъ сильный, красивый человѣкъ, съ широкимъ, яснымъ лицомъ и съ спокойнымъ взглядомъ, много дней и ночей пробылъ въ самомъ пеклѣ войны, отражая смерть, грозившую ему за малѣйшую оплошность, и самъ несъ смерть врагу. А теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, улыбается ласково своей женѣ, бесѣдуетъ съ ней о разныхъ мелочахъ жизни, разсказываетъ о сраженіи, какъ объ интересномъ спектаклѣ, въ которомъ онъ также исполнялъ добросовѣстно свою роль.

— И хитры же они, дьяволы. У нихъ всего шестнадцать батарей было, а по дѣлу представлялось гораздо больше, потому что они, какъ потомъ оказалось, орудія-то на автомобиляхъ съ одного мѣста на другое перевозили. Ловко у нихъ это оборудовано. А вдобавокъ еще такая штука: подобьемъ мы ихъ орудіе—одно, другое, бросаются наши туда, глядь ихъ съ этого же автомобиля, на которомъ подбитое орудіе, пулеметъ встрѣчаетъ. Оказывается, пулеметъ тутъ же приложенъ. Прямо бѣда. Недаромъ говорятъ: «Нѣмецъ обезьяну выдумалъ».

— А все-таки прогнали ихъ?

— Про-о-гнали. И не Богъ вѣсть какой уронъ они намъ нанесли. Устали только до чорта, да у одного офицера такъ нервы поразстроились, что онъ заговариваться сталъ. Потомъ отошелъ. Я-то, собственно, въ это время былъ на новомъ зарѣчномъ форту, оттуда и развѣдки дѣлалъ. Вотъ тоже при развѣдкахъ у насъ всего 13 человѣкъ было ранено. Но въ моемъ отрядѣ все, слава Богу, обошлось благополучно, хотя мы совсѣмъ близко подходили къ ихъ позиціямъ. Хотѣли въ самый лагерь пробраться, чтобы все разглядѣть, какъ слѣдуетъ, да опять-таки хитры они, черти; на ночь окружаютъ себя колючей проволокой. Не видно ея ночью-то, а чуть прикоснешься къ проволокѣ, вылетаетъ сигнальная ракета, трескомъ своимъ поднимаетъ тревогу и освѣщаетъ тѣхъ, кто нарвался. Ужасно какъ надо быть осторожнымъ.

И вотъ вѣдь досадная исторія была,—говоритъ онъ съ настоящимъ огорченіемъ:—на разсвѣтѣ, при развѣдкѣ, увидѣли мы цеп-

пелинъ. Чортъ знаетъ, какъ онъ красиво и плавно плылъ надъ лѣсомъ. Хотѣлось изъ винтовки его жаркнуть, да, во-первыхъ, высоко онъ былъ, а во-вторыхъ—вся развѣдка бы пошла къ чорту, если бы мы стрѣлять стали. Такъ онъ и ушелъ. Мы только зубами поскрипѣли вдогонку ему.

Бѣлые здоровые зубы офицера блеснули. Онъ слегка зѣвнулъ, улыбнулся женѣ и, откинувшись на спинку дивана, закрылъ глаза и черезъ минуту уснулъ молодымъ, здоровымъ, крѣпкимъ сномъ.

Жена съ нѣжностью и печалью смотрѣла на него.

— Усталъ,—какъ-то виновато произнесла она, точно стараясь оправдать мужа.

—Еще бы не устать,—отозвался молоденькій студентъ военно-медицинской академіи.—Я и то измотался въ конецъ. Только бы до постели чистой дорваться. Прямо часовъ двадцать буду спать.

— А вы вѣрно въ летучемъ отрядѣ?

— Да. Прямо на боевыхъ позиціяхъ иной разъ приходится работать. Столько пережилъ, столько перевидалъ, что на всю жизнь хватитъ.

И студентъ простыми словами, коротко и безъ всякихъ преувеличеній нарисовалъ картину, которая такъ живо стоитъ и сейчасъ передо мною, что я также никогда не забуду ея.

***

Бой окончился.

Прогнаны враги. Наша кавалерія преслѣдуетъ ихъ и далеко ушла отъ поля главной битвы.

Санитары съ докторами и своимъ шефомъ летучаго отряда мчатся съ своего пункта подбирать раненыхъ.

Солнце зашло. Закатъ въ облакахъ разливается надъ лѣсомъ, изъ-за котораго доносится смутный гулъ погони и глухіе далекіе выстрѣлы.

На полѣ, среди измятой травы, рѣдкаго кустарника и холмовъ—убитые и раненые. Все поле въ крови и трупахъ, и вороны летятъ къ нимъ изъ лѣса и каркаютъ, и кружатся, чуя кровь и мясо.

Раненые копошатся, стонутъ, охаютъ, творятъ молитвы. Заслышавъ автомобиль, особенно стараются дать знать о себѣ.

— Ну, кто можетъ, вставай. Кто живъ, отзывайся!—кричитъ во весь голосъ докторъ или санитаръ.

И вотъ, иные встаютъ, другіе пытаются встать и падаютъ. Третьи только усиленно шевелятся, поднимаютъ руки и ноги. Подходитъ къ такимъ докторъ съ санитарами. Инымъ тутъ же дѣлаютъ перевязки, несутъ на носилкахъ въ автомобили.

— И бываютъ такіе случаи,—внушительно и почти строго говоритъ докторъ.—Подходишь къ раненому:

— Ну, что у тебя?

— Да вотъ, вашескородіе, нога не потрафляетъ. Размозжило ее проклятой шрапнелью.

— Сейчасъ санитары тебя возьмутъ на носилки и снесутъ въ автомобиль.

А раненый отвѣчаетъ:

— Покорно благодарю, вашескородіе. Я ничего, я потерплю—за мной въ другой разъ пріѣдете. Тутъ есть побольнѣй меня раненые. Вотъ хоть тотъ землячекъ мой: у него всѣ какъ есть внутренности выворотило. Очень мается. Такъ ужъ вы спервоначала его облегчите и другихъ такихъ же, а потомъ и нашего брата. Потому, въ такомъ дѣлѣ безъ очереди нельзя. Вотъ, если вы, пока что, табачку мнѣ дадите, разлюбезное будетъ дѣло, очень буду вамъ благодаренъ.

— Прямо,—заканчиваетъ студентъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ,—на колѣни хочется стать передъ такимъ человѣкомъ. А вѣдь онъ и не подозрѣваетъ, что въ эту минуту проявляетъ великую душу, и награды за это величіе никакой ему не нужно. А вотъ если табачку, такъ это «разлюбезное будетъ дѣло».

**
*

Между Б. и Г., на открытыхъ поляхъ какъ большія бѣлыя птицы, собирающіяся къ отлету, раскинулись военныя палатки. Тамъ шевелятся люди, кони... И въ этомъ есть что-то волнующее. Картина та же, что въ лагеряхъ лѣтомъ, но смыслъ ея иной, иная поэзія жизни.

— Вотъ мы стояли тамъ... Видишь, у того перелѣска,—говоритъ офицеръ своей женѣ, и видно по его лицу, что это воспоминаніе доставляетъ ему удовольствіе.

— А ужъ потомъ продвинулись къ О.

Она киваетъ головой съ восторгомъ и тревогой. Нынче въ Г. они разстанутся; онъ поцѣлуетъ и благословитъ ее и своего ребенка и опять въ этотъ адъ. А она? Что должна чувствовать она?

Я видѣлъ въ эти дни много офицерскихъ женъ. Вотъ только что разсталась каждая изъ нихъ съ своимъ мужемъ и уже въ лицѣ— тоска и безпокойство.

— Можетъ быть, я уже вдова,—сказала одна изъ нихъ, совсѣмъ молоденькая женщина, и поблѣднѣла.

Другая, постарше, строго остановила ее:

— Не надо такъ говорить. Надо быть достойными ихъ и съ надеждой смотрѣть въ будущее.

ВЪ ЛОДЗИ.

Еще въ ушахъ моихъ до сихъ поръ стоитъ этотъ тяжелый грохотъ орудій, шипящій звукъ близко пролетающихъ снарядовъ и пронзительно ноющій визгъ шрапнели.

Ихъ шесть человѣкъ-студентовъ. Пріѣхали они въ Лодзь съ походной кухней, чтобы кормить солдатъ, а пришлось таскать раненыхъ. Сразу изъ Варшавы попали подъ огонь и вели себя молодцами.

Тутъ же на перронѣ, гдѣ разорвался уже не одинъ снарядъ,— М. И. Гучкова. Я помню, когда М. И. только что уѣзжала изъ Петрограда на войну. Я видѣлъ ее тогда на платформѣ варшавскаго вокзала и вижу сейчасъ. То же дѣловито озабоченное лицо, тѣ же легкія, спокойныя движенія.

Въ то время, какъ даже многіе мужчины стараются держаться гдѣ-нибудь у стѣнокъ, или въ защищенномъ мѣстѣ, а раненыхъ держатъ въ подвалѣ до той минуты, какъ ихъ можно будетъ нести въ поѣздъ, идущій на Варшаву, она первая идетъ туда, гдѣ взрываются снаряды и распоряжается такъ, какъ-будто ей даже некогда подумать объ опасности.

Сейчасъ только что прибылъ изъ Варшавы отрядъ сестеръ. Надо растолковать имъ куда, въ какой госпиталь онѣ должны отправиться.

И М. И. ведетъ ихъ съ вокзала на площадь.

Не проходитъ и пяти минутъ, какъ опять раздается орудійный выстрѣлъ. На этотъ разъ не шрапнель, а гаубица.

Но г-жа Гучкова возвращается на вокзалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. И опять работаютъ вольные санитары и сестры милосердія.

Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ солдатикъ съ перевязанной рукой. Его ранило осколкомъ снаряда въ руку, когда онъ шелъ на вокзалъ съ порученіемъ отъ начальства.

Другой осколокъ попалъ въ него безъ всякаго вреда.

— Слышу только липнетъ что-то въ спинѣ, немножко повыше плеча,—разсказываетъ онъ.—Хвать рукой, рука въ крови и пальцы обжогъ, будто уголь схватилъ. Тутъ офицеръ подходитъ. Ваше благородіе,—говорю ему,—чего это у меня въ спинѣ, будто уголь. Его благородіе тоже хвать за это мѣсто и тоже обжогся. Оказывается, осколокъ въ шинели застрялъ: значитъ, слабо вдарилъ и даже тѣла не коснулся. Ну,—говоритъ его благородіе,—счастливъ твой Богъ, что такое чудо случилось. И точно что чудо. Только рукой отдѣлался, да и то лѣвой.

**
*

Нѣмцы подались на Лодзь отъ Згержа въ силу необходимости, такъ какъ ихъ тѣснятъ отъ желѣзнодорожныхъ линій въ четырехугольникѣ между Вислой и Вартой и тамъ ставятъ въ печальное положеніе ихъ артиллерію, которая внѣ желѣзныхъ дорогъ обречена если не на гибель, то ужъ во всякомъ случаѣ и не на побѣдоносную борьбу.

Повидимому, это понимаютъ и въ самомъ городѣ его обыватели, уже испытавшіе нашествіе нѣмецкихъ гостей. Конечно, не страдать отъ этого нельзя, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые насущные припасы истощаются и страшно дорожаютъ, но особой паники въ городѣ незамѣтно. Все время открыты были лавки, кафе и рестораны. Электрическіе трамваи безпрерывно движутся по улицамъ, хотя иногда у нихъ не только дребезжатъ, но и вылетаютъ стекла отъ разрывающихся непріятельскихъ снарядовъ.

Въ блестящемъ отелѣ «Савой», въ залѣ ресторана играетъ оркестръ балалаечниковъ, хотя въ стройную музыку то и дѣло врывается раскатистый орудійный грохотъ.

Мрачныя фабричныя трубы тянутся близъ вокзала къ зеленоватому отъ луннаго свѣта небу.

Въ лунномъ свѣтѣ теряются звѣзды. Только созвѣздіе Оріона

мерцаетъ краснымъ узоромъ своимъ на сѣверо-востокѣ, но и его звѣзды блѣдноваты и слабы.

Конечно, съ платформы можно бы уйти въ безопасное мѣсто, но, во-первыхъ, стыдно самого себя, а, во-вторыхъ, останавливаетъ какое-то острое любопытство.

— А ну-ка, подожду еще, что будетъ. Вѣдь ходятъ же другіе люди... Останусь и я.

Уже послѣ пятаго или шестого выстрѣла съ удовольствіемъ замѣчаю, что то непріятное ощущеніе, которое я испытывалъ при первомъ визгѣ шрапнели, разорвавшейся вблизи, ощущеніе, которое я теперь не стыжусь назвать трусостью, не то что совсѣмъ пропало, а несомнѣнно ослабѣло, вѣрнѣе — преобразилось въ какое-то иное, почти вызывающее чувство, которое даже хочется продлить.

Но здѣсь, на платформѣ, стиснутой безконечнымъ поѣздомъ, предназначеннымъ для раненыхъ, съ тяжелыми красными зданіями фабрикъ, съ ихъ тупо-торчащими трубами, оставаться, дѣйствительно, глупо. Я хочу отправиться въ городъ, но меня останавливаютъ вопросомъ:

— А какъ вы оттуда выѣдете, если городъ станутъ покидать?

— Но вѣдь будутъ же поѣзда?

— Нѣтъ, этотъ поѣздъ съ послѣдними ранеными, которыхъ эвакуируютъ изъ мѣстныхъ госпиталей въ Варшаву.

— А можетъ быть, удастся достать автомобиль?

— Врядъ ли. Вы видѣли, сколько автомобилей шло отсюда.

Правда, по пути сюда я видѣлъ болѣе десятка автомобилей, переполненныхъ людьми, уѣзжавшими изъ Лодзи.

— Можете попасть въ очень глупое положеніе,—говорятъ мнѣ.

— А скоро ли пойдетъ поѣздъ?

— Вотъ какъ только перенесутъ раненыхъ.

По платформѣ покачиваются носилки. Но большинство раненыхъ идутъ сами, кто раненъ въ руку, кто въ ногу, кто въ голову. Нѣкоторые еле тащутся, другимъ помогаютъ санитары и даже желѣзнодорожные служащіе. Только очень тяжело-раненыхъ носятъ въ носилкахъ

***

Подъ-руки ведутъ раненаго офицера. Рядомъ идетъ его жена съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ.

— Слава Богу, успѣла!—говоритъ она, поровнявшись со мной,

и на ея блѣдныхъ, дрожащихъ губахъ даже появляется жалкая улыбка.

Эту даму я видѣлъ на станціи въ Колюшкахъ, гдѣ она растерянно умоляла коменданта дать ей возможность доѣхать до Лодзи.

— У меня тамъ раненый мужъ. Офицеръ. Ради Бога... Я готова хоть на площадкѣ... Какъ-нибудь... Лишь бы доѣхать къ нему. Ради Бога.

— Успокойтесь, сударыня.

— Да нѣтъ, какъ я могу успокоиться, когда онъ раненъ! Мнѣ сказалъ его товарищъ. Онъ сказалъ, — не смертельно, но... Ради Бога.

Она не даетъ коменданту отвѣтить, что онъ непремѣнно устроитъ ее въ вагонѣ до Лодзи. Растерянная, измученная этими долгими часами, можетъ быть, днями и ночами пути къ раненому мужу, она говоритъ много лишняго—и въ то же время дрожащими руками раскрываетъ свой ридикюль, стараясь найти документъ, доказывающій, что она, дѣйствительно, жена офицера такого-то полка и прочее.

Изъ ридикюля выпадаетъ платокъ, какія-то бумажки, письмо... Она бросается подбирать ихъ, боясь въ то же время упустить моментъ. И когда, наконецъ, коменданту удается раскрыть ротъ и объявить, что она сейчасъ поѣдетъ вотъ въ этомъ поѣздѣ, ея благодарности и радости нѣтъ конца.

Медленное и осторожное движеніе поѣзда приводитъ ее въ себя для новыхъ безпокойствъ и тревоги.

— Боже мой, какъ мы тихо ѣдемъ. Неужели же нельзя быстрѣе? Вѣдь въ это время могутъ разгромить городъ.

Всѣ успокаиваютъ ее, какъ могутъ. Поѣздъ, дѣйствительно, идетъ медленно съ потушенными огнями, но иначе и нельзя.

Наконецъ мы—въ Лодзи.

Она бросается къ телефону, но сама не можетъ говорить. За нее спрашиваютъ другіе, и скоро она уже знаетъ, куда и какъ ей нужно ѣхать за мужемъ.

— А поѣздъ еще будетъ ждать здѣсь? Я успѣю привезти его?

— Успѣете, успѣете...—успокаиваютъ ее.

И вотъ теперь она съ мужемъ, раненымъ, но все же живымъ. Она тоже старается помочь ему итти, но только мѣшаетъ санитарамъ.

Но тому, очевидно, прикосновеніе руки ея приноситъ облегченіе. Онъ оборачивается къ ней, улыбается страдальческой улыбкой и говоритъ:

— Вотъ хорошо. Вотъ, какъ хорошо, что ты пріѣхала. Такъ неожиданно и—хорошо. Спасибо, родная. Спасибо.

ВОКРУГЪ ЛОДЗИ.

I.

Вхожу въ первый попавшійся вагонъ третьяго класса. Вѣрнѣе—протискиваюсь туда.

Вагонъ совсѣмъ не освѣщенъ. Свѣтъ сюда проникаетъ только съ слабо освѣщеннаго перрона и отъ полной, точно влитой въ небо луны, окруженной оранжевымъ ореоломъ. Кое-гдѣ въ сѣрой мути краснѣютъ огненныя точечки папиросъ.

Ни жалобъ, ни стона, ни ропота.

Иногда только кто-нибудь скажетъ:

— Потише, братъ, на больную ногу наступилъ.

Или:

— Ты не очень нажимай мнѣ на плечо-то: въ емъ у меня пуля сидитъ.

Сплошная мутно-сѣрая масса слабо пошевеливается. Сидятъ не только на лавкахъ, но и на полу и на искрошившемся подъ ногами углѣ у желѣзной печи, стоящей посреди вагона.

Воздухъ спертъ и удушливъ: пахнетъ человѣческимъ потомъ, махоркой, кислой прѣлью отъ размякшихъ шинелей и сапогъ, карболкой и іодоформомъ.

— Скорѣе бы ужъ шли!—тоскливо прорывается чей-то голосъ.

— Погоди, не всѣхъ, вѣрно, забрали. Тебѣ-то хорошо, ты на мѣстѣ.

— Чай, годи не годи—все едино: по расписанію машина ходитъ. Строго—по правилу.

— Какое теперь расписаніе! Никакого расписанія нѣтъ.

— Прилетитъ бонба да распишется, вотъ-те и будетъ расписаніе.

Въ вагонѣ слышится смѣшокъ.

— Ужъ это точно, что расписаніе.

— По-нѣмецки.

— По-австрицки.

Грузно вздрагиваетъ поѣздъ. Послѣдній раненый входитъ въ вагонъ и останавливается въ дверяхъ.

— Нѣтъ ли, братцы, гдѣ сѣсть? Ногу смерть какъ мозжитъ— стоять нѣтъ силушки.

Грохаютъ буфера. Мы трогаемся. Солдаты крестятся: слава Богу, поѣхали.

— Вотъ тутъ денщикъ сидитъ,—отвѣчаетъ чей-то голосъ.—И даже совсѣмъ здоровый.

— Тѣмъ лучше. Онъ и уступитъ.

— Да, какъ же, жди отъ него. Таковскій, чтобы уступилъ! Ужъ ему говорили,—раздается отъ двери слабый голосъ.

Дѣйствительно, денщикъ и не пошевелился.

Тогда начальникъ санитарнаго отряда, который самъ стоитъ стиснутый со всѣхъ сторонъ, кричитъ:

— Эй, ты, денщикъ! Ты что жъ это мѣста не уступаешь!

— А онъ притворился, что спитъ.

— Толкни его хорошенько, чтобы проснулся!

— Вотъ животное!—возмущается студентъ-санитаръ.

— Какъ есть животное безкрестное!—подтверждаетъ все тотъ же слабый солдатскій голосъ.—Своему брату раненому не уступитъ.

— Вставай, говорятъ тебѣ!—крикнулъ на него студентъ.

Въ это время вагонъ проходитъ мимо фонаря, и свѣтъ, упавшій на одну минуту въ крайнее окно, освѣщаетъ всю поднимающуюся фигуру денщика, который ворчитъ:

— Я при господскихъ вещахъ и потому имѣю право.

Однако, съ такимъ правомъ считаться не стали. Раненый сѣлъ на его мѣсто, съ облегченіемъ вздыхая.

— Ну, слава Тебѣ, Господи. А ты не обижайся на меня, не сталъ бы тебя тревожить, ежели бы нога не отказывалась.

Медленно отступаетъ поѣздъ со станціи. Свѣтъ фонаря пересчиталъ всѣ окна въ вагонѣ, блѣдно-синими полосами освѣщая сѣрыя лица, сѣрыя шинели и бѣлыя пятна перевязокъ.

Послѣдній грохотъ орудія прокатился, какъ громовое напутствіе, отъ котораго задрожалъ вагонъ, и опять все замолкло.

— Ишь, дьяволъ, угомону на него нѣтъ. Ужъ, небось, часовъ 12 будетъ, а онъ все палитъ и палитъ. Ложился бы спать и другимъ далъ отдохнуть.

— Ну и ихнему брату тоже туго приходится. Имъ тоже морозъ-то не братъ родной, не способны они къ нему.

— Да и антилерія наша не сестрица родная. Онамнясь плѣнные ихніе говорили—дюже много народу у нихъ полегло.

— А примѣчаете, братцы, что стали больше теперь нѣмцы въ плѣнъ сдаваться.

— Баютъ, прынца ихняго въ плѣнъ забрали.

— Ба-а-ютъ, — передразнилъ деревенскаго сверхсрочный. — Ты слушай больше, что баютъ, какъ уши отъ этихъ слуховъ распухнутъ. Немыслимые слухи.

— А чего жъ тутъ немыслимаго? Вонъ солтусъ, староста по-польскому, въ Колюшкахъ разсказывалъ, что, когда тамъ нѣмцы были, пришелъ къ нему одинъ такой съ нѣмецкими енералами. Эти енералы передъ нимъ, гырьтъ, руки отъ козырьковъ не отнимаютъ, даромъ, что онъ молодой. Изъ себя, гырьтъ, такой длинный, а шея, какъ у гуся, и на фуражкѣ кости человѣчьи обозначены. Приходитъ къ солтусу этотъ молодой и говоритъ ему: ежели, гырьтъ, ты, солтусъ, меня выведешь изъ русскихъ войскъ, которыя насъ кругомъ окружили, я, гырьтъ, тебѣ десять тыщъ въ награду.

— Ну, а солтусъ что?

— А солтусъ, гырьтъ, я не могу этого издѣлать, потому что много ихъ кругомъ русскихъ. Куды ни сунься—вездѣ, какъ и есть.

— И дуракъ твой солтусъ.

— Ты умный.

— Да ужъ поумнѣй тебя съ солтусомъ-оболтусомъ.

Оно и видно.

— Я тебѣ говорю! Ежели бы солтусъ твой былъ съ головой, взялъ бы эти десять тыщъ, да привелъ этого длинношеяго на нашу позицію и вмѣстѣ съ его енералами. Тамъ бы раскусили, прынцъ онъ иль нѣтъ.

— И то правда! — радостно подхватили солдаты.

— А вѣрнѣй всего, что солтусъ твой навралъ все, а ты, дуракъ, повѣрилъ.

Я долженъ, однако, сказать, что разсказъ Солтыса въ Колюшкахъ слышалъ уже раньше. По подробному описанію наружности

«этого длинношеяго нѣмца», передъ которымъ козыряли генералы, онъ, дѣйствительно, походитъ на принца Іохима, младшаго сына Вильгельма, который былъ здѣсь несомнѣнно, что подтвердили мнѣ наканунѣ въ Колюшкахъ и нѣмецкіе раненые плѣнные, привезенные изъ-подъ Бржезины.

Среди этихъ раненыхъ трое-четверо совсѣмъ дѣти, лѣтъ по 17, по 18. Они были ужасно обрадованы, когда я заговорилъ съ ними по-нѣмецки, и съ полной откровенностью разсказали о громадныхъ потеряхъ, которыя несутъ германскія войска, о тяжеломъ уныніи и усталости, которыя начинаютъ охватывать нѣмецкую армію.

У одного изъ этихъ юныхъ воиновъ было совсѣмъ дѣтское лицо и наивные сѣро-голубые глаза. Онъ только что окончилъ школу и попалъ сразу, со школьной парты, въ сраженіе, гдѣ и былъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости.

Когда же я неосторожно спросилъ, откуда онъ и гдѣ его родители, — онъ назвалъ Берлинъ.

— Und meinen Eltern... Mein Fater und meine Mutter... Sie sind... Sie sind...

И вдругъ, голосъ его сорвался, задрожали губы, и глаза наполнились слезами. Однако, стыдно было выказать слабость не только передъ своими товарищами, но и передо мною. Чтобы не разрыдаться, онъ закусилъ губу бѣлыми ровными зубами, но слезъ остановить не могъ.

Онѣ лились изъ сѣро-голубыхъ глазъ на выхоленныя розовыя щеки. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ихъ, и, вынувъ конфету, подалъ ему и присѣлъ рядомъ. Онъ машинально сунулъ конфету въ ротъ, украдкой схватилъ мою руку и сжалъ ее.

— Danke schön. O, danke schön, — бормоталъ онъ, по-дѣтски, причмокивая въ то же время языкомъ съ прилипшей къ нему конфетой.

II.

Медленно тянется поѣздъ, набитый ранеными.

Мѣрное постукиванье колесъ постепенно гаситъ разговоры, то диковато-наивные, то полные какой-то почвенной мудрости, мѣткими словцами и образами.

Уже ночь идетъ къ разсвѣту. Изнемогающимъ луннымъ сіяніемъ она все еще проникаетъ въ грязныя вагонныя стекла и пытается

освѣтить устало поникшія, скорчившіяся и сонно навалившіяся одна на другую фигуры.

Воздухъ до того душенъ и спертъ, что становится почти дурно. Огненныя точечки папиросъ краснѣютъ только въ двухъ углахъ, откуда доносится тихая бесѣда не о войнѣ, а о семейныхъ дѣлахъ, о деревенскихъ нуждахъ, о хлѣбѣ и о картошкѣ. Вздыхаютъ, кряхтятъ, почесываются, зѣваютъ и сонно посапываютъ. По угламъ слышится храпъ.

Я протискиваюсь на площадку вагона. И тутъ все забито озябшими скорчившимися фигурами. Но зато можно вздохнуть полной грудью.

Ночной прохладный воздухъ пахнетъ осенней свѣжестью и сосной. На травѣ и землѣ тонкой сѣдой паутиной бѣлѣетъ иней.

Поѣздъ неторопливо, почти торжественно идетъ среди грустнаго безмолвія и луннаго очарованія ноябрьской ночи, точно чувствуетъ, что везетъ онъ не бездушный грузъ и не сытую обычную толпу, а страстотерпцевъ и героевъ, великую святую силу русской земли, окровавленную, но свѣтлую и уже готовящуюся мысленно къ новымъ жертвамъ и новымъ подвигамъ.

Старые сосновые лѣса молчаливо благоговѣйно-строго провожаютъ этихъ изумительныхъ въ своей самоотверженности страдальцевъ. Вѣчная зелень въ мутномъ свѣтѣ темнѣетъ на своихъ стройныхъ высокихъ стволахъ, какъ знамена на древкахъ. Темная тѣнь отъ поѣзда бѣжитъ по косогору, облитому луннымъ свѣтомъ. Прохладный воздухъ умываетъ задымленное, усталое лицо.

— Озябъ я, — слышу голосъ солдатика, съежившагося на ступенькѣ вагона.

— Ишь ты, нѣжный какой, — хрипло и сонно отвѣчаетъ сидящій рядомъ. — Нѣтъ, здѣсь по времени благодать еще. У насъ ужъ, чай, зима и снѣгу по застрѣхи навалило.

— Оно со снѣгомъ-то теплѣй. Скушно зимой безъ снѣга.

— Зато воевать спокойнѣй. На снѣгу-то каждая точка темна. И то какъ-то окопались нѣмцы такъ-то ловко, что и не запримѣтить бы ихъ окоповъ, а по зарѣ изморозь была, окопы-то и обозначились точно кайма на скатерти.

Краснѣетъ на востокѣ небо. Блѣднѣетъ луна, а звѣзды таютъ, какъ иней. По легкимъ облакамъ, кое-гдѣ растянувшимся по небу, постепенно разливается этотъ красноватый отсвѣтъ, а на горизонтѣ,

гдѣ должно скоро подняться солнце, этотъ красный отсвѣтъ разлил-ся, какъ кровь, выступившая изъ земли.

Мнѣ не видно здѣсь солдатскихъ лицъ; они ушли въ шинели или уткнулись между сѣрыхъ рукавовъ, среди которыхъ бѣлѣютъ пятна перевязокъ.

Прижались другъ къ другу сѣрые, измученные люди и дремлютъ.

Болѣе отчетливо, чѣмъ ночью, пятнами выступаютъ на опушкѣ лѣса распухшія туши лошадей и трупы нѣмецкихъ солдатъ. Два человѣка съ лопатами идутъ къ нимъ по опушкѣ. Будутъ зарывать.

Поѣздъ протяжно свиститъ, приближаясь къ станціи. Въ свѣтлѣющемъ воздухѣ, за лѣсомъ, опредѣляются силуэты жилья и надъ ними — тонкая башенка костела.

Наступаетъ день. Издали, со стороны Бржезинъ доносятся несмолкающіе вотъ уже седьмой день раскаты орудійной канонады.

Бой идетъ всего въ восьми верстахъ отсюда.

ВЪ КОЛЮШКАХЪ.

Лодзь — Бржезины — Ловичъ — Колюшки...

Въ послѣднее время эти названія ежедневно мелькаютъ въ газетахъ. Около этихъ городовъ и мѣстечекъ идутъ продолжительные и безпрерывные бои—съ той и другой стороны—страшное, сверхъестественное напряженіе. Съ той и другой стороны тысячи, десятки тысячъ труповъ. Люди падаютъ, какъ кроваво-красные осенніе листья отъ бури. Ихъ пополняютъ новыми. Остаются корни и вѣтки, и съ сказочной быстротой покрываются свѣжей листвой...

Въ Колюшкахъ подвижнымъ врачебно-питательнымъ пунктомъ завѣдуетъ Л—ій, москвичъ, владѣлецъ большой скаковой конюшни. Забывъ о своихъ рысакахъ и Concours Hippique, — онъ живетъ съ женой, которая, какъ сестра милосердія, работаетъ здѣсь же на пунктѣ, въ вагонѣ-теплушкѣ. превращенномъ въ походную квартиру. Одно время Л—ій былъ не только начальникомъ своего отряда, состоявшаго человѣкъ изъ десяти его помощниковъ-студентовъ и помощницъ, но и завѣдующимъ эвакуаціей и всѣмъ, что требовали отъ него моментъ и обстоятельства.

Я прожилъ нѣсколько дней среди этой молодежи и долженъ сказать, что работаютъ они не за страхъ, а за совѣсть. Ужъ одно то, что ежедневно черезъ Колюшки проходятъ до двухъ тысячъ солдатъ, которыхъ нужно накормить, часто разнося горячую пищу и огромныя корзины съ хлѣбомъ чуть не за версту отъ походной кухни, — достаточно трудное дѣло, а тутъ еще приходится переносить съ большой осторожностью и вниманіемъ раненыхъ, которыхъ привозятъ съ мѣста боя въ госпиталь, а затѣмъ — въ вагонъ, и самимъ подбирать раненыхъ, гдѣ придется, иногда попадая подъ огонь.

Сотни раненыхъ, которыхъ они нашли въ покинутыхъ деревняхъ голодными и истекшими кровью, сотни раненыхъ, которыхъ они успѣли вырвать, что называется, прямо изъ-подъ непріятельскихъ когтей, обязаны имъ своимъ спасеніемъ. Два студента изъ этого отряда 10 ноября между двумя перестрѣливающимися цѣпями, русской и нѣмецкой, нѣсколько верстъ несли раненаго на носилкахъ вплоть до самаго поѣзда, скрываясь и убѣгая бѣгомъ отъ непріятельскихъ глазъ, задыхаясь отъ тревоги за раненаго и отъ изнеможенія.

***

6 ноября, когда поѣздъ врачебно-питательнаго пункта стоялъ въ Колюшкахъ, раздался взрывъ на линіи; нѣмцы испортили путь на Лодзь.

Поѣзду пришлось удалиться на одну изъ сосѣднихъ станцій Р., и только 9 октября вечеромъ вернуться въ Колюшки и стать тамъ, слушая безпрерывный орудійный грохотъ. Бой шелъ въ окрестностяхъ Колюшекъ, и даже еще теперь орудійная канонада не смолкаетъ верстахъ въ семи-восьми отсюда, въ направленіи Бржезинъ, уже нѣсколько дней занятыхъ нами.

Но 9 и 10 ноября бой былъ всего верстахъ въ двухъ отъ Колюшекъ, и сюда то и дѣло доставляли раненыхъ, и раненые приходили сами.

Снаряды непріятельской батареи, стоявшей недалеко отсюда подъ лѣсомъ, залетали даже въ деревню, разрушая и зажигая дома.

Эта батарея особенно надоѣла нашимъ войскамъ. Ее никакъ не удавалось подбить. Тогда кавалерія N—скаго полка рѣшила атаковать ее.

Три кавалерійскихъ эскадрона пустились въ атаку.

Съ ближайшаго къ сожженной и разрушенной станціи желѣзнодорожнаго моста видно было, какъ стали вытягиваться наши кавалеристы въ красивую и подвижную цѣпь.

День былъ солнечный, тихій. Каждое движеніе лошадей отчетливо различалось даже безъ бинокля на блѣдно-зеленѣющихъ потоптанныхъ озимяхъ. Это было поразительно красивое и волнующее зрѣлище.

Веселыя озими, поблескивавшія подъ солнцемъ, подходили къ темному хвойному лѣсу, слегка окутанному синеватой дымкой. Тамъ стояла непріятельская батарея, и ее нужно было взять во что бы то ни стало.

Всадники сначала ѣхали рысью, потомъ вдругъ почему-то раздѣлились и помчались въ атаку на артиллерію, сверкая холодной сталью обнаженныхъ сабель. Лишь одно мгновеніе было непонятно, почему раздѣлились они. Потомъ сразу обнаружилась печальная разгадка:

На пути былъ непріятельскій окопъ, и оттуда отважныхъ кавалеристовъ встрѣтили залпы изъ винтовокъ, а затѣмъ, все выше и выше поднимая тонъ, затрещали пулеметы. Лошади метнулись. Однѣ сразу упали съ всадниками, давя ихъ своими тѣлами, другія кувыркнулись черезъ голову, третьи, сбросивъ раненаго съ сѣдла, мчались куда-то въ сторону.

На блѣдно-зеленѣющей и свѣтящейся подъ солнцемъ травѣ черными пятнами забились живыя существа. Но шевелились не всѣ; нѣкоторыя лежали уже неподвижно.

Между тѣмъ, сразу нѣсколько ставшій эскадронъ, миновавъ окопъ, бѣшено мчался прямо на непріятельскую батарею.

На опушкѣ лѣса и въ самомъ лѣсу завязался бой.

Черезъ нѣсколько дней N—ій кавалерійскій полкъ прислалъ та, при чемъ, — отбито пять нашихъ орудій, взятыхъ нѣмцами раньше въ Бржезинахъ. Съ десяти часовъ утра до десяти часовъ ночи, не покладая рукъ, работалъ отрядъ Л—го, перенося раненыхъ въ госпиталь. Офицеры и нижніе чины были доставлены съ поля въ мѣстный госпиталь, а затѣмъ эвакуированы въ Варшаву.

Черезъ нѣсколько дней N—ій кавалерійскій полкъ прислалъ отряду Л—го благодарность за своевременно поданную помощь, за то вниманіе, заботливость и самоотверженность, которыя были проявлены студентами при спасеніи раненыхъ.

*
* *

Въ теплушку, гдѣ устроились Л—іе, то и дѣло заглядываютъ проѣзжіе: доктора, офицеры, генералы, сестры.

То по пути въ Лодзь, Петроковъ и обратно, то прямо съ боевыхъ позицій. Здѣсь всѣ могутъ получить тарелку щей, чашку чая.

У нашего летчика вышелъ по пути бензинъ, онъ опускается близъ Колюшекъ и заходитъ сюда на нѣсколько минутъ, чтобы обогрѣться.

Пріѣзжавшій за снарядами на станцію съ позицій артиллерійскій офицеръ, полуоглюхшій около ревѣвшаго день и ночь орудія, тоже на минуту отдыхаетъ здѣсь душой. Тутъ узнаются десятки новостей вѣроятныхъ и легендарныхъ и одновременно кипитъ лихорадочная, нервная работа.

Входитъ докторъ, высокій, красивый, молодой. Но голова его держится какъ-то странно, неподвижно, все въ одномъ положеніи, точно онъ наклонилъ ее, прислушиваясь къ тому, что говорится сбоку.

Плечи тоже нѣсколько скошены. Онъ хочетъ снять съ себя полушубокъ, морщится отъ боли. Ему осторожно помогаютъ.

Докторъ недавно контуженъ. Онъ ѣхалъ въ деревенской телѣгѣ на позицію къ своей части. Разорвавшійся близъ телѣги снарядъ выбросилъ его изъ телѣги такъ, что онъ перевернулся въ воздухѣ и упалъ безъ чувствъ на землю.

Когда очнулся, телѣги уже не было. Онъ лежалъ довольно сильно контуженный, и теперь вся лѣвая сторона головы, шея, плечо, руки — невыносимо ноютъ.

— Два раза я былъ въ гостяхъ у смерти, — говоритъ онъ, — и два раза Богъ спасъ. Въ первый разъ это было въ Равѣ-Русской. Послѣ боя я вышелъ на поле, покрытое убитыми и ранеными, дѣлать перевязки.

Уже подъ вечеръ, собрался уходить, смотрю — лежитъ раненый нѣмецкій офицеръ, раздроблена рука, задѣта нога и бокъ.

Я сдѣлалъ ему перевязки, хочу встать. Вижу онъ медленно двигаетъ здоровой рукой.

Думаю, хочетъ поблагодарить меня, предложивъ на память ка-

кую-нибудь вещь, или просто попросить спрятать деньги, чтобы не вытащили мародеры, пока пріѣдутъ за нимъ.

Вдругъ онъ выхватываетъ револьверъ и въ упоръ стрѣляетъ въ меня.

Пуля попадаетъ въ часы на рукѣ, вдребезги разбиваетъ ихъ и, пронизавъ руку около большого пальца... вотъ видите, здѣсь, — показываетъ докторъ мѣсто со слѣдами зажившей раны, — вбиваетъ въ мякоть часовое колесо. Я машинально вырываю у него револьверъ изъ рукъ и...

— Пристрѣлили его! — прерываетъ его молодой офицеръ.

— Нѣтъ. Когда я увидѣлъ его глаза, полные злобы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какого-то животнаго испуга, я даже не спросилъ — за что? А швырнулъ револьверъ въ сторону и ушелъ прочь.

Отъ 6 до 12 ноября отрядъ Л—го то появлялся въ Колюшкахъ съ своимъ поѣздомъ, то отступалъ при заревѣ пылающихъ пожаровъ въ ближайшихъ деревняхъ, при грохотѣ орудій, снаряды которыхъ не разъ разрывались вблизи самаго поѣзда.

Но каждый разъ, какъ была возможность приблизиться къ мѣсту боя, санитары забирали сотни раненыхъ и эвакуировали ихъ или въ ближайшіе безопасные госпитали, или въ Варшаву. За пять дней изъ Колюшекъ и Бржезинъ было эвакуировано такимъ образомъ больше 6 тысячъ, накормлено болѣе 10 тысячъ.

Человѣкъ 500 изъ нихъ были снабжены въ то же время теплымъ бѣльемъ. Начиная съ 15 ноября, потянулись раненые изъ Лодзи. Не хватало санитарныхъ поѣздовъ, и кто могъ—шли пѣшкомъ. Это 30-ю верстъ!

Крѣпкіе сѣрые страстотерпцы и мученики проявляли такое безконечное терпѣніе, такую великую силу души, что даже нѣмцы, раненые и плѣнные, рядомъ съ которыми шли, ѣхали и лежали наши солдаты, говорили мнѣ:

— О, русскіе солдаты это совсѣмъ особенный народъ. Когда они дерутся, — дерутся какъ герои, а когда мы теперь видимъ ихъ рядомъ съ нами, мы, плѣнные, должны сказать, что они относятся къ намъ какъ братья, и ведутъ себя какъ святые.

ПОДЪ ЖОЛКЕВИЦАМИ И РѢЖИЦЕЙ.

17 ноября, передъ отъѣздомъ въ Лодзь, я пошелъ осмотрѣть поля сраженій подъ Жолкевицами и Рѣжицей.

День стоялъ такой солнечный, теплый и тихій, что было какъ-то странно слышать безпрерывную канонаду, доносившуюся вотъ уже четвертый день за 8—10 верстъ отсюда, изъ-подъ Бржезинъ, гдѣ стояла наша артиллерія.

И еще болѣе странно было видѣть раненыхъ, которыхъ везли и везли оттуда въ большихъ брезентовыхъ повозкахъ Краснаго Креста.

Иногда въ телѣгахъ провозили и мертвыхъ, большею частью — австрійцевъ. Трупы ихъ сваливались въ разрушенной снарядами избѣ, вѣрнѣе сказать, въ голыхъ стѣнахъ безъ крыши, съ большими оконными провалами, съ землянымъ поломъ. Туда даже любопытные мало заглядывали: ну, привезли и привезли...

— Вы знаете, они ужъ мнѣ не кажутся людьми, — сознался мнѣ одинъ интеллигентный, нервный, тонко чувствующій человѣкъ. — То-есть, понимаете, совсѣмъ не такими людьми, какъ я, вы... И этихъ обычныхъ при взглядѣ на мертвыхъ вопросовъ они уже не пробуждаютъ во мнѣ. Точно всѣ эти убитые изъ музея — паноптикума. Вотъ только когда поднимешь письмо, написанное кѣмъ-нибудь изъ ихъ близкихъ, женой, сестрой, матерью, братомъ, тогда что-то обожжетъ сердце, иногда до слезъ. Ахъ, какія есть письма! Какія есть письма! Да вотъ вы сами навѣрное подберете тамъ не одно такое письмо. Особенно терзаютъ письма съ наивными дѣтскими приписками-каракулями, или гдѣ сама мать водила ручкой ребенка съ неумѣло зажатымъ перомъ, чтобы написать благословеніе отцу и мужу.

Въ этомъ признаніи сказывались не усталость, не притупленіе, а что-то болѣе характерное для человѣческой души, и, можетъ быть, спасительное. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, человѣческихъ силъ не хватитъ переживать, передумывать, перечувствовать то, что въ первый разъ, когда почти ощущаешь, какъ горитъ мозгъ отъ огненныхъ мыслей. Если не привычка, образующаяся необыкновенно быстро, то какое-то тайное примиреніе спасаетъ здѣсь огромное большинство людей.

Пѣшкомъ отправился я съ однимъ изъ студентовъ къ Рѣжицѣ, гдѣ лишь на-дняхъ происходило сраженіе и труповъ не успѣли еще убрать.

Сначала мы шли вдоль желѣзнодорожнаго пути, потомъ свернули въ лѣсъ, гдѣ немного заплутались.

Но скоро наткнулись на хуторъ въ лѣсу, откуда раздавался стукъ цѣповъ, и намъ указали дорогу на Рѣжицу.

Мы неторопливо пошли по лѣсу, большею частью хвойному. Иногда попадались окопы въ лѣсу, могилки. Очевидно, лѣснымъ людямъ, обмолачивавшимъ на хуторѣ хлѣбъ, непріятно было сосѣдство мертвыхъ, и они поспѣшили предать ихъ землѣ.

Было необыкновенно пріятно итти въ лѣсу въ теплый, тихій, солнечный день, когда особенно сильно пахнетъ смолистой хвоей. По временамъ даже забывался непрерывающійся грохотъ орудій, отъ котораго тихо дрожали и осыпались иглы сосенъ, покрывая желтый песокъ, въ то время какъ дружный стукъ цѣповъ такъ оживлялъ осеннюю поэзію свѣтлаго погожаго дня.

И вдругъ, среди этой осенней ясности и свѣта опять разрушенные мосты, торчащія трубы сожженныхъ хатъ, развороченныя, изгрызенныя снарядами стѣны, поля, лѣса и окопы.

Никакое человѣческое воображеніе не можетъ представить себѣ поля смерти, не видя его.

Я не хочу терзать ваши нервы описаніями, но пусть каждый, спокойно сидящій въ теплѣ и мирныхъ стѣнахъ, хоть въ двухъ-трехъ намекахъ, въ двухъ-трехъ чертахъ почувствуетъ, чтобы не закоснѣть въ равнодушіи къ жертвамъ, не замкнуться въ спокойствіи отчужденности.

Кругомъ изломанное оружіе, вороха писемъ, молитвенники, евангелія...

Я даже нашелъ книгу корана возлѣ одного солдата съ татарскимъ лицомъ. Чужія холодныя руки ночью обдирали мертвецовъ, выбрасывая то, что, можетъ быть, было самымъ дорогимъ для нихъ при жизни, но что мародерамъ было не нужно, какъ соръ.

Только на прострѣленной груди одного изъ павшихъ воиновъ лежитъ фотографическая карточка, старая, пожелтѣвшая отъ времени.

На ней изображена немолодая женщина, съ спокойнымъ, добрымъ лицомъ, въ платьѣ старой моды. Лицо убитаго молодое, безусое.

Я всматриваюсь въ черты этого юнаго лица, сравниваю ихъ съ тѣмъ, что на портретѣ, и отхожу.

**
*

Обломки огромной пушки и пулеметовъ. Какія-то стальныя спирали, внутренности изъ хитроумнаго орудія, вырванныя удачно попавшимъ нашимъ снарядомъ. Вокругъ разбросанная сбруя, оружіе, сѣдла. Рядомъ куски разстрѣлянныхъ патроновъ нашихъ.

Лѣсокъ и въ лѣскѣ трупы.

Здѣсь была страшная битва, и когда смотришь на эти разбитыя орудія, кажется, что здѣсь борьба была до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія.

Но жизнь дѣлаетъ свое дѣло.

Вертятся крылья мельницы, перемалывая зерно. Ѣдутъ по дорогѣ въ Бржезины обозы. Изъ уцѣлѣвшихъ трубъ въ деревнѣ вьется дымъ. Мастера починяютъ разорванный телеграфъ и ставятъ поваленные столбы. Крестьяне роютъ близъ лѣса могилы и зарываютъ убитыхъ.

А по дорогѣ, вслѣдъ за обозами гонятъ цѣлый гуртъ скота.

**
*

Подъ несмолкаемый орудійный грохотъ я возвращаюсь домой.

День все такъ же солнеченъ, тихъ и тепелъ.

И такъ же голубѣетъ небо, съ прозрачными, легкими облаками, и такъ же густо сини хвойные лѣса; среди темныхъ стволовъ бѣлые стволы березокъ серебрятся, какъ сѣдина.

Мы идемъ по желѣзнодорожной насыпи, кое--гдѣ разрушенной, изрытой снарядами, и вдругъ слышимъ, что въ громовые раскаты орудій врывается новый звукъ.

Какъ-будто не пара, а тысячи цѣповъ безпрерывно и дробно обмолачиваютъ хлѣбъ, и этотъ быстрый стукъ тысячи цѣповъ переходитъ въ напряженно-тревожный трескъ.

Что такое? Вѣдь это трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Цѣлые залпы и все ближе и ближе.

Неужели такъ близко атака?

Всматриваюсь вдаль, машинально поднимаю глаза къ небу. Черные дымки шрапнели расползаются паучками въ прозрачномъ воздухѣ.

Аэропланъ!

— Нѣмецкій аэропланъ! Пальба идетъ по нѣмецкому аэроплану! — кричитъ мой спутникъ. — Карабинъ! Ради Бога, дайте мнѣ вашъ карабинъ!

Онъ выхватываетъ у меня кавалерійскій нѣмецкій карабинъ новѣйшей системы и проворно вкладываетъ въ него обойму съ патронами. Аэропланъ плавно и красиво летитъ въ голубой пустотѣ, но на такой вышинѣ, что врядъ ли его возможно достать выстрѣломъ даже изъ этого карабина.

Въ то время, какъ я смотрю въ бинокль и убѣждаюсь, что аэропланъ, дѣйствительно, нѣмецкій, слышу, какъ щелкаютъ стальные затворы винтовки и затѣмъ гремятъ выстрѣлы — одинъ, другой, третій.

— Стрѣляйте вы! — говоритъ, онъ, задыхаясь отъ волненія. — У меня даже руки дрожатъ.

Я жадно хватаюсь за винтовку и съ какой-то сладостной дрожью въ сердцѣ цѣлюсь въ человѣка-птицу, которой только что любовался, какъ художникъ.

— Ахъ, если бы попасть! Ахъ, если бы попасть!

Выстрѣлъ звучитъ за выстрѣломъ. Но аэропланъ продолжаетъ свой торжественный полетъ. Онъ летитъ высоко надъ лѣсомъ по направленію къ Лодзи.

Только выпустивъ послѣднюю пулю, я опускаю карабинъ и прихожу въ себя.

Возвратившись въ Колюшки, узнаю, что съ этого аэроплана около Рогова въ санитарный поѣздъ часъ тому назадъ была брошена бомба, но разорвалась вблизи, не причинивъ поѣзду никакого вреда.

Вернувшись изъ Лодзи, я цѣлый день пробылъ въ Колюшкахъ, а вечеромъ выѣхалъ въ Варшаву съ тѣмъ самымъ поѣздомъ, съ которымъ выѣхалъ изъ Лодзи.

И опять всю безсонную ночь я ѣхалъ на площадкѣ вагона, такъ какъ въ вагонъ невозможно было даже и втиснуться.

Около двухъ часовъ ночи мы подъѣзжали къ Варшавѣ. Но тутъ поѣздъ остановился за станціей Товарная, верстахъ въ 6—7 отъ Варшавы.

Ни о какомъ экипажѣ нечего было и думать. Приходилось итти пѣшкомъ, такъ какъ неизвѣстно было, когда поѣздъ пойдетъ.

— Да почему же на станціи не принимаютъ поѣзда? Путь что ли забитъ?

Я пошелъ пѣшкомъ и тутъ былъ очевидцемъ картины, которую никогда не забуду.

Раненые, не пожелавшіе дожидаться, когда ихъ подвезутъ, двинулись, кто могъ, также пѣшкомъ.

Вереницей растянулись они по пути съ перевязанными руками, ногами, головами.

Свистя маневрировалъ локомотивъ, блестѣли отъ зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ огней мокрые отъ ночной сырости рельсы, извиваясь, какъ змѣи.

Нѣкоторые раненые шли довольно бодро, но такихъ было немного. Большинство тащилось медленно, по временамъ останавливаясь.

Тогда раненые въ руки соединяли здоровыя руки.

— Что жъ, братанъ, садись, донесемъ.

И братанъ садился, и они несли его.

А то какой-нибудь особенно бравый солдатикъ просто сгибался, подставлялъ свою спину и командовалъ немощному.

— Садись верхомъ, подвезу. Что жъ дѣлать?

И везъ.

Все-таки тамъ, на вокзалѣ, они могли получить тарелку горячихъ щей, или кружку чая съ хлѣбомъ.

А главное — они были почти въ городѣ, гдѣ манила ихъ сладкая надежда отдохнуть, попариться въ банѣ, переодѣться въ чистое бѣлье и, подправившись, опять вернуться домой, то-есть въ окопы, къ битвѣ и подвигамъ.

ПОѢЗДКА ВЪ БРЖЕЗИНЫ И ЛОВИЧЪ.

I.

Послѣдніе дни ноября, но необыкновенная погода.

До такой степени солнечно, ясно и тепло, что не вѣрится въ близость Рождества по новому стилю. Вотъ ужъ воистину сиротская зима, и, дай Богъ, чтобы это тепло продолжалось и дальше; все-таки

безпріютнымъ, которыхъ нынче въ Польшѣ несравненно болѣе, чѣмъ имѣющихъ кровъ, легче было бы перенести зимнюю пору.

Говорятъ, что настоящая зима съ ея морозами и ненастьями зато послужила бы нашимъ союзникамъ на войнѣ, такъ какъ для нѣмцевъ это было бы во всѣхъ отношеніяхъ гибельно и особенно гибельно не столько изъ-за непривычки ихъ къ холодамъ, сколько изъ-за бездорожья. Но мнѣ кажется, что это одинъ изъ старыхъ предразсудковъ, и пора забыть насмѣшливую пословицу: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Думаю, что не такъ ужъ здорово и русскому мокнуть въ окопахъ подъ ледянымъ дождемъ и мерзнуть подъ острымъ морозомъ. Да и лошадямъ, русскимъ ли, нѣмецкимъ ли, перетаскивать тяжести, будь то орудія, боевые припасы или хлѣбъ, одинаково тяжело.

Трое сутокъ я пробылъ въ разъѣздахъ по мѣстамъ, гдѣ недавно были или идутъ бои. Былъ въ Бржезинахъ и подъ Ловичемъ и не вернулся бы такъ скоро въ Варшаву, если бы въ послѣднюю ночь пути, въ 10 верстахъ отъ Ловича не сломался и не застрялъ въ пескахъ автомобиль нашъ и, волей-неволей, пришлось послѣ долгихъ мытарствъ, возвратиться во-свояси.

Война страшно затягиваетъ каждаго, кто подходитъ къ ней даже со стороны. Хочется проникнуть въ самое сердце ея, въ самую суть, хочется слиться съ тѣми, кто подъ смертельнымъ огнемъ создаетъ новую исторію и, можетъ быть, новую географію. Сознаютъ ли сами эти созидатели свою великую миссію? За большинство надо отвѣтить — да, сознаютъ. Я ужъ не говорю объ офицерахъ, но и солдаты нынѣшніе, не только по моимъ наблюденіямъ, но и по отзывамъ всѣхъ, близко стоявшихъ къ нимъ раньше, хотя бы въ манчьжурскую кампанію, близко стоящихъ теперь, совсѣмъ новые солдаты. Они отлично разбираются въ такихъ вопросахъ, которые раньше были совершенно недоступны имъ. Они не только понимаютъ, что за врагъ передъ ними, но и почему онъ врагъ.

II.

Я выѣхалъ изъ Варшавы 25 ноября послѣ полудня. День сіялъ солнечный и теплый, какъ въ апрѣлѣ, а такъ какъ къ тому же былъ праздникъ Рождества Богородицы, очень чтимый въ Польшѣ, — въ Варшавѣ всѣ ждали нѣмецкаго аэроплана съ бомбами и ходили по улицамъ, съ любопытствомъ поглядывая въ небесную синеву,

гдѣ дымились и таяли легкія серебристыя облачка. Бомбы давно перестали пугать варшавянъ, а одна изъ послѣднихъ бомбъ, угодившая прямо въ трубу, даже позабавила мѣстное общество, вызвавъ шутки и остроты. Накупивъ цѣлую уйму послѣднихъ номеровъ газетъ и папиросъ для раздачи на позиціяхъ, мы быстро промчались черезъ кипѣвшія оживленіемъ варшавскія улицы и скоро очутились за городомъ по направленію къ Бржезинамъ.

Блестящая подъ солнцемъ зелень озимей, прозрачность воздуха, свойственная только осени, широко разбѣгающаяся даль съ темной зеленью хвойныхъ лѣсовъ и красноватыми переливами лиственныхъ, большіе черные кресты на перепутьяхъ, точно благословляющіе простертыми руками опечаленную людьми и обласканную солнцемъ землю, — все это такъ настроило моего спутника поэта Б—ва, что онъ сталъ сочинять стихи. Особенно великолѣпенъ былъ закатъ, съ пылающими облаками, съ такими переливами золота и пурпура среди малахитовыхъ разливовъ небесъ, что можно было бы даже забыть о томъ, куда мы ѣдемъ, если бы сожженныя и разрушенныя деревни на пути, нищета и горе, которыя глядѣли изъ каждаго клочка земли, изъ каждаго разбитаго обгорѣлаго камня, не напоминали объ этомъ каждую минуту.

Въ позднія сумерки пріѣхали мы въ Ново-Място. Луна еще не всходила, а фонарей здѣсь, конечно, не полагалось. И въ Варшавѣ-то керосинъ вздорожалъ, а ужъ вдали отъ Варшавы фонари горѣли только надъ госпиталемъ Краснаго Креста, да у аптеки. Улицы тонули въ темнотѣ и грязи, а кое-гдѣ свѣтившіеся по лавкамъ огоньки прокалывали сумракъ только для того, чтобы озарить скудость и убожество мѣстной жизни, которая навѣрное совсѣмъ бы заглохла, если бы не военное движеніе.

Мы долго не могли добиться у встрѣчныхъ, гдѣ питательный пунктъ, устроенный генераломъ Г. Наконецъ, изъ мрака вынырнулъ старый еврей, съ большой растрепанной бородой, отрекомендовался дежурнымъ и суетливо побѣжалъ впередъ съ фонаремъ указывать, какъ онъ выражался «шпитательный пунктъ». Свѣтъ фонаря вырывалъ около него крошечные клочки изъ мрака и мало помогалъ намъ отъ постоянныхъ проваловъ въ лужи и грязь, которыя, повидимому, здѣсь никогда не просыхаютъ.

Гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то бранился, устало тявкала собака, шумѣлъ проѣзжающій автомобиль, хрюкала за заборомъ свинья.

И сказочно странно было вдругъ услышать арію Вагнера, неожиданно вырвавшуюся изъ отворившейся на площади двери низенькой грязной халупы. Молодой, красивый, сильный голосъ могуче и свободно пѣлъ Вечернюю звѣзду.

«Какъ мысль о смерти, мракъ скрываетъ землю»,

Дверь захлопнулась, и сквозь позеленѣлыя крошечныя окна и глиняныя стѣны глухо доносилось:

«И этой мысли я невольно внемлю».

Вѣроятно, пѣлъ какой-нибудь офицеръ, проѣзжій, или одинъ изъ студентовъ, работающихъ здѣсь въ качествѣ добровольцевъ-санитаровъ на питательномъ пунктѣ.

Генералъ Г., особо уполномоченный Краснаго Креста, зналъ, что дѣлалъ, вербуя свои отряды работниковъ изъ учащейся молодежи. Всюду, гдѣ работаютъ созданные имъ питательные пункты, дѣло спорится какъ нельзя лучше. Мало того, что эта молодежь кормитъ раненыхъ, она, когда это нужно, спасаетъ ихъ подъ огнемъ отъ непріятельскаго плѣна, тащитъ на своихъ плечахъ цѣлыя версты, какъ я описывалъ въ одной изъ предыдущихъ статей, и все это дѣлаетъ бодро, съ охотой, съ любовью, съ героической отвагой и неутомимостью.

Въ этихъ отрядахъ рука объ руку съ русскими и поляками работаютъ и евреи, и тутъ нѣтъ даже и помина о печальныхъ польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Это одна дружная товарищеская семья.

III.

Радушно и привѣтливо приняли насъ на питательномъ пунктѣ, гдѣ завѣдующимъ оказался также свой братъ, молодой писатель Л—въ. Мы отлично переночевали у него, а утромъ, когда вышли изъ уютныхъ стѣнъ, были поражены красотою окрестностей Ново-Място, которое пользуется славой цѣлебнаго, благодаря своему удивительному воздуху, пропитанному смолистымъ запахомъ хвойныхъ лѣсовъ и обилію воды, оживляющей чудесный по своей живописности пейзажъ. Можетъ быть, по окончаніи войны, когда вопросъ о русскихъ курортахъ приметъ надлежащее развитіе, Н.-Място расцвѣтетъ, а пока — всѣ попытки д-ра Балинскаго создать здѣсь курортъ окончились крахомъ.

Благодаря тактичности настоятеля, въ Н.-Мястѣ уцѣлѣлъ отъ

непріятельскаго разгрома древній монастырь капуциновъ съ старинной живописью, а также монастырь терціанокъ. Вообще, Н.-Място пострадало сравнительно немного, но, конечно, въ экономическомъ отношеніи оно, какъ и вся Польша, разорено безпощадной нѣмецкой реквизиціей.

Главное сраженіе происходило близъ Доманевицы верстахъ въ восьми отъ Н.-Мяста. Здѣсь наши и нѣмецкіе окопы свидѣтельствуютъ исторію артиллерійскаго боя, происходившаго послѣ бѣгства нѣмцевъ отъ Варшавы, а мѣстные жители дополняютъ эту исторію своими впечатлѣніями.

Русская артиллерія била навѣрняка, и нѣмцы понесли страшныя потери, но количество убитыхъ трудно было опредѣлить, потому что они частью бросали трупы въ рѣку Пилицу, частью зарывали ихъ, равняя могилы съ землей.

Стояли холода, и пруссаки мерзли въ своихъ легкихъ шинеляхъ. Чтобы спастись отъ мороза, они кутались въ одѣяла и даже женскія юбки, забранныя въ сосѣднихъ фольваркахъ, а когда и этого было мало, обертывались ватой, пухомъ и перьями изъ отнятыхъ подушекъ и перинъ.

Мѣстное польское населеніе старалось, что можно, скрыть отъ ихъ грабежа, пряталось въ лѣса, чтобы избѣжать встрѣчи съ ними, и проводило въ лѣсахъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ. Нельзя безъ душевной боли смотрѣть на громадную и цвѣтущую когда-то деревню Злота, превращенную въ сплошное пепелище. Больше чѣмъ на версту тянутся вдоль равскаго шоссе обуглившіяся кучи мусора съ мрачно-торчащими кое-гдѣ трубами на мѣстѣ зажиточныхъ домовъ. Только одна халупа уцѣлѣла какимъ-то чудомъ, и около нея красными яркими пятнышками шевелятся дѣтки. Можетъ быть, ради этихъ дѣтокъ пламя и пощадило это единственное гнѣздо.

Большинство жителей разбрелось кто куда. Тѣ, что остались, вырыли землянки, наскоро соорудили шалаши, покрывъ и окутавъ ихъ хвойными вѣтками. Тутъ и придется зимовать имъ безъ скотины, безъ хлѣба, безъ орудій для работы. Все или взято, или сожжено. Горе — горькое.

Гдѣ пожарища, тамъ и окопы и кресты. Такова большая часть Польши: пепелища и кладбище.

Германскій аэропланъ высоко-высоко пролетаетъ надъ этой юдолью печали, и сама собой въ душѣ загорается злоба къ нему и

хочется, чтобъ эта нѣмецкая желѣзная птица грохнулась съ высоты на истерзанную землю, если не отъ выстрѣловъ, которые гремятъ тамъ и здѣсь, то хоть отъ проклятій, которыя несутся къ ней отъ обездоленныхъ, обнищавшихъ людей.

IV.

Мы обгоняемъ и встрѣчаемъ войска, автомобили, обозы, то военные, то съ фуражомъ. Автобусы, лошади, волы... Вотъ лѣниво тянется безконечная вереница подводъ. Достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться, что возчики не здѣшніе. Другая одежда и лица.

— Откуда?

— Изъ кіевской губерніи.

— Помѣсячно или какъ?

— Помѣсячно. Двадцать пять карбованцевъ и харчъ для себя и для лошади.

— Давно изъ дома?

Въ отвѣтъ только махаютъ рукой: дескать, ужъ и забыли — когда. Дѣйствительно, здѣсь такая масса событій, что хотя время и летитъ съ страшной быстротой, все кажется, что вчерашній день отодвинулся далеко, а тѣмъ днямъ, что раньше были, и конца краю нѣтъ.

Вотъ идетъ навстрѣчу рота не-рота, батальонъ не-батальонъ. Лица все больше бородатыя, но есть и молодыя. Солнце такъ тепло грѣетъ, что въ шинеляхъ прошибаетъ солдатъ потъ.

Остановились около полусожженной деревушки. Деревенскія бабы и дѣвушки въ ярко-красныхъ полосатыхъ поневахъ и накидкахъ, но босикомъ, потому что земля тепла, какъ весной, несутъ имъ напиться воды.

Солдаты разстилаютъ шинели по землѣ, ловко свертываютъ ихъ, перевязываютъ въ кольцо, чтобы перекинуть черезъ плечо.

— Откуда и куда?

— Изъ С. въ Р.

Оказывается, все бывшіе раненые. Вышли изъ госпиталя и возвращаются, кто къ своимъ уцѣлѣвшимъ полкамъ, кто на пополненіе чужихъ частей.

— Я ужъ два раза ранился,—говоритъ съ гордостью бородатый солдатъ съ Георгіемъ. — Одинъ разъ въ японскую войну, другой разъ нынче.

— А я такъ успѣлъ въ эту войну два раза раны получить. Одну — въ самомъ началѣ подъ Орлау; вылѣчился; пошелъ въ бой подъ Варшавой — опять рана и опять вылѣчился.

— Тебя, видно, пули любятъ, — шутитъ кто-то. — Какъ мухи къ меду.

— Не любили бы — не летѣли ко мнѣ. Ежели бы бабы такъ любили, разлюбезное было бы дѣло.

Раздается хохотъ.

Какой-то солдатъ замѣчаетъ:

— Кого два раза ранили, того въ третій безпремѣнно добьютъ.

Никто даже не отвѣтилъ на эту неумную выходку. Всѣ деликатно сдѣлали видъ, что не слышали и только двое-трое покосились на дурака.

Мы надѣлили солдатиковъ папиросами и газетами, и они, какъ дѣти, обрадовались этимъ нечаяннымъ подаркамъ.

На закатѣ подъѣзжаемъ къ Бржезинамъ, которыя съ начала ноября до настоящаго времени уже разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки и разъ восемь основательно занимались то нѣмцами, то русскими.

Я думалъ увидѣть обычное еврейско-польское мѣстечко и былъ очень удивленъ, когда встрѣтилъ цѣлый городъ съ прекрасными зданіями, изъ которыхъ нѣкоторыя разрушены непріятельскими снарядами, иногда залетающими въ городъ.

Изъ жителей, которыхъ насчитывается въ Бржезинахъ болѣе двадцати тысячъ, осталась всего одна треть. Остальные разбѣжались кто куда. Мѣстная жизнь совсѣмъ заглохла. Городъ портныхъ, имѣющій тѣсную связь съ Лодзью, отстоящей отсюда всего въ 27 верстахъ, Бржезины превратился въ военный лагерь.

Военная жизнь кипитъ здѣсь, какъ огромный котелъ. Несмолкая, грохочутъ выстрѣлы нашихъ и непріятельскихъ орудій. Бой идетъ всего верстахъ въ 6—7 отъ Бржезинъ, и отъ орудійнаго грохота дрожатъ и звенятъ стекла въ домахъ. Но и люди, и лошади къ этому грохоту такъ привыкли, что какъ-будто даже не замѣчаютъ его. Зато появленіе нашего автомобиля такъ пугаетъ коренастыхъ шершавыхъ диковатыхъ сибирскихъ лошадей, что онѣ крутятся въ испугѣ, какъ вихрь, съ сидящими на нихъ всадниками и потомъ долго мчатся по шоссе, какъ бѣшеныя.

Атмосфера кипучей дѣловой военной жизни сразу охватываетъ

здѣсь съ такой силой, что самъ начинаешь чувствовать какой-то особенный подъемъ и безпокойное желаніе слиться съ нею, раствориться въ ея напряженно клокочущихъ волнахъ. Во внѣшнемъ безпорядкѣ движенія чувствуется внутренняя стройность и главное — четкость и бодрость, въ которыхъ есть что-то общее съ этимъ гаснущимъ, свѣтлымъ днемъ, озареннымъ пылающими огнями заката.

Сѣрая солдатская масса движется по улицамъ группами и отдѣльно, но каждый солдатъ, видимо, связанъ со всѣми другими, какъ пальцы на рукѣ, какъ волосы на головѣ.

Зауряд-прапорщикъ, возвращающійся изъ варшавскаго госпиталя по излѣченіи отъ шрапнельной раны, попросилъ насъ по пути довезти его въ Бржезины къ своему полку. Пока онъ ѣхалъ съ нами въ автомобилѣ, видно было, что это человѣкъ самъ-по-себѣ. Но едва очутился въ своей стихіи, заволновался, засуетился, разыскивая свою часть, чтобы тотчасъ же явиться по начальству, а затѣмъ отправиться въ окопы.

И ясно было, что внѣ этой *части* онъ уже больше не существуетъ, что онъ самъ ея неотъемлемая часть и рвется къ сліянію съ ней по психологическому закону, созданному войной, не уступающему силѣ сцѣпленія, составляющей общее свойство тѣлъ.

Онъ даже какъ-то разсѣянно прощается съ нами, и погружается въ сѣрую солдатскую массу, гдѣ мы завтра можемъ не узнать его лица, да и онъ-то врядъ ли узнаетъ насъ. Въ мирной обстановкѣ мы могли бы, можетъ быть, сблизиться съ нимъ и стать друзьями, но здѣсь мы ему чужіе и чуждые люди, оттого, что мы не военные.

ВЧЕРАШНІЕ БОИ.

I.

Одинъ изъ самыхъ жестокихъ боевъ близъ Бржезинъ происходилъ 6 ноября.

Съ этого дня Бржезины уже начинаютъ переходить не отъ разъѣзда къ разъѣзду, а отъ арміи къ арміи.

Окончился періодъ развѣдокъ и незначительныхъ стычекъ и начался періодъ кровопролитныхъ ожесточенныхъ боевъ.

Въ сраженіи 6 ноября, которое происходило всего въ 5 верстахъ отъ Бржезинъ, участвовала нѣмецкая армія не менѣе, чѣмъ въ полтораста тысячъ.

Они пришли отъ Влоцлавска, Кутно, Ленчицы. Нѣкоторые офицеры и солдаты имѣли орденъ Желѣзнаго Креста, который получили въ Восточной Пруссіи, гдѣ отличился ихъ полкъ.

Командовалъ ими генералъ, который, по словамъ бржезинцевъ,—

— Добже мовилъ по-польску. Лепше, чѣмъ мы.

Бой былъ такъ свирѣпъ и оглушителенъ, что жители въ ужасѣ попрятались въ погреба. Съ этого дня погреба стали для всѣхъ вторыми квартирами. Туда даже переносили кровати и часть мебели, чтобы въ случаѣ опасности моментально скрываться подъ землю и тамъ болѣе или менѣе спокойно спать.

Правда, орудійный гулъ былъ слышенъ и тамъ. Иногда казалось даже, что эти тяжелые взрывы и адское гудѣнье доносятся изъ подземнаго вулкана.

Шестнадцать домовъ въ Бржезинахъ были разрушены снарядами или сгорѣли въ одну ночь. Изъ нихъ два дома были каменные. Саженной толщины стѣны древняго костела стояли незыблемо.

7, 8, 9 ноября были огромные бои около Лодзи. Изъ Бржезинъ видно было, какъ электрическими всполохами метались на горизонтѣ огни.

Около Витковицъ и Галкуевицъ мы одержали побѣду. Но къ нѣмцамъ подходили на помощь свѣжія войска. Потянулись безконечные нѣмецкіе обозы. Прошла кавалерія нѣмецкой гвардіи.

11 ноября снова закипѣлъ бой подъ Бржезинами. Огненными крестами пересѣкались съ обѣихъ сторонъ выстрѣлы тяжелой артиллеріи. Грохотъ, ревъ и визгъ снарядовъ сливались въ такую адскую музыку, что дома дрожали, какъ живые, и дребезжали и лопались стекла, какъ во время землетрясенія.

Хотѣлось бѣжать, куда глаза глядятъ.

— Но у меня старуха мать семидесяти лѣтъ, — говоритъ мой бржезинскій гость. — Куда дѣнешься съ ней? Да и средствъ нѣтъ, чтобы перебраться изъ этого ада въ безопасное мѣсто.

Право, вѣроятно тѣмъ, кто участвуетъ въ бою, легче, нежели тѣмъ, кто долженъ оставаться празднымъ свидѣтелемъ его, хотя бы и находясь сравнительно въ безопасности. Я не высидѣлъ въ своемъ погребѣ и пошелъ къ знакомымъ.

Имъ, вѣрно, тоже сталъ противенъ сырой и мрачный погребъ. Они остались въ квартирѣ, но лежали на полу, полагая, что это безопаснѣе, чѣмъ сидѣть на стульяхъ. Въ отношеніи пули, которая можетъ залетѣть въ окно, пожалуй, оно и такъ, но что касается снарядовъ, тутъ плохая увертка лежанье.

Численное превосходство нѣмцевъ было слишкомъ велико. Ночью, когда часть нашихъ, отдыхавшая въ Бржезинахъ, заснула тяжелымъ сномъ, въ городъ ворвались нѣмцы.

Это была часть, стоявшая въ 9 верстахъ отъ Бржезинъ въ лѣсу въ окопахъ, у деревни Борова. Они пришли со стороны Колюшекъ и въ 3½ часа ночи заняли городъ.

Никогда еще не были нѣмцы такъ разъярены, какъ на этотъ разъ. Они безъ всякой пощады убивали тѣхъ, кто не хотѣлъ сразу сдаваться, и грозили разрушить и сжечь до-тла дома, въ которыхъ скрывались русскіе.

И все же обывателямъ удалось спасти много русскихъ офицеровъ и солдатъ, пряча ихъ въ потаенныхъ углахъ, куда не могли проникнуть даже зоркіе взгляды шпіоновъ.

Тамъ, гдѣ этого невозможно было сдѣлать, русскіе сами, щадя хозяевъ, оказывавшихъ имъ гостепріимство, выходили навстрѣчу врагамъ безоружные или уходили.

Голодные и жадные нѣмцы стали ночью же грабить дома. Они тащили все, что попадалось, даже вещи, которыя, повидимому, совсѣмъ не нужны были имъ. О тепломъ платьѣ и бѣльѣ нечего и говорить, они часто тутъ же надѣвали на себя награбленныя вещи. Даже аптеку разграбили и разгромили они, и вездѣ требовали:

— Хлѣба! Хлѣба!

Мѣстный фотографъ разсказываетъ, что съ этимъ же требованіемъ обратились они къ нему, грозя винтовкой.

— Но у меня не было хлѣба у самого. Было лишь двѣ марки, полученныя съ нѣмцевъ же, снимавшихся какъ-то въ одинъ изъ ихъ заѣздовъ въ моей фотографіи.

Я положилъ на ладонь эти двѣ марки и сказалъ, какъ умѣлъ по-нѣмецки:

— У меня нѣтъ хлѣба. Возьмите эти двѣ марки и купите хлѣба...

Они схватили двѣ марки, чуть не подравшись изъ-за нихъ.

Особенно разъяренные на обывателей за то, что тѣ прятали

русскихъ, а имъ, нѣмцамъ, отказывали повсюду въ хлѣбѣ, они грозили сжечь весь городъ и, дѣйствительно, зажгли одинъ домъ.

Перепуганные жители, которымъ грозило если не сгорѣть, то задохнуться отъ дыма въ горящемъ городѣ, бросились бѣжать. Тогда нѣмцы одумались и стали ихъ останавливать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь. Это мы только пошутили, угрожая сжечь весь городъ. Что касается этого пожара, не смѣйте тушить его. Это сигналъ нашимъ войскамъ, что Бржезины заняты нами и что наши войска могутъ смѣло вступить сюда.

Дѣйствительно, поутру въ Бржезины вступило множество нѣмецкаго войска. Грабежъ продолжался — забрали даже музыкальные инструменты мѣстнаго оркестра, растаскали ноты.

Нѣмецъ, командиръ 6-й дивизіи, хвастался, что на этотъ разъ Варшавѣ не сдобровать.

— Мы будемъ тамъ черезъ два-три дня. Но вглубь Россіи мы покуда не пойдемъ. Нашъ императоръ умнѣе Наполеона и не хочетъ повторять его глупой ошибки.

13 ноября нѣмецкія войска какъ-то сразу всполошились и стали покидать Бржезины. Но надо имъ отдать справедливость: уходили они въ строгомъ порядкѣ и полномъ спокойствіи. Легко раненыхъ русскихъ и плѣнныхъ они забирали съ собою, тяжело раненыхъ оставляли.

II.

Съ радостью и облегченіемъ провожали бржезинскіе обыватели отходящія нѣмецкія войска. Прошелъ и нѣмецкій обозъ, спрашивая дорогу на Стрыковъ. Но небольшая часть нѣмецкаго войска замѣшкалась въ Бржезинахъ.

И вотъ, въ то время, какъ вдали на шоссе еще темнѣлъ извивающійся хвостъ отступавшаго непріятеля, на площади рынка замелькали русскія папахи.

Имъ, разумѣется, тотчасъ же дали знать объ оставшихся нѣмцахъ.

Казаки окружили дома, гдѣ скрывались враги, и требовали, чтобы тѣ сдались.

Но нѣмцы ожесточились до послѣдней степени и въ большинствѣ случаевъ отвѣчали на это предложеніе выстрѣлами.

Одинъ изъ нѣмецкихъ солдатъ забился въ домъ, откуда только

что увезли раненыхъ нѣмцевъ и гдѣ еще развѣвался флагъ Краснаго Креста, и сталъ стрѣлять изъ оконъ, забаррикадировавъ двери.

Онъ перебѣгалъ отъ одного окна къ другому и пускалъ пулю за пулей, пока русская пуля не сразила его самого.

Въ аптекѣ остался и заперся нѣмецкій офицеръ. На всѣ предложенія сдаться онъ отвѣчалъ:

— Nein!

И сопровождалъ свой отвѣтъ каждый разъ пулей изъ револьвера.

Онъ продолжалъ стрѣлять даже тогда, когда русскіе ворвались въ аптеку.

Но самое большое упорство выказали нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, застигнутыхъ какъ разъ въ то время, когда они убирали пулеметъ съ большого каменнаго дома.

Это обычная нѣмецкая манера — ставить пулеметы на высотѣ, будь то крыша большого дома или костелъ. О томъ, что они подвергаютъ такимъ образомъ неизбѣжному разгрому не только домъ, но и хозяевъ его, нѣмцы мало думаютъ, а кто же изъ мирныхъ жителей посмѣетъ противиться имъ!

Шестьдесятъ человѣкъ русскихъ солдатъ легло, прежде чѣмъ уничтожили пулеметчиковъ.

Въ то время, какъ часть вступившаго въ Бржезины русскаго войска вела эту борьбу съ засѣвшими нѣмцами, казаки преслѣдовали отступающую нѣмецкую армію. И то-то была радость, когда имъ удалось отбить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, только что забранныхъ нѣмцами въ Бржезинѣ.

III.

Я засыпалъ въ ледяномъ номерѣ подъ несмолкаемый грохотъ пушекъ, подъ всполохи сверкающихъ огней, отъ которыхъ вздрагивалъ сумракъ въ комнатѣ.

Завтра утромъ рѣшено было поѣхать на позиціи и посмотрѣть бой.

Но проснулись мы въ полной тишинѣ.

Теплое солнечное утро такъ и рвалось сквозь стекла въ комнату. Даже грубо намалеванные узоры на стѣнѣ оживали отъ этого яркаго свѣта, а зеркало, похожее на жесть, переливалось, какъ живая вода.

Панна Владислава, единственная оставшаяся на своемъ посту прислуга отеля «Бристоль», доложила, что нынѣшней ночью нѣмцевъ прогнали за нѣсколько верстъ отъ Ловича.

— Вы правду говорите, панна Владислава?

— А спросите панну Марисю, панну Ядвигу, панну...

Оказывается, въ кухнѣ у нея уже образовался цѣлый женскій клубъ. Всѣ эти панны были прислуги, — кухарки, горничныя, оставшіяся безъ дѣла послѣ отъѣзда хозяевъ и посвящавшія свои досуги бесѣдамъ о военныхъ событіяхъ и людяхъ.

Ихъ сообщеніе подтвердили намъ и офицеры.

Въ Бржезинахъ, такимъ образомъ, покуда намъ не было смысла оставаться, и мы рѣшили проѣхать на Ловичъ черезъ Скерневицы, то-есть, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ отступали нѣмецкія войска отъ Варшавы.

Мы оставили паннѣ Владиславѣ чаю и сахару, а новымъ бржезинскимъ знакомымъ и офицерамъ, стоявшимъ въ Бржезинахъ — номера послѣднихъ газетъ.

Въ Бржезинахъ газеты, оказывается, цѣнились не дешевле чая и сахара. За прочетъ газеты платили по 50 копеекъ, и бывали забавные случаи, что когда мы предлагали кому-нибудь на пути газету, тотъ съ счастливымъ лицомъ лѣзъ въ карманъ, чтобы заплатить за газету, сколько потребуютъ.

Утро было необыкновенно ласковое, а къ полудню стало настолько тепло, что нашъ шофферъ сбросилъ съ себя шубу и остался въ одной кожаной курткѣ.

Автомобиль то легко и быстро мчался по шоссе, то шипѣлъ, охалъ и стоналъ по проселочнымъ грязнымъ дорогамъ и по песку.

Бржезины. Роговъ. Ежовъ. Мѣховицы...

Проѣзжая послѣднюю деревню, я вспомнилъ, какія величественныя впечатлѣнія пережилъ здѣсь при раздачѣ георгіевскихъ крестовъ отличившемуся при осадѣ К—жа N—скому полку. Тогда нѣмцевъ только что выбили изъ окоповъ и прогнали къ Ежову, откуда они послали два бризантныхъ снаряда въ Мѣховицы, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вонъ на той высотѣ за окопами шла панихида по убитымъ.

Вотъ и мельница, около которой разорвались оба снаряда, по счастью, не причинивъ никому вреда.

А вонъ въ той избушкѣ я провелъ необыкновенно трогательный

вечеръ среди молодыхъ артиллеристовъ офицеровъ, которые чествовали своего товарища капитана Н., представленнаго къ георгіевскому кресту.

Часовъ около трехъ мы были уже въ Скерневицахъ, обласканные праздничнымъ сіяющимъ днемъ и великолѣпными картинами природы по пути, среди которыхъ такъ мертвенно-тоскливо чернѣли то обгорѣлыя, то ограбленныя деревни.

Въ этотъ день въ Скерневицахъ, такъ же какъ и въ Колюшкахъ, подшибли нѣмецкій аэропланъ. Затѣмъ мы узнали, что два нѣмецкихъ аэроплана подбили возлѣ Ловича. Несчастный день для нѣмецкихъ аэроплановъ былъ 26 ноября! Четыре аэроплана въ одинъ день!

IV.

Пообѣдавъ въ Скерневицахъ въ знакомомъ уже мнѣ ресторанѣ, мы часа въ 4 выѣхали на Ловичъ.

Приходилось проѣхать довольно большую дорогу по песку, и вотъ, когда мы были уже всего верстахъ въ 8 отъ Ловича, автомобиль сломался. Шофферъ цѣлый часъ провозился около автомобиля и подъ нимъ, что-то отвинчивая и завинчивая, пускалъ въ ходъ моторъ и останавливалъ его, и такъ и этакъ вертя колеса...

Ничто не помогало. Автомобиль не хотѣлъ и не могъ итти. Поломка оказалась очень существенная.

Что тутъ дѣлать? Отъ Скерневицъ далеко, да и въ Ловичъ не дойти пѣшкомъ по зыбучему глубокому песку.

А ужъ наступали сумерки. Отъ Ловича доносилась безпрерывная канонада, а затѣмъ, на мутнѣющемъ небѣ стали вспыхивать уже знакомые всполохи орудійныхъ огней.

Деревня Бѣлховъ, около которой сломался нашъ автомобиль, производила впечатлѣніе совсѣмъ заглохшей. И, дѣйствительно, когда мы сдѣлали попытку достать лошадей, у зажиточныхъ до войны крестьянъ не оказалось ни одной лошади, ни одной подводы.

— Да если бы и было, все равно никто бы не рѣшился ѣхать, — заявили они. — Между Неборовымъ и Ловичемъ на шоссе, какъ птицы, такъ и летятъ нѣмецкіе снаряды. Все шоссе изрыто ими. Не дай Богъ! Жизнь дороже денегъ.

Однако, это обстоятельство только подогрѣло наше желаніе попасть въ Ловичъ.

Какъ разъ въ это время изъ Скерневицъ дотащился къ Бѣлхову извозчикъ.

Мы предложили ему свезти насъ въ Ловичъ, но онъ только рукой махнулъ.

— Куда тутъ въ Ловичъ! До Неборова и то не знай какъ доберусь. Вонъ что съ лошадьми сталось! Ѣсть и то не могутъ. Имъ сперва день отдыхать надо, а потомъ ужъ ѣсть станутъ. Да если бы и могли итти, все равно я бы въ Ловичъ нынче не вернулся, хоть самъ оттуда.

И онъ тоже повторилъ извѣстіе о томъ, что снаряды рвутся на самомъ шоссе и что ѣхать туда —только смерть пугать.

— Знаете что, — обратился къ намъ нашъ товарищъ, онъ же владѣлецъ автомобиля. — Самое благоразумное для васъ вернуться въ Скерневицы вонъ съ той подводой, которая туда направляется. — А ужъ изъ Скерневицъ вы какъ-нибудь съ санитарнымъ или товарнымъ поѣздомъ попадете въ Варшаву. А я останусь здѣсь съ автомобилемъ и какъ-нибудь управлюсь.

Мы было запротестовали: оставить товарища одного въ такомъ глухомъ углу...

— Вотъ то-то и оно-то, что въ глухомъ углу. Ѣсть тутъ, разумѣется, кромѣ картошки, нечего. На одного меня хватитъ тѣхъ припасовъ, что остались у насъ, а пробыть, можетъ статься, прійдется цѣлыя сутки. Мнѣ, все равно, вы пользы не принесете никакой. Поѣзжайте.

Мы помялись-помялись и поѣхали.

Подвода оказалась изъ Ловича. Она благополучно проѣхала шоссе раньше, чѣмъ начался обстрѣлъ, и сидѣли въ ней, кромѣ возницы, два солдатика, ѣхавшіе въ Скерневицы за фуражемъ.

— Какъ дѣла? — спрашиваемъ мы.

— Да ничего дѣла. Пока что, отбиваемъ непріятеля. Ни одной атаки не дозволили ему, лѣшему, а претъ, какъ оголтѣлый. Наши говорятъ, сколько разъ въ плѣнъ забирали раненыхъ и не раненыхъ, такъ всѣ на-чисто пьяные.

— Что же, водку, что ль, они пьютъ?

— Кто ихъ знаетъ. Одни говорятъ, будто коньякъ и спиртъ пьютъ; имъ-то спиртъ для промывки ранъ будто бы дается, а они имъ кишки свои промываютъ. А другіе говорятъ, они кефиръ какой-

то себѣ вспрыскиваютъ. У многихъ офицеровъ, дѣйствительно, и спрынцовочки такія находили. Командира ихняго взяли въ плѣнъ, такъ онъ спьяну-то отъ этого самаго кефира никакъ очухаться не могъ.

— Можетъ, это просто съ устатку они? Шутка ли сказать, безпрерывно вотъ ужъ, почитай, мѣсяцъ день въ день, ночь въ ночь деремся, — нерѣшительно замѣтилъ другой солдатъ. — Намъ и то туго приходится, а нѣмцу гдѣ же безъ этого кефира выдержать.

— Дѣйствительно, безъ малаго мѣсяцъ. Хорошо еще, что противъ вши средство нашли, маленько облегчаетъ.

— Какое же это средство?

— А такое, что берется ртуть и сбивается съ яичнымъ бѣлкомъ до того, что мазь получается. Намазываются этой мазью этакія ленты холщевыя и крестъ на крестъ черезъ плечи на голое тѣло. Вошь этого терпѣть не любитъ. Вся какъ есть пропадаетъ. Очень хорошо.

— Хорошо-то хорошо, — замѣтилъ другой, — да стали солдаты замѣчать, что съ тѣхъ поръ, какъ это средство въ ходъ пошло, зубы начали у многихъ болѣть.

— Это вѣрно. Для зубовъ, говорятъ, оно не тово.

— То-то, что не тово. У другого заболятъ зубы, онъ говоритъ: ужъ лучше бы меня вошь ѣла.

— А кого вошь ѣстъ, кричитъ: ужъ лучше бы зубы болѣли!

Они долго спорили о превосходствѣ одного надъ другимъ. Вопросъ о вшѣ на войнѣ не маленькій вопросъ, и нечего жеманиться и обходить этотъ вопросъ изъ какой-то условной деликатности, разъ отъ этихъ паразитовъ такъ приходится страдать нашимъ солдатамъ. Я самъ видѣлъ эти изодранныя ногтями тѣла, не знающія покоя ни днемъ, ни ночью даже тогда, когда есть возможность отдохнуть.

Пара лошадокъ еле-еле тащила телѣгу по песку. Ночь была чудесная, тихая, теплая, звѣздная. А пушки все грохотали и грохотали подъ Ловичемъ, и все метались и метались надъ горизонтомъ, какъ зарницы, багровые огни.

Отъ солдатъ мы узнали, что вчера и сегодня множество снарядовъ упало въ Ловичъ, разрушая дома, калѣча людей.

— А все-таки прогонимъ мы ихъ отъ Ловича! — твердо заявилъ солдатъ. — И никакой кефиръ имъ не поможетъ.

— Не поможетъ! — поддержалъ его и другой.

**
*

Кое-какъ мы, наконецъ, добрались до Скерневицъ, откуда цѣлыхъ 8 часовъ ѣхали до Варшавы, въ то время, какъ обыкновенно поѣздъ проходитъ этотъ путь въ одинъ часъ.

Безсонная ночь тянулась безконечно длительно, и почти всю дорогу, выходя на площадку изъ вагона подышать свѣжимъ воздухомъ, я слышалъ, какъ вдали грохотала пушечная канонада, точно самъ дьяволъ смѣялся торжествующимъ хохотомъ и бросалъ въ сумракъ багровыя молніи злыхъ, налитыхъ кровью глазъ.

У СОХАЧЕВА.

I.

Послѣ завтра по новому стилю Рождество.

Вотъ уже нѣсколько дней встрѣчаются на улицахъ Варшавы возы съ зелеными елками.

То шли все — военные обозы, зарядные ящики, орудія, а то вдругъ среди нихъ — возы съ елками.

Знаешь, что знаменуютъ собою эти зеленыя срубленныя деревца, и въ душѣ затепливается улыбка. Пусть въ эти тяжелые дни хоть дѣти будутъ свѣтлы и радостны; имъ не понять истиннаго смысла нынѣшней войны, да и не надо, чтобы они вникали въ это: человѣческая кровь, трупы и пожары и для всѣхъ людей остаются кровью, трупами и пожарами, но мы имѣемъ утѣшеніе знать, что черезъ эти неизбѣжныя страшныя жертвы, черезъ эти бѣдствія идемъ къ новой жизни, а для дѣтей — новая жизнь — это новыя забавы, новыя игрушки. Пусть же они и получаютъ въ этотъ дѣтскій праздникъ то, что принадлежитъ имъ по праву.

Помню, десять лѣтъ тому назадъ, я напечаталъ въ рождественскій день стихотвореніе:

Мой мальчикъ, въ этотъ страшный годъ
Мы елку не зажжемъ.
Христосъ-Младенецъ не прійдетъ
Въ нашъ освященный домъ,
Не дастъ благословенья намъ

На радость и покой.
Христосъ-Младенецъ будетъ тамъ,
Гдѣ льется кровь рѣкой.

И нынѣ будетъ, конечно, трауръ во многихъ домахъ и семьяхъ, и нынче многіе переживутъ то, что выражено въ этихъ строкахъ, но, повторяю, сущность нынѣшнихъ жертвъ иная. Пусть трауръ остается трауромъ, но наша совѣсть, но совѣсть всѣхъ, кто непосредственно или черезъ своихъ близкихъ несетъ на себѣ тяжкое бремя этой войны — должна быть свѣтла, и Христосъ-Младенецъ съ особенной заботливостью и нѣжностью пріидетъ именно въ тѣ дома, гдѣ особенно остро и мучительно ощущаются эти жертвы.

Вѣроятно, не въ одной изъ елокъ, которыя будутъ украшены дѣтскими игрушками и освѣщены яркими свѣчечками, сидятъ въ стволѣ пули, такъ какъ всѣ эти деревца привезены изъ окрестныхъ лѣсовъ, гдѣ шли сентябрьскіе бои съ наступавшими на Варшаву нѣмцами; но раны, нанесенныя пулями деревьямъ, успѣли закрыться; такъ же пусть закроются и тѣ раны, которыя нанесены осиротѣлымъ сердцамъ, и пусть главнымъ лѣкарствомъ будетъ то, что эти утраты — за родину, за ея неприкосновенность, за всѣхъ насъ, въ глубокомъ тылу сидящихъ...

II.

День нынче теплый и сѣрый.

Совсѣмъ не похоже на зиму.

Еще рано поутру изморозь, или маленькій снѣжокъ, покрылъ городскія крыши и даже землю, тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не касаются или мало касаются человѣческія ноги, но это точно для красоты сдѣлано; удивительно живописны тронутыя снѣжной бѣлизной сѣрыя зданія города и красивые памятники Варшавы и берега Вислы, которая не хочетъ замерзать, какъ-будто зная, что покуда она еще нужна намъ, какъ живая грань между русскими и непріятельскими наступающими войсками.

Небо — тона талаго снѣга. Тихо, безвѣтренно, и тучи неподвижно и низко висятъ, куда ни посмотришь. Съ видныхъ варшавскихъ улицъ заботливо убираютъ грязь, но на окраинахъ и за городомъ по проселочнымъ дорогамъ — хлябь и топь. Тутъ тяжело выбираться лошадямъ и только волы, напрягая могучія шеи, упорно и медленно тянутъ тяжелые возы, нагруженные фуражомъ.

Шоссе порядочно расшатано безпрерывнымъ, день и ночь идущимъ движеніемъ, особенно — правая сторона, что свидѣтельствуетъ о томъ, что движеніе идетъ больше отъ Варшавы, чѣмъ къ Варшавѣ. Автомобиль покачивается, ныряетъ, а то такъ и ощутительно подпрыгиваетъ и оставляетъ за своими широкими колесами вѣерами разлетающіеся фонтаны грязи.

Мы ѣдемъ къ Сохачеву, гдѣ день и ночь идутъ бои, которые продолжаются въ ловичскомъ районѣ уже больше сорока дней. Сколько разъ уже я ѣздилъ по этой дорогѣ, сколько разъ видѣлъ эти печальныя пепелища, эти снесенныя снарядами, точно откушенныя грандіозными зубами деревья и фабричныя трубы, и все же не могу привыкнуть къ нимъ: попрежнему грустно, что эти зіяющія раны не залѣчены, а когда имъ было залѣчиться! Времени прошло не много, да и время такое, что не для лѣченія.

Помимо неудобства дороги, движеніе наше нѣсколько задерживается то проходящими войсками, то обозами. Въ этотъ сѣрый будничный день — все сѣро, буднично и тускло на фонѣ черной вымокшей земли, съ неожиданно проступающими зелеными пятнами озимей.

Особенно эту будничность и сѣрость подчеркиваютъ голыя деревья, которыя кажутся больными и удрученными судьбою своихъ срубленныхъ и искалѣченныхъ сосѣдей.

Но сѣрость и будничность этого дня идетъ къ войнѣ, которая и сама по себѣ — сѣрое и будничное дѣло. Лубочная красочность, излюбленная нѣкоторыми бытописателями, не идетъ къ характеру войны. Конечно, бываютъ яркія картины боевъ, буйныя схватки, огненныя проявленія отваги, но все это моменты и не въ нихъ истинная суть войны. Истинная суть — вотъ это сѣрое спокойствіе, упорство, терпѣніе, выносливость. И главный героизмъ именно въ этомъ, а не въ фейерверочныхъ порывахъ, о которыхъ любятъ говорить и которыхъ всегда ждутъ отъ газетъ обыватели.

Истинную вѣру въ наше торжество, въ нашу огнеупорную силу внушаютъ не эти молодецкіе подвиги, а сѣрое подвижничество нашихъ солдатъ и ихъ безпримѣрная стойкость.

Вотъ они идутъ вдоль шоссе въ своихъ тяжелыхъ отсырѣвшихъ шинеляхъ, въ своихъ прокисшихъ отъ слякоти и дальнихъ путей тяжелыхъ сапогахъ, съ мѣшками, манерками и винтовками, идутъ неторопливо и даже какъ-будто хмуро. Но вѣдь и идутъ-то не на

праздникъ, не на веселье. Съ такими же лицами они и пахать и сѣять идутъ. И вотъ эти-то лица, это строгое спокойствіе, въ которомъ нѣтъ, однако, и тѣни вялости, и внушаетъ беззавѣтное довѣріе къ этимъ сѣрымъ, отсырѣвшимъ шинелямъ.

Навстрѣчу намъ ведутъ нѣмецкихъ плѣнныхъ. Тоже все простые солдаты. И невольно всматриваешься въ ихъ лица съ острымъ и пристальнымъ вниманіемъ...

Ихъ человѣкъ шестьдесятъ. Одѣты они плохо. Много есть въ очкахъ, съ интеллигентными физіономіями. Это, кажется, тѣ самые кавалеристы, которые въ эту ночь, съ цѣлью развѣдки, переправились черезъ рѣку Бзуру, неподалеку отъ Сохачева.

Наши дали имъ переправиться, а затѣмъ взяли, что называется, голыми руками почти весь эскадронъ.

Среди промелькавшихся экипажей всевозможныхъ типовъ, автомобилей, автобусовъ, повозокъ съ ранеными, автомобилей-грузовиковъ и т. п. попались намъ навстрѣчу два бронированныхъ автомобиля-пулемета. Сверху до низу они покрыты грязью и копотью, и люди въ нихъ — тоже закоптѣлые, обвѣтренные. Говорятъ, они много поработали нынѣшнею ночью неподалеку отъ Болимова, гдѣ, по слухамъ, уничтожена цѣлая непріятельская дивизія и взято много орудій и плѣнныхъ.

Автомобиль нашъ промчался черезъ полотно желѣзной дороги у ст. Блони и мчится все дальше и дальше.

Ниже спускаются тучи. Уже сѣдыми клочковатыми космами тумана цѣпляются онѣ за голыя деревья и кустарники, какъ жидкимъ молокомъ обливаютъ печальную даль и затягиваютъ сѣренькой вуалью всѣ предметы и людей, которые въ нѣкоторомъ отдаленіи уже представляются призраками, тѣнями, движущимися на сѣромъ необъятномъ экранѣ.

Несмотря на ниспадающую сырость, отъ которой кожаный шлемъ на головѣ у шоффера блеститъ, какъ мѣдная каска, издали начинаетъ доноситься внушительное грохотанье орудій.

Въ ясную погоду отъ этого грохотанья трещало бы въ ушахъ, такъ какъ мы уже перемахнули въ районъ обстрѣла, но обильная сырость тумана глушитъ звуки, какъ вата.

Автомобиль, мчавшійся впереди насъ въ Сохачевъ, вдругъ останавливается у насъ на глазахъ и, быстро поворотивъ назадъ, мчится намъ навстрѣчу.

Изъ этого автомобиля кто-то возбужденно и испуганно машетъ намъ руками и на ходу мы слышимъ только — предупредительно брошенныя слова:

— Не рискуйте. Тамъ снаряды рвутся. Сейчасъ только...

Послѣднихъ словъ разобрать нельзя, но о нихъ не трудно догадаться, да мы и сами знаемъ это.

Автомобиль нашъ останавливается только тогда, когда мы уже на позиціи, у самыхъ окоповъ.

Окопы вырыты только сегодня. Съ самаго разсвѣта работали наши солдаты и отлично окопались на далекое разстояніе. Кое-гдѣ еще копошатся люди, тамъ работа не кончена, но отъ дороги на дальнее разстояніе вправо и влѣво люди отлично устроились. Окопы глубокіе и просторные и идутъ они въ видѣ связанныхъ между собою у основанія буквъ—Л. Въ нѣкоторыхъ окопахъ даже соломка настлана, и тамъ преспокойно развалились люди. Нѣкоторые покуриваютъ, другіе смазываютъ винтовки и переговариваются между собою.

— Н-ну, вотъ у насъ нонче ночью потѣха-то была! — растягивая слова, говоритъ сидящій съ краю въ окопѣ на корточкахъ солдатъ, смѣшно поднимая брови при каждой новой фразѣ, неизмѣнно начинавшейся съ — ну.

— Ну, были мы верстахъ въ трехъ отседова въ имѣніи. — Н-ну, расположились, какъ дома. Ну, отдохнуть и все такое. Мы отдыхаемъ, а полкъ-отъ нашъ и уйди. Н-ну, только мы шлышимъ шумъ. Никакъ, молъ, шумъ-отъ нѣмецкій? Н-ну, мы тишкомъ да молчкомъ на утекъ, потому ихъ сила.

— Да, можетъ, это и не нѣмцы были?

— Какъ же не нѣмцы? Чай ихъ слышно за стѣной-то.

— А, можетъ, это борова за стѣной-то чесались да хрюкали...

— Никакъ невозможно. Борова по-нѣмецкому не разговариваютъ.

— Ты больно понимаешь, по-нѣмецкому это, аль не по-нѣмецкому.

— Я-то?

— Ты-то.

— Ну, жалко мнѣ тебя, а то...

— А то что?

— Ну, а то я бы такъ тебя по-нѣмецкому обложилъ, что ты бы до Рождества не вылѣзъ...

— Хвастай.

— А давай спорить, что обложу.

— По-нѣмецкому?

— По-нѣмецкому.

— Давай. На что жъ будемъ спорить?

— Ну, на восьмушку махорки.

— Валяй. Разнимайте, братцы.

Ударили по рукамъ. Свидѣтели разняли.

— Ладно, доказывай, какой ты нѣмецъ.

Спорщикъ поднялся съ корточекъ, обвелъ всѣхъ серьезнымъ взглядомъ и предупредилъ противника:

— Ну, только вотъ свидѣтели, чтобы не обиждаться.

— Не обижусь, будь спокоенъ. Посмотримъ, какой ты есть нѣмецъ.

Тогда «нѣмецъ» подбоченился, напряженно скривилъ ротъ, сдѣлалъ свирѣпые глаза и единымъ махомъ выпалилъ.

— Ну, даннеръ-вѣтеръ-миска-путъ!

Всѣ такъ и покатились со смѣха.

— Ой, нѣмецъ! Какъ есть по настоящему, по-нѣмецкому.

Махорку признали выигранной имъ. Противникъ сконфуженно согласился и даже призналъ:

— Дѣйствительно, сукинъ сынъ. Кругло вышло.

Подходитъ дорожная кухня. Идутъ за щами, и запахъ жирныхъ щей заставляетъ солдатъ пріятно ухмыляться и весело пошучивать.

— Сидоровъ, небойсь, щей не хочетъ, ждетъ нѣмецкаго пирога съ начинкой.

— Самъ ѣшь, ежели хочешь, а я не больно его люблю.

— Что, видно, горячъ?

— Горячъ да и жестокъ: не по зубамъ.

По всѣмъ извилинамъ окоповъ, скрытые то съ головой, то до плечъ, шевелятся люди. Винтовки положены на бугорокъ передъ окопами. И представить себѣ невозможно, что эти люди въ опасности.

А между тѣмъ, всего пять минутъ тому назадъ здѣсь разорвался непріятельскій снарядъ: пирогъ, какъ называютъ его одни; чемоданъ, — какъ зовутъ другіе.

— Вотъ тутъ какъ разъ и хлопнулъ, — недовольно сообщаетъ солдатикъ изъ окопа, указывая саженъ на десять впереди окопа.— Близко, а въ насъ не потрафилъ.

— Не накликай.

— Такимъ словомъ не накличешь.

Лежащій въ уголкѣ окопа на соломѣ молодой солдатикъ съ рыбьимъ ртомъ равнодушно замѣчаетъ:

— Они артиллерію нащупываютъ.

— А много за нынѣшній день снарядовъ тутъ упало? — задаетъ вопросъ мой спутникъ.

— Не. Штукъ, двѣнадцать-тринадцать, не больше. Только пока ничего...

— Не накликай, говорятъ тебѣ! — опять останавливаетъ ворчливый голосъ.

— Да что ты все, не накликай да не накликай! — обрываетъ его солдатъ, только что съѣвшій щи, затыкая за голенище сапога тщательно облизанную деревянную ложку. — Ежели такъ, такъ и слова сказать нельзя.

— Слово слову — рознь

Орудійные выстрѣлы упруго и тяжко толкаютъ воздухъ. Когда они на минуту смолкаютъ, слышно щелканье винтовокъ и змѣиное шипѣнье пуль. Но издали въ туманѣ теперь трудно, почти невозможно разсмотрѣть врага, и пули летаютъ на-удачу.

— Ба-ба-ба! — съ выраженіемъ изумленія грохочутъ пушки.

— Тсс-тсс... тсс... — шипятъ пули.

— Сейчасъ опять нужно ждать гостью на мельницу, — не обращая вниманія на эту привычную музыку, говоритъ малорослый худощавый солдатикъ съ осипшимъ голосомъ.

Мельница, вѣрнѣе, скелетъ ея, стоитъ справа отъ окоповъ, саженяхъ въ тридцати. Она почти вся разобрана извнѣ, осталась только крыша да крылья, которые производятъ дикое впечатлѣніе на этомъ ободранномъ черномъ остовѣ.

— Да, я давеча чуть не угодилъ подъ шрапнель, — говоритъ красивый солдатъ съ черными острыми глазами. — Пошелъ наломать изъ мельницы досочекъ, а онъ какъ ахнетъ! — И вдругъ, разсердившись на мельницу, солдатъ рѣзко сказалъ:—Надо ее безпремѣнно къ чортовой матери разнести, а то она больно ужъ къ себѣ ихъ притягиваетъ.

Орудія продолжали грохотать. Шипѣли пули, а по сосѣдству изъ окоповъ высовывали свои коротенькія жала наши пулеметы.

Надо было ѣхать, чтобы ночью не путаться съ автомобилемъ среди обозовъ и непрерывно идущихъ войскъ.

Мы простились съ солдатами и пошли по направленію къ автомобилю, который стоялъ въ болѣе надежномъ мѣстѣ, чѣмъ мы.

Не успѣли отойти и нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ пальба, свистъ пуль и грохотъ орудій участились.

Я обернулся назадъ, туда, откуда шелъ этотъ грохотъ. Небо было попрежнему тускло; уже предзакатныя тѣни скользнули по сплошнымъ тучамъ — и въ прорывѣ близъ горизонта свѣсилась ярко-красная полоса.

Черезъ мгновеніе въ эту полосу пробился краешекъ солнца, который запылалъ надъ туманною далью, какъ всевидящее око.

И вотъ, сквозь все учащающійся грохотъ, ударилъ наиболѣе тяжелый громъ. Въ ту же минуту приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли мы четверть часа тому назадъ, взвился бѣлый столбъ дыма.

— Видѣли! Видѣли! — крикнулъ мнѣ мой спутникъ.

Да, я видѣлъ этотъ бѣлый столбъ вплоть до того, какъ онъ слился съ туманомъ.

Ни малѣйшаго замѣшательства послѣ этого тамъ не произошло. Попрежнему извивался, какъ легкая зыбь волны, нашъ окопъ и попрежнему, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, смутно выступали въ туманѣ тѣни всадника и копошащихся людей.

Померкло, и, какъ мертвой пленой, затянулось огненно-красное око-солнце.

Зато одинъ за другимъ, почти на его мѣстѣ, вспыхнули такія же огненно-красныя зарницы, а за этими зарницами загрохотали орудія еще ближе, чѣмъ раньше.

Это отвѣчала наша артиллерія.

Я стоялъ, какъ бы загипнотизированный этими грозными раскатами: точно двѣ тучи перебрасывались рокочущими громами.

Вдругъ, большая холодная капля, сорвавшаяся съ голой вѣтки дерева, подъ которымъ я стоялъ, заставила меня вздрогнуть и очнуться. Я съ трудомъ оторвался отъ этой музыки смерти и пошелъ къ автомобилю.

ПОДВИГЪ.

I.

На-дняхъ, у одного изъ любителей старины я видѣлъ цѣлую коллекцію стариннаго оружія и подивился необыкновенной красотѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. Украшенныя инкрустаціей изъ золота, серебра и перламутра, эти ружья, сабли, пистолеты представлялись мнѣ настоящими произведеніями искусства. И чувствовалась на нихъ не только рука мастера, но и того, для кого они дѣлались. И, пожалуй, еще больше — рука и даже душа послѣдняго. Становилось до очевидности ясно, что тѣ, для кого эти смертоубійственныя вещи дѣлались, любили ихъ и любили то дѣло, которому они служили, то-есть войну.

Встрѣча съ врагомъ грудь съ грудью, лицомъ къ лицу, требовала въ тѣ времена эстетическихъ элементовъ, чтобы врагъ не только боялся своего противника, но и уважалъ его и удивлялся и завидовалъ ему. Конечно, война оставалась войной, то-есть, въ итогѣ неизбѣжны были кровь и смерть, но тѣмъ настойчивѣе было желаніе украсить эти вещи, окружить ихъ извѣстнымъ ореоломъ. Совсѣмъ не то настоящая война. Здѣсь враги чаще всего стараются поражать друга друга издали при помощи хитрыхъ машинъ, разсчитанныхъ на самую строгую математику, и машины эти во что бы то ни стало надо скрывать отъ пытливыхъ взглядовъ непріятельскихъ глазъ. А когда приходится итти въ рукопашную, опять-таки доводятъ встрѣчу грудь съ грудью до послѣдняго предѣла и бросаются изъ вырытыхъ окоповъ, гдѣ таились въ логовищахъ, — чаще всего ночью, чтобы застать непріятеля врасплохъ.

И все же сражающіеся любятъ свои орудія, привыкаютъ къ нимъ и относятся къ нимъ часто съ нѣжной заботливостью не только какъ къ собственнымъ своимъ друзьямъ, но и какъ къ друзьямъ и спасителямъ своихъ товарищей, даже своей родины. И потому, что люди нынче стали совсѣмъ иные, чѣмъ раньше, потому, что человѣческая натура усложнилась и стала тоньше и воспріимчивѣе, человѣкъ-воинъ глубже переживаетъ свои ощущенія, и героизмъ, проявляемый имъ, на мой взглядъ, гораздо болѣе высокаго достоинства.

Подвиги надо цѣнить не только по слѣдствіямъ, которыя они вызываютъ, и даже не только средствами, которыми они достигаются, но и мотивами и тѣми переживаніями, которыя сопровождаютъ ихъ.

Послѣднія сраженія даютъ огромный матеріалъ для наблюдателя, — не только боевой, но и бытовой, психологическій матеріалъ. Пожалуй, больше всего — артиллерійскіе бои, когда за нѣсколько верстъ другъ отъ друга, другъ другу невидимые и почти невѣдомые враги обмѣниваются рвущими и разрывающимися съ громовымъ трескомъ снарядами, которые выбиваютъ изъ строя однимъ ударомъ десятки людей, зажигаютъ пожары, взрываютъ землю на большія пространства и имѣютъ цѣлью не только уничтожить, но и напугать противника. Тутъ важенъ почти исключительно точный математическій расчетъ, устанавливаемый частью личными наблюденіями командующихъ, частью ихъ опытностью и находчивостью, но больше всего — тѣми данными, которыя даются предварительной развѣдкой кавалеристовъ или авіаторовъ. Но въ послѣдніе дни приходится быть свидѣтелями новаго рода выступленій съ нашей стороны, и, если каждое орудіе на войнѣ требуетъ знаній, сноровки и храбрости, послѣдніе — бронированные пулеметы, требуютъ особенно всѣхъ этихъ качествъ. И нигдѣ личная иниціатива, самообладаніе и воинское чутье не играютъ подчасъ такой огромной роли, какъ именно въ обращеніи съ этими машинами.

II.

Штабсъ-капитанъ Гурдовъ только что совершилъ подвигъ, за который представленъ къ Георгію.

Я смотрю на эту невысокую стройную фигуру, на это молодое, тщательно выбритое лицо съ маленькими черными усиками, на эти проницательные, умные глаза и, переживъ вмѣстѣ съ нимъ все, что онъ совершилъ, изумляюсь гибкости и разнообразію человѣческихъ чувствъ.

Вотъ онъ сидитъ со мной рядомъ, слушая музыку Чайковскаго, и я вижу ясно въ чертахъ этого интеллигентнаго лица отраженіе музыкальныхъ звуковъ. Я вижу, какъ они проходятъ по этому лицу, какъ скользящіе отблески свѣта отражаются въ глазахъ и освѣщаютъ это лицо тихой грустью и нѣжностью.

Шт.-кап. Гурдовъ самъ музыкантъ, обожаетъ музыку, понимаетъ и чувствуетъ ее. Но ему приходится въ послѣднее время слышать больше симфонію войны, грохотъ орудій, шипѣніе и свистъ снарядовъ и жужжанье пуль, чѣмъ мелодіи и гармонію музыкальныхъ инструментовъ.

Трудно сказать, въ чемъ и какъ эти двѣ стихіи, музыка и война, соприкасаются между собою, но въ его сложной душѣ и та и другая находятъ свое отраженіе и, можетъ быть, гдѣ-то въ тайникахъ этой души сливаются между собою.

По образованію шт.-кап. Гурдовъ инженеръ, преподаватель спеціальныхъ техническихъ наукъ въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній. До того, какъ заняться педагогической дѣятельностью, онъ находился въ подводномъ плаваніи.

— Это поразительно интересная вещь! — съ восторгомъ говоритъ онъ. — Я бы ни за что не промѣнялъ подводное плаваніе на другую спеціальность, если бы... не бронированные автомобили.

Но если вы выведете изъ этого заключеніе, что шт.-кап. Гурдовъ любитъ море,—ошибетесь.

— Терпѣть не могу моря, — говоритъ онъ съ обычной страстностью. — Ненавижу, когда оно брызжетъ мнѣ въ лицо своими липкими холодными брызгами. Не люблю купаться въ морѣ и совершенно не умѣю поэтому плавать. Но подъ водой... О, это совсѣмъ другое дѣло. Когда моя лодка опускается подъ воду, въ это безконечное царство тишины и покоя, — тогда другое дѣло. Это настоящее блаженство. Тутъ есть ни съ чѣмъ несравнимое опьянѣніе.

— А бронированный пулеметъ?

— А бронированный пулеметъ — это еще болѣе живая вещь — и не мудрено, что онъ мнѣ кажется еще болѣе живымъ: вѣдь бронированный пулеметъ намъ приходилось создавать самимъ.

И шт.-кап. Гурдовъ разсказываетъ, какъ создавалась при его участіи, на глазахъ у него эта машина.

Я самъ хорошо видѣлъ ее.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе простое и будничное на видъ.

Къ этому неуклюжему на видъ ящику старые вояки чувствовали сначала пренебрежительное недовѣріе. Но шт.-кап. Гурдовъ первый сдѣлалъ на немъ чудо, и теперь бронированные автомобили— желанный сотрудникъ нашихъ войскъ.

III.

Послѣ того, какъ подъ Лодзью наша армія отразила нѣмцевъ, они пошли на Л. въ обходъ, намѣреваясь занять г. Пабіаницы, который являлся непосредственными воротами Л.

Уже непріятель былъ всего въ двухъ часахъ пути отъ П., въ то время, какъ туда прибылъ шт.-кап. Гурдовъ съ своими бронированными автомобилями.

До сихъ поръ у шт.-кап. Гурдова были только незначительные опыты съ этими вѣрными, но требовательными машинами, которыя надо было не только изучить и провѣрить на дѣлѣ, но и, такъ сказать, приручить къ себѣ, какъ приручаютъ не всегда покорныхъ звѣрей.

Та теорія, которая была создана для управленія этими машинами, оказывалась совершенно непригодной на дѣлѣ.

Теорія говорила одно, а дѣло требовало другого.

Были десятки теоретическихъ подробностей, которыя сами собой падали въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, и шт.-кап. Гурдовъ зналъ это и потому дѣйствовалъ такъ, какъ приказывали его недолговременный, но достаточный для его зоркаго взгляда и ума опытъ, его отвага, находчивость и вдохновеніе. Да, именно вдохновеніе, потому что, какъ съ музыкальнымъ инструментомъ, съ этими машинами требовалось вдохновеніе и, какъ увидите дальше, ему, музыканту-віолончелисту, пришлось, какъ Паганини, играть на одной струнѣ, когда всѣ остальныя струны лопались одна за другой.

IV.

Передъ тѣмъ, какъ шт.-кап. Гурдовъ совершилъ подъ П—ми подвигъ огромной боевой важности, ему пришлось также имѣть серьезное дѣло подъ Л.

Во что бы то ни стало, надо было удержать непріятеля, подавлявшаго своею численностью нашу войсковую часть, и не допустить прорыва нашей оборонительной линіи со стороны Л—къ.

Шт.-кап. Гурдовъ поспѣшилъ навстрѣчу съ своими пулеметными автомобилями и встрѣтилъ на дорогѣ нашу отступавшую часть.

Командовавшій этой частью поручикъ не подозрѣвалъ, что у насъ также появились пулеметные автомобили.

— Окружить! — скомандовалъ онъ, полагая, что встрѣтилъ нѣмца, зарвавшагося съ тыла.

Не сразу удалось разбить это недоразумѣніе. То, что начальникъ пулеметныхъ автомобилей имѣлъ русскую форму и отлично говорилъ по-русски, для него было еще не доказательство: случалось иногда, что нѣмцы, проведшіе большую часть своей жизни въ Россіи и затѣмъ попавшіе въ свою армію, вводили въ заблужденіе наши войска своимъ чистымъ русскимъ языкомъ.

Поручикъ вообразилъ, что передъ нимъ именно такой нѣмецкій оборотень.

— Сдавайся! — кричалъ онъ, съ угрозой подступая къ пулеметчику.

Только когда подошли наши солдаты, слѣдовавшіе за автомобилемъ на помощь фланговой цѣпи — недоразумѣніе разрѣшилось.

Отступавшіе ободрились и вернулись обратно вмѣстѣ съ новыми частями.

И тутъ-то, при первой серьезной встрѣчѣ съ врагомъ, автомобили-пулеметы показали свою силу и значеніе въ твердыхъ и талантливыхъ рукахъ.

До сихъ поръ, каждый разъ, какъ приходилось разспрашивать о дѣйствіи подобныхъ орудій у нѣмцевъ, никто не могъ толкомъ объяснить ихъ истиннаго смысла и дѣйствія. Во всемъ его объемѣ не подозрѣвалъ до сихъ поръ этого и самъ шт.-кап. Г.

И только послѣ серьезнаго экзамена, который требовался отъ него на этотъ разъ, понялъ, что сила, которая находится въ его рукахъ, способна нагнать суевѣрный ужасъ на врага своимъ сокрушительнымъ, убійственнымъ огнемъ.

И онъ не только увѣровалъ въ эту силу, но и какъ бы породнился съ нею. Для него эти пулеметы, которые могли быстро перебрасываться съ мѣста на мѣсто и, хотя неклюже и медленно, — могли вращаться во всѣ стороны и каждымъ огненнымъ дыханіемъ своимъ приносить ужасъ, — являлись какъ бы живыми, послушными существами, которыхъ иногда хотѣлось погладить по разгоряченнымъ мѣднымъ хребтамъ, похвалить за работу, пожалѣть, какъ близкихъ, за тѣ раны и удары, которые нанесены имъ врагомъ, даже поблагодарить за усердіе.

V.

После хорошо выполненнаго дела подъ Л., когда удалось не только удержать непріятеля, но и установить нашу связь, шт.-кап. Гурдовъ надеялся какъ следуетъ отдохнуть.

Какъ следуетъ, — это означало раздеться, лечь въ постель и выспаться.

Уже целыхъ две недели онъ лишенъ былъ такого удовольствія. Целыхъ две недели приходилось засыпать где и какъ попало, не снимая съ себя верхняго платья, чтобы каждую минуту быть готовымъ вскочить въ свою железную подвижную крепость и броситься на врага.

Усталъ мозгъ, устали нервы отъ постояннаго лихорадочнаго напряженія и тревоги.

И еще более устало тело отъ этой огненной жизни въ дыму и грохоте орудій, отъ этихъ почти безсонныхъ кошмарныхъ ночей, когда долго не снимаемое платье тяготитъ, какъ вериги, и кажется, что даже кости ноютъ и болятъ отъ толчковъ объ острые углы железа въ тесномъ металлическомъ ящике.

И вотъ, въ то время, какъ Г. уже готовился къ сладостному и заслуженному покою, къ нему постучались.

— Что такое?

— Приказъ немедленно явиться въ штабъ корпуса.

Было уже два часа ночи. Очевидно, дело чрезвычайной важности, если требуютъ въ столь поздній часъ, да еще после только что выполненной нелегкой задачи.

Шт.-кап. Гурдовъ черезъ минуту былъ готовъ, а черезъ несколько минутъ уже стоялъ передъ начальствомъ въ штабе, бодрый, сильный, готовый на новую борьбу, на новые подвиги.

Гибка и упруга человеческая природа, особенно въ молодости, и особенно—при той дисциплине, которая подчиняетъ имеющіяся въ наличности силы железной необходимости, а въ случае крайней нужды вызываетъ къ жизни и те запасы ихъ, что у вялыхъ и недисциплинированныхъ натуръ плесневютъ и погибаютъ въ замкнутыхъ тайникахъ.

На столе была разложена большая карта.

— Вотъ здѣсь, — было сказано шт.-кап. Гурдову, — всего въ двухъ часахъ отъ насъ, по шоссе, готовы двинуться на П. непріятельскія колонны, три полка. У насъ всего одинъ полкъ противостоитъ ихъ движенію. Понимаете? Возьмете ли вы на себя задачу съ своими пулеметными автомобилями, если не прогнать врага, то хоть удержать его движеніе къ П—мъ, черезъ которыя грозитъ прорывъ непріятеля въ г. Л.?

Шт.-кап. Гурдовъ отвѣтилъ, что не можетъ поручиться за успѣхъ первой задачи; что касается задержанія врага, — надѣется, что эту задачу ему удастся выполнить по мѣрѣ силъ.

— Этого будетъ вполнѣ достаточно, чтобы спасти г. Л. Въ скоромъ времени должны подоспѣть войска, которыя намъ пришлось поневолѣ растянуть въ слишкомъ длинную линію по флангу. Идите же съ Богомъ.

Шт.-кап. Гурдовъ готовъ уже былъ повернуться въ дверяхъ, когда въ штабъ быстро вошелъ адъютантъ съ донесеніемъ, только что полученнымъ отъ курьера.

На шоссе, идущемъ отъ Л. къ П—мъ, отступаетъ нашъ батальонъ подъ жестокимъ обстрѣломъ непріятельской артиллеріи.

Снаряды падаютъ и рвутся на шоссе, недалеко отъ деревни, отстоящей въ четырехъ верстахъ отъ П—цъ.

— Дѣлать нечего,—сказали шт.-кап. Гурдову. — Раздѣлите отрядъ, и часть пулеметныхъ автомобилей направьте въ сторону Л—скаго шоссе.

VI.

Былъ четвертый часъ ночи, когда шт.-кап. Гурдовъ вышелъ изъ штаба.

Тяжелыя тучи клубились въ небѣ, какъ дикія мысли и чудовищные образы въ горячечномъ бреду, быстро мѣняя свои формы и какъ бы грозя придавить молчаливую землю.

Какая огромная разница была между минувшимъ яснымъ вечеромъ, полнымъ луннаго свѣта и легкихъ облаковъ, и этой холодной, пронзительной ночью, заставлявшей ежиться отъ липкой, ѣдкой сырости.

Казалось, что этотъ вечеръ, окончившійся такъ удачно для автомобильно-пулеметнаго отряда, былъ ужасно давно и не имѣлъ ничего общаго съ этимъ ненастьемъ и мракомъ.

Иногда лишь въ прорывѣ тучъ открывались глубокія звѣздныя окна въ другой, далекій, сіяющій міръ, и эти просвѣты, эти золотыя искорки звѣздъ таинственнымъ образомъ зажигали въ душѣ Гурдова увѣренность, что все будетъ хорошо.

Усталости не оставалось въ тѣлѣ и слѣда. Ночной вѣтеръ пріятно и ласково умывалъ лицо, проникая какъ-будто въ самую кровь и освѣжая ее. Тѣло становилось легкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкимъ, какъ-будто стальная машина, въ которой стоялъ ея начальникъ, сообщала ему свою металлическую упругость, роднила его съ собою.

Его команда была также молодецъ къ молодцу.

За эти дни опасныхъ и грозныхъ испытаній они успѣли такъ спаяться между собою, что дѣйствовали, какъ отлично пригнанныя части одной машины, душа которой ярко свѣтилась въ ихъ начальникѣ.

Весь отрядъ состоялъ изъ пяти машинъ: четыре съ тремя пулеметами каждая и одна — съ пушкой.

Тотчасъ же за П—ми шоссе развѣтвлялось: одна вѣтвь шла на сѣверо-западъ, и тамъ стояли три непріятельскихъ колонны, три полка.

Другая вѣтвь шла на Л—ки, и оттуда доносилась орудійная канонада, отъ которой вздрагивалъ воздухъ, и сумракъ вспыхивалъ кровавыми и синими огнями...

На перепутьи отрядъ раздѣлился.

Два автомобильныхъ пулемета подъ командой шт.-кап. Ш. направились въ ту сторону, откуда, по первому донесенію, двигались три непріятельскихъ колонны.

А два другихъ пулеметныхъ автомобиля, подъ командой шт.-кап. Гурдова, должны были направиться по Л—му шоссе.

Автомобиль-пушку рѣшено было оставить на перекресткѣ, чтобы вызвать ее, когда будетъ нужно, на помощь туда, гдѣ придется особенно трудно.

И въ то время, какъ автомобиль съ орудіемъ остановился на перекресткѣ дорогъ, четыре небольшихъ, не страшныхъ на видъ машины, сдержанно ворча и постукивая сильными моторами, покатились въ разныя стороны, навстрѣчу врагу.

Четыре желѣзныхъ крѣпости, въ которыхъ, кромѣ шоффера, было всего по четыре человѣка.

Холодныя ночныя тѣни лежали на землѣ, сырой и грязной отъ липкаго тумана.

И къ этому туману прибавилась еще слякоть, которую роняли тучи: не то дождь, не то снѣгъ.

Шоссе нѣкоторое время было пустынно, но теряющаяся въ ненастномъ сумракѣ даль таила въ себѣ угрозу и ужасъ.

Кровавымъ пламенемъ прорѣзывали сумракъ орудійные огни, и тяжелые взрывы заглушали торопливый стукъ и хрипъ машинъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ дорожнаго узла, около деревни, наполовину покинутой и мрачной, встрѣтили они батальонъ N—скаго полка, расположившійся подъ защитой деревенскихъ избъ, которыхъ покуда не касались снаряды, падавшіе впереди деревни, вдоль обстрѣливаемаго шоссе.

Начальникъ батальона, кутаясь въ башлыкъ и засовывая озябшія руки въ рукава обмокшей шинели, обрадовался этой неожиданной помощи и заявилъ, что теперь онъ можетъ двинуться направо, къ желѣзнодорожной линіи, проходящей между двумя занятыми непріятелемъ шоссе, на соединеніе съ ***—скимъ полкомъ: это шоссе находится теперь, во всякомъ случаѣ, подъ охраной, не менѣе надежной, чѣмъ та, которую представляла собой пѣхота.

— Хорошо бы заставить замолчать ихъ орудія съ этой стороны, — пробормоталъ командиръ батальона.

Шт.-кап. Гурдовъ вмѣсто отвѣта двинулся вдоль шоссе туда, откуда летѣли непріятельскіе снаряды. За нимъ другой автомобиль.

Но едва онъ отъѣхалъ отъ деревни, какъ изъ темнѣвшаго съ лѣвой стороны, молчаливаго дотолѣ лѣска блеснули огни винтовокъ и пули застучали по желѣзнымъ бокамъ автомобиля, наполняя эти сѣрыя желѣзныя коробки нестерпимымъ, оглушающимъ трескомъ, громомъ и гуломъ.

— Огонь!—скомандовалъ шт.-кап. Гурдовъ.

И въ то время, какъ пулеметъ, направленный къ лѣсу, хлестнулъ туда огневымъ потокомъ, два пулемета съ другой стороны бросали хлещущіе ливни пуль въ ту сторону, гдѣ предполагались три непріятельскія колонны.

Второй автомобиль, слѣдовавшій за автомобилемъ начальника, повторялъ каждое движеніе его пулеметовъ и тоже захлесталъ въ направленіи лѣса и артиллеріи огненными ливнями.

Закипѣла работа.

VII.

Начальникъ стоялъ въ своемъ желѣзномъ ящикѣ, который то подкатывался къ лѣсу, изрыгая на обнаружившагося врага хлещущіе потоки пуль, то пятился назадъ, руководствуясь частью инстинктомъ шоффера, частью приказаніями, отрывисто и бѣгло бросаемыми въ промежуткѣ между приказаніями, отдаваемыми по дѣйствію пулемета; то устремлялся онъ впередъ, какъ бы грозя врѣзаться въ самую гущу враговъ, бросавшихся, какъ звѣри, изъ лѣса и сметаемыхъ рѣжущимъ ураганомъ пуль.

Долгое время какъ-будто самъ Богъ хранилъ ихъ. Вѣроятно, ошеломленный молніеносной внезапностью этой атаки, врагъ растерялся сначала и вообразилъ, что на него обрушилось цѣлое огненное полчище.

Но вотъ непріятельскіе снаряды стали ложиться все ближе, а ихъ пули опять затрещали по упругимъ бокамъ автомобилей, наполняя чудовищнымъ грохотомъ желѣзную коробку, гдѣ распоряжался не терявшійся ни на одно мгновеніе начальникъ.

Подобно капитану на кораблѣ во время бури, грозящей крушеніемъ, среди явныхъ и тайныхъ скалъ, онъ не тратилъ ни одного лишняго слова, и каждое его приказаніе было мѣтко, какъ огонь его пулеметовъ.

Онъ разсчитывалъ не только каждое слово, но и каждое движеніе, каждый звукъ голоса, точно дѣйствовали не орудія смерти, а играли чуткія скрипки, и музыканты должны были понимать и понимали малѣйшіе его намеки.

Не разъ изъ лѣса упорно вырывались нѣмецкія колонны, и не разъ непріятельскія пули впивались въ желѣзные бока, чудомъ минуя героевъ и лишь оглушая ихъ мучительнымъ трескомъ и стономъ, которыми отвѣчало имъ разгоряченное, но попрежнему живое и стойкое пулеметное чудовище, мѣдныя жала котораго разогрѣлись до того, что обжигали руки. И каждый разъ послѣ его огненныхъ потоковъ скашивались непріятельскіе ряды, служившіе брустверами для бросавшихся имъ на смѣну.

Но вотъ автомобиль начальника быстро попятился назадъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ лѣса.

— Куда?—рѣзко остановилъ шоффера шт.-кап. Гурдовъ.

— Я раненъ, сильно раненъ! — крикнулъ шофферъ. — Но я успѣю доѣхать до П—цъ. Пусть тамъ меня смѣнитъ другой шофферъ, или вы перейдете въ тотъ автомобиль, а меня довезутъ до перевязочнаго пункта.

Такъ и было сдѣлано. Въ автомобилѣ-двойникѣ было два шоффера; одинъ изъ нихъ быстро пересѣлъ въ автомобиль, чтобы замѣнить раненаго, а Гурдовъ пересѣлъ въ тотъ автомобиль и ринулся опять на прежнее мѣсто.

Работа закипѣла еще настойчивѣе, еще отчаяннѣе.

Пулеметныя ленты смѣняли одна другую.

Стволы пулеметовъ накаливались до того, что готовы были лопнуть, и замки отказывались дѣйствовать.

Тогда Гурдовъ сталъ соблюдать очередь: давая остыть одному пулемету, онъ переводилъ огонь на другой. Механикъ въ то же время успѣвалъ перемѣнить испортившуюся часть. Такимъ образомъ, соблюдалась косвенно и экономія въ лентахъ. Стрѣляя безпрерывно изъ всѣхъ трехъ пулеметовъ, выбрасывающихъ по пятисотъ пуль въ минуту, легко было истощить раньше времени десять тысячъ пуль. Но оставлять хоть на одну минуту безъ вниманія врага тоже было невозможно: достаточно было дать приблизиться атакующимъ къ машинѣ, и все было бы кончено.

Поэтому, враговъ косили каждый разъ, какъ они выскакивали изъ лѣса.

Однако, не разъ пронизанный непріятельскими пулями, автомобиль, повидимому, доживалъ послѣдній часъ. Огненный адъ кипѣлъ вокругъ, и попрежнему надъ ними взрывались кровавымъ пламенемъ шрапнели и рыли землю вокругъ ревущіе снаряды.

Но вотъ прострѣлили кожухъ. Пары вырывались въ закрытую желѣзную коробку. Руки и лица пулеметчиковъ окрасились кровью. Одинъ былъ раненъ въ глазъ, другой въ руку, третій въ ногу, но никто изъ нихъ не бросалъ работы.

Самъ Гурдовъ былъ раненъ послѣднимъ, и это было истиннымъ чудомъ, такъ какъ въ качествѣ наблюдателя и распорядителя онъ больше всѣхъ подвергался опасности.

Стоя у наблюдательной щелки и глядя въ нее, онъ поддерживалъ ставню рукой.

Пуля ударила въ ставню и сбила ее, но не задѣла Гурдова.

Другая пуля пробила броню автомобиля, пробила шинель и впилась въ шею, ослабленная попутными препятствіями.

Но Гурдовъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Съ каждымъ мгновеніемъ героямъ становилось яснѣе, что они обречены на гибель. Вотъ-вотъ снарядъ упадетъ прямо въ этотъ желѣзный ящикъ и разорветъ всѣхъ въ клочья. Каждый изъ нихъ втайнѣ приготовился къ смерти, но пока живъ, надо каждое мгновеніе своей жизни использовать.

И они продолжали свою работу.

И вотъ, когда уже огонь ихъ сталъ ослабѣвать, случилось то, что неизбѣжно должно было случиться: автомобиль, изрѣшетенный пулями, пробитый осколками снарядовъ, отказался двигаться.

При одной изъ попытокъ двинуться впередъ, автомобиль остался безъ движенія. Машина оказалась испорченной такъ, что поправить ее было невозможно. Сколько ни нажимали педаль, все было безполезно.

Начальникъ самъ выскочилъ изъ своей отказавшейся повиноваться крѣпости и бросился къ ручкѣ.

Пули свистѣли вокругъ него, стукаясь о желѣзную броню автомобиля, но онъ уже не обращалъ на нихъ вниманія: вѣдь все равно, смерть только давала мгновенія отсрочки...

Онъ схватился самъ за ручку автомобиля и сталъ вертѣть ее. Ручка вертѣлась бездѣйственно и мертво.

Автомобиль оказывался негоденъ. У него не только былъ прострѣленъ бакъ, но и стволъ одного изъ пулеметовъ. Значитъ, сейчасъ конецъ.

Теперь уже эта машина была не живой подвижной крѣпостью, не вѣрнымъ другомъ, а желѣзнымъ эшафотомъ, въ которомъ обречены были пять отважныхъ героевъ.

Но если этотъ эшафотъ не могъ двигаться, это еще не значитъ, что съ него нельзя сказать послѣдняго слова врагу.

И они «заговорили» съ энергіей, еще болѣе страстной, еще болѣе изступленной, чѣмъ раньше.

Конечно, это была уже агонія: зарядные ящики истощались. Использованныя пулеметныя ленты грудой валялись, какъ змѣиныя шкуры, и путались въ ногахъ. Но непріятель сталъ отвѣчать все рѣже.

Уже Гурдовъ сталъ терять надежду на возвращеніе пулеметнаго автомобиля, въ которомъ раненъ былъ шофферъ, когда этотъ автомобиль вдругъ явился съ новымъ шофферомъ, съ новой, неиспользованной энергіей.

Гурдовъ снова ожилъ.

Разыгрывая до этой минуты, какъ Паганини, свой реквіемъ врагу на послѣдней струнѣ своей, на одномъ автомобилѣ, онъ постепенно заставлялъ умолкать непріятельскую артиллерію справа и пѣхоту въ лѣсу.

Пѣхота, повидимому, отступала, но у него остались всего двѣ ленты, на которыя онъ сѣлъ, чтобы сохранить ихъ на послѣдній случай, а между тѣмъ врага необходимо было доканать.

Тутъ-то и помогъ подоспѣвшій автомобиль, хлестнувшій по лѣсу снова огненнымъ ливнемъ.

Не оставлена была безъ вниманія и батарея справа. И туда пустили нѣсколько огненныхъ потоковъ.

Въ то же самое время пулеметчики веревками прикрѣпляли испортившійся автомобиль начальника ко второму автомобилю.

Когда дѣло было сдѣлано, попробовали двинуться.

Но буксиръ лопнулъ.

Опять началась работа — и все подъ огнемъ непріятеля, который, однако, слабѣлъ съ минуты на минуту.

Когда автомобили снова были скрѣплены связью, попробовали двинуться, но и другой автомобиль не повиновался больше.

У него также оказались пробиты и бензинный бакъ, и трубки.

Оставалось одно: катить автомобиль своими собственными силами.

И вотъ, десять молодцовъ, изъ коихъ большинство были ранены, напрягая всѣ свои силы, стали толкать назадъ искалѣченныя желѣзныя крѣпости, которыя, нѣтъ-нѣтъ, да на ходу пускали на прощанье врагамъ огненные потоки.

Когда подкатили автомобили-крѣпости къ деревнѣ, подбѣжали на помощь солдаты N—скаго полка.

Нѣсколько паръ рукъ прибавилось мгновенно, и обѣ машины вкатились въ деревню.

Тутъ побѣдителей встрѣтилъ командиръ N—скаго полка.

— Вы ранены! — обратился онъ къ Г—ву.—Я сейчасъ перевяжу рану.

— Пустяки. Что я долженъ дѣлать, ваше пр—во? У меня еще осталось орудіе.

Но генералъ, прежде чѣмъ вступить въ дальнѣйшіе переговоры, перевязалъ раненаго.

— Вы и такъ сдѣлали чудо. Но, если въ состояніи продолжать, тѣмъ лучше. Тамъ, — указалъ генералъ вдоль шоссе, — непріятельскіе пулеметы, мѣшающіе нашей атакѣ. Постарайтесь сбить ихъ.

— Слушаю-съ.

И шт.-кап. Гурдовъ помчался на третьемъ бронированномъ автомобилѣ съ пушкой,—вдоль шоссе, мимо лѣса-кладбища, гдѣ были навалены грудами трупы и копошились раненые. Къ нему присоединился съ своими автомобилями и шт.-кап. Ш.

Уже разсвѣтало. Окрашивая пурпурными отблесками тучи, съ востока поднялась заря, обѣщая новый ясный день.

И было страшно видѣть наступающее утро, такъ какъ въ этой геройской борьбѣ никто изъ автомобильныхъ пулеметчиковъ и менѣе всѣхъ—самъ Гурдовъ не могъ бы сказать, сколько прошло времени.

Можетъ быть, полчаса, а, может быть, цѣлая вѣчность.

Стоя въ третьей машинѣ, Гурдовъ замѣтилъ въ бинокль, какъ слѣва перебѣгали черезъ шоссе и занимали линію окоповъ нѣмцы.

Тогда онъ открылъ по нимъ огонь.

И вотъ, когда снаряды его орудія съ шипѣніемъ и грохотомъ полетѣли вдоль шоссе, а на шоссе стали опять падать непріятельскіе снаряды, разрываясь съ страшнымъ трескомъ, — откуда-то выбѣжала на шоссе худая, какъ скелетъ, бѣлая лошадь.

Она, ошеломленная, замерла, поворачивая испуганно голову направо и налѣво. Тощая, какъ скелетъ, бѣлая лошадь въ этомъ аду при сѣромъ свѣтѣ начинающагося дня казалась призракомъ самой смерти.

Такъ она долго стояла неподвижно, въ то время, какъ снаряды рвались вокругъ и перелетали черезъ ея голову.

Потомъ вдругъ побѣжала въ сторону какъ-то странно; и въ ея движеніяхъ было что-то кошмарное, почти безумное.

Когда непріятель былъ выбитъ орудіемъ Гурдова изъ окоповъ, вѣрнѣе, Гурдовъ уничтожилъ ихъ, верховой подскакалъ къ нему съ запиской:

«Я офицеръ-наблюдатель. Съ окопами кончено. Дайте огонь направо по кирпичному заводу».

Орудіе перемѣнило направленіе огня, и кирпичный заводъ былъ разрушенъ.

Вторая записка:

«Переведите теперь огонь налѣво».

И это было исполнено. Что-то взорвалось въ сторонѣ непріятеля съ страшнымъ грохотомъ. Запылалъ лѣсъ.

Третья:

«По ту сторону деревни».

И опять орудіе заработало по указанной цѣли, выбрасывая свои триста снарядовъ въ минуту. Запылала деревня.

Теперь все замолкло кругомъ.

«Возвращайтесь».

Шт.-кап. Гурдовъ вернулся.

— Ваше превосходительство, что еще прикажете очищать? Снаряды не всѣ еще использованы.

Но генералъ, растроганный, протянулъ ему руку.

— Все кончено. Вы сдѣлали больше, чѣмъ можно было ожидать. Я уже доложилъ объ этомъ сію минуту командиру корпуса.

И дѣйствительно, когда Гурдовъ явился къ командиру корпуса, тотъ встрѣтилъ его съ радостнымъ лицомъ:

— Благодарю васъ, я все знаю. Если бы вы сдѣлали даже четвертую часть того, что вами сдѣлано, — достойны были бы высшей награды.

— Ваше п—во, а мои нижніе чины?

— Они также всѣ безъ исключенія заслужили Георгія.

Только выходя изъ штаба, Гурдовъ сознался, что дѣйствительно сдѣлано большое дѣло, почувствовалъ страшную усталость, а когда взглянулъ на свои искалѣченные автомобили, подивился, что не только онъ самъ, но и его спутники, хотя и ранены всѣ, — все же ушли живыми изъ смертельнаго ада.

Вылѣчатся и они, починятся и автомобили, а теперь на нихъ жалко смотрѣть, такъ измяты, изорваны шрапнелью, пулями и осколками снарядовъ ихъ желѣзные бока. А шины превратились въ рваныя тряпки, которыя падаютъ съ колесъ клочьями.

Если бы не эта глубокая усталость, отъ которой подкашивались ноги, шт.-кап. Гурдовъ готовъ былъ бы расцѣловать ихъ израненные, избитые желѣзные бока.

ВЪ ПЛѢНУ.

I.

Наканунѣ праздника командиръ батальона третьей роты приказалъ взять три деревни: К—цы, въ двухъ съ половиной верстахъ отъ мѣста стоянки, дальше деревня З—ня и отъ З—ни деревня Ч—цы.

Получивъ это распоряженіе, полковникъ П—скій, въ сумерки, выслалъ развѣдки отъ первой и второй ротъ на З—ню и Ш—цы.

Всю ночь развѣдчики первой роты пробыли на опасномъ дѣлѣ. На разсвѣтѣ они донесли, что, когда подкрадывались къ деревнѣ З—ни, шагахъ въ четырехстахъ отъ деревни наткнулись на скрытую телефонную проволоку. Въ ту же минуту раздался звонъ, изъ окоповъ открыли огонь, двоихъ развѣдчиковъ тяжело ранили, но товарищи не хотѣли оставить ихъ врагамъ и притащили домой на рукахъ.

Развѣдчики недаромъ принесли эту жертву: они обнаружили на флангахъ у нѣмцевъ пулеметы, а позади деревни батарею.

Тѣ развѣдчики, что были посланы на Ш—цы, вернулись только на другой день въ полдень. Изъ двадцати человѣкъ возвратилось лишь двое.

Ночь была темная, туманная. По словамъ ихъ, когда они обошли деревню Ш—цы слѣва, убѣдились, что тамъ много непріятеля. Передъ деревней окопы и пулеметы. Когда они стали подкрадываться къ окопамъ, застава дала по нимъ залпъ: былъ убитъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько человѣкъ развѣдчиковъ. Остальные разсыпались въ стороны и неизвѣстно гдѣ потерялись въ ночи.

Къ счастью, потерявшіеся вскорѣ вернулись одинъ за другимъ. Ихъ оказалось двѣнадцать человѣкъ, значитъ, остальные остались на полѣ смерти.

На другой день подошли еще двѣ роты другого эскадрона и приступили къ атакѣ. При чемъ одна рота была оставлена въ видѣ заслона.

**
*

Туманъ не покидалъ землю. Густыми пасмами расползался онъ по равнинамъ и лѣсамъ, не только обволакивая, но какъ бы и рас-

творяя своей ѣдкостью всѣ предметы вокругъ, и отъ этого предметы не только теряли свои контуры, но и сами какъ бы превращались въ колеблющіеся призраки.

И безъ того атака жуткое и страшное дѣло, а въ такіе ненастные дни, когда неба совсѣмъ не видно подъ сѣрыми, давящими землю тучами, и самая земля кажется ненадежной и коварной. А между тѣмъ, въ отношеніи врага туманъ является союзникомъ атакующихъ: можно ближе подойти къ непріятелю не открытымъ, да и впечатлѣніе на врага атака въ туманѣ производитъ болѣе ужасное.

Полкъ разсыпался по равнинѣ и съ перебѣжками сталъ приближаться къ непріятелю. Бѣгутъ храбрецы въ туманныхъ сумеркахъ, рвутся надъ ними шрапнели, разбрасываясь кроваво-огненными смертельными брызгами, жужжатъ и посвистываютъ пули и жалами смерти впиваются въ бѣгущихъ.

Упалъ одинъ, другой и третій...

И вотъ бѣгущій впереди припадаетъ къ землѣ и торопливо начинаетъ рыть ее острой желѣзной лопаткой. Рвутся шрапнели, пули жужжатъ, а онъ роетъ и роетъ, и какъ только маленькій козырекъ земли поднялся передъ головой, роющій уже вздыхаетъ свободнѣе. Главное, чтобы прикрыть этимъ козырькомъ голову.

— Мать-земля, спасай!

Смотришь, рядомъ уже роется другой. И черезъ нѣсколько минутъ, глядь, образуется цѣлая цѣпь земляковъ. Иные такъ лягутъ, а ужъ стать имъ не суждено; тѣ же, кто останутся живы, не надолго хоронятся въ своихъ наскоро вырытыхъ окопахъ.

Передохнули, пріободрились и опять на врага.

Бросились съ отчаяннымъ крикомъ: Ура!—Выбили врага. Запылала деревня З—ня. Чтобы не дать нѣмцамъ опомниться, погнали ихъ дальше. Но въ деревнѣ Ш—цѣ нарвались на обстрѣлъ. Нѣмцы переодѣли солдатъ въ крестьянское платье и даже въ наши шинели: стрѣляли изъ халупъ, когда мы совсѣмъ не ожидали выстрѣловъ.

Непріятельскіе окопы были уже не болѣе какъ въ ста шагахъ, и только подпустивъ къ себѣ на это близкое разстояніе, открыли они смертельный огонь изъ ружей и пулеметовъ.

Пули засвистѣли въ сумеречномъ туманѣ, и ихъ свистъ и жужжаніе сопровождалось непрерывнымъ трескомъ пулеметовъ, какъбудто громадныя швейныя машины строчили саванъ изъ этихъ развѣвающихся полотнищъ тумана.

Наши ружья и пулеметы отвѣтили.

Пріободрились наши цѣпи.

Худощавый, сѣдоватый полковникъ П—ій, всегда тихій и кроткій съ солдатами, вдругъ точно выросъ.

И, перекрестившись, бросился на лѣвый флангъ непріятеля съ солдатской винтовкой въ рукахъ.

За нимъ ринулись солдаты. Огненныя струи пулеметовъ срѣзали ихъ рядъ за рядомъ.

У окоповъ съ полковникомъ П—имъ осталось всего лишь три или четыре человѣка.

Нѣмцы выскочили изъ окоповъ и въ полномъ смыслѣ слова грудой навалились на отважныхъ враговъ.

Четыре человѣка стали, однако, отбиваться.

Одинъ за другимъ падали солдаты...

Полковникъ увидѣлъ, какъ краснолицый нѣмецъ, съ выпученными глазами и усами, какъ у Вильгельма, размахнулся прикладомъ и ударилъ его прямо въ грудь.

Онъ потерялъ сознаніе.

Очнулся тогда, когда его уже волокли въ окопы за руки два нѣмца, и одинъ изъ нихъ съ торжествомъ сказалъ:

— Das ist ein russische Officier.

II.

Нѣмецкіе окопы вырыты при помощи машинъ. Офицерскіе окопы хорошо укрыты, въ нихъ имѣются походныя печи, а нѣкоторые даже устланы коврами и снабжены постелями. Даже солдатскіе окопы устроены съ удобствомъ, ради чего нѣмцы не стѣсняются забирать у мѣстнаго населенія перины и подушки.

Въ то время, какъ полковникъ П—ій находился въ нѣмецкомъ окопѣ, тяжело дыша отъ удара, который заставлялъ ныть и мучительню сжиматься грудь, стрѣльба продолжалась. Но это уже была слабая и небрежная стрѣльба, точно непріятель дострѣливалъ свои обоймы.

«Значитъ, полкъ нашъ разбитъ», — съ горечью и отчаяніемъ подумалъ П—ій. И это, вмѣстѣ съ мыслію о томъ, что онъ въ плѣну, заставило больно сжаться его сердце.

Такъ оставался онъ въ окопѣ не болѣе десяти минутъ. Затѣмъ

ему велѣли встать и слѣдовать по окопамъ съ бдительной стражей къ батальонному командиру.

Низенькій и толстый командиръ, съ выпученными глазами, сопя, отобралъ у него шашку, револьверъ, бинокль и сталъ допрашивать о численности русскаго войска, о расположеніи ближайшей къ мѣсту дѣйствія русской арміи, о дальнѣйшихъ планахъ русскихъ.

Онъ былъ очень доволенъ, что полковникъ П—ій говоритъ понѣмецки, и даже, когда плѣнный на эти вопросы отвѣтилъ, что считаетъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ офицера лгать и преступнымъ говорить правду, нѣмецъ одобрительно засопѣлъ и замоталъ своей крупной стриженой головой.

— О, да, да! Я понимаю это, конечно.

И, оставивъ тонъ офиціальнаго допроса, онъ обратился къ русскому офицеру просто, какъ къ человѣку, о чемъ и предупредилъ его.

— Теперь будемъ говорить о самомъ мучительномъ для насъ: какъ думаютъ въ Россіи: долго ли продлится война? Понимаете, — поспѣшно добавилъ онъ, — я васъ не спрашиваю о томъ или иномъ исходѣ войны. Конечно, мы, какъ и вы, надѣемся на побѣду, иначе, были бы плохіе солдаты; я только имѣю въ виду возможность. Сколько времени еще возможно для Россіи длить эту войну?

— Сколько времени возможно длить?..

Но уже нѣмецъ, предчувствуя отвѣтъ, замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, и опять не то! Я хочу сказать, когда надѣются окончить? Вѣдь поймите, — съ волненіемъ въ голосѣ продолжалъ нѣмецъ, — это во всѣхъ отношеніяхъ неслыханная война. Мы, несмотря на все могущество Германіи и на всю нашу подготовленность, должны признаться, что не ожидали встрѣтить со стороны Россіи такого сильнаго, стойкаго врага. Насъ обманула японская война. Кромѣ того, эта Англія... Но я отклонился. Такъ вотъ. Какое у васъ мнѣніе относительно этого вопроса?

И съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, вытянувъ крупную голову на короткой шеѣ, нѣмецъ готовился схватить отвѣтъ, кажется, не только слухомъ, но и глазами и каждымъ своимъ нервомъ.

Когда полковникъ П—ій нѣсколько затруднился отвѣтомъ, онъ еще разъ почти просительно проговорилъ:

— Только искренно, ради Бога, искренно!

Плѣнный отвѣтилъ:

— Я вамъ скажу искренно: у насъ думаютъ по-разному. Мнѣ кажется, что наиболѣе правы будутъ тѣ, кто носитъ этотъ отвѣтъ въ своихъ нервахъ.

— Да, да, — обрадованный подхватилъ нѣмецъ, — это вѣрно, это совершенно вѣрно. Именно, кто носитъ отвѣтъ въ своихъ нервахъ.

Полковникъ продолжалъ:

— И вотъ я, одинъ изъ таковыхъ, долженъ отвѣтить: — не менѣе полгода.

Нѣмецъ, побагровѣвъ, вскочилъ.

— Unmöglich! Unmöglich! — говорю я вамъ, — воскликнулъ онъ съ испугомъ, отъ котораго глаза его еще болѣе выкатились.

Но тутъ же, опомнившись и покосившись на стражниковъ, онъ нахмурился, опустилъ голову и пробормоталъ, тяжело сопя:

— Россія не можетъ выдержать такого огромнаго срока.

П—ій возбужденно отвѣтилъ:

— Россія можетъ выдержать безконечно большій срокъ, чѣмъ Германія.

— Довольно! — сурово остановилъ его нѣмецъ.—Война должна кончиться, какъ только мы возьмемъ Варшаву.

Но тотчасъ же, чтобы сгладить эту суровость, освѣдомился: есть ли у плѣнника деньги и дорогія для него вещи.

Полковникъ отвѣтилъ утвердительно.

— Они останутся при васъ.

И, кивнувъ головой на прощанье, онъ приказалъ отвести русскаго офицера въ деревню.

III.

Тѣ же солдаты повели П—го въ деревню. Почти всѣ избы въ деревнѣ были заняты нѣмцами. Солдаты, сопровождавшіе плѣннаго, всѣмъ, прежде всего, сообщали его мнѣніе о продолжительности войны. Очевидно, этотъ вопросъ болѣзненно мучилъ солдатъ такъ же, какъ и ихъ начальство. И каждый разъ, услышавъ: полгода, — нѣмцы также ахали и испуганно вскрикивали:

— Unmöglissn!

Самая крайняя изба въ деревнѣ оказалась пустой, и тамъ помѣстили плѣнника въ маленькой комнаткѣ, на стѣнахъ которой кра-

совались лубочныя Мадонны, а на окнахъ увядали взлелѣянные хозяевами, а теперь никому ненужные цвѣты.

Какъ ни былъ измученъ полковникъ П—ій, заснуть онъ не могъ, несмотря на то, что часовой нѣмецъ-ландштурмистъ, съ симпатичнымъ, мягкимъ лицомъ, заботливо устроилъ ему что-то въ родѣ постели.

Къ тому же грудь все еще ныла отъ сильнаго удара прикладомъ. Онъ вытянулся, съ трудомъ дыша, готовый рыдать не столько за себя, сколько за разбитый, какъ онъ думалъ, полкъ свой.

Такъ промаялся всю ночь, тяжело вздыхая и вздрагивая каждый разъ отъ кошмарныхъ воспоминаній, какъ только дремота начинала одолѣвать его.

Сѣро и хмуро забрезжило утро, и болѣзненно страненъ былъ при этихъ вѣстникахъ дня свѣтъ керосиновой лампы. И вмѣстѣ съ блѣдными проблесками его до слуха плѣнника донеслись выстрѣлы.

Они становились все чаще, взвинчивая воздухъ томительной тревогой, доводящей до дрожи истомленное безсонницей и тяжелыми страданіями тѣло. Свѣтъ лампы, которую онъ не хотѣлъ гасить, вздрагивалъ при этихъ выстрѣлахъ.

Происходило что-то неожиданное и глубоко волнующее П—го.

Все чаще и чаще слышалась винтовочная трескотня и, наконецъ, въ нее стали врываться человѣческіе крики.

Плѣнникъ началъ внѣ себя колотить въ дверь и дергать ее. Но часовой крѣпко держалъ дверь снаружи.

Выстрѣлы совсѣмъ приблизились; ужъ и теперь ясно можно было различить голоса и обрывки криковъ. Сердце П—го расширилось отъ радости. Онъ слышалъ отчетливо крики русскаго «ура!»

Кто-то сильной рукой рванулъ оконную ставню, и разбитыя вдребезги стекла полетѣли на полъ.

Лампа потухла. Скудный свѣтъ ранняго утра еще слабо освѣщалъ избу. П—ій опять сталъ рвать дверь, и, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она распахнулась, въ комнату вбѣжалъ дрожащій отъ испуга нѣмецъ-часовой, а вслѣдъ за нимъ, съ крикомъ:

— Сюда!

Ворвался нашъ офицеръ, съ фонарикомъ въ лѣвой рукѣ и съ револьверомъ въ правой. Его молодое лицо было до крайности возбуждено, глаза горѣли, и онъ, повидимому, даже не подозрѣвалъ, что раненъ, что правая щека его вся въ крови.

Уже онъ направилъ револьверъ въ забившагося въ уголъ, перепуганнаго часового, но П—ій во-время остановилъ его: вѣдь этотъ часовой ничего не сдѣлалъ плѣнному.

Къ тому же часовой бросилъ винтовку и умоляюще поднялъ руки, сдаваясь въ плѣнъ.

Когда П—ій, вмѣстѣ съ освободившимъ его офицеромъ, выбѣжали наружу, штыковая работа уже подходила къ концу. Захваченные врасплохъ, бѣжали нѣмцы, оставивъ на полѣ сраженія немало убитыхъ, около ста человѣкъ плѣнныхъ солдатъ и офицеровъ, нѣсколько пулеметовъ и орудій.

Деревя горѣла, и озаряемые огнемъ пожара, враги бѣжали въ ту сторону, куда вѣтеръ гналъ черные клубы дыма.

„КУВЫЛТАЙ-КУВЫРТАЙ“.

I.

То, что въ жизни иногда представляется случайнымъ, почти невѣроятнымъ, довольно заурядно на войнѣ.

Здѣсь происходитъ безпрерывная игра жизни со смертью, страшная и роковая игра, въ которой есть свои слѣпыя удачи и неудачи, свои полосы везенья и невезенья, какъ въ картахъ. Конечно, ихъ нельзя назвать иначе, какъ случайностью, но въ человѣческой натурѣ есть нѣкоторая склонность къ мистикѣ, къ вѣрѣ въ чудесное. Разумѣется, чѣмъ человѣкъ невѣжественнѣе, тѣмъ онъ легче поддается этой вѣрѣ, лучше сказать — суевѣрію, но и интеллигентные люди нерѣдко подвержены такой слабости. На войнѣ столько ошеломляющихъ событій, столько явленій чудовищныхъ и необычайныхъ для привыкшей къ обычной человѣческой жизни души, что, выведенная изъ предѣловъ естественнаго, эта душа не въ состояніи справиться съ стремительнымъ напоромъ огненныхъ силъ бѣшеной стихіи и, подавленная, цѣпляется за пережитки, которые со стороны кажутся дикими и подчасъ смѣшными. Уже много мѣсяцевъ война идетъ съ страшнымъ напряженіемъ физическихъ и духовныхъ силъ. Какъ бы ни была сильна и устойчива мысль, она, въ концѣ-концовъ, теряется и слабѣетъ. Въ сверхъестественномъ ищетъ она выхода изъ мучительныхъ противорѣчій, успокаивается, отдыхаетъ и обманывается предразсудками.

Тотъ, кто соприкасается съ военной средой, знаетъ, что особенно въ послѣднее время среди солдатъ появилось не мало заговаривателей, молитвенниковъ, колдуновъ. Заговорами, молитвами, колдовствомъ они дѣйствуютъ противъ смерти и находятъ множество поклонниковъ. Конечно, есть между ними шарлатаны, пользующіеся этими средстами съ корыстными цѣлями.

— Дай табачку, а я тебя отъ пули заговорю.

Но есть и убѣжденные въ своей силѣ и сами считающіе себя застрахованными отъ всякой напасти на войнѣ.

Четыре раза пополнялся N—скій пѣхотный полкъ, участвовавшій болѣе, чѣмъ въ десяткѣ тяжелыхъ, губительныхъ боевъ. Рядовой Г., участвовавшій во всѣхъ этихъ бояхъ, прославился въ своей ротѣ не только неустрашимостью, но и прямо-таки издѣвательскимъ, даже шутовскимъ отношеніемъ къ смерти, за что нерѣдко бывалъ наказанъ начальствомъ.

Шутовство вообще въ его натурѣ и какъ-то пристало къ его нелѣпой и курьезной внѣшности. Онъ маленькаго роста, но съ длинными, какъ у обезьяны, руками и ногами, кривыми, какъ у рахитика, но сильными и проворными, какъ у волка. Голова маленькая, птичья, съ большимъ перекошеннымъ въ гримасу ртомъ и острымъ, какъ клювъ, носомъ. Глаза какъ-будто самой природой созданы подмигивающими. Что онъ ни скажетъ солдатамъ, — все кажется смѣшнымъ, и они покатываются со смѣху надъ каждымъ его словомъ. А между тѣмъ, онъ не только не остроуменъ, но прямо-таки глуповатъ, и оттого храбрость его совершенно безсмысленная, если не направлена въ полезную сторону посторонней рукой.

У окопа, гдѣ засѣла его рота, разрываются шрапнели и чемоданы, свистятъ вкрадчиво и назойливо пули, а Г. воспользуется минутой, когда начальство его не видитъ, выскочитъ изъ окопа и — ну отплясывать трепака передъ самымъ окопомъ.

— Больно музыка хороша, ногъ не удержишь! — оправдываетъ онъ свою шутовскую выходку и еще больше кривитъ свой уродливый ротъ и подмигиваетъ какъ бы раскосыми, широко разставленными глазами.

И въ то время, какъ другимъ достаточно руку поднять надъ гребнемъ окопа съ винтовкой, чтобы пуля впилась въ эту руку, тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пляшетъ подъ пулями, заставляя смѣяться и удивленно покачивать головами солдатъ.

Подпрыгивая и чуть не кувыркаясь, онъ бѣжитъ изъ окопа за водой, или къ обстрѣливаемой непріятелемъ мельницѣ за щепочками, чтобы развести огонь.

— Меня ни одна пуля узять не могитъ! — убѣжденно заявляетъ онъ. — Потому я заговоренъ своимъ заговоромъ.

— Какой же это такой заговоръ? — недовѣрчиво, но съ тревожнымъ любопытствомъ спрашиваютъ его.

И чудакъ начинаетъ нести такую нескладную околесицу, что у солдатъ глаза выкатываются отъ напряженія и желанія понять затаенный смыслъ этой чепухи и запомнить ее.

— «Кувалтай-кувыртай»—Чимбора на гора—зубъ на лбу—Заря на гробу, вѣра на судьбу — помоги рабу имя рекъ. Заговоръ навѣкъ. Отъ лютаго глаза, отъ пули враза, отъ змѣй горючихъ, отъ стрѣлъ колючихъ»...

И опять:

— «Кувылтай-кувыртай»...

И прочая ерунда.

Сначала потѣшались надъ нимъ солдаты и даже прозвали его самого «Кувылтай-Кувыртай», а потомъ стали головами покачивать, глядя, какъ счастливо избѣгаетъ онъ смертельной опасности.

— Нѣтъ, братцы, дѣло не спроста. Въ емъ чего-то есть, — стали поговаривать они.

А тутъ еще, мало того, что самъ онъ плясалъ безнаказанно передъ смертью, его удачливость стала распространяться какъ-будто и на всю роту, въ которой онъ пользовался популярностью за свое шутовство. Третья рота несла очень незначительныя потери. А ужъ въ какихъ передѣлкахъ она ни побывала въ своемъ многострадальномъ пути въ теченіе этихъ безконечныхъ и страшныхъ шести мѣсяцевъ. По наскоро переброшенному мосту, черезъ Вислу, она переправлялась подъ Иваномъ-городомъ, осыпаемая непріятельскими снарядами и бомбами, бросаемыми съ аэроплановъ. Подъ Козеницами, подъ градомъ непріятельскихъ пулеметовъ, она шла по болотамъ прямо въ лобъ врагу, по грудь въ водѣ, поднимая надъ головой винтовки и подсумки, чтобы не замочить дорогого оружія и зарядовъ. Въ Августовскихъ лѣсахъ шла она, сѣрая и кроткая, въ атаку на великолѣпно оборудованные непріятельскіе окопы!.. Да мало ли что пришлось ей встрѣтить, преслѣдуя врага, вплоть до самой Галиціи, гдѣ также ожидали ее жесточайшія испытанія.

И все-таки рота оставалась цѣла, и, въ сравненіи съ потерями другихъ ротъ того же полка, потери ея были незначительны.

«Кувылтай-кувыртай», не скромничая, приписывалъ эту дарованную Богомъ удачу самому себѣ, своей чудодѣйственной силѣ и мало-по-малу такъ увѣрилъ въ этомъ солдатъ, что они начали относиться къ нему, какъ къ какому-то живому талисману, охраняющему отъ смерти своихъ. Полушутя, полусерьезно стали просить его «заговорить». Дѣлали это сперва тайкомъ другъ отъ друга, стыдясь своего суевѣрія и малодушія, потомъ—видятъ, что каждый не прочь оградить себя отъ бѣды «знающимъ словомъ», — перестали стѣсняться.

— Сдѣлай милость, братецъ, заговори, а ужъ я въ долгу не останусь.

Надо отдать справедливость Кувылтаю, онъ не изъ корысти заговаривалъ товарищей, хотя не отказывался отъ даровъ. Избыткомъ онъ даже дѣлился съ неимущими и такіе всегда у него находили и махорку, и кусокъ хлѣба въ голодный день, и бумажку съ конвертомъ для письма.

Дошло до ротнаго.

Ротный, молодой еще офицеръ, самолюбивый и, значитъ, храбрый человѣкъ, встрѣтивъ Кувылтая, съ снисходительной усмѣшкой обратился къ нему:

— Правда ли, солдаты говорятъ, что ты заговаривать умѣешь?

Кувылтай сконфузился, покраснѣлъ до того, что его вѣчно морщившійся лобъ покрылся потомъ, и, не зная, куда дѣвать свои разбѣгающіеся глаза, пробормоталъ:

— Такъ что, ваше благородіе, мнѣ это дано.

— Что дано?

— Заговаривать, молъ, дано.

— Кѣмъ же это дано тебѣ?

Солдатъ замялся на минуту, потомъ вдругъ единымъ духомъ выпалилъ:

— Такъ что теткой дано, потому какъ у меня тетка вѣдьмой была и въ черную кошку могла обращаться.

— Что ты за чепуху мелешь! — строго остановилъ его ротный.

— Какъ угодно, ваше благородіе, а только что это не чепуха!— убѣжденно осмѣлился заявить онъ и даже, видимо, обидѣлся на ротнаго за его недовѣріе.

— Чепуха! — говорю тебѣ! — повторилъ ротный. — Вотъ дикари! — сказалъ онъ уже какъ бы для себя самого. — Въ двадцатомъ вѣкѣ и вдругъ такая чепуха: вѣдьма-тетка, въ кошку обращается и прочее.

— Такъ точно, въ черную кошку.

— Да ты видѣлъ, что ли, какъ она обращается?

— Видѣлъ! — отвѣтилъ солдатъ, не сморгнувъ глазомъ. — Я еще мальчонкой былъ, какъ видѣлъ. Ночевалъ у ей на спожинкахъ. Она на лавкѣ спала, а я на рундукѣ возлѣ печки. Проснулся ночью, а ночь-то была свѣтлая. Мѣсяцъ въ окно свѣтитъ. До вѣтру мнѣ захотѣлось. Открылъ я, значитъ, глаза, гляжу—тетки на лавкѣ нѣтъ, а замѣсто ее—кошка черная лежитъ, и глаза у ей, какъ свѣтляки, зеленымъ огнемъ отливаютъ. Я ажъ затрясся весь, говорю—«брысь», а она, какъ скокнетъ на шестокъ, да оттуда человѣчьимъ голосомъ мнѣ: — Нишкни, молъ, а то худо будетъ». Да съ шестка въ печку, ажъ въ трубѣ загудѣло.

— Просто приснилось это тебѣ! — раздосадованный этимъ враньемъ остановилъ его ротный.

Солдатъ только голову опустилъ и ни слова не отвѣтилъ, но только въ лицѣ его, а и, кажется, и во всей нескладной фигурѣ таилась упрямая увѣренность въ своей правотѣ.

Ротный посмотрѣлъ на него, покачалъ головой неодобрительно, затѣмъ добавилъ какъ бы съ презрительнымъ любопытствомъ:

— Ну, да не въ томъ дѣло. А вотъ, что это за заговоръ такой? Попробуй-ка меня заговорить.

II.

Выдался невѣроятно тяжелый и страшный день подъ С—мъ.

Съ самаго утра непріятель обстрѣливалъ наши позиціи.

Визжали шрапнели и, точно отчаянно вскрикивая, разрывались съ страшнымъ трескомъ надъ окопами, гдѣ притаилась третья рота.

Съ грустнымъ шуршаньемъ летѣли снаряды, разрываясь съ такимъ грохотомъ, что онъ отзывался, кажется даже въ костяхъ, и онѣ начинали томительно ныть и, какъ выражаются солдаты, — тосковать въ тѣлѣ.

Солдаты не только боялись выходить изъ окоповъ, но и носа не рѣшались высунуть наружу даже по нуждѣ.

Только «Кувылтай-Кувыртай» не унимался. Онъ ухитрился въ ведрахъ притащить своей ротѣ щей изъ деревни, откуда не смѣла приблизиться къ окопамъ походная кухня.

Мало того, когда неподалеку отъ окоповъ появилась случайно забредшая корова, — онъ не выдержалъ и бросился отгонять ее изъ-подъ обстрѣла.

— Ну, мы воюемъ, наше дѣло такое!—съ жалостью кривилъ онъ свой ротъ. — А животную воевать не приказано, значитъ и пропадать ей попусту нечего.

И отогналъ на безопасное мѣсто, гдѣ корову уже приняли другіе и укрыли отъ непріятельскихъ снарядовъ.

И на этотъ разъ судьба щадила солдата и всю роту. Ни одна шрапнель не разорвалась надъ самими солдатами, ни одинъ снарядъ не упалъ въ окопъ, хотя падали настолько близко, что однажды въ окопѣ засыпало землей, выброшенной снарядомъ, нѣсколько человѣкъ.

Этотъ адъ продолжался часовъ двѣнадцать. Къ вечеру — утихло. Солдаты, измученные, но вздохнувшіе, наконецъ, свободно, благодарили Бога за удачу.

Ихъ явилась замѣнить свѣжая часть, а эти потянулись за пять верстъ въ деревню на отдыхъ, такъ какъ уже десятый день, не смѣняясь, провели въ бою, не вылѣзая изъ окоповъ.

Особенно торжествовалъ «Кувылтай-Кувыртай». Больше всего онъ радовался за спасенную имъ корову.

Солдаты добродушно подсмѣивались надъ нимъ:

— Чисто объ невѣстѣ своей заботился. Объ суженой.

— Не женить ли его, братцы, на ней? Она, чай, по гробъ жизни вѣрна будетъ своему спасителю.

— Ну и отчаянная голова!

— Чего отчаянная! Заговоренъ.

— Заговоренъ и есть. Молодецъ, хоть и коровій женихъ.

Уже переставали удивляться этой отчаянности, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, для него не было ни малѣйшаго риска продѣлывать всѣ эти безумныя штуки подъ смертельнымъ дождемъ разрывающихся шрапнелей, подъ чудовищными осколками чемодановъ, которые, падая поблизости отъ человѣка, разрывали его въ такіе клочья, что отъ него не оставалось ничего, кромѣ кроваваго праха, смѣшаннаго съ землей.

И вдругъ этотъ заговоренный погибъ самымъ нелѣпымъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, при обстоятельствахъ, среди которыхъ меньше всего можно было ожидать подобной развязки.

III.

Случилось это какъ разъ въ тотъ же самый день, въ сумерки.

Голодные, измученные солдаты разбрелись по деревнѣ на отдыхъ. Иные прямо повалились спать, гдѣ попало. Другіе стали кипятить воду, варить чай, печь картошку.

Тѣ, которыхъ особенно измучила вошь, развели въ укромномъ мѣстѣ костеръ, поставили котелъ, чтобъ вскипятить воду и выпарить бѣлье, пропитанное потомъ, осыпанное насѣкомыми.

Кувылтай и здѣсь шутовался и потѣшалъ солдатъ.

Несмотря на ледяной вечеръ, онъ раздѣлся до-гола, потряхивая надъ пылающимъ костромъ свою рубаху и портки, съ которыхъ, потрескивая, сыпались паразиты.

— Чисто зерна изъ снопа осыпаются!—подшучивалъ Кувылтай.—Этотъ врагъ хуже нѣмца. Противъ него и заговора никакого нѣтъ.

— Нѣмецъ унѣшній, а этотъ унутренній врагъ! — замѣтилъ на это кто-то изъ солдатъ.

Кувылтай приплясываетъ передъ костромъ на своихъ кривыхъ ногахъ, — и вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, рубаха выпала у него изъ рукъ прямо въ огонь, а самъ онъ охнулъ, присѣлъ на корточки, обвелъ всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ и вдругъ повалился, чуть-чуть не касаясь огня лицомъ.

Сначала всѣ подумали, что это одна изъ его шутовскихъ выходокъ, но затѣмъ всѣмъ вдругъ стало какъ-то жутко.

Бросились сразу всѣ поднимать его.

На губахъ у него была кровь. Кровь тонкой струйкой стекала изъ его перекошеннаго, какъ-будто все еще смѣющагося рта на широкій небритый подбородокъ.

И такая же маленькая струйка крови темнѣла на голой груди подъ лѣвымъ соскомъ.

Широко разставленные глаза его уже не подмигивали; зрачки остановились въ нихъ съ загадочнымъ выраженіемъ.

Онъ былъ мертвъ.

Всѣ переглянулись съ молчаливымъ ужасомъ. Откуда залетѣла эта шальная пуля? Никто даже не слышалъ выстрѣла, да и непріятель былъ далеко.

— Господи, помилуй! — въ суевѣрномъ ужасѣ вырвалось у одного изъ солдатъ. — Что же это такое? Откуда?

Никто не отозвался. Всѣ, пораженные, онѣмѣвшіе отъ этой страшной по своей нелѣпости катастрофы, глядѣли въ сразу остеклянѣвшіе глаза, и острый холодъ постепенно охватывалъ ихъ ледянымъ дыханіемъ, какого они, перенесшіе такъ безконечно много нечеловѣческихъ ужасовъ, прямо смотрѣвшіе въ огненные глаза смерти, — не испытывали никогда.

ПИСЬМА.

Подъ Варшавой, гдѣ рѣшается одна изъ важнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ германской арміей, на праздникахъ Рождества стало затихать.

Нѣмцы ставятъ на первый планъ стремительную массовую атаку. Для нихъ страшно важно, безконечно важнѣе, чѣмъ для насъ, время на войнѣ. Въ эти недѣли и мѣсяцы, когда армія ихъ сражается, этотъ вампиръ—время высасываетъ кровь изъ страны, такъ какъ все, чѣмъ живетъ страна, находится внѣ ея, за горами-за-долами, за широкими морями, куда почти всѣ пути закрыты.

Съ дьявольскимъ упорствомъ напрягала нѣмецкая армія свою желѣзную энергію подъ Варшавой, чтобы выиграть сразу двѣ побѣды: надъ непріятелемъ и надъ временемъ. Доходило до того, что нѣмцы дѣлали по десяти, по одиннадцати атакъ въ ночь, а такъ какъ подобные опыты сверхъ человѣческихъ силъ, солдатъ напаивали виномъ и даже эѳиромъ. Ничто не помогло. Наши войска, какъ глыбы сѣрой земли, стояли непоколебимо и спокойно.

И нѣмцы устали. Нѣмцы зарылись въ удобные окопы и вяло отдыхаютъ, а, можетъ быть, готовятся къ новому отчаянному натиску.

Устаетъ и Германія.

Самолюбивая и упрямая, эта страна не можетъ не сознавать, что ея кампанія, начатая съ такимъ самохвальствомъ и увѣренностью, стала ея горбомъ, обезобразившимъ доселѣ стройную фигуру, и тяжкимъ бременемъ, пригибающимъ ее къ землѣ.

Съ каждымъ днемъ все яснѣе начинаетъ обнаруживаться, что воинскій духъ и задоръ былъ не въ странѣ, не въ народѣ, а лишь въ нѣмецкомъ юнкерствѣ, составлявшемъ особую касту. Правда, добросовѣстный нѣмецъ такъ же добросовѣстно и сражается, какъ сажаетъ картофель, работаетъ на фабрикѣ и въ лабораторіи. Но въ войнѣ важнѣе всего органическая связь народа съ арміей, только эта связь даетъ и настоящій упоръ для войны и, что всего важнѣе, необходимые творческіе элементы.

За официальными воинскими реляціями, за стратегическими планами, за строго выработанной военной тактикой и техникой, скрытая, но дѣйственная, какъ корни, таится интимная сторона войны, и эта сторона обнаруживаетъ въ Германіи тревожныя колебанія.

Хотя исходъ этой войны для Германіи звучитъ, какъ роковое—«быть или не быть» и ни германская печать, ни общество ни за что не сознаются громко въ своей возрастающей внутренней тревогѣ.

Но одинъ изъ деликатнѣйшихъ показателей такихъ колебаній—письма, интимныя нѣмецкія письма, которыя въ изобиліи валяются послѣ боя на поляхъ битвъ.

Когда у мертвыхъ берутъ все, что представляетъ какую-нибудь цѣну, письма выбрасываются, какъ соръ. Это бѣлые клочки исписанной бумаги, которые для большинства солдатъ составляютъ великую отраду мрачной и тяжелой боевой жизни, никому не нужны. Нерѣдко забрызганные кровью, валяются они на землѣ. Вѣтеръ поднимаетъ ихъ сильными порывами и снова бросаетъ на землю, дождь и снѣгъ мочутъ ихъ, чьи-то ноги втаптываютъ въ грязь. А между тѣмъ, каждое письмо — дыханіе жизни, свидѣтельство любви, заботы, жалости и надеждъ, человѣческій документъ, очень сложный и цѣнный.

У меня десятки такихъ писемъ. Большею частью это женскія письма, письма къ мужьямъ-солдатамъ, письма матерей, подругъ. Большинство писемъ написано вполнѣ грамотно, часто необыкновенно трогательно и всегда — интересно.

Характерно, что почти всѣ письма написаны необыкновенно аккуратно и безъ помарокъ, точно руки, писавшія ихъ, писали сначала на-черно, а потомъ тщательно переписывали.

И вотъ эти письма, открывающія интимную сторону, скрытую за щетиной штыковъ, заглушаемую грохотомъ орудій, свидѣ-

тельствуютъ о томъ, что тамъ, дома, у нѣмцевъ, гдѣ остались близкіе этихъ несчастныхъ воиновъ, павшихъ на полѣ битвы, тамъ далеко не такъ воинственно настроены, какъ это стараются показать въ газетныхъ отраженіяхъ общественнаго духа газетчики.

Я приводилъ въ отрывкахъ много такихъ писемъ, но среди нихъ меня особенно поразило одно. Да и не меня одного поразило.

Былъ вечеръ. Я сидѣлъ въ вагонѣ санитарнаго поѣзда, представлявшаго собой подвижной врачебно-питательный пунктъ. Тутъ были сестры милосердія и санитары, измученные за день тяжелой работой.

Съ самаго разсвѣта въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда громыхали пушки, наполнявшія всю пустоту между сѣрымъ, покрытымъ низко опустившимися тучами небомъ и грязной, промокшей землей, безпрерывнымъ, удручающимъ гуломъ. Оттуда то и дѣло везли раненыхъ въ огромныхъ, покрытыхъ брезентомъ колымагахъ, которыя назывались ковчегами. Окровавленные, только что поднятые съ поля сраженія, раненые стонали, толкаясь по тряской дорогѣ одинъ о другого. По этой же дорогѣ тянулись тѣ раненые, которые имѣли силы итти сами.

Часто совершенно не перевязанныхъ раненыхъ принимали здѣсь санитары—все больше студенты и сестры—добровольческая молодежь, самоотверженная и неутомимая, слава о подвижничествѣ которой и теперь, и особенно, послѣ войны, разольется по всей Россіи,—переносили раненыхъ въ госпиталь, кормили ихъ и успѣвали тутъ же принимать безконечные поѣзда съ эвакуируемыми изъ осаждаемыхъ непріятелемъ городовъ и мѣстечекъ ранеными, голодными и измученными.

Такъ вотъ, съ этой-то молодежью и сидѣли мы въ вагонѣ-теплушкѣ, выбравъ свободный часъ отдыха. Бесѣдовали о томъ, о семъ. Но хозяйкѣ поѣзда, свѣтской дамѣ, привыкшей въ Москвѣ къ красивой и богатой жизни, а здѣсь претерпѣвающей на ряду со всѣми сестрами милосердія обычныя лишенія и тяготы, ей попалось подъ руку одно изъ только что подобранныхъ мной нѣмецкихъ писемъ, и она стала читать его сначала разсѣянно, про себя, а потомъ взволнованно обратилась ко всѣмъ намъ:

— Нѣтъ, вы только послушайте, господа, что это за письмо! Это прямо удивительно!

— А. М., — обратилась она ко мнѣ. — Не помните ли, гдѣ, при комъ нашли вы это письмо?

Я посмотрѣлъ на раскрытый, исписанный ровнымъ, красивымъ почеркомъ листокъ, на запятнанный кровью и загрязненный конвертъ. Нѣтъ, я не помнилъ, около кого изъ труповъ подобралъ его. Труповъ было такъ много, и въ окопахъ, и на полѣ съ истоптанными озимями, съ обломками орудій, винтовокъ и снарядныхъ ящиковъ. И письма валялись въ безпорядкѣ, бѣлые листки чаще всего раскрытые, такъ какъ мародеры и въ нихъ искали, быть можетъ, спрятанныхъ денегъ.

— Все равно. Это не важно. Такъ слушайте же.

И сестра стала читать письмо нѣмецкой женщины, переводя его по-русски.

Начиналось оно обычнымъ обращеніемъ:

«Дорогой мужъ».

Дальше шли строки, въ которыхъ она жаловалась, что мало получаетъ отъ него писемъ, но тутъ же и оправдывала его.

«Конечно, это потому, что ты не всегда вблизи почты, да и почта военная, заваленная безчисленными письмами, не можетъ быть такъ аккуратна, какъ бы хотѣлось намъ, бѣднымъ женщинамъ, терзаемымъ тревогой за своихъ мужей, которые осуждены постоянно находиться передъ лицомъ смерти.

«Я обѣщала тебѣ не роптать и не ропщу, — пишетъ она. — Ты знаешь, я не изъ малодушныхъ, вспомни только, что мы перенесли съ тобой, прежде чѣмъ отвоевали себѣ независимость и нѣкоторое благополучіе. Однако, меня не можетъ не безпокоить то, что война затягивается такъ надолго. Значитъ, врагъ вовсе не такъ неподготовленъ и некультуренъ, какъ насъ увѣрили, и за это время уже такъ много, такъ много жертвъ съ нашей стороны».

Тутъ она называетъ имена знакомыхъ женщинъ, мужья и сыновья которыхъ убиты, и говоритъ, что въ первый разъ она по-настоящему почувствовала ужасъ войны и содрогнулась, когда узнала, что убитъ какой-то Фридрихъ Пельцъ.

«Какъ, — воскликнула я, хотя была лишь сама съ собой, когда прочла въ твоемъ письмѣ эту ужасную вѣсть, — Фридрихъ убитъ! Тотъ самый Фридрихъ, который былъ нашимъ другомъ и такъ любилъ нашихъ дѣтей! Но тогда, значитъ, и ты, и, можетъ быть, вся наша родина...

«Нѣтъ, не буду, не хочу думать объ этомъ! Этого не можетъ быть! Богъ не допуститъ до этого. Но не могу тебѣ не сказать въ отвѣтъ на старую нѣмецкую пѣсенку, которую приводишь ты, что это, прости меня, это варварская пѣсенка. Я буду учить молиться нашихъ дѣтокъ о томъ, чтобы имъ не пришлось вспоминать эту пѣсенку».

Послѣ этихъ строкъ шли будничныя сообщенія о домашнихъ дѣлахъ, объ урожаѣ картофеля, который удалось собрать во-время, благодаря хорошей осени... Затѣмъ, множество милыхъ домашнихъ мелочей и черточекъ изъ жизни дѣтей. Весь обиходъ и укладъ скромной деревенской жизни, повидимому, учительской семьи, вставалъ въ этихъ тонкихъ буквахъ женскаго письма. И странно, и грустно было читать эти строки, адресованныя человѣку, который вчера еще жилъ и, можетъ быть, перечитывалъ ихъ, съ волненіемъ, тоской и любовью, а нынче уже валяется во рву.

Но самое главное для насъ въ этомъ письмѣ были умныя и характерныя строки о старинной нѣмецкой пѣсенкѣ. Пусть въ этой ужасной войнѣ то и дѣло попадаются сообщенія о нѣмецкихъ женщинахъ, стрѣляющихъ изъ пулеметовъ въ русскихъ солдатъ, о женщинахъ, переодѣтыхъ въ солдатское платье и сражающихся въ нѣмецкихъ войскахъ, о нѣмецкихъ женщинахъ-шпіонкахъ... Но наиболѣе распространеннымъ все же надо признать чувство, высказанное въ этихъ строкахъ, въ которыхъ сказалась душа женщины, предчувствующей неизбѣжную катастрофу не только въ своей семьѣ, но и въ своей странѣ.

Кстати, приведу письмо русской женщины, полученное мною на-дняхъ.

«Помните», пишетъ она, «какъ мы случайно встрѣтились въ одномъ вагонѣ, когда я провожала мужа опять на войну, послѣ короткаго свиданія въ вагонѣ, на перепутьи, когда онъ, не успѣвъ отдохнуть отъ ужасныхъ боевъ, въ которыхъ участвовалъ, ѣхалъ вновь въ этотъ адъ. Помните, какъ онъ заснулъ на полусловѣ, разговаривая со мной, а я смотрѣла на него, боясь шевельнуться, и плакала, томимая предчувствіемъ. Ну, такъ вотъ. Онъ убитъ. Нѣтъ предѣла и мѣры горю моему. Я плачу день и ночь... Но среди слезъ я вдругъ вспомнила ваши слова, шопотомъ сказанныя тогда мнѣ:

— Вы, должно быть, проклинаете войну?

Я хочу вамъ сказать то, для чего у меня не было словъ тогда: нѣтъ. Не проклинаю. Я бы сошла съ ума или лишила себя жизни, если бы у меня явилось чувство, заставляющее проклинать войну. Но я вѣрю, что то, что у меня и моего ребенка отняла война, въ свѣтѣ и радости вернется тысячамъ и милліонамъ другихъ женъ и дѣтей, которыя живутъ и будутъ жить послѣ войны».

ВЪ ЛИНІИ ОГНЯ.

I.

Отъ свѣта полнаго мѣсяца и отъ снѣга, наметеннаго за день, ночь стала серебристо-голубой. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ, но облака еще не вполнѣ очистили небо, хотя свѣта мѣсяца они не скрываютъ, а какъ-будто остались только затѣмъ, чтобы поиграть въ его сіяніи.

Облака принимаютъ въ небѣ самыя прихотливыя формы и, приближаясь къ полному ярко-сіяющему мѣсяцу, свѣтятся оранжевыми и зеленоватыми тонами.

Мѣстечко успокоилось и заснуло, хотя часъ еще ранній. Почти нигдѣ не видно огней, за исключеніемъ аптеки, госпиталей да губернскаго питательнаго пункта, гдѣ молодежь отдыхаетъ послѣ трудового дня. Правда, теперь уменьшился притокъ раненыхъ, которыхъ нужно накормить и напоить горячимъ чаемъ, но все же каждые три дня раздается до полутора тысячъ обѣдовъ мѣстнымъ жителямъ, разореннымъ войной.

Пушки и ночью не смолкаютъ. Но канонада опять-таки не настойчивая и не выдержанная. Палятъ какъ-будто только затѣмъ, чтобы показать, что не спятъ. Но какъ только представишь себѣ, что слѣдуетъ за этими громовыми раскатами: эти разлетающіеся на десятки саженъ кругомъ пули и осколки шрапнелей и бризантныхъ снарядовъ, спокойно-пренебрежительное отношеніе къ этой «не выдержанной» канонадѣ пропадаетъ.

Автомобиль мчится по равскому шоссе туда, откуда доносится этотъ грохотъ. Ночь такъ свѣтла, что можно ѣхать безъ огней, и потому электрическіе лучи стеклянныхъ глазъ автомобиля вспыхиваютъ только тогда, когда навстрѣчу кто-нибудь ѣдетъ. Да безъ огней оно и безопаснѣе. Непріятельскія позиціи не такъ далеко, чтобы можно было пренебрегать осторожностью.

И опять навстрѣчу пѣшіе, всадники и обозы. Всадниковъ, пѣшихъ и обозы и обгоняетъ нашъ автомобиль. Движеніе военной жизни не прекращается ни днемъ, ни ночью, какъ движеніе рѣкъ и ручьевъ. И какъ-будто заодно съ этой жизнью и настоящія рѣки и ручьи въ Польшѣ. Зима, холодъ, а даже небольшая, живописная рѣка Пилица, протекающая здѣсь, и не думаетъ замерзать. Стремительно бѣжитъ она въ своихъ красивыхъ берегахъ, разбивая съ легкимъ трескомъ кусокъ о кусокъ хрупкія льдины, напрасно пытающіяся сковать ея вольное движеніе.

Два нашихъ спутника остались въ монастырѣ, но на ихъ мѣсто попросились студенты съ губернскаго питательнаго пункта. Эта поѣздка для нихъ и отдыхъ и развлеченіе. А опасность? Ну, опасность не только не можетъ испугать, а скорѣе увеличиваетъ удовольствіе поѣздки.

Жизнь ихъ здѣсь, на пунктѣ, скудна и до крайности однообразна. Кухня да кормленіе, кухня да кормленіе. Конечно, они не веселиться пріѣхали сюда, никто изъ нихъ не жалуется, но молодость требуетъ и нѣкоторыхъ радостей, хотя бы для отдыха. Оттого пріятно доставить имъ это удовольствіе, прокатиться въ лунную ночь къ боевымъ позиціямъ и дать, такимъ образомъ, возможность забыться отъ тяжелой жизни и печальныхъ впечатлѣній нищеты и голода, съ которыми они призваны здѣсь бороться.

Къ слову сказать, кромѣ нихъ, госпиталя Краснаго Креста уфимской общины и монаховъ, въ этой борьбѣ замѣтной силой являются терціане и терціанки, о которыхъ стоитъ упомянуть.

Терціане — религіозная община, довольно замѣтная въ Польшѣ. Это, такъ сказать, третья степень установленія францисканскаго ордена. Члены общества — не монахи, но обязаны посѣщать въ извѣстные часы церковную службу. Въ остальномъ характеръ общины чисто-моральнаго свойства. Они представляютъ собою скромную коммуну съ безусловной трезвостью и обязаны трудиться, не покладая рукъ, и помогать не только другъ другу въ случаѣ нужды, но и своимъ ближнимъ.

Одно время наша власть встревожилась по поводу этой общины, существующей безъ одобреннаго закономъ устава, и даже привлекла ихъ къ отвѣтственности по 126 статьѣ. Но совѣтъ губернаторовъ мѣстнаго края выступилъ на защиту терціанъ.

При самомъ тщательномъ разслѣдованіи, въ общинѣ терціанъ

не могли найти ничего преступнаго. Наоборотъ, ихъ трезвость, благочестіе и трудолюбіе свидѣтельствовали въ ихъ пользу. Терціанъ оставили въ покоѣ, и вотъ теперь, въ это тягостное время, требующее безъ конца сердобольныхъ рукъ, терціане отозвались съ истинной сердечностью на народныя нужды и бѣдствія войны.

II.

Черезъ какіе-нибудь полчаса пути по отличному шоссе, послѣ нашествія нѣмцевъ исправленному съ тѣхъ поръ, какъ мы ковыляли на немъ въ автомобилѣ, два мѣсяца тому назадъ, передъ нами замелькали рѣдкіе огоньки польской деревушки, разбросанной среди старой рощи въ широкой и красивой балкѣ. Недалеко отъ этой деревушки находился передовой перевязочный пунктъ, и мы отправились туда.

Теперь мы находимся въ самой линіи непріятельскаго артиллерійскаго огня. Ежедневно эта мѣстность обстрѣливается шрапнелью и гаубицами.

Медицинскій персоналъ отряда помѣщается въ небольшой халупѣ, состоящей изъ двухъ горенокъ. Кромѣ медицинскаго персонала, здѣсь помѣщается офицеръ, завѣдывающій продовольствіемъ, и заурядъ-чиновникъ, ведущій канцелярскую работу. Всего — семь человѣкъ.

Офицеры встрѣчаютъ насъ необыкновенно привѣтливо. Кое-кто изъ докторовъ уже завалился спать, несмотря на ранній часъ, но онъ проситъ насъ не смущаться этимъ обстоятельствомъ.

— Это просто отъ нечего дѣлать. Работа — дневная: она уже кончилась. Читать нечего, что было, — все перечитано. Нѣтъ ли, кстати, у васъ газетокъ?

Мы уже знаемъ газетный голодъ на позиціяхъ и привезли массу газетъ. Это очень радуетъ хозяевъ.

— Вы представить себѣ не можете, какъ дорога здѣсь каждая новость, каждое ободряющее слово! — говорятъ они.

Кое-кто изъ врачей поднимается съ постели, спѣшитъ одѣться. Просятъ извиненія за безпорядокъ, а на самомъ дѣлѣ довольны, что у нихъ такъ тепло и даже уютно.

Горитъ керосиновая лампа, освѣщая разставленныя возлѣ стѣнъ одна близъ другой походныя кровати, деревянныя скамейки и столы, заваленные бумагами.

— Это правда, что у насъ чудесно!—говорятъ они.—Тѣсновато немного, ну, да въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. Зато все подъ рукой.

Пушечный ударъ покрылъ послѣднія слова тяжелымъ грохотомъ, отъ котораго задребезжали маленькія стекла халупы.

Я переглянулся съ моими спутниками, и мы не могли не усмѣхнуться про себя: дѣйствительно, все подъ рукой, и даже непріятельскія батареи. Точно угадавъ эти мысли, офицеръ добродушно заговорилъ:

— Это наша батарея ухнула. Мы уже отлично разбираемъ басы своихъ и чужихъ орудій. Но и непріятели, черти, не молчатъ.

Онъ поворачивается, протягиваетъ руку и, взявъ съ другого стола верхушку шрапнели съ кускомъ дистанціонной трубки, продолжаетъ:

— Вотъ-съ.. гостинецъ-съ... Еще два-три часа тому назадъ былъ горячій. Прямо, можно сказать, изъ печи. Упалъ неподалеку отъ насъ, убилъ лошадь и человѣка тутъ же. Такъ дуромъ лупятъ. Впрочемъ, привыкаешь къ этому. Спишь какъ ни въ чемъ не бывало и еще какіе сны видишь подъ этотъ аккомпанементъ.

— Ну, я бы предпочиталъ безъ этого аккомпанемента спать,— отозвался голосъ съ постели.

Офицеръ продолжалъ, какъ бы не разслышавъ:

— И ужъ какъ они стараются нащупать насъ. Леталъ ихъ аэропланъ надъ нами, бросалъ горящія ленточки изъ магнія, наводилъ зеркала, освѣщенныя электрическимъ токомъ сильнаго напряженія...

Подъ непрерывнымъ огнемъ медицинскій отрядъ спокойно и твердо дѣлаетъ свое дѣло, хотя, конечно, это спокойствіе достается тяжелой цѣной.

На перевязочный пунктъ съ позицій идутъ и идутъ раненые. Врачи перевязываютъ ихъ въ полномъ смыслѣ слова подъ огнемъ.

Такъ, 13 января, по указанію нѣмецкаго аэроплана, повторился обстрѣлъ перевязочнаго пункта бризантными снарядами.

Въ операціонномъ помѣщеніи были вышиблены разрывными снарядами стекла, но работа на пунктѣ продолжалась: врачъ продолжалъ свои хирургическія операціи — одну за другою.

Такъ же согласованно и дружно работали всѣ остальные врачи отряда, — и ихъ сподвижники.

III.

Въ сопровожденіи офицера и молодого доктора, прибывшаго сюда изъ Севастополя, откуда онъ выѣхалъ вскорѣ послѣ неудачнаго визита «Бреслау», мы выходимъ изъ халупы, чтобы осмотрѣть пунктъ во всѣхъ его статьяхъ.

Нашъ выходъ наружу какъ бы привѣтствуется громовыми ударами орудія, отъ котораго нѣкоторое время томительно ноетъ тѣло.

Но попрежнему тиха серебристо-голубая ночь, и полный мѣсяцъ ведетъ таинственную игру съ облаками, отливающими оранжевымъ сіяніемъ.

Слабы и блѣдны въ сіяніи мѣсяца звѣзды, зато сверкающими звѣздочками переливается снѣгъ на землѣ и на узорчатыхъ иглахъ хвойныхъ деревьевъ, обступившихъ справа дорогу.

Слѣва плавно поднимается вверхъ довольно пустынное поле, и за его теряющейся въ голубоватомъ сумракѣ линіей таятся нѣмецкія пушки.

Тамъ ярко пылаетъ зарево пожара. Оно знойно и багряно полыхаетъ въ небѣ, точно дышитъ тамъ огненная пасть апокалиптическаго чудовища, которое издаетъ иногда ужасающій отрывистый ревъ.

Отъ этого рева гудятъ высокія старыя хвои и сыплютъ съ своихъ темно-зеленыхъ вѣтвей иней, поблескивающій радужными искорками на лунномъ свѣтѣ.

Лунный свѣтъ падаетъ и въ просвѣты между деревьями, которыя кажутся почти черными и тяжелыми, точно выкованными изъ чугуна, при этихъ легкихъ, дрожащихъ переливахъ луннаго сіянія.

— Чортъ знаетъ что такое! — шутливо негодуетъ молодой докторъ. — Такую ночь Богъ даетъ для любовныхъ свиданій, или, по крайней мѣрѣ, для поэтическихъ грезъ, а тутъ громыхаютъ пушки!

Въ орудійный грохотъ ворвался мелкій дробный трескъ пулемета: точно тысячи журчащихъ ручейковъ влились въ широкую рѣку и потерялись въ ней.

— Вотъ вамъ для разнообразія другая музыка. Если повторится, значитъ, атака.

Но музыка не повторилась.

— А далеко отсюда наши окопы?

— Въ двухъ-трехъ верстахъ всего.

— А непріятельскіе?

— Саженяхъ въ трехстахъ отъ нашихъ. Прямо въ лапту можно играть. Но и наши, и непріятель, засѣли такъ прочно, что не хотятъ двигаться.

— Зато ужъ, если двинутся, то навѣрное не только здѣсь, хотя, повидимому, именно здѣсь нѣмцы намѣрены прорваться.

Такъ, тихо бесѣдуя, мы идемъ по шоссе вдоль сосноваго бора, какъ-будто находимся не на линіи обстрѣла, а въ самыхъ мирныхъ условіяхъ.

Слѣва отъ шоссе свѣтится окошечко. Мы входимъ въ довольно просторную чистую избу, гдѣ чуть-чуть попахиваетъ лѣкарствами. Это и есть перевязочный пунктъ. Въ уголкѣ сидятъ двое солдатъ-санитаровъ и играютъ въ самодѣльныя шашки.

Новая икона украшаетъ это чистое помѣщеніе, и на серебряной ризѣ, на дощечкѣ внизу, значится, что икона эта пріобрѣтена иждивеніемъ мѣстнаго отряда.

Въ этомъ, помимо религіознаго смысла, есть что-то пріятное и трогательное.

Сюда, въ эту бѣлую, чистую горницу, приходятъ съ позицій раненые люди, грязные, измученные, окровавленные. Здѣсь имъ подаютъ первую помощь, перемѣняютъ бѣлье.

Отсюда раненыхъ направляютъ въ брезентовый шатеръ, стоящій въ лѣсу.

Мы идемъ въ этотъ шатеръ, гдѣ можетъ помѣститься человѣкъ сто. Подъ его непроницаемымъ покровомъ тепло отъ печки. На соломенномъ тюфякѣ лежитъ только нынче прибывшій раненый солдатъ, черный, обросшій бородой.

— Куда раненъ?

— Въ ногу, ваше благородіе.

— Шрапнелью?

— Нѣтъ, такъ что пулей.

Онъ хочетъ привстать. Мы останавливаемъ его, но солдатъ все же поднимается.

— Да нѣтъ, ваше благородіе, это пустяковина одна. Пуля, почитай что вовсе не повредила ноги, такъ, самую малость, икру. Мы, значитъ, ночью изъ окопа пошли цѣпью за пишшей, а онъ какъ началъ палить, вотъ меня и урѣзало.

Раненые, конечно, не залеживаются здѣсь. Ихъ въ колымагахъ отправляютъ въ ближайшіе госпитали. Мало ли что можетъ случиться, гдѣ же тогда возиться съ ранеными. Оттого все здѣсь приспособлено такъ, чтобы можно было сняться въ нѣсколько минутъ. Быстро разбираются и укладываются на запряженныя телѣги шатры, а инвентарь такой, что его и оставить не жаль, за исключеніемъ печи, которая, конечно, идетъ вмѣстѣ съ шатромъ.

Вдоль шоссе, въ лѣску — близъ опушки солдаты вырыли себѣ землянки и убѣждены, что тамъ снарядъ не достанетъ ихъ. Обложили землянки хворостомъ, такъ что и не сразу разглядишь это логовище.

Одна изъ такихъ землянокъ была, вмѣсто двери, закрыта мѣшкомъ съ соломой.

Мы слегка отвалили мѣшокъ и заглянули во внутрь: тамъ также горѣла печь, разливая сухое тепло, и солдаты грѣлись возлѣ нея, калякая о своихъ дѣлахъ.

Неподалеку помѣщался навѣсъ и стойла для лошадей.

Славныя животныя тихо стояли въ своихъ холодныхъ стойлахъ, и когда мы вошли, большинство лошадей повернули къ намъ свои головы и обратили свои большіе внимательные и умные глаза.

Двѣ лошади заболѣли сапомъ, и ихъ отдѣлили отъ здоровыхъ въ особое помѣщеніе.

— Что же, можно ихъ вылѣчить? — спросили мы доктора.

— Стараемся.

Этотъ отвѣтъ данъ съ большой серьезностью и озабоченностью. Лошадь на войнѣ — дорогое животное и вѣрный слуга и товарищъ, и потому лѣченіемъ ея дѣйствительно занимаются старательно.

— Вотъ и всѣ наши владѣнія, и все наше хозяйство, — говоритъ офицеръ.

Дѣло какъ-будто не большое, но важное.

Какъ бы подтверждая послѣднія слова, съ батареи опять грохнули пушки.

Грохотъ смутнымъ и тревожнымъ гуломъ отдался въ лѣсу, и опять съ деревьевъ посыпались снѣжинки.

Лошади съ тревогой подняли головы и навострили уши.

— Пора ѣхать, — сказалъ мой товарищъ.

Мы пошли къ автомобилю съ нашими новыми знакомыми.

Крѣпко пожали имъ руки. Обмѣнялись прощальными привѣтами.

И, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, почувствовалась смутная неловкость передъ этими людьми, что-то близкое къ виноватости передъ ними, передъ всѣми, остающимися здѣсь и тамъ, гдѣ гремятъ пушки и дребезжатъ винтовки и пулеметы.

Всѣ эти, — и тѣ, сидящіе въ ледяныя ночи въ окопахъ, и эти, подъ огнемъ перевязывающіе ихъ раны, дѣлаютъ сейчасъ самое важное для Россіи дѣло, не маленькое, какъ скромно сказалъ офицеръ, а великое и не только потому великое, что подвергаютъ опасности свое тѣло, а, что еще цѣннѣе, потому, что отдаютъ этому дѣлу свою душу.

Но оторванные отъ родины, отъ близкихъ, они не одиноки: съ ними упованія, помыслы и чувства всѣхъ, кому дорога родина и ея будущее, всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить святость и красоту подвига и благоговѣть передъ силой и самоотверженностью человѣческой души.

Въ нервной и мрачной атмосферѣ войны люди массами должны были бы сходить съ ума, если бы у нихъ не было этого, можетъ быть, даже не всегда сознательнаго ощущенія своей органической связи съ міромъ, если бы ихъ многострадальныя сердца не чувствовали дыханія любви, которое несется къ нимъ отовсюду, изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ уголковъ Россіи, если бы не слышали благословеній, которыя сопровождаютъ каждый ихъ шагъ на тяжеломъ пути.

ДѢТИ.

У меня все не выходятъ изъ головы маленькія дѣтскія головки на бѣлыхъ подушкахъ, эти безкровныя дѣтскія личики, такія кроткія и нѣжныя, эти два цвѣтка, какъ бы нарочно положенные въ унылую палату госпиталя раненыхъ, чтобы смягчить и скрасить его печаль.

Это жертвы войны, жертвы нѣмецкихъ бомбъ, брошенныхъ съ аэроплановъ въ городъ К—скъ, гдѣ, по предположенію нѣмцевъ, долженъ былъ находиться штабъ одной изъ нашихъ армій.

Вотъ уже нѣсколько дней подъ-рядъ бросаютъ они въ К—скъ по десятку бомбъ ежедневно. Война какъ война. Тутъ не приходится

охать и ужасаться: война узаконяетъ пролитіе крови, узаконяетъ все... оправдываетъ даже такіе пріемы, какъ метаніе бомбъ съ небесной вышины въ непріятеля.

Извѣстно, что эти бомбы рѣдко достигаютъ своей цѣли, что чаще онѣ поражаютъ мирныхъ жителей. Скверно, когда мирные жители при этомъ имѣются даже въ виду. Это уже преступленіе со стороны бомбометателей, и нѣмцы очень повинны въ этомъ преступленіи. Бомбы, бросаемыя ими въ мирные города, почти ни разу не причинили никакого вреда нашему войску и тому, что служитъ воинскимъ цѣлямъ. Не достигаютъ онѣ цѣли и съ другой стороны: не вызываютъ никакой паники въ городѣ, а жителей убиваютъ и калѣчатъ.

И съ этимъ, если нельзя примириться, можно свыкнуться. Но когда страдаютъ дѣти, тутъ сердце закипаетъ отъ гнѣва, обиды и жалости, какъ если бы убивалось, уродовалось, оскорблялось самымъ жестокимъ, самымъ безсмысленнымъ образомъ самое святое для жизни, самое прекрасное и чистое.

Я увѣренъ, что если бы этимъ нѣмцамъ, бросившимъ бомбы, показать этихъ искалѣченныхъ ими малютокъ, они бы сами содрогнулись за это подлое занятіе — метаніе бомбъ въ мирные города, потому что больше всего отъ этого страдаютъ дѣти. Почему? Да потому, что дѣти всегда играютъ на улицѣ и не только не берегутся, не прячутся, когда летятъ аэропланы, а, наоборотъ, съ наивной безпечностью забавляются этими парящими надъ ихъ свѣтлыми головками злыми птицами войны.

Есть кому убрать дѣтей — уберутъ. А нѣтъ — они подъ крыльями смерти. То и дѣло слышишь объ убитыхъ бомбами нѣмецкихъ летчиковъ дѣтяхъ. Это уже варварство, которое нельзя и не слѣдуетъ оправдывать неизбѣжной случайностью на войнѣ.

Деревня Д—ръ, гдѣ я былъ наканунѣ, покинута почти всѣми жителями. Остались только тѣ, которымъ совершенно невозможно и некуда дѣться. Они остались и живутъ подъ страхомъ смерти, такъ какъ деревня обстрѣливается непріятельскими снарядами. Снаряды падаютъ не только въ самую деревню, но и на кладбище. Вы только представьте себѣ ужасъ этой жизни, этого огненнаго разрушенія, среди котораго не одни солдаты, но и доктора перевязочнаго пункта работаютъ, не покладая рукъ, дѣлаютъ сотни перевязокъ и операцій въ день, въ то время, какъ отъ разрывающихся рядомъ снарядовъ лопаются и разлетаются вдребезги оконныя стекла.

И въ этомъ аду живетъ польская семья съ двумя дѣтьми: одному ребенку семь, другому шесть лѣтъ.

Семилѣтней дѣвочкѣ самой пришлось видѣть разорвавшійся около нея снарядъ, и ужасъ ея родителей, съ которыми они бѣжали изъ еще болѣе опаснаго мѣста. Это такъ потрясло ее, что она теперь вздрагиваетъ и пугается каждаго стука. Потрясеніе такъ велико, что ужасъ, тревожными искрами трепещущій въ ея глазахъ, навѣрное останется навсегда.

Другой ребенокъ не видѣлъ ничего подобнаго, хотя ежедневно слышитъ страшный грохотъ. Но этотъ грохотъ только забавляетъ его и помогаетъ играть въ войну.

Докторъ и спутники любятъ въ свободныя минуты зайти въ халупу, гдѣ помѣщается эта семья. Каждому человѣку такъ хочется хоть мгновенной отрады, просвѣта, теплаго намека на интимность, отъ которой они надолго оторваны.

Этотъ мальчикъ, принимающій, какъ забаву, ревъ десятковъ орудій ураганнаго огня, сливающійся въ адскій гулъ, отъ котораго содрогается земля, помогаетъ и имъ переносить болѣе стойко свои тяготы и иногда даже любоваться съ дѣтской безпечностью. Кто хоть разъ былъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, знаетъ, насколько воспріимчивы и податливы въ такія минуты взрослые и даже твердые люди ко всякому стороннему вліянію, отъ кого бы оно ни исходило.

Зато ужасъ дѣвочки производитъ угнетающее впечатлѣніе. Съ мучительной жалостью къ ней, является желаніе уйти отъ нея подальше, тѣмъ болѣе, что помочь ей, успокоить ее въ такія минуты совершенно невозможно.

И вотъ, когда я на другой день послѣ этого, проѣхавъ верстъ сто отъ Д—ръ вдоль нашего фронта, попалъ на передовой перевязочный пунктъ профессора Миротворцева въ К—скъ и увидѣлъ тамъ двухъ раненыхъ бомбами съ нѣмецкаго аэроплана дѣтишекъ, я позабылъ о цѣли пріѣзда, о желаніи познакомиться съ образцовой во всѣхъ статьяхъ постановкой дѣла на этомъ пунктѣ, какъ говорятъ, самомъ дешевомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразномъ изъ всѣхъ, которые я видѣлъ. Дѣтишки заняли всѣ мои мысли, омрачили всѣ мои чувства.

Мальчикъ лѣтъ трехъ и дѣвочка лѣтъ пяти.

Они лежать въ большой просторной палатѣ, гдѣ помѣщаются главнымъ образомъ раненые плѣнники-австрійцы.

Дѣвочка ранена смертельно. Несмотря на самыя тщательныя мѣры, она не выживетъ.

Мальчикъ раненъ въ ногу, останется живъ, но будетъ всю жизнь калѣкой: ему уже ампутировали ногу.

Несчастныя молодыя матери сидятъ у постели того и другого ребенка.

Дѣвочка лежитъ неподвижная и худенькая, на ея щекахъ уже сквозятъ землистыя тѣни. Глаза ея полузакрыты, а когда она открываетъ ихъ, темныя длинныя рѣсницы ея поднимаются, какъ два слабыхъ крылышка жизни, которая вотъ-вотъ отлетитъ отъ нихъ, и тогда эти крылышки-рѣсницы упадутъ, безсильныя, на чистые зрачки ея глазъ, которыхъ злодѣйски коснулся ужасъ войны.

Мать смотритъ на нее неподвижными глазами, въ которыхъ сквозитъ такое безпредѣльное горе, для облегченія котораго нѣтъ ни словъ, ни звуковъ, ни молитвъ.

Если бы этого нѣмецкаго летчика могли судить за его, можетъ быть, неумышленное злодѣйство, пусть бы его заставили въ наказаніе взглянуть въ эти невыразимо страдальческіе глаза матери; въ нихъ прочитала бы свой приговоръ его собственная совѣсть.

Мальчикъ съ ногой, раздробленной нѣмецкой бомбой, ведетъ себя молодцомъ.

Въ его на диво-красивомъ личикѣ нѣтъ ни кровинки, но въ свѣтлыхъ глазкахъ мерцаютъ искорки воскресающей жизни. Мальчика сумѣли отходить, и мать, сидящая у его постели, съ благодарностью смотритъ на врача и одну изъ главныхъ помощницъ профессора Миротворцева, сестру милосердія, графиню М., которая подводитъ насъ къ этому ребенку.

— Это нашъ общій любимецъ и баловень, — ласково говоритъ она, присаживаясь на широкую большую койку, гдѣ лежитъ крошечное изуродованное тѣльце.

Ребенокъ подноситъ къ безкровнымъ губкамъ дѣтскую гармонику и, надувъ щечки, извлекаетъ изъ гармоники слабые звуки.

Раненые поворачиваютъ головы на эту музыку и улыбаются сквозь гримасы сдерживаемой боли. Этотъ мальчикъ и для нихъ утѣшеніе. Они сами оберегаютъ его покой и тѣмъ облегчаютъ положеніе медицинскаго и служебнаго персонала госпиталя.

До того, какъ сюда привезли дѣтей, раненые австрійцы, особенно непривѣтливые и требовательные даже по незначительнымъ поводамъ, то и дѣло требовали сестеръ и санитаровъ. Графиня М., съ восторгомъ отзывающаяся о выносливости, терпѣніи и заботливости своихъ сподвижницъ, говоритъ, что и сестеръ утомляла эта требовательность, тѣмъ болѣе, что раненые не стѣснялись кричать и стучать, призывая помочь имъ, и тѣмъ безпокоили другихъ больныхъ.

Но съ появленіемъ дѣтей они стали удивительно терпѣливы.

Когда кто-нибудь въ палатѣ производилъ шумъ, остальные или увѣщевали безпокойнаго, или останавливали его угрозами.

— Какъ не стыдно безпокоить дѣтей! А еще солдатъ!

— Если ты не перестанешь кричать, мы заставимъ тебя умолкнуть.

Зато, когда мальчикъ безпокоился, они наперерывъ старались его развлекать, кто какъ могли: одни насвистывали пѣсенки, другіе кричали кукареку, третьи просто дѣлали пальцами разныя штуки.

Однажды сестра вошла въ палату и увидѣла около койки ребенка довольно тяжело раненаго австрійца, который сползъ съ своей кровати и, чтобы позабавить мальчика, дѣлалъ ему изъ гигроскопической ваты разныя фигурки.

На окнѣ палаты, какъ разъ передъ глазами ребенка, стоитъ деревянная лошадка, и наивный силуэтъ трогательно рисуется на свѣту въ печальныхъ стѣнахъ, гдѣ лежатъ люди, дравшіеся, какъ звѣри, и сами изуродованные въ бояхъ на кровавыхъ поляхъ смерти. Лошадку принесъ мальчику корпусный врачъ.

Командующій арміей, генералъ Э., навѣщая госпиталь, также всегда интересуется этими маленькими несчастными жертвами войны. У самого генерала въ настоящее время большое семейное горе: погибъ его сынъ—юноша, и, можетъ быть, потому онъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ страдалицамъ матерямъ этихъ дѣтишекъ.

Послѣ осмотра госпиталя, черезъ который прошли тысячи раненыхъ, мы собрались уѣзжать, и только тутъ я замѣтилъ, что голова графини М. перевязана.

— Что такое? Вы ранены?

— Да. Автомобилемъ. Автомобиль, въ которомъ я ѣхала, подскочилъ на ухабѣ. Ударилась головой. Проболѣла двѣ недѣли. Боя-

лись воспаленія мозга, но, слава Богу, опасность миновала сравнительно благополучно. Вотъ только голова болитъ до сихъ поръ, а пораненія проходятъ. Что подѣлаешь. На войнѣ — не то, такъ другое. Автомобили — опасная штука, — полушутя, полусерьезно проговорила она. — Съ автомобилями и хуже бываетъ.

Въ послѣднемъ намъ пришлось убѣдиться черезъ какой-нибудь часъ послѣ этой бесѣды.

Мы съ страшной быстротой мчались по шоссе обратно въ Новое-Място.

По пути прекрасныя живописныя мѣста. На фонѣ яснаго заката—хвойные лѣса, то взбѣгающіе на холмы, то причудливо разбросанные въ низинахъ — одинокія каплички, фольварки, деревушки.

Въ мѣстечкѣ Д. — старинный почернѣлый замокъ временъ Казимира Великаго съ высокими крѣпостными стѣнами. Старый костелъ и неизмѣнныя руины пожарища.

Праздничный день, и польскіе крестьяне и крестьянки въ цвѣтныхъ костюмахъ. Женщины съ преувеличеннымъ визгомъ и смѣхомъ шарахаются отъ автомобиля въ стороны, прячутся за попутными деревьями и столбами...

Свѣтлый воздухъ ласкаетъ лицо. Мы уже въ какихъ-нибудь двухъ десяткахъ верстъ отъ Нова-Мяста. Вдругъ мой товарищъ, который отлично правилъ автомобилемъ, видитъ на пути довольно глубокій ухабъ.

Ухабъ слишкомъ близко, такъ что если и застопорить машину, все равно не миновать бѣды. Онъ дѣлаетъ рѣшительное движеніе влѣво, чтобы объѣхать ухабъ, и тутъ, передъ нами, вдругъ выростаетъ телеграфный столбъ.

Одно мгновеніе — и мы разобьемся вдребезги. Отчаяннымъ движеніемъ онъ рванулъ колесо вправо и застопорилъ машину.

Она какъ-будто вскрикнула, какъ живая, и метнулась вбокъ съ лѣвой стороны. Въ ту же минуту послышался страшный трескъ. Меня бросило какъ-то бокомъ. Острая боль ударила въ глаза и носъ, и въ первое мгновеніе я подумалъ, что глазъ у меня вырвало и переломило носовой хрящъ. Инстинктивно схватился я за лицо. По рукѣ потекла кровь.

К—ій почти истерически кричалъ около меня и тормошилъ меня.

— Ради Бога, что съ вами? Что? Сильно? Опасно ранены?

Я потрогалъ носъ. Онъ былъ цѣлъ. Попробовалъ открыть глазъ — открывается: значитъ, все остальное пустяки.

«Съ автомобилями и хуже бываетъ!» — вспомнились мнѣ слова графини М.,—и я поспѣшилъ успокоить его этими словами.

Я прижалъ платокъ къ лицу, по которому кровь текла горячо, какъ огонь.

Платокъ моментально сталъ мокрымъ и краснымъ. К—ій и шофферъ совсѣмъ не пострадали. Но бѣдная машина! Она съ разломаннымъ бокомъ, съ разбитыми крыльями, насѣвшими на раму, съ изломанной рессорой и прочими пораненіями.

«Что подѣлаешь, на войнѣ — не то, такъ другое».

ОНИ И МЫ.

I.

Когда печатаются короткія газетныя сообщенія о бояхъ, въ которыхъ погибаютъ десятки тысячъ людей, воображеніе большинства читающихъ не идетъ за предѣлы поверхностныхъ представленій. И это слава Богу! И въ этомъ есть спасительная экономія человѣческой природы. Только, когда погибаетъ на войнѣ близкій или знакомый человѣкъ, сердце болѣзненно вздрагиваетъ, и то, что принято называть ужасомъ войны, остро ощущается нервами.

Вотъ убитъ А. М. Колюбакинъ. Тутъ ужъ не только погибъ близкій или знакомый человѣкъ, а видный общественный дѣятель, свѣтлая, симпатичная, благородная душа, живая, чуткая совѣсть и украшеніе нашей бѣдной жизни.

Я лично не былъ знакомъ съ А. М. Колюбакинымъ. Но какъ-то совсѣмъ недавно я проходилъ съ пріятелемъ вестибюль отеля, гдѣ живу. Навстрѣчу попался офицеръ, который прежде всего обратилъ мое вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, а затѣмъ показалось, что я гдѣ-то видалъ его — помнилось это худощавое лицо, честное и открытое, и живые, ясные, выразительные глаза.

Пріятель мой пробормоталъ:

— Постойте. — Сейчасъ.

И быстро направился къ офицеру.

Я еще внимательнѣе взглянулъ на высокую фигуру: это была фигура настоящаго военнаго, но уже къ привычному для глазъ облику военнаго присоединялось еще то, что часто сочетается съ университетскимъ значкомъ, дополняющимъ порой боевыя украшенія военнаго мундира. Офицеровъ съ университетскими значками приходится встрѣчать нерѣдко, но этотъ и среди нихъ не могъ остаться незамѣтнымъ.

— Кто онъ? — спросилъ я моего спутника, когда онъ разстался съ высокимъ офицеромъ.

— А развѣ вы его не знаете? — удивился онъ.

— Лицо знакомое. Хорошее лицо. На этого человѣка можно положиться и во всемъ повѣрить ему.

— Еще бы. Вѣдь это А. М. Колюбакинъ!

И вотъ сейчасъ ко мнѣ зашелъ художникъ С.

— На минуту. Ѣду на петроградскій вокзалъ. Привезли тѣло А. М. Колюбакина для отправки въ Петроградъ. Хочу, если будетъ возможно, зарисовать, а нельзя зарисовать, — хоть снимокъ сдѣлаю. Помолюсь на его панихидѣ.

Я представилъ себѣ гробъ съ останками человѣка, котораго такъ недавно еще видѣлъ живымъ и улыбающимся, и сердце сжалось. Но ни на одно мгновеніе не явилось вопроса: нужно ли было это? Нужно ли, чтобы этотъ человѣкъ, давно отказавшійся отъ военной формы, снова надѣлъ ее, да надѣлъ не только добровольно, а вопреки препятствіямъ, которыя встрѣтилъ при этомъ самоотверженномъ порывѣ?

И вотъ, не потому только, что свершилось, даже не потому, что это дѣло его души, его благородной совѣсти, я, не смѣя сказать — да — долженъ сказать, что эта геройская смерть сама въ себѣ несетъ примиреніе съ ея ужаснымъ трагизмомъ, потому что еще и еще въ безконечный разъ свидѣтельствуетъ, какова душа этой войны.

Объ А. М. Колюбакинѣ будутъ много писать, оплакивать его, вспоминать и разсказывать, какъ и объ убитомъ въ октябрѣ другомъ героѣ, кн. Хилковѣ, котораго я зналъ также индивидуальности крупной и интересной.

Но больше того, что сказано о немъ его смертью, сказать нельзя.

Горе падшимъ. Слава павшимъ,
Смерть презрѣвшій побѣдитъ,
Надъ героемъ, крестъ пріявшимъ,
Лучъ безсмертія горитъ.

II.

Есть, конечно, герои, погибшіе не менѣе доблестной смертью, чѣмъ А. М. Колюбакинъ. Ихъ много. Каждый новый день войны — новый синодикъ за упокой павшихъ героевъ. Но то, что общество не можетъ съ такой остротой и мукой отзываться на ихъ кончину, какъ въ отношеніи А. М., — это не можетъ служить для общества укоромъ. Никакихъ силъ человѣческихъ не хватитъ на такую бездну страданія и горя. Конечно, для всѣхъ, читающихъ ежедневно о сотняхъ и тысячахъ убитыхъ, эти павшіе тоже были люди съ божественной человѣческой душой; они такъ же любили жизнь и солнце, и родину, и своихъ близкихъ, какъ мы, но то, что они призваны сражаться не на жизнь, а на смерть съ врагами родины, то, что война — это ихъ сфера, что они получаютъ для нея спеціальную подготовку и многіе даже спеціальное воспитаніе, и что извѣстный историческій моментъ требуетъ надлежащаго примѣненія ихъ профессіи на дѣлѣ, — все это ставитъ ихъ въ глазахъ не воюющихъ подъ особую мѣру, вызываетъ особое отношеніе къ нимъ. Да и сами они, вслѣдствіе этого, въ большинствѣ — люди особаго склада, особой психологіи.

Чѣмъ ближе я къ войнѣ, чѣмъ ближе я подхожу къ этимъ людямъ, тѣмъ яснѣе убѣждаюсь въ этомъ, и меня уже не поражаетъ многое изъ того, что поражаетъ каждаго свѣжаго человѣка.

На-дняхъ мой сотоварищъ по газетѣ съ удивленіемъ и восторгомъ разсказывалъ мнѣ объ одной дорожной встрѣчѣ, очень характерной. По пути въ Варшаву спутникомъ его оказался офицеръ, ѣхавшій изъ К.

Еще молодой, красивый, искренній, но нѣсколько болѣзненно-блѣдный и нервный.

Конечно, говорили о войнѣ и только о войнѣ, ужасались ея жестокому упорству, кровавой широтѣ захвата и жертвъ.

— А вы на войну ѣдете? — деликатно освѣдомились у офицера.

— Да, на войну! — отвѣтилъ онъ, какъ-то весь встрепенувшись. — На позиціи ѣду...

Неловко помолчалъ... помялся и вдругъ чистосердечно сознался:

— Ѣду и боюсь.

Это сознаніе нѣсколько удивило спутниковъ. Не то, чтобы оно было зазорно или противуестественно, а какъ-то черезчуръ просто и неожиданно со стороны воина, облеченнаго въ походную боевую форму.

Кое-кто, чтобы смягчить неловкость, промямлилъ:

— Да, дѣйствительно... Война небывалая. И такіе ужасы разсказываютъ о звѣрствахъ нѣмцевъ...

Офицеръ улыбнулся и все тѣмъ же искреннимъ, почти простодушнымъ тономъ, перебилъ:

— Нѣтъ, я, видите ли, не этого боюсь... Я боюсь... — Онъ озабоченно поморщился и закончилъ со вздохомъ. — Боюсь, какъ бы не вышло для меня непріятности.

Никто ничего не понималъ.

Тогда онъ объяснилъ, что уѣхалъ изъ К—га раньше времени.

— Я, видите ли, былъ шестью пулями раненъ подъ Сольдау. Вылѣчился. Если и остались нѣкоторые слѣды, — такъ такъ, пустяки. Ну, а начальство нашло, что я воевалъ довольно, записало меня въ слабосильную команду и оставило въ К—гѣ обучать ополченцевъ. Повозился-повозился я съ ними, да вижу, что — нѣтъ, не могу. Тамъ бои идутъ, мои товарищи сражаются, мои солдаты... Не могу! Прошусь отпустить, — говорятъ: — подождите! А я и ждать не могу. Не для меня это, обучать ополченцевъ, особенно въ такое время. Да и отравленъ ужъ я войной. Кто побывалъ, какъ я, въ бояхъ, тому все въ мирной жизни будетъ казаться прѣснымъ послѣ пережитыхъ впечатлѣній. И страшно, и неодолимо-притягательно. Да посудите сами, какой же я былъ бы военный, если бы въ такое время довольствовался мирнымъ дѣломъ! Кромѣ того, я, видите ли, къ тому же изъ военной семьи. Это ужъ въ крови у меня.

Онъ объяснялъ все это, точно извиняясь или оправдываясь передъ слушателями, и опять, наконецъ, вернулся къ тому, съ чего началъ, все выражая опасенія, какъ бы не вернули съ позицій.

III.

Вотъ фигура, которую нельзя не считать типично-военной. Зато штатскіе, ѣхавшіе съ нимъ, и глядѣли на него, какъ на человѣка другого порядка, какъ на существо съ другой планеты. Это не значитъ, однако, что они были трусы, а онъ храбрецъ. Очень можетъ

быть, что доведись имъ попасть на войну, они бы сумѣли сражаться и, если надо, умереть геройски, какъ умеръ А. М. Колюбакинъ, кн. Хилковъ и умираютъ тысячи идущихъ на войну не по призванію къ войнѣ, не потому, что это ихъ профессія, а по идеѣ, по чувству долга и любви къ родинѣ.

Чтобы еще яснѣе обозначить читателямъ психологію призванныхъ военныхъ, опредѣлить, что такое мы и что такое они, передамъ любопытную бесѣду, при которой я присутствовалъ вчера.

Одинъ изъ боевыхъ офицеровъ, только что явившійся изъ-подъ огня на день-на два, чтобы повидаться съ женой, грозившей иначе пріѣхать къ нему въ окопы, искренно признался въ ея присутствіи:

— Знаете ли, долженъ вамъ сказать, что мнѣ становилось какъ-то неловко, когда я получалъ отъ жены письма во время дѣла. Я, конечно, не стану лгать, что это было непріятно мнѣ, больше скажу: я бы очень страдалъ безъ этихъ писемъ, но...

Тутъ онъ какъ-то застѣнчиво передернулъ плечами и продолжалъ съ мягкой деликатностью, чтобы не обидѣлась какъ-нибудь жена, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы то, что онъ говорилъ, понято было какъ надо.

— ... но я бы не роптал и не дулся, если бы эти письма, особенно послѣднее, въ которомъ она сообщала о своемъ пріѣздѣ, отданы мнѣ были не на позиціяхъ, не въ окопахъ, а нѣсколько позже... Ну, скажемъ, когда я иду отдыхать.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы представьте только, — повышая тонъ, заговорилъ онъ въ чистосердечномъ порывѣ. — Вотъ мы, военные профессіоналы, цѣлые года, а то и всю жизнь, готовимся къ своему дѣлу и готовимъ къ нему солдатъ. Въ мирное время мы получаемъ за свой трудъ деньги, пользуемся привилегированнымъ положеніемъ и извѣстными правами. Иной такъ и умереть можетъ, не осуществивъ на дѣлѣ того, къ чему призванъ. Да и мало ли такъ умираютъ. И вдругъ, — война.

Не только мое воспитаніе, но и сознаніе мое говоритъ, что я долженъ теперь стать за предѣлы обычной, такъ называемой культурной и интимной жизни. Что мой долгъ теперь выполнить извѣстную задачу такъ, какъ выполняетъ свою задачу всякій другой профессіоналъ. Вотъ, скажемъ, какъ архитекторъ: отъ плана, отъ проекта дома долженъ перейти къ постройкѣ; композиторъ — отъ изученія техники музыки и композиціи — къ самой композиціи.

Я нарочно беру въ параллель представителей искусства, потому, что считаю войну тоже своего рода искусствомъ, творчествомъ. Это ставитъ меня, какъ военнаго, въ положеніе исключительное, при которомъ нечего считать капли своей и чужой крови, когда приходится осуществлять извѣстную задачу. Благополучное разрѣшеніе той или другой моей задачи доставляетъ мнѣ великую радость, независимо отъ того, много или немного уложилъ я непріятельскихъ труповъ. Вы понимаете меня.

— Такъ буду продолжать: я, скажемъ, въ окопѣ, на позиціи, дѣлаю свое дѣло, чувствую себя очерченнымъ совсѣмъ не тѣмъ радіусомъ, какъ всѣ, а тѣмъ, которымъ опредѣляется огненный кругъ войны. И вдругъ, пожалуйте, письмо отъ жены: «Завтра пріѣзжаю. Цѣлую. Береги себя» и прочее. Вѣдь это голосъ совсѣмъ изъ другого міра, изъ другихъ сферъ, которыя не только не имѣютъ ничего общаго съ войной, но и прямо-таки враждебны ей. Какъ — «пріѣзжаю»! Какъ «береги себя»!.. Какъ «цѣлую»! Что значатъ всѣ эти слова? Я долженъ сбить непріятельское орудіе, чего бы это ни стоило, долженъ уничтожить непріятельскія колонны, которыя наступаютъ сейчасъ или будутъ наступать, а тутъ — какія-то волнующія интимности.

— Глупости! Глупости! Глупости! — взволнованно прервала его жена. — Такъ вотъ почему ты не отвѣчалъ мнѣ столько времени, гдѣ находишься. Хорошо, что у васъ въ штабѣ на это смотрятъ иначе, а то я, значитъ, такъ бы и не нашла тебя.

— То-есть, какъ въ штабѣ? Что это значитъ? — изумился онъ.

Тогда она съ торжествомъ разсказала ему, что, не получая отъ него долгое время писемъ, написала въ штабъ, думая, что штабъ не допускаетъ писемъ на позиціи по тѣмъ же мотивамъ, какіе привелъ только что онъ.

— А я написала, что они, въ такомъ случаѣ, ошибаются, что наоборотъ, тѣ благословенія, которыя посылаются близкимъ, та любовь, съ которой обращаются къ нимъ, все это должно поддерживать въ нихъ бодрый духъ и свѣтлую вѣру. И штабъ мнѣ отвѣтилъ, что надо.

— И если, дѣйствительно, ты смотришь на войну, какъ на творческое дѣло, — говорила молодая, любящая женщина, — ты долженъ, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы душа твоя питалась

любовью и нѣжностью къ близкимъ, къ родинѣ. Да... Ну, что, развѣ я неправду говорю, господа? — обратилась она къ намъ.

— Женская логика, — пробормоталъ ея мужъ. — Тебѣ слѣдовало выйти замужъ за поэта.

— А что жъ, Лермонтову, Толстому и другимъ поэзія нисколько не мѣшала быть офицерами. Но если бы... — она поблѣднѣла...— если бы, Боже избави, случилось съ тобой несчастье,—я бы сумѣла перенести его, какъ жена офицера, какъ твоя жена.

IV.

Тутъ, какъ видите, особенно отчетливо выразились о н и въ лицѣ этого офицера и м ы, — такъ какъ, конечно, совершенно все равно, женщина или мужчина размышляетъ такимъ образомъ. Я, какъ мирный человѣкъ, былъ вполнѣ согласенъ съ ней; военные встали на его сторону...

То, что штабъ тронутъ былъ ея письмомъ, отозвался на него и помогъ разыскать мужа, вовсе еще не означало, по ихъ словамъ, что тамъ раздѣляли ея мнѣніе, а просто — снизошли къ женской слабости. Это очень волновало и сердило ее. Она не допускала, какъ они могутъ не понимать такой простой вещи, а они не понимали, какъ она не хочетъ понять ихъ.

Я долго слушалъ этотъ споръ, который, конечно, никакъ не могъ привести обѣ стороны къ соглашенію. Но откровенно признаюсь, меня это не огорчало. Такъ и надо! Такъ и надо, чтобы, съ одной стороны, во время войны было милосердіе, состраданіе, любовь, — съ другой стороны, которая воюетъ, — прежде всего,—дѣло.

ОГОНЬ И КРОВЬ.

I.

Даже за сжатыми сообщеніями штаба Верховнаго Главнокомандующаго чувствуются безконечныя трагедіи. Слабые отзвуки ихъ появились въ спѣшныхъ и крайне немногочисленныхъ корреспонденціяхъ. А между тѣмъ, каждый моментъ изъ этихъ трагическихъ дней пылаетъ заревомъ великаго пожара. Эти бои принадлежатъ исторіи и о нихъ не только не поздно писать сейчасъ, по прошествіи

нѣсколькихъ дней, но и не слѣдовало бы спѣшить писать въ деталяхъ, которыя только тогда воистину цѣнны, когда представляютъ собою не театральные эффекты, а обломки страшной правды, какъ огненная лава, вытекшей изъ пылающаго кратера войны и не успѣвшей еще застыть.

Кто въ эти минувшіе дни и особенно — ночи видѣлъ и слышалъ то, что происходило на этихъ поляхъ, живи онъ не одинъ, а три вѣка, не забудетъ никогда. Небеса раздирались безпрерывными вспышками орудійныхъ огней и несмолкаемымъ грохотомъ, отъ котораго земля стонала и гудѣла, какъ живая. Точно всѣ молніи и громы, которые таились гдѣ-то въ нѣдрахъ, вырвались наружу и грозили испепелить, оглушить, потрясти до основанія все, что было въ предѣлахъ дикаго ихъ бушеванія.

Нѣмцы на пространствѣ какихъ-нибудь десяти верстъ выставили сотни орудій и открыли какой-то пьяный огонь. Надо думать, что и сами нѣмцы это знали, какъ отличные техники, и больше разсчитывали на устрашающее дѣйствіе огненнаго урагана, чтобы, ошеломивъ врага, подавить его ужасомъ, двинуться на него тяжелыми массами и разорвать, какъ крѣпкую плотину. Но, отличные техники, они оказались плохими психологами, а имъ пора бы на тяжкомъ опытѣ узнать почвенную силу и стойкость русской души: ее не запугать ни громами, ни молніями, ни всѣми дѣйствительными и декоративными ужасами войны, отъ которыхъ можно сойти съ ума, наблюдая ихъ со стороны, скорѣе, чѣмъ дѣйствуя среди этого ада.

Въ одну изъ такихъ адскихъ ночей, въ которыхъ есть неописуемое мрачное величіе, навстрѣчу остановившемуся корреспондентскому автомобилю вынырнула фигура солдатика, вынырнула какъ разъ оттуда, гдѣ взвивалось гигантскими столбами синее пламя бризантовъ, разрывались одна за другой въ воздухѣ шрапнели, сверкая разлетающимися кроваво-красными брызгами, а среди тѣхъ и этихъ безконечныхъ и безпрерывныхъ огней феерическими синими полосами разсѣкали мигающій сумракъ лучи прожекторовъ.

Остановившись у автомобиля, солдатикъ присмотрѣлся и спросилъ:

— Не попадался ли вамъ здѣсь, часомъ, нашъ пулеметчикъ?

— Какой пулеметчикъ?

— Да нашъ, такого-то полка, такой-то роты. Ушелъ недавно изъ окоповъ по нуждѣ, да и не показывается. Заплутался, али что.

— Нѣтъ, не видали.

— Жалко, ежели убили: землякъ. Пойду, еще поищу, можетъ, стрѣчу, аль наткнусь, ежели ранили.

— Да вѣдь тебя могутъ убить или тоже ранить. Вѣдь вонъ что тутъ дѣлается.

— Ничего, свѣтлѣй искать! — спокойно отвѣтилъ онъ и скрылся въ темнотѣ въ томъ направленіи, гдѣ, невидимые даже при этихъ пылающихъ озареніяхъ, таились окопы наши, полные сѣрыми, готовыми ко всему, грозными и въ то же время кроткими, все выносящими людьми.

II.

Итакъ, я повторяю, что охватить во всемъ объемѣ картину и характеръ происходившихъ въ названномъ районѣ грандіозныхъ боевъ сейчасъ невозможно, частью по недостатку матеріала, частью потому, что очень ужъ это близко отъ глазъ и нервовъ. Недоступное для посторонняго наблюдателя во всей своей широтѣ, оно угадывается, возсоздается по слухамъ, но духъ сейчасъ слишкомъ треволженъ, чтобы преломленіе въ немъ оказалось вполнѣ правдивымъ.

Зато есть отдѣльные эпизоды, которые сверкаютъ въ темнотѣ, какъ искры отъ костра. Еще костру долго суждено горѣть, но эти искры надо отмѣтить на-лету: въ нихъ общее пламя, общая душа.

Одной изъ такихъ искръ является гибель А. М. Колюбакина, о которой я упомянулъ вкратцѣ. Все это было тамъ же, около этихъ роковыхъ мѣстъ. Изъ окоповъ, гдѣ онъ сидѣлъ вотъ въ такія же ночи и дни, онъ пошелъ въ атаку вмѣстѣ со своей ротой, которая любила его, какъ своего, и чтила, какъ начальника. И былъ убитъ и тутъ же зарытъ съ своими товарищами.

Въ той же статьѣ я писалъ о томъ, какъ относятся къ своей профессіи и своему долгу типичные военные люди. Конечно, и среди этого типа военныхъ есть тысячи различныхъ характеровъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ являлся полковникъ М., убитый все тамъ же, неподалеку отъ Боржимова.

Это былъ офицеръ-герой въ самомъ ясномъ и точномъ значеніи этого слова. Для него его собственное существо было лишь опредѣленная сила войны. Но и тутъ есть два главныхъ характера военныхъ: одни ревниво берегущіе эту силу, то-есть, свою жизнь, какъ должны беречь ее всѣ люди; другіе, считающіе свой жребій предопредѣлен-

нымъ. Однако, вовсе не значитъ, что эти послѣдніе фаталисты, — нѣтъ, они просто не думаютъ о смерти, такъ какъ опасность, это, такъ сказать, ихъ стихія.

Полковникъ М. былъ герой такого типа, и героизмъ его, внушавшій большинству изумленіе, былъ уже не разъ въ испытаніяхъ, изъ которыхъ выходилъ во всемъ очарованіи и блескѣ своей непосредственности.

Еще въ японскую кампанію имя М. стало извѣстно, какъ одно изъ прославившихся героизмомъ, а въ средѣ товарищей и солдатъ оно пользовалось самой надежной любовью и уваженіемъ. Ему даже нельзя было завидовать, потому что завидуютъ только тѣмъ, кто изъ своего успѣха создаетъ себѣ карьеру или благополучіе, а М. меньше всего заботился объ этомъ. Военное дѣло было для него просто атмосферой, самой по себѣ достаточной для нравственнаго удовлетворенія.

Старшій товарищъ его, также портъ-артурскій герой, генералъ М., человѣкъ, извѣстный своей отвагой, говорилъ мнѣ на-дняхъ о М., съ которымъ, между прочимъ, въ эту войну дѣйствовалъ вмѣстѣ подъ Лодзью.

— Это былъ человѣкъ необыкновенный, не то, что большинство изъ насъ. Мы всѣ бережемъ себя, стараемся избѣжать опасности и, если не проявляемъ часто страха, такъ по чувству долга и изъ гордости. А онъ, онъ просто не зналъ этого чувства, ну, вотъ, какъ не знаютъ его дѣти, для которыхъ война — забава, до тѣхъ поръ, пока не обожгла ихъ.

Подъ Лодзью, когда онъ разгуливалъ на глазахъ у меня, можно сказать, подъ лапами смерти, грозившей ему каждую минуту, я пришелъ въ бѣшенство отъ этой прямо-таки преступной неосторожности и рѣзко набросился на него, какъ начальникъ-пріятель: — Это чортъ знаетъ что такое! Чтобы этого не было въ другой разъ, иначе я долженъ буду взыскать за подобное... за подобное поведеніе! Тутъ шрапнели рвутся, чемоданы летаютъ, пули свистятъ, а онъ разгуливаетъ, какъ по Невскому. Если тебѣ все равно, убьютъ тебя иль нѣтъ, мнѣ это не все равно; я не желаю терять нужнаго и полезнаго мнѣ сотрудника!

Онъ на это нѣсколько сконфузился и только развелъ руками:

— Да что же я сдѣлалъ такое?.. Развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ опасно тутъ?

Ну, вотъ и говори съ такимъ человѣкомъ!

Я только рукой махнулъ.

— Не желаю разговаривать. Но чтобы этого не было и баста.

III.

И вотъ, такой человѣкъ очутился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ близъ Боржимова.

Передъ окопами, въ которыхъ онъ засѣлъ съ своими солдатами,— пятью идущими одна за другой грядами шли непріятельскіе окопы.

Въ ночи, подобныя описанной мной, подъ прикрытіемъ десятковъ и сотенъ изрыгающихъ огонь орудій нѣмцы, то сапой, то перебѣжками, подходили все ближе и ближе къ нашимъ окопамъ, заполняя оставленные позади окопы прекрасно оборудованными резервами.

Подъ огнемъ нашихъ пулеметовъ и винтовокъ ихъ уже полегли тысячи, но сила ихъ не истощалась, ихъ все же было такъ много, что борьба съ ними представлялась крайне серьезной.

И вотъ, когда грядами ложившіеся трупы нѣмцевъ позволили имъ, какъ прикрытіе, приблизить на какія-нибудь 40—50 саженъ свой передовой окопъ къ нашему, полковникъ М. получилъ приказаніе въ двѣнадцать часовъ пополудни выбить нѣмцевъ изъ окоповъ.

Атака днемъ, да еще при такихъ условіяхъ!

Но это могло смутить кого угодно, кромѣ М. Онъ давно подготовлялъ своихъ солдатъ къ атакѣ, и теперь, когда пробилъ часъ, онъ только перекрестился и сказалъ:

— Съ Богомъ, ребята!

И по условному знаку его, солдаты бросились на нѣмцевъ, уже никакъ не ожидавшихъ такой безумной дерзости среди бѣла дня.

Ихъ встрѣтили страшнымъ огнемъ. Много пало, но нѣмцы были выбиты изъ перваго окопа, и его заняли русскіе, переколовъ оставшихся.

Нельзя было давать опомниться врагамъ, бѣжавшимъ къ другому окопу, и тѣмъ, что дожидались тамъ.

И опять кинулись туда наши, и этотъ окопъ былъ взятъ, какъ и первый.

Они задержались въ немъ ровно настолько, чтобы вздохнуть и принять подоспѣвшій на мѣсто своихъ павшихъ свой резервъ. И опять бросились на третій окопъ.

И опять смертельный огонь, и опять жестокій бой съ упорнымъ и сильнымъ врагомъ.

И опять въ нашихъ рукахъ окопъ, полный труповъ. Третій по счету окопъ, третья ступень смерти, которую заняли наши.

— Впередъ!

И совсѣмъ не отдохнувъ, солдаты наши бѣгутъ къ четвертому окопу.

Почти сверхъестественнымъ усиліемъ, которое могъ вызвать и поддержать лишь предшествующій успѣхъ, берутъ они четвертый окопъ. Все это въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ, при полномъ свѣтѣ дня.

Но дѣло было бы не додѣлано, если бы они не перешагнули пятую ступень. Тамъ, за этой ступенью, ихъ ждетъ отдыхъ и награда: въ рукахъ нашихъ будетъ винокуренный заводъ, откуда обстрѣливалось шоссе, что дѣлало до сихъ поръ нѣмцевъ господами положенія въ этой мѣстности.

— Братцы, впередъ!

Солдаты бросаются впередъ, но человѣческимъ силамъ есть предѣлъ. Они падаютъ на пути, одни сраженные, другіе обезсилѣвшіе.

Такъ блистательно начатое дѣло грозило остаться недовершеннымъ. Тогда впереди всѣхъ очутился не разстававшійся съ солдатами М.

— Братцы, за мной! Съ Богомъ! Не выдайте, братцы!

И онъ бросился къ непріятельскому окопу съ вырванной у кого-то изъ павшихъ винтовкой въ рукахъ.

Тогда поднялись не только упавшіе отъ усталости, но и раненые, которые могли стоять на ногахъ.

— Не выдадимъ, братцы. Ура!

Командиръ бѣжалъ впереди, навстрѣчу смерти и огню. Рвалась шрапнель, стучали пулеметы, какъ швейныя машины, шьющія сотни савановъ.

И вдругъ солдаты увидѣли, какъ ихъ командиръ остановился на мгновеніе, и винтовка выпала у него изъ рукъ.

Онъ былъ раненъ въ правое плечо.

Но замѣшательство было лишь мгновеннымъ. Вслѣдъ затѣмъ

лѣвой рукой онъ выхватилъ изъ ноженъ шашку, обернувшись назадъ, взмахнулъ ею, какъ дирижеръ, дающій знакъ къ побѣдному маршу, и бросился снова впередъ, на окопъ, который былъ уже близко.

Но тутъ вдругъ взмахнулъ руками и упалъ внизъ лицомъ.

Къ нему бросились солдаты. Онъ былъ мертвъ; пуля угодила ему какъ разъ между бровей и пронизала мозгъ.

Но въ глазахъ солдатъ еще живъ былъ его голосъ и послѣдній взглядъ. Они бросились на послѣднюю ступень смерти и смяли и уничтожили послѣднюю преграду.

СМЕРТЬ ШТ.-КАП. ГУРДОВА.

I.

Едва я раскрылъ сегодня телеграммы, какъ въ глаза бросились прежде всего строки послѣднихъ извѣстій отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

...При этомъ былъ убитъ шт.-кап. Гурдовъ, уже прославившійся въ ночномъ бою близъ Пабіаницъ...

Ровныя черныя буквы запрыгали у меня передъ глазами и мгновенно окрасились кровью и поплыли куда-то въ кровавомъ туманѣ.

Глаза машинально пробѣгали это лаконическое сообщеніе:

«Къ юго-востоку отъ Прасныша германская батарея у Добржиново усиленно удерживала своимъ огнемъ наше наступленіе. Тогда шт.-кап. Гурдовъ съ нѣсколькими бронированными автомобилями подъ жестокимъ огнемъ выѣхалъ на германскую батарею и огнемъ на разстояніи 20 шаговъ перебилъ прислугу у орудій. При этомъ беззавѣтно дерзкомъ налетѣ, весьма благотворно отразившемся на общемъ ходѣ сраженія, былъ убитъ шт.-кап. Гурдовъ, уже прославившійся въ ночномъ бою близъ Пабіаницъ, являвшійся въ нашей арміи піонеромъ въ дѣлѣ употребленія автомобилей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ раненъ поруч. кн. Вачнадзе».

Вотъ и все.

Сердце до слезъ сжимается отъ жалости и боли. Вотъ въ этой самой комнатѣ Гурдовъ такъ недавно шутилъ и улыбался. Предо

мною такъ ясно его молодое, красивое, умное лицо. Вотъ онъ сталъ колѣномъ на стулъ, оперся на спинку руками и говоритъ, глубоко затягиваясь папиросой:

— Мои автомобили готовы, и на-дняхъ я отправлюсь туда...

Туда означало — въ Восточную Пруссію, но прозвучало оно такъ неопредѣленно, что эта неопредѣленность, вмѣстѣ съ жестомъ, которымъ сопровождалось роковое слово, какъ-то до жуткости непріятно кольнула меня.

Но тяжело было останавливаться на этомъ и давать волю мрачнымъ предчувствіямъ и мыслямъ. Этого не хотѣлось допускать, это казалось противуестественнымъ, при видѣ молодости, силы, энергіи и благородства, которыми дышала вся его невысокая изящная фигура.

Такъ недавно! И было это въ такой же ясный солнечный день, какъ сегодня. Такъ недавно! Мнѣ кажется, что въ этой комнатѣ еще не успѣлъ разсѣяться легкій голубой дымъ отъ его папиросы. А его уже нѣтъ. Уже нѣтъ пылающей человѣческой жизни, нѣтъ этого героическаго, талантливаго, чуткаго и благороднаго сердца. Погасъ огонь, и осталось лишь воспоминаніе, легкій голубой дымъ, свѣтящійся на солнцѣ.

II.

Вы помните, я писалъ о необыкновенномъ подвигѣ Гурдова подъ Пабіаницами, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Съ тремя бронированными пулеметными автомобилями, съ пятнадцатью человѣками своего отряда онъ въ одну ночь разбилъ и заставилъ отступить четыре непріятельскихъ полка.

Я говорю — онъ, потому что вся душа боя, вся сила побѣды обусловливалась имъ. Гурдовъ былъ раненъ, ранены были всѣ его сподвижники, горѣвшіе огнемъ его героической отваги, но дѣло было блестяще выиграно, и нашъ полкъ, одинъ полкъ, на котораго наступали четыре непріятельскихъ полка, не только былъ спасенъ, но и оказался побѣдителемъ. Это было почти легендарное дѣло. Всѣ сподвижники Гурдова и самъ онъ получили за это дѣло георгіевскіе кресты, но, конечно, этотъ почетный знакъ свѣтился на груди героя лишь слабымъ намекомъ на красоту и величіе его подвига.

Вспоминаю, какъ послѣ моей статьи о подвигѣ Гурдова, напечатанной въ «Кіевск. М.», — какой-то господинъ въ «Кіевлянинѣ»

за подписью А р т и л л е р и с т ъ помѣстилъ письмо въ редакцію, гдѣ вышучивалъ не то меня, не то самый подвигъ Гурдова. Я описывалъ его, основываясь на документальныхъ данныхъ. Гурдовъ скромно разсказалъ мнѣ, какъ было дѣло. Но слава объ этомъ дѣлѣ шла по всей арміи, мнѣ разсказывали подробности о немъ, одна другой ярче. Но я боялся расцвѣтить этотъ историческій фактъ излишними чертами и передалъ его почти съ протокольной точностью. И все это г. Артиллеристъ изъ «Кіевлянина» назвалъ измышленіями бар. Мюнхгаузена, подражаніемъ выдумкамъ Уэльса и т. п.

Прочитавъ это письмо А р т и л л е р и с т а, Гурдовъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— Очевидно, этотъ артиллеристъ самъ ничего не читалъ, кромѣ Уэльса и бар. Мюнхгаузена,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, никакъ не думалъ, что мое сраженіе съ нѣмцами подъ Пабіаницами еще не кончилось, и вамъ, — обратился онъ ко мнѣ, — приходится доканчивать его на страницахъ газеты.

И Гурдовъ, насмѣшливо улыбаясь своимъ маленькимъ красивымъ ртомъ, разбивалъ одно за другимъ всѣ возраженія письма.

Я бы не сталъ вспоминать этой бесѣды съ Гурдовымъ, если бы письмо Артиллериста касалось одного меня. Но особенно теперь, когда Гурдовъ погибъ геройской смертью, я не хочу, чтобы у читателей осталось какое-нибудь сомнѣніе въ правдивости всего, что написано мною о геройскомъ подвигѣ Гурдова, и я еще разъ подтверждаю каждое слово этого описанія.

III.

Всего недѣли двѣ тому назадъ я съ однимъ изъ моихъ товарищей былъ въ гостяхъ у Гурдова.

Онъ жилъ въ цитадели въ общемъ помѣщеніи съ своими товарищами-офицерами.

Обычная походная обстановка. Походная кровать, самыя необходимыя вещи, нѣсколько книгъ и среди строгихъ военныхъ вещей — віолончель.

Онъ не могъ и на войнѣ обойтись безъ этого инструмента.

— Знаете, раздобылъ здѣсь, въ Варшавѣ, — какъ бы извинялся Гурдовъ. — Пока чинятся мои машины, я немного играю. Не могу безъ этого жить.

Дѣйствительно, артистическая, богатая, мужественная и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная душа его была такъ же близка искусству, какъ и войнѣ, и Гурдова всегда можно было встрѣтить на симфоническомъ концертѣ въ филармоніи, когда онъ пріѣзжалъ въ Варшаву.

Ученикъ Вержбиловича, онъ обожалъ музыку, и, мнѣ кажется, чувство ритма, которое было близко ему какъ музыканту, помогало ему и на войнѣ и въ жизни. Оно даже сказывалось какъ-будто въ его движеніяхъ, всегда свободныхъ, легкихъ и красивыхъ.

Но его мятущейся душѣ мало было того, что давала жизнь. Онъ былъ преподавателемъ инженерныхъ наукъ, спеціалистомъ и любителемъ подводнаго плаванія, знатокомъ пулеметныхъ автомобилей, которые и создавались при его непосредственномъ участіи.

Онъ пристрастился и къ воздухоплаванію и дѣлалъ въ качествѣ наблюдателя отважныя развѣдки на аэропланѣ.

Его любили всѣ, кто съ нимъ соприкасался, обожали солдаты.

Быть съ нимъ въ дѣлѣ, служить подъ его начальствомъ считалось за великую честь, хотя это неизбѣжно было сопряжено съ смертельной опасностью.

Съ какой гордостью показывалъ онъ намъ свои автомобили, на которыхъ не разъ продѣлывалъ чудеса. Похлопывая ихъ издырявленныя непріятельскими пулями и шрапнелью скошенные бока, онъ смотрѣлъ на нихъ почти какъ на живыя существа.

— Скоро, скоро мы опять съ ними пойдемъ въ дѣло!

При видѣ безобразнаго желѣзнаго ящика, въ которомъ не было буквально живого мѣста, помню, у меня мелькнула тогда же тяжелая мысль, что Гурдову, съ его беззавѣтной отвагой, не сдобровать.

Онъ и самъ, повидимому, думалъ такъ же, но относился къ этому безъ рисовки, спокойно и даже какъ-то по-дѣтски ясно.

Вообще, въ его натурѣ, какъ во всякой артистической природѣ, было что-то дѣтское въ самомъ лучшемъ и свѣтломъ смыслѣ этого слова.

Помню, какъ, ожидая Георгіевскій крестъ, онъ съ трогательнымъ нетерпѣніемъ говорилъ:

— Ну, да. Я хочу поскорѣе имѣть его у себя на груди! Вѣдь, можетъ быть, мнѣ недолго придется носить его, — сказалъ онъ съ необыкновенной улыбающейся простотой. — Не всегда такъ счастливо обходятся такія дѣла.

— Перестаньте! — остановилъ его я.

— Ну, что тамъ. Да дѣло не въ этомъ. Я хочу сказать, пусть это будетъ смѣшно, — но мнѣ пріятно пойти въ филармонію и слушать Бетховена съ этимъ бѣлымъ крестикомъ на груди. Войти въ кафэ, даже вернуться ночью къ себѣ домой и, передъ сномъ, взглянуть на него.

Милый Гурдовъ! Какъ тяжело, какъ безконечно тяжело примириться съ его смертью.

Я не забуду, какъ послѣ битвы у Пабіаницъ, гдѣ Гурдовъ уложилъ цѣлыя груды нѣмцевъ, ему предложилъ кто-то поѣхать посмотрѣть на это кладбище. Гурдовъ сжалъ губы и не сразу отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я сдѣлалъ свое дѣло. Но любоваться этимъ я не могу и не хочу.

Еще я буду писать о немъ и о подобныхъ ему герояхъ. Многое можно сказать и о нихъ самихъ и объ отношеніи ихъ къ войнѣ, ужасъ которой особенно поражаетъ, когда обрушивается на людей, которыхъ мы знаемъ и любимъ. А такихъ у меня погибъ уже не одинъ, на-дняхъ я получилъ извѣстіе о героической смерти на Галиційскомъ полѣ моего друга, полковника А. И. Рубца, и отраженіе зарева войны въ ихъ остановившихся глазахъ внушаетъ мысли и чувства, которыми хочется подѣлиться съ читателями.

Слава и вѣчная память героямъ! Слава и вѣчная память тебѣ, безсмертная и свѣтлая душа.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

I.

Въ послѣднихъ числахъ февраля въ офицерскій клубъ, въ посадѣ Везенки, пришелъ офицеръ въ чинѣ капитана, высокаго роста, блондинъ, молодой и красивый, съ открытымъ яснымъ лицомъ, загрубѣлымъ и обвѣтреннымъ.

Поглаживая свою золотистую, нѣсколько запущенную за время боевой жизни бороду, онъ осмотрѣлся кругомъ, поздоровался общимъ поклономъ съ товарищами, и скромно усѣлся пить чай.

Офицерскій клубъ въ какихъ-нибудь Везенкахъ, это, конечно, совсѣмъ не то, что можно представить себѣ подъ такимъ пышнымъ наименованіемъ.

Это просто деревенская халупа, немного получше и побольше другихъ. Посреди халупы простой деревянный столъ, чаще всего — сколоченный самими же солдатами, и на этомъ столѣ вы не увидите ничего, кромѣ чая да безконечныхъ окурковъ папиросъ, приткнутыхъ, за неимѣніемъ пепельницъ, въ чайныя блюдечки.

Приходятъ сюда доктора, офицеры, чтобы обогрѣться, перекинуться нѣсколькими словами съ знакомыми и незнакомыми, поспорить, покипятиться и разойтись по боевымъ позиціямъ.

Здѣсь табачный дымъ носится такими клубами, что всѣ лица кажутся подъ вуалями. Молодыя, большею частью красивыя лица, которыя постоянно мѣняются и иногда исчезаютъ, чтобы уже больше не появиться никогда и нигдѣ.

Но никто изъ нихъ объ этомъ не думаетъ, не хочетъ думать, и не вѣритъ, не хочетъ вѣрить. А ужъ говорить и вовсе не говорятъ никогда. Наоборотъ, разговоры полны жизни, возбужденія и часто касаются такихъ мелочей, что на ряду съ тѣмъ, что каждодневно и даже ежечасно ждетъ ихъ, эти мелочи постороннему человѣку, попавшему въ ихъ среду, кажутся странными до жуткости.

На самомъ дѣлѣ, такъ, какъ есть, такъ оно и должно быть, и иначе быть не можетъ. Въ человѣческой натурѣ, слава Богу, таится стальная сопротивляемость этимъ разлагающимъ тревогамъ и опасеніямъ, которыя должны бы казаться естественными. И чѣмъ моложе, чѣмъ сильнѣе человѣкъ, тѣмъ въ немъ это великолѣпное свойство сказывается сильнѣе.

Ввалится въ клубъ человѣкъ, въ грязной шинели, не бритый, можетъ быть, не умывавшійся уже нѣсколько дней. Попроситъ чаю, закуритъ папиросу, откинется на спинку стула, а то такъ въ уголкѣ на скамейкѣ приткнется къ стѣнѣ... Глядь, черезъ минуту уже похрапываетъ... И никто на это не обратитъ вниманія, если въ комнатѣ вдругъ не примѣшается къ запаху дыма и согрѣвшихся человѣческихъ тѣлъ запахъ паленаго.

Тогда обращаютъ вниманіе на заснувшаго, и видятъ, что крѣпко зажатая въ его пальцахъ папироса давно погасла, зато тлѣетъ его тужурка, и на полѣ защитнаго цвѣта уже темнѣетъ, дымясь, основательная дырочка.

Тогда «самопала» или разбудятъ, или просто погасятъ затлѣвшееся мѣсто, и дадутъ усталому выспаться сидя.

Такъ было съ новоприбывшимъ.

Онъ даже не прикоснулся къ чаю: не успѣлъ. Задремалъ.

А когда очнулся, не сразу понялъ, гдѣ онъ, долго и часто мигая глядѣлъ на огонь дешевенькой керосиновой лампы, обвелъ глазами присутствующихъ и какъ-то молодо и диковато сконфузился.

Хотя никто вокругъ не придалъ его сну никакого значенія: къ этому всѣ привыкли, — онъ все же сталъ оправдываться передъ тѣми, кто случайно находился рядомъ.

— Дѣйствительно, знаете, я немного задремалъ. Усталъ здорово. Цѣлую ночь работали. И работа чортова... Земля мерзлая, понимаете ли, не уколупнешь ее, а надо было наладить дорогу.

Его спросили больше изъ вѣжливости, чтобы реплика не пропадала безъ отзыва:

— Какую дорогу? Куда?

— Да на С—ку... От-вра-ти-тельная дорога, а надо ее приготовить, хотя бы для моихъ автомобилей. Помилуйте, какая же можетъ быть атака при такой дорогѣ! Вотъ сейчасъ хвачу горяченькаго чаю стаканчикъ, и опять туда.

Но когда онъ взялся за свой стаканъ съ чаемъ, чай оказался холоднымъ. Ого, значитъ, онъ порядочно спалъ, если чай успѣлъ остыть. А ему казалось, что прошло всего нѣсколько мгновеній.

II.

Вотъ уже недѣли двѣ длился бой между нѣмцами и нами на линіи К—а, С—ки, М—жа, на линіи, представляющейся серьезной для насъ въ отношеніи О.

Съ юго-восточной стороны эта линія вплотную подходитъ къ болотамъ, такъ что съ этого фланга никакъ нельзя обойти непріятеля, а съ сѣверо-запада опирается на обнаруженныя нами большія непріятельскія силы.

Приходится, значитъ, вести атаки, что называется, въ лобъ, но нѣмцы укрѣпились настолько сильно, что ихъ съ мѣста нельзя сдвинуть, да и подходъ къ нимъ крайне неудобенъ по изрытымъ дорогамъ.

Всѣ наши атаки на С—ку отбивались непріятелемъ. И не му-

дрено: при численномъ превосходствѣ у нѣмцевъ приходилось по девяти пулеметовъ на роту.

Мало того, окопы были превосходно оборудованы и со всѣхъ другихъ сторонъ. Деревня также служила надежной защитой, особенно же стоящій въ отдаленіи Господскій дворъ, бетонированный по всѣмъ правиламъ военной техники.

Полагали даже сначала, что это укрѣпленіе Господскаго двора было сдѣлано заранѣе, съ вѣдома хозяевъ, но затѣмъ обнаружилось, что хозяева Господскаго двора не нѣмцы, а поляки, и нѣмцы продѣлали все это недавно, вопреки ихъ волѣ.

Надо было во что бы то ни стало вытѣснить ихъ, хотя бы и оттуда изъ С—ки.

Наскоро глотнувъ свой холодный чай, офицеръ поклонился на ходу товарищамъ и вышелъ, чтобы докончить починку дорогъ, да кстати произвести наканунѣ атаки послѣднюю развѣдку.

III.

Стояли морозные, яркіе солнечные дни.

Съ утра готовились къ атакѣ, и нашимъ солдатамъ была объяснена цѣль атаки, расположеніе непріятельскихъ окоповъ и все, что надлежало знать.

Теперь уже всѣ готовились къ атакѣ съ большей увѣренностью, чѣмъ когда бы то ни было: пулеметные автомобили должны были расчистить путь и ослабить непріятельское сопротивленіе.

Атака должна была начаться въ сумерки. Но сумерки долго не приходили, и долго алымъ пламенемъ тлѣлъ закатъ подъ наплывающими тучами.

Наконецъ, насталъ ожидаемый моментъ.

— Съ Богомъ!

Тяжело и стремительно покатились бронированные автомобили по укатанной дорогѣ, подвижныя, уродливыя крѣпостцы со скошенными боками, изъ лучшей въ мірѣ брони.

Ихъ, конечно, замѣтили съ непріятельскаго наблюдательнаго пункта и встрѣтили злымъ и упорнымъ огнемъ.

Но при движеніи трудно было снарядомъ угодить въ бронированные автомобили. Когда же они приблизились къ непріятельскимъ позиціямъ, нѣмцы открыли пулеметный и ружейный огонь.

Но на дистанціи не менѣе двухсотъ саженъ пули только стучали въ бронированные бока, какъ щелчки, отъ которыхъ автомобили гудѣли, какъ живые.

Автомобили продвинулись еще ближе и открыли свой огонь по непріятельскимъ окопамъ.

Потоки пуль вѣерами смерти разсыпались по непріятельскимъ траншеямъ. Не разъ и не два огонь ихъ прерывался послѣ этой адской поливки изъ нашихъ пулеметовъ.

Ободренная успѣхомъ ихъ дружнаго и грознаго дѣйствія, наша пѣхота продвинулась впередъ и подъ ихъ защитой начала свою настойчивую работу.

Но вотъ начальникъ автомобильнаго отряда, дѣйствовавшій впереди, открылъ маленькое наблюдательное окошечко — пальца въ два шириной и четверть длиной.

Двѣ пули въ то же мгновеніе впились ему: одна въ глазъ, другая въ переносицу:

Онъ успѣлъ только крикнуть:

— Впередъ!

и свалился мертвый. —

Автомобиль ринулся впередъ и продолжалъ работу самостоятельно, пока въ немъ не были перебиты всѣ четверо героевъ.

И раненые, продолжали они биться до потери послѣднихъ силъ и сознанія, и послѣдній выстрѣлъ изъ пулемета уже былъ сдѣланъ тогда, когда автомобиль былъ разбитъ шрапнелью и осколками снарядовъ, а пулеметные стволы стали плавиться отъ огня.

Тогда онъ замолчалъ.

Тутъ, замѣтивъ гибель товарищей, второй бронированный автомобиль, повторявшій всѣ дѣйствія перваго, поспѣшилъ къ нему, чтобы вывести его изъ сферы огня на нашу территорію, но едва онъ двинулся впередъ, ударами снаряда вырвало дверцу изъ бронированной крѣпостцы.

Однако и съ открытымъ бокомъ, обращеннымъ къ непріятелю, автомобиль подошелъ къ своему обезсилѣвшему спутнику, не переставая дѣйствовать тремя пулеметами, давая поочередно отдохнуть одному изъ нихъ.

Но непріятельскій огонь проникалъ теперь свободно въ тѣсный металлическій ящикъ, гдѣ бились пять героевъ.

Скоро и большинство этихъ оказались выбиты изъ дѣла почти всѣ.

Имъ не удалось зацѣпить первый искалѣченный автомобиль.

Отступили на болѣе выгодную позицію, но и отступая, израненные, но еще живые въ немъ, продолжали сыпать огненный градъ на врага.

Тогда бросилась въ атаку наша пѣхота, разсыпавшись цѣпью. Крики, похожіе на ура, не менѣе ясные и болѣе устрашающіе, напоминающіе скорѣе рычанье, чѣмъ слова, вырывались изъ пересохшихъ глотокъ. И солдаты наши бѣжали съ этими криками на непріятельскіе окопы, откуда продолжали гремѣть уже значительно ослабѣвшіе выстрѣлы, то заглушая эти крики, то давая имъ свободу мгновеннаго затишья.

IV.

Однако, деревня была взята не сразу.

И не сразу можно было выручить оставшійся съ погибшими автомобиль, который нѣсколько часовъ служилъ желѣзною могилой пяти самоотверженнымъ храбрецамъ съ ихъ славнымъ начальникомъ.

Но и непріятель не смѣлъ приблизиться къ нему.

При каждой попыткѣ захватить искалѣченный автомобиль, русскіе солдаты бросались, какъ звѣри, и, наконецъ, подъ страшнымъ огнемъ откатили его къ нашимъ позиціямъ.

Всѣ тѣла павшихъ тамъ были изрѣшетены пулями...

Съ молитвой и слезами склонились надъ ними товарищи. И, можетъ быть, это зрѣлище величавой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой простой смерти вдохнуло новую мощь въ живыхъ.

Въ новомъ неистовомъ порывѣ ринулись они на врага, и черезъ часъ С—ка была уже въ нашихъ рукахъ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ И ВОЙНА.

I.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ шоссе, у дверей халупы, пустой и полуразбитой, близъ большого села Воля-Вержбовская, лежалъ трупъ, завернутый съ головой въ бѣлое полотно, сквозь которое мѣстами проступали кровавыя пятна. Ужъ по тому, что трупъ былъ завернутъ, ясно, что не солдатъ.

— Кто это?

— Шт.-кап. Гурдовъ.

Онъ лежитъ вытянувшись и, какъ всегда мертвые, кажется больше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Еще вчера гибкая, молодая изящная фигура его закостенѣла, застыла.

Трупъ только что доставленъ сюда изъ-подъ Добржинова, гдѣ Гурдовъ былъ убитъ, а отсюда, говорятъ, перевезутъ въ Варшаву.

Кончена жизнь.

Еще вчера мой знакомый видѣлъ его на нашихъ позиціяхъ.

Гурдовъ, какъ всегда, былъ привѣтливъ и какъ-то остро спокоенъ. Онъ осматривалъ свои машины и ждалъ какихъ-то свѣдѣній отъ нашихъ летчиковъ, чтобы броситься въ дѣло.

Часъ пробилъ, и Гурдовъ пошелъ на смерть.

II.

Краткія офиціальныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что подвигъ шт.-кап. Гурдова, подступившаго на двадцать шаговъ къ германскимъ батареямъ и перебившаго всю прислугу при непріятельскихъ орудіяхъ, имѣлъ большое значеніе для нашего успѣшнаго наступленія.

Хорошо укрытая за холмами непріятельская батарея злымъ огнемъ своимъ останавливала каждый намекъ на движеніе нашихъ войскъ. Подъ сильнымъ прикрытіемъ этой батареи непріятельскіе окопы могли чувствовать себя совершенно спокойно.

Едва Гурдову стало приблизительно извѣстно расположеніе этой губительной батареи, — онъ загорѣлся желаніемъ попытать счастье.

Ужъ сколько разъ удача вмѣстѣ съ его вдохновенной отвагой и находчивостью выручали его. Правда, то, что задумалъ онъ на этотъ разъ, превосходило все предыдущее. Это вѣдь было выступленіе съ бронированными автомобилями противъ артиллеріи. Но, прежде чѣмъ достигнуть непріятельской батареи, надо было еще миновать непріятельскіе окопы.

Гурдовъ не остановился и передъ тѣмъ, что казалось безуміемъ.

— Все ли готово?

— Все.

— По мѣстамъ!

Всѣ стали по мѣстамъ.

Съ испытанными машинами онъ ринулся по шоссе, самъ впереди, ясный, твердый, спокойный и готовый на все.

Онъ любилъ эти желѣзныя некрасивыя машины, окрашенныя въ защитный цвѣтъ. Съ его участіемъ создавались онѣ.

Лица, которыя сопутствовали ему, были молодцы, уже не разъ испытанные въ бояхъ, какъ и эти машины. И если машины были избиты непріятельскими пулями и осколками шрапнелей, — его солдаты также почти всѣ были ранены, какъ раненъ былъ и самъ Гурдовъ.

Они обожали его и готовы были умереть съ нимъ и за него. Ихъ было немного въ бронированныхъ автомобиляхъ, но они могли заставить и заставили дрожать цѣлые полки.

Стремительно проскочилъ Гурдовъ мимо непріятельскихъ окоповъ, въ которыхъ нѣмцы были ошеломлены его дерзостью. Въ другое время онъ не оставилъ бы ихъ безъ своего вниманія, но теперь цѣль была важнѣе. Онъ прорвался сквозь огонь къ непріятельской батареѣ. Но такъ какъ батарея была спрятана за холмами, онъ приблизился къ ней почти вплотную, поливая изъ своихъ пулеметовъ пораженныхъ этимъ безуміемъ нѣмцевъ.

Было ясно, что этотъ герой осудилъ себя на смерть. И смерть не замедлила вонзиться въ него десятками острыхъ пуль.

Но дѣло было сдѣлано. Батарея замолчала. Этимъ воспользовались наши солдаты и ринулись въ атаку на нѣмцевъ.

Этимъ моментомъ рѣшалась судьба Прасныша.

Послѣднимъ этапомъ къ Праснышу было село Воля-Вержбовская.

Много пало русскихъ, но нѣмцевъ несравнимо больше, особенно, начиная отъ холма, гдѣ, очевидно, стояла непріятельская батарея.

По ихъ позамъ видно было, что они бѣжали въ паникѣ передъ русскими войсками, которыя обрушились на нихъ, какъ каменный обвалъ.

III.

Такъ пробились они къ самому Праснышу, который былъ окруженъ, какъ подковой, нѣмецкими войсками.

Это произошло уже послѣ того, какъ Праснышъ былъ въ нашихъ рукахъ, и тамъ для охраны города оставался нашъ гарнизонъ.

Гарнизонъ былъ столь незначителенъ, сравнительно съ обступившими Праснышъ нѣмецкими войсками, что нечего было и думать о сопротивленіи.

Но уже наши шли на помощь этому гарнизону, окружая другой подковой нѣмецкія войска, сжимая ихъ съ фланговъ и напирая съ желѣзной настойчивостью съ тыла.

Помощь не могла успѣть во-время.

Геройскій русскій гарнизонъ не сдался, несмотря на огромное численное превосходство. Онъ ожесточенно дрался, до послѣдней пули, но не могъ противустоять врагу. Драка продолжалась въ рукопашную, на улицахъ. И когда наши ударили рѣшительно на врага, остатки гарнизона нашего были уже захвачены нѣмцами.

Когда наши войска, 13 февраля, несмотря на звѣрское сопротивленіе двухъ корпусовъ нѣмцевъ, заняли Праснышъ снова и выгнали непріятеля изъ всѣхъ щелей, они не нашли русскаго гарнизона. Никого, кромѣ труповъ. Оставшихся въ живыхъ успѣли нѣмцы угнать внутрь страны, сами отступая на Млаву и Хоржеле. Наши войска, преслѣдуя ихъ, захватили болѣе 10 тыс. плѣнныхъ и большую важную добычу.

IV.

Несомнѣнно, однимъ изъ ключей къ вторичному занятію Прасныша армія наша обязана шт.-кап. Гурдову.

Теперь трупъ Гурдова съ георгіевскимъ крестомъ на пробитой пулями груди привезутъ въ Варшаву, можетъ быть, въ ту самую комнату, гдѣ стоитъ его осиротѣлая віолончель.

Оборвалась съ потрясающей внезапностью красивая молодая жизнь.

Такова война. Но смерть людей, которыхъ мы знаемъ и любимъ, всегда неожиданна, какъ бы ни готовились къ ней.

Ожидалъ ли смерти самъ Гурдовъ? Думалъ ли онъ о смерти, когда бросался въ ея огненныя петли, которыя судьба помогала ему разрывать не разъ и не два.

Я какъ-то спросилъ его объ этомъ издали, чтобы не задѣть какъ-нибудь неосторожно больно его тонкую артистическую душу.

— Вы хотите знать, боюсь ли я? — просто перевелъ онъ мой обходный вопросъ на прямой. — Какъ вамъ сказать: когда еще дѣло не началось, что-то непріятно сверлитъ сердце. А какъ только за-

кипаетъ дѣло, тутъ уже не до того, чтобы думать объ опасности. Прямо некогда. Надо всѣмъ распорядиться, ничего не упустить, все предусмотрѣть. Прямо некогда, да и все тутъ.

Мой товарищъ К., съ которымъ мы вмѣстѣ осматривали бронированные автомобили, спросилъ Гурдова:

— А почему бы вамъ не запастись броней, изобрѣтенной Чемерзинымъ?

Гурдовъ улыбнулся и пожалъ плечами. Очевидно, ему никогда въ голову не приходило ничего подобнаго.

— Ну, знаете, — отвѣтилъ онъ какъ-то сквозь зубы. — Это, во-первыхъ, не воинское дѣло. Но и помимо воинской чести, гордости, или хоть предразсудка, — какъ хотите, назовите это, — такъ сказать, психологически эта броня — недопустимая вещь. Она должна дѣйствовать принижающе на настроеніе солдата.

Мы не возражали. Ему и карты въ руки въ этомъ дѣлѣ.

— А затѣмъ, — закончилъ онъ, уже совсѣмъ насмѣшливо, — я, признаюсь, плохо вѣрю въ эту броню, какъ спеціалистъ.

Эта бесѣда была за нѣсколько дней до того, какъ А. А. Яблоновскій напечаталъ свою статью въ «К. М.» о чемерзинской бронѣ, давъ ей настоящую оцѣнку со стороны ея цѣлесообразности — непроницаемости. Но эта сторона была послѣднимъ дѣломъ для Гурдова.

Его мужественной душѣ претили не только такія вещи, а и всякія увертки на войнѣ. Даже военная хитрость, не только допустимая, но излюбленная многими на войнѣ, была какъ-то чужда ему. Онъ относился къ войнѣ по-рыцарски, какъ къ дуэли, и поэтому больше, чѣмъ кто-либо, подвергалъ свою жизнь опасности.

И однако, это вовсе не значитъ, что онъ не любилъ жизни. Напротивъ, онъ цѣнилъ ее и любилъ, какъ артистъ, какъ художникъ, любилъ во всей ея сложности, со всѣми ея противорѣчіями.

Съ окровавленныхъ боевыхъ полей онъ съ страстной жадностью спѣшилъ въ симфоническій концертъ, и съ сладостной дрожью въ сердцѣ слушалъ Бетховена, послѣ орудійныхъ симфоній, грознаго рева пушекъ, визга шрапнелей и свиста пуль.

Отъ смертоносныхъ пулеметовъ, выбрасывающихъ каждымъ дыханіемъ своимъ сотни смертей, онъ брался за свою віолончель и съ увлеченіемъ игралъ излюбленнаго имъ Чайковскаго.

Наравнѣ съ искусствомъ онъ любилъ природу и съ восторгомъ

разсказывалъ мнѣ объ очарованіи подводнаго плаванія и захватывающихъ духъ полетахъ на аэропланахъ, къ чему онъ пристрастился въ послѣднее время.

Съ глубокимъ и дружескимъ вниманіемъ слѣдя за нимъ и стараясь вникнуть въ его психологію, я по нему особенно видѣлъ, что не всѣхъ ожесточаетъ и огрубляетъ война. Конечно, чувство человѣка можетъ притупиться къ зрѣлищамъ смерти и человѣческаго страданія, но это—временное помраченіе и примиреніе съ тѣмъ, что несовмѣстимо съ истиной, благомъ и красотой человѣческой жизни. Взгляните вы, какъ трогательно наши солдаты внѣ боя относятся къ плѣннымъ и раненымъ, и даже къ животнымъ. Больше того, утомленная кровавыми ужасами войны, человѣческая душа ищетъ на чемъ бы ей отдохнуть, чѣмъ бы освѣжиться и озариться хоть на минуту.

Какъ-нибудь дамъ нѣсколько трогательныхъ картинъ, которыя пришлось наблюдать мнѣ на войнѣ, — какъ люди, вырываясь изъ окоповъ, послѣ страшныхъ безсонныхъ кровавыхъ дней и ночей, изъ госпиталей, заваленныхъ ранеными, послѣ нечеловѣческой работы, вмѣсто того, чтобы завалиться спать, ѣсть, пить, отдыхать,— устраивали импровизированные концерты въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ или городкѣ, довольствуясь инструментами какого-нибудь жалкаго еврейскаго оркестра, если не было ничего болѣе подходящаго, и въ музыкѣ отводили душу, измученную и подавленную сверхъестественнымъ напряженіемъ и трудами.

Одинъ полковникъ, участвовавшій въ десяткѣ смертельныхъ боевъ, видѣвшій рядомъ съ собой не разъ смерть товарищей и самъ сознававшійся въ томъ, что нервы у него притупились къ ужасамъ войны за эти шесть мѣсяцевъ, попавъ въ только что покинутый помѣщичій домъ, чуть не заплакалъ, увидѣвъ въ клѣткѣ канарейку, которую оставили впопыхахъ, и она, конечно, умерла бы отъ голода и жажды, если бы не этотъ полковникъ.

Онъ нашелъ ее слабой, умирающей и съ нѣжностью принялся за ея спасеніе. И выходилъ. И пока жилъ въ этомъ домѣ, заботился о ней, какъ о близкой душѣ, и сознавался, что прослезился отъ умиленія, когда услышалъ, какъ она запѣла какъ-то утромъ, обласканная проникавшими сквозь окна солнечными лучами.

Покидая этотъ домъ, онъ съ жалостью разставался съ канарейкой, но оставилъ ее не прежде, чѣмъ обезпечилъ надежными заботами ея дальнѣйшее существованіе.

— Вы себѣ представить не можете, какъ много радостной нѣжности внесла эта птичка въ мою боевую жизнь, такую мрачную и скудную. Я и потомъ въ окопахъ, въ походѣ, вспомню ее, — и душа улыбнется. И я прямо буду счастливъ, если по окончанiи войны мнѣ удастся заполучить эту птичку къ себѣ домой. Это будетъ драгоцѣннѣйшее воспоминанiе для меня.

Душа Гурдова была вся полна такихъ спасенныхъ имъ среди тревогъ, опасностей и мрака боевой жизни радостно поющихъ птицъ.

СКОШЕННЫЯ ГНѢЗДА.

I.

Въ развалинахъ Сохачевъ, Болимовъ, Боржимовъ, Ловичъ... сотни деревушекъ и хуторовъ польскихъ, еврейскихъ мѣстечекъ разрушены, а иные совсѣмъ стерты съ лица земли, изрытой, исковерканной войной, негодной для обработки и посѣва до тѣхъ поръ, пока не закроются эти глубокiя раны и рубцы.

Вотъ уже больше полгода десятки, сотни тысячъ обездоленныхъ людей бѣгутъ изъ родныхъ мѣстъ куда попало, чтобы сохранить хоть жизнь, если все остальное потеряно, нерѣдко прямо превращено въ пепелъ. Вчерашнiе помѣщики, зажиточные люди, становятся нищими, бездомными. Схлынетъ непрiятель, они опять тянутся къ роднымъ мѣстамъ, роются въ мусорѣ, оставшемся отъ ихъ добра; уходятъ подъ землю, въ пещеры, живутъ, какъ звѣри, въ норахъ, питаясь, Богъ знаетъ, чѣмъ и какъ.

Нынче однихъ евреевъ-бѣженцевъ въ Варшавѣ болѣе тридцати тысячъ. На ихъ поддержку надо около пятисотъ тысячъ рублей въ мѣсяцъ. А сколько бѣженцевъ поляковъ! И это въ одной Варшавѣ!

Гдѣ взять средства на поддержку ихъ до конца войны?

Но средства — это еще не все. Стало отзывчивѣй и сострадательнѣй людское сердце. Имъ, такъ или иначе, помогутъ не умереть съ голода, поддержать въ эти мрачные дни. Это еще, въ концѣ-концовъ, не такъ страшно, какъ страшны тѣ глухiя трагедiи, которыя сопутствуютъ этому разоренiю.

Я не говорю о трагедіяхъ, непремѣнно оканчивающихся смертью, сумасшествіемъ или иной подобной катастрофой. Есть трагедіи съ менѣе зловѣщими, но не менѣе мрачными концами. Хотя и такихъ — достаточно. И все переживется, все перенесется во имя побѣды...

II.

Изъ мѣстечка Н. идетъ въ Варшаву въ конецъ разоренная семья: отецъ, мать, трое дѣтей, изъ которыхъ одинъ грудной, и другой малолѣтокъ, и старуха-бабушка, мать отца этого семейства.

Они вышли рано утромъ, чтобы къ вечеру поспѣть въ Варшаву. Не взяли съ собой ничего, что могло бы обременить ихъ въ пути: ни одной корзинки, ни одного узелка, ничего, кромѣ хлѣба на дорогу.

Идутъ пѣшкомъ часъ, другой. Притомятся, — сядутъ гдѣ попало — пожуютъ хлѣба, запьютъ водой и опять въ путь.

Младенца отецъ несетъ на рукахъ. Другой — держится за юбку матери и ковыляетъ на рахитичныхъ ножкахъ, стараясь не отставать.

Больше всѣхъ задерживаетъ старая бабка.

Съ своимъ согнувшимся тѣломъ и дрожащей головой, въ смѣшномъ сборчатомъ чепчикѣ на голомъ черепѣ, съ провалившимися трахоматозными глазами, она, задыхаясь, плетется за своими. Но часто силы совсѣмъ покидаютъ ее.

Тогда она останавливается, согнувшись, опираясь на свою палку, тоже согнутую сверху крючкомъ, какъ ея старая худая шея, и долго стоитъ такъ, глядя въ землю, не вздыхая, а какъ-будто всхлипывая отъ усталости.

— Зачѣмъ вы не оставили меня тамъ? — бормочетъ она. — Все равно умирать. А я только задерживаю васъ.

— Ничего, ничего, отдохнемъ и какъ-нибудь дойдемъ, — стараются успокоить ее сынъ и невѣстка. — Уже теперь ближе.

Такъ идутъ они еще часъ и другой, и третій...

Холодный сѣрый день давитъ землю тучами. Иногда сыплетъ мелкій игольчатый дождь. Кругомъ пустынно и мрачно. Если и попадается жилье, не разбитое, не сожженное, занято оно чужими пришлыми людьми.

И чужіе, пришлые люди попадаются на дорогѣ въ автомобиляхъ,

верхомъ и пѣшіе. Все солдаты и солдаты. Иногда идутъ обозы. Если бы обозы ѣхали въ городъ, могли бы подвезти не всѣхъ, такъ хоть старуху: люди часто добры и милосердны. Но обозы все ѣдутъ изъ города туда, откуда эти бѣженцы, туда, гдѣ громыхаютъ пушки.

Такъ они идутъ и идутъ.

Все чаще и чаще останавливается старуха, и, останавливаясь, она все больше и больше походитъ на какую-то древнюю птицу, которая, кажется, такъ вотъ и замретъ здѣсь и останется на дорогѣ, какъ сказочный памятникъ, символъ вѣчнаго скитанія, безпріютности и горя.

Ужъ остается какихъ-нибудь полтора десятка верстъ до города. И вдругъ старуха отказывается совсѣмъ итти.

Она уже не стоитъ, а садится при дорогѣ у перелѣска, подъ равнодушными колючими соснами, и на всѣ увѣщеванія только слабо качаетъ головой.

Нѣтъ, дальше она не въ силахъ сдѣлать ни шагу.

Какъ тутъ быть? Неоткуда ждать помощи. Хуже того, вблизи нѣтъ жилья, ни просто какого-нибудь крова, гдѣ можно было бы отдохнуть, переждать часъ-другой.

Да и хочется ѣсть, пить. Какой ужъ отдыхъ голоднымъ на перепутьи вблизи отъ города!

Посовѣтовались мужъ съ женой и рѣшили оставить старуху здѣсь, на три-четыре часа, а сами — поспѣшить въ городъ, нанять какую-нибудь фурманку и пріѣхать за старухой.

Но не въ лѣсу же, при дорогѣ, оставлять ее?

И вотъ, видятъ они невдалекѣ отъ лѣса окопъ, а тамъ — землянку, вѣрно для офицера вырытую яму. Въ землянкѣ даже солома настланная, правда, уже полусгнившая и мокрая, но все же — не голая земля. Изъ соломы выскочила крыса, потревоженная новыми жильцами, запрыгала растерянно, и исчезла куда-то, недовольно пискнувъ.

Стараясь подавить слезы и рыданія, сынъ объяснилъ матери, что она должна здѣсь подождать, пока онъ вернется съ телѣгой. Она только молча кивала трясущейся головой, въ смѣшномъ, когда-то розовомъ чепчикѣ. Повидимому, ей, дѣйствительно, было уже все равно, а ея тусклые, гноящіеся глаза выражали только усталость, одну только усталость и ничего болѣе...

Ей оставили послѣдній кусочекъ хлѣба и немного воды. Мало того, сынъ снялъ съ себя пальто, закуталъ костлявыя, опавшія плечи и грудь матери, которая когда-то вскормила его, и они быстро пошли въ городъ, чтобы скорѣе вернуться къ ней.

А время ужъ шло къ сумеркамъ.

III.

Не сразу и въ городѣ удалось добыть фурманку. Мало того, за нее взяли съ него столько, что этихъ денегъ, послѣднихъ денегъ, хватило бы на цѣлый мѣсяцъ пропитанія для всей семьи.

Но развѣ могъ сынъ останавливаться на этомъ, когда въ землянкѣ окопа, гдѣ жила одна лишь крыса, осталась его старая мать.

Деньги дѣло наживное, а если и не наживешь, какъ-нибудь помогутъ люди. А мать не наживешь.

И, оставивъ своихъ въ наскоро обрѣтенной трущобѣ, гдѣ ютились уже сотни такихъ, какъ эти, онъ самъ бросился за старухой.

Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ не нашелъ ея въ окопѣ.

Только съ того мѣста, гдѣ усадилъ онъ мать, опять юркнула въ темнотѣ тяжелая большая крыса.

Растерянный, онъ вышелъ изъ окопа, думая, что его мать гдѣ-нибудь поблизости.

Онъ сталъ искать ее въ лѣсу и окликать тѣми именами, которыми звалъ ее съ дѣтства...

Но ночная, непогожая темнота стояла между частыми стволами деревьевъ, и никто не отзывался на его отчаянные зовы.

У него даже не было фонаря, чтобы освѣтить эту темноту. Да и опасно было ходить въ лѣсу съ фонаремъ. Кто-нибудь еще увидитъ, подумаютъ, что шпіонъ, сигнализируетъ врагамъ...

Да и чему могъ помочь фонарь? Если она ушла, то ей незачѣмъ было уходить въ глубину лѣса. Скорѣе всего, она могла пойти на дорогу.

Но почему же онъ не встрѣтилъ ее? Никого не встрѣтилъ, кромѣ автомобиля съ краснымъ крестомъ, который прошумѣлъ, сверкнувъ въ темнотѣ пронзительными круглыми глазами и, напугавъ лошадь, шарахнувшуюся въ сторону, исчезъ по направленію въ городъ.

А вдругъ ее взялъ этотъ автомобиль?

Она выползла изъ этой берлоги, а люди сжалились надъ ней и взяли ее съ собою?

Вѣдь это были люди изъ Краснаго Креста!..

IV.

Эта мысль почти успокоила его.

Онъ поспѣшно погналъ лошадь обратно, въ городъ, и послѣ тревожной, безсонной ночи съ утра сталъ разыскивать старуху-мать.

Ему посчастливилось. Благодаря добрымъ людямъ и телефонамъ, онъ ее нашелъ въ одномъ изъ шести варшавскихъ пріютовъ для бѣженцевъ.

Ее, дѣйствительно, доставилъ какой-то автомобиль Краснаго Креста.

ЛЕТЧИКИ.

I.

Мнѣ всегда казалось, что ни одна профессія не дѣйствуетъ такъ на душу, какъ профессія летчика.

Я леталъ въ первый разъ въ Египтѣ, близъ Каира, и никогда въ жизни не забуду того, что я пережилъ тогда. И не потому не забуду, что я леталъ надъ безпредѣльностью пустыни, гдѣ дремали вѣчныя пирамиды, извивался по золотой парчѣ, какъ затѣйливая надпись изъ корана, священный Нилъ съ зелеными оазисами, узорными, какъ восточныя арабески, а палевый Каиръ, весь облитый прозрачною голубизною воздуха, представлялся миражемъ. Не потому не забуду, что весь этотъ фонъ полета былъ, дѣйствительно, прекрасенъ, а потому, что, мнѣ кажется, особенно отчетливо это ощущеніе было тогда, что въ моей природѣ, въ душѣ моей возникло что-то новое, прибавилась какая-то новая черта, трудно опредѣлимая, совершенно не осознанная, но обогатившая меня новымъ ощущеніемъ, послѣ котораго я какъ-будто ближе сталъ къ птицамъ.

И вѣдь вотъ странная вещь: я почти не переношу высоты и когда садился въ аэропланъ позади пилота, боялся, что оскanда-

люсь, что на высотѣ со мною будетъ дурно. Но лишь только мы оторвались отъ земли, я совершенно ясно ощутилъ, что тѣло мое какъ-будто потеряло вѣсъ, что высота не страшна, а невыразимо радостна — и понялъ, что иначе оно и быть не можетъ.

Когда я стою на балконѣ пятиэтажнаго дома, на высокой башнѣ, словомъ, когда я связанъ съ землею, это похоже на то, что я какъ-будто бы стою на неестественно длинныхъ ногахъ, лучше сказать — на безмѣрно высокихъ ходуляхъ, и является невольное и жуткое ощущеніе неожиданности.

А тамъ, въ воздухѣ, такого ощущенія быть не можетъ, тамъ — безпредѣльная стихія, для которой нѣтъ и не можетъ быть измѣренія.

Съ тѣхъ поръ я сталъ относиться къ летчикамъ съ особенно острымъ вниманіемъ. Эти люди, избравшіе воздухоплаваніе своей профессіей, чаще всего не по нуждѣ, не изъ-за выгодъ, а по влеченію, — они постепенно, на мой взглядъ, должны перерождаться духовно, и даже тѣ интересы, которые занимали ихъ раньше, когда они, какъ всѣ, были прикованы къ землѣ, должны постепенно отпадать у нихъ, или, по крайней мѣрѣ, утрачивать для нихъ свое значеніе, если не смыслъ.

И вотъ, въ послѣдніе дни судьба меня свела довольно близко съ военными летчиками. Я много и пристально всматривался въ нихъ, бесѣдовалъ съ ними и убѣдился, что мое предположеніе не безосновательно.

Скажу больше: каждый разъ, какъ я вижу теперь эти распахнутыя крылышки на эполетахъ я знаю, что увижу нѣсколько вытянутую впередъ голову, опредѣленное, н о в о е, выраженіе лица и особенно — выраженіе глазъ, которое напоминаетъ взглядъ глазъ, свойственный только птицамъ пустыни.

Въ одномъ отелѣ со мной живетъ знаменитый летчикъ Пуаре.

Въ ясные дни его не бываетъ въ отелѣ. Въ ясные дни онъ, какъ птица, носится въ поднебесьи и, конечно, не только для забавы.

Георгій, которымъ украшена его военная куртка, свидѣтельствуетъ, что онъ успѣлъ оказать нашей родинѣ и арміи большія услуги.

Вечеромъ, когда онъ на своемъ автомобилѣ пріѣхалъ въ отель, всегда можно узнать по выраженію его лица, вообще напоминающаго нѣсколько хищную птицу, леталъ онъ или нѣтъ, то-есть, хорошая была погода или дурная.

Если леталъ, лицо его спокойно и весело. Не леталъ, — нѣсколько вяло и раздражено.

Въ вестибюлѣ отеля онъ тогда недовольно принимаетъ отъ портье очередной номеръ своей родной газеты «Temps», на ходу раскрываетъ ее и смотритъ телеграммы. Какъ всякій французъ, онъ безпредѣльно любитъ свою родину, гордится ею, гордится своей арміей, и прежде всего желаетъ знать, какъ обстоятъ дѣла французовъ съ нѣмцами.

Это сейчасъ его интересуетъ на землѣ больше всего. Но и этотъ интересъ черезъ полчаса удовлетворенъ, а дальше онъ уже почти не знаетъ, что ему дѣлать съ собою.

Онъ самъ признается, что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ летчикомъ, земные интересы его замѣтно потускнѣли и сузились. И даже люди стали меньше интересовать его.

Его стихіей сталъ воздухъ. Онъ почувствовалъ себя королемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабомъ воздуха.

— Только когда я летаю, я не боюсь, что упаду или споткнусь,— говоритъ онъ.

II.

Таковы въ большей или меньшей степени почти всѣ профессіональные летчики.

Я провелъ на-дняхъ цѣлыя сутки въ ихъ товарищеской семьѣ, и они, сами подсмѣиваясь надъ собою, разсказывали, что ихъ жизнь приняла нѣсколько иное направленіе съ тѣхъ поръ, какъ они обручились съ воздушной стихіей.

— Вы не найдете никого изъ насъ, — говорили они въ одинъ голосъ, — кто бы, проснувшись утромъ, прежде всего, не взглянулъ въ окно, чтобы рѣшить: можно нынче летать или нельзя.

— Пейзажи? О, да, пейзажи превосходная вещь, но, глядя на пейзажъ, каждый изъ насъ думаетъ: есть ли въ этомъ пейзажѣ удобная площадка для спуска на аэропланѣ. И, если нѣтъ, пейзажъ теряетъ многое изъ своего очарованія.

Да что, люди, которые не летаютъ, представляются имъ мало интересными, и, мнѣ кажется, самая любовь утрачиваетъ въ ихъ глазахъ значительную долю своего очарованія.

Какъ привыкшіе къ морфію, они томятся безъ полетовъ въ ту-

манные, ненастные дни и тянутся къ какому-нибудь суррогату, чтобы только заглушить свою тоску.

Денежная игра. Карты?

— Хорошо, будемъ играть въ карты.

Какъ страстно любители лошадей желаютъ имѣть лошадь и для верховой ѣзды, и для упряжки, и для возки тяжестей, каждый изъ нихъ стремится обладать не однимъ, а нѣсколькими аэропланами разныхъ конструкцій.

Вотъ двое изъ нихъ горячо препираются по поводу спорнаго аэроплана, доставшагося ихъ отряду отъ нѣмцевъ.

— Ну, на что тебѣ другой аэропланъ! — говоритъ начальникъ отряда своему товарищу, молодому и отчаянному летчику.

— Ага, а тебѣ его, однако, надо.

— Да, мнѣ — другое дѣло... Я...

Но спорящій перебиваетъ его:

— Ага... Ты!.. Я понимаю... Ты тоже хочешь не только имѣть одинъ аэропланъ, для дѣла, но и другой для удовольствія. Я — тоже не палка. Я тоже хочу имѣть другой аэропланъ для того, чтобы порѣзвиться на немъ.

А порѣзвиться — это на ихъ языкѣ значитъ продѣлать на аэропланѣ высоко надъ землей, для своего удовольствія то, отъ чего у публики, когда она смотритъ на всѣ эти отчаянныя штуки (подобныя, напримѣръ, тѣмъ, что продѣлывалъ тотъ же самый П. передъ тѣмъ, какъ поѣхать на войну), дрожитъ сердце и захватываетъ духъ отъ тревоги и ужаса.

Я постараюсь изъ жизни летчиковъ дать нѣсколько картинъ и событій, интересныхъ по своему характеру, по своей новизнѣ, по индивидуальности самихъ летчиковъ.

III.

Штабсъ-капитанъ Ш.

Высокая, нѣсколько сутуловатая и ужъ совсѣмъ не типичная для офицера фигура. Онъ, пожалуй, даже кажется нѣсколько неуклюжимъ съ своей грузной фигурой и спокойными, немного вялыми движеніями, въ которыхъ, однако, чувствуется какая-то медвѣжья сила и повадка.

Его большая голова — чуть вытянула впередъ. Черты лица

выразительныя, крупныя. Въ глазахъ, — добродушная мягкость и, пожалуй, на поверхностный взглядъ, — упрямство.

На самомъ дѣлѣ, это не упрямство, а твердость, упорная, какъ кремень. Это человѣкъ исключительной настойчивости и отваги, но самъ онъ этимъ свойствамъ, единогласно свидѣтельствуемымъ товарищами, не придаетъ, кажется, никакого значенія.

Но это подтверждаютъ подвиги, которые онъ успѣлъ совершить въ этой войнѣ, и золотое оружіе, которымъ онъ награжденъ за слѣдующее дѣло:

Два аппарата, на одномъ изъ которыхъ былъ летчикъ Ш., отправились съ вечера, чтобы переночевать въ А. и съ ранняго утра пуститься на развѣдку, для опредѣленія направленія и силъ наступающихъ нѣмцевъ.

Въ А. какъ разъ въ это время буквально каждый уголъ былъ занятъ нашими войсками и ночевать пришлось прямо на улицѣ, у костра, разведеннаго солдатами, такъ какъ ночь была ледяная, и даже аппараты покрылись сантиметра на полтора инеемъ.

Что это былъ за сонъ, не трудно себѣ представить. Костеръ то пылалъ ярко и горячо. Тогда нагрѣвался одинъ бокъ, въ то время, какъ другой бокъ леденѣлъ отъ мороза, или грудь чуть не горѣла отъ огня, а спина замерзала.

То, когда пламя начинало угасать, коченѣло все тѣло, и неизвѣстно, которое изъ этихъ двухъ золъ надо было предпочесть.

Всю ночь вокругъ огня прыгали, топали ногами, хлопали себя и другъ друга по бокамъ, чтобы только согрѣться, холодно, или, какъ они выражались о себѣ, «лебезго», одѣтые солдатики, и эти зимніе танцы, конечно, тоже мало способствовали покою и сну авіаторовъ.

Но подъ утро все же удалось уснуть имъ, и, вѣрно, хоть и короткій сонъ на морозномъ свѣжемъ воздухѣ, обладалъ особенно чудотворными свойствами, потому что оба летчика проснулись бодрыми и сильными, хотя и нѣсколько подмороженными за эту ночь.

И особенно ихъ бодрому настроенію способствовало удивительно ясное солнечное утро.

Небо глубоко синѣло и какъ-будто переливалось отъ солнечнаго свѣта, какъ прозрачный старинный шелкъ, и легкія бѣлыя облачка только веселили и какъ-будто ласкали его. Воздухъ былъ до того прозраченъ и чистъ, что даже вдали контуры предметовъ, каждая вѣточка, рисовались необыкновенно отчетливо и тонко.

И при этомъ было такъ тихо, что даже люди какъ-то невольно понижали голоса въ разговорѣ, и свистъ маленькой красноголовой птички на вѣткѣ въ сосѣднемъ садикѣ звучалъ, какъ утренняя молитва.

Для полета лучшаго дня не могли представить даже на заказъ.

Летчики улыбнулись надъ проведенной такъ первобытно ночью и подѣлили между собой предстоящую развѣдку.

Одинъ долженъ былъ направиться на сѣверъ, другой — на югъ, съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ широкій кругъ надъ непріятельскими позиціями, вернуться снова на мѣсто.

Позиція нашихъ войскъ была на лѣвомъ берегу рѣки. Ждали наступленія непріятеля на А. и важно было опредѣлить, откуда наступленіе и насколько оно многочисленно.

Летчики вылетѣли съ праваго берега рѣки, при чемъ шт.-кап. Ш. вылетѣлъ на полчаса позже товарища, такъ какъ нѣсколько замѣшкался у своего аппарата.

Пріятно было летѣть въ это свѣжее, свѣтлое утро, поднимаясь все выше и выше къ бирюзовому небу надъ землей, которая всегда кажется такой грубой и грязной послѣ этого паренія въ чистѣйшемъ воздухѣ, часто наравнѣ съ бѣлыми облачками, легкими и нѣжными, какъ дѣтскіе сны. Пріятно чувствовать послушную и сильную машину-птицу, съ которой какъ-будто сливаешься иногда въ одно живое свободное и гордое существо.

Какими маленькими козявками кажутся съ вышины люди, какими ничтожными, смутными пятнышками на темномъ фонѣ земли обозначаются не только ихъ деревушки и городки, но и храмы, которые кажутся на землѣ такими величественными и стройными.

Вонъ движутся по шоссе, похожему на черезчуръ ужъ ровную рѣку, не точечки-люди, а черточки-всадники. Это непріятельская кавалерія.

Она не больше, чѣмъ въ десяти верстахъ отъ А.

Дальше, у мѣстечка С. — чуть-чуть обозначаются окопы. Но въ нихъ не замѣтно копошащихся муравьевъ, окопы пусты: противникъ либо отступилъ, либо перемѣнилъ направленіе своего движенія. Продолжая свой полетъ вдоль шоссе, Ш. замѣтилъ съ аэроплана, что за нимъ гонится нѣмецкій автомобиль извѣстнаго ему типа съ спеціально приспособленнымъ для стрѣльбы по аэропланамъ крупповскимъ орудіемъ. Сверху этотъ автомобиль походилъ на не-

винную дѣтскую игрушку. Но это была опасная игрушка. Приходилось на время перемѣнить направленіе, и летчикъ сталъ держаться другого шоссе.

Автомобиль-преслѣдователь съ чрезвычайной быстротой тоже перешелъ на другое шоссе.

Летчикъ снова быстро вернулся къ первому. Шоссе приходилось держаться, во-первыхъ, какъ руководящей нити, а, во-вторыхъ, — потому, что нѣмцы не могутъ съ своими обозами и орудіями передвигаться иными путями.

Эта игра начинала забавлять летчика.

Въ концѣ-концовъ, автомобиль принужденъ былъ отстать, утомленный безплодной погоней за аэропланомъ, который, какъ бы играя, перелеталъ съ дороги на дорогу.

Направляясь къ мѣстечку С., близъ Августовскихъ лѣсовъ, съ высоты 1200 метровъ летчикъ увидѣлъ три озера, три большихъ синихъ озера, подобно тремъ причудливой формы зеркаламъ, вставленнымъ въ темно-зеленыя рамы.

И едва его послушный аэропланъ поравнялся съ однимъ озеромъ, какъ въ синемъ зеркалѣ отразилась плавно летящая бѣлая птица съ неподвижно распростертыми крыльями. Бѣлая птица въ синемъ зеркалѣ. Это было настоящее волшебство. Хотѣлось совсѣмъ остановить машину, чтобы еще пристальнѣе вглядѣться въ это бѣлое видѣніе на синемъ озерѣ и запечатлѣть его навсегда въ памяти, какъ можно ярче.

Зеленый берегъ озера оборвалъ минутный миражъ.

Но другое озеро снова повторило его.

Снова бѣлая птица съ распростертыми крыльями отразилась въ синемъ зеркалѣ.

И такъ три раза. Три раза бѣлое видѣніе проплывало по синему озеру плавно и величественно. И это было похоже на свѣтлую грезу, на праздничный сонъ.

Здѣсь, надъ этими синими озерами, уже нечего было бояться враговъ, и потому ничто не смутило счастливыхъ минутъ, обласкавшихъ сердце.

Но такое настроеніе не могло длиться долго, и это придавало ему особенную красоту и цѣнность.

Подлетая къ С—амъ, летчикъ и наблюдатель, сопутствовавшій

ему, замѣтили въ какой-нибудь верстѣ передъ собою четыре остановившихся въ воздухѣ бѣлыхъ шарика.

Четыре бѣлыхъ легкихъ шарика, подобныхъ тѣмъ, что такъ любятъ дѣти. Въ первое мгновеніе эти бѣлые воздушные шарики показались новыми видѣніями изъ того міра сказочной красоты, который только что промелькнулъ передъ ними.

Что бы это такое могло быть? Въ первый разъ они видѣли подобное чудо.

Но летчикъ и наблюдатель недоумѣвали не долго.

Еще эти бѣлые шарики, сквозясь на солнцѣ, сохраняли свою форму въ прозрачномъ неподвижномъ воздухѣ, какъ близъ нихъ появились почти одновременно еще четыре, еще и еще...

Бѣлые шарики возникали какимъ-то удивительнымъ чудомъ, точно невидимая и невѣдомая рука, играя, бросала ихъ невѣдомо откуда, и при возникновеніи въ ихъ бѣлой прозрачности сверкали голубыя искорки. Увы, это была смертельная, опасная игра для летѣвшихъ: они скоро убѣдились, что ихъ обстрѣливаетъ шрапнелью непріятельская артиллерія. По огнямъ, вылетавшимъ изъ-за лѣса, было ясно, что ихъ обстрѣливаютъ четыре непріятельскихъ орудія.

Все чаще и чаще стали возникать предъ ними бѣлые шары съ голубыми искорками разрывающихся шрапнелей. Онѣ какъ бы догоняли одна другую, мгновеніе держались бѣлыми шарами и затѣмъ медленно расползались прихотливо курчавыми барашками, напоминавшими иногда большія бѣлыя хризантемы. Все больше и больше было этихъ бѣлыхъ курчавыхъ хризантемъ-барашковъ, которые расплывались въ воздухѣ, и, наконецъ, образовали сплошную бѣлую тучу, которая походила на бѣлый островъ на синемъ морѣ.

И вдругъ, въ довершеніе всѣхъ волшебствъ, сопровождавшихъ этотъ необыкновенный полетъ, изъ бѣлой тучи вырвалась огромная птица съ распластанными крыльями, которая неслась прямо навстрѣчу имъ.

Еще мгновеніе, и они могли бы столкнуться. Но встрѣчная птица-аэропланъ проплыла мимо такъ близко, что летчики послали другъ другу радостный привѣтъ.

Это былъ аэропланъ товарища Ш., замкнувшій описанный ими кругъ съ другой стороны. Теперь онъ летѣлъ на востокъ, Ш—й на западъ. Какъ потомъ оказалось, аппаратъ товарища-летчика былъ во многихъ мѣстахъ крыльевъ пронизанъ пулями, но существенныхъ поврежденій не было, и онъ вырвался невредимымъ изъ этого ада.

Люди-птицы разлетѣлись въ разныя стороны, и аппаратъ летчика Ш—го на этотъ разъ самъ угодилъ въ такой же адъ, нарвавшись на новую непріятельскую батарею.

Начался убійственный обстрѣлъ.

Ихъ до такой степени заволокло дымомъ, что трудно было оріентироваться.

Они не слышали грохота снарядовъ, разрывавшихся со всѣхъ сторонъ: мощный гулъ мотора заглушалъ эти взрывы. Но передъ глазами у нихъ въ крыльяхъ аэроплана то и дѣло появлялись круглыя дырочки отъ пронизывавшихъ ихъ пуль, а иногда скорѣе чувствовались, чѣмъ слышались, легкіе щелчки о металлическія части машины. Но и здѣсь летчики чудомъ остались невредимы.

Аэропланъ взмылъ въ высоту и, вырвавшись на волю изъ адскаго дыма, продолжалъ свой путь, производя тщательно свою дальнѣйшую развѣдку.

Черезъ два часа онъ благополучно вернулся въ А., на то самое мѣсто, откуда вылетѣли они.

Товарищъ уже былъ тамъ, и летчики, торжествуя, дѣлились своими наблюденіями и впечатлѣніями и, весело смѣясь, считали невинныя раны, нанесенныя ихъ любимымъ машинамъ.

Этой развѣдкой было установлено, что противникъ наступаетъ не въ восточномъ направленіи, какъ ожидалось, а въ юго-восточномъ.

А вечеромъ былъ бой, и нѣмцевъ оттѣснили.

Всѣ четверо летчиковъ были награждены за оказанную ими услугу, сопряженную съ смертельной опасностью, — золотымъ оружіемъ.

ПЛѢННЫЙ АЛЬБАТРОСЪ.

Въ послѣднее время нѣмецкимъ летчикамъ особенно не везло. Въ теченіе какого-нибудь мѣсяца нѣсколько нѣмецкихъ аэроплановъ были испорчены русскими пулями и, какъ подстрѣленныя птицы, должны были опуститься на землѣ, занятой нашими войсками.

Подстрѣлить аэропланъ нелегкое дѣло, особенно въ ясную погоду, когда летчикъ можетъ взять высоту, недосягаемую для пули. Но, вообще говоря, пули-то страшны аэроплану только тогда, когда

онѣ попадаютъ въ бакъ съ бензиномъ, въ пропеллеръ, или въ самого летчика, а это ужъ чистая случайность.

Одна изъ такихъ счастливыхъ для насъ случайностей заставила опуститься нѣмецкій аэропланъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей позиціи близъ Сохачева. Пущенный изъ винтовки русской пулей былъ пробитъ бакъ съ бензиномъ у нѣмецкаго «Альбатроса».

Аэропланъ долженъ былъ опуститься у перелѣска на полянкѣ.

Конечно, русскіе не могли не замѣтить своей удачи, но пока они спѣшили къ подстрѣленному «Альбатросу», летчикъ-нѣмецъ съ своимъ наблюдателемъ-офицеромъ энергично принялись за починку.

Уже наши сторожевыя части стремительно приближались къ нимъ, но и нѣмцы не даромъ потратили дорогія минуты: аэропланъ былъ приведенъ въ порядокъ и готовъ къ отлету.

Каждое мгновеніе было страшно дорого; каждое мгновеніе рѣшало вопросъ жизни и смерти, и надо отдать справедливость нѣмцамъ, они дѣйствовали безъ суеты, съ удивительной ловкостью и самообладаніемъ.

Два-три легкихъ проворныхъ движенія, и летчикъ былъ на мѣстѣ. Оставалось пустить пропеллеръ, и «Альбатросъ» могъ ускользнуть.

Уже казаки были совсѣмъ близко; они мчались съ винтовками въ рукахъ, каждую минуту готовые пустить ихъ въ ходъ. Но важно было захватить аэропланъ и летчиковъ, что называется, живьемъ.

Уже нѣмцы слышали ихъ крики, сливавшіеся съ топотомъ лошадиныхъ копытъ.

Наблюдатель, нѣмецкій офицеръ, сильно и поспѣшно сталъ раскачивать пропеллеръ. Уже пропеллеръ завертѣлся подъ его энергично работавшими руками. Еще одно-два движенія, и дѣло будетъ сдѣлано: онъ вскочитъ на свое мѣсто, и «Альбатросъ» взовьется въ вышину послѣ короткаго разбѣга.

Но летчикъ слишкомъ поспѣшно включилъ контактъ. Пропеллеръ, вдругъ завертѣвшійся съ страшной силой, ударилъ по плечу и по головѣ наблюдателя, не успѣвшаго отскочить.

Отброшенный смертельными ударами, нѣмецъ рухнулъ навзничь, судорожно взмахнувъ руками.

Летчикъ, не желавшій сдаваться въ плѣнъ, выскочилъ изъ аэроплана и, даже не взглянувъ на бившагося въ агоніи товарища, бросился бѣжать къ лѣсу.

Выстрѣлы казачьихъ винтовокъ загремѣли ему вслѣдъ. Свистъ пуль, изъ которыхъ одна пробила его шинель, а другая рукавъ, оказались сильнѣе его гордости. Онъ остановился, задыхаясь, и упалъ на колѣни.

Казаки взяли въ плѣнъ нѣмецкаго летчика, его совершенно исправный, за исключеніемъ пропеллера, аэропланъ и все, что находилось въ гондолѣ. Среди захваченнаго казаками имущества было нѣсколько бомбъ, книжка донесеній и, — самое цѣнное, — предписаніе изъ штаба нѣмецкой арміи, который, какъ оказалось, находился въ господскомъ дворѣ въ С. Изъ С. предписаніе было направлено въ К., гдѣ былъ нѣмецкій аэродромъ, и откуда, на горе себѣ, вылетѣлъ этотъ летчикъ.

Всѣ эти свѣдѣнія и документы были переданы куда слѣдуетъ, и немедленно послѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе русскимъ летчикамъ.

БОМБОМЕТАТЕЛЬ.

I.

Съ ранняго утра дулъ сильный вѣтеръ.

Летчики вышли на аэродромъ и стали совѣтоваться, какъ быть. Летѣть сейчасъ явно было невозможно. Это страшно всѣхъ огорчало. Рѣшили переждать часъ-другой, можетъ быть, вѣтеръ утихнетъ.

Это была лихорадка ожиданія. Не хотѣлось ни ѣсть, ни пить. Даже въ стѣнахъ трудно было пробыть лишнюю минуту. Главное, при такомъ сильномъ вѣтрѣ не только рискованно, но и почти безнадежно было разсчитывать подняться въ вышину, оторваться отъ земли.

А между тѣмъ, опытному наблюдательному взгляду открывалась надежда на то, что тамъ, въ вышинѣ, нѣтъ этого урагана: тучи, клубившіяся довольно высоко надъ землей, неслись совсѣмъ не съ той стремительностью, съ какой дулъ вѣтеръ здѣсь: очевидно, ураганъ былъ лишь въ нижнихъ слояхъ воздуха.

Его холодные, сильные порывы ударяли въ лицо, какъ крылья, какъ бы предостерегая отъ безумныхъ попытокъ.

Уже перевалило за полдень, а вѣтеръ не уменьшался.

Раздраженный этимъ упорствомъ, офицеръ-наблюдатель П—ій не выдержалъ.

Онъ не привыкъ уступать стихіямъ. Нѣсколько минутъ острыхъ и тревожныхъ колебаній, и — аминь.

П—ій слишкомъ любилъ свое дѣло и былъ избалованъ удачей и успѣхомъ въ метаніи бомбъ, чтобы на этотъ разъ противустоять искушенію.

II.

Даже среди товарищей по своей профессіи П—ій выдѣляется своей индивидуальностью. Довольно высокаго роста, тонкій и прямой, онъ и нервенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то разсчетливъ и точенъ въ каждомъ своемъ движеніи и словѣ. Въ тонкихъ чертахъ его молодого, всегда тщательно выбритаго худощаваго лица есть какая-то болѣзненная чуткость и напряженность, между тѣмъ, какъ сѣроватозеленые глаза его спокойно-улыбчивы и холодны.

Біографія П—го тоже незаурядная. Въ то время, какъ большинство его товарищей дошли обычнымъ путемъ до офицерскаго званія, П—ій получилъ это званіе безъ всякаго экзамена.

Будучи еще двадцатилѣтнимъ студентомъ петроградскаго университета, онъ пошелъ на войну охотникомъ. За японскую войну П—ій получилъ георгіевскій крестъ; за болгаро-турецкую войну — высшую награду за храбрость: крестъ, соотвѣтствующій по статуту нашему георгіевскому кресту, и золотую медаль за храбрость подъ Адріанополемъ.

— Какъ вамъ угодно, господа, а я сейчасъ полечу, — рѣшительно заявилъ своимъ товарищамъ П—ій.

Среди нихъ не было трусовъ, но его заявленіе вызвало общій протестъ.

—Летѣть сейчасъ безуміе! Машина будетъ несомнѣнно разбита.

О томъ, что летчикъ при этомъ можетъ сломать голову, не принято даже поминать въ ихъ средѣ. На первый планъ всегда ставится машина, и о машинѣ, главнымъ образомъ, идетъ рѣчь, когда имѣютъ въ виду опасность.

— У меня есть внутренняя увѣренность, что машина не пострадаетъ, — возразилъ П—ій.

На это ему спокойно заявили, что внутренняя увѣренность его при такомъ свирѣпомъ ураганѣ ровно ничего не стоитъ, въ то время, какъ аэропланъ стоитъ большихъ тысячъ.

— Но я намѣренъ летѣть съ Ч.

Ч. былъ нижній чинъ, первоклассный летчикъ.

— Ага, съ Ч.

Это уже чего-то стоило. Но все же рискъ былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы товарищи не протестовали.

П—ій съ тонкой улыбкой и съ свойственнымъ ему изяществомъ отдалъ имъ легкій поклонъ на всѣ ихъ протесты и уговоры и распорядился позвать къ себѣ нижняго чина Ч.

Ч. спокойно выслушалъ его заявленіе.

— Летѣть надо во что бы то ни стало. Понимаешь?

— Такъ точно, ваше благородіе, понимаю.

— А удастся подняться, да слетаемъ удачно куда слѣдуетъ, обѣщаюсь выхлопотать тебѣ георгіевскій крестъ.

— Покорно благодарю, ваше благородіе.

По лицу солдата трудно было опредѣлить, одобряетъ или не одобряетъ онъ намѣреніе офицера. Невзрачное лицо въ самыя страшныя минуты оставалось такъ же спокойно, почти равнодушно, какъ сейчасъ. Но казалось, не только въ глазахъ его, а и въ каждомъ движеніи была та инстинктивная зоркость, при которой никогда и ничто не бываетъ страшно.

III.

Аппаратъ стали выводить изъ ангара. Всѣ летчики вышли посмотрѣть на безумную затѣю. Всѣ ожидали неизбѣжной катастрофы, но слишкомъ настаивать и удерживать товарища считалось неприличнымъ и неумѣстнымъ.

Вѣтеръ дулъ съ какимъ-то дьявольскимъ упорствомъ и упругостью. Если иногда онъ на минуту прерывался, то лишь за тѣмъ, чтобы тотчасъ же рвануть съ еще большей силой, и эти порывы были особенно опасны.

Ч. основательно надвинулъ шлемъ, тщательно осмотрѣлъ и провѣрилъ машину и сѣлъ на свое мѣсто съ тѣмъ же спокойнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ садился за обѣденный столъ.

Едва положилъ онъ на руль свои короткія, грубыя руки, — сразу какъ-будто слился съ машиной.

Легкой прямой походкой подошелъ къ аэроплану П—ій и съ обычной улыбкой принялъ двѣ бомбы,—два дюшесса, какъ деликатно выражался онъ объ этихъ разрушительныхъ снарядахъ.

Сильно, ровно и твердо заработалъ моторъ.

— Пускать!

Отбѣжали солдаты, державшіе крылья; жужжа завертѣлся пропеллеръ, поднимая крутящуюся пыль.

Аэропланъ взялъ недолгій разбѣгъ, отдѣлился отъ земли и въ ту же минуту былъ подхваченъ сильнымъ порывомъ вѣтра, который ударилъ его въ правое крыло и грозилъ опрокинуть.

Аэропланъ сразу полетѣлъ бокомъ. Но ловкія руки Ч. выравняли его, хотя это далось не сразу.

Самый страшный моментъ, повидимому, миновалъ.

Но это торжество оказалось слишкомъ преждевременнымъ, Имѣя дѣло со стихіями, никогда нельзя ручаться за послѣдующій моментъ. И такое ручательство еще болѣе ненадежно, когда на помощь стихіямъ выступаютъ враги.

Хмуро и холодно было сѣрое, покрытое клубившимися тучами небо, и холоднымъ вѣтромъ рѣзало и язвило лицо.

Аэропланъ бросало съ такой силой, какъ-будто это былъ корабль въ бушующемъ океанѣ. Но здѣсь оказывалось важное преимущество: не было тайныхъ и явныхъ скалъ и рифовъ, не обо что было разбиться.

Аппаратъ нырялъ съ волны на волну, навстрѣчу вѣтру и, забирая высоту, смѣло мчался по тому направленію, гдѣ былъ непріятель.

Вотъ и С. Его раскиданныя постройки пятнышками темнѣютъ среди зелени хвойныхъ лѣсовъ и обнаженныхъ полей, гдѣ, какъ черныя мухи, кишатъ непріятельскія войска.

Въ свой великолѣпный бинокль П—ій опредѣлилъ господскій дворъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ азартный опытный игрокъ выбрасываетъ боевую карту, бросилъ онъ въ намѣченную цѣль первую бомбу.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его рука дѣлала это рѣшительное движеніе, порывъ вѣтра швырнулъ аппаратъ и, можетъ быть, нѣсколько отбросилъ бомбу въ сторону.

П—ій увидѣлъ, какъ его бомба разорвалась нѣсколько въ сторонѣ отъ господскаго двора, въ лѣсу.

Аэропланъ несся впередъ.

Тогда офицеръ приказалъ Ч. сдѣлать кругъ, повернуть назадъ. Не удалось въ первый разъ, можетъ быть, во второй разъ удастся пристроить бомбу.

Но непріятельская артиллерія уже замѣтила опасную птицу и открыла по аэроплану упорный огонь. Со всѣхъ сторонъ взрывались шрапнельные клубы. Но попасть въ стремительно летящій аэропланъ было не такъ-то легко.

И вдругъ, когда уже они приближались снова къ своей цѣли и П—ій держалъ наготовѣ вторую бомбу, произошла катастрофа.

Аппаратъ внезапно накренился на лѣвый бокъ и перевернулся вверхъ колесами. Ясно было, что около самаго аппарата пролетѣлъ большой снарядъ и произвелъ воздуховоротъ, съ которымъ уже совершенно невозможно было справиться. Перевернувшись одинъ разъ, аэропланъ по инерціи перевернулся еще разъ, носомъ книзу, хвостомъ кверху, и еще, и еще, и еще... Такъ вертятся въ воздухѣ голуби-турманы.

Съ тысячи восемьсотъ метровъ аппаратъ въ эти нѣсколько секундъ упалъ болѣе, чѣмъ наполовину. Гибель была неминуема, и эта мысль, какъ молнія прорѣзала мозгъ и сердце П—го. Но, вѣрно, отчаяніе сопутствуетъ лишь неизбѣжности. Инстинктъ не только заставилъ его вцѣпиться руками въ края гондолы, но и удержать бомбу, въ то время, какъ Ч. ни на одно мгновеніе не выпускалъ изъ рукъ руля.

И вотъ, на высотѣ какихъ-нибудь восьмисотъ метровъ подъ цѣпкими, полными звѣриной чуткости руками летчика, аппаратъ сталъ выравниваться.

П—ій съ трудомъ повѣрилъ себѣ, что опять очутился почти въ безопасности. Почти. Потому что сравнительно съ только что пережитой катастрофой, даже этотъ артиллерійскій бѣшеный обстрѣлъ, прекратившійся было въ тѣ мгновенія, когда они кувыркались, былъ ужъ не такъ опасенъ даже на этой небольшой высотѣ.

Приходилось оставить самую мысль о С. и удовольствоваться удачной развѣдкой о расположеніи и приблизительномъ количествѣ непріятельскихъ войскъ. Сразу взявъ высоту, летчики направились въ даль отъ непріятельскаго огня, оставивъ на память врагамъ высыпавшіеся изъ аппарата инструменты, плоскогубцы, бинокль, фонарики, карандаши.

Но бомба, бомба оставалась въ рукѣ, а въ поклеткѣ на ремнѣ сохранилась карта.

Сильный попутный вѣтеръ помогъ летчикамъ ускользнуть отъ непріятельскихъ пуль. Въ то время, какъ путь отъ Б. до С. былъ

пройденъ въ часъ сорокъ минутъ, назадъ онъ былъ сдѣланъ въ двадцать минутъ. Это была быстрота около ста семидесяти пяти верстъ въ часъ.

Но во время полета быстрота замѣтна только по мельканію предметовъ на землѣ.

Не желая испытывать еще разъ благосклонность судьбы, летчики сдѣлали кругъ надъ Б., но не рѣшились спуститься на своемъ аэродромѣ, такъ какъ тутъ было много неровностей и при бѣшеномъ вѣтрѣ опускаться было еще болѣе опасно, чѣмъ подниматься.

П—ій приказалъ Ч—ву летѣть въ Варшаву, на знаменитый Мокотовскій аэродромъ. Тамъ можно было опуститься съ меньшимъ рискомъ.

Увы, и тутъ выступали новыя затрудненія: зимній день былъ коротокъ, въ сѣрыя тучи сѣло солнце, окрасивъ ихъ кровавымъ багрянцемъ. Наступали сумерки, а къ этому еще изсякалъ запасъ бензина: вѣдь аппаратъ пробылъ въ воздухѣ около трехъ часовъ.

Но подлетѣвъ къ Варшавѣ, П—ій былъ вознагражденъ дивной картиной, которая открывалась ему съ высоты: вся Варшава сіяла огнями, которые сплетались, какъ золотые цвѣты, въ сверкающіе гирлянды и узоры.

Еще ночь не вполнѣ скрыла прихотливые извивы улицъ, и Висла отливала голубизной, какъ серебряный позументъ.

Необходимо сдѣлать было кругъ, чтобы спуститься противъ вѣтра, а Мокотово поле находится за городомъ съ западной стороны.

И вдругъ онъ съ тревогой услышалъ перебой мотора. Очевидно, въ бакѣ дѣйствительно не хватало бензина. Было бы страшно обидно послѣ удачной развѣдки и такъ счастливо избѣгнутыхъ смертельныхъ опасностей, почти достигнувъ мѣста, удобнаго для спуска, свалиться на варшавскія крыши, поломать аппаратъ, а себѣ и мирнымъ жителямъ кости.

Но судьба въ этотъ день благопріятствовала летчикамъ до конца. Немного пошаливъ, моторъ снова заработалъ исправно, къ тому же вѣтеръ послѣ заката солнца значительно палъ, и летчики благополучно опустились на ровномъ, гладкомъ Мокотовомъ полѣ.

Тутъ можно было вздохнуть свободно и благословить необыкновенную удачу.

IV.

Однако, кувырканье съ высоты тысячи шестисотъ метровъ не прошло для II—го безслѣдно, хотя онъ самъ объ этомъ сначала ничего не подозрѣвалъ.

Только когда онъ явился къ завѣдующему аэродромомъ съ своимъ докладомъ, понялъ, что съ нимъ произошло неладное: когда П—ій окончилъ свой докладъ, и заговорилъ самъ завѣдующій, П—ій съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ то время, какъ губы собесѣдника шевелились, его слуха не касался ни одинъ звукъ.

Онъ оглохъ.

Это новое бѣдствіе ужаснуло его не меньше пережитыхъ испытаній. По счастью, тревога продолжалась недолго: черезъ нѣсколько дней глухота прошла безслѣдно.

П—ій представилъ Ч. къ Георгію и самъ получилъ Георгія на томъ же Мокотовомъ полѣ.

А товарищи-летчики шутливо упрекали П—го, что онъ удержалъ въ рукахъ бомбу.

— Ты бы могъ получить патентъ на новый способъ метанія бомбъ, — подсмѣивались они надъ П—мъ, — и выпустить на этотъ счетъ рекламу:

«Аппаратъ переворачивается вверхъ колесами и высыпаетъ на непріятеля содержимое».

НОЧНОЙ ПОЛЕТЪ.

I.

Авіація, дѣло настолько молодое и новое, неустановившееся, несовершенное, что отъ него трудно требовать большаго; оно находится если не въ періодѣ зарожденія, то въ періодѣ первоначальнаго развитія, и потому требуетъ отъ летчиковъ не только исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, но и своеобразнаго творчества.

Война — пожаръ. Война — ураганъ. Мудрено творить при такихъ условіяхъ. И, конечно, война неизбѣжно задержитъ развитіе авіаціонной техники, какъ и всякаго другого творчества. И потому летчикамъ въ лучшемъ случаѣ приходится ограничиваться опытами, какъ всякій новый шагъ въ этомъ дѣлѣ, сопряженными съ отчаяннымъ рискомъ и смертельной опасностью.

Такимъ опытомъ и былъ недавно у насъ опытъ ночного полета на аэропланѣ, продѣланный поручикомъ Ч—вымъ и наблюдателемъ П. Кстати сказать, подобнаго опыта до сихъ поръ еще не рѣшились сдѣлать наши враги, несмотря на свои сильныя и болѣе устойчивыя машины.

II.

Въ десять часовъ вечера была получена телеграмма въ штабѣ, что изъ Б. предполагаетъ отбыть поручикъ Ч—въ для производства опыта ночного полета.

Просили предупредить наши части, что, когда въ высотѣ раздастся шумъ аэроплана, солдаты наши знали бы, что аэропланъ русскій, и не открывали по немъ стрѣльбу.

Распоряженія были сдѣланы, хотя въ штабѣ не были еще вполнѣ увѣрены, что поручику Ч—ву удастся выполнить свое намѣреніе, такъ какъ по небу ползли барашки, множились, сдвигались въ плотныя стада и временами закрывали луну.

Около одиннадцати часовъ ночи раздался знакомый гулъ мотора Гномъ, очевидно, въ воздухѣ носился аэропланъ. Но сколько ни всматривались зоркіе глаза въ прозрачную голубизну ночного неба, аппарата разглядѣть не могли, и гулъ невидимаго мотора въ тишинѣ производилъ таинственное и жуткое впечатлѣніе.

Было извѣстно, что смѣлый летчикъ опустится около вокзала С—въ, гдѣ имѣлась удобная для спуска площадка. Летчикъ легко могъ найти ее, оріентируясь по освѣщенному полотну желѣзной дороги около станціи.

Поспѣшили туда, и скоро встрѣтили тамъ летчика, опустившагося на мѣсто съ свойственнымъ ему искусствомъ и точностью.

Поручикъ Ч—въ принесъ съ собой три донесенія: свое и двоихъ своихъ товарищей; они летали въ тотъ день на развѣдки въ черту непріятельскаго расположенія и по обыкновенію спустились послѣ развѣдки на аэродромѣ въ Блони.

Въ виду того, что полетъ ночью имѣлъ особое значеніе не только какъ средство связи, а также можетъ быть использованъ и для бросанія бомбъ въ непріятельскіе биваки, наводя панику и вызывая переполохъ еще большій, чѣмъ днемъ, — для обратнаго полета въ С—въ прибылъ спеціалистъ по бомбометанію офицеръ-наблюдатель П.

Около часу ночи поручикъ Ч—въ прибылъ въ штабъ, отдалъ

донесеніе, выпилъ чаю и вмѣстѣ съ П. снова направился къ мѣсту, гдѣ на лунномъ свѣтѣ стоялъ Ньюпоръ, поблескивая своими мѣдными частями.

Но вѣтеръ тѣмъ временемъ усилился, и количество барашковъ увеличилось и уплотнилось. Все чаще и чаще они набѣгали на луну, и тогда сѣрая, непроницаемая тѣнь падала на землю, и аппаратъ-птица, къ которому приближались летчики, почти терялся въ темнотѣ, огромный и грозный.

Эти рѣзкія колебанія свѣта и тѣни особенно опасны для полета, но оставить аппаратъ въ полѣ, значило бы безпокоить людей для охраны машины, да и не хотѣлось измѣнить уже разъ принятому рѣшенію.

Кромѣ того, подобный случай могъ произойти и во время полета надъ непріятелемъ. Интересно и важно было опредѣлить, насколько возможно оріентироваться при слабомъ сіяніи луны, при этихъ мгновенныхъ колебаніяхъ свѣта и тѣни.

III.

Было какое-то особенное чувство уже въ самомъ ожиданіи этого необыкновеннаго полета, среди ночного мрака, подъ звѣздами, мерцающими среди облаковъ, озаренныхъ луной, которыя, казалось, вели съ ней безконечные фантастическіе хороводы.

И это чувство стало почти мистическимъ, когда аэропланъ оторвался отъ земли и торжественно и плавно понесся въ высоту.

Упругій вѣтеръ дулъ навстрѣчу, и на двадцатипятиверстный перелетъ и спускъ летчики разсчитывали потратить не менѣе часа.

Земля сразу потонула въ полумракѣ, и рѣдкіе огоньки кругомъ также скоро стали казаться мерцающими звѣздочками.

Летѣли вдоль полотна, какъ это обыкновенно дѣлается для лучшей оріентировки, такъ какъ, во-первыхъ, дорога дѣлала на ихъ пути большой загибъ, а, во-вторыхъ, въ серединѣ пути расположены были наши обозы.

Прошло полчаса. Мѣсяцъ вырвался изъ тучъ, оранжевымъ сіяніемъ окаймляя ихъ края вокругъ синяго провала въ небо. Обливая голубыми потоками льющагося свѣта молчаливую землю.

Пристально всмотрѣвшись внизъ, летчики увидѣли поля, дома, гривки темнѣвшихъ лѣсовъ, мѣстность мало знакомую.

Какъ оказалось впослѣдствіи, вѣтеръ былъ не только встрѣчный, но и нѣсколько боковой, и, огибая легкомысленно стрѣляющіе обозы, летчики взяли слишкомъ вправо.

Еще полчаса летитъ аэропланъ въ прозрачномъ лунномъ свѣтѣ. Ужъ теперь-то они должны были бы быть около дома. Увы! Съ каждымъ стукомъ мотора становилось для нихъ все яснѣе, что станція осталась гдѣ-то въ сторонѣ или сзади.

Наконецъ, передъ ними, среди темнаго пространства на землѣ, обозначилось большое свѣтлое пятно, въ которомъ дрожали и мигали еще болѣе яркія искорки: точно въ серебристомъ озерѣ, заключенномъ въ темныхъ берегахъ, плавали золотыя рыбки, или въ легкой свѣтящейся паутинѣ мерцали огненные жучки.

Ясно, что это была Варшава, и, слѣдовательно, летчики пролетѣли на тридцать дальше.

Улыбнулись надъ своей ошибкой и повернули назадъ.

Мѣсяцъ то прятался, то снова выплывалъ изъ-за тучъ, и эта игра свѣта и тѣней создавала странные переломы въ настроеніи. Но и то и другое вызывало невыразимое очарованіе и сознаніе оторванности отъ земли еще болѣе яркое, чѣмъ во время полета днемъ.

IV.

Городокъ Б., гдѣ летчики должны были опуститься, мѣсто глухое и темное въ мрачное время войны. Фабрики и вокзалъ, освѣщавшіеся раньше электричествомъ, теперь полуразрушены непріятелемъ и тонутъ въ темнотѣ. Кромѣ того, было далеко за полночь, жители также потушили огни въ домахъ, и положеніе летчиковъ оказалось бы безнадежнымъ, если бы передъ ними вдругъ, четырьмя яркими точками, не прокололи мракъ электрическіе фонари.

Опустившись ниже, летчики ясно увидѣли, что фонари освѣщали зданіе фабрики, гдѣ, несмотря на поздній часъ ночи, шла работа.

Мѣсяцъ, какъ бѣлесой водой, обливалъ землю луннымъ свѣтомъ. Около фабрики простиралась ровная пустошь, на ней не замѣтно было ни деревьевъ, ни канавъ.

Аэропланъ сдѣлалъ два круга надъ этой пустошью и сталъ опускаться въ значительной мѣрѣ на удачу.

Но благодаря лунному свѣту и искусству поручика Ч—ва, спускъ былъ сдѣланъ легко и удачно.

Однако, надо было определить мѣсто, гдѣ летчики спустились.

Офицеръ-наблюдатель П. вышелъ изъ аппарата, а поручикъ Ч—въ остался на своемъ мѣстѣ.

Невдалекѣ проходило полотно желѣзной дороги, въ отдаленіи обозначалась маленькая станція, и туда-то направился П.

Но уже со станціи, очевидно, навстрѣчу ему, поспѣшно двигались, то черными силуэтами выступая въ лунномъ свѣтѣ, то совершенно теряясь въ сумракѣ, какія-то человѣческія фигуры.

Судя по слабымъ искоркамъ, вспыхивавшимъ надъ ихъ толпою, можно было догадаться, что это идутъ солдаты съ винтовками.

Дѣйствительно, скоро П. увидѣлъ передъ собою вооруженный отрядъ человѣкъ въ тридцать. Его встрѣтилъ грозный окликъ:

— Кто идетъ?

— Летчикъ съ аэроплана. Мы спустились здѣсь, чтобы узнать, гдѣ находимся, оріентироваться и взять нѣсколько человѣкъ, которые могли бы подержать аэропланъ, пока будутъ заводить пропеллеръ.

Но стоило П. произнести: летчикъ, какъ раздался еще болѣе грозный окликъ:

— Стой! Ни съ мѣста. Не подходи, сейчасъ стрѣлять будемъ.

Летчикъ развелъ руками:

— Что же вы тридцать человѣкъ будете стрѣлять въ одного? Если я даже нѣмецъ! Возьмите меня въ плѣнъ и получите за это награду.

П. насмѣшливо двинулся имъ навстрѣчу, но былъ оглушенъ безпорядочнымъ и еще болѣе угрожающимъ крикомъ:

— Ни съ мѣста! Сейчасъ... стрѣлять!..

П. пожалъ плечами. Уже теперь онъ разглядѣлъ, что передъ нимъ человѣкъ не военный и потому столь неумѣренно ретивый въ воинскомъ дѣлѣ; дѣйствительно, это былъ начальникъ полустанка, человѣкъ почтенный по возрасту и по комплекціи, а отрядъ, которымъ онъ командовалъ, ополченцы.

Почему-то всѣ они съ своимъ предводителемъ были гладко выбриты и скорѣе походили на труппу провинціальныхъ комиковъ, чѣмъ на воинственныхъ завоевателей.

Однако, толстенькій начальникъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Все оружіе, которое полагалось и не полагалось, висѣло на его объемистомъ корпусѣ.

Офицеръ П. объяснилъ, что аппаратъ русскій, указалъ на свои русскіе погоны и даже сообщилъ о цѣли полета.

Начальникъ полустанка и ополченцевъ выслушалъ все это, но строгости не лишился, и тономъ, все еще полнымъ сомнѣнія и важности, снисходительно заявилъ:

— Хорошо. Но я вамъ не разрѣшу летѣть дальше, пока не запишу фамиліи летчиковъ и номеръ аэроплана.

И, съ сознаніемъ своего высокаго долга и важности, прибавилъ:

— Обо всемъ этомъ я долженъ протелеграфировать въ Варшаву.

Летчикъ иронически повернулся и пошелъ къ аппарату, а ополченскій отрядъ послѣдовалъ за нимъ.

V.

Такъ какъ П. шелъ очень быстро, воинственный начальникъ полустанка и наиболѣе почтенные и вѣрные ему ополченцы стали отставать. Шло съ П. лишь человѣкъ пять помоложе, которые съ любопытствомъ оглядывали его, а одинъ задавалъ довольно толковые вопросы по авіаціи.

Летчикъ, въ свою очередь, спросилъ его:

— Что это значитъ, что всѣ вы и вашъ начальникъ—бритые?

Кто-то ухмыльнулся.

— А это, видите ли, всѣ мы, какъ есть, когда представились сюда, были бородачами. Онъ, какъ увидалъ, ужаснулся. Что мнѣ, говоритъ, воробьевъ, что ли, пугать вами. Обриться! Ну, дѣйствительно, обрились. А какъ увидѣлъ онъ насъ обритыми, еще пуще замахалъ руками. Такъ что теперь опять отпускать бороду будемъ.

П—ій съ хохотомъ выслушалъ это сообщеніе.

Поручикъ Ч—въ встрѣтилъ своего путника вопросомъ:

— Ну, что, разобрались, гдѣ мы находимся?

— Да, мы около сахарнаго завода у Ю. До Б. отсюда только семь верстъ. Сбиться здѣсь мы не можемъ и черезъ пять минутъ будемъ дома.—Такъ заводите пропеллеръ и садитесь скорѣе,—скомандовалъ Ч—въ.

Но П. и самъ рѣшилъ поторопиться. У него мелькнула мальчишеская мысль одурачить начальника станціи и ускользнуть, такъ и не давъ ему матеріала для дѣловой телеграммы.

Приказавъ четыремъ ополченцамъ держать по два, съ каждой стороны, крылья аппарата, П. сильнымъ толчкомъ сразу завернулъ пропеллеръ и въ ту же минуту очутился на мѣстѣ.

— Пускай крылья, — скомандовалъ Ч—въ.

Ополченцы отскочили въ сторону. Взявъ короткій разбѣгъ, аэропланъ поднялся въ высоту, оставивъ на землѣ опѣшившаго начальника, который отчаянно размахивалъ руками и вопилъ:

— Лови! Задержать!

VI.

Черезъ нѣсколько минутъ, низко летя надъ землей, летчики узнали Б. и бѣлыя стѣны ратуши, которыя фосфорически свѣтились въ лунномъ свѣтѣ.

Но какъ разъ къ моменту спуска, луна опять скрылась за тучи, земля точно провалилась въ темную пропасть, и не легко было опредѣлить, гдѣ кончается воздушная стихія. Только благодаря удивительной чуткости и талантливости Ч—ва, спускъ аэроплана произошелъ плавно, безъ малѣйшаго толчка.

Товарищи встрѣтили летчиковъ привѣтственными криками. Они уже начинали безпокоиться въ ожиданіи ихъ: вѣдь, вмѣсто полчаса, самое большее часа, путешествіе ихъ продолжалось болѣе двухъ часовъ.

Этимъ полетомъ было выяснено, что летать ночью можно, но при полномъ лунномъ свѣтѣ и то лишь имѣя освѣщенные пункты для оріентировки и хорошо освѣщенное мѣсто для спуска аппарата. При обстоятельствахъ же сомнительно благопріятныхъ, надо предоставить ночные полеты филинамъ и совамъ.

СЧАСТЛИВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЕ.

I.

День былъ холодный. Лихорадочно безпокойный. Дулъ не сильный, но порывистый ветеръ, и снѣговыя облака то затягивали небо, и тогда все тускнѣло на землѣ, а солнце сквозило въ этой мути какимъ-то фальшивымъ намекомъ; то облака разрывались, открывая, какъ растаявшія льдины, синія небесныя полыньи, и солнце, точно выкупавшееся въ нихъ, играло съ удивительной яркостью и силой, и на землѣ все начинало сіять и улыбаться.

Шт.-кап. Ш. посмотрѣлъ на облака, опредѣлилъ про себя силу вѣтра и рѣшилъ пуститься въ воздушную развѣдку. Горизонты были довольно ясны, а это главное: лишь бы можно было подняться и опуститься.

Загудѣлъ моторъ. Завертѣлся пропеллеръ. Монопланъ быстро пробѣжалъ нѣсколько саженъ по землѣ, а когда отдѣлился отъ земли, охватило, какъ всегда, радостное и свѣтлое возбужденіе, и, какъ всегда, было такое впечатлѣніе, что онъ замеръ неподвижно въ воздухѣ, а земля мчится назадъ и падаетъ въ глубину съ плавнымъ спокойствіемъ.

Даже холодный воздухъ, обливавшій лицо, какъ ледяная вода, не очень безпокоилъ летчика. Солнце хоть грѣло мало, все же смягчало остроту зимняго вѣтра. Но чѣмъ выше онъ поднимался къ солнцу, тѣмъ оно становилось какъ-будто менѣе привѣтливымъ. А тутъ на него стали наступать облака. Синева затягивалась, и какъ ни боролось солнце съ обступившими его со всѣхъ сторонъ безформенными полчищами, въ концѣ-концовъ, должно было на время уступить.

Эта борьба солнца съ облаками занимала летчика настолько, что онъ рѣшилъ прорваться сквозь облачную муть.

Энергично взялъ высоту и по стушевывающимся на землѣ краскамъ и теряющимся рельефамъ замѣтилъ, что поднимается быстро. А когда облака оказались прямо надъ головой, не могъ не улыбнуться про себя: они, точно испуганные новымъ противникомъ, стали раздаваться и, одновременно съ этимъ, осыпать его мелкимъ колючимъ снѣгомъ.

Вѣтеръ бросалъ ему въ лицо снѣгъ, какъ бы желая остановить эту гудящую птицу, билъ въ глаза, стараясь ослѣпить воздушнаго гостя, а онъ движеніями рѣсницъ стряхивалъ снѣгъ съ глазъ и продолжалъ свой смѣлый стремительный взлетъ.

Тогда облака широко раздались, уступили. Снова заблистали синева, и заиграло освобожденное солнце; точно желая вознаградить своего земного гостя, оно устроило ему сказочную феерію.

Въ то время, какъ, очутившись между двухъ бѣлыхъ снѣговыхъ тучъ, онъ намѣревался пройти сквозь одну изъ нихъ по принятому имъ пути, солнце бросило изъ-за другой тучи на первую сверкающія волны своего свѣта.

Этотъ свѣтъ радужными кольцами заигралъ на встрѣчной ту-

чѣ, которая блестѣла, какъ серебряный экранъ, и летчикъ чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности, увидѣвъ на этомъ экранѣ отчетливо вырисовывавшійся силуэтъ аппарата съ сидящимъ на немъ пилотомъ.

Это видѣніе обрисовывалось въ радужномъ кругу съ необыкновенной отчетливостью. Мгновенное изумленіе, а затѣмъ онъ сразу понялъ, что это не что иное, какъ тѣнь его собственнаго аппарата. Она исчезла, какъ только онъ коснулся тучи своей легкой и послушной машиной. И вмѣстѣ съ нею пропали радужные круги, но въ сердцѣ остался яркій и красивый слѣдъ, радостный, какъ счастливое предзнаменованіе.

Ш—ій летѣлъ къ непріятельскимъ позиціямъ, и это счастливое предзнаменованіе было кстати: развѣдка была далеко не безопасной.

Вѣтеръ дулъ упорно, но изрѣдка порывами его аппаратъ качало какъ лодку на волнахъ. Облака рѣдѣли, какъ-то сразу высыпавъ на землю запасы зернистаго снѣга, и даже когда приходилось пролетать надъ облаками, земля сквозь нихъ различалась, какъ сквозь распадавшуюся колеблющуюся вуаль. Летчикъ зорко глядѣлъ то внизъ, то вокругъ себя. И вдругъ снова замѣтилъ силуэтъ аэроплана, но на этотъ разъ не впереди себя, а надъ собою.

Сразу узналъ по мальтійскимъ крестамъ непріятельскій аэропланъ. Тотъ парилъ въ воздухѣ не болѣе, чѣмъ на 500—600 метровъ выше его, значитъ, надъ землею метровъ тысячи на двѣ.

Загорѣлось сильное желаніе «снять» нѣмца. Но Ш—ій былъ одинъ, да и никакихъ боевыхъ средствъ съ нимъ не было.

Въ то время, какъ непріятельскій «Таубе» держалъ курсъ на Т., нашъ летчикъ направлялся къ г. Л.

Воздушныя враждебныя птицы разошлись каждая въ свою сторону. Достигнувъ цѣли своей, Ш—ій замѣтилъ, что Л. обстрѣливается тяжелыми непріятельскими снарядами. Наша артиллерія отвѣчала.

Окраины города горѣли.

Странно и жутко было видѣть съ высоты артиллерійскій бой и пожаръ. Огни и дымъ мѣшались, какъ потоки, и заливали не только бившихся внизу муравьевъ, но и огромныя зданія, башни костеловъ и торчащія, какъ гигантскія пики, трубы фабрикъ. Летчикъ опытнымъ и зоркимъ взглядомъ различалъ разрывы нѣмецкихъ и рус-

скихъ снарядовъ — по чернымъ и бѣлымъ полосамъ дыма, которыя растекались, какъ быстро тающія рѣки миражей. Черныя — непріятельскія; бѣлыя—наши.

Онъ радостно торжествовалъ каждый разъ, какъ замѣчалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ падали наши снаряды, — смятеніе, и при такой удачѣ кричалъ во весь голосъ:

— Такъ! Такъ! Вѣрно!

Какъ-будто тамъ, на землѣ, его могли услышать.

Однако, только этими наблюденіями не могъ ограничиться его полетъ. Онъ направился дальше и на станціи П—въ увидѣлъ высадку непріятельскихъ войскъ и сосредоточеніе обозовъ. Также въ К—но ясно было большое движеніе нѣмецкихъ войскъ. Точно установить количество было, конечно, невозможно, но и приблизительное опредѣленіе было уже цѣнно.

Нѣмцы легко различались потому, что шли они правильными колоннами, въ то время, какъ наши войска движутся вразбродъ, рисуясь, какъ бисерные узоры по сѣрому фону.

Пока весь путь летчика былъ пройденъ вполнѣ благополучно. Но, возвращаясь изъ К—но, подъ П—вымъ онъ былъ обстрѣлянъ упорнымъ непріятельскимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Грохотъ орудій слышенъ былъ даже сквозь гудѣніе мотора, а пули винтовокъ ощущались по мгновеннымъ щелчкамъ въ аппаратъ, которые иногда передавались даже тѣлу, свидѣтельствуя, что выстрѣлъ угодилъ въ металлическую или твердую часть аппарата.

Это ужъ возбуждало нѣкоторое безпокойство, въ то время, какъ круглыя дырочки въ крыльяхъ аппарата только веселили глазъ, и сквозь нихъ забавно было видѣть землю.

— Но, — сознался мнѣ летчикъ, — стало прямо-таки страшновато, когда шрапнели взяли аппаратъ въ оборотъ.

Круглые шары расползающихся дымковъ стали окружать аэропланъ, какъ все тѣснѣе и тѣснѣе смыкающееся кольцо смерти. Во что бы то ни стало, надо было вырваться изъ этого кольца, и аппаратъ заплясалъ въ вышинѣ, то бросаясь въ стороны, то взвиваясь вверхъ, то ныряя въ глубину.

Вдругъ летчикъ ясно услышалъ, какъ пуля ударила въ винтъ. Щелчокъ передался ему ощутительно ясно.

— Я подумалъ, что ударило въ металлъ и отрекошетировало,— продолжалъ разсказывать онъ. — Такъ уже было со мной однажды

въ восточной Пруссіи. Успокоился на этомъ и продолжалъ полетъ по направленію въ К. и А. Тамъ мнѣ удалось опредѣлить непріятельскую пѣхоту, въ количествѣ по одному полку въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ. А въ Господскомъ дворѣ Р—ко — огромное количество обозовъ.

Свѣдѣнія были достаточно цѣнныя и вполнѣ выкупали опасность развѣдки и затраченное время.

II.

Но когда послѣ трехъ-часового полета летчикъ вернулся въ Б—не и осмотрѣлъ аппаратъ, сердце екнуло отъ мысли, какъ близокъ онъ былъ на этотъ разъ отъ гибели.

Испугало не то, что въ крыльяхъ было восемь ранъ, а то, что нѣмецкая пуля отбила кусокъ отъ лопасти винта. Одинъ-два сантиметра въ сторону, и винтъ разлетѣлся бы вдребезги.

— Счастливое предзнаменованіе было недаромъ.

ИЗЪ-ПОДЪ КРЫЛЬЕВЪ СМЕРТИ.

I.

Варшавская зима, почти безснѣжная, болѣзненная и ненастная.

Для летчиковъ это почти мертвый сезонъ. Одно ея достоинство— она непродолжительна.

Между тѣмъ, польза, приносимая летчиками на войнѣ, весьма значительна. И потому, какъ только выдается болѣе или менѣе сносный день, летчики спѣшатъ къ своимъ аппаратамъ и разлетаются во всѣ стороны, какъ гудящія пчелы изъ улья, чтобы добыть свой медъ, развѣдочный матеріалъ и, подчасъ, ужалить бомбой непріятеля.

Въ послѣднее время выдалось нѣсколько такихъ удачныхъ дней, и наши летчики успѣли сдѣлать много.

Полеты обошлись вполнѣ благополучно, а между тѣмъ, летать приходилось нерѣдко подъ грохотъ непріятельскихъ орудій, въ дыму шрапнелей, которыми обстрѣливались отважные летчики.

Эта страшная игра со смертью въ воздухѣ, на высотѣ полутора тысячъ, двухъ тысячъ метровъ надъ землей, требуетъ, кромѣ отваги, большого самообладанія, навыка и, конечно, искусства.

Даже при нѣкоторой привычкѣ къ подобнымъ впечатлѣніямъ, состояніе духа летчика во время такихъ испытаній не можетъ быть особенно завиднымъ. Но отвратительнѣе всего, когда подшибленный аппаратъ долженъ опуститься вдали отъ своей территоріи. Тутъ почти неизбѣжны или плѣнъ, или смерть. Пытаться спастись, когда уже почти въ рукахъ непріятеля, это тоже своего рода покушеніе на самоубійство.

И все же шт.-кап. Ш—ій предпочелъ послѣднее.

Только потому, что смѣлымъ, дѣйствительно, должно быть, Богъ владѣетъ, онъ и на этотъ разъ вышелъ невредимымъ изъ двойного круга смерти.

II.

Шт.-кап. Ш—ій вылетѣлъ изъ С. въ 9 ч. утра для опредѣленія наступленія противника.

Погода была прескверная. Холодно, сыро и вѣтрено, и притомъ, — враждебно-вѣтрено. И всегда-то вѣтеръ врагъ летчиковъ, но есть дни, когда онъ дуетъ какъ-то неравномѣрно, путанно, мечется, какъ птица съ выколотыми глазами; тогда вѣтеръ кажется почти живымъ и вѣроломно-опаснымъ.

И чаще всего при этомъ небо бываетъ покрыто мглистыми облаками, которыя тоже не идутъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи, а кружатся, какъ въ бреду, порою брызжутъ дождемъ.

Благоразумно было бы отказаться въ такой день отъ полета. Но благоразумные люди рѣдко бываютъ летчиками.

Ш—ій полетѣлъ.

Уже на высотѣ 1,200 метровъ приходилось итти сквозь облака. Это еще менѣе весело, чѣмъ плыть по волнамъ съ закрытыми глазами. Теряешь оріентировку, и если нѣтъ приборовъ, указывающихъ направленіе полета и положеніе аппарата, можно перевернуться.

Ш—ій не имѣлъ компаса. Онъ всегда разсчитывалъ на чутье, а этотъ «аппаратъ» всегда находился при немъ.

Пролетѣвъ отъ С. верстъ двадцать пять на этой высотѣ, онъ замѣтилъ, что во всѣхъ дворахъ около мѣстечка К—зи въ большомъ количествѣ расположена непріятельская пѣхота. Мѣстами люди кишѣли совсѣмъ какъ тараканы, и ужъ, конечно, они не могли не видѣть летчика и не могли оставаться безучастными къ его смѣлому паренію надъ ними.

Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, достаточно было на минуту выключить моторъ.

Обыкновенно послѣ того, какъ моторъ перестаетъ работать, въ вышинѣ наступаетъ такая тишина, о которой нельзя имѣть понятія на землѣ. Но на этотъ разъ тишина разбивалась частыми выстрѣлами, которые сливались въ сплошной трескъ, точно внизу порывисто раздирали упругую и крѣпкую ткань.

Одновременно этотъ трескъ пронизывался жужжащими и посвистывающими звуками: роемъ летѣли пули, и эти вкрадчивые, тонкіе звуки производили еще болѣе жуткое впечатлѣніе, чѣмъ громкая и угрожающая трескотня.

Казалось, эти звуки проходятъ по самому тѣлу, касаются нервовъ и натягиваютъ ихъ до того, что вотъ-вотъ нервы зазвучатъ въ униссонъ съ этой музыкой пуль.

Нельзя было не замѣтить, что въ то же самое время крылья аппарата превращаются въ рѣшето: въ нихъ то тамъ, то здѣсь появляются круглыя дырочки, сквозь которыя темнѣютъ мутные кружочки земли.

Одна пуля проскочила мимо ногъ летчика. Онъ, конечно, не могъ видѣть ея полета, но узналъ объ этомъ по дырочкѣ въ аппаратѣ на этомъ мѣстѣ: это былъ какъ бы круглый глазокъ, которымъ предупредительно взглянула на Ш—аго сама госпожа смерть.

Приходилось посторониться отъ нея съ дороги.

Опять загудѣлъ и заработалъ сильный моторъ. Аппаратъ метнулся въ сторону, и въ то же самое время летчикъ почувствовалъ, что по баку съ бензиномъ какъ-будто кто-то хватилъ палкой.

Въ ту же минуту бензинъ полился изъ бака сильной струей, началъ затоплять гондолу и даже плескаться черезъ спину.

Это ужъ было совсѣмъ плохо. Того и гляди могъ произойти взрывъ. Удушливый, пронзительный запахъ бензина мѣшалъ дышать.

Оставалось одно: выключить моторъ и постараться спланировать какъ можно ближе къ своимъ.

Опять замолкъ моторъ, и аппаратъ сначала быстро, а потомъ все тише, сталъ опускаться къ землѣ.

Онъ планировалъ до послѣдней степени полого. И все же ясно было, что до своихъ дотянуть невозможно.

Надо было принимать во вниманіе и условія спуска.

Летчикъ спускался на пашню между непріятелемъ и своими.

Увы, до своихъ оставалось версты полторы, между тѣмъ, какъ нѣмцы были не далѣе, чѣмъ въ двухъ стахъ саженяхъ.

III.

Аппаратъ остановился на неровной пашнѣ, обратясь лицомъ къ своимъ, точно безмолвно умоляя о помощи.

Но разсчитывать на помощь было почти невозможно.

Выскочивъ изъ гондолы, Ш—ій оглянулся въ сторону нѣмцевъ и увидѣлъ, что они стрѣляютъ въ него и въ то же время бѣгутъ по направленію къ нему, въ надеждѣ захватить его живымъ.

Тогда онъ рѣшилъ бѣжать. Это единственно, что оставалось ему, такъ какъ у него хотя и былъ револьверъ, но смѣшно защищаться браунингомъ противъ винтовокъ.

— Это было противно и унизительно, — сознался Ш—ій. — Я самъ охотникъ, и вдругъ очутился въ положеніи травимаго зайца!

Что было силы побѣжалъ онъ по направленію къ своимъ. Но бѣжать было очень трудно. Распаханная земля вся была въ выемкахъ и кочкахъ. Къ тому же наканунѣ все шли дожди, и земля прилипала къ сапогамъ и дѣлала ихъ тяжелыми какъ желѣзо, и скользкими какъ лыжи.

Изрѣдка оглядываясь, онъ видѣлъ за собой погоню, а когда останавливался, чтобы передохнуть, замѣчалъ, какъ вскидывались на ходу непріятельскія винтовки.

— Тогда я инстинктивно ложился на землю, — признался Ш—ій. — Гремѣли выстрѣлы, съ знакомымъ жужжаніемъ и свистомъ проносились пули. Не думаю, чтобы нѣмцы были такіе плохіе стрѣлки, что не могли въ меня попасть. Скорѣе всего, своими выстрѣлами они хотѣли напугать меня, заставить остановиться, чтобы захватить меня живымъ. Взять въ плѣнъ летчика, это считается солидной добычей.

Но я вскакивалъ, билъ ногой объ ногу, чтобы стряхнуть грязь, и опять бѣжалъ, что было силъ, и помню, у меня даже были суевѣрныя мысли въ это время:

— Если добѣгу вотъ до того бугорка, — спасусь.

Добѣгалъ и снова думалъ:

— А теперь вонъ до того кустика.

Добѣжалъ и до кустика, а нашихъ все не было видно.

И, наконецъ, стало казаться, что я не туда бѣгу. Но почему-то отчаянія не было: все время надѣялся на какое-то чудо.

Вдругъ Ш—ій замѣтилъ вдали, въ мглистомъ воздухѣ, трехъ всадниковъ, которые скакали прямо на него.

Сначала онъ принялъ ихъ за нѣмцевъ.

Теперь волей-неволей приходилось схватиться за браунингъ, какъ за послѣднее средство защиты.

Всадники приближались, и онъ остановился: бѣжать на нихъ такъ же безсмысленно, какъ бѣжать назадъ. И тамъ и здѣсь—враги.

Оставалось броситься въ сторону.

Онъ оглянулся назадъ и тутъ замѣтилъ, что бѣжавшіе за нимъ нѣмцы перевели огонь съ него на всадниковъ.

Значитъ, это не нѣмцы, а наши!

Онъ снова, уже радостно, рванулся впередъ, съ надеждой, которая теперь ожила съ еще большей силой.

Уже онъ былъ не болѣе какъ шагахъ въ трехстахъ отъ нихъ, когда увидѣлъ, какъ закачалась и упала одна изъ скакавшихъ лошадей.

Въ ту же минуту, скакавшій на ней всадникъ вскочилъ въ сѣдло своего товарища, и они поскакали прочь вдвоемъ на одной лошади.

Третій продолжалъ мчаться навстрѣчу бѣгущему авіатору. И когда они поравнялись, Ш—ій вскочилъ на крупъ его лошади, и они поскакали карьеромъ подъ свистъ пуль, которыя провожали ихъ до послѣдней возможности.

Но оба эти всадника остались живы и невредимы. Даже лошадь не была ранена. Въ то время какъ изъ двухъ, ускакавшихъ на первой лошади, одинъ былъ убитъ, другой раненъ.

И раненый, сидѣвшій сзади, самъ того не подозрѣвая, привезъ на свои позиціи трупъ, который онъ бережно держалъ въ послѣднія мгновенія пути, когда у того выпалъ изъ мертвой руки поводъ.

Когда они пріѣхали въ Р—но, наши войска уже отступили. Глухо и печально встрѣтила ихъ опустѣлая деревня, гдѣ остался лишь одинъ древній-древній старикъ, точно старый могильщикъ на кладбищѣ.

Даже скотъ угнали. Бродили и жались къ мертвымъ стѣнамъ двѣ-три тощихъ калѣки-собаки, которыя выли и жалобно скулили каждый разъ, какъ затихалъ грохотъ отъ разрывающихся непріятельскихъ снарядовъ.

Шрапнель съ визгомъ неслась къ этой деревнѣ и разрывалась надъ головами пріѣхавшихъ сюда неосторожныхъ людей. А тяжелые, зловѣще шуршавшіе снаряды падали въ направленіи высокаго бѣлаго костела, который, очевидно, вызывалъ главное вниманіе противника, полагавшаго, что тамъ находится нашъ наблюдательный пунктъ.

IV.

Не успѣли они подъѣхать къ окопамъ, какъ оттуда выскочили солдаты и бѣгомъ пустились къ аппарату, держа наготовѣ винтовки.

Опять загремѣли выстрѣлы, на этотъ разъ съ той и другой стороны.

Перестрѣлка была непродолжительна.

Нашимъ удалось отбить аппаратъ у нѣмцевъ, которые уже схватились, чтобы тащить его.

Къ радости летчика, они съ торжествомъ приволокли аппаратъ на позицію и поставили его въ д. Р—но, во дворѣ, между двухъ избъ.

Но все же на аппаратѣ летѣть было нельзя. Въ бакѣ была, точно сдѣланная не пулей, непонятно большая пробоина, и Ш—ій отправился искать телефонъ, чтобы вызвать немедленно механика для починки машины.

Уже подъѣзжая къ С., Ш—ій встрѣтилъ автомобиль съ своимъ механикомъ, который поѣхалъ разыскивать Ш—аго, такъ какъ всѣ были встревожены продолжительнымъ отсутствіемъ его.

Это было уже около 3-хъ часовъ дня. Шелъ дождь. Было слякотно, пронзительно-сыро и вѣтрено.

Летчикъ пересѣлъ въ автомобиль, и они поѣхали въ Р—но, чтобы разобрать аппаратъ — въ случаѣ, если нельзя будетъ быстро починить его.

Это было мрачное и печальное зрѣлище.

Ненастный день какъ-будто задыхался во мглѣ приближающагося вечера, подъ ужасающій грохотъ, вой и визгъ снарядовъ. Вотъ одинъ изъ снарядовъ ударилъ въ стѣну костела. Онъ застоналъ, затрещалъ и закачался какъ живой. Снарядъ пробилъ его старую каменную стѣну и разорвался тамъ, гдѣ десятки лѣтъ молились и находили душевный миръ и отраду вѣрующіе люди.

И второй и третій снаряды все били и били его, вырывая, какъ клочья тѣла, огромные камни.

Одинъ за другимъ снаряды летѣли также въ колокольню, и она жалобно звонила своими безпомощными колоколами, а потомъ вдругъ рухнула съ тяжелымъ и продолжительнымъ грохотомъ, и пламя пожара, зажженнаго снарядами въ деревнѣ, освѣщало эту дикую и варварскую картину разрушенія.

Сердце надрывалось отъ тоски при видѣ этой катастрофы. Однако, летчикъ пріѣхалъ сюда не затѣмъ, чтобы подъ огнемъ снарядовъ оплакивать разрушеніе мирнаго села и его храма.

Онъ съ механикомъ поспѣшно сталъ разбивать аэропланъ, такъ какъ о починкѣ здѣсь нечего было и думать. А взять и увезти на автомобилѣ также было невозможно: фарманъ, съ его громадными крыльями, никакъ не могъ пройти по шоссе, обсаженному старыми деревьями, обставленному телеграфными столбами.

Съ аппарата сняли, прежде всего, моторъ, затѣмъ гондолу. Весь бензинъ вытекъ. Все это погрузили на автомобиль.

Жалко было оставить обобранный аппаратъ на произволъ судьбы.

— Вѣдь я леталъ на немъ не мало! — сказалъ Ш—ій. — Съ аппаратомъ сживаешься, привыкаешь къ нему, какъ всадникъ къ лошади. Наконецъ, мы столько вынесли съ нимъ вмѣстѣ опасностей, что явилось какое-то суевѣрное довѣріе къ нему. Ни разу онъ не выдалъ меня, какъ вѣрный другъ, и самъ, весь израненный, все же слушался меня, какъ сказочная, чуткая, прирученная птица. Я чувствовалъ себя почти виноватымъ, покидая его. Но я утѣшалъ себя тѣмъ, что мы прогонимъ нѣмцевъ, и тогда я вернусь и захвачу его. И только поэтому я не рѣшился сжечь его.

V.

Осмотрѣвъ по пути гондолу, Ш—ій увидѣлъ, что роковая пуля попала въ самую середину сидѣнья. Она должна была бы пронизать его насквозь, но въ ящикѣ лежалъ французскій ключъ; пуля, ударившись въ него, срекошетировала въ спинку сидѣнья, немного деформировалась, сплющилась и, пробивъ большую дыру въ бакѣ, осталась тамъ.

Въ маленькомъ бачкѣ и резервуарѣ съ масломъ тоже были пули. Всего аппаратъ получилъ не менѣе двадцати пяти ранъ.

Аппаратъ какъ бы жертвовалъ собою, защищая своего господина, и Ш—му стало еще больше жаль его. «Завтра же вернусь и возьму!» — рѣшилъ онъ.

Но когда на слѣдующій день онъ вернулся въ Р., чтобы взять аппаратъ во что бы то ни стало, — на мѣстѣ его онъ нашелъ лишь одинъ безобразный каркасъ. Аппаратъ сгорѣлъ.

ВОЗДУШНАЯ РАЗВѢДКА.

I.

Значеніе авіаціи на войнѣ, какъ новой силы, еще не вполнѣ учитывается и цѣнится не только публикой, но и многими консервативными военными.

Между тѣмъ, авіація сумѣла въ эту войну оказать неоцѣнимыя услуги арміи. Въ частности популярный генералъ Р. Д., по его собственному признанію, одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ своихъ въ Галиціи въ значительной мѣрѣ обязанъ умѣлой, вѣрной и отважной развѣдкѣ летчиковъ, которые принесли ему важныя свѣдѣнія о направленіи движенія непріятельской арміи, о ея численности, обозахъ и проч. и получили за это георгіевскіе кресты.

Вообще же говоря, воздушная развѣдка можетъ дать очень много.

Одинъ аппаратъ съ летчикомъ-наблюдателемъ въ состояніи пролетѣть 150—200 верстъ, залетѣть на двадцать-тридцать верстъ въ тылъ противника, а иногда и болѣе, и видѣть все, что тамъ дѣлается: движеніе по дорогѣ, скопленіе обозовъ въ городахъ, мѣстечкахъ, на площадяхъ и дорогахъ...

Если благопріятствуетъ погода, летчикъ можетъ одинъ совершить безъ жертвъ столько же, сколько и кавалерія, которая должна итти кровавымъ путемъ, пробиваясь внутрь, чтобы опредѣлить количество войскъ.

Лазутчикъ или агентъ тоже могутъ принести необходимыя свѣдѣнія, но при этомъ всегда возникаетъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ, за деньги рискующій своей жизнью, заслуживать безусловнаго довѣрія? А, можетъ быть, онъ служитъ и нашимъ и вашимъ? Деньги — магнитъ очень сильный и, какъ магнитъ, онѣ могутъ тянуть не только съ правой, но и съ лѣвой стороны.

Такихъ случаевъ служенія и нашимъ и вашимъ на войнѣ сколько угодно. Достаточно вспомнить прошлую кампанію. Китайскіе «ходя» служили завѣдомо-часто и намъ и японцамъ. Это всѣ знали, и вопросъ сводился лишь къ тому, кто больше сумѣетъ извлечь изъ нихъ пользы.

Можно ли довѣрять агентамъ?

Я не беру тѣхъ случаевъ, когда агентъ завѣдомо лжетъ, вводитъ въ заблужденіе, чтобы оказать услугу непріятелю, въ интересахъ котораго онъ идетъ на обманъ, чтобы сбить съ толку противника.

Такіе агенты посылаются, какъ выражаются военные, пачками, когда во время серьезныхъ операцій надо ввести въ заблужденіе развѣдывательный отдѣлъ противника.

Возьмемъ другую возможность.

Агентъ чтобы заработать свои деньги, хочетъ дать цѣнныя свѣдѣнія, но добыча такихъ свѣдѣній всегда сопряжена съ рискомъ потерять жизнь. Требовать большой храбрости или доблести отъ человѣка за деньги — трудно.

Но агентъ хочетъ служить, хочетъ доставить важныя свѣдѣнія, зарекомендовать себя передъ начальствомъ. Сплошь и рядомъ онъ передаетъ такія свѣдѣнія, не лично добывая ихъ, а заимствуя изъ слуховъ, изъ разсказовъ очевидцевъ, которые явились оттуда.

Это могутъ быть и вздорные слухи, могутъ быть и добросовѣстныя ошибки въ номерахъ полковъ. Такихъ случаевъ тоже было сколько угодно.

Наконецъ, возьмемъ самаго добросовѣстнаго агента, притомъ храбраго, любящаго свое дѣло и преданнаго ему. Пусть онъ проникъ, какъ и аэропланъ, въ непріятельскую глубину на тридцать, скажемъ, верстъ. Пусть онъ принесетъ самыя точныя свѣдѣнія. Все же онъ увидитъ значительно меньше, чѣмъ съ аэроплана, такъ какъ онъ не увидитъ города, занятаго войсками, съ птичьяго полета. А главное, все, что онъ увидитъ, пройдя передъ тѣмъ нерѣдко районъ въ 100—150 верстъ, — относится къ разному времени, къ нѣсколькимъ днямъ.

Аэроплану нужны для той же цѣли 1—2 часа.

И свѣдѣнія, которыя принесетъ, такимъ образомъ, агентъ, будутъ относиться къ тому, что было два-три дня тому назадъ, если даже считать, что онъ будетъ передвигаться со скоростью 30—40 верстъ въ день.

Иногда такія свѣдѣнія становятся совершенно безсмысленными, если войска непріятельскія передвигаются. Пѣхота вчера была тамъ, а нынче она, можетъ быть, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. О кавалеріи же и говорить нечего.

Летчикъ пролетѣлъ въ нѣсколько часовъ опредѣленный районъ, спустился, доложилъ обо всемъ, что видѣлъ, штабу и—баста.

II.

Вотъ характерный въ этомъ отношеніи случай.

Два нашихъ агента, безусловно служащихъ и преданныхъ намъ, донесли, что ниже Плоцка по Вислѣ верстъ двѣнадцать непріятелемъ возведены два моста и по нимъ производится непріятелемъ переправа съ лѣваго берега на правый; что во Влоцлавскѣ большое скопленіе противника.

Дабы опредѣлить количество непріятельскаго войска, а также—направленіе, по которому это войско слѣдуетъ, было приказано отправиться аэроплану.

День былъ довольно ненастный.

Тучи на западѣ. Вѣтеръ съ востока.

Полетѣлъ отбитый у нѣмцевъ великолѣпный Альбатросъ.

Вѣтеръ съ востока гналъ на западъ тяжелыя сѣрыя тучи.

Сперва тучи были на высотѣ не болѣе тысячи метровъ, но чѣмъ дальше летѣли, тѣмъ онѣ поднимались выше, громоздясь наподобіе горы, уходящей вершиной въ синюю небесную глубину.

Предполагалось долетѣть до г. Торна надъ тучами, въ расчетѣ, что тучи разсѣются, или образуется окошечко, въ которое можно будетъ увидѣть городъ и бросить на непріятельскія колонны и обозы одну пудовую и двухпудовую тротиловыя бомбы въ отвѣтъ за тѣ бомбы, что были брошены нѣмцами передъ тѣмъ.

Но и на высотѣ двухъ тысячъ метровъ тучи оставались непроницаемо-густы, такъ что приходилось пробираться сквозь ихъ сѣрую ненавистную массу. Недавно отличный нѣмецкій летчикъ упалъ къ намъ во время такой погоды.

Эта сѣрая масса путала движенія аэроплана, точно живая, и пыталась сбить летчиковъ. Тутъ и съ компасомъ легко заблудиться, такъ какъ вѣтеръ всегда сноситъ аэропланъ, и даже мудрено провѣ-

рить, горизонтальное ли положеніе занимаетъ аэропланъ или смотритъ носомъ внизъ.

Только по звуку мотора еще можно при огромномъ опытѣ различить кое-какъ, идетъ ли аэропланъ внизъ или держится прямо. Если наклоняется внизъ, — звукъ мотора усиливается.

При этомъ инымъ помогаетъ инстинктивное чувство равновѣсія. Но, во всякомъ случаѣ, полагаться вполнѣ на то или иное трудно и опасно. Тѣмъ не менѣе, летчики продолжали свои попытки, пробираясь сквозь сѣрую влажность.

Наблюдатель зорко смотрѣлъ на карту, дѣлалъ свои расчеты по компасу и часамъ. Вотъ тутъ долженъ быть Влоцлавскъ. Но тучи идутъ до самой земли, и ничего нельзя разглядѣть внизу. Они продолжаютъ летѣть по пути къ Торну, но чѣмъ дальше летятъ, тѣмъ болѣе теряютъ надежду узнать что-нибудь о мостахъ.

Уже летчиковъ стало охватывать уныніе.

Но когда они послѣ полета въ направленіи къ Торну повернули, то увидѣли съ безконечной радостью, что тучи продвинулись за Влоцлавскъ, и городъ весь открылся съ необыкновенной отчетливостью. Влоцлавскъ — большой городъ, съ множествомъ фабрикъ. Кромѣ зданій, купола церквей, улицы, — все, какъ нарисовано жидкой тушью, и фабричныя трубы на этомъ рисункѣ темнѣютъ острыми черточками.

У Влоцлавска желѣзная дорога изъ Кутно подходитъ къ самому берегу Вислы. Виденъ дымящійся паровозъ, движущійся по тонкимъ ниточкамъ — рельсамъ. Но скопленія подвижного состава, неизбѣжнаго, если сюда везутъ, а тамъ переправляютъ, — нѣтъ и слѣда.

Нѣтъ и обозовъ около города или на площадяхъ. Не видно биваковъ. О мостахъ, очевидно, не было и помина: никакихъ слѣдовъ.

Повернули назадъ, чтобы сдѣлать соотвѣтствующій докладъ.

Но не долго сопровождало ихъ ясное небо и солнце.

Опять попали въ тучи, и опять началось то же движеніе ощупью.

Но надъ Рушками, гдѣ стоялъ нѣмецкій штабъ, небо опять улыбнулось имъ и позволило пристроить обѣ захваченныя бомбы.

Обратно летѣли уже противъ вѣтра.

Тщательно разсчитывая уголъ, стали снижаться сквозь тучи, опять-таки больше полагаясь на чутье.

Сквозь туманную завѣсу выступилъ, наконецъ, лѣсъ, фольваркъ, дорога, красная церковь.

Это уже была удача. Летчики узнали мѣстность. Отсюда всего 7 верстъ отъ Блонэ. Черезъ часъ сдѣланъ былъ докладъ.

III.

По военному времени, агентамъ за ложное показаніе грозила жестокая кара. Но они принадлежали къ числу преданныхъ намъ; на нихъ можно было вполнѣ положиться, что они не служатъ нѣмцамъ.

Только чистосердечное сознаніе спасло ихъ.

Оказывается, они во Влоцлавскѣ даже и не были, а отъ крестьянъ и купцовъ, ѣхавшихъ оттуда, добыли свои свѣдѣнія, считая ихъ достовѣрными только потому, что эти свѣдѣнія, полученныя изъ двухъ источниковъ въ разные часы, случайно совпали между собою.

I.

Все, что сказано объ аэропланахъ при воздушныхъ развѣдкахъ, объ ихъ преимуществахъ передъ пѣхотой, кавалеріей, агентами и проч., все это, въ большинствѣ случаевъ, безусловно вѣрно лишь при благопріятной погодѣ.

Тогда съ аэропланами не могутъ конкурировать никакія иныя средства развѣдки.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ ближайшихъ работъ *** авіаціоннаго отряда, подъ начальствомъ инструктора С. И. Б. Погода на этотъ разъ вполнѣ благопріятствовала летчикамъ. Районъ былъ раздѣленъ на участки и въ теченіе трехъ-четырехъ дней ежедневно осматривался нашими аэропланами.

За эти дни, благодаря отчасти достоинствамъ плѣннаго нѣмецкаго 150-сильнаго Альбатроса, офицеры, летавшіе на этомъ аппаратѣ, съ точностью подводили подсчетъ непріятельскихъ силъ и указывали ихъ движеніе.

Нашему штабу было отлично извѣстно, въ какомъ городѣ стоятъ непріятельскіе обозы, въ какомъ количествѣ, куда движутся войска.

Въ погожій ясный, хотя холодный день конца февраля, облетѣвъ свой районъ, Альбатросъ опустился вмѣсто аэродрома на полянку при штабѣ нашего корпуса.

Начальникъ отряда, тоже только что вернувшійся на излюбленномъ имъ, но неприспособленномъ для наблюденій Моранѣ, встрѣтилъ летчиковъ вопросомъ:

— Ну, что видѣли новаго?

Офицеръ развѣдчикъ доложилъ:

— Изъ К—іи ушли обозы и пѣхотныя части, стоявшія въ казармахъ, что южнѣе города. Тамъ все пусто. Вчера еще они наблюдались тамъ. По дорогѣ на М—ль, на В—и нѣтъ отходящаго движенія. Напротивъ, наступаютъ незначительныя силы пѣхоты и небольшіе обозы. По дорогѣ изъ К—и во В—ъ пропавшихъ к—кихъ обозовъ тоже не видать. Въ К—а и С—а количество обозовъ не прибавилось: сюда, значитъ, они тоже не могли уйти.

— А я ихъ видѣлъ, — сказалъ Б—ко. — Они полнымъ ходомъ катятъ къ С—ъ. По имѣющимся агентурнымъ свѣдѣніямъ, нѣмцы отступаютъ и возможно, что отступаютъ на С—и.

Это были свѣдѣнія двухъ районовъ: сѣвернаго и — со стороны Б—ко — средняго. Южный районъ тоже былъ предоставленъ летчику, но безъ наблюдателя, молодому въ авіаціи, который въ своемъ районѣ ничего достойнаго вниманія не обнаружилъ.

Добытыя свѣдѣнія были доложены начальству, послѣ чего летчики отправились закусывать.

Начальникъ отряда сѣлъ рядомъ съ наблюдателемъ съ Альбатроса, гусаромъ П., много и съ пользой для дѣла летавшимъ, и сказалъ ему:

— А вѣдь тебѣ послѣ обѣда опять придется летѣть. — На Альбатросѣ нельзя. Отъ мороза текутъ радіаторы, да и летчикъ немного усталъ и промерзъ. Сыпь съ нижнимъ чиномъ Ефремовымъ.

У П. была уже отморожена одна щека.

— Отморозишь для симпатіи и другую,—пошутилъ начальникъ.

— Пусть!

Послѣ обѣда стали готовить аппаратъ Ньюпоръ. Ефремовъ, здоровый, молодой, о которомъ солдаты говорили, что онъ «очень завсегда безпокоится о своихъ усовъ», щеголь и храбрецъ, спѣшно возился съ аппаратомъ.

Третьяго дня этотъ аппаратъ съ тѣмъ же нижнимъ чиномъ и съ тѣмъ же наблюдателемъ-офицеромъ произвелъ весьма удачную развѣдку, и Ефремовъ, проведшій аэропланъ черезъ сильный обстрѣлъ, заработалъ крестъ.

Теперь онъ съ утра возился надъ своимъ аппаратомъ и къ $4^1/_2$ час. вечера аппаратъ былъ срегулированъ.

Начальникъ отряда пожелалъ офицеру-наблюдателю счастливаго пути, и аппаратъ понесся по направленію къ тому шоссе отъ К—іи на С—и, гдѣ двигались непріятельскіе колонны и обозы.

II.

Развѣдка была не изъ легкихъ. Во-первыхъ, несмотря на то, что летчики смазали лицо саломъ и закутались основательно, морозъ все же жестоко хваталъ за лицо и пронизывалъ тѣло. Кромѣ того, пропеллеръ бросалъ сильную струю ледяного вѣтра, и подчасъ отъ этого адскаго потока морознаго воздуха трудно было дышать.

При всемъ томъ развѣдка была опасна и по своей глубинѣ: то мѣсто, куда слѣдовало летѣть, вдоль шоссе, было въ 30 верстахъ за линіей противника. Непріятельскія колонны двигались по направленію къ С—амъ, слѣдовательно, дальность пути за эти пять часовъ могла увеличиться.

Пролетѣвъ надъ линіей противника, посмотрѣли на наши и на вражескіе окопы. Нѣсколько разъ пощелкивали выстрѣлы, но безъ вреда для летчиковъ и машины.

А дальше аэропланъ, мимо озеръ, лѣсовъ и деревень, полетѣлъ по направленію къ важному для развѣдки шоссе.

Противника тутъ не замѣчалось. Обстрѣливать аэропланъ было некому, и летчики чувствовали себя въ томъ возбужденно радостномъ настроеніи, которое всегда сопутствуетъ благополучному полету.

Офицеръ-наблюдатель посматривалъ на карту, опредѣлялъ мѣста, вычислялъ по часамъ, картѣ и компасу быстроту движенія. Вѣтеръ былъ попутный, и аппаратъ мчался съ сказочной быстротой.

Вотъ и шоссе, вотъ и то мѣсто, К—ія—С—ки, гдѣ были обозы. Обозовъ нѣтъ. Значитъ, продвинулись дальше.

Пролетѣли еще десять верстъ.

— Ага, вотъ гдѣ обозы двигаются!.. Нѣтъ, не двигаются. Новое дѣло. Они стоятъ.

Отъ шоссе К—ія—С—ки здѣсь идетъ болѣе тонкое отвѣтвленіе на Л., вчера занятую нами. Противникъ былъ выбитъ оттуда.

И вотъ часть обозовъ остановилась у этого моста, своротила съ дороги и расположилась на ночлегъ.

Произвести подсчетъ съ аэроплана во время стоянки обозовъ — нелегкое дѣло. Нужна большая опытность. Во время движенія обозовъ — несравненно легче: когда повозки движутся, ихъ возможно сосчитать.

На мѣстѣ отвѣтвленія шоссе видны дома. По картѣ — деревня Слободка. Тамъ что-то копошится, кромѣ обозовъ. Несомнѣнно пѣхота.

Летчики уже за Слободкой верстахъ въ 7 и ясно различаютъ, что пѣхота движется правильными прямоугольниками на Л—ю. Аэропланъ беретъ наискось и снова держитъ направленіе на шоссе изъ К—іи въ С—ки. Тоже видать: пѣхота движется по направленію на Слободку.

Еще кругъ надъ Слободкой: опять по шоссе на Л—ю и къ мѣсту, гдѣ обозначаются прямоугольнички.

Прошло четверть часа, когда летчики увидѣли ихъ въ первый разъ. Безусловно они продвинулись по направленію къ Л—ю. Вотъ домики, мимо которыхъ они уже прошли, и вотъ лѣсная опушка, которой они уже достигли.

Замѣтивъ аэропланъ, нѣмцы остановились: повидимому, не хотятъ обнаружить своего движенія и открываютъ пальбу по аппарату.

Наблюдатель стукнулъ по плечу летчика и указалъ по направленію на лѣсъ. Дальше такъ кружиться опасно, да и безполезно.

Въ нѣсколько минутъ аппаратъ очутился внѣ выстрѣловъ. Теперь можно летѣть домой.

III.

Повернули назадъ.

Какъ быстро идетъ время!

Вѣтеръ встрѣчный. Солнце уже низко: багровое на синемъ.

Летѣть далеко. Не хорошо, если застанетъ ночь. Но ни одной минуты не было потеряно напрасно: свѣдѣнія добыты цѣнныя и точныя. Дай Богъ только донести ихъ до мѣста.

Холодъ къ закату сталъ невыносимъ.

Ефремовъ постоянно вздрагиваетъ и дергаетъ своими могучими плечами.

Слушаетъ наблюдатель, въ порядкѣ ли моторъ. Повидимому—да.

Кричитъ на ухо летчику:

— Что съ тобой?

— Замерзъ крѣпко.

Аппаратъ медленно борется съ вѣтромъ.

Наблюдатель наваливается на летчика, чтобы и его согрѣть и самому погрѣться, хотя и такъ приходится сидѣть близко. На 70-сильномъ Ньюпорѣ мало мѣста.

Вынулъ руки изъ перчатокъ, засунулъ ихъ къ себѣ на грудь.

Холодно! Но руки чуть-чуть отходятъ.

Взялъ планшетку съ картой, посмотрѣлъ на Слободку, на линію противника, прикинулъ разстояніе: Слободка верстахъ въ 70 въ тылу противника.

Посмотрѣлъ внизъ: аэропланъ летитъ противъ вѣтра такъ слабо, что порой кажется, — стоитъ на мѣстѣ.

Аппаратъ противъ вѣтра легко идетъ кверху. Видимо, летчикъ и этимъ пользуется временами. Тогда движеніе замѣтнѣе.

Временами ставитъ аппаратъ книзу и тогда развиваетъ еще большую быстроту.

IV.

Сѣло солнце. Земля стала окутываться туманомъ.

Видны озера, въ которыя опираются наши и противника позиціи.

Но еще летѣть хорошій кусокъ. Да и спуститься надо непремѣнно на аэродромѣ. Только въ крайнемъ случаѣ — гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, конечно, у своихъ. Но очень непріятно. Становится темнѣе, и земля различается смутно, какъ тѣнь.

Неровностей не различишь и, если не удастся долетѣть до знакомаго мѣста, не трудно «угробить» аппаратъ, да и себѣ заработать что-нибудь незавидное.

Но, перейдя линію противника, аппаратъ пошелъ значительно быстрѣе. Повидимому, какъ это часто бываетъ послѣ заката солнца, вѣтеръ немного стихъ.

Вотъ летчикъ поставилъ аппаратъ на сниженіе и, теряя сотню за сотней метровъ, носомъ внизъ, аппаратъ быстро идетъ впередъ.

Мѣсто спуска, — четыреугольникъ и лѣсъ съ трехъ сторонъ, — знакомо хорошо. Въ двухъ пунктахъ горятъ огни, зажженные по приказанію заботливаго начальника отряда.

Аэропланъ почти дома, и во-время, такъ какъ хотя еще не ночь, но обозначается серпъ мѣсяца и выступаютъ звѣзды.

Вотъ аппаратъ совсѣмъ приблизился къ землѣ, коснулся колесами и покатился... Завернулся немного, но не зацѣпилъ, подскочилъ, пролетѣлъ еще метровъ пятнадцать: опять черкнулъ крыломъ.

Летчики вылѣзли, окоченѣлые, изъ аппарата.

Къ нимъ спѣшатъ фигуры людей.

Впереди — самый маленькій: это начальникъ отряда Б—ко.

Въ толпѣ самый длинный — товарищъ летчика съ Альбатроса.

— Я тебя буду ругать! — говоритъ начальникъ. — Ты насъ заставилъ волноваться. Холодъ. Стемнѣло. Мы тутъ всѣ сидимъ на аэродромѣ, ждемъ. Гдѣ же ты запропалъ? Я уже высчитывалъ возможность вѣроятій, число шансовъ за то, что ты остался у нѣмцевъ и за то, что, перелетѣвъ въ наше расположеніе, клюкнулся гдѣ-нибудь, попортилъ аппаратъ, а, можетъ быть, и свою фигуру и физіономію. Ну, радъ... радъ...

Затѣмъ начальникъ отряда подходитъ къ Ефремову. Говоритъ что-то и сейчасъ же оборачивается, кричитъ:

— Тащите скорѣй Ефремова на кухню! Натрите ему снѣгомъ лицо и носъ! Дать ему горячаго! Онъ слова выговорить не можетъ. Совсѣмъ окоченѣлъ!

Можетъ быть, потому, что летчикъ сидѣлъ впереди, онъ, дѣйствительно, пострадалъ больше наблюдателя. Кромѣ того, въ аппаратѣ впереди были сдѣланы дырки для наблюдателя, и въ нихъ низалъ вѣтеръ.

— Ну, а что же ты видѣлъ и почему опоздалъ? — снова обратился Б—ко къ П—му. — До какихъ поръ дошли ихъ обозы?

Наблюдатель вкратцѣ сообщилъ, что видѣлъ.

— Вотъ оно что! Тогда скорѣй идемъ въ комнату, обогрѣйся немного, соберись съ мыслями и — къ начальнику штаба, хотя, предупреждаю тебя, что, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, противникъ отходитъ, и то, что ты видѣлъ, — новость.

V.

Свѣдѣнія были доложены начальнику штаба.

Надъ Слободкой аппаратъ былъ между 5—6 часами вечера.

Ночь и слѣдующее утро противникъ двигался и развернулся съ охватомъ нашихъ позицій и города съ сѣверной и южной стороны.

Но генералъ, выслушавшій П—го въ присутствіи начальника отряда, всегда присутствовавшаго при докладахъ своихъ подчиненныхъ и ручавшагося за достовѣрность свѣдѣній такого опытнаго наблюдателя, какъ П—ій, — уже принялъ свои мѣры.

Съ сѣверной стороны противнику удалось продвинуться въ тылъ нашихъ позицій и города. Въ 11 час. мы принуждены были очистить Л—ю, но штыковымъ ударомъ резервныхъ частей пробили себѣ путь къ отступленію, и спокойно, своевременно отошли къ своимъ частямъ, спѣшившимъ на подкрѣпленіе, за 10—12 верстъ.

Такимъ образомъ, за 23 часа до наступленія противника, въ то время, какъ ожидалось отступленіе его, воздушная развѣдка предупредила событіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

„Московское Книгоиздательство"

Москва, 1-я Мѣщанская, д. 5, кв. 20. Телефонъ 18-48.

1

„ЗЕМЛЯ"

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря. **Шоломъ Ашъ.**—Грѣхъ. **Иванъ Бунинъ.**—Тѣнь птицы. **А. Купринъ.**—Суламиѳь. **А. Сераѳимовичъ.**—Дочь. **А. Ѳедоровъ.**—Петля и др.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ. **Иванъ Бунинъ.**—«Небо и Земля», мистерія Байрона. **Борисъ Зайцевъ.**—Спокойствіе. **Н. Крашенинниковъ.**—Меблированныя комнаты. **Н. Олигеръ.**—Бѣлые лепестки. **А. Ѳедоровъ.**—Король Мустанговъ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ. В. Башкинъ.—Липы шумѣли. **А. Купринъ.**—Яма. **Н. Олигеръ.**—Осенняя пѣсня. **Ѳедоръ Сологубъ.**—Старый домъ.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. (Освобожденъ отъ ареста). **М. Арцыбашевъ.**—У послѣдней черты, ром., ч. I. **Шоломъ Ашъ.**—Земля. **Евгеній Чириковъ.**—Домъ Кочергиныхъ.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ. (Наложенъ арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати). **В. Винниченко.**—Честность съ собой. **Евгеній Чириковъ.**—Лѣсныя тайны.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ. С. Юшкевичъ.—«Miserere». **И. Сацъ.**—Музыка къ драмѣ «Miserere». **А Кипенъ.**—Мга. **Н. Крашенинниковъ.**—Жизнь Игнатія Ильича. **А. Купринъ.**—Гранатовый браслетъ.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ. М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты. (Продолженіе). **Д. Айзманъ.**—Послѣ бури. **Евгеній Чириковъ.**—Шакалы.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ.—У послѣдней черты. (Окончаніе). **Ѳедоръ Сологубъ.**—Звѣриный бытъ. **Евгеній Чириковъ.**—Утро жизни. **Саша Черный.**—Первое знакомство.

СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Сильнѣе смерти. **В. Винниченко.**—На вѣсахъ жизни.

СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ. — Деревянный чурбанъ. — **Семенъ Юшкевичъ.**—Вышли изъ круга. **Ѳедоръ Сологубъ.**—Дымъ и пепелъ, ч. I.

СБОРНИКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Профессоръ Сторицынъ. **М. Арцыбашевъ.**—О ревности. **Ѳедоръ Сологубъ.**—Дымъ и пепелъ. (Оконч.).

СБОРНИКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Мститель. **Н. Крашенинниковъ.**—Дѣвственность.

СБОРНИКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Ревность (драма). **Семенъ Юшкевичъ.**—Леонъ Дрей.

СБОРНИКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ. Разсказъ объ одной пощечинѣ. **В. Винниченко.**—Завѣты отцовъ. **Евгеній Чириковъ.**—Гиблое мѣсто. **А. Ѳедоровъ.**—Арабъ.

СБОРНИКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ. (Освобожденный отъ ареста). **М. Арцыбашевъ.**—Война. **Н. Крашенинниковъ.**—Плачъ Рахили. **А. Купринъ.**—Яма (часть 2-я).

СБОРНИКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. А. Купринъ.—Яма (окончаніе). **Н. Крашенинниковъ.**—Амеля.

СБОРНИКЪ СЕМНАДЦАТЫЙ (печатается). **М. Арцыбашевъ.**—Женщина, стоящая посреди. **Евгеній Чириковъ.**—Волжскія сказки. **Иванъ Рукавишниковъ.**—Убійство.

Подготовляется къ печати сборникъ восемнадцатый.

Обложки работы И. Я. Билибина.

Цѣна сборниковъ I-IV, VI-XVII по 1 р. 50 к. за каждый сборникъ.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ. Купріянъ. Подпрапорщикъ Гололобовъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужасъ.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣе смерти. Деревянный чурбанъ. Мститель. О ревности. Преступленіе доктора Лурье. Разсказъ объ одной пощечинѣ. Романъ маленькой женщины. Злодѣй. Пропасть. Счастье. Записки писателя. О смерти Чехова. Смерть Башкина. О Толстомъ. Отъ малаго ничтожнымъ. По поводу одного преступленія. Частное письмо. Учителя жизни. Эпидемія самоубійствъ. Кольцо Пушкина. Проповѣдь и жизнь. Самоубійство.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Человѣческая волна. Милліоны.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ. Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Старая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаѳейскіе. Смѣхъ. Изъ дневника одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты. Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты. Романъ, ч. II.

Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

В. ВИННИЧЕНКО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Голытьба. Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты. Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акимова зданія.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца. Тайна. Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ.

Томъ V. НА ВѢСАХЪ ЖИЗНИ. (Романъ).

Томъ VI. РАЗСКАЗЫ. Радость. Олафъ Стефенсонъ. Терепь. Обрученіе. Побѣдитель. Цѣпи.

Томъ VII. БОЖКИ. Романъ ч. I.

Томъ VIII. БОЖКИ. Романъ ч. II.

Цѣна каждаго тома въ обложкѣ работы худ. М. И. Соломонова 1 р. 25 к.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

МЕЧТЫ о ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Віолончель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. «Чижиково горе». Тишайшій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелика. Жизнь Игнатія Ильича. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (5-е изд.).

СКАЗКА ЛЮБВИ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к. (изд. 3-е).

ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. (4-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.

НЕВОЗВРАТНОЕ. Изъ вешняго времени. Восемь лѣтъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТѢНИ ЛЮБВИ. Разсказы. (изд. 2-е). Ц. 1 р. 25 к.

На складѣ:

УГАСАЮЩАЯ БАШКИРІЯ. Вмѣсто предисловія. О происхожденіи башкирскаго народа. Лѣсной сторожъ. Послѣ зимы. Хазретъ Хайбулла. Башкирскія сказки. Житье-бытье. Ахметъ Усманычъ. Ночь на пасѣкѣ. Свадьба Сафея. Волтерьянцъ. Гордость Магометова. Ц. 1 р.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). **РАННІЕ ВСХОДЫ.** Ранніе всходы. Единица. Грѣшникъ. Предатель. Обостренныя отношенія. Бродячій мальчикъ. Лошадка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дуняшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРІѢХАЛИ. Студенты пріѣхали. Gaudeamus igitur. Въ лѣсу. Калигула. На стоянкѣ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одуванчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ. Въ лощинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ ямъ. Танино счастье. Именинница. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Миронычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЪ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злоба дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартальнаго надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтители. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженикахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные и др. разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миніатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. I-я. **ЮНОСТЬ.** Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. II-я. **ИЗГНАНІЕ.** Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. Жизнь Тарханова. Романъ Ч. III-я. **ВОЗВРАЩЕНІЕ.** Ц. 1 р. 50 к.

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

ЭХО ВОЙНЫ. Здѣсь. Война. Ихъ тайна. Добровольцы. Безъ крыльевъ. Дядя-Алеша. Герой. Чудо. Иванъ въ раю. Сестра. Тамъ. Въ передовомъ отрядѣ. Свиданіе. Ночь въ обозѣ. Подъ огнемъ. Ц. 1 р.

Обложки работы **М. И. Соломонова.**

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. **Отъ автора.** II. **На порогѣ** I—II. Римъ,—итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣнская дипломатія и dr. Мандль.—Славянская молодежь изъ австрійскихъ земель.—III. **Скорбь Черной горы** I—II. Страна, которой некуда итти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари и Спицца.—Цетинье.—I. **Сербское горе** I—IX. Аннексія.—Прошлое Австріи въ Босніи и Герцоговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда «погибла Сербія».—Георгій Карагеоргіевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. **Македонія и младотурки** I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни. Эзопова линія. Междудумье. Змій. Джигитъ. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгеній Пассекъ 1. Евгеній Пассекъ 2. Не тотъ Толстой. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунѣ. 2. Фердинандъ подъ Константинополемъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ обшимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» выпускаетъ три сборника **Александра Амфитеатрова**, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

«Въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка», говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, «русское общество рванулось было къ сатирѣ: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія страны отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во-время. Но порывъ оказался безплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было смято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, пріобрѣтенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безобиднаго юмора. Послѣдній, въ роли поставщика забавностей на хохотъ мичмана Пѣтухова и Иванушки-дурачка, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любитъ и полиція одобряетъ, такъ что ласковому теляти остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься мыслью къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, по истинѣ, «строило разрушеніемъ». Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную ферулу, и страхъ статъ жертвою сатиры перевоспитывалъ самыя дикія и упрямыя стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую «новь» въ культуру и гражданственность».

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Отъ составителя. «Поморная муза». Вмѣсто предисловія. Девизы «Поморной музы». II. В. С. Курочкинъ. Ш. Г. Н. Жулевъ («Скорбный поэтъ»). IV. Н. С. Курочкинъ. V. В. И. Богдановъ («Власъ Точечкинъ»). VI. Н. I. Кроль. VII. Козьма Прутковъ въ «Искрѣ». Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ (печатается).

I. П. И. Вейнбергъ. П. В. П. Буренинъ. Ш. Амосъ Шишкинъ. IV. Владиміръ Тихановичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія «Искры». VII. Приложеніе: Друзья и союзники «поморныхъ»: И. И. Панаевъ, Н. А. Добролюбовъ, П. В. Шумахеръ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ (печатается).

I. Д. Д. Минаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лакида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложеніе: друзья, гости и союзники «Искры»: Губеръ, Бенедиктовъ, Бернетъ, Грековъ, Полонскій, Гербель, Алмазовъ, Мей.

АЛ. БУДИЩЕВЪ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокамболь. Одуванчикъ. Пикаръ. Пари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Тата. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жирафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Любовь—преступленіе. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣсница. Родька. Боязнь ужасовъ. Сонный зѣвъ. Искушеніе Саверія. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЫЯ. Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Хуторокъ. Урокъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерай. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКІЙ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Оргіи. Она. Лучшій другъ.

БѢДНЫЙ ПАЖЪ. Бѣдный пажъ. На палубѣ. Евтишкино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безуміе ли. Вешніе зовы. Распря. Уголекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ. Братья. Дуракъ. Жертва полемики. Благодаткое небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни. Ц. 1 р. 25 к.

ХАТА СЪ КРАЮ. Х та съ краю. Пріятель. Хамъ. Городъ. Дорогой рубинъ. Малиновка. На страшной доскѣ. Въ непріятной компаніи. Домикъ въ лѣсу. Катастрофа. Подъ вой Ріона. Лгунья. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагинъ. Фальшивая монета. Капканщики. Бѣлая акація. Дочь клоуна. Ц. 1 р. 25 к.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ. Лунный свѣтъ. Пять хлѣбовъ. Сонъ послѣ боя. Лили Казанцева. Одинъ на одинъ. Могло быть. Богатство. Страшная рукопись. Девятая пятница. До востребованія. Какъ поступить дѣвушкѣ. Мутнымъ вечеромъ. Каюта № 6. Филинъ. Ц. 1 р. 25 к.

ВЗДОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Экспро. Злоумышленники. Добился своего. Волчья елка. Странная исторія. Было на разумѣ. Родинка. Винтъ съ выходящимъ. Переутомился. Ничего такого. Самозванецъ. Лучшая. Охота на слона. Новѣйшія изобрѣтенія. Полѣно. Горькая правда. Ученый пудель. Шесть выстрѣловъ. На паровозѣ. Разсказъ несчастливца. Страшилище. Месть. Святая душа. Наслѣдственность. Птица-Пима. Такой случай. Кавалеръ Кардильякъ. Вешній вечеръ. Сродство душъ. Трусъ. Голубые чулки. Все къ лучшему. Ц. 1 р. 25 к.

Печатаются:

ЛѢСНЫЕ БРАТЬЯ (разсказы). Ц. 1 р. 25 к.
КРИКЪ ВО ТЬМѢ (разсказы). Ц. 1 р. 25 к.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

АРКАДЬЕВКА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
БЛИЗКОЕ и ДАЛЕКОЕ. Эврика. Я, ты, онъ. Ненависть. Романъ въ Крыму. Анна. Пасторальный триптихъ. Карма. Бѣлый слонъ. Тиранъ. Когда пали стѣны храма. Ц. 1 р. 25 к.
ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.
Ч. 1-я. Семья желѣзнаго старика. Ц. 75 к.
Ч. 2-я. Макаровичи. Ц. 1 р. 50 к.
Ч. 3-я. На путяхъ смерти. Ц. 1 р.
СТИХОТВОРЕНІЯ. Ц. 1 р. 25 к.
ТРАГИЧЕСКІЯ СКАЗКИ. Мельница. Монахъ. Царица Перепетуя. Часовщикъ. Ц. 1 р. 25 к.
СТО ЛЕПЕСТКОВЪ ЦВѢТКА ЛЮБВИ (печатается).

ЗИНАИДА ГИППІУСЪ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
РОМАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. КИПЕНЪ.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Метеорологическая станція. Шпіонъ. Вицъ. Запасный лафетъ. Бирючій островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива. Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

АННА МАРЪ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Пріѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.
ИДУЩІЕ МИМО. Идущіе мимо. Богъ. Лампады незажженныя. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИМІРЪ ЛЕНСКІЙ.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ аиста. Невѣста. Такъ бываетъ. Мать. Ц. 1 р. 25 к.
БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.
ЛЮБОВЬ—МЕЧТА. Танникъ. Любовь—мечта. Душа человѣческая. Страшное. Искушеніе. Обреченные. Воры. Агнія. Ц. 1 р. 25 к.
ЗОРИ НОЧНЫЯ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Марево. Ц. 1 р. 25 к.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

УЛИЦА. Повѣсть. Ц. 75 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. КРАЧКОВСКІЙ.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. Ц. 1 р. 25 к.

М. ПРИШВИНЪ.

ЗАВОРОШКА. Манифестъ 17-го октября въ деревнѣ. Какъ я укрѣплялъ тещу Никифора. Польна и Аграмачъ. Какъ быть съ мужиками. Дубовый долъ. Дружная весна. Тютенькинъ логъ. На свѣтлой землѣ. Адамъ и Ева. Первые земледѣльцы. У Чортова озера. Соловки. Спасъ-чекрякъ. О братцахъ. Не отъ міра сего. Голгофское христіанство. Отклики на смерть Толстого. Сборная улица и др. Ц. 1 р. 25 к.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. Ц. 1 р. 25 к.

ОПУСТОШЕННЫЯ ДУШИ. Опустошенныя души. Мать. На свободѣ. Рыжаковскій пустырь. На полѣ жизни. Жизнью пользуйся живущій. Мой дядя. Кладбищенскіе люди. Кто первый запѣлъ колыбельную пѣсню? Ц. 1 р. 25 к.

КОРАБЛЬ МЕРТВЫХЪ. Корабль мертвыхъ. Бѣлый голубокъ. Вѣчная могила. Трагическая пустота. Въ лунную ночь. Вѣрный часовой. На бѣлой лошади. Добрая бабушка. Серебряныя тѣни. На пограничномъ посту. За двоихъ. Старая война. Поѣздъ мертвецовъ. Кончилась фимилія Вершининыхъ. Корабль рождественскаго дѣда. Ц. 1 р. 25 к.

Готовится къ печати:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ

А. ВОЛЫНСКАГО.

Томъ I. Леонардо-да-Винчи. Эпоха Возрожденія. Рафаэль Санціо и Микель Анджело. Легенда о Леонардо-да-Винчи. Интермеццо. Демоническое искусство. Апокрифы. Новые матеріалы: «Джіоконда». Мадонна Леонардо-да-Винчи въ Россіи. Рафаэль Санціо и Леонардо-да-Винчи. «Звѣриное безуміе» (война). «Кедры Ливана» (пророки на плафонѣ «Сикстинской Капеллы»). Гимнъ солнцу («пророки»). Эженъ Мюнтцъ о Леонардо-да-Винчи. Статья итальянскаго историка Верга о работахъ Волынскаго для института Леонардо-да-Винчи. Умственный геній Леонардо-да-Винчи. Общая исторія Манускриптовъ. Изданіе Французскаго Института. Трактатъ о птицахъ. Анатомія. Хрестоматическое изданіе Рихтера. Трактатъ о живописи. Атлантическій Кодексъ. Кодексъ Тривульціо. Источники и матеріалы. Анонимное обвиненіе противъ Леонардо-да-Винчи. Хронологическій указатель. Каталогъ.

Томъ II. Ѳ. М. Достоевскій. Преступленіе и наказаніе. (Раскольниковъ). Красота (вводная статья къ разбору «Идіота»). Подробный анализъ «Идіота»: «Настасья Филипповна», «князь Мышкинъ», «Рогожинъ». «Царство Карамазовыхъ», «Инфернальная женщина», «Женщина Великаго Гнѣва». «Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ», «Митя Карамазовъ», «Иванъ Карамазовъ», «Алеша». Монахи. «Книга Великаго Гнѣва». Разборъ «Бѣсовъ»: Ставрогинъ, Шатовъ. Кирилловъ, Верховенскій-отецъ. Новая волна.

Томъ III. Н. С. Лѣсковъ. «Петербургскіе пожары». «Навѣты». Мелкіе разсказы. Романы. Иконописецъ русской литературы.

Томы IV—VI. Русскіе критики. Бѣлинскій. Добролюбовъ. Писаревъ. Чернышевскій. Аполлонъ Григорьевъ. Страховъ. Майковъ. Михайловскій. Идейныя бури 60-хъ годовъ. Современныя теченія въ критикѣ.

Томъ VII. Статьи по философіи. Спиноза. Кантъ. Шопенгауеръ. Вундтъ. Карлейль. Ницше. Л. Н. Толстой. Критическія замѣтки о современныхъ русскихъ философахъ. Буддизмъ и христіанство.

Томъ VIII. Борьба за идеализмъ. Что такое идеализмъ. Литературная лѣтопись. Западно-европейскіе и русскіе авторы. Полемика. Статьи на темы общественнаго характера.

Томъ IX. Современная русская литература. Лекціи и статьи.

Томъ X. Театръ. Эстетика театра. Сатрый и новый репертуаръ. Вѣра Федоровна Коммисаржевская.

Томъ XI. Балетъ.

Томъ XII. Автобіографическія замѣтки. Архивъ писателя. Характеристики. Война. Переводы.

Р. КИПЛИНГЪ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ подъ ред. И. Бунина.

Книга первая. Возвращеніе Имрэя.—Могила предка.—Мостостроители.—На голодѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло рядового.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пиратъ съ маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревность орангутанга.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—«Любовь женщинъ».—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Книга третья. Исторія Мугаммедъ Дина.—Дверь Ста Печалей.—Въ домѣ Судгу.—Сансъ миссъ Югхэль.—Покинутый всѣми.—Квиквернъ.—Королевскій анкъ.—Откуда пошелъ страхъ.—Нашествіе Джунглей.—Рыжія собаки.—Весна идетъ.—Могильщики.—Тумаи Слоновый.—Бѣлый тюлень.—Чудо Пурунъ Багата.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Рикки-тикки-тави. Истинное происшествіе. Его Величество король. Казнь Гатимъ Таи. Слоненокъ. Крабъ, который игралъ съ моремъ. Мотылекъ, который топнулъ ногой. Кошка, которая гуляла сама по себѣ. Бѣгство бѣлыхъ гусаръ. Барабанщики. Великая перепись. Сурджунъ. Погоня за чудомъ. Привидѣніе. Дѣти Зодіака. Ложный разсвѣтъ. Гармъ-заложникъ. Новобрачная. Братья Моугли. Каа охотится. Тигръ-Тигръ.

Обложки работы И. Я. Билибина. Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к.**

Рерьярдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждаго новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано **присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.**

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается исключительно только тою сказочною для европейца стороной природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти только и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни, онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью—съ другой, изобразилъ онъ и типы соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Подготовляется къ печати книга пятая.

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

ВАМПИРЪ. Авторизованный переводъ Е. Загорскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ВИКТОРЪ ТИССО.

ПРУССКАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦІЯ. Переводъ съ французскаго подъ ред. Г. А. Рачинскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» имѣетъ въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

Все изданіе составитъ 15 том., въ которые войдутъ слѣд. сочиненія:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—«Введеніе въ науку о дитяти». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра разсматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторые цѣнные положительные совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторіи педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Б. Пэре. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ наше понятіе «нравственный», и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О Ши. Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто «знаніямъ», авторъ стремится показать, что бóльшее значеніе имѣетъ для дѣтей собственное «дѣланіе». Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ опредѣленной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберлэнъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ). Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Подобно Болдуину, и Чемберлэнъ разсматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. (Въ двухъ томахъ). Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, разсматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждаго изъ нихъ.

С. Холлъ. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к.

С. Холлъ—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящей работѣ авторъ разсматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, разсматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. (Въ двухъ томахъ). Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ слагается въ ребенкѣ «соціальное существо», благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на ряду съ научной цѣнностью пріобрѣтаетъ также большое практическое значеніе.

Печатается:

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Печатается:

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознавая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ спеціально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинаетъ формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холлъ настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

Принимается подписка.

Подписная цѣна на 15 томовъ—**22 р. 50 к.** Въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ—**31 р. 60 к.**

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ **1 р. 60 к.** и при полученіи каждаго тома по **2 р.**; безъ переплетовъ—задатокъ **1 р. 50 к.** и при полученіи каждаго тома—по **1 р. 40 к.** Доставка и пересылка за счетъ издательства.

РИХАРДЪ АВЕНАРІУСЪ.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ **И. Маркова.** Ц. **60 к.**

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВУНДТЪ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. **Д. Викторова.** Ц. **2 р. 50 к.**

БЕННО ЭРДМАННЪ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ О ДУШѢ И ТѢЛѢ.

Переводъ **Н. Н. Вокачъ** и прив.-доц. Моск. унив. **И. Ильина.** Ц. **1 р**

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ФРИДРИХА НИЦШЕ

при сотрудничествѣ: Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейликмана, Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина и др.

Томъ I-й. Рожденіе трагедіи и др. Пояснительныя статьи: проф. Ѳ. Зѣлинскаго, Е. Фёрстера-Ницше. Ц. 3 р. 50 к.

Томъ II-й. Несвоевременныя размышленія. Мы филологи. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Э. Метнера, С. Франка. Ц. 3 р.

Томъ III-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. Отдѣльныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи. Указатель афоризмовъ. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, С. Франка. Ц. 3 р.

Томъ IX-й. Воля къ власти. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. Ц. 3 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Томъ IV-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. II. Статьи о Рихардѣ Вагнерѣ. Томъ V-й. Утренняя заря. Взглядъ на прошлое и будущее народовъ. ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: Такъ говорилъ Заратустра, въ пер. Вячеслава Иванова, и др. томы.

Печатается:

РЕНЭ ДЕКАРТЪ.

ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА УМА.

Переводъ съ латинскаго М. С. Марковой подъ редакціей прив.-доц. Имп. Моск. Унив. Д. В. Викторова.

Р. ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Переводъ и редакція прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова.

Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Ц. 3 руб. 75 коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской философской литературы. Отсутствіе хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемыя идеи труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ онѣ могутъ быть охарактеризованы въ изложеніи; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность учесть и указать читателю такіе оттѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ...

«Русск. Вѣд.» 17-го ноября 1909 г.

У. Ф. БАРРЕТЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.

Перев. съ англ. подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова. Ц. 1 р. 25 к.

1 р. 50 к.

